В. НОВОДВОРСКІЙ.

БОРЬБА ЗА ЛИВОНІЮ

МЕЖДУ МОСКВОЮ И РѢЧЬЮ ПОСПОЛИТОЮ

(1570—1582).

V. 87.

ИСТОРИКО-КРИТИЧЕСКОЕ ИЗСЛѢДОВАНІЕ.

№ 99155

Bibliotheca universitatis Jurievensis

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43)
1904.

БОРЬБА ЗА ЛИВОНІЮ

МЕЖДУ МОСКВОЮ И РѢЧЬЮ ПОСПОЛИТОЮ

(1570—1582).

В. НОВОДВОРСКІЙ.

БОРЬБА ЗА ЛИВОНІЮ

МЕЖДУ МОСКВОЮ И РѢЧЬЮ ПОСПОЛИТОЮ

(1570—1582).

ИСТОРИКО-КРИТИЧЕСКОЕ ИЗСЛѢДОВАНІЕ.

№ 99155

Bibliotheca universitatis Jurievensis

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43)
1904.

Печатается по опредѣленію Историко-филологическаго факультета Императорскаго С.-Петербургскаго Университета. 30-го декабря 1903 года.

Деканъ *С. Платоновъ*.

Zt.

1473

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

Предисловіе.

I. Перемирія 1

II. Ливонскій походъ Іоанна (1577) 42

III. Приготовленія къ войнѣ 64

IV. Полоцкъ 83

V. Великія Луки 120

VI. Псковъ 199

VII. Запольскій ямъ 267

Приложенія.

Царствованіе Стефана Баторія весьма плохо изслѣдовано, какъ это прекрасно выяснилъ проф. В. Закржевскій въ своемъ сочиненіи «Stefan Batory, przegląd historji jego panowania i program dalszych nod nią badań». Это обстоятельство, между прочимъ, побудило меня заняться изученіемъ этой эпохи, и такимъ образомъ явилось нынѣшнее изслѣдованіе.

Говорить здѣсь о значеніи борьбы изъ-за Ливоніи въ судьбахъ Восточной Европы считаю дѣломъ излишнимъ, ибо пришлось бы повторять то, что всѣмъ уже извѣстно. Но позволю себѣ сказать нѣсколько словъ о характерѣ своей работы. Въ наукѣ допустима одна только точка зрѣнія—научная, т.-е. точка зрѣнія истины; однако, къ сожалѣнію, въ области соціальныхъ наукъ подняться на такую высоту весьма трудно. Тѣмъ не менѣе приблизиться къ идеалу объективизма возможно путемъ монографическихъ, детальныхъ изслѣдованій, ставящихъ себѣ цѣлью критическую провѣрку историческаго матеріала. Къ такимъ изслѣдованіямъ принадлежитъ и мое сочиненіе или, по крайней мѣрѣ, я желалъ придать ему такой характеръ. Въ сочиненіи моемъ существуютъ, конечно, многіе, притомъ большіе недостатки и недочеты; я могу утверждать только одно съ

чистою совѣстью, что старался отыскать истину, но насколько къ ней приблизился, не мнѣ, понятно, судить объ этомъ. Меня утѣшаетъ мысль, что если мое изслѣдованіе имѣетъ какое-нибудь научное значеніе, оно пригодится въ какомъ-нибудь отношеніи для другихъ изслѣдователей, которые поведутъ дѣло далѣе, шире и глубже и создадутъ нѣчто совершенное.

Въ заключеніе позволю себѣ принести искреннюю и глубокую благодарность тѣмъ учрежденіямъ и лицамъ, которыя оказывали мнѣ помощь и содѣйствіе въ моихъ разысканіяхъ.

I.

Перемирія.

Война Іоанна IV съ Речью Посполитою изъ-за Ливоніи была прервана при Сигизмундѣ-Августѣ трехлѣтнимъ перемиріемъ, срокъ которому истекалъ къ концу іюня 1573 года [1]). Но интересы обоихъ государствъ были столь противоположны и отношенія между ними до такой степени натянуты, что война могла возобновиться во всякое время, еще до истеченія срока перемирію. Прекратилась собственно—да и то не вполнѣ—только борьба на поляхъ сраженій, но борьба политическая и дипломатическая продолжалась съ прежнею силою. Заключая перемирный договоръ съ Речью Посполитою, Іоаннъ въ то же время приводилъ въ исполненіе проектъ ливонскаго королевства, объявляя королемъ Ливоніи герцога Магнуса на условіяхъ вассальной зависимости [2]). Послы Сигизмунда-Августа, заключившіе съ Іоанномъ перемиріе, донесли по своемъ возвращеніи объ этомъ королю и вызвали въ немъ немалую тревогу, такъ какъ эта политическая комбинація направлена была противъ интересовъ Речи Посполитой [3]). Съ своей стороны, Сигизмундъ-Августъ прилагалъ всѣ усилія къ тому, чтобы уничтожить уже въ самомъ зародышѣ московскій флотъ на Балтійскомъ морѣ, что тогда называлось нарвскою навигаціею, усматривая въ ней большую опасность не только для Речи Посполитой, но и для всей Западной Европы [4]).

Въ 1569 году онъ нанялъ къ себѣ на службу каперовъ, которые должны были задерживать иностранные корабли, везшіе въ

---

[1]) Перемирныя грамоты Іоанна и Сигизмунда-Августа отъ 1570 г. у кн. *М. Щербатова* (Ист. Рос., т. V, ч. IV-ая, № 16, стр. 92—123), въ Книгѣ посольской метрики Великаго княжества Литовскаго, ч. I, №№ 191 и 192 и въ Сборн. Имп. Рус. Ист. Общ., т. LXXI, стр. 724—734.

[2]) *В. Г. Форстенъ*, Балтійскій вопросъ, т. I, 532—540.

[3]) Akta podkanclerskie Franciszka Krasińskiego. Bibljoteka Ordynacji Krasińskich Rok 1870, № CXXIX.

[4]) Bibl. Ord. Kras. Rok. 1871, стр. 60.

предѣлы московскаго государства какіе бы то ни было товары [1]). На это король датскій, сблизившійся съ Іоанномъ Грознымъ, и его братъ Магнусъ отвѣтили заведеніемъ тоже каперскихъ судовъ, которые не мало вреда причиняли торговымъ интересамъ Речи Посполитой, задерживая корабли, шедшія въ польскія гавани. Такимъ образомъ на морѣ война собственно какъ бы и не прекращалась [2]).

Самое заключеніе перемирнаго договора сопровождалось обстоятельствами, которыя могли повлечь за собою нарушеніе перемирія, а слѣдовательно и возобновленіе войны. Посольство Сигизмунда-Августа, ѣхавшее въ Москву, отъ самой границы московскаго государства подвергалось оскорбленіямъ со стороны московскихъ приставовъ и ихъ слугъ и само платило имъ тѣмъ же. Прибывъ въ Москву, оно не застало тамъ Іоанна: онъ не возвратился еще изъ своего путешествія въ Новгородъ, гдѣ онъ произвелъ такую ужасную кровавую расправу. По возвращеніи царя въ столицу послы были приняты сначала довольно радушно, но когда прибылъ въ Москву герцогъ Магнусъ, отношенія Іоанна къ польско-литовскому посольству измѣнились. Оно стало подвергаться различнаго рода оскорбленіямъ, къ чему, впрочемъ, и само подавало иногда поводъ, нанося обиды Москвитянамъ. Царь приказывалъ бить посольскую свиту батогами и издѣвался надъ польскими обычаями [3]). Когда одинъ изъ пословъ, литовскій писарь Андрей Ивановичъ Харитоновичъ-Убринскій [4]), отказался дерзко принять царскіе подарки, считая ихъ не соотвѣтствующими сво-

[1]) *Г. В. Форстенъ*, Акты и письма къ исторіи Балтійскаго вопроса въ XVI и XVI ст. (Записки Историко-филологическаго факультета С.-Петербурскаго университета, т. XXI, стр. 128, № 54).

[2]) Bibl. Ord Kras. Rok. 1870, стр. 167, 201, № CLVIII.

[3]) Объ этихъ происшествіяхъ мы почерпаемъ свѣдѣнія изъ двухъ источниковъ: литовскаго и московскаго. Подробности, сообщаемыя тѣмъ и другимъ, согласуются между собою, расходясь только въ томъ, что литовскій источникъ умалчиваетъ объ оскорбленіяхъ, которымъ подвергались Москвитяне, а московскій представляетъ обиды, которыя наносились посольству, какъ наказаніе царя за дерзкое поведеніе пословъ. См. Despekty i obelżywości, które się działy nam posłom I. K. Mości etc. (*A. Przezdziecki*, Jagiellonki polskie V. 116—172 по польски и по латыни у *Aug. Theiner*, Vetera monumenta Poloniae et Lithuaniae gentiumque finitimarum illustrantia II. 752—737) и Сборн. Рус. Имп. Общ. LXXI. 713—715, 723.

[4]) *L. Górnicki*, Dzieje w Koronie polskej (Dzieła wszystkie Warszawa 1886. t. III. 236).

ему званію, Іоаннъ отправилъ на посольскій дворъ отрядъ вооруженныхъ людей, которые на глазахъ пословъ разрубили двухъ коней, подаренныхъ царю послами; начальникъ же отряда, Булатъ Арцыбушевъ, бранилъ пословъ поносными словами, топталъ ногами подарки, поднесенные посольствомъ, а литовскому писарю вырвалъ половину бороды [1]).

---

[1]) Приключеніе съ литовскимъ писаремъ Іоаннъ приказалъ посламъ, которыхъ онъ отправилъ въ Польшу для ратификаціи перемирнаго договора, такъ объяснить: ...и Ондрей учалъ соболи на землю метати и въ тѣ поры прилучился царскаго величества приказный человѣкъ Булатъ Дмитреевичъ Арцыбушевъ и онъ съ Андрея снялъ юпу для соболей, чтобы соболемъ въ грязи убытка не было и хватилъ невѣжливо и за то царское величество на Булата словесную опалу великую наложилъ (Сборн. Рус. Имп. Общ. LXXI. 786). Аббатъ Циръ, состоявшій при дворѣ Сигизмунда-Августа посланникомъ, со словъ одного изъ литовскихъ пословъ изображаетъ въ письмѣ къ императору Максиміліану II сцену еще болѣе сильную. Послы являются во дворецъ. Разгнѣванный царь, окруженный опричниками, начинаетъ грозно кричать на пословъ. Опричники готовы броситься на нихъ, чтобъ ихъ перебить. Жизнь пословъ находится въ опасности. Тогда передъ разгнѣваннымъ Іоанномъ бросается на землю митрополитъ (Кириллъ) и молитъ даровать жизнь посламъ. Царь смягчился и послы были спасены. Вотъ слова Цира: „Quod ab initio quidem postquam, licet principe peregre in Novogardia absente, eo venissent, satis humaniter et benigne habiti fuissent, sed cum principe postea domum reverso supervenisset dux Magnus, ille regis Daniae frater... statim animum ipsius immutatum in deterius fuisse. Etsi enim inducias etiam longiores (nam ab initio decennales postulaverat) cuperet, multa tum abalienatae voluntatis manifesta dedisse indicia, ita quod nisi illum coegisset necessitas, procul dubio nullis aequis conditionibus hasce inducias fuisset concessurus. Imo ad extremum in tantum contra ipsos (cum quidam scriba Lythuanicus oblata ut recompensa, ut ibi fieri solet, munera superbe et contumeliose repulisset) exarsisse indignationem, quod ipsos quasi ad ultimam induciarum conclusionem venientes furioso clamore exciperet et suos in illorum necem satellites irritaret. Ubi procul dubio de ipsorum vita actum fuisset, nisi prostratus ante ipsum humi metropolita, cuius maxima apud illum authoritas, aestuantem ira animum precibus suis mitigasset. Postea dictum scribam et primarum legatum lithuanicum Nicolaum Talvosz, ex quo plura de his audiam, est enim bene mihi notus, insigni affecit contumelia huius equo quem ipsi dono dederat (solutis prius pro eo 100 rublis) ante oculos ipsius una cum alio quodam... occiso, illius vero barba dimidia evulsa et insolenti donorum repudio variis contumeliis graviter vindicato. Ceterum esse principem ardentis ingenii, callidum et rei militaris peritissum... Inducias has illum tot bellis exhaustum, et his mensibus a Tartaris, qui ultra Occam in Provinciam suam usque ad XVIII duntaxat milliaria ab ipsa Moscovia

*

У купцовъ, Грековъ и Армянъ, прибывшихъ съ посольствомъ въ Москву, были отобраны въ казну, по приказанію царя, товары, при чемъ купцы не получили никакого вознагражденія. Мало того, когда посольство выѣхало изъ предѣловъ московскаго государства, Іоаннъ приказалъ выгнать ихъ за границу «въ однѣхъ рубашкахъ, безъ шапокъ и босыми» [1]). Затѣмъ онъ произвелъ избіеніе польскихъ и литовскихъ плѣнныхъ, которые были заключены въ московскихъ темницахъ [2]).

---

penetrassent, insigni clade et praeda, in qua ultra 100000 hominum omni aetate atque sexus fuissent, affectum et debilitatum non tam sua voluntate, cum sit bellicosissimus, quam necessitate complecto. Rupturus forsan illas quando ipsi oportunum videbitur. (Вѣнскій Госуд. Арх.).

[1]) Despekty i obelżywości etc., op. cit. V. 171. Фактъ ограбленія Армянъ и Грековъ подтверждается самимъ Іоанномъ: ...и мы о тѣхъ о всѣхъ статьяхъ справливались съ казначеи и съ дьяки царскаго величества и они намъ сказывали, что тѣ кони и товары иманы въ пенѣ царскаго величества у арменьи и у грековъ и въ прежнихъ обычаяхъ того не было, чтобъ съ литовскими послы арменья и греки приходили (Сборн. Рус. Имп. Общ. LXXI. 757—758).

[2]) См. *Alexandri Guagnini Veronensis* Omnium Regionum Moscoviae Descriptio (*A. Starczewski*, Historiae ruthenicae scriptores exteri I. 41—43). Этотъ писатель изображаетъ ужасныя сцены. По его счету, было перебито до 160 человѣкъ; нѣкоторыхъ царь собственноручно умерщвлялъ. Мы знаемъ, что сочиненіе Гваньини считается памфлетомъ, но такой общій приговоръ, по нашему мнѣнію, не можетъ мѣшать намъ пользоваться—съ должною, конечно, осторожностью—этимъ сочиненіемъ, какъ историческимъ источникомъ: вѣдь и памфлетистъ можетъ сообщить много вѣрнаго, чтобы придать своему памфлету характеръ правдивости. Къ сожалѣнію, критическаго разбора сочиненія Гваньини мы не нашли. Чиполля (*Carlo Cipolla,* Un Italiano nella Polonia e nella Svezia tra il XVI e il XVII secolo въ Miscellanea di storia italiana t. XXVI p. 585) принимаетъ сообщенія Гваньини о жестокостяхъ Іоанна на вѣру. Но извѣстіе объ избіеніи литовскихъ и польскихъ плѣнныхъ подтверждается авторомъ разсказа „Despekty i obelżywości“ (l. c. V. 171—172). О пребываніи польско-литовскаго посольства въ Москвѣ мы имѣемъ еще сообщеніе флорентинскаго купца Тедальди, прожившаго въ московскомъ государствѣ долгое время (см. *Pierling*, Un nonce du pape en Moscovie. Paris 1884, p. 173—174). По его словамъ, Іоаннъ не обращался такъ дурно съ послами, какъ объ этомъ ходили слухи; послы сами своими насмѣшками надъ Москвитянами и своимъ поведеніемъ раздражали Іоанна; особенно сильно разсердилъ его еретическій проповѣдникъ (Рокита), котораго они привезли съ собою. Въ разсказѣ Тедальди замѣчается желаніе представить Іоанна лучше, чѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ: Пирлингъ (Papes et tsars, p. 208) называетъ Тедальди апологетомъ царя. Что оскорбленія посольства были сильны, доказываетъ тотъ фактъ, что Стефанъ Баторій

Оскорбленія пословъ вызвали въ Польшѣ сильное негодованіе. Жалуясь на свои обиды передъ королемъ, они увѣщевали его нарушить перемиріе, подавая ему надежду на благополучный исходъ войны, такъ какъ силы «варвара» истощены постоянными войнами, голодомъ и моровою язвою, а подданные сильно ненавидятъ его за его ужасную жестокость [1]).

Общественное мнѣніе требовало тоже сначала весьма настоятельно, чтобы король объявилъ Іоанну войну [2]). Но Сигизмундъ-Августъ не могъ послѣдовать этимъ совѣтамъ, ибо положеніе Речи Посполитой вслѣдствіе продолжительной войны также было тяжело. Однако, онъ не преминулъ воспользоваться настроеніемъ общественнымъ, чтобы подготовить умы къ необходимости новыхъ жертвъ на веденіе борьбы съ врагомъ [3]).

Далѣе, перемирный договоръ не установилъ вполнѣ мирныхъ отношеній между Речью Посполитою и московскимъ государствомъ: вооруженная борьба продолжалась въ витебской и полоцкой областяхъ, тамъ, гдѣ находились спорныя земли; кромѣ того, Магнусъ, получивъ вооруженную помощь отъ Іоанна, вторгнулся

припоминалъ впослѣдствіи Іоанну эти оскорбленія, считалъ ихъ оскорбленіями самого короля и приводилъ ихъ, какъ одинъ изъ поводовъ, вслѣдствіе которыхъ онъ объявляетъ царю войну, см. Acta Stephani Regis (Acta historica res gestas Poloniae illustrantia t. XI № CXIV, стр. 167).

[1]) Сообщеніе аббата Ципра (Вѣн. госуд. арх.) императору Максиміліану (письмо отъ 28 августа 1570 г.). Послы сильно жаловались передъ королемъ на свои обиды и возбуждали его къ войнѣ. Et quantum conjicio, res eo spectat, ut relatione iniuriarum ubi legati moscovitici huc in Poloniam venerint, rescindantur induciae, praesertim cum barbarum, continuis bellis exhaustum, earum nimis cupidum et apud suos ob summam crudelitatem odiosissimum esse, illic quasi in re praesenti, certo cognoverint.

[2]) Сообщеніе Ципра 28. XI. 1570 (Вѣн. Госуд. Арх.). Изъ Москвы возвратился Шлихтингъ, бывшій въ плѣну семь лѣтъ; онъ разсказываетъ ужасы о жестокостяхъ царя и подтверждаетъ сообщенія пословъ. Ita ardent vindictae cupiditate Poloni, quod omnibus rationibus bellum serenissimo regi contra exhaustum fame, peste, externis et domesticis caedibus barbarum persuadere satagunt...

[3]) Въ инструкціи королевскимъ посламъ на сеймики, предшествовавшіе сейму 1572 г., говорится, между прочимъ, слѣд.: „z Moskiewskim ma Jego Królewska Mość do krótkiego czasu tylko, już półtoru lat, przez posły swoje wzięte przymierze, którzy posłowie jako w Moskwie od niego czczeni i traktowani byli, jakowych się despektów, zelżywości i utrapienia nacierpieli, rozumie temu Jego Królewska Mość, iż to wszystkim W. Mości jest wiadomo dobrze, см. Akta podkanclerskie Franciszka Krasińskiego (Bibl. Ord. Kras. Rok 1871, стр. 450—451).

въ предѣлы польско-литовской Линоніи и произвелъ опустошеніе въ окрестностяхъ Пернова и Руина [1]).

Наконецъ, Іоаннъ не совсѣмъ точно соблюдалъ условія перемирнаго договора: по этимъ условіямъ замокъ Таурусъ (Taurus), разрушенный войсками Сигизмунда-Августа, не слѣдовало возобновлять, между тѣмъ Іоаннъ приказалъ его отстроить и поставилъ въ немъ гарнизонъ. Сигизмундъ-Августъ считалъ это обстоятельство нарушеніемъ договора и указывалъ на него, какъ на поводъ, вслѣдствіе котораго война можетъ возобновиться еще до истеченія срока перемирія. Это обстоятельство обсуждалось на сеймѣ 1572 г. Дѣйствительно, построеніе этого замка и постановка въ немъ гарнизона представляли немалую опасность для Литвы, такъ какъ крѣпость находилась недалеко отъ литовской столицы—города Вильны [2]).

Однимъ словомъ, отношенія между обоими государствами были весьма неустойчивы; на миръ была очень слабая надежда. Ратифицируя условія перемирнаго договора въ 1571 году, польскій король подумывалъ уже о войнѣ и старался подыскать средства на веденіе ея [3]). Однако, перемиріе не было нарушено по слѣдующимъ причинамъ. Сигизмундъ-Августъ въ послѣдніе годы своего царствованія былъ тяжко боленъ и вопросъ о томъ, кому достанется корона Речи Посполитой, сильно интересовалъ сосѣднихъ государей. Къ нимъ принадлежалъ и Іоаннъ Грозный. Въ 1569 году гонцу Ѳедору Мясоѣдову, отправляемому въ Польшу, былъ данъ такой наказъ: «провѣдать ему того, которымъ обычаемъ то слово въ Литвѣ и Польшѣ въ людяхъ носится, что хо-

---

[1]) *Н. Н. Бантышъ-Каменскій*, Переписка между Россіею и Польшею по 1700 годъ. Чтенія въ Общ. Ист. и Древн. Рос., 1860. IV (книга четвертая), стр. 135—136.

[2]) См. Instrukcja sejmu Warszawskiego 1571 r. Bibl. Ord. Kras. Rok 1871 № CCCXC, стр. 452 и *Тургеневъ* I. № CLIX.

[3]) Ратификація происходила 8-го мая 1571 г. (см. *Н. Н. Бантышъ-Каменскій*, op. cit. стр. 135), а уже на слѣдующій день Сигизмундъ-Августъ писалъ германскому императору слѣд.: Ex iis, quae ad nos diebus istis nuncii Moscovitarum attulerunt, inteligimus, pacem inter nos, primum non diuturnam, deinde etiam suspectam et dubiam fore. Quo fit, ut durantibus brevibus istis et infidis induciis, bellum non solum meditari, sed jam etiam quodammodo apparare necesse habeamus. Bibl. Ord. Kras. Rok 1871, стр. 24. № XVIII. Сигизмундъ-Августъ велъ переговоры также со Швеціею о войнѣ противъ Россіи. *K. Hildebrand*, Johan III och Europas katolska makter, 160.

тятъ взяти на великое княжество и на Польшу царевича Ивана и почему то слово въ люди пущено, обманкою ли, или въ правду того хотятъ и всѣ ли люди того хотятъ, и почему то слово дѣломъ не объявится, а въ людяхъ носится» [1]). Въ 1570 году польско-литовскіе послы, пріѣхавшіе въ Москву для заключенія перемирія, заявили царю, что такъ какъ у ихъ короля нѣтъ дѣтей, то «рады Короны Польской и Великаго Княжества Литовскаго желаютъ избрать себѣ государя отъ славянскаго рода и склоняются къ тебѣ, великому государю и твоему потомству». Іоаннъ отнесся къ этому заявленію недовѣрчиво, что и вполнѣ понятно, такъ какъ онъ могъ думать, что это заявленіе ни болѣе, ни менѣе, какъ только дипломатическая уловка, сдѣланная съ тою цѣлью, чтобы склонить его къ большой уступчивости, чѣмъ въ дѣйствительности она и была [2]). Тѣмъ не менѣе, Іоаннъ сильно заинтересовался этимъ заявленіемъ, какъ и вообще извѣстіями, приходившими изъ Речи Посполитой, о томъ, что тамъ хотятъ имѣть государемъ его или его сына.

Отправляя въ 1571 году для ратификаціи перемирнаго договора пословъ, князей Канбарова и Мещерскаго, въ Польшу, Іоаннъ не только приказывалъ имъ развѣдать, каково настроеніе страны по вопросу объ избраніи преемника Сигизмунду-Августу, но вмѣстѣ съ тѣмъ и очистить или оправдать его, Іоанна, въ глазахъ польско-литовскаго общества, которое могло относиться къ нему враждебно за казни, имъ совершенныя [3]). Послы присылали царю «пріятныя донесенія». Между прочимъ, они писали

---

[1]) *А. Малиновскій*, Историческія доказательства о давнемъ желаніи польскаго народа присоединиться къ Россіи. Общ. Ист. и Древн. Рос. Москва, 1833. VI, стр. 12.

[2]) Въ искренность посольскаго заявленія нельзя вѣрить уже хотя бы потому, что послы были враждебно настроены къ Іоанну за тѣ обиды, которымъ они подвергались въ Москвѣ. Кромѣ того, неискренность этого заявленія явствуетъ изъ самихъ словъ пословъ. Послѣ заявленія о томъ, что польско-литовскій сенатъ склоняется къ Іоанну и его потомству слѣдуютъ слова: „и ты бъ, великій государю, опатрилъ по тому письму нашему, что есмя дали списокъ рубежомъ полоцкому повѣту и пншимъ замкомъ рубежа, велѣлъ своимъ бояромъ по тому перемирное постановеніе дѣлати". Что Іоаннъ понялъ уловку пословъ, показываютъ его слова: ...А коли ужь вамъ хотѣніе къ прихильности и вамъ пригоже насъ не раздражати, а дѣлати такъ, на чемъ есмя велѣлъ... (см. Сборн. Имп. Рус. Ист. Общ., т. LXXI, стр. 677).

[3]) *Соловьевъ*, Исторія Россіи (изд. 1894), кн. II. 204.

слѣдующее. «Говорятъ въ Варшавѣ: нехай не вдолзе Польша и Литва съ Москвою посполъ будетъ, король старъ и хворъ и бездѣтенъ, а опричь московскаго иного государя не искати» [1]). Московское посольство имѣло тайное порученіе устроить бракъ Іоаннова сына съ сестрою короля Софіею [2]).

Когда въ 1572 году разнеслось извѣстіе, что король впалъ въ тяжкую болѣзнь, Іоаннъ послалъ въ Польшу гонца Василія Малыгина разузнать, достовѣрно-ли это извѣстіе; гонецъ вскорѣ донесъ, что Сигизмундъ-Августъ скончался (7-го іюля 1572 года) [3]).

Наступившее безкоролевье вызвало большую тревогу въ польскомъ и литовскомъ обществѣ относительно дальнѣйшихъ судебъ Речи Посполитой и безопасности ея отъ внѣшнихъ враговъ. Положеніе было дѣйствительно критическое. Въ Литвѣ и Пруссіи господствовало столь сильное недовольство условіями люблинской уніи, что эти страны, казалось, готовы были расторгнуть узы, соединившія ихъ съ Польшею. Внутри происходила ожесточенная соціальная и религіозная борьба, борьба между шляхтою и аристократіею, между католиками и протестантами. Къ тому же, со смертью короля не стало руководителя государственной обороны. Речь Посполитая распадется, казалось, на свои составныя части, которыя сдѣлаются добычею ея враговъ. Но шляхетское общество подумало о средствахъ спасенія той федераціи, которую оно само создало, при чемъ проявило замѣчательную энергію. Въ различныхъ частяхъ Речи Посполитой были составлены конфедераціи съ цѣлью самозащиты отъ внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ.

Литвѣ угрожала наибольшая опасность со стороны Іоанна Грознаго. Въ виду этого, руководители ея поспѣшили войти въ дипломатическія сношенія съ московскимъ царемъ, чтобы отвратить эту опасность отъ своей страны. Съѣздъ литовскихъ вельможъ, въ которомъ принималъ участіе и польскій подканцлеръ

---

[1]) *А. Малиновскій*, стр. 14—15, *Соловьевъ* II. 204, Сборн. Имп. Рус. Ист. Общ., т. LXXI, стр. 803.

[2]) Аббатъ Циръ (Вѣн. Госуд. Арх.) сообщаетъ императору Максимиліану, что московское посольство имѣетъ весьма важныя полномочія. Quae qualia sint, nondum sciri posse certo, conjecturam tum esse, quod de matrimonio cum sorore regia nomine filii principis Moscoviae contrahendo aliquid afferant. Quod ego rebus nostris incommodissimum fore existimo, cum multi ex Lituanis et Minoribus Polonis, in semptentrionem ac orientem potius quam meridiem nostrum intentos habeant oculos et animos.

[3]) *Н. Н. Бантышъ-Каменскій*, l. c. стр. 137.

Францискъ Красинскій, краковскій епископъ, какъ представитель Польши, отправилъ къ Іоанну отъ имени Речи Посполитой гонца Ѳедора Зенковича Воропая, чтобы извѣстить царя о кончинѣ короля и просить о сохраненіи существующаго перемирія. Чтобы удержать Іоанна отъ враждебныхъ дѣйствій противъ Литвы, съѣздъ рѣшилъ прибѣгнуть къ слѣдующей стратегемѣ. Гонцу было наказано заявить царю, что выборъ его на престолъ Речи Посполитой возможенъ, и что, если это случится, тогда всѣ спорные вопросы, изъ-за которыхъ между государствами происходитъ столь ожесточенная война, сами собою и мирно разрѣшатся.

Іоаннъ разсчитывалъ на такое предложеніе; тѣмъ не менѣе онъ счелъ необходимымъ подѣйствовать на Речь Посполитую угрозами. Зная по слухамъ о смерти Сигизмунда-Августа, онъ притворился, что событіе это еще ему неизвѣстно, и отправилъ къ королю гонца съ письмами. Такой орбазъ дѣйствій Іоанна встревожилъ литовскихъ вельможъ, ибо возбудилъ въ нихъ подозрѣніе, что царь затѣваетъ что-то недоброе [1]).

Дѣйствительно, письма Іоанна наполнены были угрозами. Онъ заявлялъ, что если Речь Посполитая не пришлетъ къ нему въ октябрѣ мѣсяцѣ для заключенія мира великихъ пословъ, на проѣздъ которымъ въ свое государство онъ присылалъ съ гонцомъ опасную грамоту, въ такомъ случаѣ онъ сочтетъ такое пренебрежительное отношеніе къ себѣ за обстоятельство, указывающее, что Речь Посполитая не желаетъ соблюдать съ нимъ миръ, а потому займетъ Ливонію. Въ этихъ угрозахъ Іоанна литовскіе сенаторы увидѣли еще бо́льшую опасность для Речи Посполитой. Имъ показалось, что находится въ опасности не только Ливонія, но и Литва, такъ какъ царь готовъ при всякомъ удобномъ случаѣ броситься на все, чѣмъ только можно легко завладѣть [2]).

---

[1]) Письмо литовскихъ сенаторовъ къ польскимъ отъ 14-го сентября 1572 года: московскій гонецъ прибылъ съ письмами къ королю; невозможно допустить, чтобы великій князь не зналъ о смерти короля; поэтому тутъ кроется что-то недоброе; пусть паны коронные сообщатъ поскорѣе свое мнѣніе; когда гонецъ приблизится къ Вильнѣ, онъ будетъ задержанъ на время передъ городомъ (собраніе документовъ, относящихся къ безкоролевью 1572—1574 гг. въ львовской библіотекѣ гр. Баворовскихъ, листъ 227).

[2]) A chociaż pogróżką swą na Inflanty mierzy, ale obawiać się potrzeba, jako ten, który ad omnes occasiones intentus, gdzie się bliżej nie rzucił i caput ipsum non peteret nas samych z Litwy, z wielkim, a prawie na

Надо было предупредить опасность сколь возможно скорѣе. Гонца выслушали на сеймикѣ въ Рудникахъ и поспѣшили увѣрить царя, что великое посольство прибудетъ къ нему согласно его желанію. Гонецъ тотчасъ же поѣхалъ назадъ въ Москву. Между тѣмъ прибылъ сюда Ѳедоръ Зенковичъ Воропай; онъ разъѣхался въ дорогѣ съ московскимъ гонцомъ, когда послѣдній направлялся еще въ Литву [1]). Іоаннъ принялъ Воропая весьма ласково [2]). Стратегема польскихъ и литовскихъ вельможъ увѣнчалась полнымъ успѣхомъ. Іоаннъ повѣрилъ искренности заявленія, сдѣланнаго ему гонцомъ отъ имени литовско - польскаго сената и счелъ возможнымъ избраніе свое на польскій престолъ. «Скажи

---

oko wiadomym niebezpieczeństwem tego tu państwa. *А. И. Тургеневъ*, Акты историческіе, относящіеся къ Россіи (Historica Russiae monimenta). Спб. 1841, т. I, стр. 226.

[1]) Ходъ дипломатическихъ сношеній Рѣчи Посполитой съ Іоанномъ представляется въ историческихъ сочиненіяхъ неопредѣленно или даже сбивчиво, что объясняется отсутствіемъ даты въ документѣ, дающемъ намъ отчетъ о посольствѣ Воропая (*Тургеневъ*, I. 229—232). Карамзинъ (IX. 215—219, изд. 1852) относитъ, повидимому, аудіенцію этого гонца у Іоанна къ сентябрю 1572 г., ибо, передавъ слова царя Воропаю, продолжаетъ разсказъ слѣдующимъ образомъ: „За симъ Іоаннъ, въ глубокую осень, выѣхалъ изъ Москвы, съ обоими сыновьями, чтобы устроить войско въ Новѣгородѣ и сдержать данное королю шведскому слово“, т.-е. начать съ нимъ войну, а изъ примѣчанія 412 явствуетъ, что царь выѣхалъ изъ Москвы 21-го сентября. Соловьевъ, кн. II (изд. 1894 г.) столбецъ 239, замѣчаетъ, что „отъ пріѣзда Воропая до пріѣзда новаго посла литовскаго, Гарабурды, прошло мѣсяцевъ шесть“, т.-е. относитъ аудіенцію Воропая тоже къ сентябрю, такъ какъ Гарабурду царь принималъ въ концѣ февраля 1573 года. Трачевскій, (Польское безкоролевье, Москва 1869, стр. 252), выражается слишкомъ туманно: „Въ началѣ 1573 года Иванъ Грозный получилъ разомъ нѣсколько грамотъ изъ Польши и Литвы. Около того времени, когда онъ выслушалъ просьбу Литовцевъ, привезенную его собственнымъ гонцомъ, въ Москву прибылъ Ѳедоръ Зенковичъ Воропай“. Московскій гонецъ былъ въ Литвѣ въ концѣ сентября, Іоаннъ уѣхалъ изъ Москвы 21-го сентября въ Новгородъ и былъ тамъ еще въ началѣ 1573 года, поэтому изложеніе Трачевскаго надо признать сбивчивымъ. Между тѣмъ самъ Іоаннъ указываетъ на сентябрь, какъ на время, когда онъ принималъ Воропая (см. прибавленіе I). Трачевскій (l. c. 252) считаетъ иниціаторами посольства Воропая пановъ, присутствовавшихъ на кнышинскомъ съѣздѣ, но это невѣрно. Постановленія кнышинскія подписали одни лица (см. Bibl. Ordyn. Kras. Rok 1871. 426—427), Іоаннъ же въ своемъ письмѣ (см. то же прибавленіе) называетъ другихъ лицъ, какъ тѣхъ, которые прислали къ нему Воропая.

[2]) См. прибавленіе II.

польскимъ и литовскимъ панамъ,—говорилъ царь гонцу,—чтобы они, переговоривши и посовѣтовавшись межъ собой, присылали ко мнѣ поскорѣе пословъ. И если будетъ то Богу угодно, чтобъ я сдѣлался ихъ государемъ, тогда я обѣщаюсь передъ Богомъ прежде всего, и имъ также обѣщаю сохранить ихъ права и свободы, и если будетъ нужно, то еще и больше пріумножу и отъ чистаго сердца пожалую». Царю нравилась мысль объ избраніи его въ короли, главнымъ образомъ, потому, что тогда осуществилось бы его завѣтное стремленіе къ Балтійскому морю: тогда Ливонія, Москва, Новгородъ и Псковъ составили бы одно владѣніе. Въ такомъ видѣ представлялось уму Іоанна осуществленіе дѣлаемаго ему предложенія. Пріобрѣтеніе Ливоніи считалъ онъ столь важнымъ для себя, что готовъ былъ въ томъ случаѣ, если бы онъ не былъ избранъ королемъ Речи Посполитой, уступить ей за Ливонію Полоцкъ съ пригородами и даже часть своихъ собственныхъ московскихъ владѣній [1]). Перспектива соединить подъ своею властью столь обширныя государства, какъ московское и литовско-польское, прельщала Іоанна несомнѣнно [2]). Понимая, что слава тирана, которую онъ пріобрѣлъ за свои казни всюду, куда доносилось его имя, можетъ повредить успѣху дѣла, онъ наказывалъ тѣмъ же посламъ, о которыхъ мы выше говорили (стр. 7), заявлять, что казни—достойное наказаніе измѣнниковъ. Точно такимъ же образомъ царь оправдывался и передъ Воропаемъ. «Если кто наказанъ,—говорилъ онъ гонцу,—то наказанъ сообразно своей винѣ Скажи, развѣ у васъ измѣны не наказываютъ, развѣ измѣнникамъ прощаютъ? Я знаю, что наказываютъ»—и въ доказательство этого привелъ одинъ случай смертной казни, совершенной въ въ Вильнѣ надъ нѣкимъ Викториномъ, котораго обвинили въ намѣреніи убить короля по наущенію самого Іоанна [3]).

Іоаннъ повѣрилъ заявленіямъ Воропая, а между тѣмъ они были неискренни. Литовскіе вельможи о возведеніи Іоанна на престолъ Речи Посполитой и слышать не хотѣли. Николай-Хри-

---

[1]) См. Słowa Wielkiego księdza Moskiewskiego przy odprawie Fedora Zienkowicza Woropaja у *Тургенева*, т. I, 229—232; *Al. Przezdziecki*, Jagiellonki polskie (Mowa wielkiego księcia Moskiewskiego Iwana Wasilewicza Groźnego, spisana przez gońca polskiego Teodora Woropaja Zienkowicza) t. IV. 233—237; *Aug. Theiner*, Vetera monumenta Poloniae et Lithuaniae II. 767—770 (по латыни).

[2]) Утверждаемъ это вопреки Соловьеву, op. cit. II кн., столб. 204.

[3]) *Тургеневъ* I. 230.

стоФоръ Радзивиллъ готчасъ послѣ смерти Сигизмунда-Августа писалъ (15-го іюля) слѣдующее своему дядѣ виленскому воеводѣ: «Боже сохрани, чтобы нами командовалъ московскій колпакъ и потому, ради Бога, совѣтую вамъ во-время принять мѣры противъ московскаго посла» [1]). Столь же враждебно къ кандидатурѣ Іоанна относился и главный руководитель тогдашней Литвы Ходкевичъ [2]). Кандидатура царя была болѣе всего популярно среди польской и литовской шляхты; сочувствовало этой кандидатурѣ и православное населеніе литовскаго княжества нешляхетскаго происхожденія, но сочуствіе это было, конечно, чисто платоническое, потому что нешляхта была лишена активнаго участія въ государственныхъ дѣлахъ [3]). О московской кандидатурѣ думалъ также и духовенство, имѣвшее, конечно, прежде всего въ виду интересы церкви, распространеніе католичества. Но Ходкевичъ высказывался противъ этой кандидатуры самымъ

---

[1]) Изъ письма Н. Христофора Радзивилла къ виленскому воеводѣ: Wczoram się dowiedział per tertias personas, że biskup krakowski pisał do wojewody krakowskiego, aby nie kontradykował Domui Ausriacae, mianując, że mało nie wszyscy są affecti, a tak lepiej żeby się z drugiemi zgadzał, a Boże daj, to wżdymby ten lepszy który z dziadów i pradziadów panem, a niżli czego Boże uchowaj by nam miał albo Zawój, albo kołpak moskiewski rozkazywać! Takoż przebóg raczcie Wmć w czas moskiewskiemu zabiegać boć ten nie będzie chciał gruszki w popiele zaspać... (Изъ Кнышина отъ 15-го іюля 1572 г., рук. польск. F. IV. 185, въ Имп. Публ. Библ.). *Ѳ. М. Уманецъ*, Вырожденіе Польши. Спб., 1872, стр. 71.

Отрывокъ изъ другого письма:

By był Jego Mość pan Podczaszy do Knyszyna przyjechał, niż Pan wojewoda Lubelski odjechał; bezmała w nadzieję łaski W. X. Mości prosilibychmy byli Jego Mość Pana Podczaszego, ąby się był strony Litewskiej do Łowicza przejeździł, aby panowie Bracia widzieli, że my nie tylko abyśmy mieli unią targać, ale jeszcze ją potwierdzamy, a dawamy znać o niebezpieczeństwach, które i Polsce tak jako Litwie zaszkodzić mogą i bezmała by nie dobrze (salvo meliori judicio W. X. Mośći), abyście W. Mość kogo do Ich Mości posłali, bo bezmała oni jeszcze tej opiniej, że my bardzo byśmy w Litwie Moskwicinowi radzi (изъ Кнышина отъ 18-го іюля 1572 г.).

[2]) См. *Трачевскій*, op. cit. Примѣчанія, стр. 101.

[3]) Венеціанскій посолъ Липпомано выражается о событіяхъ безкоролевья послѣ бѣгства Генриха такимъ образомъ: „говорятъ, что народъ литовскій и русскій хотѣлъ бы видѣть его (т.-е. Іоанна) польскимъ королемъ и что онъ имѣетъ не менѣе многочисленную партію, какъ и всякій другой претендентъ на корону, особенно между крестьянами, но они мало ему помогутъ, ибо къ избирателямъ не принадлежатъ“, см. Relacje nuncjuszów apostolskich i innych osób w Polsce. Berlin—Poznań, t. I, 280.

рѣшительнымъ образомъ, такъ что мысль объ ней была оставлена духовенствомъ [1]).

Несмотря на это, литовскіе вельможи продолжали обманывать Іоанна заявленіями о своемъ желаніи подчинить Речь Посполитую власти московскихъ государей. Они отравили къ нему новаго гонца Степана Матвѣева и предлагали корону великаго княжества литовскаго не самому царю, а младшему сыну его Ѳеодору [2]), прибавляя, что будутъ совѣтовать польскимъ панамъ и склонять ихъ къ тому, чтобы и Польша также избрала себѣ королемъ царевича.

Но этимъ литовскіе вельможи не ограничились. Согласно желанію Іоанна, они отправили къ нему посла, котораго царь уже зналъ по предшествовавшимъ переговорамъ, присяжнаго писаря великаго княжества литовскаго Михаила Гарабурду, давъ ему порученіе разузнать въ точности, захочетъ ли младшій сынъ Іоанна, царевичъ Ѳеодоръ, утвердить клятвою свое обѣщаніе соблюдать права и вольности Литвы, если онъ будетъ избранъ на литовскій престолъ, ибо они желаютъ имѣть у себя царевича великимъ княземъ [3]). Вмѣстѣ съ тѣмъ они просили царя про-

---

[1]) См. письмо папскаго нунція Коммендоне отъ 12-го сентября 1572. года. *Тургеневъ* I. 224. № CLX.

[2]) См. „Грамоту московскаго царя Іоанна Васильевича литовскимъ радным панамъ въ отвѣтъ на предложеніе ихъ литовско-польскаго престола сыну его, царевичу Ѳеодору“ въ „Акты, относящіеся къ исторіи Западной Россіи“ III, 161, № 55. Матвѣевъ былъ отправленъ послѣ Вороная, что явствуетъ изъ слѣд, словъ грамоты: „что есте присылали до насъ гонца своего Стефана Матвѣева съ грамотою и въ той грамотѣ своей къ намъ писали есте: вѣдомо уже нашей милости есть, что велнкого государя Жигимонта Августа, короля и великого князя, брата нашего, а вашего государя, въ животѣ не стало...“ Можно предположить, что вопросъ объ избраніи Ѳеодора обсуждался на сеймикѣ въ Рудникахъ и что Матвѣевъ былъ посланъ къ царю съ этого именно сеймика. Въ грамотѣ говорится дальше такъ: „а вы, рада, и такожъ княжата и панята и все рыцерство...“

[3]) *W. S. hr. de Broel-Plater.* Zbiór pamiętników de dziejów polskich. Warszawa, 1838, II, 20. Грамота, данная Гарабурдѣ, имѣетъ такую помѣтку: pisan w Rudnikach roku Bożego 1572, miesięca oktobra 27 dnia. Не ошибка ли это? Сеймикъ въ Рудникахъ происходилъ въ концѣ сентября и едва ли онъ затянулся на цѣлый мѣсяцъ. Грамота, которую Гарабурда долженъ былъ представить царю, носитъ дату 27-го сентября (объ ней ниже). Дата эта, кажется, вѣрнѣе. Трудно предположить, чтобы литовскіе паны вторично собирались въ Рудники въ октябрѣ. Гарабурда представлялъ отчетъ о своемъ первомъ посольствѣ къ Іоанну на рудниц-

должитъ перемиріе [1]), что и было главною цѣлью всѣхъ этихъ дипломатическихъ переговоровъ.

Въ отправкѣ Гарабурды произошла задержка до конца 1573 года [2]), такъ какъ Литовцы, узнавъ, что Іоаннъ выступилъ въ походъ противъ Шведовъ, успокоились: опасность не была уже такъ грозна.

Гарабурду Іоаннъ принималъ въ Новгородѣ (24, 25 и 28-го Февраля и 6-го Марта) [3]). Царь отнесся къ новымъ предложеніямъ литовскихъ вельможъ недовѣрчиво, что было вполнѣ основательно. Они оправдывали задержку въ отправленіи къ царю посольства моровымъ повѣтріемъ, которое свирѣпствовало въ Литвѣ и Польшѣ и не позволило съѣхаться вмѣстѣ литовскимъ и польскимъ вельможамъ, чтобы обсудить вопросъ, кого избрать въ короли Речи Посполитой. Во-вторыхъ, они предлагали корону то самому Іоанну, то его сыну Ѳеодору. Все это могло возбуждать въ царѣ подозрѣніе, что Литва дѣйствуетъ неискренно. Однако цѣль, съ какою Гарабурда ѣздилъ къ Іоанну, была достигнута: перемиріе не было нарушено, хотя и не вполнѣ, ибо московскія войска, отправленныя противъ Шведовъ, перешли границу Ливоніи, принадлежавшей Речи Посполитой, выжгли и сильно опустошили окрестности замковъ Буртника и Руина. Это нападеніе возбудило въ Ходкевичѣ, управлявшемъ Ливоніею, сильное опасеніе, будетъ ли онъ въ состояніи дать отпоръ многочисленной арміи врага, такъ какъ у него войска немного; да къ тому же, за недостаткомъ денегъ, онъ не могъ платить своимъ воинамъ жалованья. Опасенія за судьбу Ливоніи усиливались у Ходкевича еще вслѣдствіе того, что въ странѣ обнаруживалось броженіе умовъ, враждебное польско-литовскому владычеству: по Ливоніи разъѣзжалъ какой-то аббатъ и возмущалъ ливонское дворянство и вообще населеніе страны противъ Речи Посполитой [4]).

комъ сеймикѣ въ концѣ сентября (*Тургеневъ*, I, 226) и тогда же онъ получилъ, вѣроятнѣе всего, новыя полномочія посольскія къ Іоанну.

[1]) Акты, относящіеся къ исторіи Зап. Рос., III, 162, № 56.

[2]) См. Relacja poselstwa Michała Haraburdy (*K. Sienkiewicz*, Skarbiec historji polskiej, II, 63—77): Roku 1572 Grudnia 29 dnia będąc mnie Michału Haraburdzie posłanemu и рук. Имп. Пуб. библ. лат. F IV 33.

[3]) См. также *Тургеневъ*, I, 237—242, № CLXX.

[4]) См. письмо Ходкевича отъ 9-го января 1573 г. къ польскимъ сенаторамъ въ рук. Лат. F. IV. 33 и *K. Sienkiewicz*, op. cit. II. 271—273. Письмо это переведено на нѣмецкій языкъ и помѣщено въ Mittheilungen aus dem Gebiete der Geschichte Liv-, Est- und Kurlands. Riga, 1847. IV.

Пересылки Литовцевъ съ Іоанномъ вызывали въ Польшѣ неудовольствіе и усиливали взаимное недовѣріе и вражду, которыя существовали уже и такъ вслѣдствіе того, что Литва желала возвратить себѣ тѣ земли, которыя по условіямъ люблинской уніи были присоединены къ Польшѣ [1]). Здѣсь ходили слухи, что Литовцы готовы передаться московскому царю. Вражда разъединяла и литовскую знать, притомъ до такой степени, что нѣкоторые литовскіе вельможи посылали въ Польшу доносы на другихъ, обвиняя ихъ въ тайныхъ сношеніяхъ съ иностранными государствами къ вреду Речи Посполитой, именно въ сношеніяхъ съ московскимъ царемъ [2]). Однако Литва не желала уничтожать унію, такъ какъ, очевидно, считала ее для себя весьма полезною.

Несмотря на отчужденность, проявленную ею по отношеніи къ Польшѣ въ 1572 году, литовскій съѣздъ, созванный на 20 декабря этого года и состоявшій изъ вельможъ и шляхты, рѣшилъ отправить пословъ на конвокаціонный сеймъ, который долженъ былъ опредѣлить мѣсто, время и порядокъ избранія новаго короля. Послами были подканцлеръ литовскій Евстафій Воловичъ и витебскій каштелянъ Павелъ Пацъ. Явившись въ Варшаву на сеймъ [3]), они самымъ рѣшительнымъ образомъ вооружились противъ слуховъ о какихъ-то соглашеніяхъ Литвы съ Москвою. По ихъ словамъ, переговоры съ Іоанномъ велись для того, чтобы возбудить въ немъ надежду на возможность утвердить такъ или иначе свое владычество надъ Литвою и такимъ образомъ удержать его отъ враждебныхъ дѣйствій противъ Литвы и Ливоніи. Они говорили, что Глѣбовичъ донесъ ложно на Литву по давнишней злобѣ на Ходкевича. Эти объясненія вполнѣ удовлетворили польскій сеймъ, и сенатъ, и посольскую

---

[1]) *Hejdensztejn*, Dzieje Polski. I. 26; *Тургеневъ*, I. № CLXV и CLXVIII.

[2]) Таковы доносы князя слуцкаго Юрія Олельковича и минскаго каштеляна Ивана Глѣбовича. *Heidensztejn*, I. 46. *Plater*, Zbiór pamiętników III. 21 и *Chr. Varsevicii* Rerum polonicarum libri III. *(Krzysztofa Warszewickiego* niewydane pisma zebrał i wydał. *T. Wierzbowski*, Warszawa, 1883, стр. 26—27).

[3]) Конвокаціонный сеймъ назначенъ былъ на 6-е января 1573 года. Гейденштейнъ ошибочно указываетъ въ одномъ мѣстѣ (I. 35) 6-е февраля, какъ начало сейма, но въ другомъ мѣстѣ (I. 42) онъ самъ исправляетъ эту ошибку. День открытія конвокаціоннаго сейма опредѣляется лат. рук. F. IV. 33 въ Публ. Библіот. и словами грамоты, посланной литовскимъ вельможамъ со съѣзда въ Мстибовѣ (*K. Senkiewicz*, op. cit. II. 48—49).

избу [1]). По желанію Литвы, элекція короля отложена была до весны, т.-е. до того времени, когда таютъ снѣга и разливаются рѣки, вслѣдствіе чего вторженіе въ страну особенно затруднительно для непріятеля [2]). Дѣятельность литовской дипломатіи увѣнчалась полнымъ успѣхомъ. Но ей предстояла задача еще труднѣе—склонить Іоанна къ продолженію перемирія. Царь угрожалъ, что если Речь Посполитая изберетъ въ короли французскаго принца, тогда онъ будетъ промышлять надъ Литвою [3]). А сеймъ какъ разъ началъ склоняться на сторону французской кандидатуры. Въ виду этого опасность со стороны Іоанна могла быть сильною. Однажды разнеслась даже вѣсть, сообщенная сейму изъ Литвы Радзивилломъ и другими вельможами, что Іоаннъ прислалъ въ Полоцкъ своего сына съ войскомъ, что онъ самъ слѣдуетъ за нимъ съ другою арміею и что такимъ образомъ Литвѣ угрожаетъ вторженіе непріятеля [4]). Элекціонный сеймъ рѣшилъ 29-го Апрѣля отправить къ царю посломъ галицкаго чашника Андрея Тарановскаго [5]).

Избраніе Генриха на польскій престолъ сблизило Іоанна съ императоромъ Максиміліаномъ II, такъ какъ оба они потерпѣли неудачу въ Речи Посполитой. Императоръ отправилъ къ царю письмо, въ которомъ жаловался «на злодѣйство Карла IX, истребившаго болѣе 100.000 вѣрныхъ подданныхъ въ день св. Варооломея, единственно за то, что они имѣли свою особенную вѣру», говорилъ съ негодованіемъ о дружбѣ французовъ съ султаномъ,

---

[1]) *Hejdensztejn*, I. 45: Naradzano się potem, czy i stanowi rycerskiemu donieść o tem wszystkiem należy; zauważono, że potrzeba to uczynić, ale jak najostrożniej. Postanowiono tedy, aby kasztelani sandomirski Hieronim Ossoliński i trocki Eustachy Wołłowicz, usunąwszy nabok wszystkich obcych swiadków, samym posłom od rycerskiego stanu jak najskryciej wyjawili, to też nic z tego na jaw potem nie wyszło.

[2]) *K. Sienkiewiez*, op. cit. II, 261, *Heidensztejn*, I, 44 и *Тургеневъ*, I, 236, № CLXIX. О дипломатическихъ сношеніяхъ Литвы съ Іоанномъ папскій нунцій Коммендоне говоритъ слѣд.: ...e già per più riscontri si vede che l'intelligenza, che i Lituani hanno finto col Moscovita è stata tutta artificiosa...

[3]) A wezmą li Francuskiego, i wy Litwa wiedzcie że mnie nad wami przemyslać. Тургеневъ, I, 242.

[4]) *Тургеневъ*, I, 243, № CLXXI. Moskwy 20.000 przez Dźwinę już się znać przeprawiło. Kazano być wszystkim o dwu koniu tanquam ad incendium w pogotowiu, skoro iterato znać dadzą aby bieżeli (письмо изъ Варшавы. 12 іюня 1573 г.—*Al. Przeździecki.* Jagiellonki polskie w XVI w., t. IV, 80).

[5]) *Orzelski*, I. 102, рук. лат. FIV, 36, pag. 80 въ Публ. Библ.

который помогъ Генриху пріобрѣсти корону Ягеллоновъ, убѣждалъ Іоанна вступиться за христіанъ, предлагалъ ему взять Литву, а Польшу уступить Австріи и заключить тѣсный союзъ съ имперіею. Царь немедленно отправилъ гонца къ Максимиліану, убѣждая его употребить всѣ мѣры къ тому, чтобы не пропустить Генриха въ Польшу и прося прислать поскорѣе пословъ для заключенія вѣчнаго мира между Австріею и Россіею. «Мы всѣ будемъ стараться о томъ,—писалъ Іоаннъ—чтобы польское королевство и Литва не отошли отъ нашихъ государствъ; мнѣ все одно, мой ли, твой ли сынъ сядетъ тамъ на престолъ» [1]).

При такихъ объстоятельствахъ приходилось исполнять свое порученіе Тарановскому, что, конечно, миссію его дѣлало весьма затруднительною. Польскаго гонца сопровождалъ извѣстный уже намъ литовскій гонецъ Ѳедоръ Зенковичъ Воронопай [2]). И самъ Тарановскій добровольно отправлялся только въ качествѣ гонца. Онъ хотѣлъ дѣйствовать такъ, какъ будто бы онъ везетъ лишь письмо къ Іоанну, а великое посольство идетъ вслѣдъ за нимъ.

Посланцы переѣхали границу московскаго государства 19-го іюня. Ихъ приняли здѣсь весьма радушно. Велижскій воевода сопутствовалъ имъ до Новгорода, гдѣ тогда былъ Іоаннъ и по обыкновенію старался вывѣдать отъ гонцовъ побольше вѣстей о томъ, что происходитъ въ Речи Посполитой. Хитрый Полякъ прикидывался сторонникомъ московскаго царя, отдѣлывался отъ привязчиваго любопытства воеводы и приставовъ заявленіями, что много обывателей и Польши, и Литвы желаютъ имѣть своимъ государемъ Іоанна, предлагалъ свои услуги царю и таинственно намекалъ, что имѣетъ весьма важныя словесныя порученія, которыя можетъ сообщить только самому государю.

Іоаннъ принялъ Тарановскаго и Воропая весьма ласково, пригласилъ ихъ къ своему столу и щедро угощалъ. А затѣмъ 12-го іюля разспрашивалъ Тарановскаго, почему и на какихъ условіяхъ избранъ французскій королевичъ и почему не избрали его, Іоанна, или его сына, или, наконецъ, Максимиліанова сына. Тарановскій далъ такой отвѣтъ. Сеймъ съ великимъ сожалѣніемъ отказался отъ выборовъ Іоанна, и только потому, что царь не

---

[1]) *Карамзинъ* (изд. 1852), IX, 237—238; *Соловьевъ*, II, 251. Іоаннъ послалъ къ императору гонца Скобельцина 31 іюля 1573 года.

[2]) Оржельскій называетъ его только Ѳедоромъ, но фамилію его мы узнаёмъ изъ письма Іоанна (см. прибавленіе I).

пожелалъ прислать, подобно другимъ государямъ, своихъ пословъ на сеймъ и такимъ образомъ показывалъ видъ, какъ будто онъ не хочетъ пріобрѣтать польской короны. Разошелся, было, слухъ, что на сеймъ ѣдетъ великое посольство отъ царя, вслѣдствіе чего сеймъ шесть недѣль провелъ подъ Варшавою, не приступая къ выборамъ короля, такъ какъ питалъ надежду на скорое прибытіе посольства. Посылали даже двухъ гонцовъ, одного по направленію къ Полоцку, а другого къ Витебску, чтобъ узнать отъ пограничныхъ воеводъ и старостъ, ѣдетъ ли посольство или нѣтъ. И когда гонцы принесли извѣстіе, что царь посла не пришлетъ, тогда только сеймъ приступилъ къ выборамъ.

Ждать же дольше не было уже никакой возможности. Возлѣ Варшавы собралось слишкомъ сто тысячъ человѣкъ, вслѣдствіе чего явилась потребность въ громадномъ продовольствіи. Дѣло дошло, наконецъ, до того, что въ окрестныхъ деревняхъ нельзя было достать ни овса, ни сѣна, ни травы, ни соломы, нельзя было пріобрѣсти съѣстныхъ припасовъ даже за деньги. Поэтому пришлось поскорѣе начинать и кончать выборы. Сынъ императора и сынъ самого Іоанна не избраны за молодостью лѣтъ. Но если бы самъ царь пріѣхалъ управлять Польшею, тогда получилъ бы престолъ Речи Посполитой и сынъ его Ѳедоръ. Ибо уже назначены были даже тѣ лица, которыя должны были учить его языкамъ польскому, нѣмецкому, итальянскому и латинскому.

Королевичъ французскій избранъ, но съ такимъ условіемъ,—намекалъ ловкій гонецъ,—что есть еще возможность занять польскій престолъ и самому Іоанну. Французскому королевичу назначенъ срокъ пріѣзда въ Польшу—день св. Мартина (11-го ноября). Не пріѣдетъ къ этому сроку—и Поляки вольны выбирать другого государя.

А пріѣхать ему трудно, потому что придется ему совершить путешествіе или по морю, или черезъ враждебную нѣмецкую страну. Къ Іоанну же собирается ѣхать вскорѣ изъ Польши торжественное посольство, которое уладитъ несомнѣнно недоразумѣнія, вызванныя отчетомъ посла Гарабурды. Онъ донесъ Полякамъ и Литовцамъ, будто царь въ бесѣдѣ съ нимъ заявилъ, что отпускать сына своего Ѳедора царствовать въ Речи Посполитой на условіяхъ, представленныхъ Гарабурдою, не желаетъ. «Сынъ

---

[1]) *Тургеневъ*, I, 239.

мой не дѣвка,—сказалъ будто бы царь,—и я приданаго за нимъ не дамъ, не уступлю ни Полоцка, ни Смоленска, ни Ливоніи; напротивъ того, пусть Речь Посполитая отдастъ мнѣ Кіевъ. Если Ѳедоръ будетъ королемъ, то другому роду уже не царствовать въ Речи Посполитой». Эти выраженія и другія оскорбили сенаторовъ Польши и Литвы. Но такъ какъ словамъ Гарабурды никто не вѣритъ, то все можетъ хорошо окончиться.

Услышавъ объясненія Тарановскаго, Іоаннъ пересталъ гнѣваться на Ляховъ, считая причины, вслѣдствіе которыхъ они избрали королемъ французскаго принца, основательными; по его мнѣнію, поведеніе Поляковъ по отношенію къ нему было вполнѣ корректное, и напутали только Литовцы [1]).

Іоаннъ повѣрилъ объясненіямъ Тарановскаго, сталъ питать надежду на возможность своего избранія въ польско-литовскіе короли и вслѣдствіе этого заключилъ съ Речью Посполитою перемиріе еще на одинъ годъ [2]), вопреки совѣтамъ цесарскаго посла Павла Магнуса, который былъ въ это время у Іоанна [3]).

Вмѣстѣ съ тѣмъ Іоаннъ поспѣшилъ принять мѣры, направленныя къ тому, чтобы Генрихъ не былъ пропущенъ въ Польшу. Съ этою цѣлью онъ сблизился съ императоромъ, какъ объ этомъ мы уже выше говорили, съ этою же цѣлью онъ вошелъ въ сношенія съ дружественнымъ себѣ королемъ Даніи. Въ письмѣ къ послѣднему онъ просилъ не пропускать Генриха черезъ проливъ Зундъ ни изъ Франціи въ Польшу, ни назадъ, обѣщая за эту услугу отдать всю Ливонію его брату Магнусу и даже самому датскому королю, если у Магнуса не будетъ потомства [4]).

Передъ Поляками Іоаннъ такъ оправдывалъ свой образъ дѣйствій. Къ нему пріѣзжали Ѳедоръ Зенковичъ Воропай и Михаилъ Гарабурда, которые вели съ нимъ переговоры объ условіяхъ, на какихъ онъ можетъ занять престолъ Речи Посполитой, а потому онъ считалъ уже дѣло порѣшеннымъ и вслѣдствіе этого на элекціонный сеймъ пословъ своихъ и не посылалъ. При этомъ онъ выражалъ надежду, что въ томъ случаѣ, если Генрихъ не

---

[1]) Это мнѣніе Іоанна, сообщаемое Тарановскимъ, подтверждаетъ самъ Іоаннъ въ своемъ письмѣ (см. прибавленіе I).

[2]) Разсказъ самого Тарановскаго (см. прибавленіе III) о посольствѣ совпадаетъ съ разсказомъ Оржельскаго (I, 154—156).

[3]) *Тургеневъ*, I, 247, № CLXXIII.

[4]) Письмо Тарановскаго (прибавл. III) и *Оржельскій* (I, 156).

прибудетъ къ установленному сроку, Поляки пожелаютъ имѣть его своимъ государемъ, и обѣщалъ отправить для переговоровъ объ условіяхъ его избранія послами ивангородскаго намѣстника и своего ближняго дворянина Михаила Васильевича Колычева да дьяка Петра Ерша Михайлова [1]).

Вмѣстѣ съ тѣмъ Іоаннъ понялъ, что главными виновниками неудачи, постигшей его, были литовскіе вельможи. Они присылали къ нему Гарабурду лишь съ тою цѣлью, чтобы вывѣдать его намѣренія, а совсѣмъ не для того, чтобы договориться объ условіяхъ избранія его на польско-литовскій престолъ; онъ бесѣдовалъ съ посломъ по душѣ, безъ всякаго лукавства, но и тайно, а они оповѣстили весь міръ и планы его разстроили [2]).

Къ веденію мирной политики по отношенію къ Рѣчи Посполитой побудили Іоанна также и неблагопріятныя вѣсти, шедшія съ востока и съ театра войны противъ Шведовъ. Въ казанской и астраханской области произошло возмущеніе Черемисъ и Татаръ, которое принудило царя направить вооруженныя силы государства въ эту сторону и сохранять миръ на западной границѣ [3]). Кромѣ того, пораженіе, которое русскіе воеводы потерпѣли отъ Шведовъ близъ Лоде, сдѣлало Іоанна миролюбивѣе: онъ началъ переговоры со шведскимъ правительствомъ о заключеніи мира [4]).

Повѣривъ заявленію Тарановскаго о томъ, что избраніе его королемъ еще возможно, Іоаннъ отправилъ въ Польшу посольство, но оно было задержано въ Литвѣ до тѣхъ поръ, пока не соберется вальный сеймъ [5]). Очевидно это былъ только предлогъ; послы же были задержаны нарочно литовскими вельможами съ тою цѣлью, чтобы продлить время до тѣхъ поръ, пока не при-

---

[1]) См. письмо Іоанна къ польскимъ сенаторамъ (прибавленіе I); почти то же говоритъ и *Оржельскій*, I, 178—179.

[2]) Письмо къ литовскимъ вельможамъ (прибавл. I).

[3]) *Соловьевъ*, II, 259. Акты, относящіеся къ ист. Зап. Рос. т. III, 164—165, № 58 и письмо Тарановскаго (прибавл. III).

[4]) См. лѣтопись *Рюссова* въ Сборникѣ матеріаловъ и статей по ист. Прибалтійскаго края. Рига. 1880, III, 219—221 и Соловьевъ, II, 259.

[5]) *Тургеневъ*, I, 249 — 250. №№ CLXXV и CLXXVI. Настоящія имена пословъ узнаёмъ мы изъ письма Іоанна (см. прибавленіе I): это были ближній дворянинъ и намѣстникъ ивангородскій Михаилъ Васильевичъ Колычевъ и дьякъ Петръ Ершъ Михайловъ. У Тургенева имена эти переданы въ искаженной формѣ.

будетъ въ Польшу Генрихъ [1]). Такъ дѣйствительно и случилось. Тогда Іоаннъ отозвалъ своихъ пословъ назадъ [2]).

Іоаннъ сохранялъ съ Речью Посполитою миръ и въ царствованіе Генриха, потому что принуждали его къ этому обстоятельства: со Шведами происходила попрежнему война; кромѣ того, весною 1574 года стало угрожать московскому государству новое нашествіе крымскихъ Татаръ, такъ что необходимо было стянуть на берега Оки многочисленныя войска [3]).

Къ Генриху былъ отправленъ царемъ гонецъ Ѳедоръ Елизарьевъ сынъ Елчаниновъ [4]); ему было поручено взять у короля опасную грамоту для пословъ, которыхъ царь намѣревался отправить къ королю для поздравленія его съ восшествіемъ на престолъ [5]) Но царскій гонецъ не засталъ уже въ Польшѣ Генриха: въ ночь съ 18-го на 19-е іюня онъ убѣжалъ изъ Кракова во Францію, опасаясь, что Поляки не отпустятъ его туда, для того чтобы занять престолъ, который освободился послѣ смерти его брата Карла IX [6]).

Сенатъ Речи Посполитой отправилъ къ царю Варѳоломея Завадзкаго и Матвѣя Протасовича [7]) извѣстить его о возведеніи Генриха на престолъ и одновременно же объ отъѣздѣ его во

---

[1]) Оршанскій староста Филонъ Кмита такъ выражался о посольствѣ Тарановскаго: „панъ Тарановскій не Литвы, але только своее одной жаловалъ шкуры, да на святого Михайла оного тирана за короля взяти обѣщалъ“ (Акты Зап. Росс. III, стр. 179).

[2]) Акты Зап. Рос., т. III, стр. 165.

[3]) См. донесенія Филона Кмиты. Акты Зап. Рос., III, 166—179.

[4]) По словамъ Кмиты, гонецъ долженъ былъ прибыть къ границамъ Речи Посполитой 9-го іюня, см. Акты Зап. Рос., III, стр. 170.

[5]) *Тургеневъ*, I, № CLXXVII и CLXXVIII. Данныя, имѣющіяся въ источникахъ, не даютъ намъ возможности понять причины, вслѣдствіе которыхъ Іоаннъ отозвалъ пословъ, отправленныхъ въ Литву еще до пріѣзда Генриха и почему они были замѣнены гонцомъ. Эти послы возвращаясь изъ Литвы, находились въ Смоленскѣ еще въ маѣ, см. Акты Зап. Рос., III, 170. *Оржельскій* свидѣтельствуетъ (I, 281), что на коронаціонномъ сеймѣ былъ уполномоченный отъ Іоанна и что онъ остался недоволенъ тѣмъ отвѣтомъ, который получилъ на свое посольство. Что это за уполномоченный, трудно сказать.

[6]) Ѳедоръ Елизарьевъ былъ въ Оршѣ 20-го іюня, см. Акты Зап. Рос. III, стр. 173.

[7]) Завадзскій и Протасовичъ были въ Оршѣ отъ 28-го до 31-го іюля іb. Ш, стр. 173. Іоаннъ принималъ ихъ въ Старицѣ въ половинѣ августа іb. III., стр. 176.

Францію и вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ о продолженіи перемирія еще на два года, на что Іоаннъ немедленно далъ свое согласіе. Литовско-польскій престолъ снова былъ свободенъ и Іоаннъ снова могъ питать надежду на мирное разрѣшеніе спора изъ-за Ливоніи, такъ какъ опять являлась возможность пріобрѣсти корону Речи Посполитой.

Правда, царь заявилъ, что онъ желаетъ сноситься только съ самимъ королемъ, а не съ сенаторами Речи Посполитой, но, очевидно, это была только простая дипломатическая вѣжливость, умѣстная къ тому же и потому, что Іоаннъ не былъ еще увѣренъ въ безповоротности отъѣзда Генриха [1]).

Кромѣ того, у Іоанна былъ еще, конечно, и иной умыселъ: выгадать время и черезъ своихъ пословъ разузнать лучше положеніе Речи Посполитой.

Елчаниновъ явился на конвокаціонный сеймъ, созванный въ Варшаву на 24-е августа, но отказывался править посольство, заявляя, что у него письмо къ самому королю, что онъ имѣетъ порученія только къ нѣкоторымъ сенаторамъ, архіепископу, краковскому епископу, краковскому воеводѣ Фирлею, сандомирскому воеводѣ Зборовскому и сѣрадзкому воеводѣ и что онъ будетъ говорить только съ этими лицами [2]).

Между тѣмъ, Іоаннъ, узнавъ о бѣгствѣ Генриха, выслалъ въ Польшу къ Елчанинову гонца Петра Давыдова съ инструкціею, какъ Елчаниновъ долженъ дѣйствовать въ Речи Посполитой при новыхъ обстоятельствахъ. Этотъ гонецъ везъ, вѣроятно, письма и къ нѣкоторымъ вельможамъ Речи Посполитой: по крайней мѣрѣ, таковы были слухи [3]). Мало того, Іоаннъ поспѣшилъ отправить пословъ, которые остановились недалеко отъ литовской границы, поджидая въ Дорогобужѣ возвращенія Елчанинова, чтобы слѣдовать затѣмъ дальше въ предѣлы Речи Посполитой [4]).

---

[1]) Перемиріе было заключено отъ дня Успенія Богородицы 1574 г. до Успеньева дня 1576 г. см. *Тургеневъ*, I, № CLXXVII и CLXXVII.

[2]) Посолъ прибылъ въ Варшаву 7-го сентября см. *Ѳ. Вержбовскій*, Викентій Лаурео и его неизданныя донесенія кардиналу Комскому. Варшава, 1887, стр. 87—88. О такомъ заявленіи посла говорятъ *Оржельскій* (II, 40) и Лаурео (стр. 91). См. также *W. Zakrzewski*, Po ucieczce Henryka. Krakow. 1878, стр. 227—228.

[3]) Акты Зап. Рос., III, стр. 177.

[4]) Они находились въ концѣ сентября въ Дорогобужѣ, ib. стр. 177.

Разсчеты Іоанна могли вполнѣ оправдаться. Приверженцы его въ Польшѣ и Литвѣ были весьма многочисленны. Волынь, Мазовія, Великая Польша, значительная часть Литвы и Украйны желали видѣть его на литовско-польскомъ престолѣ, но аристократія свѣтская и духовная, польская и литовская, всѣми мѣрами противилась его избранію. Когда Елчаниновъ изъ Польши отправился въ Литву и остановился здѣсь на долгое время, заявляя, что царь приказалъ ему ждать возвращенія короля, литовскіе вельможи сильно встревожились. Понимая, что заявленія царскаго гонца одинъ только предлогъ, для того чтобы прикрыть настоящую цѣль столь продолжительнаго пребыванія въ Литвѣ, именно желаніе ознакомиться хорошенько съ ея состояніемъ и подготовить почву для успѣшнаго исхода выборовъ царя или его сына, они учредили надъ московскимъ гонцомъ самый бдительный надзоръ и старались стѣснить свободу его дѣйствій [1]). Виленскій воевода Радзивиллъ и Янъ Ходкевичъ устроили такую стражу на границѣ Польши и Литвы, что сношенія Поляковъ съ Москвою были невозможны [2]).

Такой образъ дѣйствій литовскихъ вельможъ вызывалъ среди польской шляхты негодованіе, которое особенно сильно обнаружилось по слѣдующему поводу. У одного шляхтича, Христофора Граевскаго, отправлявшаго свои товары въ Москву, Іоаннъ велѣлъ отобрать ихъ въ казну за то, что не была уплачена какая-то пошлина. Тогда собственникъ транспорта поѣхалъ самъ въ Москву, чтобъ похлопотать о возвращеніи своего имущества. Іоаннъ приказалъ позвать его къ себѣ, разспрашивалъ его о томъ, не задержанъ ли его гонецъ въ Польшѣ, и далъ ему отвезти на родину слѣдующія порученія. Онъ желаетъ соединить свое государство съ Польшею такими же узами, какими Ягелло соединилъ Литву съ нею.

Онъ готовъ отказаться даже отъ своей вѣры и перейти въ иную, если только на публичномъ диспутѣ будетъ доказано превосходство послѣдней. Въ Польшу онъ явится съ небольшою свитою, чтобъ договориться относительно условій, на какихъ онъ согласенъ принять корону, если ему будетъ прислана соотвѣтственная опасная грамота. Онъ убѣжденъ, что Поляки позволятъ ему свободно возвратиться назадъ въ Москву согласно опасной

---

[1]) W. *Zakrzewski*, op. cit., стр. 227—228.

[2]) *Orzelski*, II, 112—113.

грамотѣ. Тогда между Польшею и Москвою утвердится вѣчный миръ и союзъ. Эти обѣщанія со стороны Іоанна, весьма заманчивыя для польской шляхты, были, очевидно, дипломатическою уловкою съ цѣлью усилить еще болѣе расположеніе къ себѣ своихъ сторонниковъ въ Рѣчи Посполитой. Граевскій повезъ эти предложенія въ Польшу, но въ Диснѣ, по приказанію виленскаго воеводы, онъ былъ схваченъ и заключенъ подъ стражу. Объ этомъ насиліи польская шляхта узнала случайно изъ письма, которое заключенный переслалъ своему брату [1]).

Мѣръ, направленныхъ къ тому, чтобы прервать всякія сношенія съ Москвою, литовскимъ вельможамъ казалось мало. Они готовы были посягнуть даже на жизнь московскаго гонца.

Конвокаціонный сеймъ назначилъ бѣжавшему королю Генриху срокъ для возвращенія — 12-е мая 1575 года, опредѣливъ, что если онъ къ этому сроку не возвратится, то сеймъ, который соберется къ этому дню въ городѣ Стенжицѣ, приступитъ къ избранію новаго короля [2]).

Срокъ этотъ прошелъ, а Генрихъ не возвратился, вслѣдствіе чего въ назначенный день открылись совѣщанія стенжицкаго съѣзда. Тогда поѣхалъ сюда Елчаниновъ, чтобъ сообщить съѣзду порученія, данныя ему царемъ. Эта поѣздка вызвала большое

---

[1]) *Orzelski*, II, 115—117. *Ѳ. Вержбовскій*, Бикентій Лаурео, стр. 245, 251. Ѳ. Уманецъ (Русско-литовская партія въ Польшѣ 1574—1576, Журн. Мин. Нар. Просв. 1875, декабрь, стр. 264) считаетъ письмо апокрифическимъ. „Очевидно, что это письмо было или написано въ Стенжицѣ отъ имени Граевскаго, т. е. было подложно, или было написано самимъ Граевскимъ и заключало въ себѣ завѣдомую ложь. При всей непослѣдовательности Ивана Грознаго, онъ не могъ настолько увлечься польской короною, чтобы присоединить къ ней свое родовое московское государство на тѣхъ же условіяхъ, на какихъ Ягелло присоединялъ нѣкогда Литву. Невѣроятно также, чтобы при переговорахъ о польской коронѣ онъ согласился обойти дипломатическій этикетъ, т.-е. избрать въ посредники случайно заѣхавшаго въ Москву польскаго шляхтича. Вся фабула письма Граевскаго придумана, по всей вѣроятности, только для того, чтобы заинтересовать сеймъ его особой и вызвать ходатайство объ его освобожденіи“. То, что говоритъ историкъ, было бы, пожалуй, и основательно, если бы онъ не забылъ объяснить намъ, за что Литовцы посадили Граевскаго въ заключеніе и что это было за подозрительное въ глазахъ Ходкевича письмо, которое Граевскій привезъ изъ Москвы, за которое онъ именно и угодилъ въ тюрьму и котораго Ходкевичъ не показалъ шляхтѣ (*Orzelski*, II, 150).

[1]) *Orzelski*, II, 45.

безпокойство среди литовскихъ вельможъ. Они готовы были отравить его, лишь бы только онъ не явился въ Стенжицу [1]).

Опасенія вельможества были совершенно основательны. Шляхта ожидала московскаго гонца съ величайшимъ нетерпѣніемъ, надѣясь на то, что онъ привезетъ съ собою предложенія, которыя обезпечатъ польско-литовскую корону за царемъ. Шляхта выслушала заявленія гонца съ напряженнымъ вниманіемъ и при полнѣйшей тишинѣ, но разочаровалась въ своихъ ожиданіяхъ. Гонецъ заявилъ только, что царь желаетъ получить отвѣтъ на письмо, которое онъ послалъ еще въ 1573 году вмѣстѣ съ Гарабурдою, и узнать мнѣніе о предложеніяхъ, сдѣланныхъ въ этомъ письмѣ [2]).

На это заявленіе гонца рѣшено было дать отвѣтъ позже [3]). Переговоры умышленно стали затягиваться, чтобы только выиграть время. Мало того, аристократы пустили въ ходъ свои прежнія дипломатическія уловки, стали увѣрять царя притворно въ своей преданности и въ желаніи избрать его королемъ. Гнѣзненскій архіепископъ Яковъ Уханскій, глава Речи Посполитой во время безкоролевья и сторонникъ Генриха Валуа [4]), сообщилъ Елчанинову образцы грамотъ, какія царь долженъ прислать къ духовенству, вельможамъ, ко всему рыцарству и къ каждому вельможѣ въ отдѣльности. Поляки и Русскіе — писалъ архіепископъ, — будучи одного племени славянскаго или сарматскаго, должны, какъ братья, имѣть одного государя. Виленскій каштелянъ Янъ Ходкевичъ, извѣстный своею непримиримою враждою къ Іоанну [5]), явился однажды тайкомъ, ночью, на свиданіе къ

---

[1]) Изъ письма Ник. Христ. Радзивилла къ виленскому воеводѣ отъ 17-го мая 1575 г. ...Na wozie jadąc mówiliśmy z sobąi podoba się nam, aby temu hońcowi moskiewskiemu dać jaką pigułkę, żeby do Stężycy nie przyjechał. Nie wiem jeśli się to WMości zda. Wszakże WMość hetmanem będąc często ich do Abrahama czasem cicho posyłał a co by temu wadziło? bo się boim aby czem nie siał między ludźmi a dla dobrego ojczyzny nie wadzi łotra Moskwicina stracić dawszy mu co zjeść, potem rzec że upiwszy się apopleksią umarł. A jeśli się WMości zda, tedy kogoby na to posłać raczWMść dać znać, ktoryby przysiądz musiał żeby to cicho zostało... (польск. рукоп. Публ. Библіот. FIV, 181).

[2]) *Orzelski*, II, 112.

[3]) *Ѳ. Вержбовскій*, Викентій Лаурео, стр. 202. Аудіенція происходила 23-го мая.

[4]) *W. Zakrzewski*, Po ucieczce Henryka, стр. 134; *T. Wierzbowski*, Jakób Uchański, 556.

[5]) *Orzelski*, II, 113.

московскому гонцу и заявилъ ему, что вся Литва только и ждетъ къ себѣ царя на государство, причемъ онъ изложилъ тѣ условія, на какихъ могло бы состояться избраніе Іоанна. Трудно — говорилъ хитрый вельможа—принять литовцамъ условіе наслѣдственности короны въ потомствѣ царя; трудно также отступиться имъ отъ Кіевской и Волынской земель, которыя царь хочетъ присоединить къ своему государству; наконецъ, трудно имъ согласиться и на то, чтобы царя вѣнчалъ московскій митрополитъ. Но если Іоаннъ откажется отъ этихъ требованій, выборъ его обезпеченъ [1]). Преданность Литвы царю такъ была велика — по словамъ Ходкевича,— что царь можетъ отправить посольство въ Литву и безъ опасной грамоты [2]).

Ходкевичъ прибѣгалъ къ подобнаго рода дипломатическимъ уловкамъ, чтобы отвратить опасность со стороны московскаго государства отъ Ливоніи, которою онъ управлялъ. На вѣрность этой страны Речь Посполитая не могла вполнѣ положиться, какъ мы видѣли уже выше (стр. 14). Въ описываемый нами моментъ многіе Ливонцы готовы были подчиниться Магнусу, который снова, при поддержкѣ Іоанна, велъ войну со Шведами, чтобы пріобрѣсти себѣ шведскую часть Ливоніи; Ливонцы надѣялись, что единоплеменный съ ними государь выручитъ ихъ родину изъ того бѣдственнаго положенія, въ которомъ она находилась [3]).

Какъ бы въ оправданіе опасеній за судьбу Ливоніи, въ Польшу пришло извѣстіе, что Магнусъ, имѣя въ своемъ распоряженіи московское войско (12.000 человѣкъ), завладѣлъ городомъ Перновомъ, принадлежавшимъ Речи Посполитой. Противники кандидатуры Іоанна увидѣли въ этомъ дѣйствіи царя результатъ уговора съ его сторонниками въ Литвѣ и Польшѣ; они думали, что эти послѣдніе посовѣтовали ему подѣйствовать на своихъ враговъ угрозою, чтобы провести свою кандидатуру [4]). Вслѣдствіе этого тревога еще болѣе усилилась.

Чтобы затянуть переговоры, сенаторы Речи Посполитой не дали Елчанинову опасной грамоты для царскихъ пословъ и оправдывались передъ царемъ тѣмъ, что многіе изъ нихъ уѣхали со

---

[1]) *Щербатовъ*, V, ч. 2-я, стр. 364; *Соловьевъ*, II кн., ст. 247.

[2]) Археографическій сборникъ документовъ, относящихся къ исторіи Сѣверо-Западной Руси, изд. при упр. Вил. учебн. окр., т. IV, № 14.

[3]) *Orzelski*, II, 79.

[4]) *Вержбовскій*, Вик. Лаурео, стр. 238, № 65.

стенжицкаго съѣзда, на которомъ присутствовалъ московскій гонецъ. Важнѣе всего было для нихъ сохраненіе мира; объ этомъ они и просили Іоанна въ грамотѣ, которую они послали къ царю черезъ Елчанинова [1]).

Къ образу дѣйствій вельможъ Рѣчи Посполитой Іоаннъ отнесся недовѣрчиво [2]); однако вѣсти, сообщенныя Елчаниновымъ, укрѣпили въ немъ надежду на то, что выборъ его въ короли возможенъ. Вслѣдствіе этого онъ отправилъ къ сенату Рѣчи Посполитой гонца Семена Бастанова, чтобъ взять опасную грамоту для посольства, которое царь намѣревался отправить въ Польшу [3]).

Кандидатура Іоанна могла имѣть полный успѣхъ. Польская и литовская шляхта и послѣ стенжицкаго съѣзда относилась весьма сочувственно къ кандидатурѣ царя [4]), такъ что папскій нунцій, отстаивавшій интересы австрійскаго двора, готовъ былъ поддерживать эту кандидатуру, ибо у него мелькнула мысль о возможности обращенія Іоанна въ католичество, когда царь сдѣлается

---

[1]) Акты Зап. Рос. III, стр. 182—184, № 60. Помѣтка документа датою 1574 г. невѣрна, такъ какъ Елчаниновъ уѣхалъ изъ предѣловъ Рѣчи Посполитой въ самомъ концѣ мая или въ іюнѣ 1575 года. Эти посольскія рѣчи московскаго государя передавалъ панамъ Рѣчи Посполитой посланникъ Лука Захарьевичъ Новосильцовъ, а онъ уѣхалъ изъ Москвы въ августѣ 1575 г. (см. *Бантышъ-Каменскій*, op. cit., стр. 145).

[2]) Въ вѣрительной грамотѣ, данной гонцу Бастанову, Іоаннъ такъ выражается: Nos quidem et nuntios ac internuntios ad vos mittimus, sed vos, Domini Consiliarii, internuntios et nuntios nostros ad vos non recipitis (*Тургеневъ*, I, стр. 269), а въ письмѣ къ Ходкевичу отъ 21-го августа 1575 года такъ говоритъ: ...а что еси говорилъ гонцу нашему Ѳедору Елчанинову хотя нашимъ посломъ и посланникомъ и безъ опасные грамоты ѣхати въ государство въ великое княжество Литовское — ино имъ дорога чиста и тому статись невозможно, что нашимъ посломъ и посланникомъ безъ опасные грамоты къ вамъ идти, потому во всѣхъ государствахъ поведенья, что послы и посланники изъ государства въ государства ходятъ по опаснымъ грамотамъ, а безъ опасные грамоты надъ послы и посланники что ся сдѣлаетъ, того чѣмъ встрѣчати... (Археограф. сборн. докум., относящихся къ ист. Сѣверо-Зап. Руси, IV, № 14). То же самое почти царь приказывалъ сказать и Новосильцову (Акты Зап. Рос. III, № 60).

[3]) *Щербатовъ*, op. cit. т. V, часть 2-я, стр. 365: *Тургеневъ*, I, стр. 268, № CLXXXIII. Вѣрительная грамота Бастанова носитъ дату 12-го іюля 1575 года.

[4]) Объ этомъ очень часто говоритъ папскій нунцій Лаурео, см., напр. *Вержбовскій*, В. Лаурео, стр. 245.

королемъ Речи Посполитой [1]); аристократія же попрежнему готова была употребить всѣ средства, чтобы посольство Іоанна не явилось на избирательный сеймъ [2]).

Кромѣ того, успѣху царя вредила излишняя осторожность, медленность и неопредѣленность его политики. Шляхта, собравшаяся на избирательный сеймъ въ Варшаву (7-го ноября), ожидала московскаго гонца съ большимъ нетерпѣніемъ. Когда она узнала, что онъ уже ѣдетъ, она устроила ему торжественную встрѣчу, выславъ для привѣтствованія его делегацію изъ 10 человѣкъ, чтобъ выразить свое расположеніе къ царю [4]).

Когда гонецъ прибылъ, наконецъ, на сеймъ (17-го ноября) и заявилъ, что у него, кромѣ письма, нѣтъ никакихъ другихъ порученій отъ его государя, сеймовые маршалы приказали ему удалиться. Но шляхта стала кричать, чтобы гонецъ остался, сѣлъ и подождалъ до тѣхъ поръ, пока письмо его не будетъ прочитано, ибо всѣ послы имѣютъ на это право. Вслѣдствіе этого маршалы должны были указать мѣсто гонцу, хотя и сдѣлали это съ большимъ неудовольствіемъ [5]).

Въ письмѣ Іоаннъ жаловался, что пословъ и гонцовъ его задерживаютъ въ Речи Посполитой и поздно отпускаютъ назадъ, заявилъ, что будетъ соблюдать миръ съ Литвою и Польшею, за исключеніемъ Ливоніи, относительно которой онъ поведетъ особенные переговоры, и обѣщалъ прислать посла, но не великаго посла, а меньшаго [6]).

Эти заявленія сильно охладили настроеніе шляхты: она снова обманулась въ своихъ ожиданіяхъ, и число сторонниковъ царя сразу очень уменьшилось [7]).

Пока Іоаннъ собирался только еще выступить кандидатомъ на престолъ Речи Посполитой, здѣсь произошли уже выборы короля, но выборы двойные: аристократія провозгласила королемъ германскаго императора Максимиліана II, шляхта—седмиградскаго

---

[1]) Ib., стр. 257.

[2]) Ib., стр. 250—251.

[3]) *Orzelski*, II, 211.

[4]) *Вержбовскій*, В. Лаурео, стр. 285; Hejdensztejn, I, 188 (польскій переводъ).

[5]) *Orzelski*, II, 212.

[6]) *Щербатовъ*. op. cit., т. V, ч. 2-я, стр. 365; Тургеневъ, I, 268, № CLXXXIII, *Orzelski*, II, 212; *Вержбовскій*, В. Лаурео, 285.

[7]) *Вержбовскій*, Лаурео, стр. 285.

воеводу Стефана Баторія. Вслѣдствіе этого возможность пріобрѣсти польско-литовскую корону продолжала существовать для Іоанна. Двойная элекція вызвала въ Речи Посполитой неувѣренность и колебаніе: та и другая партія опасались за успѣхъ своихъ избранниковъ. Пока партіи вели переговоры съ ними о принятіи условій, на которыхъ отдавалась имъ корона Речи Посполитой, время уходило и были моменты, когда многимъ казалось, что ни тотъ, ни другой избранникъ не явятся въ Польшу.

Приверженцы императора нарочно разсѣвали ложные слухи о Баторіи, чтобы вызвать смуту въ умахъ своихъ противниковъ. Они говорили, напримѣръ, что императорскія войска взяли его въ плѣнъ и увели въ Вѣну [1]). Вслѣдствіе этого сторонниковъ Баторія мучило сомнѣніе, прибудетъ ли онъ къ сроку, назначенному для коронаціи [2]). Императоръ Максиміліанъ II медлилъ принятіемъ короны: сторонники его назначили ему срокъ въ одинъ мѣсяцъ для прибытія въ Польшу; срокъ этотъ прошелъ, а императоръ продолжалъ вести лѣниво переговоры съ польскимъ посольствомъ, отправленномъ къ нему въ Вѣну его партіею [3]).

Все это возбуждало у многихъ мысль, что оба избранника не прибудутъ въ Польшу, что произойдетъ новая элекція и тогда выборъ несомнѣнно падетъ на московскаго царя [4]). О возможности выбора сообщилъ Іоанну гонецъ Бостановъ, возвратившійся изъ предѣловъ Речи Посполитой [5]). Но въ этотъ моментъ политика Іоанна получила иное направленіе, оставаясь, впрочемъ, по отношенію къ Речи Посполитой такъ же, какъ и прежде, недовѣрчивою и неопредѣленною. Максиміліанъ II предложилъ царю союзъ противъ Турокъ съ тѣмъ, чтобы Іоаннъ поддерживалъ кандидатуру его сына Эрнеста на польско-литовскій престолъ. Царь соглашался отдать Эрнесту только Польшу, а Литву съ Кіевомъ желалъ присоединить къ своимъ владѣніямъ; что же касается Ливоніи, то продолжалъ считать ее своею вотчиною [6]).

Эти переговоры возбудили у Іоанна надежду пріобрѣсти Ливонію путемъ мирнаго договора съ императоромъ.

---

[1]) *Orzelski*, III, 112.

[2]) Ib., III, 128.

[3]) *T. Wierzbowski*, Jakób Uchański, стр. 579, 584.

[4]) *Ѳ. Вержбовскій*, Викентій Лаурео, 378, 390 и др.

[5]) *Соловьевъ*, II, стр. 251.

[6]) См. посольство Кобенцеля и Принца (Памятники дипломатическихъ сношеній древней Россіи съ державами иностранными, т. I, 481—567).

Предлагая Максимиліану раздѣлъ Речи Посполитой [1]), Іоаннъ въ то же время старался пріобрѣсти ее для самого себя и съ этою цѣлью давалъ литовскимъ вельможамъ самыя заманчивыя обѣщанія: онъ отказывался отъ Кіева, на владѣніе которымъ онъ предъявлялъ раньше свои права и готовъ былъ заключить унію на тѣхъ условіяхъ, на какихъ она состоялась при Ягеллѣ. Минскій каштелянъ Янъ Глѣбовичъ, которому московскій гонецъ сдѣлалъ подобнаго рода заявленія, отнесся къ нимъ недовѣрчиво, однако заинтересовался ими и сообщилъ о нихъ Ходкевичу, какъ о дѣлѣ, достойномъ вниманія и обсужденія [2]).

Такіе же тайные переговоры Іоаннъ велъ и съ польскими вельможами. Гонцу наказано было явиться непремѣнно прежде всего къ гнѣзненскому архіепископу, что совершенно понятно, такъ какъ царь, на основаніи прежнихъ сношеній съ нимъ, считалъ его однимъ изъ главныхъ своихъ сторонниковъ. Гонецъ, прибывъ въ Ловичъ, резиденцію архіепископа, не желалъ ѣхать дальше въ Краковъ, чтобы здѣсь въ собраніи польскихъ сенаторовъ сдѣлать заявленія отъ имени своего царя, подъ тѣмъ предлогомъ, что такъ какъ въ государствѣ нѣтъ короля, то онъ считаетъ только архіепископа главою государства и получилъ приказаніе править свое посольство только тамъ, гдѣ будетъ присутствовать архіепископъ [3]).

Когда гонцу была дана у архіепископа ауденція, онъ потребовалъ опасной грамоты для главнаго посла, котораго царь желаетъ въ возможно скоромъ времени отправить въ Польшу [4]).

Очевидно, черезъ этого гонца Іоаннъ хотѣлъ вывѣдать состояніе Речи Посполитой на случай войны съ нею въ союзѣ съ Максиміліаномъ для осуществленія того плана, который онъ предлагалъ императору [5]), и вмѣстѣ съ тѣмъ узнать, окончательно ли исчезли его шансы на престолъ Речи Посполитой или можно попытать еще счастья.

---

[1]) См. объ этомъ вопросѣ также *Al. Kraushar*, Olbracht Łaski, wojewoda sieradzki, Warszawa-Kraków, 1882, II, 123—124.

[2]) Acta historica res gestas Poloniae illusirantia, t. XI (Acta Stephani regis 1576—1582), стр. 3, № III.

[3]) *Ѳ. Вержбовскій*, Викентій Лаурео, стр. 374—и того же автора Отношенія Россіи и Польши въ 1574—1578 годахъ по донесеніямъ папскаго нунція В. Лаурео (Журн. Мин. Нар. Просв., августъ, 1882, стр. 224).

[4]) *Ѳ. Вержбовскій*, Отношенія Россіи и Польши, l. c., стр. 225.

[5]) *Al. Kraushar*, op. cit., стр. 124.

Такъ дѣйствовалъ онъ въ своихъ тайныхъ переговорахъ съ литовскими и польскими вельможами. Явно же онъ рекомендовалъ Полякамъ избрать королемъ эрцгерцога Эрнеста, угрожая имъ войною, если они не подчинятся его желанію [1]). Предложенія царя литовцамъ были нѣсколько иныя: онъ выражалъ желаніе быть у нихъ великимъ княземъ, отдавая польскую корону Эрнесту, а если Литва не хочетъ отдѣлиться отъ Польши, совѣтовалъ и Литвѣ избрать австрійскаго эрцгерцога [2]).

Такая политика не могла, конечно, возбуждать къ себѣ довѣрія ни въ польскихъ, ни въ литовскихъ вельможахъ. Выражая полную преданность царю черезъ посланника Новосильцева, бывшаго въ Литвѣ въ началѣ 1576 года [3]), Ходкевичъ дѣлалъ приготовленія для защиты Ливоніи въ случаѣ войны съ царемъ [4]). Литовскій вельможа, усердный сторонникъ Габсбурговъ, разошелся со своею партіей тотчасъ же послѣ избранія своего кандидата, императора Максимиліана, на престолъ, вслѣдствіе того, что не получилъ отъ него денежныхъ субсидій, на которыя онъ разсчитывалъ, и перешелъ на сторону Баторія, привлеченный золотомъ его приверженцевъ [5]). Съ этого момента онъ сталъ дѣйствовать въ Литвѣ въ пользу трансильванскаго воеводы.

Пока Іоаннъ велъ дипломатическіе переговоры на два или даже на три фронта, въ Польшу явился Стефанъ Баторій и съ первыхъ же шаговъ проявилъ замѣчательную рѣшительность, быстроту и энергію. Онъ прибылъ въ Краковъ 22-го апрѣля, а 1-го мая былъ уже коронованъ королемъ. Своимъ характеромъ онъ произвелъ на Поляковъ самое лучшее впечатлѣніе. Умѣренность, привѣтливость къ окружающимъ, энергичность въ словахъ и дѣйствіяхъ, разсудительность, даръ краснорѣчія, образованность и въ особенности отличное знаніе латинскаго языка—все это сразу очень понравилось его новымъ подданнымъ [6]). Въ новой,

---

[1]) См. грамоту Іоанна къ польскимъ вельможамъ въ январѣ 1576 г. (*Щербатовъ*, op. cit., т. V, ч. 4-я, стр. 160—163, № 25 и Памятники дипломатическихъ сношеній древней Россіи съ державами иностранными, I, 574—578).

[2]) *Щербатовъ*, op. cit., т. V, ч. 4-я, стр. 163—169, № 25, и Памятники дипломат. сношен., I, 578—584.

[3]) *Соловьевъ*, II, 255.

[4]) *Ѳ. Уманецъ*, Русско-литовская партія въ Польшѣ (Журн. Мин. Нар. Просв., декабрь, 1875, стр. 269).

[5]) *Ѳ. Вержбовскій*, В. Лаурео, стр. 332.

[6]) *Orzelski*, t. III, стр. 195.

незнакомой для себя обстановкѣ, онъ, иностранецъ, съумѣлъ скоро оріентироваться и справиться съ затрудненіями, которыя были немалочисленны и немаловажны. Государству отовсюду угрожала опасность. Хотя между Турціей и Речью Посполитою и существовалъ миръ, но онъ во всякое время могъ быть нарушенъ запорожскими казаками, которые призводили опустошительныя нападенія на турецкія земли. Къ тому же, южныя области находились въ постоянной опасности со стороны Татаръ, которые своими набѣгами, точно саранча, уничтожали ежегодно плоды человѣческаго труда. Великій магистръ тевтонскаго ордена, не прекращавшій предъявлять притязаній на свои бывшія владѣнія, могъ легко воспользоваться затруднительнымъ положеніемъ государства, чтобъ возвратить себѣ свои потери, и это тѣмъ легче, что германскій императоръ, соперникъ Баторія, могъ оказать ему поддержку. Даже такое отдаленное государство, какъ Данія, въ состояніи было причинить немало хлопотъ Речи Посполитой. Но самымъ опаснымъ врагомъ былъ, конечно, московскій царь, для котораго Ливонія составляла уже давно желанный предметъ завоевательныхъ стремленій, въ случаѣ осуществленія которыхъ возросшее могущество московскаго государства могло сдѣлаться грознымъ для самаго существованія Польши. Эти внѣшнія опасности усугублялись еще и вслѣдствіе того, что внутри государства царили анархія и раздоры. Не всѣ области Речи Посполитой признавали Баторія своимъ королемъ. Литва заняла, по отношенію къ Польшѣ, враждебное положеніе: представители Литвы не присутствовали на коронаціи новаго короля. Можно было думать, что число сторонниковъ Максимиліана весьма значительно и что съ ними предстоитъ упорная борьба, которая казалась тѣмъ опаснѣе, что императору могла оказать помощь имперія. Къ довершенію всевозможныхъ затрудненій, у короля не было средствъ для борьбы со встрѣчающимися препятствіями, такъ какъ казна была почти совершенно истощена [1]).

Во всѣхъ этихъ затрудненіяхъ Стефанъ Баторій обнаружилъ замѣчательную проницательность: своимъ избраніемъ на польскій престолъ онъ прежде всего былъ обязанъ вліятельному въ Польшѣ роду Зборовскихъ [2]); поэтому они надѣялись на то, что заберутъ

[1]) *A. Pawiński*, Zródła dziejowe, t. VIII. (Skarbowość w Polsce i dzieje jej za Stefana Batorego), стр. 314—315.

[2]) *W. Zakrzewski*, Stefan Batory. Przegląd historji jego panowania. Kraków, 1887, стр. 22—23.

въ свои руки государственныя дѣла. Но они ошиблись въ своихъ разсчетахъ; ихъ вліяніе продолжалось очень недолго. На коронаціонномъ сеймѣ изъ-за должности канцлера возникъ сильный споръ. Канцлеръ Дембинскій былъ уже дряхлый старикъ, а потому не могъ заниматься дѣлами. Зборовскіе, открыто заявлявшіе, что они доставили польскую корону Баторію, требовали этой въ высшей степени важной государственной должности для своей семьи, чтобъ еще болѣе усилить свое вліяніе, и прочили на этотъ постъ придворнаго маршала Андрея Зборовскаго. Но король назначилъ канцлеромъ подканцлера Петра Вольскаго, а подканцлеромъ Яна Замойскаго. Послѣднее назначеніе особенно замѣчательно. Янъ Замойскій былъ однимъ изъ самыхъ вліятельныхъ вождей шляхетской партіи; въ лагерѣ своихъ сторонниковъ онъ исполнялъ уже должность канцлера въ моментъ, очень важный для баторіанцевъ, именно тогда, когда Баторія не было еще въ Польшѣ. Такъ какъ канцлеръ и подканцлеръ принадлежали къ партіи императора, то баторіанцы поручили Замойскому составить актъ избранія Баторія, снарядить къ нему посольство и вообще имѣть наблюденіе за государственными дѣлами; шляхта имѣла къ своему вождю такое довѣріе, что многіе, уѣзжая домой, оставляли ему бланки со своими подписями и печатями, разрѣшая ему писать на этихъ бланкахъ все, что онъ сочтетъ за необходимое[1]). Замойскій оправдалъ довѣріе своей партіи и Баторій еще изъ Трансильваніи обратилъ на него вниманіе, вступилъ съ нимъ въ переписку и обѣщалъ наградить его за оказанныя ему услуги[2]). Баторію, незнакомому съ языкомъ, обычаями, учрежденіями Польши, необходимъ былъ помощникъ, свѣдущій во всемъ этомъ, указанія котораго давали бы ему возможность ориентироваться въ чужой странѣ. Назначеніе Замойскаго подканцлеромъ было весьма удачно: оно еще болѣе расположило шляхту къ Баторію и укрѣпило его положеніе въ Польшѣ. Послы шляхетскіе были такъ довольны этимъ назначеніемъ, что публично благодарили за это короля[3]).

Баторію предстояло много хлопотъ, приходилось потратить еще не мало энергіи, чтобъ окончательно упрочить свой престолъ

---

[1]) *Reinholdi Heidensteini*, Rerum Polonicarum ab excessu Sigismundi Augusti libri XII. 1672, стр. 92.

[2]) Письма Баторія къ Замойскому изъ Трансильваніи войдутъ въ собраніе, которое готовитъ къ печати Краковская Академія Наукъ.

[3]) *Heidensteini* op. cit. 99.

въ странѣ. Прежде всего необходимо было привести въ покорность своихъ противниковъ. Баторій обнаружилъ тутъ замѣчательный тактъ. Шляхта хотѣла принимать противъ враговъ короля суровыя мѣры. Баторій былъ иного мнѣнія. Онъ полагалъ, что нужно дѣйствовать осторожно, соотвѣтственно тому, каковъ врагъ и въ какомъ положеніи онъ находится. Съ Пруссіею и Литвою необходимо было, по его мнѣнію, вступить въ переговоры и простить имъ все ради блага Речи Посполитой, на иныхъ надо повліять ласкою, къ третьимъ отправить соглядатаевъ, чтобъ высмотрѣть ихъ положеніе и разомъ подавить всякое съ ихъ стороны сопротивленіе, наконецъ, четвертымъ прямо объявить борьбу и силою заставить ихъ покориться [1]).

Баторій и сталъ такъ дѣйствовать. Главу цесарской партіи, гнѣзненскаго архіепископа Якова Уханскаго, онъ хотѣлъ сначала привлечь на свою сторону переговорами и обѣщаніями, но когда тотъ вздумалъ-было созывать своихъ приверженцевъ на съѣздъ въ Ловичъ, свою резиденцію, Баторій заявилъ ему, что прибудетъ къ нему завтракать, конечно, съ вооруженною силою, и архіепископъ смирился, а съ нимъ подчинились Баторію и всѣ приверженцы императора [2]).

Что касается Литвы, то одинъ изъ самыхъ важныхъ ея представителей Янъ Ходкевичъ находился уже давно, какъ мы знаемъ, въ сношеніяхъ съ партіей Баторія. На него Баторій подѣйствовалъ золотомъ и обѣщаніемъ должности великаго гетмана, на литовскихъ вельможъ тѣмъ, что польстилъ ихъ національному тщеславію, ставя ихъ выше Поляковъ [3]). На новомъ съѣздѣ въ Мстибовѣ Литва признала Баторія своимъ королемъ [4]).

Съ Пруссіей король вступилъ въ переговоры, но они не вполнѣ

---

[1]) *Orzelski*, т. III, стр. 246.

[2]) *T. Wierzbowski*, Jakób Uchański, Warszawa, 1895, стр. 596—597 и Викентій Лаурео, стр. 421.

[3]) Витебскій каштелянъ Павелъ Пацъ въ своемъ письмѣ къ Я. Ходкевичу говоритъ: „iż od Króla Imci niemałą kupę złotych czerwonych było ku WMci przywieziono, a WMć ich brać nie chciał, pomniąc na obligacją Grodzieńskiego zjazdu, toż WMć bardzo dobrze uczynić raczył, że plus honestum et decorum quam utile amas i to potem nie uciecze, ażeby się i teraz WMci to zdało jako Panu dłużnemu i jabym rad, coby mi też od Pana posłano...“ Изъ этихъ словъ можно догадываться, что золото возымѣло свое дѣйствіе. См. Acta Stephani Regis, стр. 31, № XXII и стр. 32, № XXIII.

[4]) 3-го іюня 1576 г., см. Źródła dziejowe, т. IV, стр. 19—22.

увѣнчались успѣхомъ, такъ какъ городъ Данцигъ открыто противъ него возмутился; королю пришлось вести упорную войну, которая затянулась до конца 1577 года [1]). Эта война, потребовавшая присутствія самого короля на театрѣ военныхъ дѣйствій, отвлекала силы государства на западъ и не позволяла Баторію дѣйствовать рѣшительно противъ самаго опаснаго врага Речи Посполитой—московскаго царя. Опасность съ этой стороны могла угрожать немедленно. Баторій боялся даже, что Іоаннъ откроетъ враждебныя дѣйствія еще до окончанія срока перемирію, ибо приходили вѣсти, что царь собираетъ войска съ намѣреніемъ вторгнуться въ литовскіе предѣлы; въ виду этого король считалъ необходимымъ напомнить Литовцамъ о томъ, чтобы ихъ посполитое рушенье было наготовѣ отражать врага [2]). Но посполитому рушенью Баторій не довѣрялъ, на успѣхъ въ войнѣ при такомъ способѣ веденія ея, какъ мы увидимъ ниже, не надѣялся. Между тѣмъ срокъ перемирію съ Москвою скоро уже истекалъ. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ обстоятельствъ приходилось избирать путь дипломатическихъ переговоровъ, чтобы хоть на нѣкоторое время отсрочить неизбѣжную борьбу изъ-за Ливоніи.

Утвердивъ свой престолъ въ Польшѣ и Литвѣ, Баторій отправилъ къ Іоанну посланцевъ Юрія Грудзинскаго и Льва Буковецкаго (12-го іюля 1576 г.), чтобъ извѣстить царя о своемъ вступленіи на престолъ и взять отъ него опасную грамоту для великихъ пословъ, которыхъ онъ намѣревается отправить для переговоровъ о заключеніи мира между Речью Посполитою и Москвою [3]).

Грудзинскій и Буковецкій пріѣхали въ Москву 27-го октября. Прежде чѣмъ представить ихъ царю, имъ задали вопросъ о происхожденіи Баторія, объясняя что царь желаетъ согласно, достоинству рода и сана короля поступать съ его посланниками. Но посланники не захотѣли входить въ объясненія, каково происхожденіе ихъ короля и каковы его владѣнія, говоря, что они присланы къ царю польскимъ королемъ и великимъ княземъ литовскимъ.

---

[1]) Zródła dziejowe, III, статья *А. Павинскаго* „Stefan Batory pod Gdańskiem“, стр. I—LXXII.

[2]) Акты Зап. Рос., т. III, 191, № 67.

[3]) Книга посольская Метрики Великаго Княжества Литовскаго, Москва, 1843, т. II, №№ 1, 2, 3 и Acta Stephani regis, №№ XXVII, XXVIII и XXIX.

Пріемъ посланниковъ состоялся 4-го ноября. Іоаннъ развернулъ при этомъ всю пышность, блескъ и великолѣпіе своего двора, чтобъ показать Баторіевымъ посланникамъ глубокую разницу между его царскимъ величіемъ и положеніемъ ихъ короля, котораго онъ считалъ данникомъ турецкаго султана. Іоаннъ сидѣлъ на тронѣ въ великолѣпномъ одѣяніи и мономаховой шапкѣ окруженный роскошно разодѣтыми боярами, дворянами, дьяками и иными придворными чинами. При представленіи посланниковъ царь не привсталъ, какъ того требовалъ обычай и, спрашивая о здоровьѣ Баторія, не назвалъ его братомъ. Стола посланникамъ не было и ихъ не сажали на скамьѣ передъ царемъ [1]). Іоаннъ былъ недоволенъ тѣмъ, что Баторій не давалъ ему царскаго титула, не называлъ его княземъ полоцкимъ и смоленскимъ и не считалъ его наслѣдственнымъ владѣтелемъ Ливоніи [2]), однако заключить перемиріе согласился и далъ опасную грамоту для великихъ пословъ Баторія [3]).

Король былъ тоже недоволенъ царемъ: его оскорбило то, что Іоаннъ не хотѣлъ давать ему титула «брата» и принялъ его посланниковъ неподобающимъ образомъ [4]). Такъ уже съ первыхъ шаговъ между Баторіемъ и Іоанномъ начались недоразумѣнія.

Іоаннъ не вступалъ пока въ открытую борьбу съ Рѣчью Посполитою, потому что онъ не переставалъ еще надѣяться пріобрѣсти Ливонію путемъ соглашенія съ германскимъ императоромъ. По трактату, который между собою заключили эти государи, Максиміліанъ уступалъ Іоанну Литву и Ливонію, оставляя за собою Польшу и Пруссію [5]). Однако этой политической комбинаціи не суждено было осуществиться, ибо Максиміліанъ II вскорѣ послѣ того умеръ (11-го октября 1576 г.).

Баторій велъ переговоры съ московскимъ царемъ о заключеніи мира и въ то же время принималъ мѣры для защиты государства отъ него. Онъ приказалъ литовскому польному гетману Христофору Радзивиллу поставить конные отряды въ пограничныхъ замкахъ, въ Витебскѣ, Лепелѣ, Мстиславлѣ, Оршѣ (по 100 человѣкъ) и въ Улѣ (50 человѣкъ) и уплатилъ часть жалованья

---

[1]) *Щербатовъ*, т. V, ч. 2-ая, стр. 393—394 и Посольское донесеніе Льва Буховецкаго (Сборникъ князя Оболенскаго, Москва, 1838, № 6, стр. 3—10).

[2]) Метр. Лит., П, № 6.

[3]) Метр. Лит., П, №№ 9 и 10.

[4]) Acta Stephani regis, стр. 163 („mówiąc o nas uszczypliwie“).

[5]) *Вержбовскій*, В. Лаурео, 462.

на содержаніе этихъ отрядовъ изъ собственной казны [1]). Много король не могъ сдѣлать, потому что казна была пуста. Онъ изыскивалъ различные источники, чтобъ раздобыть средства. Такъ, онъ поѣхалъ въ Тыкоцинъ, чтобы осмотрѣть сокровищницу, оставшуюся послѣ покойнаго Сигизмунда, очевидно, съ намѣреніемъ воспользоваться ею для удовлетворенія государственныхъ нуждъ [2]), но большихъ суммъ здѣсь не нашелъ [3]). Изъ Тыкоцина онъ отправился въ Кнышинъ, куда созвалъ польскихъ и литовскихъ вельможъ, чтобы посовѣтоваться съ ними о дѣлахъ Ливоніи [4]). Эта страна требовала особенной бдительности, такъ какъ она оставалась почти совсѣмъ беззащитною и Ходкевичъ отказывался отъ управленія ею.

Королю удалось уговорить его остаться администраторомъ Ливоніи, но дать значительныхъ средствъ на ея защиту онъ не былъ въ состояніи, потому что денегъ неоткуда было взять. Пришлось ограничиться пока постановкою небольшихъ отрядовъ въ крѣпостяхъ: въ Динамюндѣ—160 человѣкъ, Маріенгаузѣ—100, въ Рѣжицѣ (Розитенѣ) и Люценѣ по 50 и въ Лемзелѣ—25. Финансовое положеніе было до такой степени затруднительно, что нельзя было исполнить королевскаго приказанія относительно высылки отряда въ 1.500 человѣкъ на границы Литвы [5]), ибо денегъ хватило только на 600 человѣкъ [6]).

Между тѣмъ вниманіе Баторія и силы его отвлекла война съ Данцигомъ: королъ счелъ необходимымъ отправиться лично въ Пруссію и созвать сюда, поближе къ театру военныхъ дѣйствій, сеймъ въ Торнъ [7]), чтобы добиться отъ своихъ подданныхъ разрѣшенія установить новые налоги на веденіе войны съ Данцигомъ и на иныя военныя потребности, подъ которыми, конечно, подразумѣвались прежде всего защита государственныхъ гра-

---

[1]) Acta Stephani regis, 38, № XXVI.

[2]) Въ Тыкоцинъ Баторій выѣхалъ 10-го іюля, см. Acta Stephani regis, № XXVI, стр. 41, и Вержбовскій, B. Laureo, стр. 457.

[3]) Źródła dziejowe, t. VIII, (A. Pawiński, Skarbowość w Polsce i jej dzieje za Stefana Batorego), стр. 325—326.

[4]) Совѣтъ былъ созванъ въ Кнышинъ на 23-е іюля. Acta Stephani regis, № XXVI, стр. 41.

[5]) Acta Stephani regis, стр. 50, № XXXIII.

[6]) Ib., стр. 53, № XXXV.

[7]) Сеймъ былъ созванъ на 4-е октября, но совѣщанія начались только 19-го октября, ибо король прибылъ двѣ недѣли спустя послѣ назначеннаго срока, см. Źródła dziejowe, VIII, 319.

ницъ на востокѣ и приготовленія къ борьбѣ съ московскимъ государствомъ.

На сеймѣ произошелъ сильный разладъ между королемъ и посольской избою. Въ кородевскихъ предложеніяхъ шляхетскіе послы усмотрѣли нарушеніе того порядка совѣщаній, котораго сеймы должны были придерживаться согласно существующимъ законамъ, а въ королевскихъ желаніяхъ услышали тонъ приказанія подчиняться королевской волѣ, что они считали оскорбленіемъ для своей вольности. «Мы не хотимъ,—говорили они,— чтобы на насъ низринулось ярмо, подъ которымъ намъ придется говорить не о томъ, въ чемъ нуждается Речь Посполитая, но о томъ, что намъ прикажутъ»... Они заявили, что разрѣшили королю взимать налоги не «изъ обязанности, но изъ желанія усилить государственную оборону» и подъ тѣмъ условіемъ, что «шляхта впредь этимъ налогамъ не будетъ подвергаться и что «король будетъ исполнять свои обязательства относительно защиты государства».

На сеймѣ обнаружился также, по обыкновенію, и сильный соціальный антагонизъ, вызываемый экономическими интересами. Магнаты, владѣтели королевскихъ имѣній—говорила шляхта устами своихъ сеймовыхъ представителей—задерживаютъ доходы, даваемые королевскими имѣніями, и такимъ образомъ лишаютъ государственную казну средствъ и приводятъ ее въ самое отчаянное положеніе. А потому всѣ обязаны отдать казнѣ задержанное отъ смерти его велич. короля Сигизмунда-Августа до отъѣзда короля Генриха изъ Польши [1]).

Споръ обострился еще и послѣдующему поводу. Баторій домогался, чтобъ ему было разрѣшено дѣлить на части земское ополченіе, но встрѣтилъ столь сильное противодѣйствіе со стороны сейма, что долженъ былъ оставить этотъ свой проектъ военной реформы. Посполитное рушенье представляло собою толпу плохо дисциплинированныхъ, а часто и плохо вооруженныхъ шляхтичей на коняхъ и имѣло такую же цѣну въ военномъ дѣлѣ, какъ и конница служилыхъ людей въ московскомъ государствѣ. Раздѣленіемъ его король хотѣлъ, очевидно, сдѣлать его подвижнѣе и уменьшитъ вредъ, причиняемый этою громадною массою тѣмъ областямъ, по которымъ она двигалась, производя опустошенія на своемъ пути. Шляхта отнеслась къ королевскому про-

[1]) *A. Pawinski*, Skarbowość w Polsce (Źródła dziejowe, VIII, 320—324).

екту недовѣрчиво: она опасалась, что король, имѣя право дѣлить земское ополченіе, захочетъ ослабить ея вооруженныя силы, чтобъ укрѣпить свою собственную власть, а пожалуй, и захватить полное господство надъ нею [1]). Непригодность шляхетской конницы для военнаго дѣла понималъ не только король, но и другіе военные люди того времени. Литовскіе послы, явившіеся на торнскій сеймъ, потребовали, чтобы Поляки, согласно условіямъ Люблинской уніи, оказали помощь Литвѣ въ теперешнемъ ея критическомъ положеніи, когда ей угрожаетъ сильная опасность со стороны московскаго царя. Поляки согласились двинуть на помощь литовцамъ свое посполитое ополченіе; на это литовцы заявили, что оно не только будетъ вредно, но прямо пагубно для ихъ родины, а потому предложенную поляками помощь отвергли [2]).

Сеймъ разошелся безъ всякаго результата [3]) и рѣшеніе вопроса объ усиленіи государственной обороны отложено было до будущаго сейма [4]).

Затруднительныя обстоятельства, въ которыхъ находился Баторій, заставляли его прибѣгать къ дипломатіи, чтобы хоть на короткое время отсрочить борьбу съ грознымъ врагомъ на востокѣ. Когда Юрій Грудзинскій и Левъ Буковецкій возвратились изъ Москвы и привезли съ собою опасную грамоту для великихъ пословъ, которыхъ король собирался отправить къ Іоанну, тогда снаряжено было немедленно посольство, во главѣ котораго стали мазовецкій воевода Станиславъ Крыскій, минскій воевода Николай Сапѣга и дворный подскарбій литовскій Ѳедоръ Скуминъ [5]). Вмѣстѣ съ тѣмъ Баторій строго-настрого приказалъ соблюдать полное спокойствіе на границахъ съ московскимъ государствомъ, чтобы не давать даже малѣйшаго повода къ столкновенію [6]).

---

[1]) Одинъ изъ пословъ Оржельскій, авторъ замѣчательной исторіи польскихъ безкоролевьевъ (1572 -1576), прямо заявилъ въ своей рѣчи, что раздѣленіе посполитаго рушенья повлечетъ за собою „celerum interitum“ (очевидно, шляхты) и покажетъ путь въ будущемъ „ad servitutem“ (см. Bezkrólewia ksiąg ośmioro, tom wstępny, str. 33).

[2]) Acta Stephani regis, 62, № XLII.

[3]) Не мало мутили на сеймѣ и враги Баторія, вооружая противъ него шляхту; они начали сноситься даже съ императоромъ и подумывать о низложеніи Баторія, см. *Hegdensztejn*, I, 262, 264.

[4]) Acta Stephani regis, № XLII, стр. 64.

[5]) О немедленномъ снаряженіи посольства король пишетъ уже 3-го января 1577 года, см. Acta Stephani regis, стр. 64, № XLIII.

[6]) Акты Зап. Рос., III, стр. 206, № 78.

Но дипломатія могла оказаться безуспѣшною. И въ самомъ дѣлѣ, на такой исходъ переговоровъ съ московскимъ царемъ указывали въ началѣ 1577 года нѣкоторыя обстоятельства, и притомъ весьма серьезныя. Жители мятежнаго города Данцига завязали сношенія съ Москвою и Татарами, чтобъ получить оттуда помощь или, по крайней мѣрѣ, поставить Баторія въ затруднительное положеніе, чего они и добились до извѣстной степени. Царь отправилъ крымскому хану подарки, и Татары произвели свой обычный опустошительный набѣгъ на Волынь и Подолію. Баторій могъ подозрѣвать, что Іоаннъ начнетъ скоро войну, слѣдовательно, весьма близокъ моментъ величайшей опасности для государства. Чтобъ отразить ее, необходимо было изыскивать средства и изыскивать поспѣшно. Баторій проявилъ при этомъ свою обыкновенную энергію. Онъ созвалъ на 23-е марта сенаторовъ въ городъ Влоцлавокъ и предложилъ имъ обсудить мѣры, необходимыя для государственной обороны. Сенаторы посовѣтовали обратиться къ шляхетскимъ сеймикамъ непосредственно за новыми налогами и не созывать сейма, такъ какъ совѣщанія его бываютъ безрезультатны. Мѣра, присовѣтанная королю сенаторами, была противна конституціи, тѣмъ не менѣе Баторій рѣшилъ испробовать ее [2]). Чтобъ сильнѣе повліять на умы шляхты и такимъ образомъ склонить ее къ необходимымъ пожертвованіямъ на защиту государства, король изобразилъ печальное состояніе страны самыми яркими красками. Жители Данцига не только упорствуютъ въ своемъ мятежѣ, но производятъ неслыханные грабежи и насилія. Они опустошили много шляхетскихъ имѣній, разрушили монастырь Оливу, намѣреваются уничтожить и самое имя Польши въ Пруссіи. Мало того, они обращаются за помощью къ врагамъ Речи Посполитой и строятъ всюду противъ нея козни. Въ то же время Татары своими вторженіями въ предѣлы государства причинили ему не мало вреда. Опасность угрожаетъ и со стороны московскаго царя. Речь Посполитая погибнетъ, если не будетъ оказана ей помощь [3]). Такъ король говорилъ къ шляхтѣ. Одновременно онъ пробовалъ добыть средства и изъ другихъ источниковъ. Маркграфъ анспахскій хлопоталъ о предоставленіи ему опеки надъ душевно боль-

---

[1]) Acta Stephani regis, стр. 79, № LIII.

[2]) *A. Pawiński*, Skarbowość w Polsce za Stefana Batorego, стр. 328.

[3]) Acta Stephani regis, стр. 67—72, № XLVI.

нымъ герцогомъ прусскимъ Фридрихомъ-Альбрехтомъ. Король согласился исполнить желаніе маркграфа, но подъ условіемъ уплаты 200.000 золотыхъ. По просьбѣ короля, частныя лица дали казнѣ денегъ въ ссуду. Вмѣстѣ съ тѣмъ Баторій рѣшилъ привлечь къ пожертвованіямъ и духовное сословіе, которое освобождено было отъ государственныхъ налоговъ и только, по своей доброй волѣ, давало иногда субсидію государству. По этому поводу собрался синодъ въ Петроковѣ и желаніе короля было удовлетворено: синодъ опредѣлилъ дать королю субсидію, которая могла достичь суммы 70.000 золотыхъ. Обращеніе къ шляхтѣ увѣнчалось тоже успѣхомъ. Главные провинціальные сеймики въ Колѣ, Корчинѣ и Варшавѣ установили налоги согласно положеніямъ, опредѣленнымъ на люблинскомъ сеймѣ 1569 года [1]). Прусскій сеймикъ въ Грудзіондзѣ увеличилъ поборъ въ 200.000 золотыхъ еще на 100.000. Сенатъ разрѣшилъ Баторію заложить даже коронныя драгоцѣнности [2]).

Литовцы позамѣшкались нѣсколько въ установленіи налоговъ, необходимыхъ для государственной обороны, хотя опасность со стороны Іоанна была уже близка: онъ стянулъ уже свои войска въ Новгородъ и Псковъ. На эту мѣшкотность литовцевъ Поляки обратили вниманіе короля и онъ долженъ былъ сдѣлать имъ упрекъ за это, побуждая ихъ вмѣстѣ съ тѣмъ принимать поскорѣе мѣры для защиты Ливоніи [3]).

Литовцы на своемъ главномъ сеймикѣ въ Волковыскѣ пришли тоже, какъ и Поляки на своихъ главныхъ сеймикахъ, къ заключенію, что необходимо установить налогъ на всѣхъ, безъ исключенія, въ виду грозной опасности, надвигавшейся со стороны московскаго государства [4]).

Опасенія Баторія относительно того, что дипломатическіе переговоры съ Москвою могутъ быть безуспѣшны, оказались вполнѣ основательными. Баторій напрягалъ усилія свои къ тому, чтобы увеличить средства, необходимыя для государственной обороны,

---

[1]) *A. Pawiński*, Skarbowość... стр. 330—332; Acta Stephani regis, стр. 81, № LXI.

[2]) *Hejdensztejn*, Dzieje Polski, I, 266.

[3]) Акты Зап. Рос., III, 209—211, № 82. Сеймики въ Польшѣ окончились уже въ маѣ (Acta Stephani regis, 81, № LVI); литовскій же сеймикъ происходилъ въ іюлѣ.

[4]) Acta Stephani regis, 82, № LXIII.

а Іоаннъ принялъ уже давно (еще 10-го февраля 1577 года) постановленіе «идти очищать свою отчину Виѳлянскую землю» [1]).

II.

Ливонскій походъ Іоанна (1577).

Состояніе Ливоніи въ этотъ моментъ было весьма печально. Мы знаемъ, что еще въ 1570 году Іоаннъ провозласилъ королемъ ливонскимъ на вассальныхъ условіяхъ принца Магнуса, надѣясь при помощи такой политической комбинаціи достичь скорѣе намѣченной цѣли, а именно утвердиться на берегахъ Балтійскаго моря ради торговыхъ и промышленныхъ сношеній съ Западной Европой. Магнусъ обязался давать свободный проѣздъ черезъ свои владѣнія иностраннымъ купцамъ, художникамъ, ремесленникамъ и военнымъ людямъ, направлявшимся въ московское государство.

Осуществленіе этой политической комбинаціи сильно обрадовало Іоанна: онъ отпраздновалъ торжественно возведеніе Магнуса въ короли, выпустилъ въ честь его на свободу всѣхъ Нѣмцевъ, которые находились у него въ плѣну, и обручилъ своего вассала со своею племянницею Евѳиміею Владиміровною, дочерью кн. Владиміра Андреевича [2]).

Планъ созданія ливонскаго королевства можно было привести въ исполненіе только въ той части прежней Ливоніи, которая принадлежала Шведамъ, ибо съ Польшей было заключено перемиріе. Іоаннъ отправилъ немедля, уже въ августѣ 1570 года, Магнуса съ войскомъ въ Эстляндію, но предпріятіе потерпѣло

---

[1]) Ливонскій походъ царя Іоанна Васильевича Грознаго въ 1577 и 1578 годахъ (Военный Журналъ, издаваемый Военно-Учебнымъ Комитетомъ, 1852 годъ, № 1, стр., 131: „7085 году, февраля въ 10-й день, Государь Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичъ всеа Руси, приговорилъ съ сыномъ своимъ, съ Царевичемъ Иваномъ Ивановичемъ, и со всѣми бояры, прося у Бога милости, идти очищать свою отчину Виѳлянскую землю, а съ ними быти Великому Князю Семіону Бекбулатовичу Тверскому, инымъ боярамъ и воеводамъ, по росписи“.

[2]) *Соловьевъ*, Исторія Россіи изд. 1894, книг. II, стр. 206; *Karl Heinrich von-Busse*, Herzog Magnus, König von Livland, Leipzig, 1871, S. 55, 76; *Th. Schiemann*, Charakterköpfe und Sittenbilder aus der baltischen Geschichte des XVI Jahrhunderts, Mitau, 1877, S. 88; *G. Rathlef*, Der Fall Wendens (Baltische Monatsschrift, Bd. XXXV, S. 393), *В. Г. Форстенъ*, Балтійскій вопросъ, I.

крушеніе при осадѣ города Ревеля. Эта неудача сильно напугала Іоаннова вассала, въ особенности тогда, когда два его пособника Таубе и Крузе, авторы проекта ливонскаго королевства, бѣжали въ Польшу, чтобъ избѣжать царскаго гнѣва. Магнусъ опасался и для себя царской опалы, вслѣдствіе чего удалился даже на островъ Эзель. Но Іоаннъ продолжалъ оказывать благосклонность своему вассалу: онъ выдалъ даже за него замужъ свою вторую племянницу Марію Владиміровну, когда первая умерла (12-го апрѣля 1573 года). Однако царь не питалъ уже къ нему прежняго довѣрія, боясь измѣны съ его стороны. Магнусъ долженъ былъ удовольствоваться только двумя замками, Каркусомъ и Оберпаленомъ, которые царь пожаловалъ ему во владѣніе. Король-неудачникъ жилъ здѣсь со своей юной женою въ весьма бѣдной обстановкѣ и въ постоянной тревогѣ за свои владѣнія, ибо они подвергались опустошеніямъ не только со стороны Шведовъ, съ которыми московскій государь велъ войну, но и со стороны отрядовъ, находившихся на службѣ Рѣчи Посполитой, несмотря на перемирія, которыя она заключала съ Москвою [1]), такъ какъ Іоаннъ тоже не соблюдалъ въ точности перемирныхъ договоровъ.

Рѣчь Посполитая, какъ мы видѣли выше, старалась обезопасить Ливонію отъ притязаній Іоанна путемъ дипломатическихъ переговоровъ, что ей и удавалось дѣлать. Существенной же защиты она не могла оказать странѣ, такъ какъ на это въ казнѣ не было средствъ.

Между тѣмъ Ливонія была страшно опустошена, силы ея истощены; кромѣ того, въ умахъ населенія царила полная неувѣренность въ томъ, чѣмъ оно владѣло, а нравственное состояніе его отличалось величайшею неустойчивостью. Въ то время, какъ одни выказывали полную преданность Рѣчи Посполитой, другіе готовы были измѣнить ей во всякую минуту. По странѣ сновали тайные агенты, которые возбуждали жителей противъ польско-литовскаго владычества. Къ довершенію бѣдствій, ей постоянно угрожало нашествіе непріятеля, который дѣйствительно иногда и вторгался въ ея предѣлы и производилъ опустошенія. Вопреки перемирію московскія войска вторгались въ декабрѣ 1572 года [2]); въ началѣ 1575 года они захватили замокъ Салисъ [3]), въ іюлѣ того

---

[1]) *Busse*, 56—79.

[2]) См. выше, стр. 14.

[3]) *Busse*, 91.

же года завладѣли городомъ Перновомъ, причемъ во всѣхъ этихъ походахъ они производили страшныя опустошенія въ странѣ и страшныя жестокости надъ жителями [1]). Послѣ взятія Пернова Ливонцами овладѣла сильная паника: многіе искали спасенія бѣгствомъ въ Ригу. Рѣшено было обратиться за помощью къ Речи Посполитой, что казалось самою настоятельною необходимостью, такъ какъ Іоаннъ соглашался соблюдать миръ съ польско-литовскимъ государствомъ, за исключеніемъ Ливоніи [2]). Просьба ливонцевъ была удовлетворена, но помощь оказана ничтожная. Администраторъ Ливоніи Ходкевичъ двинулся, было, съ отрядомъ въ 2.000 человѣкъ противъ Русскихъ, но вслѣдствіе малочисленности своего отряда могъ отнять у врага только замокъ Руинъ [3]).

Сознавая слабость своихъ силъ, Литовцы старались, какъ мы знаемъ, удержать Іоанна отъ завоеванія Ливоніи путемъ дипломатическихъ ухищреній, обѣщая царю избрать его или его сына на престолъ. Эти ухищренія увѣнчались успѣхомъ. Посылая въ Литву Луку Новосильцева, Іоаннъ обѣщалъ и въ ливонскую землю рати не посылать [4]). Это обѣщаніе обезопасило Ливонію отъ непріятельскихъ нападеній на очень короткое время.

Въ началѣ октября 1576 года Магнусъ напалъ на замокъ Лемзаль и завладѣлъ имъ въ отомщеніе за нападеніе, произведенное курляндскими дворянами на его замокъ Амботенъ [5]). Это случилось уже въ царствованіе Стефана Баторія.

Страдая отъ этихъ непріятельскихъ вторженій, неувѣренные въ безопасности своего имущества и своей жизни, Ливонцы сваливали вину на правительство Речи Посполитой: они осуждали особенно сильно нерадивость администратора Ливоніи Ходкевича, обвиняя его даже въ тайномъ пособничествѣ видамъ московскаго государя [6]). Но эти обвиненія были, какъ мы знаемъ, совершенно

---

[1]) *Orzelski*, II, 166.

[2]) *Busse*, 95 и см. выше.

[3]) *Busse*, 95—96.

[4]) Акты Зап. Рос., III. 182, № 60. Дата документа 1574 годъ не вѣрна, ибо Лука Новосильцевъ отправленъ былъ изъ Москвы въ концѣ августа 1575 г. (см. *Бантышъ-Каменскій*, op. cit., стр. 145; *Щербатовъ*, т. V, ч. 2-я, стр. 367).

[5]) *Busse*, 100.

[6]) Ливонцы жаловались Стефану Баторію на Ходкевича слѣд. образомъ: „non occulte ferebatur, sed etiam capti Rutheni, numero decem, praecipui ex nobilitate ruthenica viri, apertissime fatebantur id scilicet Domino Administratore connivente vel invitante fieri, ut Magnus Moschorum Dux

неосновательны. Ливонцы жаловались также и на то, что ихъ страна не была включена въ перемирный договоръ, какъ будто бы она не входила въ составъ Речи Посполитой; между тѣмъ Ходкевичъ увѣрялъ, что перемиріе распространяется и на Ливонію и вслѣдствіе этого требовалъ, чтобы никто въ Ливоніи не вооружался, ибо это раздражаетъ могущественнаго сосѣда и колеблетъ мирныя отношенія, въ которыхъ состоитъ съ ними Речь Посполитая [1]). Въ этихъ обвиненіяхъ заключалась весьма малая доля истины: какъ намъ извѣстно, Іоаннъ только въ 1575 году явно исключилъ Ливонію изъ перемирнаго договора, но затѣмъ черезъ Новосильцева далъ обѣщаніе не вести войны и въ Ливоніи [2]). Речь Посполитая дѣйствительно защищала слабо Ливонію, но, можетъ быть, не хуже, чѣмъ свои другія области, ибо ея постоянныя вооруженныя силы были ничтожны; дипломатія же прилагала всѣ свои усилія къ тому, чтобы поддержать миръ съ московскимъ государствомъ.

Если ливонцы жаловались на то, что Речь Посполитая слабо ихъ защищаетъ и даже не позволяетъ имъ самимъ защи-

---

Livones ac praecipue Parnovienses invaderet, illorum pertinaciam, quam ipse affligere praeter meritum non posset, ipse tanto majori terribilioreque calamitate puniret. *Busse*, 96, прим. 1. Поводъ къ такимъ обвиненіямъ подавали, конечно, слухи о тайныхъ переговорахъ Ходкевича съ московскими гонцами.

[1]) См. Ad Serenissimum, Potentissimum atque Illustrissimum Principem ac Dominum, Dominum Stephanum Dei gratia Regem Poloniae etc. Apologia Reliquiarum Livoniae querulantium calamitates cladesque a (Hoste) ob neglectam ac iniquissimo odio male perfideque desertam ac seu proditam acceptos Anno 1577. Отрывки изъ этой апологіи помѣщены въ Mittheilungen aus dem Gebiete der Geschichte Est-, Liv- und Kurlands, II, 385—467 въ статьѣ К. Н. *von-Busse*, Rembert Geilsheim. По совершенно основательной догадкѣ этого писателя, апологія представлена была Стефану Баторію въ 1578 г., ибо объ ней упомпнаетъ уже датскій посланникъ Ульфельдъ (Ad. Starczewski, Scriptores historiae ruthenicae exteri saec., XVI. Berolini et Petropoli, 1841, t. I, № X), возвращавшійся изъ Москвы въ концѣ 1578 г.

[2]) Современные нѣмецкіе историки обвиняютъ также Речь Посполитую въ нерадивости о защитѣ Ливоніи. Ратлефъ пишетъ по этому поводу слѣд. образомъ: Doppelt und dreifach war Livland von Polen preisgegeben: preisgegeben, indem es nicht in den Waffenstillstand eingeschlossen, preisgegeben, indem man es ohne Hilfe liess, ja es sogar hinderte sich selbst nach Kräften zu rüsten. Als der Feind herankam, war das Land schutz- und wehrlos, см. Georg Rathleff, Der Fall Wenden's въ Baltische Monatsschrift, Bd. XXXV, 398.

щаться и въ этомъ усматривали главную причину своихъ бѣдствій, то они забывали, что польско-литовское правительство не могло питать къ нимъ довѣрія, такъ какъ въ странѣ гнѣздилась измѣна. Многіе замки находились въ рукахъ нѣмецкихъ начальниковъ, состоявшихъ въ сношеніяхъ съ врагами Речи Посполитой и ставившихъ въ стѣснительное положеніе тѣхъ, которые оставались преданными польско-литовскимъ властямъ. Вѣроломство ливонцевъ сдѣлалось, по словамъ Баторія, ихъ обыденнымъ порокомъ [1]). Въ виду этого Ходкевичъ опасался созывать посполитое рушенье въ Ливоніи, ибо оно могло обратить свои дѣйствія противъ Речи Повполитой, запрещалъ производить вообще какого бы ни было рода вооруженія [2]). Администраторъ былъ такъ раздраженъ противъ вѣроломныхъ Ливонцевъ, что на просьбу ихъ о помощи заявилъ, что помочь имъ онъ не въ состояніи, а если бы онъ и могъ это сдѣлать, то онъ не прислалъ бы имъ въ видѣ вспоможенія даже и никуда негодную корову [3]).

Стефанъ Баторій дѣлалъ все, что только могъ, чтобъ усилить оборону Ливоніи: посылалъ туда войско, какое для этой цѣли имѣлось у него въ распоряженіи [4]), приказывалъ исправлять ливонскіе замки [5]), увѣщевалъ Ходкевича отправиться въ управляемую имъ область и устранить тѣхъ начальниквъ крѣпостей, которымъ нельзя было довѣрять [6]), уговаривалъ Литовцевъ не скупиться деньгами на отраженіе врага [7]) и т. п. Къ тому, же король разсчитывалъ еще на успѣхъ дипломатическихъ переговоровъ, хотя и не вполнѣ. Снарядивъ великое посольство, онъ извѣстилъ Іоанна объ этомъ и предлагалъ пока соблюдать перемиріе по всѣмъ границамъ обоихъ государствъ, но Іоаннъ въ своемъ отвѣтномъ письмѣ Ливонію обошелъ молчаніемъ, что встревожило короля [8]).

---

[1]) См. письмо Баторія (3 II, 1577) къ Ходкевичу въ приложеніи № IV.

[2]) Такъ надо понимать запрещеніе его вооржаться кому бы то ни было (см. Апологію. l. c. 429), ибо въ противномъ случаѣ оно теряетъ всякій смыслъ.

[3]) Apologia, l. c. 430 примѣч. 41.

[4]) Акты Зап. Рос., III, 202, № 76.

[5]) См. письмо въ приложеніи V.

[6]) См. письмо въ приложеніи VI.

[7]) См. письмо въ приложеніи VII.

[8]) Баторій такъ говоритъ объ этомъ въ письмѣ къ Ходкевичу отъ 13-го февраля 1577 г. Приглашая его на съѣздъ во Влоцлавокъ и сообщая ему слухи о смерти Іоанна, король продолжаетъ: sed isti rumores si incerti sint, quae de Livonia foedera et sanctiones interponendae sint, id

Отправленіе великихъ пословъ въ Москву замедлилось вслѣдствіе болѣзни мазовецкаго воеводы Станислава Крыскаго [1]).

Между тѣмъ приходили весьма тревожныя вѣсти изъ Ливоніи: туземные и иностранные купцы извѣщали, что царь собираетъ громадныя силы въ Псковѣ и готовится опустошать огнемъ и мечомъ Ливонію. Въ виду этого, ливонскіе каштеляны просили короля выслать войско по направленію къ Пскову, чтобы преграждать движеніе врагу [2]). На эту просьбу Баторій могъ отвѣтить только обѣщаніемъ удовлетворить ее, но исполнить не былъ въ состояніи, такъ какъ война съ Данцигомъ была въ самомъ разгарѣ [3]).

Усилія короля не увѣнчались желаннымъ успѣхомъ: Речь Посполитая начинала только еще готовиться къ отраженію врага, когда онъ нагрянулъ на Ливонію.

Рѣшивъ еще въ февралѣ занять ее вооруженною силою, Іоаннъ сталъ дѣлать соотвѣтствующія приготовленія. Главными сборными пунктами для войскъ были назначены Новгородъ и Псковъ, а чтобы усыпить вниманіе настоящаго врага, былъ пущенъ слухъ, что это сборы въ походъ противъ Ревеля [4]). Дѣйствительно, московскія войска осаждали этотъ городъ зимою 1577 года, но неудачно, такъ что слуху можно было повѣрить.[5]).

Приготовляясь къ войнѣ съ Речью Посполитою, Іоаннъ въ то же время возобновлялъ проектъ ливонскаго королевства на иныхъ только условіяхъ и возобновлялъ, конечно, съ тою цѣлью, чтобы легче было осуществить планы своей политики. Орудіемъ ея опять явился Магнусъ.

Положеніе этого короля, короля только de nomine, было очень тягостно и онъ захотѣлъ выйти изъ него какъ-нибудь. Получая

---

nobis sinceritas vestra perscribat necesse est, maxime quod nostris superioribus diebus ad Moschum datis literis, omnium nos licet provinciarum nostrarum mentionem fecissemues, ille rem omnem tamen de Livonia suppressit... см. прибавленіе VI.

[1]) Акты Зап. Рос., III, 209—211, № 82.

[2]) Zródła dziejowe, IV, 172, № CIV. Castellani ultradunenses ducatus Livoniae ad Regiam Majestatem de patria a hoste defendenda изъ Вендена, 26, V, 1577.

[3]) Regia Majestas Livoniae auxilium contra hostem, se allaturum promittit изъ-подъ Данцига, 14, VI, 1577. Źródła dziejowe, IV, 199, № CXXIV.

[4]) Акты Зап. Рос., III, № 82.

[5]) *Busse*, 104—105. Осада Ревеля продолжалась отъ 23-го января до 13-го марта.

свѣдѣнія объ энергическихъ дѣйствіяхъ Стефана Баторія, онъ сталъ подумывать о пріобрѣтеніи его покровительства для себя, т.-е. объ измѣнѣ Іоанну. Уже въ концѣ 1576 года [1]) онъ вошелъ посредствомъ польскихъ офицеровъ въ Ливоніи въ сношенія съ Ходкевичемъ, обѣщая передать Баторію Иерполь, Каркусъ, Лемзаль и другіе свои замки, если будутъ приняты предлагаемыя имъ условія [2]). Затѣмъ онъ обратился по этому дѣлу къ посредничеству курляндскаго герцога, и такъ начались переговоры съ самимъ Стефаномъ Баторіемъ [3]). Конечно, ихъ старались вести въ совершенной тайнѣ, однако слухъ объ нихъ дошелъ до Іоанна. Предполагая, что измѣна его можетъ быть легко открыта и опасаясь вслѣдствіе этого попасть въ руки Москвитянъ, Магнусъ сталъ переѣзжать изъ одного замка въ другой, что еще болѣе усилило подозрительность Іоанна. Тогда царь приказалъ арестовать своего вассала, котораго онъ подозрѣвалъ въ вѣроломствѣ, но Магнусу удавалось нѣкоторое время избѣгать московскихъ отрядовъ, высланныхъ съ цѣлью задержать его [4]).

Положеніе Магнуса было критическое. Чтобы выйти изъ него, онъ притворился въ полной преданности своему сюзерену. Іоаннъ потребовалъ его къ себѣ во Псковъ, куда онъ, конечно, волею-неволею долженъ былъ поѣхать, чтобы оправдаться передъ царемъ. Оправданія эти имѣли успѣхъ до извѣстной степени. Іоаннъ повѣрилъ имъ или, по крайней мѣрѣ, показалъ видъ, что имъ вѣритъ. По особенному соглашенію Магнусъ получилъ отъ Іоанна область къ сѣверу отъ рѣки Аа (частью этой области онъ уже владѣлъ) и къ югу городъ Венденъ. Ливонія между Аа и Двиною переходила во владѣніе Іоанна; занимать здѣсь отдѣльные пункты Магнусъ имѣлъ право только съ Іоаннова соизволенія [5]).

Прежде чѣмъ выступать въ походъ на Ливонію, Іоаннъ отправилъ сюда развѣдочный отрядъ Татаръ, чтобы узнать, каковы силы страны. Польскій полковникъ Матвѣй Дембинскій пытался было остановить движеніе татарской конницы, но вслѣдствіе малочисленности своего отряда былъ разбитъ и обращенъ въ бѣгство.

---

[1]) Но не въ началѣ 1577 года, какъ представляетъ дѣло Буссе, 106—107.
[2]) Письмо къ Ходкевичу въ приложеніи VIII.
[3]) *Busse*, 106—107.
[4]) Письмо къ Ходкевичу въ приложеніи VIII.
[5]) *Rathleff*, l. c. 395—396.

Когда Татары донесли Іоанну, что войска въ Ливоніи ничтожны, онъ двинулся въ походъ изъ Пскова [1]), имѣя съ собою до 30.000 человѣкъ [2]) (13-го іюля).

Еще раньше (9-го іюля) изъ Новгорода царь выслалъ впередъ отрядъ въ 4.316 человѣкъ подъ начальствомъ князя Тимоѳея Романовича Трубецкаго, приказавъ ему идти на Трикатъ и Вольмаръ [3]).

Трубецкой произвелъ сильное опустошеніе и избіеніе жителей въ окрестностяхъ замковъ Триката, Вольмара, Нитау, Зегевольда, Трейдена, Кремона и другихъ [4]) и такимъ образомъ достигъ Западной Двины у замка Крейцбурга [5]).

Между тѣмъ самъ Іоаннъ подступилъ къ замку Маріенгаузену (16-го іюля).

Въ укрѣпленіи находилось всего 25 человѣкъ гарнизона и

---

[1]) Лѣтопись Ніенштедта въ Сборн. матеріал. и статей по исторіи Приб. Края, т. IV, стр. 49.

[2]) Іоаннъ прибылъ въ Новгородъ 1-го мая и отправился въ Псковъ 13-го іюля, оставивъ въ Новгородѣ своего сына Ѳеодора съ боярами Борисомъ и Дмитріемъ Ѳеодоровичами Годуновыми. Съ царемъ было 16.505 человѣкъ, да при артиллеріи 12.430. См. Ливонскій походъ l. c. № 1, стр. 101 и 103.

[3]) Ливонскій походъ l. c. № 3, стр. 113—114 и 119. По Gründtlicher und warhaftiger Bericht was sich nebenst dem Muschkowiterschen Ueberzugk Anno 1577 in Lieflandt tzugetragen" (Mittheil. aus dem Gebiete der Gesch. Liv-, Est- und Kurlandt, II, 455) отрядъ Трубецкого достигалъ 10.000 человѣкъ—цифра, очевидно, преувеличенная. У Карамзина, IX, 255, примѣчаніе 460, приведена цифра въ 5.287 человѣкъ. Съ княземъ Трубецкимъ царь отправилъ къ князю Александру Полубенскому, коменданту крѣпости Вольмара, грамоту. Въ этой грамотѣ Іоаннъ обосновывалъ свои права на владѣніе Ливоніею, опираясь на родословную государей, начиная съ Адама. Императоръ Августъ былъ, по словамъ Іоанна, братомъ Пруса, который, отправившись въ страну, получившую отъ его имени свое названіе, основалъ здѣсь города: Гданскъ, Хойницу, Торунь, Мальборъ (Маріенбургъ). Отъ Пруса происходилъ Рюрикъ, у котораго былъ потомокъ князь Мстиславъ Святославовичъ, получившій при крещеніи имя Юрія. Этотъ послѣдній (?) покорилъ Ливонію и основалъ здѣсь замокъ Юрьевъ, который называется теперь Дерптомъ. Онъ, Іоаннъ, преемникъ по прямой линіи отъ Мстислава Святославовича, а потому и законный, наслѣдственный владѣтель Ливоніи. Царь увѣщевалъ князя Полубенскаго выѣхать изъ Вольмара и отдать ему Ливонію безъ сопротивленія. См. Литов. Метр., II, № 16.

[4]) Объ этихъ опустошеніяхъ говоритъ Баторій въ письмѣ къ Іоанну отъ 30-го іюля, см. Метр. Литов., II, № 15; то же самое и въ Grundtl. Bericht l. c. II, 455.

[5]) Grundtl. Bericht, l. c. II, 455.

8 пищалей [1]). Вслѣдствіе этого сопротивленіе многочисленному войску Іоанна было невозможно, да и охоты сражаться у нѣмецкихъ солдатъ не было. Поэтому неудивительно, что замокъ сдался царю безъ боя, когда онъ послалъ къ начальнику крѣпости грамоту съ приказаніемъ, «чтобъ они (т.-е. воины) изъ государевы вотчины вышли вонъ, а городъ бы Государю отворили того часу» и вмѣстѣ съ тѣмъ велѣлъ обстрѣливать крѣпость [2]). Царь отпустилъ весь гарнизонъ съ начальникомъ его на свободу, приказавъ остаться въ городѣ только мѣстнымъ жителямъ [3]).

Оставивъ въ Маріенгаузенѣ 75 человѣкъ гарнизона, Іоаннъ двинулся къ Люцину, который тоже подчинился ему безъ боя (24-го іюля). Начальникомъ замка былъ Юргенъ фонъ-Ольденбокумъ. Лица, посланныя въ царскій станъ, сказали, что они вѣрно служили королю Жигимонту - Августу, но что «за Стефаномъ быти не хотѣли и ему не присягнули и по се время, а надѣялись на Государя, что ихъ Государь пожалуетъ подъ сильную руку возьметъ для того, что Лиолянская земля вотчина государева». Когда ихъ спросили, почему они въ такомъ случаѣ до царскаго прихода бить челомъ государю не присылали, они отвѣтили, «что надѣялись на Государя, а иное чаели собѣ помочи отъ Цысаря и отъ Цысаря о томъ присылка къ намъ не бывала и помочи себѣ отъ него не почаяли; а коли нынѣ пришелъ подъ городъ подъ Лужу Государь царь и великій князь, ино городъ да они въ Божей, да въ царскихъ рукахъ» [4]).

Нѣмцы, находившіеся въ крѣпости, изъявили желаніе служить московскому государю. А потому Іоаннъ приказалъ отправить ихъ въ Москву и «разобравъ, устроить помѣстьми и день-

---

[1]) Во Влехѣ было „людей всякаго человѣка 25 человѣкъ, да въ городѣ-жъ тутошнихъ людей жильцовъ 20 человѣкъ". А по взятіи укрѣпленія оказалось: „на городѣ 2 пищали полуторныхъ въ стѣнахъ на колесѣхъ, 2 пищали невеликихъ грановитыхъ, 3 пищали скорострѣльныхъ со вкладинами, 1 попорчена, да 9 ядеръ свинчатыхъ; да на городѣ-жъ, на деревянной стѣнѣ, пищаль невелика полковая грановитая на колесѣхъ". Ib., № 4, стр. 142 и 143. Грамота царя о сдачѣ Влеха у Щербатова, Ист. Рос., т. V, ч. 4-я, стр. 169—170, № 26.

[2]) Ливонскій походъ, l. c. № IV, стр. 137.

[3]) Ib., № IV, стр. 138.

[4]) Ib. № IV, стр. 147. По Grundl. Bericht l. c. II, 455. Люцинъ взятъ 26-го іюля, по Erberml. und Klegl. Zeit. (Beiträge zur Kunde Ehst-, Ls- und Kurlands, II, 33) 6-го августа.

гами; а которые пригодятся въ пушкари и въ стрѣльцы, и тѣхъ устроить жалованьемъ денежнымъ и хлѣбнымъ»[1]).

Въ Люцинѣ было оставлено 100 человѣкъ гарнизона. Намѣреваясь направиться затѣмъ къ городу Рѣжицѣ, Іоаннъ призвалъ къ себѣ бывшаго начальника крѣпости нѣмца Юргена фонъ-Ольденбокума (Юрія Букана) и отдалъ ему такое повелѣніе: «нынѣ велѣли есьма тебѣ и твоему сыну Вернову ѣхать съ собою до Резицы для того, какъ мы будемъ у Резицы, и ты-бъ приказалъ къ сыну своему Христофору, или къ тѣмъ, которые въ Резицѣ державцы сидятъ отъ сына твоего, чтобъ сынъ твой Христоформъ нашу отчину городъ Резицу намъ отдалъ потому-жь, какъ ты намъ городъ Лужу очистилъ и крови-бъ на собя сынъ твой тѣмъ не навелъ и нашея ярости не взводилъ». На это «нѣмчинъ Юрій Буканъ и сынъ его Верновъ Государю били челомъ: мы подданы твоего Царскаго Величества на твоей великой милости челомъ бьемъ. И царь и великій князь нѣмчина Букана и сына его Вернова пожаловалъ, велѣлъ имъ быть у стола».

Рѣжицею Іоаннъ овладѣлъ, не произведя и одного выстрѣла (27-го іюля). Лишь только царскія войска подступили къ городу, какъ тотчасъ же вышли изъ него «мызники и били челомъ Государю царю и великому князю, что городъ Резица Божья да его государева вотчина, а ихъ бы Государь пожаловалъ, велѣлъ устроити въ своихъ государевыхъ городѣхъ, потому-жь какъ Государь пожаловалъ и лужскихъ нѣмцъ». Вслѣдствіе этого Іоаннъ милостиво обошелся со сдавшимися Нѣмцами и также принялъ ихъ на свою службу[2]).

Оставивъ въ крѣпости 178 человѣкъ войска, Іоаннъ направился къ Динабургу (Невгину). Начальникомъ гарнизона былъ

---

[1]) Ib., № V, стр. 99. Въ виду этого невѣрно утвержденіе нѣмецкихъ историковъ, что нѣмецкіе воины съ женами и дѣтьми были временно отведены, какъ плѣнные, въ Псковъ, а литовско-польскіе гарнизоны отпускаемы на волю въ знакъ того, что царь ведетъ войну только съ Ливоніею, но съ Поляками соблюдаетъ миръ, см., напр., *G. Rathleff*, Der Fall Wenden's, l. c., стр. 399.

[2]) Ib., № V, стр. 102. По Grundl. Bericht (l. c. II, 455) Рѣжица взята 30-го іюля, по Erberml. Zeitung (l. c. II, 133), 8-го августа. Утвержденіе послѣдняго источника, что Іоаннъ начальниковъ въ Люцинѣ и Рѣжицѣ взялъ въ плѣнъ und sie neben aller ritterschaft und untersassen mit weib und verfuret und sie alle geplundert" должно быть признано невѣрнымъ въ виду яснаго свидѣтельства „Ливонскаго похода".

здѣсь полякъ Соколинскій [1]), который, выславъ въ царскій станъ двухъ Нѣмцевъ, объявилъ, что сдаетъ городъ на всей государевой волѣ (9-го августа). Іоаннъ велѣлъ распросить сдавшихся, хотятъ ли остаться у него на службѣ или получить свободу, обѣщая, что тѣхъ, «которые похотятъ на его государево имя и Государь ихъ пожалуетъ на свое имя, взять ихъ велитъ и устроитъ, какъ имъ быти; а которые на государево имя не похотятъ, а учнутъ бити челомъ, чтобъ ихъ Государь пожаловалъ, велѣлъ имъ дати повольность, и Государь пожалуетъ, отпустить ихъ велитъ». Невгинскіе люди били челомъ, чтобъ ихъ государь пожаловалъ, велѣлъ имъ дать волю.

Іоаннъ не только далъ имъ свободу, но и удостоилъ ихъ особой милости, пригласилъ къ своему столу и пожаловалъ имъ шубы и охобни.

Въ Динабургѣ оставлены были 350 человѣкъ и значительная артиллерія [2]).

По пути къ Лаудону (не доходя 3 версты отъ него) Іоаннъ послалъ отрядъ въ 200 человѣкъ къ Крейцбургу подъ начальствомъ Елчанинова. Послѣдній (6-го августа) донесъ царю, что «онъ пріѣхалъ подъ городъ, аже городъ горитъ, а ворота де городовые, выгорѣвъ, завалились». Тогда Іоаннъ приказалъ «досмотрити того, доѣхалъ ли Иванъ Елчаниновъ до Круцборха или не доѣхалъ?» Посланный принесъ царю извѣстіе, «что онъ подъ Круцборхомъ былъ и про Ивана Елчанинова сказалъ, что онъ и съ дѣтьми боярскими и съ стрѣльцы стоитъ у города у Круцборха, а въ городъ ѣхати ему нельзя, потому что де городъ горитъ и ворота у города выгорѣли». Городъ былъ зажженъ, очевидно, отрядомъ кн. Трубецкого, достигшимъ Западной Двины у этого именно пункта.

Іоаннъ приказалъ Крейцбургъ осмотрѣть и изъ осмотра оказалось, «что въ городѣ въ Круцборхѣ стараго города стѣна раз-

---

[1]) См. письмо Ходкевича къ Баторію въ приложеніи № XI. Въ „Ливонскомъ походѣ“ начальникъ гарнизона названъ Станиславомъ Денинскимъ, что, конечно, не вѣрно.

[2]) О сдачѣ Динабурга ib., № V, стр. 103—108. Артиллерія, оставленная Іоанномъ въ крѣпости, состояла изъ 7 пищалей мѣдныхъ, 3 пищалей скорострѣльныхъ желѣзныхъ да 104 пищалей затинныхъ, да зелья въ 18 бочкахъ 50 пудъ, да полбочки ямчюги, да ко всѣмъ пищалямъ 1.000 ядеръ, 50 прутовъ свинцу, да въ прибавку оставлено 2 пищали полуторныхъ.

сыпалась вся, а въ вышегородѣ домы погорѣли всѣ, а въ вышкѣ мосту и кровли нѣтъ» [1])

Затѣмъ царь двинулся къ Лаудону, который подчинился добровольно. Лаудонскіе нѣмцы были отпущены за Двину, но «Левдунъ велѣлъ Государь разорить» [2]).

Когда Іоаннъ подступилъ къ Зессвегену (Чиствину) и послалъ къ «чиствинскимъ людямъ грамоту, чтобъ чиствинскіе люди городъ Чиствинъ Государю очистили безъ кровопролитія», чиствинскіе Нѣмцы грамотою, по-нѣмецки писанною, отвѣтили, что они хотятъ «Королевскому Величеству польскому вѣрны быти и цѣлованья забыти» не хотятъ. Царь послалъ вторую грамоту, но посланный въ городъ Латышъ принесъ ее назадъ и сказалъ, «что у него той грамоты не взяли, а хотѣли его застрѣлить». Тогда Іоаннъ разставилъ полки, чтобы силою принудить сопротивляющихся къ сдачѣ. Но изъ города явился въ московскій станъ перебѣжчикъ, одинъ Нѣмецъ, который на допросѣ заявилъ, «что въ городѣ большой человѣкъ Нѣмчинъ Ернистъ фонъ-Микинъ да мызниковъ 12 человѣкъ, и Ернистъ раненъ, застрѣленъ изъ лука и съ тое раны умираетъ, чаю и умретъ, а его Волка Амоса Ернистъ и всѣ мызники Царскому Величеству послали бити человѣкомъ, чтобъ ихъ Царское Величество пожаловалъ, отъ смерти животъ далъ, а изъ города выпустить велѣлъ, а они Государю городъ отворятъ и во всей воли государской учинится».

Царскіе бояре поставили имъ въ вину, что они «своровали, грамоты царскіе не взяли». Нѣмцы сознались въ винѣ, что «по первой грамотѣ города не отворили, въ томъ предъ Государемъ виноваты, въ милости и въ казни воленъ Государь».

Того же дня пришли въ царскій станъ другіе Нѣмцы изъ города и тоже просили для себя пощады. Но бояре имъ сказали: «нынѣча вы у Государя милости просите, а дотудова Государь къ вамъ писалъ двѣ грамоты, чтобъ вы городъ отворили, а государь вамъ милость покажетъ, какъ будетъ пригоже; и вы того не послушали, и Государю нашему какъ вамъ въ томъ милость давать». И затѣмъ лѣтописецъ лаконически замѣчаетъ, «что «августа въ 20-й день Богъ поручилъ Государю царю и великому князю Ивану Васильевичу всея Руси городъ Чиствинъ», обходя,

---

[1]) Ib., № V, стр. 109—110. Въ Крейцбургѣ оставлено 80 человѣкъ гарнизона.

[2]) Ib., № V, стр. 112.

очевидно, молчаніемъ тѣ казни, которымъ были подвергнуты жители его за сопротивленіе [1]).

Изъ нѣмецкихъ источниковъ мы узнаёмъ, что начальниковъ города четвертовали, разрывали на части лошадьми, сажали на колъ и разсѣкали саблями, а женщинъ подвергали насилованію [2]).

Оставивъ въ Зессвегенѣ 120 человѣкъ гарнизона и соотвѣтственную артиллерію [3]), Іоаннъ того же 20-го августа послалъ отрядъ войска въ 2.013 человѣкъ къ городу Шванебургу (Гольбину); на слѣдующій день городъ былъ разоренъ, а артиллерія [4] его перевезена въ Зессвегенъ.

Послѣ того Іоаннъ взялъ (22-го августа) Берсонъ (Борзунъ), гдѣ оставилъ 140 человѣкъ гарнизона и артиллерію, состоявшую изъ 38 пищалей и 7 самопаловъ [5]).

Затѣмъ Іоаннъ направился къ Кокенгаузену (Куконосу). Когда онъ находился уже вблизи города (на послѣднемъ станѣ), пріѣхалъ къ нему оттуда князь Иванъ Бѣлосельскій съ грамотою отъ короля Магнуса и донесъ, что послѣдній взялъ Венденъ (Кесь) и послалъ отрядъ въ 50 человѣкъ занять Кокенгаузенъ.

Здѣсь необходимо сказать нѣсколько о дѣятельности Магнуса въ это время. Когда московскія войска произвели вторженіе въ Ливонію, онъ обратился съ воззваніемъ къ Ливонцамъ, увѣщевая ихъ подчиниться московскому государю: силы ихъ ничтожны, помощи ждать неоткуда, а царь идетъ съ грозною силою; подчи-

---

[1]) Ib., № V, стр. 121.

[2]) По Wahrh. erberml. Zeitung l. c. II, 134. Тотъ же летучій листокъ напечатанъ также въ соч. *Г. В. Форстена*, Балтійскій вопросъ, I, стр. 668, прим. 1. По Grundtl. Bericht i Zeitung, взятіе Зессвегена послѣдовало 21-го августа.

[3]) 4 пищали мѣденыхъ, да 30 пищалей затинныхъ, да пушку желѣзную верховую, да тюфякъ, да на городъ часы боевые.

[4]) 2 пищали сороковыя на колесѣхъ мѣденыхъ, да пищаль мѣдная, да 2 тюфяка желѣзныхъ, да пищаль желѣзная, да 2 пищали желѣзныхъ городовые тюфяки полуторы пяти, да 77 пищалей затинныхъ.

[5]) Объ этомъ Розрядная книга такъ выражается: а наряду въ городѣ и въ острогѣ тутошнего 11 пищалей скорострѣльныхъ, да 13 пищалей затинныхъ, да тюфякъ, да зелья въ палаткѣ въ трехъ бочкахъ пудовъ съ 5, до 400 ядеръ желѣзныхъ и свинцовыхъ, да къ затиннымъ пищалямъ 100 ядеръ. Да въ Борзунѣ-жъ оставлено наряду, что взятъ въ Канцлѣ мызѣ: 5 пищалей затинныхъ гладкихъ, 5 скорострѣльныхъ со вкладни, да 5 самопаловъ свитскихъ, да 4 пищали съ змѣйками, да 2 пары самопаловъ малыхъ, да 3 лукошки зелья, да полъ 200 ядеръ свинцовыхъ, да въ прибавку оставлено зелья . . . пудъ.

неніе смягчитъ его гнѣвъ и остановитъ его дальнѣйшее движеніе. Онъ, герцогъ, находится въ добромъ согласіи съ московскимъ государемъ, а потому можно положиться на его помощь. Мало того, его, герцога, предпріятія въ Ливоніи одобряются имперіею и императоромъ и покровительство ихъ Ливоніи обезпечено. Ливонское государство будетъ состоять подъ управленіемъ голштинскихъ герцоговъ или въ случаѣ прекращенія ихъ династіи— подъ управленіемъ герцоговъ мекленбургскихъ.

Это воззваніе такъ подѣйствовало на Ливонцевъ, что они возмутились противъ польско-литовскаго владычества, изгнали изъ многихъ городовъ польскіе и литовскіе гарнизоны и 14-го августа въ Венденѣ провозгласили Магнуса своимъ королемъ [1]).

Жители Кокенгаузена передались тоже на сторону Магнуса и просили его прислать имъ поскорѣе войско для защиты. Городъ былъ внѣ предѣловъ, опредѣленныхъ псковскимъ договоромъ, а потому Магнусъ не имѣлъ права занимать его безъ вѣдома и согласія Іоанна. Однако, Магнусъ сдѣлалъ это, чѣмъ и навлекъ на себя гнѣвъ царя [2]). Онъ извѣстилъ своего сюзерена уже о совершившемся фактѣ грамотою, о которой мы сказали выше.

Царь приказалъ прочесть ее въ присутствіи бояръ и дворянъ, и тѣ выразили мнѣніе, что «король Арцымагнусъ учинилъ не гораздо черезъ договоръ». Нарушеніе Магнусомъ договора не ограничилось только тѣмъ, что былъ занятъ Кокенгаузенъ. Оказалось также, что Магнусъ хотѣлъ овладѣть Пебалгомъ (Пибол-

---

[1]) Grundtl. Bericht, l. c., 453 и 456. Гейденштейнъ (Записки о Московской войнѣ, стр. 3, Rerum Polonicarum ab excessu Sigismundi Augusti libri XII, 1672, pag. 117) не знаетъ приведеннаго намп Магнусова воззванія и объясняетъ возмущеніе слухомъ, который распространилъ царь о томъ, что если Ливонцы подчинятся принцу, то онъ передастъ послѣднему для управленія Ливонію.

[2]) Буссе (стр. 111), оправдываетъ поступокъ Магнуса тѣмъ, что гонецъ, отправленный послѣднимъ къ Іоанну съ увѣдомленіемъ о предложеніи жителей Кокенгаузена, слишкомъ замѣшкался въ дорогѣ, между тѣмъ обстоятельства были таковы, что требовали поспѣшнаго образа дѣйствій. „Das Ausbleiben des Boten bestimmte aber den Herzog in dem Drange der Ereignisse zu einer raschen That; er schickte eine Kriegsmannschaft nach Kockenhausen, die das Schloss in seinem Namen besetzte". Оправданіе это кажется страннымъ. Со стороны войскъ Рѣчи Посполитой опасность Кокенгаузену не угрожала, слѣд. поспѣшность Магнуса объясняется только желаніемъ предупредить занятіе города московскими войсками.

дою), но Русскіе, находившіеся здѣсь, не допустили до этого: ограбивъ нѣмцевъ, они отпустили ихъ къ королю.

Въ своей грамотѣ Магнусъ перечислялъ города, которые ему сдались, и въ числѣ ихъ были такіе, которые не были уступлены ему Іоанномъ. Въ виду всего этого, царь приговорилъ послать къ королю грамоту, «выписавъ его непригожее дѣло, которое онъ черезъ договоръ чинилъ» [1]).

Іоаннъ писалъ, между прочимъ, слѣдующее своему вассалу: «Прислали къ намъ твои люди, а того не вѣдомо, кто имянемъ писалъ, твою грамоту, а въ твоей грамотѣ писано, что тебѣ сдались городъ Кесь (Венденъ), городъ Нитовъ (Нитау), г. Шкуинъ, г. Зборскъ, г. Голбинъ (Шванебургъ), г. Чиствинъ (Зессвегенъ), г. Тыржинъ, г. Пиболда, г. Лавдунъ, г. Борзунъ, г. Канцловъ, городокъ Ерла, городокъ Фесъ, городокъ Леневардъ, городокъ Воршевадъ, городокъ Сунжелъ, городокъ Роденожь, городокъ Кокенгаужъ. И по той по твоей грамотѣ, сложась съ нашими недруги, нашу вотчину отводишь, а которая у нихъ казна и ты тое казну у насъ теряешь; а какъ еси у насъ былъ въ Псковѣ, и мы тобѣ тѣхъ городовъ не поступывались, одну есмя тобѣ позволили доставити Кесь, да тѣ городки, которые на той сторонѣ Гови (Ла) рѣки, и ты въ тѣ городки вступился неподѣльно... А будетъ тебѣ не начѣмъ на Кеси и на тѣхъ городкахъ, которые за Говею сидятъ и ты поди въ свою землю Езелъ да и въ Датскую землю за море, а намъ тобя имати нечево для, да и въ Казань тобя намъ ссылати; то лутчи только поѣдешь за море, а мы съ Божіею волею очистимъ свою отчину Виолянскую землю и обережемъ» [2]).

25-го августа Іоаннъ послалъ къ Кокенгаузену отрядъ въ 2.059 человѣкъ подъ начальствомъ воеводъ окольничаго князя Петра Ивановича Татева и Данiила Борисовича Салтыкова. Нѣмцы не хотѣли пустить ихъ въ городъ, требуя, чтобы они показали имъ грамоту короля Магнуса, разрѣшающую занять городъ. За такое противодѣйствіе воеводы, войдя въ Кокенгаузенъ, приказали перевязать Нѣмцевъ и донесли объ ихъ сопротивленіи царю. Прибывшій къ Кокенгаузену Іоаннъ «за королевы Арцымагнусовы непригожія дѣла, что онъ черезъ договоръ учинилъ, приказалъ и велѣлъ тѣхъ нѣмецъ казнити смертью» и оставить въ живыхъ

---

[1]) Ливонскій походъ, l. c., № V, стр. 127—128.

[2]) Ливонскій походъ, l. c., № V, 95—96.

только трехъ, четырехъ человѣкъ, чтобъ было съ кѣмъ отослать къ королю государеву грамоту. Царево приказаніе было исполнено въ точности: въ живыхъ оставлены только «толмачъ Анцъ да служивый нѣмчинъ Ганусъ Берга» [1]).

Оставивъ въ Кокенгаузенѣ 1.007 человѣкъ гарнизона и значительную артиллерію [2]), Іоаннъ двинулся къ Эрли. Между тѣмъ отрядъ въ 796 человѣкъ дѣтей боярскихъ и 700 стрѣльцовъ подъ предводительствомъ Богдана Яковлевича Бѣльскаго взялъ Ашераденъ (26-го августа). Старикъ ландмаршалъ Каспаръ Мюнстеръ былъ подвергнутъ Москвитянами сѣченію розгами, а затѣмъ сброшенъ со стѣны и умерщвленъ, другіе плѣнники обезглавлены, женщины заперты въ садъ и отвратительнымъ образомъ изнасилованы [3]).

Находясь у Эрли, Іоаннъ узналъ, что Магнусъ послалъ отрядъ въ 80 человѣкъ занять Вольмаръ [4]). Здѣсь начальникомъ гарнизона былъ князь Александръ Полубенскій. Онъ находился въ самомъ критическомъ положеніи: гарнизонъ не имѣлъ продовольствія въ достаточномъ количествѣ, а крѣпость орудій для защиты; между тѣмъ помощь изъ Литвы, несмотря на самыя настоятельныя просьбы Полубенскаго, не являлась [5]). Поэтому неудивительно, что отрядъ Магнуса легко завладѣлъ Вольмаромъ. Узнавъ объ этомъ, Іоаннъ отправилъ къ Вольмару войско (въ 2.603 человѣка) подъ предводительствомъ Богдана Яковлевича Бѣльскаго и Дементія Ивановича Черемисинова, давъ воеводамъ такой наказъ.

---

[1]) Ливонскій походъ, l. c., № VI, стр. 84 и слѣд. Описывая взятіе Кокенгаузена, Ратлефъ говоритъ, между прочимъ (l. cit., стр. 404), что Поляки были отпущены на волю, но заимствуетъ этотъ фактъ неизвѣстно изъ какого источника. Мы знаемъ, что Поляковъ и Литовцевъ въ городѣ не было, ибо съ приближеніемъ къ нему московскихъ войскъ литовско-польскій гарнизонъ покинулъ его, см. Grundtl. Bericht, II, 458.

[2]) 8 пищалей и большихъ и среднихъ мѣденыхъ по 4 гривенка ядро, да 2 пищали скорострѣльныхъ, да 5 тюфяковъ, да 57 пищалей затинныхъ долгихъ, да 12 пищалей затинныхъ короткихъ, да 12 рушницъ, да въ прибавку оставлено 5 пищалей полуторныхъ, да йзъ Керепети велѣно перевезть пищаль гладкую, зелья 500 пудъ.

[3]) Wahrhaf. erbermliche Zeitung, l. c., II, 134. То же самое сообщаетъ и Гейденштейнъ (3—4): по его словамъ, женщины были отданы на поруганіе Татарамъ.

[4]) Ливонскій походъ, l. c., 1853 г., № V, стр. 104.

[5]) См. письмо кн. Полубенскаго изъ Вольмара, отъ 8-го августа въ Acta Stephani regis, 88, № LXI. Письмо князя съ его собственноручной подписью находится въ рукописи библіотеки главнаго штаба (80—1—8).

Когда они прибудутъ къ городу, пусть пошлютъ къ начальнику нѣмецкаго гарнизона требованіе выѣхать изъ города или впустить въ городъ присланный царемъ отрядъ. Если Нѣмцы выѣдутъ, тогда Бѣльскому и Черемисинову «Нѣмецъ переимати и самимъ ѣхати въ городъ, а мелкихъ людей побити»; оставить въ живыхъ только начальника и лучшихъ людей. Полубенскому, который по слухамъ сидитъ еще въ Вольмарѣ (въ Вышгородѣ), Іоаннъ приказалъ обѣщать свою милость и отпускъ къ королю Магнусу. Когда Полубенскій выѣдетъ изъ крѣпости, слѣдуетъ пристава къ нему приставить и обходиться съ нимъ хорошо, но казну и лошадей у него отнять. Если Нѣмцы и Полубенскій запрутся въ Вольмарѣ, то воеводы должны промышлять надъ городомъ «государевымъ дѣломъ, по государеву наказу». Если Полубенскаго не будетъ въ городъ, тогда воеводамъ подъ городомъ не стоять, а возвращаться къ государю; а если они узнаютъ, что Полубенскій находится отъ нихъ въ верстахъ 20-ти или 30-ти, то преслѣдовать его и догнать. Воеводы стали дѣйствовать согласно царскому приказу.

Полубенскаго нельзя было сразу найти: одни говорили, что онъ находится уже въ Венденѣ, а другіе, что сидитъ еще въ Вольмарѣ [1]). Между тѣмъ Нѣмцы не хотѣли пускать Русскихъ въ городъ; поэтому Іоаннъ приказалъ своимъ воеводамъ промышлять надъ ними. Во время осады крѣпости Полубенскій попалъ въ руки осаждающихъ и отведенъ былъ къ Іоанну. Царь обошелся съ нимъ милостиво: онъ отпустилъ вскорѣ затѣмъ плѣнника на родину [2]).

---

[1]) Ливонскій походъ, l. c., № V, стр. 105—107.

[2]) Буссе (Mittheil. aus dem Geb. der Gesch. Liv-, Ehst- und Kurlands, II, 419), а за нимъ Ратлефъ (l. c., 405) утверждаютъ, что Полубенскій намѣревался перейти на сторону Іоанна и желалъ передать ему Вольмаръ и другія крѣпости (послѣднее утверждаетъ только Ратлефъ). Это утвержденіе историки обосновываютъ на весьма подозрительномъ свидѣтельствѣ Апологіи, которая старается обѣлить въ глазахъ Стефана Баторія Ливонцевъ, представляя ихъ подданными, вполнѣ преданными королю; если ливонскія крѣпости такъ скоро сдавались Іоанну, то въ этомъ виноваты нерадивые польско-литовскіе начальники, изъ которыхъ Полубенскій готовъ былъ даже измѣнить королю. Между тѣмъ поведеніе Полубенскаго (см. ниже, стр. 61), его письмо къ государственнымъ чинамъ Литвы, на которое мы выше ссылались, свидѣтельствуютъ о полной преданности его Речи Посполитой. Если онъ далъ знать Іоанну о сношеніяхъ Магнуса съ польско-литовскимъ правительствомъ, то сдѣлалъ это, очевидно, съ тою цѣлью,

Пока происходила осада Вольмара, Іоаннъ взялъ крѣпость Эрлю [1]) и послѣ этого усилилъ артиллерію подъ Вольмаромъ посылкою новыхъ орудій. 1-го сентября Бѣльскій и Черемисиновъ стали дѣлать приготовленія къ штурму. Тогда осажденные произвели попытку прорваться сквозь ряды осаждающихъ, но большая часть ихъ была перебита; въ живыхъ остались только 12 человѣкъ и начальникъ гарнизона Георгъ Вилькинъ [2]).

29-го августа сдался Іоанну Леневардъ. Городъ занялъ своимъ отрядомъ Магнусъ. Но взятіе Кокенгаузена такъ напугало Нѣмцевъ, что они добровольно подчинились царю [3]).

Изъ Эрли Іоаннъ направился къ Шуину, но миновалъ этотъ городъ и пошелъ къ Вендену, къ которому онъ прибылъ 31-го августа. Онъ тотчасъ же потребовалъ къ себѣ Магнуса. Послѣдній побоялся явиться лично къ царю; онъ послалъ къ своему сюзерену только двухъ посланцевъ. Ихъ наказали кнутомъ и послали

чтобъ погубить Магнуса, который хотѣлъ въ одно и то же время служить двумъ враждовавшимъ между собою сюзеренамъ и при нападеніи Іоанна на Ливонію явно дѣйствовалъ во вредъ интересамъ Рѣчи Посполитой. Идемъ дальше. Ратлефъ (l. c., 406) утверждаетъ, что при занятіи Вольмара отрядомъ Магнуса Полубенскій былъ взятъ обывателями города и Магнусовыми солдатами въ плѣнъ и отведенъ къ Магнусу въ Венденъ, откуда Іоаннъ вытребовалъ плѣнника къ себѣ. Это утвержденіе противорѣчитъ показанію самого Полубенскаго, который въ письмѣ къ начальникамъ крѣпости Трикатена говоритъ, что онъ „добытъ на Володимерцѣ“, притомъ „взятъ моцью“ (Ливонскій походъ, l. c., № VI, стр. 91—92). Послѣднее заявленіе заставляетъ насъ вѣрить словамъ Іоах. Бѣльскаго: „toż na Wolmarze zamku było, gdzie kniazia Połubieńskiego chcąc żywo dostać Moskwa, gdy już zamek gorzał, oknem go w koszu wysadziła i tak starca nieboraka przywiedziono przed Moskiewskiego“ (Kronika Marcina Bielskiego, wyd. Turowskiego, Sanok, 1856, t. III, str. 1426 — 1427).

[1]) Ратлефъ (op. cit., 404) говоритъ, что здѣсь, какъ и въ Ашераденѣ, произведена была ужасная рѣзня: „die Leichen blieben auf einem Haufen liegen, den Hunden und Fögeln zum Frasse“. Мы не знаемъ, изъ какого источника историкъ заимствовалъ эти подробности. Въ Эрлѣ оставлено было 100 человѣкъ и наряду 3 пушки мѣдныя, 20 пищалей затинныхъ, 30 гривенокъ зелья, да еще 30 пудъ зелья, Ливонскій походъ, l. c., 1853, № V, 104.

[2]) Ливонскій походъ, 1853, № V, 109—110. Въ Вольмарѣ оставлено 545 человѣкъ, 12 пушекъ, 81 пищаль затинная, 10 скорострѣльныхъ, 26 бочекъ зелья, да прибавлено еще 300 пудъ зелья.

[3]) Ib., № VI, стр. 85—86. Въ Леневардѣ оставлены 202 человѣка, 2 пушки, 2 пищали мѣденыя, да затинныхъ 12.

сказать королю, что онъ самъ долженъ прибыть къ своему повелителю. Сопротивляться являлось безумствомъ, ибо силы были слишкомъ неравны. Въ сопровожденіи небольшой свиты изъ 25 человѣкъ поѣхалъ Магнусъ въ царскій лагерь. Здѣсь его немедленно арестовали, отняли оружіе и привели къ Іоанну. Лишь только онъ увидѣлъ царя, какъ тотчасъ же сошелъ съ коня и бросился на колѣни умолять о пощадѣ. Сверхъ ожиданія, царь принялъ его милостиво. Но въ это время раздался выстрѣлъ изъ крѣпости и ядро пролетѣло мимо самой головы Іоанна. Подозрительный царь усмотрѣлъ въ этомъ адскій умыселъ на свою жизнь. Разразившись сначала потоками брани, онъ ударилъ затѣмъ въ припадкѣ гнѣва своего вассала по лицу [1]), приказалъ взять его подъ стражу и держать въ полуразвалившейся избѣ. Послѣ этого гнѣвъ царя обратился на тѣхъ, которые, казалось ему, посягали на его жизнь.

Городъ былъ уже занятъ царскими войсками, ибо Магнусъ, еще до своего свиданія съ Іоанномъ, распорядился открыть городскія ворота. Выстрѣлъ изъ крѣпости раздражилъ Москвитянъ, вслѣдствіе чего они при занятіи города произвели немалую рѣзню. Тѣ, которые избѣжали ея, спаслись въ замокъ. 1-го сентября началось жестокое обстрѣливаніе крѣпости, продолжавшееся до 5-го сентября. Положеніе осажденныхъ становилось съ каждымъ часомъ ужаснѣе. Ихъ мучилъ голодъ и жажда, ибо не только хлѣба, но и воды не хватало; между тѣмъ средства къ защитѣ истощались. Несчастнымъ предстоялъ одинъ конецъ— смерть. Однако и въ этомъ безысходномъ положеніи былъ выборъ. Смерть въ рукахъ врага, если онъ возьметъ крѣпость, соединена была съ ужасными мученіями; самоубійство отъ нихъ освобождало; мало того, оно окружало погибшихъ блестящимъ ореоломъ геройскаго мученичества. Страхъ и отчаяніе, благородство и мужество слились въ одно и осажденные приняли рѣшеніе—умереть добровольно. Рѣшено было взорвать замокъ на воздухъ. Съ этой цѣлью въ замковой часовнѣ приготовили нѣсколько бочекъ пороху. Капитанъ Генрихъ Бойсманнъ поджегъ порохъ, послѣдовалъ взрывъ, который подъ развалинами замка похоронилъ много жертвъ. Однако борьба и послѣ того не прекратилась: она происходила въ нижнихъ частяхъ крѣпости, уцѣлѣвшихъ отъ взрыва. Осаждающіе врываются сюда, но слѣдуетъ

[1]) Эту подробность сообщаетъ Гейденштейнъ, 4.

новый поджогъ минъ, новый взрывъ и ожесточенная борьба прекращается [1]).

Овладѣвъ Венденомъ [2]), Іоаннъ отправилъ въ Трикатенъ къ польскимъ начальникамъ крѣпости Яну Бычковскому и Щенсному Малиновскому грамоту съ требованіемъ отворить городъ, за что обѣщалъ отпусить ихъ къ ихъ королю Стефану съ женами и съ дѣтьми «безо всякіе зацѣпки». Король Стефанъ, прибавлялось въ царской грамотѣ, хочетъ прислать къ царю пословъ для заключенія мира и царь готовъ помириться, лишь бы были только подходящія условія. Предложенія были заманчивы, сопротивленіе же невозможно, тѣмъ болѣе, что на помощь Речи Посполитой нечего было разсчитывать [3]), и Трикатенъ былъ сданъ комендантами [4]).

Нѣсколько раньше сдался Іоанну Роненбургъ. Эту крѣпость долгое время защищалъ мужественно отъ войскъ Магнуса Полубенскій, находившійся здѣсь до своего переѣзда въ Вольмаръ: онъ отбилъ нѣсколько приступовъ врага и принудилъ его отступить отъ крѣпости [5]). Но переѣхавъ въ Вольмаръ и попавъ въ

---

[1]) Подробное описаніе осады Вендена, основанное на критическомъ изслѣдованіи источниковъ, даетъ Ратлефъ (op. cit., 407 — 416). Взрывъ крѣпости — несомнѣнно геройскій подвигъ. Поэтому нельзя согласиться съ мнѣніемъ проф. Форстена, утверждающаго, что осажденными, представлявшими изъ себя пеструю смѣсь наемниковъ, Нѣмцевъ и иностранцевъ, католиковъ и протестантовъ, руководило не высокое, благородное мужество, а страхъ и отчаяніе" (Балтійскій вопросъ, I, 672). Рѣшимость умереть единитъ людей всякаго званія, происхожденія и исповѣданія и возбуждаетъ геропзмъ въ самыхъ трусливыхъ натурахъ. Это во-первыхъ. Во-вторыхъ, трудно рѣшить, какія чувства волнуютъ отдѣльныхъ лицъ въ случаяхъ подобнаго массоваго самоубійства и трудно опредѣлить, какое изъ чувствъ становится руководящимъ.

[2]) Здѣсь оставленъ гарнизонъ въ 422 человѣка подъ начальствомъ воеводъ: кн. Григорія Ивановича Долгорукаго, кн. Даніила Борисовича Пріимкова-Ростовскаго, Ивана Ивановича Клешнина и кн. Григорія Михайловича Елецкаго; кромѣ того, пушка дробовая, 8 пищалей девятипядныхъ, 4 полуторныхъ, 2 семипядныхъ, 2 скорострѣльныхъ, 77 затинныхъ, 400 ядеръ и 305 пудовъ зелья, Ливонскій походъ, l. c., VI, стр. 89—90.

[3]) Въ такомъ смыслѣ писалъ, по желанію Іоанна, начальникамъ крѣпости кн. Полубенскій, ib., VI, стр. 91—92.

[4]) 10-го сентября. Здѣсь оставлено 118 человѣкъ, 5 пищалей волконѣтовъ мѣдяныхъ, пушечка полковая, 2 пищали скорострѣльныхъ, 50 затинныхъ и 4½ бочки зелья.

[5]) Romborgii saltem obsidionem a 15 diebus Polubienscius miles et probus et fortis et fidelis fortissime sustinet, in qua jam octavam admissionem ad moe-

плѣнъ, онъ, по желанію Іоанна, написалъ грамоту къ начальникамъ гарнизона въ Роненбургѣ о неизбѣжной необходимости сдать крѣпость царю, что тѣ и сдѣлали [1]).

Взяты были еще замки Смильтенъ, Шуйенъ и Юргенсбургъ [2]). Такъ Іоаннъ завладѣлъ почти всею Ливоніею, не встрѣчая почти нигдѣ въ открытомъ полѣ сопротивленія. Небольшой отрядъ въ 100 всадниковъ, наткнувшійся на московскія войска при Эрли и Нитау, принужденъ былъ вступить съ ними въ сраженіе, но, конечно, безъ всякаго успѣха [3]). Военныя силы Рѣчи Посполитой въ Ливоніи были ничтожны. Князь Христофоръ Радзивиллъ командовалъ здѣсь отрядомъ въ 300 всадниковъ, стоявшимъ въ Кокенгаузенѣ. Въ виду ничтожности собственныхъ силъ и многочисленности враговъ литовскій предводитель не въ состояніи былъ дать рѣшительнаго отпора врагамъ, тѣмъ не менѣе онъ пытался это сдѣлать, притомъ съ нѣкоторымъ успѣхомъ, ибо ему удалось захватить въ плѣнъ и Москвитянъ, и Татаръ [4]).

Но оставаться въ Ливоніи въ виду громадныхъ силъ непріятеля и измѣны со стороны самихъ Ливонцевъ, угрожавшей на каждомъ шагу [5]), было бы для Радзивилла безуміемъ, поэтому

---

nia peditum Magnus socius Moschi, qui obsidione cinxit arcem, amisit cuique cum suis copiis dux Moschorum praesente internuntio conjunxit et denuo arcem fortissime oppugnavit. Zródła dziejowe, IV, 218, № CXXXVIII. Такъ писалъ королю посолъ къ Іоанну Станиславъ Крыскій. Папскій нунцій Лаурео (op. cit., 612) сообщаетъ о Полубенскомъ слѣд.: Il detto Połubiński dopo aver valentemente difeso in Livonia un castello chiamato Rumbork e con trecento fanti soli messo più volte in fuga un buon numero dei nemici e ammazzatine più di tre mila finalmente per mancamento di soccorso si è reso al nemico.

[1]) 8-го сентября. Царь оставилъ здѣсь 320 человѣкъ гарнизона, 6 пищалей мѣдныхъ, 6 желѣзныхъ, 4 скорострѣльныхъ, 88 затинныхъ, 595 ядеръ и 200 пудовъ пороху, см. Ливонскій походъ, l. c., № VI, стр. 94—96.

[2]) Grundtl. Bericht, l. c., II, 455—456.

[3]) Ib., II, 458.

[4]) Объ этомъ говоритъ самъ Стефанъ Баторій въ письмѣ къ Іоанну Грозному, ссылаясь на показанія плѣнныхъ Москвитянъ и Татаръ, см. Метр. Лист., II, № 15, стр. 26. Въ виду этого утвержденіе нѣмецкихъ историковъ, принимающихъ на вѣру заявленіе Grundtl. Bericht, l. c., II, 458 о томъ, что Радзивиллъ оставилъ Ливонію безъ боя (см. *Busse*, op. cit., 124—125, *Rathlef*, op. cit., 397—398), слѣдуетъ признать невѣрнымъ.

[5]) Объ этомъ Николай Радзивиллъ такъ пишетъ Ходкевичу: a nie jedno z Magnusem za Dźwiną, ale i w Kurlandyi już niektórzy Niemcy, ale i z Moskiewskim praktykują, traktują i u Moskiewskiego facie ad faciem bywają; z czem i Kurland z głową swą podobno będzie, czego Boże uchowaj, chciał się Moskiewskiemu pokłonić, см. Acta Stephani regis, стр. 94, № LXV.

онъ съ приближеніемъ войскъ самого Іоанна къ Двинѣ поспѣшилъ переправиться на ту сторону рѣки. За нимъ послѣдовалъ отрядъ польскихъ гусаръ (тоже въ 300 человѣкъ), находившійся подъ командою ротмистра Альберта Оборскаго [1]).

Администраторъ Ливоніи Ходкевичъ держалъ свое войско въ 4.000 человѣкъ внѣ предѣловъ страны, полагая благоразумно что борьба съ врагомъ, у котораго 30.000 человѣкъ войска, невозможна [2]).

При извѣстіи о нападеніи Іоанна на Ливонію, Стефанъ Баторій, занятый войною съ Данцигомъ, не зналъ, что дѣлать. Противникъ посполитаго рушенья, онъ готовъ былъ употребить въ дѣло даже и эти военныя силы, но недоумѣвалъ, куда ихъ направить, противъ ли самого Іоанна, или въ предѣлы московскаго государства, чтобы отвлечь силы царя изъ Ливоніи для защиты своихъ собственныхъ владѣній. Король предоставлялъ выборъ плана военныхъ дѣйствій на усмотрѣніе виленскаго воеводы Николая Радзивилла. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ совѣтовалъ воеводѣ нанимать поскорѣе солдатъ, потому что только при помощи ихъ можно успѣшно вести борьбу [3]).

Моментъ былъ дѣйствительно критическій. Послѣ покоренія Іоанномъ Ливоніи опасность угрожала и самой Литвѣ. Въ виду этого Баторій созвалъ литовское посполитое рушенье и назначилъ великимъ гетманомъ виленскаго воеводу Радзивилла [4]).

Посполитое рушенье собиралось по обыкновенію весьма медленно [5]), а когда собралось, то въ такомъ ничтожномъ количествѣ, что о движеніи противъ врага нечего было и думать [6]).

Іоаннъ торжествовалъ: Ливонія покорилась ему, истоптана была ногами его коней, по его собственному выраженію. Завоеваніе страны онъ не считалъ нарушеніемъ договора съ Речью Посполитою, ибо «николи того слова не было именовано, что съ

---

[1]) Grundtl. Bericht, l. c., II, 458—459.

[2]) *Busse*, op. cit., 126.

[3]) Acta Stephani regis, стр. 86—87, № LIX, стр. 91—93, № LXIII.

[4]) Акты Зап. Рос., т. III, стр. 195, № 69. Документъ помѣченъ невѣрно 1576 годомъ. Содержаніе документа свидѣтельствуетъ о томъ, что рѣчь идетъ о событіяхъ 1577 года: король говоритъ о вторженіи Іоанна въ Ливонію.

[5]) Acta Stephani regis, стр. 94, № LXV.

[6]) Ib., стр. 96, № LXVI.

Лифляндскою землею миръ» [1]). Цѣль была достигнута: о дальнѣйшихъ завоеваніяхъ Іоаннъ не думалъ и готовъ былъ заключить съ Речью Посполитою миръ, лишь бы только Ливонія признана была за нимъ [2]). Баторій смотрѣлъ на дѣло иначе.

III.

Приготовленія къ войнѣ.

И онъ желалъ поддерживать пока миръ съ Москвою, но, конечно, подъ тѣмъ условіемъ, что Іоннъ откажется отъ своихъ притязаній на Ливонію.

Мы знаемъ, что къ царю снаряжено было великое посольство, съ мазовецкимъ воеводою Станиславомъ Крыскимъ во главѣ, еще въ началѣ января 1577 года. На сборы пословъ въ путешествіе ушло нѣсколько мѣсяцевъ, а Іоаннъ въ это время произвелъ вторженіе въ Ливонію, вслѣдствіе чего посольство остановилось на пути въ Вильнѣ и обратилось за особыми инструкціями къ королю. Вмѣстѣ съ тѣмъ оно, по совѣту литовскаго сената, вошло въ сношенія съ Іоанномъ. Іоаннъ заявлялъ, что онъ никогда не откажется отъ Ливоніи, угрожалъ вторженіемъ въ другія области Речи Посполитой и выражалъ свое неудовольствіе на то, что Стефанъ Баторій не хочетъ признать за нимъ царскаго титула [3]), прибавляя, что если послѣдуетъ новый отказъ въ этомъ титулѣ, королевское посольство рискуетъ подвергнуться опасности. Въ виду этого глава посольства Станиславъ Крыскій совѣтовалъ Баторію не включать Ливоніи въ условія договора, ибо ее можно будетъ возвратить силою оружія подобно тому, какъ силою оружія покорилъ ее непріятель [4]).

---

[1]) См. письмо Іоанна къ Ходкевичу отъ 12-го сентября 1577 г. изъ Вольмара—*M. Grabowski, A. Przeździeckii A. Malinowski*, Źródła do dziejów polskich, Wilno, 1843, I, 57 — 59. Письмо это перепечатано русскими буквами въ Дополн. къ Актамъ истор., относ. къ ист. Зап. Рос., т. I, стр. 178, № 123.

[2]) Письмо Іоанна къ Баторію изъ Вольмара отъ 12-го сентября 1577 года въ Метр. Лит., II, № 16.

[3]) *Бантышъ-Каменскій*, op. cit., 152.

[4]) Źródła dziejowe, IV, 218, № CXXXVIII. Нунцій Лаурео (op. cit., 596) сообщаетъ слѣд. невѣрное извѣстіе о посольствѣ Крыскаго. Il palatino di Masovia, che doveva andar ambasciadore al Mosco, per trattar la pace, avendo in Vilna comunicata ai signori principali la sua instruzione, nella

Но Стефанъ Баторій не согласился принять этотъ совѣтъ. Онъ считалъ невозможнымъ давать врагу время укрѣпиться въ Ливоніи: искусный въ построеніи замковъ, онъ воздвигнетъ въ въ ней такія укрѣпленія, что ее почти нельзя будетъ отнять. Кромѣ того, владѣя Ливоніею, онъ постоянно будетъ угрожать Литвѣ и по истеченіи перемирія легко можетъ захватить самую столицу Литвы, Вильну. Не включать Ливонію въ перемирный договоръ казалось Баторію дѣломъ опаснымъ, ибо такимъ образомъ можно отшатнуть Ливонцевъ отъ Рѣчи Посполитой и толкнуть ихъ въ объятія другого государства. Воевать съ Москвою изъ—за одной Ливоніи значило, по мнѣнію Баторія, тратить попусту трудъ и время, ибо вести войну въ Ливоніи неудобно. Баторій уже въ это время думалъ о походѣ подъ Полоцкъ или подъ Смоленскъ [1]).

Въ виду всего этого король наказывалъ посламъ двигаться въ пути медленно и медленно вести переговоры («barbarum verbis ducendum»), чтобъ протянуть время до сейма, который, какъ надѣялся Баторій, долженъ дать ему средства на веденіе войны съ Москвою [2]).

Послы стали дѣйствовать согласно указаніямъ короля. Они остановились на нѣсколько мѣсяцевъ въ Оршѣ и завязали переписку съ королемъ и московскими боярами по поводу требованія Іоанна давать ему царскій титулъ [3]). Между тѣмъ Баторій отправилъ къ Іоанну гонца Мартына Полуяна объяснить причину задержки великаго посольства въ пути и узнать, желаетъ ли царь вести переговоры о мирѣ или нѣтъ [4]). Посылка гонца имѣла

---

quale non si faceva menzione che del accordo coi polaechi e lituani, fu avvertito che rimandasse la instruzione al rè, per farvi includer la Livonia, la quale il Mosco, pretendendo dovergli appartenere come cosa ereditaria, è solito da un tempo in qua di escluder la d'ogni trattato di pace. E intanto il suddetto palatino di Masovia si trattiene in Vilna, per intender la risoluzione, che farà il rè sopra di ciò. Что инструкція пословъ упоминала о Ливоніи, какъ необходимомъ условіи мирнаго договора, объ этомъ свидѣтельствуетъ сама инструкція (см. Метр. Лит., II, № 12), а слова Крыскаго въ письмѣ къ Баторію, на которыя мы сослались выше, говорятъ о томъ, что дѣло было какъ разъ наоборотъ.

[1]) См. письмо къ Ходкевичу отъ 10-го сентября 1577 г. въ приложеніи. № XII.

[2]) Źródła dziejowe, IV, 221, № CXXXIX.

[3]) *Бантышъ-Каменскій*, l. c., 152—153.

[4]) Метр. Лит., II, 25, № 15.

цѣлью въ дѣйствительности затянуть еще болѣе веденіе переговоровъ.

Вслѣдствіе этого посольство пріѣхало въ Москву только въ самомъ началѣ 1578 года [1]). Іоаннъ принялъ пословъ пренебрежительно, отзываясь оскорбительно о Полякахъ, Литовцахъ и самомъ королѣ и давая посольству дурное содержаніе [2]). Во время переговоровъ о мирѣ онъ заявилъ, что корона польская и великое княжество литовское—его вотчины, ибо родъ Гедимина, владѣвшій Литвою и Польшею, прекратился, а потому его наслѣдіе должно перейти къ московскимъ государямъ, какъ къ ближайшимъ родственникамъ Гедиминовичей. Царь обосновывалъ это родство на происхожденіи своемъ отъ Пруса, брата римскаго императора Августа и родоначальника литовскихъ князей [3]), а права Анны Ягеллонки, жены Стефана Баторія, на польско-литовское наслѣдіе устранялъ замѣчаніемъ: «королевская сестра государству не отчичъ». Къ королю Стефану онъ относился свысока, какъ владѣтелю какого-то Седмиградскаго государства, о которомъ «никогда не слыхали», а потому полагалъ, что Стефану въ равномъ братствѣ быть съ ними непригоже; «а захочетъ съ нами братства и любви, такъ онъ бы намъ почетъ оказалъ» [4]).

Примирить желанія договаривающихся сторонъ было невозможно. Баторіевы послы получили слѣдующую инструкцію. Вѣчный миръ они должны заключать на условіи возвращенія всего, что было отнято отъ великаго княжества литовскаго, и прежде всего возвращенія всей Ливоніи цѣликомъ. Если царь поведетъ рѣчь о перемиріи, то договариваться посламъ о возвращеніи

---

[1]) 10-го января. см. *Бантышъ-Каменскій*, l. c., 154.

[2]) По словамъ Гейденштейна (русскій переводъ, 15 — 16; латинскій текстъ, изд. 1672, стр. 121), царь приказалъ доставлять посламъ „самыя простыя и отвратительныя кушанья, а покупать провизію въ Москвѣ и не въ обычаѣ, да и не было возможности, если бы они того захотѣли“. Замѣчаніе историка о томъ, что послы не имѣли возможности пріобрѣтать себѣ провизію, непонятно. Баторій въ письмѣ къ Іоанну такъ говоритъ о пренебрежительномъ пріемѣ посольства: „tam, gdy przyjechali do ciebie i do namów między nimi a tobą przez bojary twe przyszło, ty dosyć hardzie imeś się stawił, o stanowieniu pokoju w ziemi Inflanckiej i mówić nie chciałeś, na naseś się i na majestat nasz słowy i pismem panu chrześciańskiemu, ale i człowiekowi bacznemu nieprzystojnem puszczał...“, см. Acta Stephani regis, стр. 164.

[3]) Acta Stephani regis, стр. 164.

[4]) *Соловьевъ*, кн. II, стр. 265.

Пернова и иныхъ замковъ, которые были захвачены Москвитянами во время мира, включить непремѣнно Ливонію въ перемирный договоръ, заключать перемиріе на короткій срокъ и въ документѣ договора не называть Іоанна царемъ и не давать ему титуловъ Смоленскаго, Полоцкаго и Ливонскаго [1]).

Съ своей стороны Іоаннъ о мирѣ на девять лѣтъ или о перемиріи на восемь мѣсяцевъ, какъ того желалъ Баторій, и слышать не хотѣлъ. Онъ соглашался на трехлѣтнее перемиріе, начиная отъ Благовѣщенія 1578 года, но исключалъ изъ условій договора Ливонію, называя ее своею вотчиною и причисляя къ ней Ригу и Курляндію, владѣнія, которыя не были имъ завоеваны [2]). «Тебѣ, сосѣду нашему,—такъ говорилось въ перемирной грамотѣ Іоанна,—Стефану королю въ нашей отчинѣ Лифляндской и Курляндской землѣ, въ наши города, мызы, пристанища морскія, острова и во всякія угодья не вступаться, не воевать, городовъ не засѣдать, новыхъ городовъ не ставить и ничѣмъ зацѣпки всякой и шкоды въ Лифляндской и Курляндской земли не дѣлать и изъ Лифляндской и Курляндской земли людей и городовъ къ себѣ не принимать» [3]).

Въ свою грамоту этого условія Баторіевы послы включать не желали и не включили [4]). Такимъ образомъ договоръ собственно не состоялся: царь скрѣпилъ присягою только свою договорную грамоту, а послы лишь свою [5]). Вслѣдствіе этого борьба въ самомъ скоромъ времени была неизбѣжна.

Въ концѣ 1577 г. Баторій окончилъ войну съ Данцигомъ и такимъ образомъ освободился отъ одного изъ важныхъ затрудненій, которыя парализировали его дѣятельность въ сѣверныхъ и восточныхъ областяхъ государства.

Онъ могъ теперь готовиться къ войнѣ съ восточнымъ врагомъ. За средствами на веденіе ея надо было, конечно, обратиться къ шляхтѣ. Чтобъ побудить ее къ большимъ жертвамъ, король и его помощникъ въ подобныхъ дѣлахъ Замойскій постарались изобразить грозную опасность, надвигающуюся съ сѣвера и во-

---

[1]) Метр. Лит., II, № 12.

[2]) Acta Stephani regis, стр 101, № LXXIII.

[3]) Метр. Лит., II, № 17, стр. 32.

[4]) Метр. Лит., II, № 18, и Соловьевъ, кн. II, 266. Перемирныя грамоты помѣщены также въ соч. Щербатова, т. V, часть IV, № 28.

[5]) Извѣстіе Гейденштейна 16 (лат. текстъ, 125) подтверждается словами Баторія, см. Acta Stephani regis, стр. 164.

стока на Речь Посполитую самыми мрачными красками. Въ рукахъ царя уже почти вся Ливонія и отсюда ему не трудно будетъ проникнуть въ Литву, овладѣть ея столицею, а затѣмъ и всею страною. Если допуститъ, что замыслы царя направлены не на Литву, то и въ такомъ случаѣ опасность одинаково велика. Царю легко теперь добыть Курляндію, вторгнуться въ Пруссію и сдѣлаться владыкою Балтійскаго моря. Рѣшается судьба не только Литвы, но всей Речи Посполитой. Какъ видимъ, всемірно-историческое значеніе борьбы изъ за Ливоніи понимали ясно тогдашніе руководители польско-литовскаго государства, Баторій и Замойскій.

Въ виду грозной опасности необходимо особенно энергическое напряженіе народныхъ силъ, необходимы чрезвычайныя средства. Земское ополченіе для этой борьбы не годится, такъ какъ для добыванія пограничныхъ крѣпостей нужны пѣшіе воины, а чтобы ихъ собрать и содержать, нужны деньги. Между тѣмъ государственная казна совершенно истощилась, а королевской едва хватаетъ на удовлетвореніе самыхъ необходимыхъ потребностей. Вслѣдствіе этого установленіе новыхъ налоговъ—дѣло прямо неизбѣжное [1]). Чтобъ еще сильнѣе повліять на умы шляхты и расположить ее еще болѣе къ себѣ, король обѣщалъ осуществить наконецъ реформу суда, которой шляхта давно уже добивалась [2]).

Это королевское воззваніе произвело желанное дѣйствіе. Сеймъ, созванный королемъ въ Варшаву и открывшій свои совѣщанія 20-го января 1578 года, рѣшилъ вести войну съ московскимъ царемъ и притомъ вести ее «въ предѣлахъ непріятельскихъ, такъ какъ прежній способъ держать войска внутри собственныхъ границъ и только обороняться отъ врага былъ осужденъ на основаніи происходящаго отсюда домашняго вреда и на основаніи примѣра прошлаго года» [3]). Этотъ планъ военныхъ дѣйствій былъ подсказанъ сейму—въ этомъ нельзя сомнѣваться—самимъ королемъ. Вскорѣ по окончаніи сейма Баторій заявлялъ папскому нунцію Лаурео, что начиная войну съ царемъ, онъ думаетъ не о возвращеніи Ливоніи, но о завоеваніи самой Москвы и что это предпріятіе не такъ трудно, какъ можетъ сначала показаться: стоитъ только взять Полоцкъ и Смоленскъ, и Москва будетъ въ его рукахъ [4]). Чтобъ обсудить вопросъ, какія нужно сдѣлать

[1]) *A. Pawiński*, Skarbowość za Batorego, стр. 336.
[2]) *O. Balzer*, Geneza trybunału koronnego, стр. 308—309.
[3]) *Гейденштейнъ*, стр. 11, (лат. текстъ, изд. 1672 г., стр. 119).
[4]) *Вержбовскій*, Викентій Лаурео, стр. 694.

приготовленія для войны, была выбрана коммиссія изъ сенаторовъ, которая и представила соотвѣтствующій докладъ сейму. Тогда сеймъ, оканчивая свою дѣятельность (10-го марта), установилъ на веденіе войны сборъ налоговъ въ теченіе двухъ лѣтъ и притомъ налоговъ столь значительныхъ, что никто о подобныхъ въ то время не помнилъ, именно поземельную подать въ размѣрѣ одного злотаго и акцизную пошлину въ размѣрѣ $^1/_8$ съ продажной цѣны каждой бочки пива. Сеймъ обставилъ эти значительные налоги условіемъ, что король лично будетъ вести войну и принимать участіе въ походахъ [1]). Это условіе показывало, что сеймъ относится къ королю съ нѣкоторымъ недовѣріемъ, но оно было неумѣстно, такъ какъ Баторій горѣлъ желаніемъ совершать военные подвиги на подобіе Цезаря.

Но король могъ не быть доволенъ исходомъ сеймовыхъ совѣщаній, такъ какъ не всѣ послы выразили свое согласіе на установленіе вышеозначенныхъ налоговъ: послы воеводствъ краковскаго, сандомірскаго и сѣрадзскаго заявили, что они не уполномочены одобрить налоги въ такихъ размѣрахъ [2]); противилась налогамъ и Пруссія также [3]). Эта оппозиція являлась немалою помѣхою для Баторія: онъ не могъ сразу рѣшиться, что ему дѣлать, начинать ли войну или мириться съ Іоанномъ [4]). Приходилось созывать сеймики въ упорствовавшихъ воеводствахъ, чтобы убѣдить шляхту въ неотложной необходимости расходовъ, опредѣленныхъ на сеймѣ, приходилось тратить попусту драгоцѣнное время. Противники Баторія, желая возбудить противъ него общественное мнѣніе, распускали о немъ нелѣпые слухи: говорили, что онъ намѣревается уѣхать въ Венгрію, оставивъ въ Польшѣ губернаторами Замойскаго и белзскаго воеводу Андрея Тенчинскаго [5]). Эти слухи могли казаться основательными, такъ какъ король, по окончаніи сейма, отправился изъ Варшавы (14-го апрѣля) [6]) не въ Литву, не къ границамъ Ливоніи, какъ можно было бы предполагать въ виду предстоявшей войны съ Іоанномъ Грознымъ, а во Львовъ,

---

[1]) Гейденштейнъ, стр. 11, лат. текстъ, 119, и *Ѳ. Вержбовскій*, Викентій Лаурео, стр. 666.

[2]) *Гейденштейнъ*, ib., стр. 11.

[3]) *A. Rawiński*, Skarbowość za Stefana Batorego, стр. 337.

[4]) *Ѳ. Вержбовскій*, В. Лаурео, стр. 685.

[5]) Acta Stephani regis, стр. 100, № LXXII и стр. 104, № LXXV; *Вержбовскій*, В. Лаурео, стр. 677.

[6]) *Вержбовскій*, В. Лаурео, стр 683.

къ границамъ Венгріи. Кажущаяся основательность слуховъ производила, конечно, вліяніе на общественное мнѣніе, возбуждала недовѣріе къ Баторію и усиливала среди шляхетскаго сословія оппозицію. Король и Замойскій старались подавить ее, изображая громадность опасности, угрожающей Речи Посполитой со стороны Москвы. Если восточный врагъ овладѣетъ одной, двумя гаванями на Балтійскомъ морѣ, онъ пріобрѣтетъ постепенно господство надъ всѣмъ моремъ; тогда Данцигъ потеряетъ все свое значеніе для Речи Посполитой, что самымъ пагубнымъ образомъ подѣйствуетъ на ея благосостояніе. Рѣшается притомъ судьба не одной Ливоніи, но Курляндіи и Пруссіи и наконецъ самой Литвы; мало того, гибель грозитъ всей Речи Посполитой, если граждане ея не будутъ дѣйствовать единодушно [1]).

Это воззваніе подѣйствовало на шляхту сѣрадзкаго воеводства. На пути во Львовъ Баторій узналъ, что она согласилась на постановленія сейма относительно налоговъ, но два другія воеводства, подстрекаемыя вожаками оппозиціи, продолжали упорствовать. Чтобы сломить противодѣйствіе, король по пути во Львовъ заѣхалъ въ Сандоміръ и пригласилъ къ себѣ нѣкоторыхъ мѣстныхъ вельможъ, чтобы словомъ повліять на нихъ, но они медлили пріѣздомъ [2]).

Сеймики краковскаго и сендомірскаго воеводства разрѣшали королю взимать налоги только въ размѣрахъ, установленныхъ въ 1565 году, т.-е. поземельную подать по 20 грошей съ лана и акцизный сборъ (чоповое) съ освобожденіемъ отъ него городовъ и шляхетскихъ деревень. Шляхта заявляла, что соглашаясь на эти налоги, она производитъ насиліе надъ собою и своими крѣпостными крестьянами, поступаетъ вопреки своимъ правамъ и вольностямъ и желаетъ, чтобы установленные налоги обращены были на военныя нужды. Шляхта выражала недвусмысленно подозрѣніе, что король на иныя цѣли употребитъ полученные отъ нея доходы. Краковское воеводство давало королю обѣщаніе увеличить налоги до нормы, принятой въ остальныхъ воеводствахъ, когда король на самомъ дѣлѣ начнетъ войну, а сандомірская шляхта заявляла лишь готовность выступить посполитымъ рушень-

---

[1]) *J. Janicki*, Akta historyczne do panowania Stefana Batorego króla polskiego, od 3-go marca 1578 do 18-go kwietnia 1579 r. (Bibljoteka Ordynacji Krasińskich, t. V i VI), стр. 20—24, № 18.

[2]) *Гейденштейнъ*, стр. 31, и Acta Stephani regis, стр. 100 № LXXII.

емъ противъ врага, если король откажется принять тѣ налоги, которыя оно ему предлагало [1]). Подобное рѣшеніе сеймиковъ не могло понравиться королю, ибо противодѣйствіе двухъ воеводствъ могло оказаться дѣломъ опаснымъ, подавая заразительный примѣръ другимъ воеводствамъ [2]). Вслѣдствіе этого надо было настаивать на томъ, чтобы и упорствующія воеводства пришли къ рѣшенію, принятому на сеймѣ. Съ этою цѣлью Баторій созвалъ сеймикъ, общій для этихъ воеводствъ, въ Новый Корчинъ, въ надеждѣ на то, что онъ своего добьется, хотя ему, прежде всего вождю, любившему дѣйствовать энергично и быстро, сеймиковыя совѣщанія весьма и весьма не нравились [3]).

Король вмѣстѣ со своимъ помощникомъ Замойскимъ еще разъ изобразилъ передъ шляхтою самыми мрачными красками опасности, угрожающія Речи Посполитой, стараясь такимъ образомъ подѣйствовать на ея патріотизмъ. Онъ повторялъ опять, что грозитъ гибель Речи Посполитой; а если она погибнетъ, шляхту, ея женъ и дѣтей ожидаютъ всякаго рода жестокости, которыя будетъ совершать врагъ надъ своими жертвами, ожидаютъ—еще хуже рабства—позоръ, поруганіе и посмѣшище у другихъ народовъ [4]).

Надежды короля не осуществились. Новокорчинскій сеймикъ пришелъ къ такому же почти рѣшенію, какъ и воеводскіе сеймики: уступки, сдѣланныя королю, были самыя незначительныя. Малопольскую шляхту возбуждали противъ Баторія главные его противники Зборовскіе, недовольные тѣмъ, что лишились при дворѣ всякаго вліянія; къ нимъ присоединился и извѣстный предводитель шляхты Шафранецъ [5]). Въ Польшѣ начиналась политическая борьба, виновниками которой были Зборовскіе, борьба, которая въ послѣдующее время вызвала немало замѣшательствъ.

---

[1]) Краковскій сеймикъ былъ созванъ въ Прошовицы на 16-ое апрѣля, а сандомірскій въ Опатовѣ—на то же число, см. Instrukcja panów posłów z sejmiku Proszowskiego (Bibl. Ord. Krasiń., t. V, IV, стр. 46—50, № 34) i Zlecenie poslom z województwa Sędomirskiego (ib., стр. 50—51, № 35); см. также *A. Pawiński*, Skarbowośc i t. d., стр. 337—338.

[2]) *Вержбовскій*, В. Лаурео, № 191, стр. 699.

[3]) См. Respons J. Kr. Mości etc. *J. Janicki*, op. cit., стр. 51, № 36. Сеймикъ былъ созванъ на 22-ое мая, см. ib., № 37, стр. 53.

[4]) См. Instrukcia na sejmik Korczyński etc. *J. Janicki*, op. cit., стр. 56, № 38,

[5]) *Вержбовскій*, В. Лаурео, стр. 702.

Король находился въ затруднительномъ положеніи: онъ готовъ былъ идти на уступки и хотѣлъ уменьшить подать со шляхетскихъ имѣній, оставляя для королевскихъ и церковныхъ имѣній прежнюю. Голоса сенаторовъ, къ которымъ онъ обратился за совѣтомъ по данному вопросу, раздѣлились. Одни склонялись къ мнѣнію короля, другіе протестовали противъ всякихъ уступокъ, говоря, что это будетъ весьма дурнымъ примѣромъ, что другія воеводства, узнавъ о компромиссѣ короля съ новокорчинскимъ сеймикомъ, потребуютъ и для себя такихъ же уступокъ, а тогда все дѣло о новыхъ налогахъ сведено будетъ на ничто. Въ то время какъ король находился въ нерѣшительности, что дѣлать въ данномъ случаѣ, явились къ нему два посла отъ новокорчинскаго сеймика, донесли въ присутствіи сенаторовъ о принятомъ на сеймикѣ рѣшеніи и торжественно объявили отъ имени той шляхты, которая ихъ послала къ королю, что она не дастъ ему на слѣдующій годъ совсѣмъ налоговъ, если онъ не приметъ надлежащихъ мѣръ по отношенію къ владѣльцамъ королевскихъ имѣній, чтобы понудить ихъ внести въ королевскую казну положенныя $^3/_4$ арендной платы [1]). Такимъ образомъ оппозиція имѣла ту соціально-экономическую подкладку, какая всегда обнаруживалась въ соціальной жизни Польши съ тѣхъ поръ, какъ шляхта начала играть самостоятельную роль въ государствѣ. Баторій готовъ былъ идти напроломъ: онъ намѣревался пренебречь постановленіемъ упорствовавшихъ воеводъ и издать универсалъ о взиманіи налоговъ въ такихъ размѣрахъ, въ какихъ они были опредѣлены на послѣднемъ варшавскомъ сеймѣ, хотя и опасался, что это можетъ вызвать замѣшательство въ странѣ [2]). Однако дѣло уладилось компромиссомъ. Замойскій пригласилъ къ себѣ вышеупомянутыхъ пословъ отъ новокорчинскаго сеймика и съумѣлъ убѣдить ихъ въ необходимости согласія съ остальными воеводствами Польши. Въ налогахъ съ краковскаго и сандомірскаго воеводствъ сдѣлана была ничтожная сбавка [3]); кромѣ того, король обязался употребить налоги съ этихъ воеводствъ исключительно на из-

---

[1]) Acta Stephani regis, стр. 108, № LXXVIII.

[2]) Баторій сказалъ по поводу распри слѣд. слова: „Turcica et Germanica arma diriment hanc controversiam; me non poenitet patriae, non amicorum aut consanguineorum, quos hic non habeo, tantummodo quod ego in ea tempora inciderim, quibus capiti meo et gubernationi hoc regnum obvenit“, Acta Stephani regis, стр. 110.

[3]) *J. Janicki*, op. cit., 93, № 51.

держки московской войны и добавить денегъ изъ своей казны на заготовку артиллеріи и аммуниціи [1])

Такъ было устранено одно препятствіе, мѣшавшее осуществленію военныхъ плановъ Баторія, но предстояло впереди еще немало иныхъ помѣхъ. Налоги одобрены, но еще не собраны, находятся еще не въ казнѣ. На собираніе ихъ уйдетъ немало времени и придется затратить немало энергіи. Враги Баторія, очевидно, все тѣ же Зборовскіе, стали собирать сеймики и возбуждать шляхту противъ короля, распространяя среди нея мнѣніе о необходимости разсмотрѣть финансовыя дѣла на новомъ сеймѣ, такъ какъ не всѣ воеводства пришли къ одинаковымъ рѣшеніямъ по вопросу о размѣрѣ налоговъ. Приходилось принимать мѣры противъ этой агитаціи, причемъ немаловажную услугу оказалъ королю по обыкновенію въ данномъ дѣлѣ Замойскій [2]).

Въ Пруссіи проявилась тоже сильная оппозиція. Прусскіе чины не прислали даже своихъ депутатовъ на варшавскій сеймъ. Поэтому необходимо было созывать и здѣсь сеймикъ, отправлять посла, представлять опасности, угрожающія Речи Посполитой и въ особенности Пруссіи со стороны московскаго врага, убѣждать, вести переговоры, тратить время, чтобы только добыть средства на государственныя нужды. Пруссія не сразу выразила готовность помогать королю. Сеймикъ, собранный въ Грудзіондзѣ, ограничился жалобами на тяжелое экономическое положеніе страны и на нарушеніе привилегій, дарованныхъ Пруссіи. Вслѣдствіе этого являлась необходимость собрать новый сеймикъ, который согласился, наконецъ, дать королю 50.000 флориновъ [3]).

Далѣе, налоги были собраны въ казну только къ началу 1579 года [4]), слѣдовательно начинать войну въ 1578 году было весьма трудно, даже невозможно, такъ какъ встрѣчались еще и иныя затрудненія, притомъ громадной важности. Прежде чѣмъ объявлять войну на сѣверѣ, необходимо было обезопасить предварительно южныя области государства отъ Татаръ и Турокъ. Съ этой стороны могла разразиться сильная гроза.

Стефанъ Баторій тотчасъ по вступленіи своемъ на польскій

---

[1]) Ib., 98, № 55. Гейденштейнъ (стр. 31) говоритъ, что компромиссъ послѣдовалъ, когда король сбавилъ акцизъ съ пива до 1/24 дохода въ имѣніяхъ шляхты и до 1/18 въ королевскихъ и церковныхъ.

[2]) *Janicki*, op. cit., 96, № 52 и Acta Stephani regis, 121, № LXXXVII.

[3]) Ib., №№ 29, 42, 70.

[4]) *A. Pgwiński*, Skarbowość etc., стр. 341.

престолъ постарался заключить миръ съ турецкимъ султаномъ, имѣя въ виду не только интересы Речи Посполитой, но и интересы Трансильваніи, которую Турки легко могли отнять у рода Баторіевъ. Съ этою цѣлью въ Константинополь былъ отправленъ галицкій каштелянъ Янъ Сененьскій, которому удалось склонить Турцію къ союзу съ Речью Посполитою. Султанъ обѣщался не только удерживать Крымскихъ Татаръ отъ набѣговъ на польскія земли, но и оказывать военную помощь Баторію [1]).

Пока велись переговоры съ Портою, Татары по своему обыкновенію произвели весною 1577 года опустошительный набѣгъ на Кіевскую землю, Волынь и Подолію [2]). Положеніе Баторія въ этотъ моментъ было весьма затруднительно: приходилось бороться съ мятежнымъ Данцигомъ, отражать близившееся нападеніе Іоанна на Ливонію и принимать мѣры противъ татарскихъ набѣговъ. Кризисъ не миновалъ и въ концѣ 1577 года. Данцигъ, правда, былъ усмиренъ, съ Турціею заключенъ союзъ, но зато Ливонія покорена Іоанномъ; мало того, и со стороны Турціи, несмотря на мирный договоръ, угрожала война. На югѣ произошли событія, которыя едва не уничтожили дружественнаго соглашенія съ Портою.

Среди запорожскихъ казаковъ явился атаманъ, по имени Иванъ Подкова, прозванный такъ за свою необыкновенную физическую силу (онъ легко ломалъ подковы); онъ увлекъ своихъ удальцовъ на смѣлое предпріятіе. Валахъ по происхожденію, онъ задумалъ низложить съ престола Валахіи господаря Петрила, ибо считалъ себя основательно или притворно законнымъ наслѣдникомъ страны. При содѣйствіи нѣкоторыхъ польскихъ пановъ и при помощи московскаго золота [3]) авантюристу удалось осуществить свой замыселъ.

---

[1]) Договоръ состоялся 5-го ноября 1577 года, см. *Aug. Sokołowski*, O tureckiej polityce Stefana Batorego (Ateneum, 1886, I, 518); *Верхбовскій*, Викентій Лаурео, 621; Źrodła dziejowe, IV, 233, № CXLVIII и 234, № CXLIX

[2]) Źródła dziejowe, IV, 138, № LXXX. Документъ безъ даты, но содержаніе его и нахожденіе среди документовъ 1577 года доказываютъ, что его слѣдуетъ относить къ нападенію, произведенному Татарами въ этомъ году.

[3]) Стефанъ Баторій такъ объ этомъ говоритъ: „Jakoż o tem mamy stateczną wiadomość z zeznania Nizowców, którzy są w Wołoszech przez Piotra wojewodę pojmani, że i oni do Wołoch za upominkami moskiewskiemi poszli, aby tam byli tumult uczynili i żeby tymczasem Tatarowie, wolnie

Но властвовать въ Валахіи пришлось ему недолго. Изгнанный валашскимъ воеводою при помощи Турокъ, онъ удалился въ предѣлы Рѣчи Посполитой, въ Подолію, въ окрестности города Немирова. Опасаясь нарушить миръ съ Турціею, Баторій приказалъ арестовать Подкову брацлавскому воеводѣ князю Янушу Збаражскому, угрожая послѣднему судомъ, если онъ не пожелаетъ подчиниться королевскому приказанію: король подозрѣвалъ, что воевода былъ сторонникомъ авантюриста [1]). Подкова былъ задержанъ каменецкимъ кастеляномъ Николаемъ Сенявскимъ [2]) и переданъ затѣмъ князю Збаражскому, который доставилъ его королю въ Варшаву, явившись самъ сюда, чтобъ оправдаться передъ королемъ въ возведенномъ на него обвиненіи, будто онъ помогалъ Подковѣ въ его походѣ на Валахію [3]).

Казаки послѣ этой неудачи не успокоились. Братъ пойманнаго Ивана Подковы, Александръ, предпринялъ съ Запорожцами новый походъ на Молдавію, захватилъ ея столицу Сучаву и провозгласилъ себя господаремъ [4]). Тогда Баторій, опасаясь, чтобы султанъ не присоединилъ Молдавіи къ своимъ владѣніямъ и не послалъ туда паши управлять ею, что было бы немалою опасностью для Трансильваніи, посовѣтовалъ своему брату Христофору, трансильванскому воеводѣ, отправить вспомогательное войско молдавскому господарю, осадившему Александра Подкову въ Сучавѣ. Подкова былъ побѣжденъ и попалъ въ плѣнъ, гдѣ и погибъ, посаженный на колъ, а казаки были отчасти разсѣяны, отчасти умерщвлены или отправлены въ цѣпяхъ въ Константинополь [5]).

Послѣдствія этихъ казацкихъ предпріятій не замедлили обнаружиться. Въ февралѣ 1578 года крымскій ханъ лично произвелъ опустошительный набѣгъ на Волынь и Подолію и осадилъ князя Острожскаго въ его замкѣ Острогѣ. Король отправилъ противъ Татаръ брацлавскаго воеводу князя Збаражскаго, чтобы пре-

---

przeszedłszy przez Dniepr, państwa nasze wojowali; acz do tych tumultów i niektórzy poddani JKMości nadziejami jakiemiś pożytków też się byli przymieszali". *Janicki*, op. cit., стр. 23.

[1]) Zródla dziejowe, IV, 229—231, №№ CXLV, CXLVI.

[2]) *Вержбовскій*, В. Лаурео, 649, № 179.

[3]) Ib., 652. Гейденштейнъ (стр. 9) говоритъ, что Подкову къ королю отослалъ Николай Сенявскій. Въ Acta Stephani regis, стр. 108 (въ примѣч. къ № LXXVII) Подковѣ дается, неизвѣстно почему, имя Павелъ.

[4]) *Вержбовскій*, В. Лаурео, 662.

[5]) *Вержбовскій*, В. Лаурео, 685—686 и Гейденштейнъ, стр. 32.

кратить ихъ грабежи [1]), но объявлять войну хану пока считалъ дѣломъ невозможнымъ, изъ опасенія нарушить миръ съ Турціей. Напротивъ того, онъ полагалъ, что необходимо и съ ханомъ поддерживать дружественныя отношенія, поэтому обѣщалъ давать ему ежегодно поминки, если онъ направитъ свои набѣги на земли московскаго государства [2]).

Всѣ эти событія, происходившія въ южныхъ областяхъ Польши, могли повлечь за собою величайшую опасность для Речи Посполитой, особенно въ виду приближавшейся войны съ Москвою. Вотъ что вызвало короля во Львовъ. Здѣсь онъ принималъ турецкаго чауса и татарскихъ пословъ.

Нападеніе Подковъ на Валахію и Молдавію сильно раздражило султана: онъ грозилъ Баторію разрывомъ союза и войною, если король не накажетъ примѣрно казаковъ, не казнитъ Ивана Подкову или не выдастъ его живьемъ Туркамъ [3]).

Несмотря на оскорбительныя требованія, Баторій принужденъ былъ извиняться передъ султаномъ, заявляя черезъ своего посла Христофора Дзержка, отправленнаго въ Константинополь, что нѣтъ возможности ни истребить казаковъ, ни удержать ихъ отъ набѣговъ на турецкія владѣнія [4]). Вмѣстѣ съ тѣмъ король постарался привести въ дѣйствіе самыя суровыя мѣры, чтобы прекратить казацкіе походы и грабежи [5]).

Наконецъ, въ угоду султану, Иванъ Подкова, по приказанію Баторія, былъ обезглавленъ въ присутствіи турецкаго чауса, не

---

[1]) Изъ письма къ Ходкевичу (изъ Варшавы, 24-го февраля 1578 г.): Tatarowie na Wołyniu i w Podolu mieszkają jako doma, biorą jako swe i Kniazia Ostrowskiego na Ostrogu dobywają, posłał Król żołnierze i hajduki i Zbaraskiego nad nimi Bracławskiego wojewodę... (рукоп. Публ. Библ. польск. FIV, 185). *Вержбовскій*, В. Лаурео, стр. 162. То же самое, только подробнѣе, разсказываетъ и Гейденштейнъ (стр. 10). Къ разсказу его въ русскомъ переводѣ сдѣлано неподходящее примѣчаніе относительно донесенія Збаражскаго о татарскомъ набѣгѣ. Донесеніе относится къ веснѣ 1577 года, какъ это вѣрно указывается въ примѣчаніи, а Гейденштейнъ разсказываетъ о набѣгѣ 1578 года, а не о набѣгѣ 1577 года, что вполнѣ явствуетъ изъ словъ: въ самые дни сейма (т.-е. варшавскаго начала 1578 г.)... ханъ сдѣлалъ набѣгъ на Волынь.

[2]) *Janicki*, op. cit., 34, № 26.

[3]) Acta Stephani regis, 107, № LXXVII.

[4]) *Aug. Sokołowski*, O tureckiej polityce Stefana Batorego Ateneum, 1886, I, 521.

[5]) *Janicki*, op. cit., №№ 23, 24, 25.

смотря на то, что многіе въ Польшѣ ходатайствовали передъ королемъ о дарованіи жизни смѣлому атаману [1]). Тогда съ Турціею возстановлено было дружественное соглашеніе.

Въ это же время происходили переговоры и съ крымскимъ ханомъ. Баторій соглашался посылать ему обычныя поминки и соблюдать миръ на тѣхъ условіяхъ, какія существовали при прежнихъ корояхъ [2]), но ханъ хотѣлъ измѣнить эти условія. Онъ требовалъ, чтобы король давалъ ему ежегодно поминки даже и въ томъ случаѣ, если Татары не будутъ служить польскому правительству и будутъ находиться въ союзѣ съ Москвою. Кромѣ того, онъ требовалъ, чтобы оба берега Днѣпра были уступлены Ордѣ, а казаки изгнаны совсѣмъ изъ Запорожья [3]).

Однако послѣ продолжительныхъ торговъ со стороны татарскихъ пословъ, при посредничествѣ турецкаго чауса, не безъ сильнаго вліянія богатыхъ подарковъ, миръ съ ханомъ былъ заключенъ на прежнихъ условіяхъ; Татары обязались за получаемыя поминки вести войну съ московскимъ государствомъ. Надъ заключеніемъ договора Баторію пришлось потрудиться немало. Угрозы турецкаго султана и затруднительныя обстоятельства, въ которыхъ король находился тогда вслѣдствіе того, что близилась война съ Москвою, усиливали требовательность крымскаго хана. Къ счастью для Рѣчи Посполитой, онъ принужденъ былъ, по приказанію турецкаго султана—своего сюзерена, послать 30.000 своихъ подданныхъ на войну съ Персами, что ослабило силы Орды, вслѣдствіе чего татарское посольство сдѣлалось сговорчивѣе и пошло на уступки [4]). Такъ состоялся договоръ, но только въ сентябрѣ 1578 г. [6]). Пока шли переговоры съ Татарами, король не могъ разсчитывать на безопасность южныхъ областей государства, а потому полагалъ, что его присутствіе во Львовѣ, по близости къ этимъ областямъ, необходимо [5]). Онъ уѣхалъ изъ Львова только во второй половинѣ сентября [7]).

Вотъ были причины, вслѣдствіе которыхъ приходилось отло-

---

[1]) *Вержбовскій*, В. Лаурео, 711: *Aug. Sokołowski*, l. c., I, 522; *Гейденштейнъ*, 32.

[2]) Acta Stephani regis, 123, № XC: *Гейденштейнъ*, стр. 32.

[3]) Acta Stephani regis, № XC, стр. 124.

[4]) Acta Stephani regis, стр. 129, № XCII.

[5]) Ibid., стр. 140, № XCIX.

[6]) Ib., 112, № LXXIX.

[7]) Ib., 144, № CI.

жить объявленіе войны Іоанну Грозному до 1579 года. Чтобы удержать царя отъ новыхъ враждебныхъ дѣйствій, король считалъ необходимымъ прибѣгать къ дипломатическимъ уловкамъ. Получивъ изъ Москвы извѣщеніе отъ пословъ о томъ, что Ливонія исключена изъ перемирнаго договора, онъ послалъ къ Іоанну дворянина Петра Гарабурду просить, чтобы Іоаннъ и въ Ливоніи сохранялъ миръ до тѣхъ поръ, пока перемирный договоръ не будетъ имъ королемъ ратификованъ [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ король отдалъ приказъ не впускать московскихъ пословъ въ предѣлы Речи Постолитой, пока не вернется изъ Москвы Гарабурда [2]).

Между тѣмъ Іоаннъ отправилъ къ Баторію для ратификаціи договоровъ великое посольство, во главѣ котораго стоялъ дворянинъ Михаилъ Далматовичъ Карповъ [3]). Согласно королевскому приказу, московскихъ пословъ задержали сначала на границѣ Литвы [4]), а потомъ задерживали нарочно уже въ самой Польшѣ. Баторій желалъ затянуть такимъ образомъ время до осени и дождаться момента, удобнаго для начала военныхъ дѣйствій [5]). Ауденція посламъ у короля назначена была сначала въ Люблинѣ [6]), потомъ во Львовѣ [7]) и состоялась, наконецъ, въ Краковѣ (5-го декабря) по возвращеніи сюда короля изъ Львова [8]).

Послы не захотѣли начинать переговоровъ, такъ какъ король нарушилъ установленный церемоніалъ. Желая высказать къ нимъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и къ самому царю пренебреженіе за то, что царь въ лицѣ его, короля, пословъ не почтилъ его, какъ равнаго себѣ, Баторій не всталъ при пріемѣ посольства и не освѣдомился, стоя съ открытой головой, о здоровьи царя.

Послы заявили, что имъ подъ страхомъ смертной казни запрещено ихъ государемъ править посольство, если требованія этикета, обычнаго при пріемѣ посольствъ, не будутъ испол-

---

[1]) Метр. Лит., II, № 19—„поки послы ваши великіе у насъ будутъ и отъ насъ къ вамъ звернутся“.

[2]) Acta Stephani regis, № LXXIII, стр. 102.

[3]) Посольство выѣхало изъ Москвы 16-го мая, см. *Бантышъ-Каменскій*, l. c., стр. 155.

[4]) Acta Stephani regis, 107, № LXXVII.

[5]) Ib., стр. 121, № LXXXVII.

[6]) Ib., № LXXXIX, стр. 123.

[7]) Ib., стр. 130, № XCIII.

[8]) Глава посольства Карповъ умеръ на пути въ Краковъ, см. Acta Stephani regis, стр. 136, и Гейденштейнъ, 33, прим. 1.

нены [1]). Тогда ауденція была прервана, и посольство уѣхало изъ Кракова (11-го декабря). Но прежде чѣмъ оно оставило городъ, король приказалъ (9-го декааря) литовскому подскарбію Лаврентію Войнѣ задержать его въ литовскомъ городкѣ Мѣцибовѣ до своего пріѣзда въ Гродну, подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ хочетъ дать еще разъ аудіенцію посольству въ присутствіи литовскихъ вельможъ [2]).

Задержка была произведена въ возмездіе за то, что Іоаннъ задержалъ королевскаго гонца Петра Гарабурду съ тою цѣлью, чтобы до возобновленія переговоровъ о Ливоніи возвратить здѣсь потери, понесенныя московскими войсками послѣ покоренія Іоанномъ этой страны [3]).

Происходили переговоры о мирѣ, противники выражали желаніе находиться другъ съ другомъ въ пріязненныхъ отношеніяхъ и въ то же время вели уже собственно войну.

Баторій готовился къ ней весьма дѣятельно. Земское ополченіе шляхты онъ признавалъ негоднымъ для военныхъ цѣлей и не желалъ имъ вовсе пользоваться. Поэтому необходимо было организовать наемное войско. Венгерскіе полководцы Касперъ Бекешъ и Михаилъ Вадашъ получили порученіе нанять солдатъ въ Венгріи, Христофоръ Розражевскій и Эрнестъ Вейеръ въ Германіи, польскимъ ротмистрамъ даны деньги авансомъ на собираніе отрядовъ въ самой Польшѣ. Кавалеристы должны были являться въ панцыряхъ, шишакахъ, съ копьями, саблями или мечами и имѣть сильныхъ и здоровыхъ лошадей, пѣхотинцы въ платьяхъ одинаковаго цвѣта и покроя, съ рушницами, топорами, мечами или саблями. Предписывалось командирамъ набирать людей здоровыхъ, сильныхъ, умѣющихъ владѣть оружіемъ и поддерживать въ отрядахъ строгую дисциплину: отряды должны были идти прямо на сборный пунктъ, не дѣлая никакихъ притѣсненій мирнымъ жителямъ. Одновременно заготовлялась аммуниція; свозились пушки, ядра, порохъ, ружья и т. п.; что касается пушекъ, то въ Вильнѣ устроенъ былъ заводъ, который отливалъ ихъ по рисункамъ, составленнымъ самимъ Баторіемъ [4]).

---

[1]) *Тургеневъ*, Historica Russiae monimenta, t. I, стр. 275, № CLXXXVIII, *Гейденштейнъ*, op. cit., стр. 33, Метр. Лит., II, № 22; *Соловьевъ*, op. cit.; стр. 267.

[2]) Акты относящіеся къ исторіи Западной Россіи, т. I, стр. 239, № 107.

[3]) *Бантышъ-Каменскій*, l. c., стр. 155 и Acta Stephani regis, 164.

[4]) *K. Górski*, Pierwsza wojna Rzeczypospolitej z Wielkiem Księstwem Moskiewskiem za Batorego. Bibl. Warsz., 1892, II, стр. 98—99.

Кромѣ наемнаго войска, Баторій сдѣлалъ попытку организовать вооруженныя силы государства путемъ возложенія воинской повинности на крестьянъ, обрабатывавшихъ королевскія имѣнія. По королевскому проекту, крестьяне обязаны были доставлять съ каждыхъ 20 лановъ одного пѣхотинца въ опредѣленномъ вооруженіи; такой крестьянинъ-воинъ освобождался отъ всякихъ иныхъ повинностей: чинша, барщины, дачи подводъ и др.

Эти послѣднія повинности распредѣлялись между 19 крестьянами, къ группѣ которыхъ принадлежалъ крестьянинъ-воинъ. Крестьяне—воины должны были собираться въ опредѣленные пункты къ своимъ начальникамъ, которые обязаны были вести ихъ противъ непріятеля всякій разъ, какъ врагъ угрожалъ государству [1]). Очевидно, этотъ проектъ имѣлъ въ виду создать въ Польшѣ правильно организованное постоянное войско, но этому проекту не суждено было осуществиться такъ, какъ задумалъ его Баторій. Если бы задуманная королемъ военная организація развилась надлежащимъ образомъ, она оказала бы немаловажное вліяніе даже на судьбы Речи Посполитой, какъ основательно замѣчаютъ польскіе историки. Оборона родины собственною грудью пробудила бы въ крестьянинѣ патріотизмъ и вывела бы его изъ того коснаго состоянія, въ какомъ онъ находился; косность же крестьянской массы была одною изъ важнѣйшихъ причинъ гибели Речи Посполитой. Однимъ словомъ, разсматриваемый проектъ Стефана Баторія представлялъ собою замѣчательный по глубинѣ и цѣлесообразности замыселъ. Но въ 1579 году войско изъ крестьянъ не было набрано.

Король съумѣлъ привлечь для войны и силы запорожскихъ казаковъ. Они прислали къ королю во Львовъ (15-го сентября 1578 г.) 5 пословъ съ предложеніемъ своихъ услугъ вездѣ, куда король прикажетъ имъ идти. Король принялъ благосклонно это предложеніе и нанялъ на службу отрядъ въ 600 человѣкъ съ платою каждому по 6 копъ литовскихъ грошей и по куску сукна

---

[1]) Pamiętniki do historji Stefana, króla polskiego, czyli korespondencja tego monarchy, oraz zbiór wydanych przez niego urządzeń, zebrane i wydane przez *hr. Edw. Raczyńskiego* w roku 1830, w dodatku do dzieła *Albertrandego*, Panowanie Henryka Walezjusza i Stefana Batorego (wyd. z roku 1861), str. 476; Źródła dziejowe, t. XI, str. 39, № XXIV; *Polkowskiego* Acta Stephani regis. 117, № LXXXIII; Źródła dziejowe, XI, стр. 39, № XXIV; *Janicki*, op. cit., 140, № 95.

на армякъ ежегодно. Черкасскій староста назначенъ былъ казацкимъ гетманомъ и запорожцы обязались повиноваться королю и не предпринимать походовъ въ Молдавію или Турцію [1]).

Въ приготовленіяхъ къ войнѣ прошелъ цѣлый 1578 годъ; начинать войну зимою было неудобно, а потому объявленіе ея приходилось отложить до весны или лѣта 1579 года. Кромѣ того, были и другія важныя причины отсрочки. Короля безпокоилъ недостатокъ денежныхъ средствъ. Къ началу 1579 года въ казнѣ собралось, правда, 540.000 злотыхъ, но эти деньги израсходованы были на уплату жалованья наемнымъ отрядамъ венгерскимъ, нѣмецкимъ и польскимъ, и на приготовленіе аммуниціи и продовольствія войскамъ [2]). Въ виду этого король созвалъ въ Краковъ сенаторовъ на совѣтъ, чтобъ спросить ихъ мнѣнія относительно того, нельзя ли обратиться къ чинамъ государства съ предложеніемъ увеличить налоги, но сенаторы указали королю на неудобство этой мѣры и онъ долженъ былъ отъ нея отказаться [3]). Онъ намѣревался созвать для этой же цѣли сеймъ въ мартѣ 1579 года, но и это намѣреніе долженъ былъ оставить, такъ какъ раздавались сильно голоса противъ этого [4]). Вслѣдствіе всѣхъ этихъ обстоятельствъ король рѣшился вести войну на тѣ средства, которыя явятся въ казнѣ въ 1579 году и какія можно будетъ пріобрѣсти путемъ займа.

Еще будучи въ Краковѣ, онъ подумалъ объ избраніи главнокомандующаго арміи и посовѣтовался съ сенаторами по вопросу о томъ, назначить ли пожизненнаго гетмана или временнаго. Большинство высказалось за назначеніе предводителя только на время войны [5]). Направляясь изъ Кракова въ Варшаву, Баторій вызвалъ туда подольскаго воеводу Николая Мелецкаго и предложилъ ему гетманство, которое тотъ принялъ только на время перваго похода противъ московскаго царя [6]). Это назначеніе объясняется

---

[1]) *Janicki*, op. cit., 336, № 160, (Postanowienie z Niżowcy); Acta Steph., стр. 144, № CI. Мнѣніе, распространенное среди русскихъ историковъ (см., напр., *Эварницкій*, Исторія Запорожскихъ казаковъ II. 61) о томъ, будто Баторій далъ всѣмъ украинскимъ казакамъ особенную организацію, рѣшительно опровергается польскими изслѣдователями, см. *Al. Jabłonowski*, Ukraina, (Polska, XVI w. Źródła dziejowe, t. XXII), стр. 425.

[2]) *A. Pawiński*, Skarbowość, etc., стр. 341.

[3]) *K. Gorski*, op. cit., стр. 96.

[4]) *A. Pawiński*, op. cit., стр. 341.

[5]) *Гейденштейнъ*, op. cit., стр. 37.

[6]) Ibid., стр. 38.

тѣмъ, что Мелецкій былъ однимъ изъ вождей той партіи, на которую Баторій опирался въ Польшѣ [1]), притомъ вождей дѣятельныхъ, которые энергически старались разстраивать козни противниковъ Баторія [2]).

Изъ Варшавы король отправился въ Гродну, чтобы обсудить съ литовскими вельможами государственныя нужды и планъ предстоящей войны съ Москвою. По этому поводу высказаны были здѣсь различныя мнѣнія. Одни совѣтовали ударить прежде всего на Великія Луки, другіе на Псковъ, иные на Полоцкъ. Янъ Замойскій, главный помощникъ Баторія, совѣтовалъ идти къ Полоцку, мотивируя свое мнѣніе поговоркою: бери то, что ближе всего [3]).

---

[1]) Гейденштейнъ мотивируетъ назначеніе славою Мелецкаго, какъ знающаго и храбраго полководца, но см. *Ѳ. Вержбовскій*, В. Лаурео, стр. 606.

[2]) Acta Stephani regis, стр. 105. Изъ письма нунція Калигари отъ 3-го февраля 1579 г.: Mi communico (т.-е. король), come in sua absenza haveva creato et publicato per suo capitano generale di tutti gl'eserciti di Polonia et Lituania il Palatino di Podolia, il quale è stato renitente un pezzo in volere accetar tal carico, di poi l'ha accettato con grande sodisfazione del Re et di tutti li catolici, imperocche questo signore per la grandezza della famiglia, per la potenza et auttorita, per la scientia militare et per la opinione della prudenza inveterata è riputato il maggiore huomo di tutto questo Regno. Jo me ne son rallegrato con SMtà et col Palatino medesimo, col quale ho falto una buona amicitia et mi ha fatto un mondo di offerte et di belle parole et come lui non vuol tenere, ne conoscere altra religione, ne fede, che le catolice Romane, la quale crede sia la vera. (Изъ римскихъ портфелей въ библ. Краковской Академіи Наукъ, 9, CIV', стр. 47).

[3]) Король прибылъ въ Гродну 8-го февраля, а уѣхалъ отсюда 26-го, см. *Aug. Mosbach*, Wiadomości do dziejów polskich z archiwum prowincji szlązkiej. Wrocław, 1860, стр. 158. О совѣщаніяхъ въ Гроднѣ см. *Jana Dymitra Solikowskiego*, krótki pamiętnik rzeczy polskich. Petersburg i Mohylew, 1855, стр. 50. Это извѣстіе Соликовскаго отвергаетъ Гаусманъ (Studien zur Geschichte des Königs Stephan von Polen, *von Richard Hausmann*. Dorpat, 1880, стр. 63), но неправильно. Соликовскій сообщаетъ, что въ Гроднѣ шла рѣчь только объ избраніи направленія будущаго похода, но не утверждаетъ, что здѣсь было принято окончательно рѣшеніе; между тѣмъ Гаусманъ говоритъ слѣд.: der Feldzugsplan wäre nach ihm (т.-е. по Соликовскому) nicht in Swir, sondern viel früher wahrscheinlich festgestellt; dass Zamoiski dort den Ausschlag gegeben, widerstreht bessern Berichten. Это мнѣніе историка не можетъ быть принято. Гейденштейнъ (стр. 45) сообщаетъ, что король, высказавъ въ Свири свои соображенія о необходимости идти прежде всего на Полоцкъ, „полагалъ не отступать отъ ранѣе принятаго рѣшенія“. Итакъ, гдѣ-то уже раньше принятъ былъ планъ похода на Полоцкъ. Этимъ сообщеніемъ подтверждается, по на

Результатъ совѣщаній могъ порадовать Баторія, потому что вельможи Литвы предложили королю доставить на время всей компаніи отрядъ въ 10.000 конницы и обѣщались содержать его на свой счетъ.

Такая щедрость Литовцевъ обязывала короля отнестись къ ихъ дѣламъ съ большимъ вниманіемъ, а они жаловались на неурядицы въ администраціи своей страны: такъ многія судебныя дѣла не разрѣшены были еще со временъ Сигизмунда Августа [1]). Приготовленія къ войнѣ и судопроизводство задержали Баторія въ Гроднѣ до начала марта, а затѣмъ онъ направился въ Вильну [2]). Тутъ въ исполненіи королевскихъ намѣреній опять произошла проволочка. Войска собирались очень медленно. Король еще въ началѣ января (9-го) распредѣлилъ пути, по которымъ должны будутъ двигаться отдѣльные отряды, чтобы совмѣстное ихъ движеніе по одной дорогѣ не было слишкомъ обременительно для мирныхъ обывателей [3]). Срокъ, назначенный для сбора, прошелъ уже давно, а польскіе солдаты еще не появлялись. Первыми прибыли Венгры [4]).

Ко всѣмъ этимъ затрудненіямъ присоединились еще и морозы, которые въ 1579 году продолжались въ Литвѣ дольше, чѣмъ когда-нибудь [5]).

IV.

Полоцкъ.

Такъ Баторій принужденъ былъ откладывать выступленіе въ походъ, но война, хотя и не была еще формально объявлена, началась уже собственно въ 1577 году. По уходѣ Іоанна изъ

шему мнѣнію, извѣстіе Соликовскаго, такъ какъ къ Гроднѣ происходили совѣщанія о войнѣ и объ издержкахъ на веденіе ея. Извѣстіе, что въ Гроднѣ Замойскій высказался за походъ на Полоцкъ, вѣроятно уже потому, что во время перваго похода Баторій цѣнилъ военныя способности Замойскаго: составляя планъ осады Полоцка, король, для осмотра крѣпости, взялъ съ собою Бекеша и Замойскаго.

[1]) *Тургеневъ*, op. cit., I, 276, № CLXXXIX.

[2]) Король выѣхалъ изъ Гродны 25-го февраля (Римскіе портфели въ библ. Краков. Акад. Наукъ, 9, CIV, донесеніе Калигари отъ 9-го марта) и прибылъ въ Вильну 2-го марта, см. *Тургеневъ*, I, 277, № CXC.

[3]) Acta Stephani regis, 155, № CX.

[4]) *K. Górski*, l. c., II, 100.

[5]) *Гейденштейнъ*, 39.

Ливоніи литовскіе предводители Борисъ Сава и Вильгельмъ Плятеръ отняли у Москвитянъ Динабургъ при помощи хитрости: они послали въ подарокъ московскому гарнизону бочку водки; воины перепились, а Литовцы, воспользовавшись ихъ опьяненіемъ, завладѣли крѣпостью (въ ноябрѣ 1577 года) [1]). Нѣсколько позже Іоаннъ потерялъ и Венденъ. Польскій военачальникъ Матвѣй Дембинскій и нѣмецъ Іоаннъ Бюрингъ, секретарь администратора Ливоніи Ходкевича, заняли крѣпость съ помощью Латышей, отворившимъ имъ ворота города [2]). Тѣ же предводители отняли у Русскихъ и другіе замки въ Ливоніи: Зонцель, Эрлю, Лемзаль, Буртнихъ, Ропе, Нитау, Пуркель и др. [3]).

Въ началѣ февраля 1578 года русскіе воеводы пытались овладѣть снова Венденомъ, простояли подъ крѣпостью четыре дня, сдѣлали даже проломъ въ крѣпостной стѣнѣ, но принуждены

---

[1]) *Гейденштейнъ*, 7. О взятіи Динабурга посредствомъ такой хитрости говоритъ и Нienштедтъ, но называетъ неправильно предводителя отряда, взявшаго крѣпость, ротмистромъ Іоанномъ Илате, см. Сборникъ матеріаловъ и статей по исторіи Прибалтійскаго края, IV, 48.

Стрыйковскій, (Kronika polska, litewska etc., Warszawa, 1846, II, 427), сообщаетъ, что Динабургъ былъ отнятъ доблестнымъ казакомъ Забою (Dinenbork z kozakiem dzielnym Zabą odiskali); тутъ, вѣроятно, опечатка и надо читать Савою.

[2]) Гейденштейнъ (7) ставитъ взятіе Вендена въ заслугу только Дембинскому, нѣмецкіе лѣтописцы—только Гансу Бюрингу. Согласно Геннингу (Sciptores rerum Livonicarum, II, 273), взяты были при этомъ въ плѣнъ намѣстникъ (Stadthalter zu Plesskow), князь Даніилъ и Иванъ Квашнинъ (Juan Quasin) — извѣстіе, которое подтверждается письмомъ Баторія къ Яну Ходкевичу (прилож. № XVIII). Разсказъ Рюссова (Script. rerum Livon., II, 132 и Сборн. матер. и статей по ист. Прибалт. края, III, 293—294), изобилующій подробностями, отмѣчаетъ фактъ, указанный и Гейденштейномъ, именно тотъ, что ворота отворили Латыши. „Нѣмцамъ не трудно было отворить городскія ворота, - говоритъ Рюссовъ, - такъ какъ имъ помогъ одинъ слесарь, родомъ изъ Леттовъ, оставшійся у Русскихъ“. У Гейденштейна фигурируетъ Латышъ-плотникъ, который дѣлаетъ восковой оттискъ городскихъ ключей, приготовляетъ по нему другіе ключи и передаетъ ихъ Дембинскому. У Лавр. Миллера (Записки о временахъ Стефана Баторія, Сборн. матер. по ист. Прибалт. края, IV, 129), приписывающаго взятіе Вендена тоже Гансу Бюрингу, этой подробности нѣтъ. Христіанъ Штрапферъ, секретарь герцога Магнуса, въ письмѣ къ Баторію говоритъ, что Іоаннъ Бюрингъ „collectis undique Germanis, Polonis atque rusticis admotiscalis“, взялъ Венденъ, см. *Janicki*, op. cit., стр. 304.

[3]) *Henning*, l. c., II, 273; *Рюссовъ*, l. c., III, 294; *В. Г. Форстенъ*, Балтійскій вопросъ, I, 672—673.

были отступить, ибо гарнизонъ, несмотря на недостатокъ съѣстныхъ припасовъ (ему пришлось ѣсть даже лошадей), мужественно защищался и, кромѣ того, получилъ подкрѣпленіе отъ Матвѣя Дембинскаго, съумѣвшаго проникнуть въ крѣпость [1]). Потери Іоанна въ Ливоніи увеличились еще вслѣдствіе измѣны Магнуса, подчинившаго Баторію тѣ свои владѣнія, которыя принадлежали еще ему въ этой странѣ.

Сношенія герцога съ королемъ начались уже въ концѣ 1577 года [2]). Баторій поручилъ вести переговоры съ Магнусомъ виленскому воеводѣ Николаю Радзивиллу [3]), который совѣтовалъ королю поставить герцога во главѣ управленія Ливоніею на условіяхъ феодальной зависимости [4]).

О немедленномъ возвращеніи потерь въ Ливоніи нельзя было пока и думать Іоанну, такъ какъ приходилось дѣйствовать противъ Шведовъ, которые лѣтомъ 1578 года причинили не мало вреда русскимъ [5]).

Только въ октябрѣ этого года московскіе воеводы, отнявъ у Шведовъ замокъ Оберпаленъ, сдѣлали опять попытку взять Венденъ. Послѣ непродолжительной осады [6]) имъ удалось уже разрушить стѣну крѣпости [7]). Но на выручку ея поспѣшило

---

[1]) *Карамзинъ*, IX, примѣч. 507. По разсказу Геннинга (l. c., II, 273) и Рюссова (Сборн. мат. Приб. кр., III, 295), гарнизонъ, за недостаткомъ съѣстныхъ припасовъ, принужденъ былъ ѣсть лошадей. По Рюссову, крѣпость была выручена Бюрингомъ, по Гейденштейну (17)—Дембинскимъ, по Геннингу—Александромъ Ходкевичемъ. Гейденштейнъ говоритъ, что Александръ Ходкевичъ, гродненскій староста, племянникъ администратора Ливоніи, только преслѣдовалъ отступавшихъ уже воеводъ, но не могъ ихъ настигнуть.

[2]) См. письмо Христіана Штрапфера, Магнусова секретаря, отъ 4-го января 1578 года — *Janicki*, op. cit., 302, № 140.

[3]) Ib., №№ 141, 146, 157.

[4]) Ib., стр. 355, № 173; *Гейденштейнъ*, 18—19; *Busse*, op. cit., 129—130. Договоръ объ этомъ состоялся въ концѣ 1578 г., а не въ началѣ, какъ утверждаетъ проф. В. Г. Форстенъ (Балтійскій вопросъ I, 673) ибо письмо Радзивилла, совѣтующее Баторію принять Магнуса подъ покровительство, помѣчено 2-мъ ноября.

[5]) *В. Г. Форстенъ*, op. cit., I, 673.

[6]) Съ 15-го по 20-ое октября, см. Акты Зап. Рос., III, 237, № 105.

[7]) Moscouische Niderlag vnd Belegerung der Statt Wenden, 1579, gedruckt zu Nürnberg durch Leonhard Heussler въ Чтеніяхъ Общества Ист. и древностей, 1847, № 3 и Карамзинъ, IX, примѣч. 509. У Гейденштейна (35) нѣтъ этой важной подробности.

польско-литовское войско подъ начальствомъ Андрея Сапѣги и Матвѣя Дембинскаго. Соединившись съ шведскимъ отрядомъ, которымъ командовалъ Георгъ Бойе [1]), оно стало переправляться черезъ рѣку Аа (Говью). Тогда Москвитяне бросились на врага, чтобъ оттѣснить его назадъ за рѣку, но безуспѣшно. Завязался жаркій бой, и Русскіе, несмотря на свое численное превосходство [2]), были побѣждены. Часть русскаго войска была обращена въ бѣгство [3]), причемъ съ поля битвы бѣжалъ и главный воевода, князь Иванъ Юрьевичъ Голицынъ [4]). Но зато воины, оставшіеся на полѣ сраженія, засѣвъ въ окопахъ, мужественно оборонялись всю ночь и только на слѣдующее утро послѣ отчаяннаго боя въ окопахъ, когда враги ворвались сюда, сложили оружіе, причемъ убито было нѣсколько воеводъ и много простыхъ воиновъ [5]).

Враги завладѣли всѣмъ лагеремъ, многочисленною артилле-

---

[1]) *Рюссовъ*, l. c., III, 300—302.

[2]) По *Геннингу*, l. c., II, 274, *Стрыйковскому*, II, 427 и по Moscouische Niderlag. (l. c., 1847, № 3) Русскихъ было 20.000, по *Рюссову* (l. c., III, 300—302)—18000; у Гейденштейна цифра не указана. Численность польско-литовскаго и шведскаго отрядовъ сообщаетъ Рюссовъ (l. c., III, 300—301): въ первомъ было 2.000 человѣкъ, а во второмъ 3 эскадрона всадниковъ и 3 роты пѣхотинцевъ; въ депешѣ нунція Калигари отъ 6-го, XI, 1578, (Краковъ, римскіе портфели, 8, CIII, стр. 59)—8.000.

[3]) По словамъ Гейденштейна, Татары первые пустились бѣжать.

[4]) *Карамзинъ*, IX (изд. 1852), 286—287 и примѣч. 509. Въ „Вѣстовой отпискѣ Андрея Сапѣги“ (Акты Зап. Рос., III, 237, № 105) онъ не названъ по имени, говорится только, что „гетманъ преднѣйшій войска московскаго утеклъ“. Въ Moscouische Niderlag (l. c., 1847, № 3) воеводѣ дается странное имя Хокца (Choktza genannt). Гейденштейнъ (36) неправильно говоритъ, что Петръ Хворостининъ бѣжалъ. „Вѣстовая отписка“ Андрея Сапѣги приводитъ его въ спискѣ плѣнныхъ, тоже и въ Moscouische Niderlag.

[5]) Списки убитыхъ воеводъ въ „Вѣстовой отпискѣ“ Андрея Сапѣги и въ „Moscouische Niderlag“ почти одинаковы. Въ послѣднемъ источникѣ Никифоръ Чепчуковъ называется Никифоромъ Зеперуковымъ и, кромѣ того, упоминается въ числѣ убитыхъ какой-то князь Иванъ Облоцкій, намѣстникъ Обдорскій, повѣшенный врагами. Число убитыхъ солдатъ простиралось, по Moscouische Niderlag и по Рюссову, l. c., III, 302, до 6.000 человѣкъ; у *Соловьева*, II, столб. 263—6.022. Гейденштейнъ (87) выражается неопредѣленно: „много непріятелей было убито“. Историкъ сообщаетъ намъ фактъ доблестной смерти русскихъ пушкарей, которые, не желая пережить позора плѣна и сдачи орудій, повѣсились на нихъ.

ріею [1]) и захватили въ плѣнъ 9 воеводъ и многихъ солдатъ [2]), но сами потерпѣли незначительный уронъ [3]). Русскіе плѣнные отправлены были къ королю въ Гродну, а пушки въ Вильну [4]).

Это пораженіе встревожило Іоанна. Понимая, что война неизбѣжна и самъ готовясь къ ней, онъ попытался затянуть переговоры, чтобъ имѣть больше времени приготовиться къ борьбѣ. Поэтому онъ отпустилъ теперь Баторіева гонца Гарабурду и самъ послалъ отъ себя къ королю гонца Андрея Тимофеева съ предложеніемъ вести новые переговоры относительно Ливоніи: пусть король присылаетъ къ нему для этой цѣли своихъ великихъ пословъ, скрѣпивъ предварительно присягою состоявшійся уже перемирный договоръ [5]).

---

[1]) По „Вѣстовой отпискѣ“—20 пушекъ съ моздчерами, по Стрыйковскому, II, 427,—болѣе 20 орудій, по Moscouische Niderlag—24, по Рюссову—14 орудій большого калибра, 6 мортиръ и нѣсколько полевыхъ орудій, по Гейденштейну (36, лат. текстъ, 126)—около 30 орудій.

[2]) Списки плѣненныхъ воеводъ въ „Вѣстовой отпискѣ“ и Moscouische Niderlag не совсѣмъ одинаковы, но число воеводъ одинаково. Списокъ убитыхъ и плѣненныхъ въ Розр. кн. (Карамзинъ, IX, примѣч. 509) неполонъ.

[3]) По Рюссову (l. c., III, 302), погибло Поляковъ и Шведовъ менѣе 100 человѣкъ. У Гейденштейна—неопредѣленное выраженіе: „съ нашей стороны былъ незначительный уронъ“. Битва происходила 21-го октября, см. „Вѣстовую отписку“ Андрея Сапѣги. Невѣрно указана дата 21-го сентября въ Moscouische Niderlag. Гейденштейнъ говоритъ неопредѣленно: „въ то время, какъ король находился въ Краковѣ, получено было нами извѣстіе о побѣдѣ при Венденѣ“. Баторій прибылъ въ Краковъ изъ Львова въ половинѣ октября, см. Acta Stephani regis, 147, № CIV. *B. Г.* Форстенъ, op. cit., I, 673—674, сообщаетъ изъ флорентинскаго архива извѣстіе, что московское войско, численностью въ 22.000 человѣкъ съ 20 орудіями, было разбито осенью 1578 года Поляками и Шведами около мѣстечка Kisson. Очевидно, рѣчь здѣсь идетъ о битвѣ при Венденѣ или Кеси—21-го октября 1578 г.

[4]) *Stryjkowski*, II, 427. Замойскій въ письмѣ къ нунцію говоритъ, что виленскимъ воеводою Радзивилломъ были отданы въ Вильнѣ королю орудія, „muralia sex magna, et perpulcra omnia, sed imprimis insigne cum magnitudine, tum opere unum lupi imagine atque rictu magna tubi parte affabre ad modum insignitum, mortaria itidem sex magna, et major etiam tormentorum mediocrium numerus“, см. *Тургеневъ*, I, 277, № CXC.

[5]) Метр. Лит., II, № 20. Андрей Тимофеевъ отправился изъ Москвы 7-го января, см. *Бантышъ-Каменскій*, l. c., стр. 155—156. Изъ письма нунція Калигари (5, IV, 1579): Venne un nuovo ambasciatore del Moscovita a SMtà, hebbe audienza publica et parlò molto più humilmente, che non soleva avanti, dimandando riscatto et permuta delli prigioni suoi captivati

Ведя дипломатическій переговоры о мирѣ, Іоаннъ въ то же время, подобно Баторію, дѣлалъ приготовленія къ войнѣ, притомъ въ большихъ размѣрахъ. Онъ уже въ декабрѣ 1578 года рѣшилъ съ боярами и духовенствомъ «идти на свое государство и земское дѣло, на нѣмецкую и литовскую землю» [1]). Затѣмъ царь отправился въ Новгородъ, гдѣ принималъ великое посольство, возвратившееся изъ Кракова (15-го іюля) [2]). Послы доносили царю, что Баторій идетъ къ московскимъ границамъ, но что слѣдуютъ за нимъ немногіе охочіе люди изъ литовской шляхты, изъ польскихъ же пановъ и шляхты никто не идетъ. «Король говорилъ панамъ, чтобъ шли съ нимъ всею землею въ Ливонію доступать тѣхъ городовъ, которые Москва захватила, но паны ему отговариваютъ, чтобъ онъ и въ Ливонію не ходилъ, а послалъ бы наемныхъ людей защищать тѣ города, которые за нимъ, а надъ другими промышлять. А во всей землѣ—въ Польшѣ и Литвѣ, у шляхты и у черныхъ людей, у всѣхъ одно слово, что у нихъ Стефану королю на королевствѣ не быть, а пока у нихъ Стефанъ король на королевствѣ будетъ, до тѣхъ поръ ни въ чемъ добру не бывать, а сколько имъ себѣ государей не выбирать, кромѣ сыновей московскаго государя или датскаго короля, никого имъ не выбрать; а больше говорятъ во всей землѣ всякіе люди, чтобъ у нихъ быть на государствѣ московскаго государя сыну». «Донесенія пословъ были справедливы», говоритъ Соловьевъ [3]), а мы скажемъ — нѣтъ. Баторій не могъ уговаривать пановъ, чтобъ шли съ нимъ всею землею въ Ливонію, потому что понималъ всю непригодность земскаго ополченія для военнаго дѣла. Паны не могли отговаривать, чтобъ Баторій не ходилъ въ Ливонію, потому что сеймъ 1578 г.

---

nella prima vittoria di Venda. Magnificò assai il suo principe di molti titoli et potenza chiamandolo S-or di Livonia, Gran Duca et Imperatore et per aggrandirlo maggiormente disse, che esso era un rustica del suo S-ore. Mostrò lettere credentiali; hora tratta secretamente il resto et al costume usato sta sempre con la guardia et lunge dall'altro, che non volse parlare in Cracovia, ben 20 leghe, il quale parimente stà pur benissimo guardato et niuno di loro partirà prima che il Rè non habbia espedita la guerra di questo estate. Il medesimo giovane porte la verificatione della seconda vittoria Livonica, della quale scrissi a VSIII alli 28 di marzo passato. (Изъ римскихъ портфелей въ библ. Крак. Акад. Наукъ, 9, CIV, стр. 121).

[1]) *Карамзинъ*, изд. 1852 г., IX и *Соловьевъ*, кн. II, ст. 267.

[2]) *Бантышъ-Каменскій*, l. c., 156.

[3]) Op. cit., II ст. 267.

согласился на установленіе налоговъ только подъ условіемъ личнаго участія короля въ войнѣ [1]). О низложеніи Баторія могли говорить посламъ только немногочисленные его противники. Донесенія были ложны, а между тѣмъ на нихъ Іоаннъ строилъ свои завоевательные планы относительно Ливоніи и Литвы; эти донесенія должны были вселять въ него увѣренность, что можно будетъ легко осуществить задуманное предпріятіе. Іоаннъ собралъ громадныя войска противъ Баторія: численность ихъ доходила, по словамъ панскаго нунція Калигари, до 200.000 человѣкъ; одинъ царскій полкъ заключалъ въ себѣ 40.000 воиновъ [2]). Но эта исполинская масса была плохо организована и дисциплинирована, чужда тому военному искусству, которое давало побѣды войску Баторія. Къ тому же, она не имѣла хорошаго руководителя, какимъ для своего войска являлся Баторій, проницательный, въ высшей степени даровитый или даже, какъ хотятъ нѣкоторые изслѣдователи [3]), геніальный стратегъ. У Іоанна не было плана военныхъ дѣйствій, какой до начала войны составилъ себѣ польскій король. Царь могъ только принять рѣшеніе идти «на свое государство и земское дѣло, на нѣмецкую и литовскую землю», но по какому плану слѣдуетъ это рѣшеніе исполнить, надъ этимъ вопросомъ онъ не задумывался. Онъ сразу принужденъ былъ вести оборонительную войну, хотя и предпринималъ наступательную, хотя замыслы Баторія должны были быть извѣстны ему, по крайней мѣрѣ, по слухамъ. Правда, походъ на Полоцкъ рѣшенъ былъ Баторіемъ окончательно только въ самый моментъ выступленія въ походъ, однако намѣренія королевскія были уже раньше извѣстны. Іоаннъ ограничивался только угрозами, что если король пойдетъ на Полоцкъ, то онъ двинется на Вильну [4]).

---

[1]) La detta contribuzione s'è concessa con condizione che il Rè faccia la guerra e vi vada in persona... *Вержбовскій*, В. Лаурео, 666, № 183.

[2]) *Тургеневъ*, I, 283, № CXCV и *Карамзинъ*, IX, 293 (изд. 1852 г.). Эти данныя не позволяютъ намъ сомнѣваться, какъ это дѣлаетъ Соловьевъ, кн. II, 270, въ громадности вооруженныхъ силъ, приготовленныхъ Іоанномъ.

[3]) *В. Г. Форстенъ*, Балтійскій вопросъ, I, 705.

[4]) О томъ, что Баторій готовится въ походъ на Полоцкъ, увѣдомилъ Іоанна гонецъ Андрей Тимофеевъ въ концѣ іюня 1579 г., см. *Бантышъ-Каменскій*, l. c., 156—157; *Тургеневъ*, I, 283, № CXCV. Въ виду этого нельзя согласиться съ мнѣніемъ Соловьева (op. cit., II, 269—271) о томъ, что Іоаннъ не зналъ, откуда ждать ему нападенія, и что Баторій застигъ его врасплохъ.

Силы Баторія были гораздо меньше: онѣ доходили до 60.000 человѣкъ. Но всѣми этими силами король не могъ воспользоваться: онъ долженъ былъ отрядить одну часть на соединеніе со Шведами, съ которыми онъ желалъ поддерживать дружественныя отношенія [1]), другую—на защиту различныхъ крѣпостей государства, такъ что свободнымъ оставался отрядъ въ 40.000 человѣкъ [2]).

Несмотря на численное превосходство московской арміи и несмотря на то, что изъ Польши и Литвы приходили желанныя извѣстія о затруднительномъ положеніи Баторія, Іоаннъ могъ тревожиться за успѣшный исходъ борьбы къ королемъ. Послѣ битвы при Венденѣ успѣхи войскъ Баторіевыхъ не прекратились. Литовскій гетманъ надворный Христоферъ Радзивиллъ, сынъ виленскаго воеводы, сжегъ городъ Дерптъ, опустошилъ его окрестности, разрушилъ довольно сильную крѣпость Киремпе, захватилъ нѣсколько вражескихъ орудій и много плѣнныхъ [3]) (въ мартѣ 1579 г.).

Окончивъ приготовленія къ походу, Баторій отправилъ къ Іоанну гонца Вацлава Лопацинскаго съ письмомъ, въ которомъ объявлялъ царю войну, мотивируя свое рѣшеніе такъ. Іоаннъ нарушилъ перемиріе, вторгнувшись самъ со своимъ старшимъ

---

[1]) По словамъ Гильдебранда (K. Hildebrand, Sveriges ställning till Antonio Possevinos fredsmedling mellan Polen och Ryssland 1581—1582, стр. 8, въ Historiska Studier, Festskrift tillägnad C. G. Malmström den 2 november 1897) настоящій союзъ между Швеціею и Польшею въ царствованіе Стефана Баторія никогда не былъ заключенъ, но объ стороны сближались между собою.

[2]) Эти цифры сообщаетъ папскій нунцій Калигари (*Тургеневъ*, I, 283, № CXCV). Въ одномъ современномъ летучемъ листкѣ (Pollnische Zeitung. Summarische und wahrhaffte Beschreibung von jungster bekriegung und eroberung etlicher fürnemer Städt und Vestungen etc. Nürenberg) приведенъ составъ арміи Баторія и численность ея показана въ 136.500 чел. По поводу цифръ, приведенныхъ листкомъ, В. Г. Васильевскій сдѣлалъ такое замѣчаніе: „серьезнѣе и важнѣе списокъ военныхъ силъ, собранныхъ королемъ противъ московскаго тиранна, о количествѣ которыхъ нѣтъ другихъ свѣдѣній“ (Журн. Мин. Нар. Просв., 1889, январь, 136—137). Но говорить о малѣйшей даже серьезности этого списка нельзя. Достаточно для этого указать на число низовскихъ казаковъ—15.000: намъ документально извѣстно, что запорожцы обязались доставить королю отрядъ только въ 600 человѣкъ, см. Acta Steph., 144, № CI.

[3]) *Тургеневъ*, I, 281 № CXCII; *Henning*, l. c., II, 275; *Гейденштейнъ*, 39. У Гейденштейна крѣпость называется Киремпешь.

сыномъ въ Ливонскую землю: бросился ты—говоритъ Баторій—на христіанскій народъ, нашихъ подданныхъ, производя рѣзню и кровопролитіе, къ чему ты улучилъ время, когда мы отъѣхали въ отдаленныя стороны нашихъ государствъ, завладѣлъ ты нашими нѣкоторыми замками вѣроломно, умерщвляя невинныхъ людей». Царь требуетъ уступки Риги и Курляндской земли, предъявляетъ притязанія на право владѣть наслѣдственно Литвою и Польшею. Онъ ведетъ войну не только въ Ливоніи, но и въ Витебской землѣ, гдѣ онъ недавно построилъ замокъ Усвятъ и куда онъ посылаетъ свои войска. Договорная грамота, данная царемъ, заключала въ себѣ условія, на которыя королевскіе послы не давали своего согласія. Тѣмъ не менѣе царь «вѣроломнымъ обычаемъ» скрѣпилъ ее присягою. Поэтому онъ, Баторій, не можетъ этой договорной грамоты принять и отсылаетъ ее назадъ царю [1]).

---

[1]) Грамота Баторія, объявляющая войну Іоанну, интересна, какъ изложеніе хода дипломатическихъ переговоровъ между обоими противниками, Acta Stephani regis, 162—163, № CXIV; *Щербатовъ*, т. V, ч. IV-ая, стр. 190—199; Метр. Лит., II, 42, № 22. О посольствѣ Лопацинскаго Одерборнъ (Vitae Joannis Basilidis libri tres, *Ad. Starczewski*, Historiae ruthenicae scriptores exteri, II, 239—240) приводитъ слѣдующій фантастическій разсказъ. Лопацинскій прибываетъ (на самомъ же дѣлѣ онъ былъ задержанъ на пути въ Дорогобужѣ) въ Москву, гдѣ тогда находился Іоаннъ (царь былъ въ Новгородѣ). Спустя нѣсколько дней царь послалъ сказать польскому гонцу, чтобы онъ не являлся въ царскій дворецъ съ обнаженнымъ мечомъ, если онъ дорожитъ своею безопасностью или даже своею жизнью. На это Лопацинскій отвѣтилъ, что великій князь можетъ лишить его имущества и жизни, какъ этого, безъ сомнѣнія, и ожидать слѣдуетъ, но онъ не отступитъ отъ порученій, данныхъ ему королемъ, ни на волосъ. Гонца ведутъ въ сенатъ (т.-е. боярскую думу), гдѣ онъ гордо заявляетъ, что присланъ ко всей Московіи объявить войну. Гонца повезли въ царскій дворецъ въ колесницѣ, запряженной четверкою лошадей; впереди шелъ слуга, неся обнаженный мечъ, который ярко сверкалъ отъ солнечныхъ лучей. Посмотрѣть на королевскаго гонца сбѣжалось такъ много Москвитянъ, что отъ давки, происшедшей у воротъ дворца погибло около ста человѣкъ. Аудіенція у царя такъ описана. Basilides palatium, in quo legatum expectabat, tapetibus et peristromatis instraverat multisque odoramentis illud referserat. Se ipsum vero vestibus auro fulgentibus et gemmis clarissimis ornatum cultumque in Lopatinsci conspectum dedit eumque contra naturam suam humaniter excipere visus est. Is vicissim Basilidem more sarmatico salutavit et idem reliqui Poloni fecerunt. Literas deinde regis bullis aureis consignatas ensemque falcatum futurae ultionis indicem Basilidi porrexit. Hunc ille crudeli vultu iracunde aspiciens in admirationem magnum venit, quod hostis in peregrina regione tanta audacia tantum principem verbis asperioribus compellare ausus est.

Вскорѣ послѣ этого (30-го іюня) король двинулся изъ Вильны въ Свирь, гдѣ онъ созвалъ военный совѣтъ, чтобы рѣшить окончательно вопросъ, въ какомъ направленіи предпринимать по ходъ противъ врага. Литовцы совѣтовали королю идти на Псковъ: этотъ городъ плохо укрѣпленъ, говорили они, его стѣны пришли въ ветхость, врагъ не ожидаетъ нападенія на этотъ пунктъ, а потому крѣпостью можно будетъ легко завладѣть [1]). Здѣсь сосредоточены главныя непріятельскія силы, вслѣдствіе чего удачный ударъ, направленный сюда, скоро положитъ конецъ войнѣ. Баторій высказался противъ этого взгляда. Осаждать Псковъ было, по мнѣнію короля,—при теперешнемъ положеніи дѣлъ противно правиламъ военнаго искусства, такъ какъ пришлось бы въ такомъ случаѣ оставить у себя въ тылу нѣсколько непріятельскихъ крѣпостей. Цѣль настоящей войны—освобожденіе Ливоніи, но для достиженія этой цѣли надо выбрать самыя подходящія средства. Вести войну въ самой Ливоніи неудобно: она слишкомъ разорена, вслѣдствіе чего войска будутъ страдать отъ недостатка продовольствія; въ ней слишкомъ много замковъ и добываніе ихъ замедлитъ ходъ военныхъ дѣйствій. Слѣдуетъ прежде всего взять Полоцкъ, потому что эта крѣпость угрожаетъ Литвѣ и даже самой столицѣ ея Вильнѣ, потому что непріятель посылаетъ изъ Полоцка вспомогательныя войска и продовольствіе въ ливонскія крѣпости, потому что этотъ городъ господствуетъ надъ теченіемъ Двины и является важнымъ торговымъ пунктомъ; съ его взятіемъ плаваніе по Двинѣ сдѣлается вполнѣ свободнымъ, что имѣетъ существенное значеніе для торговыхъ сношеній Риги,

---

Взявъ королевское письмо, царь приказалъ держать гонца подъ стражею, но съ подобающими почестями. Затѣмъ онъ созываетъ магнатовъ, чтобъ сообщить имъ о началѣ войны, собираетъ войска и произноситъ къ солдатамъ рѣчь eosque variis exhortationibus ad pristinam virtutem et odium Sarmatarum incitat. Таковъ риторическій и фантастическій разсказъ Одерборна.

[1]) *Гейденштейнъ*, стр. 42—45, весьма подробно разсказываетъ о мнѣніяхъ, высказанныхъ на совѣтѣ въ Свири. Въ эдиктѣ короля о молебствіяхъ по случаю взятія Полоцка отмѣчено только въ сокращенной формѣ королевское мнѣніе. Этотъ эдиктъ (Edictum regium de supplicationibus ob rem bene adversus Moschum gestam an 1579, 30 Augusti) помѣщенъ въ базельскомъ сборникѣ Писторія (*I. Pistorii*, Polonicae historiae Corpus, III, 114—117), во франкфуртскомъ Вехеля (Rerum polonicarum tomi tres, I, 214) и въ изданіи Relacje nunciuszów apostolskich i innych osób o Polsce, Berlin-Poznań, 1864, I, 317—320.

которыя теперь останавливаются постоянными нападеніями непріятеля. На эти соображенія короля нѣкоторые замѣчали, что Полоцкъ—сильная крѣпость, снабженная военными снарядами въ большомъ количествѣ, поэтому взять ее будетъ трудно, а неудача въ началѣ войны можетъ отозваться пагубно на всемъ ея ходѣ. Король возражалъ на это, что именно въ началѣ войны, пока силы арміи еще свѣжи и бодръ ея духъ, и слѣдуетъ приступить къ осадѣ крѣпости; непріятель, потерявъ самую сильную крѣпость, потеряетъ вѣру въ свои собственныя силы, между тѣмъ какъ солдаты-побѣдители укрѣпятся еще болѣе въ надеждѣ на успѣшное веденіе дальнѣйшихъ предпріятій. Король заключалъ, что не слѣдуетъ уклоняться отъ задуманнаго еще раньше плана войны. Такъ рѣшенъ былъ походъ на Полоцкъ.

Выступая въ этотъ походъ, Баторій постарался обезпечить фланги своей арміи слѣдующимъ образомъ. Онъ могъ ожидать нападенія Іоанна съ востока, со стороны Смоленска, и съ запада, со стороны Жмуди, такъ какъ Іоаннъ заявлялъ, что Курляндія—его вотчина. Правый флангъ своей арміи Баторій приказалъ защищать оршанскому старостѣ Филону Кмитѣ, а лѣвый—жмудскому каштеляну Ивану Тальвошу. Движеніе Іоанна на Курляндію, которое предвидѣлъ Баторій, не замедлило послѣдовать. Находясь въ Псковѣ, царь выслалъ въ Курляндію (1-го августа) воеводъ князя Хилкова и Безнина, съ отрядомъ, въ которомъ было 20.000 нагайскихъ и казанскихъ Татаръ. Перейдя Двину у Кокенгаузена, отрядъ вторгнулся въ Курляндію и сильно опустошилъ ее. Экспедиція этимъ и ограничилась, такъ какъ Іоаннъ, узнавъ объ осадѣ Полоцка, отозвалъ это войско назадъ [1]).

Защитивъ фланги своей арміи, Баторій двинулся изъ Свири черезъ Поставы и Глубокое къ Дисне [2]), выславъ впередъ къ Полоцку Николая Радзивилла съ сыномъ и Каспара Бекеша, чтобы они, ставъ подъ стѣнами Полоцка, помѣшали непріятелю усилить гарнизонъ крѣпости [3]). По пути къ королю присоединились отряды троцкаго воеводы Стефана Збаражскаго, полоцкаго воеводы Николая Дорогостайскаго и нѣкоторыхъ частныхъ лицъ. Въ Дисне Баторій произвелъ смотръ войскамъ (17-го іюля). Одни

---

[1]) *Карамзинъ*, IX, 297 и прим. 522: „они-жь (воеводы) Курляндскую землю пусту учинили“; *Гейденштейнъ*, 48.

[2]) *Stryjkowski*, II, 428.

[3]) *K. Górski*, op. cit., Bibl. Warsz., 1892, II, 101.

отряды были вооружены по-казацки: они имѣли луки, сабли, шлемы, панцыри и копья, чтобы колоть ими врага при нападеніи и метать ихъ въ него, когда онъ бѣжитъ. У другихъ отрядовъ, вооруженныхъ по-татарски, на шеяхъ лошадей были привязаны куски тафты, похожіе на бороды. Лошади легко вооруженныхъ солдатъ были покрыты шкурами волковъ или тигровъ, кромѣ того, лошади вельможъ украшены были драгоцѣнными камнями, жемчугомъ, золотомъ и шелкомъ; оружіе вызолочено и также усѣяно драгоцѣнными камнями [1]).

Въ Диснѣ присоединились къ арміи запоздавшіе отряды виленскаго каштеляна Ивана Ходкевича, минскаго каштеляна Ивана Глѣбовича и другихъ пановъ, равно какъ и нѣмецкіе наемники, предводимые Христофоромъ Розражевскимъ и Эрнестомъ Вейеромъ [2]).

Войска представлялись въ отличномъ видѣ. Великій гетманъ поддерживалъ среди нихъ строгую дисциплину. Въ рѣчи, обращенной къ солдатамъ, онъ запрещалъ имъ осквернять храмы и дѣлать насилія надъ женщинами даже въ непріятельской странѣ [3]).

Въ то время, какъ главная армія двигалась къ Полоцку, литовскіе казаки завладѣли замками Козьяномъ (28-го іюля) и Краснымъ (31-го іюля), а Венгры и Литовцы Ситномъ (4-го августа) [4]). Баторій хотѣлъ сначала ударить на крѣпость Соколъ, находившуюся между рѣками Дриссою и Нищею, на псковской дорогѣ, опасаясь, чтобы изъ этого замка Москвитяне не мѣшали подвозу

---

[1]) Это описаніе заимствовано изъ письма итальянца *Мартинелло*, находившагося при войскѣ, см. римскіе портфели въ Крак. Акад. Наукъ, 26, D I, 101—103.

[2]) *Гейденштейнъ*, 46.

[3]) См. письмо того же *Мартинелло*.

[4]) Хронологія этихъ событій неясна у Гейденштейна, 52—53; онъ разсказываетъ сначала о взятіи Краснаго, а потомъ Ситна. Козьянъ былъ выстроенъ послѣ взятія Полоцка въ 1563 г., на рѣкѣ Оболи насупротивъ литовскаго замка Улы, Красное при озерѣ Островитѣ и Ситно при истокахъ рѣки Полоты на великолуцкой дорогѣ. См. *Коркуновъ*, Карта военныхъ дѣйствій между Русскими и Поляками въ 1579 году и тогдашніе планы города Полоцка и окрестныхъ крѣпостей, Журн. Мин. Нар. Просв., 1837, VIII, 235—249. Замойскій въ письмѣ къ нунцію Калигари говоритъ, что Козьянъ захваченъ былъ внезапнымъ нападеніемъ и дотла сожженъ, а по взятіи Краснаго попалъ въ плѣнъ московскій воевода со всѣмъ почти своимъ гарнизономъ, см. Aug. *Theiner*, Annales ecclesiastici III, 70.

провіанта его арміи, что они могли легко дѣлать, получая совершенно свободно подкрѣпленія изъ Пскова. Однако, посовѣтовавшись съ гетманомъ Мелецкимъ, король оставилъ это намѣреніе, не желая терять дорогого времени добываніемъ неэначительныхъ замковъ и направился къ Полоцку. Сюда раньше короля прибылъ скорымъ маршемъ Николай Радзивиллъ, котораго король еще въ началѣ марта 1578 года назначилъ великимъ гетманомъ литовскимъ [1]).

Радзивиллъ долженъ былъ воспрепятствовать проведенію подкрѣпленій полоцкому гарнизону; однако небольшой отрядъ Москвитянъ успѣлъ за два дня до прихода королевскаго авангарда проникнуть въ крѣпость. Радзивиллъ занялъ ближайшій къ крѣпости постъ и преградилъ всякій доступъ въ нее [2]). Въ Полоцкъ же онъ отправилъ королевскую грамоту, которую приказано было распространять повсюду среди жителей полоцкой области. Въ этой грамотѣ Баторій, изложивъ обстоятельно причины, побудившія его начать войну съ московскимъ царемъ, обѣщалъ всѣмъ, которые подчинятся его войскамъ добровольно вмѣстѣ съ замками, городами и помѣстьями, сохранить ихъ обычаи, вѣру и ихъ права и даже все это пріумножить, если они только пріобрѣтутъ благорасположеніе короля за свою вѣрную службу. Тѣмъ, которые не пожелаютъ изъявить покорности, Баторій приказывалъ удалиться изъ своихъ замковъ, земель и городовъ, ибо въ противномъ случаѣ они, сопротивляясь королевскимъ войскамъ, подадутъ поводъ къ кровопролитію и навлекутъ на себя плѣнъ и строгость меча. Ослушники—такъ оканчивалъ свою грамоту Баторій—не могутъ винить его и рыцарство его войскъ, за то, что произойдетъ, ибо они упорствовать будутъ противъ самой справедливости [3]).

Грамота эта не произвела желаннаго дѣйствія. Полоцкіе воеводы, увидѣвъ непріятеля, вывели свои войска изъ за-укрѣпленій и выстроили ихъ въ боевой порядокъ у самыхъ воротъ крѣпости, но затѣмъ безъ боя удалились назадъ въ городъ. Тогда

---

[1]) Acta Stephani regis, 98, № LXIX. Это назначеніе сильно раздражило Яна Ходкевича, который надѣялся получить эту должность за управленіе Ливоніею, см. *Вержбовскій*, В. Лауреэ, стр. 702.

[2]) Edictum regium de supplicationibus ob captam Polociam (Relacje nuncjuszów, I, 318).

[3]) Acta Stephani regis, 171, № CXVI.

литовская конница бросилась ихъ преслѣдовать, гнала вплоть до самой крѣпости и успѣла убить нѣсколько человѣкъ [1]).

Наконецъ 11-го августа прибылъ и самъ Баторій [2]). Королевскому войску пришлось совершить весьма утомительный переходъ. Солдаты должны были прорубать себѣ просѣки въ густыхъ лѣсахъ, которые успѣли вырости съ тѣхъ поръ, какъ Іоаннъ взялъ Полоцкъ (въ 1563 г.), потому что поля не воздѣлывались; приходилось идти по запущеннымъ топкимъ дорогамъ, которыя отъ проливныхъ дождей сдѣлались еще непроходимѣе. Все это замедляло движеніе арміи [3]).

Подступивъ къ Полоцку, Баторій осадилъ его, расположивъ свои войска въ трехъ мѣстахъ. Численность его арміи простиралась до 16.000 человѣкъ [4]). Полоцкій гарнизонъ состоялъ изъ 6.000 человѣкъ. Командовали имъ воеводы: князь Василій Ивановичъ Телятевскій, Петръ Ивановичъ Волынскій, князь Дмитрій Михайловичъ Щербатый и Иванъ Григорьевичъ Зюзинъ [5]).

---

[1]) *Гейденштейнъ*, 53.

[2]) Edictum de supplicat.—Relacie nuncj., I, 318.

[3]) Edictum de supplicationibus, ib., I, 318, *Гейденштейнъ*, 49. Даніилъ Германъ, данцигскій ратманъ, авторъ Стефапенды, ѣздившій къ Баторію въ лагерь подъ Полоцкъ, сообщаетъ слѣдующія подробности: „Туда, т.-е. къ Полоцку изъ Вильны, ведетъ ужасная дорога, хуже которой не можетъ быть во всемъ мірѣ. Кажется, главною причиною является то, что съ тѣхъ поръ, какъ Московитъ взялъ Полоцкъ, т.-е. отъ 1563 г., этотъ трактъ былъ совсѣмъ закрытъ, всякія сообщенія отрѣзаны, а Московитъ на 20 миль въ ширину и въ длину, съ этой стороны Двины, обратилъ страну въ пустыню (lautter Wildniss lassen worden), страну, въ которой были прежде города, рынки, деревни и воздѣланныя поля. Поэтому всякій, отправляющійся изъ Вильны въ эту сторону, долженъ запастись хорошенько провизіею на нѣсколько дней. Ясно можно видѣть, какъ Венгры и иные солдаты, которые шли впереди, должны были искать новыхъ дорогъ и дѣлать въ лѣсахъ просѣки, чтобы можно было перевезти артиллерію. Безпрестанная непогода, продолжавшаяся нѣсколько мѣсяцевъ, немало вреда причинила этой экспедиціи“, см. *Aug. Mosbach*, op. cit., стр. 161.

[4]) *K. Górski*, op. cit., Bibl. Warsz., 1892, II, 102. Уже въ лагерь подъ Полоцкомъ прибыло нѣсколько отрядовъ добровольцевъ; среди нихъ особенно выдѣлялся отрядъ князя Острожскаго и отрядъ нѣмецкой пѣхоты, присланный бранденбургскимъ маркграфомъ.

[5]) *Stryjkowski*, II, 429; *K. Górski*, l. c., 1892, II, 106. По выраженію розрядныхъ книгъ, „въ Полоцкѣ воеводы худы, а людей мало“—*Карамзинъ*, IX, 296—297 и примѣч. 520, *Щербатовъ*, т. V, часть III-я, стр. 19. Воеводы названы худыми несправедливо; мы увидимъ, что они будутъ доблестно защищаться; названы такъ потому, что не съумѣли отстоять крѣпости.

Городъ и крѣпость Полоцкъ представлялись тогда въ слѣдующемъ видѣ. Рѣка Полота, плывя съ сѣвера на югъ, поворачиваетъ недалеко отъ своего устья сначала назадъ, а потомъ на юго-западъ и въ такомъ направленіи впадаетъ въ Двину. Пространство между Двиною и первымъ изгибомъ Полоты представляетъ собою довольно возвышенное плоскогоріе, которое, подходя къ Полотѣ, ниспадаетъ довольно круто къ рѣкѣ. На этомъ возвышеніи находились два замка: одинъ изъ нихъ, стоявшій у самаго сліянія Полоты съ Двиною, назывался Высокимъ,а другой, построенный къ востоку отъ перваго, Стрѣлецкимъ Острогомъ. За Полотою, на правомъ ея берегу, лежалъ посадъ Заполотье, обнесенный деревянной стѣною и соединенный мостомъ съ Высокимъ Замкомъ. Такимъ образомъ Высокій замокъ, какъ главная крѣпость, былъ окруженъ съ востока Стрѣлецкимъ Острогомъ, съ запада Заполотьемъ и съ сѣвера Полотою; съ южной стороны Двина дѣлала доступъ къ нему совершенно невозможнымъ. Іоаннъ Грозный, взявъ Полоцкъ въ 1563 г., укрѣпилъ Высокій замокъ новыми башнями въ нѣсколько этажей для боковой стрѣльбы, а всю крѣпость обвелъ стѣною и глубокимъ рвомъ [1]).

Войска Баторія расположились слѣдующимъ образомъ: на правомъ флангѣ у Двины—Венгры, рядомъ съ ними влѣво, тоже на правомъ берегу Полоты—Литовцы, за Полотою, на лѣвомъ берегу—Поляки, на лѣвомъ флангѣ, тоже какъ и Венгры, у самой Двины—Нѣмцы.

Лишь только Баторій прибылъ къ Полоцку, какъ тотчасъ же отправился осматривать мѣстоположеніе города и крѣпости, взявъ съ собою Замойскаго и Бекеша, предводителя венгерскихъ войскъ. Осмотрѣвъ мѣстность, онъ пришелъ къ тому заключенію, что всѣ усилія надо направить на Высокій замокъ, ибо и доступъ къ крѣпости съ этой стороны удобнѣе и—что еще важнѣе—съ паденіемъ главнаго укрѣпленія городъ и Стрѣлецкій Острогъ, ли-

---

[1]) Топографія Полоцка у Гейденштейна (стр. 54) представляется не совсѣмъ ясно. Онъ описываетъ положеніе крѣпости такъ: „съ сѣвера течетъ рѣка Полота, у подошвы Стрѣлецкой крѣпости, немного уклоняясь отъ прямого теченія къ востоку, она, затѣмъ, снова отклоняется къ сѣверу и, обогнувъ подошву холма, на которомъ расположенъ Верхній замокъ, отдѣляемый ею отъ города, немного ниже того мѣста направляется къ югу и соединяется съ рѣкою Двиною“. На планъ Пахоловецкаго (Витебская Старина) теченіе Полоты изображено не совсѣмъ точно. Гурскій исправилъ его согласно топографической картѣ Россіи (см. op. cit., стр. 105).

шившись провіанта и огнестрѣльныхъ снарядовъ, которые хранятся въ Высокомъ замкѣ, сами собою сдадутся. Напротивъ того, Бекешъ былъ того мнѣнія, что осаду слѣдуетъ начинать со стороны Заполотья; онъ мотивировалъ свое мнѣніе слѣдующими соображеніями: если по завоеваніи города непріятели удалятся въ крѣпость, то это поставитъ осажденныхъ въ болѣе затруднительное положеніе, такъ какъ они будутъ стѣснены въ одномъ мѣстѣ, что ослабитъ у нихъ надежду на избавленіе отъ осады и, напротивъ того, уменьшитъ трудъ осаждающихъ и усилитъ ихъ мужество; къ тому же добывать замки со стороны города немногимъ теперь труднѣе, чѣмъ съ другой стороны, ибо рѣку Полоту вездѣ можно перейти въ бродъ. Замойскій соглашался съ королемъ и уговаривалъ его настаивать на исполненіи своего плана, указывая на выгодныя стороны его, которыя онъ замѣтилъ во время вторичной рекогносцировки мѣстности, когда онъ, одинъ подъѣхавъ къ тому мѣсту, на которомъ стоялъ городъ до 1563 г. (мѣсто это называлось Пожарищемъ), увидѣлъ, что здѣсь нѣтъ ни рвовъ, ни высокихъ холмовъ и поэтому съ этой стороны доступъ къ крѣпости легче.

Однако король не совсѣмъ послѣдовалъ совѣту Замойскаго; онъ отступилъ нѣсколько отъ своего собственнаго мнѣнія. Не желая воэбуждать національнаго антагонизма, онъ предоставилъ извѣстную долю самостоятельности каждой національности въ своей арміи. Нѣмцамъ разрѣшено было вести подкопы противъ Стрѣлецкаго Острога, а Бекешу съ его Венграми дѣйствовать противъ Заполотья. Венгерскій предводитель началъ обстрѣливать городъ на другой день осады, отъ чего въ городѣ произошелъ пожаръ. Тогда Русскіе, видя, что защищать городъ нѣтъ возможности, зажгли его со всѣхъ сторонъ и со всѣмъ имуществомъ удалились въ Высокій замокъ [1]).

---

[1]) Относительно этого факта въ источникахъ существуетъ нѣкоторое противорѣчіе. Въ „Эдиктѣ о молебствіяхъ“ король говоритъ слѣд.: „на другой день городъ, укрѣпленный сильно рвами, валомъ, башнями и весьма толстыми стѣнами и защищаемый также гарнизономъ, мы подожгли и въ нѣсколько часовъ весь уничтожили, главнымъ образомъ, потому, что онъ являлся преградою для ближайшаго доступа къ крѣпости (Postridie civitatem non mediocriter fossis et aggere et propugnaculis et parietibus densissimis, tum quoque praesidio firmam, ea maxime de causa, quod illo loco nos a propinquiore ad arcem accessu prohiberet, incendimus ac totam paucis horis delevimus. Relacje nuncjuszów, I, 318). Гейденштейнъ

Послѣ этого Баторій направилъ главныя силы на эту крѣпость, и именно на выступъ, обращенный къ сѣверу, такъ какъ гарнизонъ не могъ защищать его ни прямыми, ни боковыми выстрѣлами [1]). Король послалъ предварительно въ крѣпость гонца съ предложеніемъ сдаться добровольно. Русскіе задержали посланнаго на всю ночь, а въ это время такъ энергично стали работать, что успѣли поднять еще выше деревянную башню, которая находилась противъ королевскаго лагеря. На слѣдующій день они выпустили гонца, приказавъ сказать королю, что ключи отъ крѣпости находятся въ рукахъ ихъ государя, а потому пусть король попробуетъ самъ отворить крѣпость, если только онъ будетъ въ состояніи сдѣлать это [2]).

Баторій рѣшилъ взять крѣпость приступомъ, но для этого надо было сдѣлать проломъ въ стѣнѣ. Съ этою цѣлью попробовали сначала пробить стѣну артиллерійскими ядрами, однако безуспѣшно. Тогда начали бросать въ крѣпость особенныя раскаленныя ядра, которыя Баторій употреблялъ уже въ Венгріи. Но и это средство не достигало цѣли: ядра, направленныя выше стѣнъ, перелетали черезъ нихъ, а направленныя къ основанію стѣны зарывались въ землю. Вслѣдствіе этого была сдѣлана попытка поджечь стѣны при помощи лучины и смолы. Солдаты въ надеждѣ на большую награду, обѣщанную за такой подвигъ, карабкались энергично по крутой покатности холма, на которой стояла крѣпость и приближались къ стѣнамъ, но встрѣчали тутъ мужественный отпоръ. Осажденные скатывали на нихъ громадныя бревна, которыя увлекали внизъ карабкавшихся смѣльчаковъ и умерщвляли ихъ.

А если удавалось зажечь въ какомъ-нибудь мѣстѣ стѣну, тогда осажденные, дряхлые старики, женщины и даже дѣти, съ опасностью жизни спѣшили потушить пожаръ водою. Неустрашимость осажденныхъ доходила до того, что многіе при самой сильной пальбѣ изъ непріятельскихъ орудій «рѣшались спускаться

говоритъ, что, когда Бекешъ началъ громить городскія стѣны изъ орудій, тогда Москвитяне, „отчаявшись въ возможности защищать городъ, согласно съ общимъ наказомъ, какой получаютъ отъ царя всѣ, на кого возлагается защита городовъ, взяли съ собою всѣ вещи, зажгли городъ и удалились въ Верхній замокъ“ (58). Намъ думается, что это противорѣчіе можно примирить такъ, какъ это мы сдѣлали въ текстѣ.

[1]) *Górski*, op. cit., 107.

[2]) *A. Mosbach*, op. cit., 162.

*

на канатахъ за стѣны и лили воду, подаваемую имъ другими, свѣшиваясь съ болѣе высокаго мѣста для того, чтобъ потушить огонь, приближавшійся извнѣ». При этомъ многіе гибли, но ихъ съ такимъ же самоотверженіемъ заступали другіе. По словамъ самого Баторія, Москвитяне доказали тогда своею энергіей и усердіемъ, что въ дѣлѣ защиты крѣпостей они превосходятъ всѣ прочіе народы [1]).

Осада затягивалась также вслѣдствіе проливныхъ дождей и недостатка провіанта. Лѣто 1579 г. было въ высшей степени сырое во всемъ Прибалтійскомъ краѣ. По словамъ Рюссова, въ теченіе пяти недѣль не было въ Ревелѣ и трехъ дней безъ дождя [2]). Подъ Полоцкомъ отъ непрерывныхъ дождей дороги такъ испортились, что вьючныя лошади, не будучи въ состояніи выкарабкаться изъ грязи падали и гибли отъ истощенія силъ, почва такъ пропиталась водою, «что даже подъ кожами въ самыхъ палаткахъ магнатовъ не оставалось мѣста, гдѣ можно было бы лежать». Дурное состояніе дорогъ затрудняло весьма подвозъ провіанта. Къ тому же продовольствіе надо было доставлять изъ отдаленныхъ мѣстностей, такъ какъ окрестности Полоцка были безлюдны. Затруднительность подвоза увеличивалась наконецъ отъ нападеній, которыя производились на шедшіе къ Полоцку обозы русскими отрядами изъ окрестныхъ замковъ, Суши, Туровли и Сокола. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ обстоятельствъ кущцы очень рѣдко показывались въ полоцкомъ лагерѣ. Поэтому цѣны на съѣстные припасы и сѣно достигли неслыханныхъ размѣровъ. Армія Баторія начала страдать отъ сильнаго голода. Дошло до того, что нѣкоторые Поляки и Венгры не задумывались ѣсть мясо падшихъ лошадей. Сырая погода, голоданіе и дурная пища вызвали болѣзни въ войскѣ, отъ которыхъ особенно страдали Нѣмцы: многіе изъ нихъ умирали отъ кроваваго поноса [3]).

При такихъ обстоятельствахъ осажденные имѣли возможность наносить еще большій вредъ своимъ врагамъ, и особенно Нѣмцамъ [4]). Однажды нѣмецкіе солдаты, предавшись веселью и

---

[1]) „Эдиктъ о молебствіяхъ“ въ Relacje nuncjuszów, I, 319.

[2]) Сборникъ матеріаловъ и статей по исторіи Прибалтійскаго края, III, 310.

[3]) Kronika polska *Marcina Bielskiego* nowo przez *Joach. Bielskiego* syna jego wydana. W Krakowie, 1597, стр. 761—765.

[4]) Письмо Данінла Германна, *Aug. Mosbach,* Wiadomości do dziejów polskich, стр. 162.

пьянству, легли беззаботно спать на травѣ въ разсыпную. Замѣтивъ это, русскіе произвели вылазку, напали тихонько на сонныхъ, многихъ умертвили, а нѣкоторыхъ захватили и унесли съ собою въ замокъ. Велико было изумленіе и ужасъ плѣненныхъ, когда они проснулись и поняли, гдѣ они находятся. Они стали умолять своихъ враговъ о пощадѣ, но тѣ были безжалостны къ нимъ и подвергли ихъ страшнымъ мученіямъ. Пробуравивъ у нихъ плечи и продѣвъ черезъ отверстія веревки, жестокосердые враги спускали ихъ съ высокой стѣны совершенно обнаженными и заставляли умирать въ этихъ ужасныхъ пыткахъ медленною смертью [1]).

Не смотря на затрудненія, осаждающіе пытались производить приступы, но неудачно. Во время одного изъ такихъ приступовъ погибъ, пораженный ядромъ, одинъ изъ храбрыхъ венгерскихъ предводителей, Михаилъ Вадашъ, прославившій свое имя въ турецкихъ войнахъ [2]).

Всѣ эти неудачи побудили Баторія созвать военный совѣтъ, чтобъ рѣшить вопросъ, что дѣлать дальше? Большинство было того мнѣнія, что надо произести со всѣхъ сторонъ нападеніе на крѣпость всѣми войсками. Но король не согласился съ этимъ мнѣніемъ, опасаясь неудачи, вслѣдствіе которой пришлось бы отступить отъ крѣпости, что равносильно было бы крушенію всего предпріятія.

Баторій полагалъ, что прежде всего необходимо сдѣлать отверстіе въ стѣнѣ, черезъ которое солдаты могли бы проникнуть въ крѣпость и согласно этому убѣжденію продолжалъ дѣйствовать. Съ этою цѣлью онъ издалъ воззваніе къ солда-

---

[1]) *Danielis Hermanni Borussi* Stephaneis Moschovitica sive de occasione, causis initiis et progressibus belli a Serenissimo potentissimoque Polonorum Regno, Magno Duce Lithuamae etc. Stephano primo contra Joannem Basilicm Magnum Moschorum Ducem gesti etc. libri duo priores. Excusae Gedani a Jacobo Rhodo 1582. Изложено содержаніе этой поэмы у В. Г. Васильевскаго, Польская и нѣмецкая печать о войнѣ Баторія съ Іоанномъ IV. Журн. Мин. Нар. Просв., 1889, февраль, стр. 350—369. Гейденштейнъ (70) сообщаетъ слѣд.: „посадивъ ихъ (Нѣмцевъ) съ ногами въ котлы и подложивши въ огонь, они варили ихъ живыми въ кипящей водѣ; въ то же время, связавъ имъ руки за спиной веревкою, пропущенной по локтямъ, они самымъ гнуснымъ образомъ изрѣзали у нихъ животы и все тѣло частыми продольными ранами, такъ что это имѣло видъ продольнаго панцыря“.

[2]) *Гейденштейнъ*, 61.

тамъ, обѣщая большія награды тѣмъ, которые подожгутъ стѣны. Не слѣдуетъ--говорилось въ воззваніи--возвращаться изъ-подъ стѣнъ до тѣхъ поръ, пока пламя не разгорится, какъ слѣдуетъ, что прежде упускалось изъ виду. Отъ поджога зависитъ успѣхъ предпріятія, а поэтому лучше погибнуть доблестною смертью подъ непріятельскимъ огнемъ, чѣмъ опозорить себя постыдно отступленіемъ. Воззваніе подѣйствовало на солдатъ: они бросились бодро исполнять королевское желаніе. А тутъ и судьба начала имъ благопріятствовать. Дожди стали утихать, небо прояснилось и засіяло солнце. Это было 29-го августа. Солдаты побѣжали къ крѣпости: одни спускались во рвы, другіе переплывали черезъ Полоту, иные, преодолѣвъ различнаго рода затрудненія, карабкались на возвышенность [1]). Первымъ прибѣжалъ къ передней крѣпостной башнѣ какой-то мѣдникъ изъ города Львова; онъ принесъ съ собой, какъ разсказывали, котелъ, наполненный раскаленными угольями и смолистую лучину и, поджегши башню, пустился бѣжать назадъ. Въ догонку ему осажденные послали много стрѣлъ и одна изъ нихъ попала ему въ спину; однако, онъ благополучно возвратился вплавь черезъ Полоту къ своимъ. За этотъ подвигъ король возвелъ его въ дворянское достоинство, далъ ему фамилію Полотинскаго и пожаловалъ имѣніе [2]). Другіе солдаты подожгли крѣпость въ другихъ мѣстахъ, пламя быстро охватило громадное пространство и огня нельзя уже было потушить. Тогда король послалъ въ крѣпость грамоту, предлагая осажденнымъ добровольно сдаться и обѣщая отпустить на волю всѣхъ съ женами, дѣтьми и имуществомъ, какое каждый будетъ въ состояніи нести на себѣ; тѣмъ же, которые пожелаютъ служить ему, королю, онъ обѣщалъ такія же права и милости, какими пользовались граждане великаго княжества литовскаго; осажденные должны были выйти изъ крѣпости до полудня [3]).

Зарево пожара такъ ярко освѣщало небо, что его можно было видѣть на далекомъ разстояніи. Въ виду этого король началъ опасаться, чтобы гарнизонъ крѣпости Сокола, замѣтивъ пожаръ,

---

[1]) „Эдиктъ о молебствіяхъ“, Relacje nuncjuszów, I, 319.

[2]) *Bielski*, 763 и *D. Hermann.* Stephaneis:

Primus at in reliquis qui primam lampadem ad aram
Intulit, ille sibi nomenque decusque paravit, etc.

[3]) Acta Stephani regis, № CXVII.

не прибылъ своимъ на помощь. Чтобъ предупредить нападеніе съ этой стороны, Баторій вывелъ почти все войско изъ лагеря и построилъ его въ боевой порядокъ на правомъ берегу Полоты. Но опасенія короля оказались напрасны.

Въ это время изъ крѣпости спустилось со стѣнъ 10 человѣкъ и явилось въ непріятельскій лагерь просить пощады, но венгерскіе солдаты умертвили несчастныхъ перебѣжчиковъ. Остальные осажденные показывали тоже видъ, что желаютъ сдаться, но какъ оказалось вскорѣ, притворно. Пользуясь тѣмъ, что громадное пламя закрывало ихъ отъ непріятеля, они насыпали въ томъ мѣстѣ, гдѣ прогорѣла стѣна, валъ, провели ровъ и поставили орудія. Сильный пожаръ продолжался до самого вечера, а поэтому король, не желая вести солдатъ черезъ огонь, отложилъ приступъ до слѣдующаго дня. Но нѣкоторые венгерскіе и польскіе солдаты, побуждаемые жаждою добычи, попытались черезъ пламя вторгнуться въ крѣпость, однако огонь такъ сильно обжигалъ ихъ и врагъ такъ мужественно отражалъ, что они были принуждены возвратиться назадъ. Русскіе пустились ихъ преслѣдовать, но на помощь бѣгущимъ бросился отрядъ пѣхотинцевъ Замойскаго (200 челов.). Тогда завязалась горячая схватка. Король, узнавъ о штурмѣ, поспѣшилъ занять дорогу, ведущую изъ Сокола, а Мелецкій—защитить орудія и окопы. Русскіе открыли въ это время изъ крѣпости по непріятелю сильную пальбу. Король и Замойскій подверглись въ этотъ моментъ немалой опасности: одинъ изъ всадниковъ былъ убитъ ядромъ подлѣ самого короля на томъ мѣстѣ, которое оставилъ Замойскій съ тою цѣлью, чтобъ перемѣнить лошадь. Штурмъ былъ отбитъ, но и Русскіе, преслѣдовавшіе штурмовавшихъ, должны были возвратиться съ значительнымъ уономъ: во время этой схватки погибло, по польскому оффиціальному извѣстію, 27 солдатъ изъ войска Баторія и 200 человѣкъ изъ крѣпостнаго гарнизона [1]).

Эта неудача возбудила сильные раздоры между Поляками и Венграми: Поляки называли поступокъ Венгровъ безразсудствомъ, а Венгры, въ свою очередь, обвиняли Поляковъ въ томъ, что они недостачно энергически имъ помогали при штурмѣ. Вслѣдствіе этихъ раздоровъ утро слѣдующаго дня до полудня прошло въ раздѣйствіи. Король снова послалъ въ крѣпость грамоту съ требованіемъ сдачи, заявляя, что опасная грамота будетъ дѣй-

[1]) Relacje nuncjuszów, I, 319.

ствительна только до 3-хъ часовъ дня [1]). Но осажденные не думали пока еще сдаваться. Они намѣревались укрѣпить ту башню, которая была подожжена и хотѣли сюда возвратиться. Однако король не позволилъ имъ исполнить это намѣреніе. По его приказанію, Венгры, предводительствуемые Петромъ Рачемъ, напали внезапно на эту башню и подожгли ее. Новый пожаръ продолжался всю ночь; всю ночь также производилась пальба изъ орудій. Осаждающіе успѣли въ эту ночь провести рвы на разстояніи нѣсколькихъ шаговъ отъ непріятельскихъ укрѣпленій. Однако пожаръ въ крѣпости произвелъ такія опустошенія, что защита сдѣлалась невозможною. Тогда стрѣльцы и дѣти боярскія [2]) вступили съ королемъ въ переговоры о сдачѣ крѣпости и сдали ее, какъ этому ни сопротивлялись великолуцкій архіепископъ Кипріанъ и воеводы, которые хотѣли даже взорвать крѣпость на воздухъ, предпочитая геройскую смерть постыдной сдачѣ. Не будучи въ состояніи склонить гарнизонъ къ этому подвигу, они заперлись въ церкви св. Софіи, такъ что пришлось—по приказанію Баторія—выводить ихъ оттуда насильно. Приведенные къ королю, они ударили ему челомъ причемъ воевода Петръ Волынскій сталъ жаловаться Баторію на своего товарища Василія Микулинскаго за то, что этотъ послѣдній оклеветалъ его передъ царемъ и поэтому царь приказалъ заключить его, Волынскаго, въ оковы. Но король не пожелалъ за недостаткомъ времени разбирать этой жалобы и поручилъ надзирать за воеводами и архіепископомъ литовскому подскарбію Лаврентію Войнѣ [3]). Затѣмъ онъ послалъ нѣсколько Венгровъ и нѣсколько Поляковъ (Ницицкаго, Пенкославскаго, Немсту и Красицкаго) принимать замокъ. Къ нимъ вздумали, было, присоединиться еще нѣкоторые Поляки, увлекаемые, вѣроятно, жаждою добычи, что сильно разсердило короля: онъ бросился на одного изъ нихъ, Доброславскаго, съ саблею, чѣмъ обидѣлъ гетмана Мелецкаго, такъ какъ Доброславскій былъ его слугою [4]).

---

[1]) Acta Stephani regis, № CXVIII.

[2]) *Карамзинъ* (изд. 1852), IX, 300, присоединяетъ къ нимъ и воеводу Петра Волынскаго, основываясь на словахъ лѣтописца графа Толстого (см. прим. 526): „а сдалъ Полоцкъ Петръ Волынскій со стрѣльцами". Польскіе источники не упоминаютъ этого имени; Стрыйковскій (II стр. 429) причисляетъ даже Волынскаго къ тѣмъ, которые не хотѣли добровольно сдаваться.

[3]) *Гейденштейнъ*, op. cit., 69.

[4]) *J. Bielski*, op. cit., 765.

Принявъ замокъ, король приказалъ Москвитянамъ выходить изъ него, предоставляя каждому на выборъ—возвратиться на родину или остаться у него на службѣ. Большая часть, побуждаемая любовью къ родинѣ и преданностью царю, предпочла возвращеніе въ отечество и службу своему государю, хотя «каждый изъ нихъ могъ думать, что идетъ на вѣрную смерть и страшныя мученія». Однако царь пощадилъ ихъ, «или потому,—замѣчаетъ польскій историкъ,—что, по мнѣнію его, они были вынуждены сдаться послѣднею крайностью, или потому, что онъ самъ вслѣдствіе неудачъ упалъ духомъ и ослабѣлъ въ своей жестокости». По приказанію царя, они были размѣщены въ окрестныхъ замкахъ: Великихъ Лукахъ, Заволочьѣ, Невелѣ, Усвятѣ, чтобы они смыли, защищая эти крѣпости, позоръ сдачи Полоцка доблестными подвигами въ дальнѣйшей борьбѣ съ врагомъ. Король приказалъ охранять выходившихъ изъ крѣпости отъ обидъ и самъ наблюдалъ за этимъ. Когда одинъ изъ солдатъ, надѣясь на то, что онъ останется незамѣченнымъ въ толпѣ, сталъ грабить ихъ, Баторій бросился на него и прибилъ его булавою [1]). Съ цѣлью охраны отъ грабителей дана была Москвитянамъ, по приказанію короля, стража изъ литовскихъ пановъ и казаковъ (2 эскадрона), подъ начальствомъ ротмистра Садовскаго, для сопровожденія ихъ въ пути [2]).

«Но когда они пришли на ночлегъ, то всякій сбродъ, который потянулся за нимъ отъ войска, началъ ихъ терзать и грабить, чему помогали и посланные охранять ихъ казаки». Увидѣвъ это, встревоженные Москвитяне стали разбѣгаться, кто куда попало, такъ что Садовскій не могъ собрать ихъ снова. Узнавъ объ этомъ, Баторій выразилъ сильное сожалѣніе, что такъ случилось [3]),

Взявъ крѣпость, король хотѣлъ совершить благодарственное молебствіе въ тотъ же самый день въ самомъ Полоцкѣ, но множество труповъ и сильное отъ нихъ зловоніе не позволили ему войти въ городъ, а потому онъ приказалъ отслужить молебенъ на слѣдующій день въ лагерѣ [4]).

Въ крѣпости побѣдители нашли 38 орудій, 300 гаковницъ,

---

[1]) *Гейденштейнъ*, 70.
[2]) *Гейденштейнъ*, 71 и *J. Bielski*, 765.
[3]) *J. Bielski*, 765.
[4]) *Гейденштейнъ*, 71.

около 600 длинныхъ ручницъ [1]), 2.500 центнаровъ пороху [2]), много пуль и ядеръ [3]) и значительную добычу, хотя Москвитяне, уходя на родину, и взяли съ собою много сокровищъ. Венгры въ теченіе нѣсколькихъ дней выносили разнаго рода вещи изъ замка, много продали явно въ лагерѣ и много,—то, что получше,—у себя спрятали [4]). Кромѣ того, побѣдителямъ досталась драгоцѣнная библіотека, состоявшая изъ лѣтописей и сочиненій отцовъ церкви на славянскомъ языкѣ [5]).

При раздѣлѣ добычи между венгерскими и польскими солдатами произошли раздоры, которые достигли до такой степени, «что, выстроившись въ боевой порядокъ, они едва не бросились другъ на друга съ обнаженными мечами. Уже раньше этого польскіе солдаты, собираясь въ кружки, шумѣли по всему лагерю, говоря, что ихъ храбрость пренебрегается Венграми, что тѣ присваиваютъ себѣ во всемъ преимущества, одни только захватываютъ плоды побѣдъ и всю добычу, какъ будто война предпринята для ихъ славы и выгодъ». Возникъ раздоръ и между начальствующими лицами. Гетманъ Мелецкій, недовольный умале-

---

[1]) Гваньини и Бѣльскій.

[2]) Сообщеніе Д. Германна въ *Aug. Mosbach*, op. cit., стр. 162.

[3]) Король въ „Эдиктѣ о молебствіяхъ“ говоритъ такъ: nostri cum ingressi essent passim magnum cadaverum insepultorum numerum repererunt, tum tormentorum ac pulveris tormentarii globorumque tantam vim deprehenderunt, quanta in arce aliqua christiani orbis his rebus instructissima posset reperiri.—Relacje nuncjuszów, I, 320.

[4]) Сообщеніе Д. Германна (*Aug. Mosbach*, op. cit., 162), которому, какъ очевидцу, слѣдуетъ больше вѣрить, чѣмъ Гейденштейну (стр. 71), говорящему, что „по взятіи города Москвитяне увезли съ собою въ Москву всѣ сокровища, оставивъ немного пожертвованій“. Если онъ прибавляетъ, что надежды солдатъ на добычу совсѣмъ не были удовлетворены, то эта неудовлетворенность происходила отъ озлобленія, вызваннаго тѣмъ, что король разрѣшилъ Русскимъ вынести съ собою тѣ вещи, которыя они будутъ въ состояніи взять. Сообщеніе Германна подтверждается словами нунція Калигари. Dicono che il re habbia trovato nella fortezza di Polozco provisione per un anno di tutto il presidio, che vi era che era notabile, cinquanta pezzi d'artigliaria grossa et 300 piccoli non comprendendo gl'archibusi (письмо отъ 4-го IX, 1579, римскіе портфели въ библ. Крак. Акад. Наукъ, 9, CIV). Въ виду этого нельзя согласиться съ мнѣніемъ Соловьева (op. cit., II, столб. 272), который, слѣдуя Гейденштейну, утверждаетъ, что „добыча, найденная въ Полоцкѣ, обманула надежды осаждающихъ; самую драгоцѣнную часть ея составляла библіотека...“ и т. д.

[5]) *Соловьевъ* (op. cit., II, столб. 272) говоритъ, что все это погибло. Но такъ ли это?

ніемъ своей власти, высказывалъ вражду къ виленскому воеводѣ Радзивиллу, Замойскому и Бекешу, королевскимъ любимцамъ, которымъ Баторій предоставлялъ столько власти, что они могли дѣйствительно стѣснять распоряженія гетмана [1]). Король прекратилъ раздоръ между солдатами раздачею подарковъ изъ своей казны.

Чтобъ упрочить окончательно за собою владѣніе Полоцкомъ, Баторій долженъ былъ взять окрестныя крѣпости Соколъ, Туровлю и Сущу, которыя находились еще въ рукахъ Москвитянъ. Туровля расположена была въ четырехъ миляхъ отъ Полоцка вверхъ по Двинѣ [2]), у впаденія рѣчки Туровли, такъ что крѣпость заключена была между двумя рѣками; съ третьей стороны примыкало къ ней озеро. Находясь посреди Улы, Витебска и другихъ крѣпостей, принадлежавшихъ Речи Посполитой, Туровля легко могла преграждать и дѣйствительно преграждала подвозъ съѣстныхъ припасовъ въ Полоцкъ изъ этихъ мѣстностей, отчего въ лагерѣ Баторія подъ Полоцкомъ недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ все болѣе и болѣе усиливался. Въ виду этого еще во время осады Полоцка была сдѣлана попытка устранить это препятствіе. Николай Разивиллъ послалъ отрядъ войскъ, подъ начальствомъ Франциска Жука, взять Туровлю, но эта экспедиція потерпѣла неудачу какъ вслѣдствіе мужественной обороны гарнизона, стоявшаго въ Туровлѣ, такъ и вслѣдствіе недостаточнаго количества орудій, взятыхъ съ собою Жукомъ. Неоднократныя нападенія его на крѣпость были отражены Русскими съ успѣхомъ [3]). Взявъ Полоцкъ, Баторій приказалъ идти къ Туровлѣ Венграмъ. Но Радзивиллъ сдѣлалъ попытку взять крѣпость при помощи легкихъ отрядовъ. Онъ послалъ туда извѣстное количество всадниковъ и пѣшихъ легковооруженныхъ казаковъ, подъ начальствомъ ульскаго старосты Контсантина Лукомскаго [4]). Вслѣдствіе

---

[1]) Такъ надо понимать осторожныя выраженія Гейденштейна (72).

[2]) *Stryjkowski*, II, 429.

[3]) *Гейденштейнъ*, (стр. 62) и Rerum post captam Polociam contra Moscum gestarum narratio (Relacje nuncjuszów, I, 324). В. Г. Васильевскій вполнѣ правильно замѣчаетъ, что послѣднее повѣствованіе, имѣющее оффиціальный характеръ, очень отчетливо излагаетъ ходъ военныхъ дѣйствій послѣ взятія Полоцка (Журн. Мин. Нар. Просв., 1889, январь, 137, № 6).

[4]) *Гейденштейнъ* (73) говоритъ объ этомъ такъ: между тѣмъ въ это время Мартинъ Курцъ съ отрядомъ казаковъ предложилъ свои услуги виленскому воеводѣ; его-то и послали противъ Туровли, присоединивъ къ нему Константина Лукомскаго, начальника въ Улѣ. Стрыйковскій (II, 430) называетъ Лукомскаго княземъ.

взятія Полоцка гарнизонъ Туровли упалъ духомъ, а потому Москвитянами овладѣла паника, лишь только они увидѣли непріятеля. Полагая, что приближается все войско Баторія, они бросились изъ крѣпости черезъ противоположныя ворота и обратились въ бѣгство. Въ крѣпости остались только воеводы, которые считали для себя позоромъ покидать крѣпость. Они-то и достались въ плѣнъ воинамъ Баторія вмѣстѣ со всѣми припасами и военными снарядами, находившимися въ крѣпости (4-го сентября). Спустя нѣсколько дней послѣ этого, крѣпость сгорѣла вслѣдствіе неосторожнаго обращенія солдатъ съ огнемъ; празднуя взятіе крѣпости, они устроили фейерверкъ, отъ котораго и произошелъ пожаръ [1]). Сожженіе Туровли огорчило Баторія, такъ какъ оно отсрочило взятіе Суши, гарнизонъ которой пріободрился, ибо у нихъ явилась надежда на возможность получить подкрѣпленіе и припасы.

Въ то время, когда все это происходило, король отправилъ къ Соколу гетмана Мелецкаго съ отрядомъ польской конницы и польской и нѣмецкой пѣхоты [2]). Соколъ лежалъ въ пяти миляхъ [3]) къ сѣверу отъ Полоцка по дорогѣ во Псковъ. Крѣпость, имѣвшая 11 башенъ [4]), расположена была между рѣками Дриссою и Нищею, окружена деревянною стѣною и защищена съ той стороны, гдѣ рѣки расходились другъ отъ друга, глубокимъ рвомъ. Въ ней находился гарнизонъ, достигавшій 5.000 человѣкъ [5]).

Къ обычному гарнизону, защищавшему доступъ къ Полоцку съ сѣвера, присоединился отрядъ, посланный Іоанномъ Грознымъ на защиту Полоцка, когда царь узналъ о походѣ Баторія на эту крѣпость [6]). Прибылъ въ крѣпость и Юрій Булгакъ съ 2.000

---

[1]) Стрыйковскій (II, 430) говоритъ, что крѣпость сожгли „наши“, „gdy kniaź Łukomski kazał z więtszych dział pod dobrą myśl strzelać“.

[2]) По словамъ Д. Германна, нѣмецкій отрядъ, находившійся подъ начальствомъ Христофора Розражевскаго состоялъ изъ 3.000 человѣкъ, см. *Aug. Mosbach*, op. cit., 162.

[3]) Такое разстояніе указано въ Rerum post captam Polociam narratio (Relacie nuncjuszów, I, 324) и у Стрыйковскаго, II, 429. Starożytna Polska pod względem historycznym, geograficznym i statystycznym, opisana przez *M. Balińskiego* i *Tym. Lipińskiego*, IV, 493, опредѣляетъ разстояніе въ 30 верстъ.

[4]) См. статью Коркунова въ Журн. Мин. Нар. Просв., 1837.

[5]) По словамъ Д. Германна (*Aug. Mosbach*, op. cit., 162).

[6]) *Гейденштейнъ*, 62; Narratio (Relacje nuncjuszów, I, 325), перечисляетъ имена воеводъ: Ѳеодоръ Васильевичъ Шереметевъ, Борисъ Ва-

стрѣльцовъ [1]). Такъ какъ этотъ отрядъ могъ явиться большою опасностью для Баторіева войска, осаждавшаго Полоцкъ, то произведены были изъ-подъ Полоцка нападенія на Соколъ, сначала подъ предводительствомъ Ивана Волыминскаго, а потомъ Христофора Радзивилла, къ которому присоединился и минскій кашелянъ Иванъ Глѣбовичъ [2]). Гарнизонъ Сокола держался постоянно близко укрѣпленій; нападающимъ не удалось выманить его оттуда и дѣло окончилось схватками, во время которыхъ было убито нѣсколько человѣкъ съ той и другой стороны и нѣсколько человѣкъ взято въ плѣнъ [3]). Эти неудачи побудили Баторія отложить экспедицію противъ Сокола до тѣхъ поръ, пока не будетъ взятъ Полоцкъ, т.-е. до того времени, когда можно будетъ послать бо́льшее войско.

Мелецкому, отправленному подъ Соколъ, пришлось испытать немалыя препятствія и лишенія: дороги были размыты дождемъ; кромѣ того, въ обозѣ польскаго гетмана чувствовался недостатокъ провіанта. При переправѣ черезъ рѣку Дриссу представилось особенно большое затрудненіе, такъ какъ вода въ рѣкахъ отъ непрерывныхъ дождей сильно поднялась. Брацлавскій воевода Иванъ Збаражскій переправился черезъ нее вплавь съ отрядами всадниковъ, а остальное войско перешло по мосту, который построили, по совѣту Николая Уровецкаго, начальника конницы, изъ толстыхъ бревенъ, связывая ихъ желѣзными цѣпями или другими крѣпкими связями. Гарнизонъ Сокола ничего не сдѣлалъ для того, чтобы помѣшать переправѣ. На противоположномъ берегу рѣки разъѣзжали только всадники, перекликаясь между собою и заявляя громогласно, что въ Соколѣ находятся

сильевичъ Шеинъ, Андрей Палецкій, Михаилъ Юрьевичъ Лыковъ (Michael Georgii filius Lycus) и Василій Кривоборскій (Basilius Crivoborsius). По Щербатову (т. V, часть 3-я, стр. 33), обычнымъ гарнизономъ командовалъ воевода Иванъ Кокошкинъ.

[1]) Объ этомъ отрядѣ Narratio сообщаетъ какое-то странное свѣдѣніе: Accesserat huc etiam Georgius Bullahacus cum duobus millibus sclopetariorum, partim Dunensium, partim Voliensium, qui ad Dunae et Volhiae fontium paludes ob perpetuas cum Tartaris dimicationes, caeteris belli usu ac jaculandi peritia facile praestant. Почему же эти стрѣльцы, находясь у истоковъ Волги и Двины, должны были сражаться постоянно съ Татарами?

[2]) *Гейденштейнъ* (63) упоминаетъ только объ экспедиціи Хр. Радзивилла, а Narratio (325) и о набѣгѣ Волыминскаго.

[3]) *Гейденштейнъ* (63) и *Narratio*, 325.

казанскія, астраханскія и иныя войска, чѣмъ, конечно, старались внушить страхъ непріятелю. Переправившись черезъ рѣку, Мелецкій немедленно двинулся на враговъ. При этомъ большую часть своей конницы онъ поставилъ въ лѣсу, который находился между обѣими рѣками, протекавшими вблизи крѣпости, а пѣхотѣ приказалъ проводить на достодолжномъ разстояніи рвы и окопы, что Поляки вдоль Нищы, а Нѣмцы вдоль Дриссы стали приводить въ исполненіе такъ, чтобы укрѣпленія сомкнулись подъ крѣпостью. Ивану Збаражскому приказано было стать за меньшею рѣкою Нищею, въ томъ мѣстѣ, гдѣ врагу легче всего было убѣжать изъ крѣпости и поручено было стеречь это мѣсто. Когда укрѣпленія были окончены и орудія поставлены (дѣло было къ вечеру), тогда начальникъ артиллеріи Доброславскій, желая попробовать, нельзя ли будетъ произвести пожаръ въ крѣпости, бросилъ туда три раскаленныхъ ядра, изъ которыхъ два были потушены Русскими, а третье, засѣвъ въ стѣнѣ, подожгло ее, отчего вспыхнулъ громадный пожаръ [1]), который охватилъ большую часть крѣпости. Это произвело страшную панику среди гарнизона, Большая часть его бросилась въ суматохѣ бѣжать черезъ южныя ворота, обращенныя къ Нищѣ [2]). Но навстрѣчу имъ двинулись, по знаку, данному гетманомъ Мелецкимъ, изъ своихъ укрѣпленій Поляки, а за ними вскорѣ отрядъ нѣмецкихъ стрѣлковъ и Русскіе были отброшены назадъ въ крѣпость. Придя въ отчаяніе, они стали давать различные знаки, что желаютъ добровольно сдатся. Но Нѣмцы, не понимая русскаго языка, не обращали на это никакого вниманія, а раздраженные жестокостями, которыя были произведены Русскими надъ ихъ соотечественниками въ Полоцкѣ, стали истреблять враговъ съ величай-

---

[1]) Случилось это, по словамъ королевскаго универсала, 11-го сентября (tum ad undecimam hujus mensis diem); см. Epistola qua Regni Ordines ad comitia convocantur въ Relacje nuncjuszów, I, 321; см. также *Тургенева*, I, № CXCIX. Показаніе Карамзина (изд. 1852, т. IX, 301) относительно того, что Литовцы осадили Соколъ 19-го сентября, а 25-го зажгли башни (то же говоритъ и Соловьевъ, II кн., столб. 272), должно быть признано неправильнымъ.

[2]) Въ описаніи Гейденштейна, 78, этотъ моментъ не обозначенъ, но вообще разсказъ его, за исключеніемъ нѣсколькихъ мелкихъ подробностей, согласуется съ Narratio; Стрыйковскій, II, 430, говоритъ, что когда огонь разгорѣлся, Москвитяне, усумнившись въ возможности защищать замокъ, бросились на бой черезъ ворота со стороны Ниссы (przez bramę od Nissy).

шимъ озлобленіемъ, что, въ свою очередь, возбудило ярость въ русскихъ воинахъ. Они сбросили на враговъ, вторгавшихся въ крѣпость, рѣшетку, которая находилась надъ воротами и такимъ образомъ однимъ врагамъ отрѣзали отступленіе, а другимъ преградили доступъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ заперли и себя среди укрѣпленій. Тогда произошло нѣчто ужасающее по своему трагизму: среди всепожирающаго пламени враги въ страшномъ остервенѣніи истребляли другъ друга.

Въ то же время нападающіе пытались удалить рѣшетку; имъ удалось, наконецъ, сокрушить ее. Тогда тѣ, которые остались живы среди ужасной сѣчи, происходившей въ крѣпости, раненные и обгорѣлые, боролись вмѣстѣ съ Русскими бѣжать изъ крѣпости; другіе, напротивъ того, ворвались въ нее и предались грабежу, спѣша унести изъ пламени то, что только возможно было спасти. Русскіе, бѣжавшіе изъ крѣпости, наткнулись на укрѣпленія или посты Нѣмцевъ и были всѣ перебиты. При этомъ пали воеводы Борисъ Шеинъ, Андрей Палецкій, Михаилъ Лыковъ и Василій Кривоборскій. Но тѣ, которые попали въ руки Поляковъ, остались живы [1]). Убитыхъ Русскихъ насчитано было около 4.000, а плѣнныхъ оказалось такое множество, что было ихъ по нѣскольку не только у начальниковъ и офицеровъ, но даже и у простыхъ солдатъ [2]). Пало много солдатъ и изъ войска Баторія: однихъ Нѣмцевъ было убито въ крѣпости 500 человѣкъ [3]). Многіе ветераны, и между ними старый полковникъ Вейеръ, утверждали, что хотя они видѣли на своемъ вѣку не мало битвъ, но такой ужасной рѣзни не приходилось имъ встрѣчать [4]). Крѣпость сгорѣла. Тѣмъ не менѣе побѣдителямъ удалось захватить немалую добычу, много серебра, которое хранили московскіе бояре въ особыхъ шкатулкахъ и много драгоцѣнныхъ платьевъ [5]).

---

[1]) Воеводу Шереметева, бѣжавшаго съ частью конницы по дорогѣ къ Пскову, захватилъ въ плѣнъ, по словамъ Гейденштейна, Иванъ Збаражскій.

[2]) Narratio (Relacje nuncjuszów, I, 328); см. также письмо изъ Полоцка отъ 14-го сентября у *Тургенева*, I, № CXCIX. Если имѣть въ виду эти сообщенія, тогда придется показаніе Д. Германна о численности московскаго гарнизона (5.000 чел.) въ Соколѣ признать неточнымъ; онъ долженъ былъ быть гораздо многочисленнѣе. Калигари говоритъ, что „было убито 5.000 русскихъ (римскіе портфели, 9, CIV, стр. 295).

[3]) *Гейденштейнъ*, 78.

[4]) *Гейденштейнъ*, 79.

[5]) Описаніе взятія Сокола у Стрыйковскаго, не отличающееся большими подробностями, сходно съ Narratio; Бѣльскій и Гваньини слѣду-

Въ рукахъ Москвитянъ оставалась еще Суша. Но добывать эту крѣпость король не считалъ пока дѣломъ нужнымъ. Онъ полагалъ, что она, отрѣзанная отъ подкрѣпленій и подвоза съѣстныхъ припасовъ, будетъ принуждена сама добровольно сдаться, а между тѣмъ осада ея представлялась весьма затруднительною въ виду того, что ее окружали обширныя озера и болота и приближалась ненастная осенняя погода. Поэтому онъ ограничился только тѣмъ, что расположилъ вокругъ крѣпости обозомъ отряды солдатъ, съ тѣмъ, чтобы они не допускали въ Сушу подкрѣпленій. Разсчеты Баторія оправдались. Съ потерею Полоцка Іоаннъ потеряль надежду на возможность удержать за собою Сушу, а потому приказалъ сушскому воеводѣ Петру Ѳедоровичу Колычеву зажечь крѣпость и удалиться изъ нея, причемъ гарнизонъ долженъ былъ предварительно спрятать въ землю образа, церковныя книги и вообще священные предметы, уничтожить порохъ и аммуницію, а орудія погрузить въ воду [1]). Гонцы съ царскими грамотами проникли въ Сушу, но одного враги перехватили и доставили его Мелецкому. Гетманъ, опасаясь за цѣлость артиллеріи, которою онъ хотѣлъ завладѣть, послалъ тотчасъ же въ Сушу предложеніе сдаться на слѣдующихъ условіяхъ: воины могутъ унести съ собою свое имущество и вполнѣ безопасно возвратиться на родину. Эти условія были приняты гарнизономъ и крѣпость была сдана со всѣми военными снарядами полоцкому воеводѣ (который присылалъ также гарнизону предложеніе сдать крѣпость) и отряду солдатъ, посланному Мелецкому (6-го октября) [2]).

ютъ Гейденштейну, а Одерборнъ (*Starczewski*, Scriptores historiae ruthenica exteri, II, 243) заимствовалъ дословно разсказъ объ этомъ сраженіи изъ Narratio, за исключеніемъ слѣдующей подробности: occidit hic Martinus Rebsacus a Silesia omnium cohortium germanicarum praefectus, qui per medias flammas, per pilas innumerabiles, per tela, per gladios sine ulla formidinis significatione in munitionem irruens hostes longe lateque ceciderat.

[1]) Царь посылалъ грамоты объ этомъ 6-го и 17-го сентября.

[2]) Narratio (Relacje nuncjuszów, I, 328—329) и Гейденштейнъ, 81—82. По словамъ Стрыйковскаго, изъ Суши вышло 6.000 человѣкъ, а побѣдители взяли 21 большихъ орудій, 136 гаковницъ, 123 длинныхъ ручницъ, 100 бочекъ пороху вѣсомъ въ 400 центнера, 4.822 большихъ желѣзныхъ пуль и множество провіанту (II, 430—431 и Сапуновъ, Витебская Старина, IV, 197). Изъ письма нунція Калигари отъ 15-го, IX, 1579. Alli IX di q-to venne nova che alli 5 del med-nio si era resa per trattato la fortezza di Sussa del Moscovita al Palat. di Podolia, cap-no gen. del Re, chè è restato nè

Въ то время какъ происходили разсказаныя нами событія на главномъ театрѣ военныхъ дѣйствій, были произведены тоже вторженія и въ предѣлы московскаго государства. Оршанскій староста Филонъ Кмита сжегъ въ смоленской области до 2.000 селеній, уничтожилъ огнемъ предмѣстія самаго Смоленска и, производя всюду на своемъ пути страшныя опустошенія, возвратился назадъ въ Оршу съ огромною добычею [1]). Точно такимъ же образомъ князь Константинъ Острожскій съ сыномъ Янушемъ и брацлавскимъ каштеляномъ Михаиломъ Вишневецкимъ опустошилъ черниговскую область, сжегъ городъ Черниговъ, но взять черниговской крѣпости не былъ въ состояніи, такъ какъ ее доблестно защищалъ московскій гарнизонъ. Тогда Острожскій, отступивъ отъ Чернигова, разослалъ во всѣ стороны легкіе конные отряды, которые разорили сѣверскую облать до Стародуба, Радогоста и Почепа [2]). Въ тоже время мстиславскій староста Иванъ Соломерецкій разрушилъ городъ Ярославль и много деревень [3]).

Такъ окончился походъ 1579 года; полоцкая область была завоевана. Завладѣвъ ею, Баторій занялся тотчасъ же ея устройствомъ. Онъ постарался возстановить укрѣпленія Полоцка, для чего далъ 7.000 золотыхъ, на которыя нанято было для постройки стѣнъ 63 плотника въ Витебскѣ и 14 въ Двинскѣ. Въ Полоцкой крѣпости онъ оставилъ гарнизонъ въ 900 человѣкъ (400 всадниковъ и 500 пѣхотинцевъ) подъ начальствомъ воеводы Николая Дорогостайскаго, которому далъ въ помощники польнаго писаря Войцеха Стабровскаго и городничаго Франциска Жука, поручивъ послѣднему производить смотры солдатамъ полоцкаго

---

presidii con 6 m. cavalli et parecchi centinaia di fanti. Erano in q-ta fortezza 800 huomini da combattere et fra tutti 3 m. persone, che tutte sono state salve et libere, 24 pezzi di buona artigliaria con munitione in abondanza chè è restata per il Rè. È posta in un isoletta et percio molto difficile ad espugnare, essendo tutta circondata dall'acque d'un grande lago. Si sa certo, che di consenso del Mosco si è resa per la grande carestia, che egli ha d'huomini da guerra, onde non ha voluto perdere quelli 800 soldati. Egli havea data comm-ne chè brusciano la fortezza et rompessero l'artiglaria, ma non l'hanno fatto; et dicono, che pur sio in Plescovia et tanto abbattuto, che non sà, che si fare. (Римскіе портфели, 9, CIV, стр. 343).

[1]) О Филонѣ Кмитѣ, см. статью М. Малиновскаго „Wiadomość o Filonie Kmicie Czarnobylskim“ (Źródła do dziejów polskich wydawane przez *M. Malinowskiego* i *Al. Przeździeckiego*, Wilno, 1844, t. II, 306—343).

[2]) *Stryjkowski*, II, 431.

[3]) Narratio, I, 329 и *Гейденштейнъ*, 82—83.

гарнизона и уплачивать имъ жалованье [1]). На границѣ съ московскимъ государствомъ поставлены были военные отряды: гетманъ Мелецкій, по приказанію короля, раздѣлилъ польское войско на три части и, назначивъ начальниками надъ ними Христофора Нищицкаго, Мартина Казановскаго и Сигизмунда Розена, указалъ имъ мѣста для зимнихъ стоянокъ.

Сильная паника, овладѣвшая врагомъ [2]) подавала Баторію надежду на дальнѣйшіе успѣхи въ борьбѣ съ нимъ, и король сильно желалъ продолжать войну. Однако значительныя препятствія заставили короля отложить на время исполненіе своихъ желаній: армія была утомлена, пало громадное количество лошадей, а главное ощущался сильный недостатокъ въ финансовыхъ средствахъ: кромѣ того, ко всему этому присоединялось еще осеннее ненастье, которое все болѣе и болѣе усиливалось [3]) и которое, конечно, могло повліять пагубно на здоровье солдатъ.

Въ виду всего этого, Баторій пріостановилъ военныя дѣйствія [4]) и, устроивъ необходимыя дѣла въ Полоцкѣ, уѣхалъ отсюда 17-го сентября [5]) по рѣкѣ Двинѣ въ Дисну, куда онъ приказалъ перевезти всѣ пушки (онѣ были оставлены здѣсь до слѣдующаго похода). Еще наканунѣ отъѣзда изъ Полоцка (16-го сентября) онъ послалъ Іоанну письмо, въ которомъ извѣщалъ его о взятіи Полоцка и заявлялъ, что кровь христіанская по винѣ Іоан-

---

[1]) Acta Stephani regis, № CXXI, *K. Górski*, l. c., II, 112.

[2]) См. донесеніе Калигари у *Тургенева*, I, 285, № CXCVII.

[3]) Epistola qua regni ordines ad comitia convocantur (Relacje nuncjuszów, I, 321), Narratio (ib., I, 329—330).

[4]) Съ отъѣздомъ Баторія изъ Полоцка военныя дѣйствія не вполнѣ прекратились. 13-го декабря 1579 года полоцкій воевода Дорогостайскій сжегъ замокъ Нищерду, причемъ погибло слишкомъ 2.000 Москвитянъ, мужественно защищавшихъ крѣпость, и попало въ плѣнъ около 1.000 (въ томъ числѣ 4 воеводы); см. *Stryjkowski*, (II, 431). Гейденштейнъ (96) не сообщаетъ этихъ подробностей; онъ говоритъ, что полоцкіе казаки овладѣли Нищердою при помощи крестьянина Коссонскаго, который указалъ имъ, когда удобнѣе всего сдѣлать нападеніе на крѣпостъ, причемъ занять ее оказалось легко, такъ какъ окопы не были еще окончены. Тотъ же Коссонскій хотѣлъ передать, по словамъ Гейденштейна (97), баторіевымъ войскамъ и Заволочье. Но замыселъ измѣнника былъ открытъ и Коссонскій, вмѣстѣ съ двумя своими сыновьями, былъ посаженъ на колъ. Неудачна была также попытка баторіевыхъ казаковъ захватить неожиданнымъ нападеніемъ крѣпость Усвятъ.

[5]) Narratio (l. c., I, 329) и показаніе Д. Германна (*Aug. Mosbach*, op. cit., 163).

на проливается. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ припоминалъ царю о томъ, что онъ—вопреки международнымъ обычаямъ—задерживаетъ до сихъ поръ его, Баторіева, посланца Вацлава Лопатинскаго; пусть онъ отпуститъ его немедленно, равно какъ и того посланца (Богдана Проселка), съ которымъ король посылаетъ эту грамоту [1]).

Изъ Дисны Баторій отправился въ Друю, а оттуда черезъ Брацлавль въ Вильну, гдѣ ему, какъ побѣдителю, устроена была торжественная встрѣча. Папскій нунцій Андрей Калигари, многіе вельможи, шляхта и мѣщане привѣтствовали побѣдоноснаго вождя, прославляя его доблести и подвиги. Навстрѣчу вышли и русскіе плѣнные, которые поднесли королю, по своему обычаю, хлѣбъ-соль [2]).

Въ то время, какъ Баторій одерживалъ свои блестящія побѣды, Іоаннъ велъ себя очень странно: онъ оставался въ полномъ почти бездѣйствіи, никуда не двигаясь изъ Пскова. Получивъ извѣстіе объ осадѣ Полоцка, царь ограничился только тѣмъ, что послалъ на помощь крѣпости небольшой отрядъ войска подъ командою Шепна, Лыкова, Палецкаго и Кривоборскаго, но воеводы не были уже въ состояніи проникнуть въ крѣпость и, какъ намъ извѣстно, отправились въ Соколъ, гдѣ и оставались до взятія этой крѣпости войсками Баторія.

Какъ объяснять себѣ поведеніе Іоанна? Польскій изслѣдователь [3]) обращаетъ вниманіе на то, что Іоанну пришлось дѣйствовать одновременно противъ двухъ враговъ, что во время похода Баторія на Полоцкъ «Шведы свирѣпствовали въ окрестностяхъ Нарвы и Нейшлоса, въ Карелiи и Ижорской землѣ, что шведскій полководецъ Бутлеръ сжегъ Киремпе», а потому Іоаннъ не зналъ, куда ему слѣдуетъ двинуться. Но такое объясненіе не вполнѣ правильно. Оказывается, что успѣхи Шведовъ были не особенно значительны, что «попытка ихъ въ сентябрѣ осадить нѣмецкую Нарву окончилась неудачно, также какъ и планъ захвата Гапсаля, что «у Нарвы они, какъ говорили, потеряли 4.000 человѣкъ убитыми» [4]). Современники объясняли неподвижность Іоанна раз-

[1]) Книга посольская метрики Вел. Кн. Лит., ч. II, № 24. Гейденштейнъ сообщаетъ содержаніе этой грамоты, пропуская требованіе—отпустить безъ проволочки Лопатинскаго и Проселка, и говоритъ, что она была отправлена къ царю изъ Дисны (стр. 80).

[2]) *Гейденштейнъ*, 81.

[3]) *K. Górski*, op. cit., Bibl. Warsz., 1892, II, 108.

[4]) *Г. В. Форстенъ*, Балтійскій вопросъ, I, 674.

личнымъ образомъ. Одни говорили, что царь былъ совершенно увѣренъ въ невозможности взять Полоцкъ, полагаясь вполнѣ на крѣпость его стѣнъ и храбрость гарнизона; другіе разсказывали, что царь не хотѣлъ выступить въ походъ, такъ какъ боялся возмущенія своихъ подданныхъ, которые ненавидѣли его за жестокость [1]). Конечно, эти объясненія надо считать только догадками современниковъ, однако догадками, въ которыхъ заключалась извѣстная доля истины, какъ это мы сейчасъ увидимъ. Мы не можемъ согласиться съ мнѣніемъ знаменитаго Соловьева, который объясняетъ бездѣятельность Іоанна такимъ образомъ.

Московское правительство сознавало у себя недостатокъ военнаго искусства, а потому московскіе воеводы весьма неохотно вступали въ битвы съ войсками, на сторонѣ которыхъ видѣлось большое искусство. «И вотъ въ это время, когда московское правительство такъ мало надѣялось на успѣхъ въ рѣшительной войнѣ съ искуснымъ, дѣятельнымъ полководцомъ, на престолѣ Польши и Литвы явился государь энергическій, славолюбивый, полководецъ искусный, понявшій, какими средствами онъ можетъ побѣдить соперника, располагавшаго большими, но только одними матеріальными средствами. Средства Батовія были: искусная, закалившаяся въ бояхъ наемная пѣхота, венгерская и нѣмецкая, исправная артиллерія, быстрое наступательное движеніе, которое давало ему огромное преимущество надъ врагомъ, принужденнымъ растянуть свои полки по границамъ, надъ врагомъ, не знающимъ, откуда ждать нападенія. Вотъ главныя причины успѣха Баторіева, причины недѣятельности московскихъ воеводъ, робости Іоанна» [2]). По нашему мнѣнію, причины неудачъ, постигшихъ московскія войска въ 1579 году, указаны или прямо невѣрно, или весьма неточно. Іоанну незачѣмъ было растягивать свои войска по границамъ, такъ какъ война происходила въ опредѣленной мѣстности, въ Ливоніи или на ея границахъ, и царь, на самомъ дѣлѣ, не разбрасывалъ свои силы, а сосредоточилъ ихъ въ двухъ пунктахъ, Новгородѣ и Псковѣ. Военные планы Баторія не могли быть неизвѣстны московскимъ воеводамъ, а о возможности движенія Баторія на Полоцкъ Іоаннъ могъ догадываться: говорили, что если король нападетъ

---

[1]) См. письмо папскаго нунція Калигари къ кардиналу Комскому у *Тургенева*, I, № CXCVII.

[2]) Кн. II, столб. 269.

на эту крѣпость, то царь двинется на Вильну [1]); мало того, царскій гонецъ Михалковъ, возвратившись изъ предѣловъ Речи Посполитой въ Смоленскъ, увѣдомилъ 25-го іюня Іоанна, что польскій король имѣетъ намѣреніе напасть на Полоцкъ и Смоленскъ [2]). Соловьевъ говоритъ, что Іоаннъ располагалъ большими, но только матеріальными средствами и забываетъ о необычайномъ самоотверженіи, преданности царю и храбрости, нравственныхъ качествахъ, какія обнаружили московскіе воины въ битвахъ съ наемными солдатами Баторія. Наконецъ, военный геній короля развернулся только во время похода 1579 года, такъ что это обстоятельство не могло еще приводить въ смущеніе московскихъ воеводъ и внушать робость Іоанну.

Я думаю, что главнымъ виновникомъ пораженій 1579 года былъ самъ Іоаннъ. Не обладая дарованіями полководца, онъ не могъ составлять наперед планов войны, а потому не былъ въ состояніи оказать надлежащаго сопротивленія проницательному сопернику. Излишняя самоувѣренность помѣшала царю подготовиться къ борьбѣ съ энергическимъ противникомъ: царь слишкомъ полагался на укрѣпленія Полоцка и храбрость находившагося здѣсь гарнизона По своему характеру, Іоаннъ легко переходилъ отъ чрезмѣрной самоувѣренности къ подозрительности, а затѣмъ и излишней робости. Взятіе Баторіемъ Полоцка до такой степени озадачило его, что онъ потерялъ совершенно голову и, имѣя громадныя военныя силы, ни на одинъ шагъ не двинулся изъ Пскова. Если принимать этотъ взглядъ на поведеніе Іоанна въ 1579 году, тогда придется признать, что мнѣнія современниковъ о дѣятельности царя были до нѣкоторой степени основательны.

Узнавъ о паденіи Полоцка и Сокола, Іоаннъ рѣшилъ вступить съ врагомъ въ переговоры о мирѣ, причемъ, чтобъ пощадить свое собственное самолюбіе, онъ принялъ для этого слѣдующую форму. Онъ созвалъ на совѣщаніе бояръ и на этомъ совѣщаніи было постановлено отправить (28-го сентября) отъ имени бояръ князя Ивана Ѳедоровича Мстиславскаго, намѣстника владимірскаго, князя Василія Ивановича Мстиславскаго.

---

[1]) *Тургеневъ*, I, № CXCV.

[2]) *Бантышъ-Каменскій*, Переписка между Россіею и Польшею (Чтенія Общ. Ист. и Древ. Рос., 1860, кн. IV, стр. 156—157).

намѣстника астраханскаго и Никиты Романовича Юрьевича-Захарьина, намѣстника новгородскаго [1]), къ виленскому воеводѣ Николаю Радзивиллу и троцкому каштеляну Евстафію Воловичу письмо такого содержанія: когда вражда двухъ могущественнѣйшихъ государей достигла до такой степени, что оба взялись за оружіе и король польскій завоевалъ Полоцкъ, тогда великій князь московскій готовъ былъ, въ свою очередь, отомстить за это, но они вмѣстѣ съ прочими боярамм бросились къ ногамъ своего государя и стали умолять его пощадить кровь христіанскую. Тронутый этими мольбами, онъ пріостановилъ выступленіе въ походъ. Теперь имъ (воеводѣ и каштеляну) и прочимъ совѣтникамъ короля слѣдуетъ, съ своей стороны, похлопотать о томъ, чтобы онъ склонился къ такому же рѣшенію, прекратилъ военныя дѣйствія и заключилъ съ великимъ княземъ московскимъ миръ, касающійся и Польши, и Литвы, равно какъ и Ливоніи; но пусть они уговорятъ короля прежде всего, чтобы онъ удалился въ свою столицу и приказалъ своимъ войскамъ, стоящимъ на границахъ Литвы и Ливоніи, воздерживаться отъ всякихъ враждебныхъ дѣйствій по отношенію къ Москвитянамъ. Великій князь московскій сдѣлаетъ то же самое: онъ возвратится къ себѣ домой и воспретитъ своимъ подданнымъ совершать насилія и обиды надъ подданными короля. Между тѣмъ необходимо приложить стараніе къ тому, чтобы государи, переславшись между собою посольствами, заключили миръ и согласіе, что является дѣломъ полезнымъ и весьма необходимымъ. Въ концѣ грамоты бояре, отъ имени которыхъ она была написана, приносили извиненіе за задержку Лопатинскаго [2]), черезъ котораго король объявилъ великому князю московскому войну, и давали обѣщаніе въ томъ, что лишь только оба государя возвратятся въ свои

---

[1]) Эти бояре съ такими титулами названы въ примѣч. [1]) къ стр. 99, русскаго перевода Гейденштейна, безъ указанія источника, откуда извѣстіе заимствовано. Narratio (Relacje nuncjuszów, I, 330) и Бантышъ-Каменскій (Чтенія въ Общ. Ист. и Древн. Рос., 1860, кн. IV, стр. 157—158) приводятъ имена кн. Ивана Ѳедоровича Мстиславскаго и Никиты Романова. Гейденштейнъ (99) называетъ князей Ивана Ѳедоровича Новгородскаго и Никиту Юрьевича Мстиславскаго и Романова Захарьина. Стрыйковскій (II, 431) называетъ князя Ивана Мстиславскаго и Никиту Романовича Захарьина.

[2]) Онъ названъ Василіемъ и въ Narratio, и у Гейденштейна.

столицы, они постараются, чтобы ихъ государь немедленно отпустилъ его домой [1]).

Грамоту эту повезъ гонецъ Леонтій Стремоуховъ на Нищерду и Полоцкъ. Полоцкій воевода Николай Дорогостайскій распечаталъ грамоту и заявилъ, что гонецъ долженъ направляться въ Литву на Смоленскъ и Оршу. Тогда Іоаннъ приказалъ Стремоухову ѣхать на эти города, давъ ему новую грамоту такого же содержанія, какъ и прежняя [2]).

Намѣренія Іоанна возстановить миръ съ Речью Посполитою были совершенно искренни. Онъ приказалъ смоленскому воеводѣ охранять строго спокойствіе на литовской границѣ, о чемъ Баторія извѣстилъ оршанскій староста Филонъ Кмита [3]).

Изъ Пскова Іоаннъ уѣхалъ въ Москву, откуда возвратился въ Новгородъ. Сюда прибылъ (17-го ноября) къ нему Баторіевъ гонецъ Богданъ Проселко. Царь принялъ его весьма милостиво, пригласилъ къ своему столу и подарилъ ему парчевую одежду [4]). Королевскій гонецъ привезъ съ собою списокъ московскихъ плѣнныхъ, находящихся въ Литвѣ [5]) и заявилъ, что воеводы Ѳедоръ Шереметевъ, Борисъ Шеинъ, князь Михаилъ Лыковъ и Юрій Булгаковъ, отпущенные королемъ на свободу, не пожелали возвратиться домой [6]).

Отпуская Богдана Проселка (21-го ноября), Іоаннъ далъ ему къ Баторію грамоту [7]), въ которой писалъ, что хочетъ съ королемъ «доброй пріязни и братства», но объ условіяхъ, на какихъ мирный договоръ можетъ состояться, ничего опредѣленнаго не говорилъ, а выражалъ только желаніе, чтобы король прислалъ къ нему своихъ великихъ пословъ, «которые бы тое дѣло доброе межи насъ попригожу постановить могли». А пока пусть бы король «приказалъ воеводамъ своимъ и каштелянамъ и старостамъ

---

[1]) Такъ передаютъ содержаніе грамоты Narratio (l. c., I, 330), *Гейденштейнъ* (99—100), *Бантышъ-Каменскій* (l. c., 158) и *Карамзинъ* (изд. 1852, IX, 305). Помѣта грамоты 28-мъ сентября взята нами изъ Narratio и у *Стрыйковскаго* (l. c., II, 431).

[2]) *Бантышъ-Каменскій*, I. c., 158.

[3]) Narratio, l. c., I, 331, Акты Зап. Рос., III, № 117.

[4]) *Гейденштейнъ* (99) и *Бантышъ-Каменскій* (l. c., 158).

[5]) Этотъ списокъ въ Литовской метрикѣ, II, 27.

[6]) *Бантышъ-Каменскій*, l. c., 158.

[7]) Гейденштейнъ (99) смѣшалъ ее съ грамотою, которую привезъ Леонтій Стремоуховъ.

и врядникамъ по всѣмъ границамъ какъ въ Корунѣ Польской, такъ и въ Великомъ Князствѣ Литовскомъ и въ Лиолянской землѣ» соблюдать миръ, подобно тому, какъ онъ самъ отдалъ такой приказъ «по всѣмъ украйнымъ своимъ границамъ». Задержку Лопатинскаго Іоаннъ объяснялъ такимъ образомъ: «А что гонецъ твой Вацлавъ Лопатинскій позадержался, и онъ позадержался тымъ обычаемъ, что есмо были въ своей отчинѣ во Псковѣ, а ты къ намъ его присылалъ на Смоленскъ, а самъ еси пришелъ къ нашему городу къ Полоцку, и мы посылали къ нему дворянина своего думнаго Баима Васильевича Воейкова, да дьяка своего Ивана Филипова Стрѣшнева, и велѣли у него тѣхъ грамотъ просити, и онъ ту грамоту нашему думному дворянину и дьяку далъ, и та грамота писана, кабы разметнымъ обычаемъ, а ты въ тѣ поры пришелъ къ нашему городу къ Полоцку и ему было ѣхати въ нашу отчизну во Псковъ далеко, а намъ было отпустити его тогда вскорѣ не вмѣстилося, и мы ему тогды велѣли ѣхати на свое господарство на Москву, и нынѣ намъ его отпустити неколи, что будетъ часа того на свое господарство на Москву и какъ Богъ дастъ, пріѣдемъ на свое господарство, и мы часа того твоего гонца Вацлава Лопатинскаго къ тебѣ отпустимъ и своего гонца къ тобѣ съ своею грамотою съ нимъ вмѣстѣ и о всемъ къ тобѣ подлинно отпишемъ» [1]). Іоаннъ далъ Проселку и опасную грамоту для тѣхъ пословъ, которыхъ, какъ онъ ожидалъ, можетъ прислать къ нему Баторій [2]).

V.

Великія Луки.

Между тѣмъ король думалъ не о мирныхъ переговорахъ, а о продолженіи войны. Если онъ пріостановилъ военныя дѣйствія въ концѣ 1579 года, то сдѣлалъ это по необходимости и главнымъ образомъ вслѣдствіе недостатка въ финансовыхъ средствахъ. Расходы на первую кампанію были весьма значительны: они достигали 329.488 злотыхъ, между тѣмъ какъ Баторій получилъ отъ Речи Посполитой только 212.101 зл., такъ что ему пришлось по-

---

[1]) Метр. Лит., II, № 25.

[2]) Книга посольская метрики В. Кн. Лит., ч. II, № 26.

крывать издержки деньгами изъ своей собственной казны и различнаго рода займами (на сумму 117.387 зл.) [1]).

Въ виду этого, онъ уже на возвратномъ пути изъ подъ Полоцка рѣшилъ созвать сеймъ, чтобы обсудить, какимъ образомъ и на какія средства продолжать войну и довести ее до желаннаго конца. Бросать предпріятіе, начало котораго было такъ счастливо и дальнѣйшій ходъ котораго предвѣщалъ такіе-же успѣхи, казалось ему дѣломъ невозможнымъ. Сильнѣйшія крѣпости были завоеваны у врага, доступъ въ его владѣнія открытъ, онъ самъ находился въ паническомъ страхѣ. на что указывало уклоненіе его отъ борьбы въ открытомъ полѣ и уклоненіе отъ подачи помощи своимъ укрѣпленіямъ. Король ускорялъ созывъ сейма, такъ какъ ему было извѣстно, что московскій государь имѣлъ обыкновеніе начинать военныя дѣйстія зимою. Сеймъ созывался въ Варшаву на 22-е ноября. Сенаторы и шляхта Литвы просили короля устроить сеймовыя совѣщанія въ предѣлахъ ихъ страны, поближе къ театру войны, но Баторій не пожелалъ отступать отъ существовавшихъ постановленій относительно мѣста, въ которомъ сеймы должны собираться [2]). Уже на возвратномъ пути король разослалъ изъ Брацлавля къ шляхтѣ универсалы, приглашая ее собраться на сеймики къ 20-му октября и прислать на сеймъ съ неограниченными полномочіями [3]).

Затѣмъ на Вильну и Гродну Баторій направился въ Варшаву, чтобъ присутствовать на сеймѣ, отъ рѣшеній котораго зависѣла участь задуманнаго королемъ второго похода. Результатъ совѣщаній сейма обусловленъ былъ настроеніемъ общества, т.-е., конечно, главнымъ образомъ настроеніемъ шляхты.

Побѣды Баторія вызвали восторгъ въ обществѣ: проповѣдники въ своихъ рѣчахъ [4]), поэты въ своихъ стихотвореніяхъ прославляли его подвиги и выражали ему глубокую благодарность за его великія дѣянія [5]).

Шляхта поспѣшила, по зову короля, на сеймики въ большомъ числѣ и выразила согласіе дать средства на дальнѣйшее веденіе

---

[1]) *K. Górski*, op. cit., Bibl. Warsz., 1892, II, 114.

[2]) См. Epistola qua Regni Ordines ad comitia convocantur въ Relacje nuncjuszów, I, 320—324.

[3]) Ib., I, 323.

[4]) См. Witanie króla Stefana z wojny Połockiej przez Jana Januszewskiego въ Acta Stephani regis, № CXXII.

[5]) См., напр., I. Kochanowski, De expugnatione Polottei, Varsaviae, 1580.

войны [1]). Но нашлись и такіе, которые осуждали дѣятельность побѣдоноснаго короля. Нѣкоторые изъ нихъ вооружались противъ политики захватовъ. Если допустить, что даже вся Москвія поступитъ подъ нашу власть, то найдется ли, спрашивали они, надлежащее средство при такихъ обширныхъ границахъ управлять такимъ громаднымъ государствомъ; къ тому-же, какая польза будетъ отъ этого, когда сама Речь Посполитая страдаетъ многими болѣзнями. У другихъ противниковъ Баторія сказывался національный антагонизмъ. Они были недовольны тѣмъ, что король, Венгерецъ по происхожденію, покровительствуетъ своимъ соотечественникамъ, а потому нарочно преувеличивали раздоры, происходившіе между Поляками и Венграми, жалуясь на то, что чужестранцы презираютъ военную власть. Иные нападали на политику фаворитизма, какая дѣйствительно обнаруживалась въ дѣятельности Баторія. Возвратившись изъ Полоцка въ Вильну, онъ замѣстилъ вакантныя должности, отдавъ бо́льшую часть ихъ фамиліи Радзивилловъ, магнатамъ, которые составляли главную его опору въ Литвѣ. Многіе вооружались противъ подобной политики изъ эгоистическихъ побужденій, досадуя на то, что они обойдены королевскими милостями, которыя они себѣ заслужили тѣми или иными своими дѣяніями. При этомъ были такіе,—прежде всего, конечно, Зборовскіе,—которые утверждали, что Баторій обязанъ имъ своимъ престоломъ, такъ какъ они подали за него свои голоса при избраніи его въ короли [2]).

Это враждебное королю настроеніе обнаружилось и на сеймѣ. Противники королевскіе заговорили прежде всего о томъ, что Баторій не исполнилъ обязательствъ избирательнаго договора, что онъ не уплатилъ государственныхъ долговъ, что иностранцы получаютъ староства и различныя почести, что герцогъ Курляндскій утвержденъ во владѣніи своимъ герцогствомъ не въ обычномъ мѣстѣ и не въ обычное время и на менѣе выгодныхъ для государства условіяхъ [3]). Говорили, что новые налоги излишни или могутъ быть меньше, если только будетъ исполняться конституція, изданная при королѣ Сигизмундѣ-Августѣ, относительно

---

[1]) *Геденштейнъ*, 91.

[2]) *Гейденштейнъ*, 85—87. Объ интригахъ Зборовскихъ противъ короля говоритъ нунцій Калигари еще въ 1579 году (рим. портф., 9 CIV, стр. 291).

[3]) Герцогъ принесъ королю ленную присягу въ Диснѣ, см. *Гейденштейнъ*, 47.

уплаты староствами $^3/_4$ доходовъ. Распускали слухъ, что король намѣревается развестись съ женою, которою онъ пренебрегаетъ, и что уже съ этою цѣлью ведутся хлопоты въ Римѣ.

Король легко опровергнулъ всѣ взводимыя на него обвиненія. Онъ принесъ многія денежныя жертвы въ пользу Речи Посполитой, уплативъ значительныя суммы изъ своей казны на жалованье ратнымъ людямъ, на усмиреніе Данцига и на веденіе настоящей войны. У него нѣтъ ничего отдѣльнаго отъ государства, онъ готовъ все пожертвовать ему, даже свою собственную жизнь.

Что касается конституціи Сигизмунда-Августа объ уплатѣ староствами $^3/_4$ доходовъ въ государственную казну, то на это правительство такъ отвѣтило: во-первыхъ, объ этомъ въ конституціи вполнѣ ясно ничего не говорится; во-вторыхъ, несправедливо было бы лишать лицъ, получившихъ староства за свои заслуги, пожалованныхъ имъ наградъ. Если не поощрять доблести и храбрости наградами, то кто захочетъ оказывать услуги государству на войнѣ, при отправленіи посольствъ или вообще при исполненіи какой-нибудь общественной должности? Кто станетъ служить ради величія и славы своего отечества, если ему не будетъ обѣщано за то никакихъ выгодъ?

По вопросу о пользованіи услугами иностранцевъ король сдѣлалъ слѣдующаго рода заявленія. Иноземныхъ солдатъ онъ нанялъ по необходимости, потому что ему нужна была пѣхота, а Речь Посполитая, имѣя прекрасную конницу, которая даже превосходитъ этотъ родъ войска въ другихъ государствахъ, не располагаетъ достаточнымъ количествомъ пѣхотинцевъ. На упреки въ томъ, что король предпочтеніемъ, отдаваемымъ иностранцамъ, ронялъ авторитетъ высшей военной власти, онъ отвѣтилъ, что у него не могло быть подобнаго желанія и намѣренія, что назначивъ Бекеша начальникомъ венгерскаго отряда, онъ не давалъ тѣмъ самымъ права распоряжаться по своему усмотрѣнію, а желалъ только имѣть въ лицѣ венгерскаго вождя посредника, при помощи котораго можно было бы сноситься съ венгерскимъ войскомъ. Вообще, по вопросу о томъ, слѣдуетъ ли пользоваться услугами иностранцевъ, или нѣтъ, большинство сейма было того мнѣнія, что иностранцы могутъ принести большую пользу государству; только слѣдуетъ подчинять ихъ общегосударственнымъ законамъ, не давать имъ общественныхъ должностей и почестей, а вознаграждать ихъ за службу землями или иными подобнаго рода милостями.

Относительно герцога Курляндскаго сейму дано было объясненіе, что условія, на которыхъ онъ призналъ себя вассаломъ Рѣчи Посполитой, выгоднѣе прежде заключавшихся условій и въ доказательство представленъ договоръ.

Чтобъ разсѣять слухи о желаніи короля развестись съ женою, оглашено было содержаніе переговоровъ, которые были ведены въ Римѣ при посредствѣ плоцкаго епископа, и такимъ образомъ было уничтожено всякое подозрѣніе по этому поводу.

Нѣкоторые высказали желаніе, чтобы король не принималъ участія въ походахъ, а поручалъ веденіе ихъ своимъ замѣстителямъ, тогда онъ не будетъ подвергать себя опасности. Но король заявилъ, что онъ считаетъ уклоненіе отъ войны недостойнымъ своего сана и мужества. Кромѣ того, присутствіе его будетъ полезно для ослабленія раздоровъ, какіе могутъ возникнуть между польскими и литовскими военоначальниками; наконецъ, на войну явится больше охотниковъ, если ему будетъ извѣстно, что они будутъ сражаться на глазахъ короля.

Баторій и Замойскій, его главный совѣтникъ и помощникъ, который совершенно вошелъ въ его замыслы, съумѣли увлечь сеймъ завоевательными планами. По словамъ Гейденштейна, наибольшее впечатлѣніе произвела на сеймъ рѣчь Замойскаго. Политикъ, примѣнявшійся искусно къ обстоятельствамъ, онъ съумѣлъ ловко разжечь въ шляхетскомъ сословіи аппетиты къ захватамъ чужихъ земель. «Есть не мало такихъ,—говорилъ онъ,—которые опасаются трудностей управленія при слишкомъ большой обширности владѣній и думаютъ, что не слѣдуетъ болѣе увеличивать предѣловъ владычества Рѣчи Посполитой, ибо пріобрѣтеніе потребуетъ издержекъ и большого труда, а пользы отъ этого республикѣ не будетъ никакой. Но можетъ показаться удивительнымъ, отчего въ своихъ частныхъ дѣлахъ никто не разсуждаетъ такъ, какъ по отношенію къ государству. Существуетъ ли хоть одинъ человѣкъ, который не предпочелъ бы десяти имѣній одному? Тяжелы заботы, налагаемыя обширнымъ имѣніемъ, но онѣ вознаграждаются большими выгодами и удобствами. Положеніе нашего государства, мнѣ кажется, таково, что если мы только хотимъ имѣть пружину дѣлъ (nervus rerum, деньги) и если желаемъ сохранить настоящее состояніе республики, то совершенно необходимо присоединить къ ней какое-нибудь новое владѣніе. Всѣ подчиненныя области, присоединявшіяся къ нашему государству, получили полное гражданство на равныхъ совершенно пра-

вахъ, нѣтъ ни одной, которая обращена была бы въ зависимую провинцію, или поставлена въ условія данничества; такимъ образомъ, при одинаковой для всѣхъ свободѣ, для всѣхъ уравнены и податныя тягости. Если бы мы захотѣли облегчить ихъ для себя, то какое могли бы имѣть къ тому средство, кромѣ присоединенія къ государству новаго владѣнія, по образцу всѣхъ бывшихъ великихъ имперій; установивъ въ немъ подати и пошлины, мы могли бы освободить себя отъ нѣкоторой значительной доли общихъ тягостей». Такимъ образомъ Речи Посполитой предлагалась политика порабощенія другихъ странъ и народовъ, политика, шедшая въ разрѣзъ съ основами ея государственнаго строя, покоившагося на федеративныхъ началахъ. Однако рѣчь Замойскаго увлекла представителей шляхетскаго сословія и они уже безъ всякаго колебанія, замѣчаетъ историкъ, изъявили свое согласіе на продолженіе войны и на дальнѣйшее взиманіе налоговъ для нея [1]). Норма обложенія была принята та же, что и въ прошломъ году. Кромѣ того, старосты, подъ вліяніемъ рѣчей, произнесенныхъ на сеймѣ о необходимости привлечь ихъ къ уплатѣ $^3/_4$ доходовъ въ государственную казну, предложили, посовѣтовавшись между собою, уплатить двойную кварту за одинъ годъ на военныя издержки, съ тѣмъ условіемъ, что дѣлаютъ это они только на этотъ одинъ разъ, въ виду крайней государственной необходимости, и что впредь къ тому не будутъ принуждаемы [2]). Наконецъ и духовенство обязалось дать на ту же цѣль субсидію со всѣхъ епископствъ, аббатствъ, титулованныхъ приходовъ (probostw, które są infułatowe), отъ капитуловъ каѳедральныхъ церквей, отъ владыкъ и архимандритовъ», въ размѣрѣ прибли-

---

[1]) *Гейденштейнъ* (87—91) приводитъ рѣчь Замойскаго цѣликомъ и преувеличиваетъ ея значеніе: онъ самъ замѣчаетъ, что шляхта на своихъ многолюдныхъ сеймикахъ склонялась въ пользу войны, слѣдовательно, представители ея, послы, явились уже на сеймъ съ полномочіями дать свое согласіе на дальнѣйшее веденіе войны и разрѣшить королю взимать для этой цѣли налоги. Вліяніе рѣчи Замойскаго на сеймъ отмѣчено и Стрыйковскимъ, II, 431.

[2]) См. Literae universales de quarta pro hac una vice tantum imperata propter belli necessitatem отъ 12-го января 1580, съ варшавскаго сейма въ Źrodła dziejowe, t. XI, № LIV, стр. 112. То же сообщаетъ и *Гейденштейнъ* (94), говоря, что старосты *сами* предложили обложить себя подобнымъ образомъ, но Павинскій (Skarbowość w Polsce i jej dzieje za Stefana Batorego. Źródła dziejowe, t. VIII, 344) основательно сомнѣвается въ томъ, что это было предложеніе добровольное.

зительно около 33.000 золотыхъ [1]). Срокомъ взноса установленныхъ налоговъ назначенъ былъ день св. Войтѣха (24-го апрѣля), но затѣмъ король, съ согласія сената, рѣшилъ ускорить взиманіе ихъ, въ виду того, что денежныя средства ему нужны были скорѣе, и назначилъ срокъ на четвертое воскресенье поста (niedzielę środopostną) [2]).

Но какъ и въ прошломъ году, сборъ налоговъ совершался медленно и приготовленія къ войнѣ тянулись гораздо дольше, чѣмъ желалъ того король.

Между тѣмъ велись переговоры о мирѣ. Московскій гонецъ Леонтій Стремоуховъ, о которомъ мы говорили выше, явился къ литовскимъ вельможамъ, къ которымъ онъ былъ посланъ, въ ноябрѣ мѣсяцѣ [3]) и передалъ имъ царскую грамоту. Они дали ему такой отвѣтъ. Король, какъ христіанскій государь, выше всего цѣнитъ миръ и согласіе между сосѣдями и если началъ войну, то только въ силу крайней необходимости, принужденный къ тому самимъ великимъ княземъ московскимъ, который завладѣлъ уже Ливоніей и стремится завладѣть Курляндіей. Задержавъ у

---

[1]) *A. Pawiński*, Skarbowość etc., 195.

[2]) См. Litterae universales de solutione vectigalium acceleranda отъ 10-го января 1580 г., съ варшавскаго сейма въ Źródła dziejowe, t. XI, № LXII, стр. 109. Этотъ варшавскій сеймъ окончился въ половинѣ января 1580 года, о чемъ можно заключить на основаніи слѣдующихъ данныхъ: послѣднія распоряженія, изданныя королемъ съ сейма, относятся къ 12-му января (см. Źródła dziejowe, t. XI, №№ LXIII, LXIV, LXV, LXVI), а затѣмъ идетъ распоряженіе, изданное 16-го января въ Варшавѣ, но уже не на сеймѣ (ib., № LXVII). Ходъ сеймовыхъ совѣщаній намъ пришлось излагать, къ сожалѣнію, почти исключительно на основаніи разсказа Гейденштейна, такъ какъ другихъ источниковъ нѣтъ. Одерборнъ (Ioannis Basilidis Magni Moscoviae Ducis vita въ Scriptores historiae ruthenicae exteri saeculi XVI, t. II, 246) сообщаетъ намъ о сеймѣ только слѣд.: Secutum tandem est comitium Varsaviense secundum, in quo de continuando victoriae cursu, deque conficiendi belli rationibus communi omnium suffragio deliberatum est. Erant nonnulli qui privatae cupiditati potius quam bellicis consiliis obtemperare vellent, hostemque in vastis et remotissimis regionibus habitantem non esse amplius lacessendum dicerent, quando ille adventitium exercitum cunctando fallere posset, et magnae etiam annonae difficultas certaeque rerum vicissitudines spes hominum nonnunquam eludere consuevissent. His opinionibus praestantiores in populus sua suffragia opponebant. non tam de persequendo bello quam de rebus ad id continuandum necessariis disputantes.

[3]) Онъ былъ отправленъ 26-го октября, почему можно заключить, что литовскіе вельможи приняли его уже въ ноябрѣ.

себя гонца Лопатинскаго, великій князь довелъ дѣло до такой степени, что имъ, королевскимъ совѣтникамъ, не слѣдовало бы ни о чемъ просить короля; однако они, сожалѣя о разлитіи христіанской крови, обратились къ королю съ просьбою о томъ, чтобы переговоры о заключеніи мира были начаты. Но королю нѣтъ никакого основанія посылать къ московскому государю пословъ, такъ какъ онъ не считаетъ себя въ правѣ подвергать кого-либо изъ своихъ подданныхъ оскорбленіямъ, какимъ они раньше подвергались въ московскомъ государствѣ. Король согласенъ однако принять у себя московскихъ пословъ, для которыхъ они, королевскіе совѣтники, испросили у короля проѣзжую грамоту и если послы немедленно прибудутъ въ Польшу, король обѣщаетъ сохранять спокойствіе на границахъ до тѣхъ поръ, пока будутъ происходить переговоры [1]).

Свое желаніе заключить миръ Іоаннъ выразилъ и черезъ королевскаго гонца Богдана Проселка, который уѣхалъ изъ Новгорода 23-го ноября [2]). Мало того, царь рѣшилъ отпустить гонца Лопатинскаго, для чего приказалъ привезти его въ Москву, куда самъ возвратился 29-го декабря. Спустя нѣсколько дней, Лопатинскій былъ отпущенъ и Іоаннъ, не дожидаясь возвращенія перваго своего гонца, отправилъ къ Баторію вмѣстѣ съ Лопатинскимъ второго—дворянина Елизарія Ивановича Благово. При отпускѣ Лопатинскому было сдѣлано отъ имени царя слѣдующее внушеніе. Онъ привезъ съ собою грамоту, въ которой «Стефанъ король какъ бы съ розметомъ и многіе укоризненные слова писалъ», чѣмъ совершилъ дѣяніе, за которое такихъ людей вездѣ казнятъ. Но онъ, государь христіанскій, его убогой крови не хочетъ и «для покою христіанскаго по христіанскому обычаю» отпускаетъ его къ его королю [3]).

Вмѣстѣ съ тѣмъ Лопатинсиому дано было порученіе убѣждать литовскихъ вельможъ, чтобъ они склоняли короля къ миру. «И ты говори—наказывали ему Андрей и Василій Щелкаловы—паномъ своимъ Миколаю Юрьевичу, воеводѣ виленскому, да Остафью Воловичу, троцкому пану, да Степану Збаражскому, воеводѣ Троцкому (и инымъ ихъ милости пановъ помѣнили и

---

[1]) Этотъ отвѣтъ составленъ нами на основаніи Гейденштейна (101) и Бантышъ-Каменскаго (l. c., 159).

[2]) *Бантышъ-Каменскій*, l. cit., 159.

[3]) Метр. Лит., II, № 28.

Яну Іеронимовичу [1]) нечего говорить, онъ большую смуту межи господарей дѣлаетъ и съ своимъ паны бранитъ), што бы они Стефана Короля, господаря своего, тымъ же обычаемъ умолили, што бы онъ серцо свое утулилъ, а по обычаю христіанскому съ господаремъ нашимъ въ миру жилъ, а тую брань обчо противъ невѣрное руки поганское обернулъ» [2]).

Черезъ гонца Благово Іоаннъ по прежнему заявлялъ Баторію о своемъ желаніи мириться, причемъ опять увѣщевалъ короля прислать великихъ пословъ для этой цѣли къ нему въ Москву [3]).

Этимъ царь не ограничился. Когда возвратился Левъ Стремоуховъ (3-го февраля) [4]) и донесъ, что Баторій не желаетъ отправлять пословъ, а прислалъ черезъ него, Стремоухова, опасную грамоту для московскаго посольства, Іоаннъ приказалъ своимъ боярамъ написать новую грамоту къ литовскимъ вельможамъ. Въ этой грамотѣ московскіе бояре припоминали имъ «милосердіе и прихильность» своего государя къ нимъ и ко всей ихъ землѣ, польской коронѣ и великому княжеству литовскому. Когда послѣ смерти Сигизмунда-Августа Речь Посполитая прислала своего гонца, Ѳедора Зенковича, просить о продолженіи перемирія, ихъ государь, какъ государь христіанскій, щадя кровь христіанскую, скорбя о смерти короля Жигимонта-Августа, и видя, что «христіанская рука уципокъ пріимустъ, господари христіанскіе изводятся безъ потомка и бесерменскіе господари размножаются», внялъ этой просьбѣ и приказалъ соблюдать по всѣмъ границамъ миръ, хотя рать у него вся уже была наготовѣ. Такое же расположеніе къ Речи Посполитой государь ихъ оказалъ послѣ того, какъ «Богъ поручилъ» ему и онъ Полоцкъ взялъ. По просьбѣ литовскихъ пановъ, онъ далѣе Полоцка и самъ не пошелъ и рати своей ходить не велѣлъ, хотя рати у него были тогда великія.

---

[1]) Въ Москвѣ не знали, что Ходкевича не было уже въ живыхъ; онъ умеръ 4-го августа 1579 года.

[2]) Метр. Лит., II, № 29.

[3]) Грамоты, данныя къ Баторію черезъ Благово, помѣщены въ Книгѣ Пос. Метр. Лит., II, № 31 и 32, Acta Stephani regis, № CXXIII и CXXIV, и у *Тургенева*, I, № CXCI, по существу одинаковыя, но отличающіяся въ выраженіяхъ, причемъ у Тургенева редакція ихъ весьма небрежна. Въ Acta Stephani начало грамоты—„милосердія ради милости Бога нашего, въ нихъ же посѣти насъ востокъ свыше“ и. т. д. до „мы великій Господарь“—отсутствуетъ.

[4]) *Бантышъ-Каменскій*, l. cit., стр. 159.

Теперь необходимо панамъ радамъ литовскимъ и имъ, боярамъ московскимъ, приводить государей своихъ къ тому, чтобы между ними утвердилось мирное постановленіе. Но сдѣлать это можно не такъ, какъ думаютъ литовскіе паны. Та «грамота (писали московскіе бояре), что есте прислали къ намъ, именуючи опасною грамотою, не по прежнему обычаю прислана, чого николи не бывало, а издавна вамъ, паномъ радамъ и братьи нашей самымъ въ вѣдомѣ, что господаря нашего послы и посланники напередъ литовскихъ пословъ не хаживали, а ходили за все литовскіе послы къ господарямъ нашимъ, и вы бы, братья наша, новыхъ причинъ чого николи не бывало, не всчинали». А потому «мы васъ, братью свою, пановъ радъ напоминаемъ для своего и вашего обычая, чтобъ намъ и вамъ, братьи нашей, всѣмъ съ обѣ стороны, на такія дѣла смотрити, которые идутъ къ покою христіанскому и господаря своего Стефана короля наводити, чтобъ господарь вашъ съ нашимъ господаремъ похотѣлъ добраго пожитья и пословъ бы своихъ ко господарю нашему неомѣшкаючи слалъ, по господаря нашего опасной грамоты, которые бы могли доброе дѣло постановить».

Эта грамота московскихъ бояръ была отправлена въ Литву съ гонцемъ Грязновымъ-Шубинымъ [1]) въ концѣ февраля [2]).

Такимъ условіямъ веденія переговоровъ Стефанъ Баторій, какъ побѣдитель, подчиняться не желалъ. Онъ принималъ московскаго гонца Елизара Благова въ Гроднѣ, куда прибылъ по окончаніи варшавскаго сейма [3]). Съ Благовымъ онъ послалъ къ Іоанну грамоту, въ которой заявлялъ, что такъ какъ Іоаннъ прежнихъ его пословъ «съ незвыклымъ и къ доброй пріязни непригожимъ постановленіемъ отправилъ» и Іоанновы послы, которые являлись къ нему, «ничего къ доброму дѣлу не становили», то вслѣдствіе этого посылать ему пословъ къ Іоанну непригоже. Если же Іоаннъ хочетъ мира, то пусть онъ своихъ пословъ немедленно къ нему присылаетъ. Что касается предложе-

---

[1]) Кн. посольская Лит. Метр., II, № 34. О Шубинѣ-Грязновѣ Гейденштейнъ ни словомъ не упоминаетъ.

[2]) *Бантышъ-Каменскій*, l. c., стр. 160.

[3]) Король выѣхалъ въ Гродну 18-го февраля; см. письмо Калигари отъ того же числа въ римскихъ портфеляхъ, 1OCV (библ. Крак. Акад. Наукъ).

нія относительно обмѣна и выкупа плѣнныхъ, то пусть въ Москвѣ разсудятъ, годится ли это дѣлать во время войны [1]).

Іоаннъ и послѣ этого не переставалъ дѣлать попытокъ отсрочить войну путемъ дипломатическихъ пересылокъ, но характеръ этихъ сношеній измѣняется: онъ понижаетъ сильно тонъ своихъ требованій и желаній. Вскорѣ послѣ того, какъ въ Москву возвратился Елизаръ Благово (15-го апрѣля), царь, посовѣтовавшись съ боярами, отправилъ къ Баторію новаго гонца—дворянина Григорія Аѳанасьевича Нащокина (23-го апрѣля). Въ грамотѣ, посланной съ этимъ гонцомъ, царь жаловался на то, что перемиріе со стороны Речи Посполитой не соблюдается: «воеводы и державцы твои— писалъ Іоаннъ – чаемъ безъ твоего вѣдома, изъ Чечерска, изъ Гомля и изъ Мстиславля приходячи въ наши украйные города, въ Стародубскій уѣздъ и въ Почепской и въ Рославской, а изъ Орши и изъ Витебска приходя въ Смоленской уѣздъ и въ Бѣльской и въ Торопецкой и въ Луцкой, многое розлитіе крови христіанской починили многижды воинскимъ обычаемъ, а въ Лиѳлянской землѣ нине пришедши, твои люди Матвѣй Дембинскій съ товарищами заняли мѣсто городъ Шмылтынъ и приходячи изъ Шмылтына твои люди на Псковскія мѣста и на Говейскія и на Юрьевскія, многія мѣста повоевали и разлитіе крови христіанской починили» [2]).

Іоаннъ опять повторялъ свое желаніе, чтобы Баторій присылалъ къ нему пословъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ далъ Нащокину и такой тайный наказъ. Если король, отказавшись отправить отъ себя посольство, будетъ готовиться къ походу на Украйну, тогда Нащокинъ долженъ испросить себѣ у короля частную аудіенцію и объявить, что царь пришлетъ своихъ пословъ, лишь бы только военныя дѣйствія были пріостановлены [3]).

Между тѣмъ возвратился въ Москву (30-го мая) Грязновъ-Шубинъ, который привезъ съ собою отвѣтъ пановъ литовскихъ. Они говорили, что не видятъ, чтобъ изъ переговоровъ вышелъ какой-нибудь прокъ. Въ московскомъ государствѣ задержаны и даже въ темницу посажены многіе купцы, которые отправились

---

[1]) Грамота отъ 16-го марта 1580 года помѣщена въ Метр. Лит., II, № 33, и по-польски въ Acta Stephani, № CXXV, ср. *Бантышъ-Каменскій*, l. c., 160.

[2]) Книга пос. Метр. Лит., II, № 36.

[3]) *Бантышъ-Каменскій*, l. c., 161.

туда ради торговли во время мира; при этомъ въ казну московскаго государя отобраны ихъ имущества цѣнностью свыше 200.000 злотыхъ [1]).

Нащокинъ исполнилъ свое порученіе такъ, какъ ему было приказано. Такъ какъ Баторій и не думалъ отправлять пословъ въ Москву, то московскій гонецъ, согласно тайному наказу, объявилъ королю въ частной аудіенціи, что его государь соглашается прислать къ королю своихъ пословъ подъ тѣмъ условіемъ, что будетъ заключено перемиріе и король не двинется дальше со своими войсками. «Пусть король ожидаетъ пословъ въ Вильнѣ, такъ какъ и его предшественники всегда оказывали ту особую честь великимъ князьямъ московскимъ, что послы ихъ выслушивались только въ столицѣ или королевства польскаго, или великаго княжества Литовскаго» [2]).

Баторій смотрѣлъ на переговоры лишь какъ на стратегему со стороны Іоанна цѣлью протянуть время сколь возможно дольше [3]) и разузнать состояніе противника [4]), а потому онъ приказалъ сказать Іоанну, что уже готовится выступать въ походъ и предоставляетъ разрѣшеніе спора между ними на судъ Божій. Но если Іоаннъ пожелаетъ прислать къ нему пословъ, то онъ приметъ ихъ и во время похода, да это и лучше будетъ, такъ какъ посламъ придется совершить путешествіе покороче [5]). Послѣ за-

---

[1]) Отвѣтъ изъ Вильны отъ 8-го мая въ Кн. пос. Метр. Лит., II, № 35

[2]) Это требованіе сообщаетъ Гейденштейнъ, но и Іоаннъ, посылая. по возвращеніи Нащокина въ Москву, гонца Шишмарева такъ пишетъ къ Баторію: „и ты бы Стефанъ Король..... нашихъ пословъ дождався, у тебе принялъ ихъ у Вильни по прежнему обычаю, не ходя въ походъ ратью къ нашимъ украйнамъ, занже нашимъ посломъ въ походѣ, въ рати мимо Виленское мѣсто мимо прежній обычай на посольствѣ у тебе быти не пригожо“ (Кн. пос. Метр. Лит., II, № 43, стр. 73). Пріемъ Нащокина состоялся 14-го іюня (ib., № 43, стр. 72). См. также сообщеніе нунція Калигари отъ 26-го іюня у Тургенева, I, № CCI, стр. 290, о двойной аудіенціи, данной московскому гонцу и о заявленіи, что царь готовъ прислать пословъ.

[3]) Въ первомъ письмѣ, посланномъ черезъ Нащокина къ Іоанну, Баторій такъ выражается: „А про то и теперь и тое писанье твое на доброе пожитье христіанству межи нами не зводится, кдыжъ непотребныя дѣла ку продолженію часу вкладаючи прекладаетъ (Кн. пос. Метр. Лит., II, № 40, стр. 69). То же сообщаетъ и *Гейденштейнъ* (102).

[4]) См. донесеніе Калигари (Римскіе портфели, 10CV, стр. 223).

[5]) См. отвѣтъ Баторія отъ 13-го іюня въ Кн. пос. Метр. Лит., II, № 40, и въ Acta Stephani regis (по-польски), № CXXVII.

*

явленія Нащокина о томъ, что царь готовъ отправить посольство, Баторій согласился воздержаться на нѣкоторое время отъ войны, назначилъ срокъ въ пять недѣль (отъ 14-го іюня) для пріѣзда московскимъ посламъ [1]) и далъ имъ опасную грамоту [2]).

Это время нужно было королю, чтобы окончить сборы на войну; онъ намѣревался принять московскихъ пословъ въ лагерѣ, очевидно, съ тою цѣлью, чтобы придать больше вѣса своимъ требованіямъ [3]). Къ искренности намѣреній Іоанна заключить миръ онъ не могъ питать довѣрія по совершенно основательнымъ причинамъ. Во время пребыванія Нащокина въ Литвѣ произошло событіе, которое возбудило сильное подозрѣніе въ королѣ, что Іоаннъ присылаетъ къ нему гонцевъ съ цѣлью вывѣдать положеніе его силъ и вообще положеніе его государства; мало того, онъ убѣдился, что царь имѣетъ даже замыслы, опасные для него самого и его государства. Нащокинъ вошелъ въ тайныя сношенія съ литовскимъ знатнымъ паномъ Григоріемъ Осцикомъ, который началъ пересылаться съ Москвою еще во время безкоролевья 1574 г. Осцикъ обѣщалъ московскому правительству возмутить Литву, чтобы подчинить ее московскому царю и даже убить при удобномъ случаѣ короля. Измѣнникъ ловко обманывалъ при этомъ тѣхъ, кому онъ служилъ. Онъ поддѣлалъ печати многихъ сенаторовъ, чтобы показать Москвитянамъ, будто онъ

---

[1]) См. второе письмо, посланное черезъ Нащокина къ Іоанну отъ 14-го іюня въ Метр. Лит., II, № 41. О пятинедѣльномъ срокѣ говоритъ и Калигари (*Тургеневъ*, I, № 201, стр. 290). Гейденштейнъ не опредѣляетъ точно срока и сообщаетъ нѣсколько иное содержаніе королевскаго отвѣта: если царь желаетъ отправить пословъ, то онъ охотно дастъ имъ возможность высказать то, что желаютъ, и милостиво ихъ выслушаетъ. Что же касается требованія, чтобы онъ ожидалъ пословъ царя въ извѣстномъ мѣстѣ, то это требованіе не имѣетъ примѣра ни у одного изъ прочихъ христіанскихъ государей; они посылаютъ пословъ, когда нужно, во всякое мѣсто; вездѣ одинаково право пословъ и не ограничивается извѣстнымъ мѣстомъ; посламъ его можно придти всюду, гдѣ только онъ ни будетъ, и даже въ самомъ лагерѣ, во время самаго разгара сраженія, послы могутъ вести съ нимъ переговоры, если это окажется очень нужнымъ (102—103). Въ королевскомъ письмѣ нѣтъ ни слова о требованіи царя, чтобы король принималъ его пословъ въ опредѣленномъ мѣстѣ, въ Вильнѣ.

[2]) Лит. Метр., II, № 42.

[3]) Калигари пишетъ: fra cinque settimane il Rè farà la massa del suo esercito e venendo ambasciatori gli udirà armato in campo, nè per tutto cio ci rimetterà un pelo della sua diligenza e provvisioni militari. *Тургеневъ*, I, стр. 290.

дѣйствуетъ въ согласіи съ другими вельможами и такимъ образомъ пріобрѣсти бо́льшее довѣріе къ себѣ. Заговоръ былъ открытъ и Осцикъ вмѣстѣ съ своимъ сообщникомъ, однимъ евреемъ, казненъ [1]).

Это обстоятельство было послѣднимъ поводомъ, заставившимъ Баторія вести переговоры съ Іоанномъ о мирѣ, ведя съ нимъ одновременно борьбу, къ которой онъ дѣятельно приготовлялся.

По окончаніи вальнаго сейма въ Варшавѣ, Баторій черезъ Гродну прибылъ въ Вильну, куда онъ созвалъ, будучи еще въ Гроднѣ, на 17-е апрѣля съѣздъ изъ литовскихъ пановъ радъ, врядниковъ земскихъ и депутатовъ отъ литовской шляхты для обсужденія вопросовъ, касающихся предстоящаго похода, безопасности Литвы и иныхъ земскихъ дѣлъ [2]). Съѣздъ рѣшилъ помочь

---

[1]) *Гейденштейнъ* (103—105) говоритъ только объ одномъ преступленіи Осцика—о намѣреніи убить короля. По словамъ Стрыйковскаго (II, 432) Нащокинъ велъ тайные переговоры въ Вильнѣ съ Осцикомъ, „kując zdradę przewrotną przeciw Wielkiemu Księstwu Litewskiemu i zdrowiu Królewskiemu“, за что Осцикъ и понесъ заслуженное наказаніе 18-го іюня, въ субботу. Современная брошюра, написанная стихами и напечатанная въ 1580 г., говоритъ, что Осцикъ намѣревался отдать Литву во владѣніе Москвѣ. Отрывки изъ этой брошюры переиздалъ Краусгаръ въ Roczn. Tow. Przyj. Nauk Pozn., t. XVIII, str. 389—395. Одерборнъ (A. Starczewski, op. cit., II, 245) представляетъ цѣль заговора иначе: corruperat avari ac pervicacis ingenii hominem (т.-е Осцика) Naszczoknus Basilidis ad regem legatus, qui eum ex sui principis liberalitate amplissima praemia consecuturum dixerat, si accepto auro conductisque et instructis celeriter copiis in absentia regis Lithuaniam longe lateque depopularetur... По изображенію Реннера *(Johann Renners.* Livländische Historien, herausgegeben von *Rich. Hausmann* und *Konst. Höhlbaum*, Göttingen, 1876), заговоръ составило нѣсколько королевскихъ воеводъ (?), чтобъ передаться на сторону Іоанна, когда Баторій двинется въ походъ, за что они были обезглавлены въ Вильнѣ 18-го іюня (стр. 380).

[2]) См. Окружную королевскую грамоту изъ Гродны отъ 16-го марта въ Актахъ Зап. Рос., III, № 119. И. И. Лаппо въ своемъ сочиненіи „Великое Княжество Литовское за время отъ заключенія Люблинской уніи до смерти Стефана Баторія“ (I, стр. 179) о составѣ этого съѣзда выражается неточно. По его словамъ, „вернувшись изъ Варшавы съ сейма въ Литву, въ столечное мѣсто литовское—Вильну, король вызвалъ къ себѣ пановъ радъ и рыцерство княжества, *всѣхъ кто только могъ прибыть къ королю*“; между тѣмъ, въ королевской грамотѣ говорится слѣд.: „... сложили есмо и симъ листкомъ нашимъ складаемъ зъѣздъ ихъ милости паномъ радомъ, врядникамъ земскимъ *и всимъ тымъ, которыхъ съ повѣтовъ съ посродку себе оберете...*“, и далѣе: „и вы бы о томъ вѣдали, и зъѣхавшися на часъ певный, у во второкъ по Велицѣ-дни, то есть того жъ мѣ-

королю, какъ и въ прошломъ году, не только деньгами, но и вооруженными отрядами, которые, очевидно, могли быть доставлены только людьми богатыми; шляхтичи мало состоятельные явились, конечно, только сами [1]).

Въ приготовленіяхъ къ войнѣ происходила задержка не только потому, что налоги собирались медленно, но также и оттого, что солдаты неохотно отправлялись въ походъ. «Многіе изъ тѣхъ,— говоритъ историкъ,—которые были въ первомъ походѣ, потерпѣвъ большой уронъ и лишившись лошадей и всего вооруженія вслѣдствіе непогодъ и дурного состоянія дороги, теперь слишкомъ ясно представляли себѣ всѣ тягости столь отдаленной службы и потому очень неохотно записывались въ нее»; другіе отговаривались недостаткомъ времени [2]). При наборѣ войска большія услуги оказалъ королю Замойскій. Онъ составилъ отрядъ, который содержалъ на свой счетъ. Къ этому Гейденштейнъ прибавляетъ еще и слѣдующую заслугу. Посовѣтовавшись съ королемъ, говоритъ онъ, Замойскій всенародно объявилъ, что будетъ самъ набирать и конницу, и пѣхоту; когда это стало извѣстно, то во всѣхъ проявилось великое рвеніе и отовюду стали являться охотники [3]).

Кромѣ того, король привелъ въ исполненіе мѣру, одобренную еще на сеймѣ 1578 года, относительно набора крестьянъ въ королевскихъ имѣніяхъ по одному человѣку съ каждыхъ 20-ти лановъ. Эта мѣра встрѣтила противодѣйствіе со стороны королевскихъ державцевъ. Они или не разрѣшали брать крестьянъ у себя, или не освобождали ихъ отъ тяготѣвшихъ на нихъ крестьян-

---

сяца апріля 5 дня, на мѣстцо къ соймику въ повѣтѣ вашемъ звыклое и о справахъ вамъ въ семъ листѣ нашомъ вышей поданыхъ межи собою намовившися, *двѣ альбо три особы*, альбо похочете ли и больш, съ посродку себе братью вашу, *людей добрыхъ, расторопныхъ и бачныхъ*, на тотъ зъѣздъ у Вильну, на день 17 мѣсяца апріля зложоный прислали...“ Такихъ листовъ было выслано во всѣ повѣты 22.

[1]) См. Acta Stephani regis, № CXXXIV, стр. 343, И. И. Лаппо (op. cit. стр. 178—180) приводитъ документъ изъ Коронной метрики цѣликомъ.

[2]) *Гейденштейнъ*, 97.

[3]) Ib., стр. 98. Почему такъ произошло, историкъ не объясняетъ. Въ этихъ выраженіяхъ нельзя не усмотрѣть пристрастія панегириста къ своему герою. Воззванія короля, совершавшаго побѣдоносный походъ въ предшествовавшемъ году, не особенно сильно дѣйствовали, а воззваніе Замойскаго, военные таланты котораго не были пока еще извѣстны, возымѣло свое дѣйствіе.

скихъ повинностей, или воспрещали пользоваться имъ льготами, которыя были имъ предоставлены.

На сеймѣ 1579—1580 года наборъ этотъ снова былъ одобренъ. Тогда король разослалъ къ старостамъ и державцамъ универсалы о томъ, чтобы они не сопротивлялись этой мѣрѣ и угрожалъ имъ за это наказаніемъ [1]). Несмотря на противодѣйствіе помѣщиковъ, наборъ состоялся; онъ доставилъ королю около 1.500 солдатъ [2]). Ко всѣмъ этимъ войскамъ присоединилась также какъ и въ прошломъ году, венгерская пѣхота, которую, по порученію Баторія, набралъ ему братъ его Христофоръ, трансильванскій воевода.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, совершалась заготовка пороху, ядеръ, оружія и иной аммуниціи [3]).

Іоаннъ тоже дѣлалъ приготовленія къ войнѣ, и притомъ опять въ обширныхъ размѣрахъ. Въ январѣ 1580 года онъ созвалъ въ Москвѣ духовный соборъ, на которомъ торжественно заявилъ, что церковь и православіе въ опасности, что безчисленные враги возстали на Россію, что онъ съ сыномъ своимъ, съ вельможами и воеводами бодрствуетъ день и ночь для спасенія государства, но что духовенство обязано помочь ему въ этомъ великомъ подвигѣ; войско скудѣетъ и нуждается, а монастыри богатѣютъ. Поэтому онъ, государь, требуетъ жертвы отъ духовенства, и если оно совершитъ ее, Всевышній благословитъ его усердіе къ отечеству. Соборъ приговорилъ отдать въ государеву казну земли и села княжескія, пожалованныя когда-либо духовенству или когда-нибудь духовенствомъ купленныя, равно какъ и имѣнія, заложенныя духовенству. Такимъ образомъ Іоаннъ старался увеличить государственные доходы [4]) для того, чтобы имѣть воз-

---

[1]) См. Literae universales de accelerando delectu peditum in bonis regalibus, изъ Варшавы, отъ 16-го февраля 1580 г., въ Źródła dziejowe, т. XI, № LXXIX, стр. 134—136. Сообщеніе Гейденштейна (99) объ этомъ не совсѣмъ точно. Онъ говоритъ: „и вотъ теперь рѣшено было обратиться къ такому способу набора“, между тѣмъ какъ изъ королевскаго универсала явствуетъ, что король обращался къ нему уже и раньше: „tak jakośmy już przed tym czyniąc dosyć konstytucyi na sejmie warszawskim w r. MDLXXVIII uchwalonej, posłaliśmy byli...“

[2]) Собственно 1446, см. *K. Górski*, Druga wojna Batorego z W. Ks. Moskiewskiem (Bibl. Warsz., 1892, IV, стр. 16).

[3]) Подробности этого дѣла въ статьѣ К. Гурскаго (K. Górski, l. c., 2).

[4]) Приговоръ собора помѣщенъ у *Щербатова*, т. V, ч. IV, 200—206, № 2; *Карамзинъ* (изд. 1852), IX, 306—307.

можность собрать побольше войска. Служилыхъ людей царь приказалъ привлекать къ исполненію ихъ повинности при помощи принудительныхъ мѣръ: дѣтей боярскихъ, укрывавшихся или бѣжавшихъ отъ царской службы, отыскивали особые чиновники, разъѣзжавшіе по областямъ, били кнутомъ, сажали на нѣкоторое время въ тюрьму и затѣмъ отправляли на государеву службу во Псковъ [1]).

Такъ удалось Іоанну собрать большую армію, но какъ и въ прошломъ году, она представляла собою массу плохо организованную и плохо руководимую: у Іоанна опять-таки не было опредѣленнаго плана войны [2]). А тутъ Баторій съумѣлъ еще ввести царя въ заблужденіе своими дѣйствіями. Король назначилъ сборнымъ пунктомъ для своей арміи мѣстечко Чашники, находившійся на перекресткѣ дорогъ въ Великія Луки и въ Смоленскъ, такъ что Іоаннъ не могъ сразу узнать, куда врагъ намѣренъ двинуться, на Смоленскъ или на Великія Луки. Заготовивъ продовольствіе и аммуницію, Баторій отправилъ артиллерію съ венгерскою пѣхотою въ Поставы, приказавъ ей плыть оттуда на судахъ по Диснѣ и З. Двинѣ въ Витебскъ и затѣмъ самъ выѣхалъ изъ Вильны 15-го іюня [3]) черезъ Минскъ и Борисовъ въ Чашники [4]). Благословилъ короля въ походъ самъ папа, приславъ ему черезъ Павла Уханскаго въ Вильну освященный мечъ [5]). 8-го іюля Баторій

[1]) *Карамзинъ*, IX, стр. 307—308 и примѣч. 538.

[2]) Оршанскій староста Филонъ Кмита доносилъ королю о военныхъ сборахъ Іоанна письмомъ отъ 27-го іюля 1580 г. слѣд.: „великій князь Московскій войска свои вже собранные маетъ, которыхъ, повѣдаютъ, почотъ барзо великій, только дей мотлохъ; и тотъ людъ, который мѣлъ въ Можайску собраный, вже зъ мѣста рушилъ и розсказалъ имъ до Вязмы, до Дорогобужа, до Торопца и до Старицы тягнуть и гдѣ бы взяли вѣдомость о войскахъ в. к. м., повелѣлъ имъ на полки приходить и тревоги чинить". Акты Зап. Рос., III, № 122, стр. 259.

[3]) День выѣзда отмѣченъ у Стрыйковскаго (II, 432 и Сапуновъ, Витебская Старина, IV, 197) и въ Commentarius rerum a Stephano rege Poloniae in secunda expeditione adversus M. Moscorum ducem gestarum anno 1580 (Relacje nuncjuszów I, 331)—XVI Calendas Julias Vilna proficiscitur) и въ Brevis Narratio rerum a Regio M. Pol etc. (см. Журн. Мин. Нар. Просв. 1889, часть (CLXI стр. 142). *Renner* (381): und is nichts desto weiniger am 16 Iunii van der Wille up gebraken.

[4]) Такой маршрутъ обозначенъ у Стрыйковскаго (II,432).

[5]) *Гейденштейнъ*, (105). Соликовскій (Krótki pamiętnik rzeczy polskich, 56) говоритъ, что Григорій XIII прислалъ королю шапку и мечъ, которые Павелъ Уханскій вручилъ ему торжественно въ виленскомъ каѳедральномъ соборѣ въ присутствіи папскаго нунція Андрея Калигари; то же и Стрыйковскій, II, 432.

прибылъ въ Щудутъ, село въ пяти миляхъ отъ мѣстечка Чашниковъ, размѣстилъ по окрестнымъ деревнямъ прибывшихъ солдатъ и самъ остановился на нѣкоторое время въ Щудутѣ въ ожиданіи остальныхъ войскъ.

Тутъ онъ собралъ военный совѣтъ, чтобъ обсудитъ вопросъ, на какой пунктъ непріятельскихъ владѣній направить вооруженныя силы, хотя самъ уже давно намѣтилъ окончательною цѣлью этого похода Великія Луки [1]). На совѣщаніяхъ обозначились три мнѣнія: одни совѣтовали идти къ Пскову, другіе—къ Смоленску и третьи—къ Великимъ Лукамъ [2]). Первое предложеніе было, по словамъ Гейденштейна, не отвергнуто, а лишь отложено до болѣе удобнаго времени, когда будутъ взяты непріятельскія крѣпости, которыя остались бы въ тылу наступавшей арміи и такимъ образомъ являлись бы для нея немаловажной опасностью [3]).

Стоявшіе за походъ подъ Смоленскъ указывали на многолюдство и богатство этого города и на то, что съ его завоеваніемъ легко подчинится Речи Посполитой вся сѣверская область Противники приводили въ опроверженіе этого мнѣнія слѣдующіе доводы. Во-первыхъ, путь къ Смоленску пролегаетъ по областямъ, которыя были сильно опустошены собственными же войсками Речи Посполитой, такъ что легко можетъ явиться недостатокъ въ продовольствіи [4]). Во-вторыхъ, движеніе къ Смоленску отвлечетъ вооруженныя силы слишкомъ далеко отъ Ливоніи, освобожденіе которой составляетъ главную цѣль настоящей войны [5]) и откроетъ непріятелю доступъ къ Литвѣ, даже къ самой Вильнѣ, такъ какъ у него съ той стороны Двины имѣются замки въ двадцати какихъ

---

[1]) *Гейденштейнъ* (99 и 106). Гіуланъ, авторъ сочиненія Commentarius rerum a Stephano rege Poloniae in secunda expeditione adversus M. Moscorum ducem gestorum anno 1580 (Relacje nuncjuszów apost. I 331) и участникъ второго похода Баторія, говоритъ невѣрно, что военный совѣтъ происходилъ въ Витебскѣ. У насъ есть свидѣтельство офицера, бывшаго въ Щудутѣ и, можетъ быть, принимавшаго участіе въ самомъ совѣтѣ,—свидѣтельство Луки Дзялыньскаго о томъ, что совѣтъ происходилъ въ Щудутѣ (Acta Stephani regis, 276); но самъ король отмѣчаетъ Чашники, какъ мѣсто совѣта, см. Ioan. Pistorii Polonicae Historiae Corpus. III. 126—128.

[2]) Гуліанъ (l. c., I, 331) и Одерборнъ (l. c., II, 246) отмѣчаютъ только мнѣнія, по которымъ желательны были походы къ Смоленску и Пскову.

[3]) *Гейденштейнъ* (106).

[4]) Это соображеніе отмѣчено у Гіулана (l. c., I, 331).

[5]) *Гіуланъ* и *Гейденштейнъ*.

нибудь миляхъ отъ литовской столицы [1]). И въ-третьихъ, нельзя надѣяться, что врагъ ради защиты города, находящагося на окраинѣ его государства, рискнетъ противупоставить свои силы силамъ противника [2]). Походъ къ Великимъ Лукамъ имѣетъ гораздо больше выгодъ. Правда, придется двигаться по мѣстности, покрытой лѣсами, но зато и прорѣзанной рѣками Двиною и Усвячею, по которымъ съ меньшими трудностями можно будетъ перевозить артиллерію и провіантъ. Къ тому же Великія Луки угрожаютъ Ливоніи и король былъ того мнѣнія, что если онъ овладѣетъ этимъ городомъ, то отрѣжетъ врагу сообщеніе съ Ливоніей. Затѣмъ королю приходило на умъ и такое соображеніе. Великія Луки находятся какъ бы въ предсердіи московскаго государства [3]) и являются сильнѣйшею крѣпостью, и поэтому можно предполагать, что врагъ, потерявъ надежду заключить миръ, для защиты ея устремитъ сюда всѣ свои силы, и тогда представиться случай помѣряться съ нимъ силами въ открытомъ полѣ, что было для короля предметомъ самаго горячаго желанія. Далѣе, въ окрестностяхъ Великихъ Лукъ, отличавшихся плодородіемъ и изобиловавшихъ съѣстными припасами, легко было прокормить и людей, и животныхъ [4]). Затѣмъ, Великія Луки представляютъ удобный пунктъ, изъ котораго легко производить нападенія на какія угодно области непріятеля; помѣщенный тутъ отрядъ войска будетъ задерживать легко его движенія и на Литву по смоленской дорогѣ и на Ливонію по псковской, такъ какъ будетъ находиться въ одинаковомъ разстояніи отъ этихъ дорогъ. Вслѣдствіе этого и московскій государь стягиваетъ сюда свои войска, ибо онъ отсюда удобно можетъ нападать на ту область, которая покажется ему для этого наиболѣе подходящею [5]).

Наконецъ, московскіе воеводы, присягнувшіе королю на подданство, на вопросъ его, какая крѣпость считается въ Москвѣ имѣющею бо́льшее значеніе, Смоленскъ или Великія Луки, отвѣтили, что первый славится, какъ мѣсто замѣчательныхъ событій, но послѣднія по своему значенію въ военномъ дѣлѣ цѣнятся больше [6]).

---

[1]) См. отчетъ Луки Дзялыньскаго въ Acta Steph. reg., 277.

[2]) *Гіуланъ*, l. c., I, 331.

[3]) Выраженіе Гейденштейна.

[4]) *Гіуланъ*, l. c., I, 332; Одерборнъ, l. c., II, 246.

[5]) *Гейденштейнъ*, 107.

[6]) Это сообщеніе Луки Дзялыньскаго (Acta Stephani regis, стр. 277), одного изъ участниковъ похода, къ тому же бывшаго, можетъ быть, на

Баторій старался держать въ тайнѣ свой планъ похода на Великія Луки какъ можно дольше, чтобы непріятель не могъ догадаться скоро, какое онъ изберетъ направленіе для своего наступательнаго движенія. Поэтому-то король и приказалъ своимъ войскамъ собираться въ Чашникахъ, такъ какъ этотъ сборный пунктъ могъ вызывать въ непріятелѣ лишь недоумѣнія относительно замысловъ Баторія: изъ этого пункта можно было удобно идти подъ Смоленскъ и подъ Великія Луки.

Въ Чашникахъ Баторій оставался до тѣхъ поръ, пока не собрались всѣ отряды его арміи. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ выжидалъ и окончанія пятинедѣльнаго срока, который былъ назначенъ для пріѣзда московскихъ пословъ.

Этотъ срокъ показался Іоанну слишкомъ короткимъ. Онъ прислалъ на Щудутъ въ Чашники своего гонца Ѳеодора Шишмарева измѣстить объ этомъ короля. «Въ пять недѣль,—писалъ Іоаннъ,—поспѣти не токмо къ тебѣ, къ Стефану королю у Вильно невозможно, и на рубежъ къ тому сроку поспѣти не возможно» не только посламъ, но и гонцу легкому на подводахъ безъ своихъ лошадей. Царь извѣщалъ, что послы его прибудутъ въ Смоленскъ 1-го, на Литовскую границу 6-го и на мѣстѣ будутъ 15-го августа. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ выражалъ желаніе, въ исполнимость котораго онъ самъ, должно быть, не вѣрилъ,—желаніе, чтобы король принялъ его пословъ «у Вильни по прежнему обычаю не ходя въ походъ ратью къ нашимъ украйнамъ, занеже нашимъ посломъ въ походѣ, въ рати мимо Виленское мѣсто, мимо прежній обычай, на посольстви у тебе быти непригожо», однимъ словомъ желалъ, чтобы король возвратился назадъ изъ похода [1]). Шишмаревъ явился къ Баторію 19-го іюля, т-е. въ тотъ день, когда истекалъ назначенный Баторіемъ пятинедѣльный срокъ [2]). Король

самомъ совѣтѣ въ Щудутѣ, подтверждается извѣстіемъ, которое сохранилъ Одерборнъ, о томъ, что Шереметевъ не особенно сильно противился движенію на Великія Луки (Szeremetus ille, quem vi Socolo captum antea memoravimus, huic proposito non magnopere adversabatur l. c. II. 246).

[1]) См. Метр. Лит., II, № 43, письмо Іоанна отъ 2-го іюля. Содержаніе грамоты, данной Шишмарову, сообщаетъ вкратцѣ и Гейденштейнъ, но фамиліи гонца не называетъ и не совсѣмъ точно обозначаетъ сроки прибытія московскихъ пословъ (5-е и 16-е августа).

[2]) Гонецъ спѣшилъ явиться къ этому сроку. Поспѣшность его была такъ велика, по словамъ Гейденштейна, что онъ представился королю, вопреки московскимъ обычаямъ, не въ торжественномъ платьѣ, какое приличествовало послу, а въ обыкновенномъ.

отвѣчалъ, что всѣ эти пересылки имѣютъ въ виду одно—оттянуть начало войны. Послы могли бы прибыть во́-время, потому что путь для нихъ сократился вслѣдствіе того, что онъ, король, приблизился къ границамъ московскаго государства. Онъ нарочно въ ожиданіи пословъ подвигался впередъ съ войскомъ медленно, хотя это было къ вреду его подданныхъ и съ ущербомъ для начала военныхъ дѣйствій, но теперь, когда войска собраны, откладывать войну трудно. Однако она не помѣшаетъ веденію переговоровъ о мирѣ. Онъ приметъ пословъ Іоанна всюду, гдѣ бы онъ, король, ни находялся со своими войсками, лишь бы только дѣло ведено было безъ всякой хитрости съ цѣлью установить мирное христіанское житье между ними, государями, и ихъ государствами безъ ущерба его, короля, славѣ и безъ вреда для его государства. Онъ обѣщаетъ полную безопасность посламъ Іоанна и ихъ имуществамъ согласно первой охранной грамотѣ, высланной въ Москву, каковъ бы ни былъ результатъ переговоровъ [1]).

Іоаннъ не ограничился посылкою Шишмарева. Вскорѣ послѣ отъѣзда этого гонца царь отправилъ новую грамоту, которую переслать велѣлъ смоленскому воеводѣ князю Даніилу Андреевичу Ногтеву съ боярскимъ сыномъ Легково къ Шишмареву, чтобы послѣдній вручилъ ее Баторію. Іоанна встревожили вѣсти, которыя онъ получилъ изъ Литвы. Онъ узналъ, что изъ Орши приходили въ смоленскій уѣздъ королевскіе солдаты, захватили въ плѣнъ «сторожей дѣтей боярскихъ» въ Голювицахъ, подступали два раза съ «приметомъ» къ Озерищамъ, а теперь по слухамъ идутъ къ Заволочью. Кромѣ того, ему стало извѣстно, что король выступилъ въ походъ изъ Вильны и пришелъ въ Чашники. Въ виду этого Іоаннъ такъ писалъ Баторію: «И ты бъ, Стефанъ король, своего слова не порушилъ, а того дѣла добраго, что межъ насъ почалося не порвалъ, самъ ратью не ходилъ и съ коня ссѣлъ и воротился въ свое, въ Виленское мѣсто, или гдѣ велишь у себе нашимъ посломъ быти; и пановъ радныхъ и воеводъ на наши украины не посылалъ, и рать свою воротилъ, и по границамъ, по всѣмъ мѣстамъ и въ Лиѳлянской земли заказать велѣлъ накрѣпко; а своихъ есмо пословъ къ тебѣ отпустили, и наши

[1]) См. письмо Баторія отъ 22-го іюля въ Метр. Лит., II, № 44. Содержаніе Баторіева отвѣта передано у Гейденштейна хотя и кратко, но точно (стр. 110).

послы ужъ нинѣ въ дорозѣ, а будутъ на рубежи и ранѣе того сроку августа пятого на десять дня» [1]).

Іоаннъ становился уступчивѣе, въ чемъ онъ и самъ сознавался передъ королемъ, отправляя къ нему новую грамоту, въ которой писалъ, что, «смиряясь передъ Богомъ и передъ нимъ, королемъ, велѣлъ къ нему своимъ посламъ идти» [2]). Но уступчивость эта была формальная, такъ какъ касалась только мѣста и времени пріема Баторіемъ московскихъ пословъ, но не затрагивала сути дѣла: Іоаннъ ни однимъ словомъ не обмолвился о существенныхъ уступкахъ, какія онъ сдѣлаетъ Баторію, чтобъ возстановить миръ, а вѣдь только такими уступками можно было сдѣлать переговоры успѣшными.

Послѣднюю грамоту отъ Іоанна Баторій получилъ 23-го іюля, выѣхавъ уже изъ Чашниковъ. Король далъ царю такой же отвѣтъ, какъ и прежде. Между тѣмъ новый московскій гонецъ привезъ Шишмареву письмо, но передать его не могъ, такъ какъ послѣдній уже выѣхалъ изъ королевскаго лагеря. Приближенные Баторія говорили, что это письмо надо распечатать, но король не согласился на это и возвратилъ его гонцу нераспечатаннымъ [3]).

Отправляясь изъ Чашниковъ, король произвелъ тщательный смотръ войскамъ: стоя на холмѣ, онъ осматривалъ каждаго солдата особо, въ то время какъ армія проходила по узкому мосту, и нашелъ ее въ хорошомъ состояніи; забраковать пришлось немного лошадей [4]).

По пути въ Витебскъ Баторій осмотрѣлъ укрѣпленія въ Лепелѣ и Улѣ; армія въ это время двигалась по направленію къ Витебску. Во время стоянокъ устраивались совѣщанія относительно дальнѣйшихъ военныхъ дѣйствій: рѣшено было взять крѣпости Велижъ и Усвятъ [5]), такъ какъ онѣ, находясь въ тылу

[1]) См. письмо Іоанна отъ 19-го іюля въ Метр. Лит., № 45.

[2]) Кн. Пос. Метр. Лит., II, № 47, стр. 78.

[3]) Это сообщаетъ только Гейденштейнъ 111.

[4]) *Гейденштейнъ*, стр. 108. Стрыйковскій утверждаетъ, что смотръ производился въ Лукомлѣ, мѣстечкѣ въ четырехъ миляхъ отъ Чашниковъ (II, 432, и *Сапуновъ*, IV, 197); Одерборнъ тоже (l. c., II, 246).

[5]) Это рѣшеніе состоялось, вѣроятнѣе всего, въ Лукомлѣ. Гейденштейнъ говоритъ, что къ отряду Замойскаго, котораго король посылалъ подъ Велижъ, присоединился Георгій Фаренсбахъ со своими нѣмецкими солдатами. Стрыйковскій же (II, 432) сообщаетъ, что послѣднимъ король произвелъ смотръ въ Лукомлѣ, а Одерборнъ (l. c., II, 246) говоритъ, что сюда именно прибыли къ Баторіевой арміи Фаренсбахъ и Христофоръ Розражевскій.

арміи, могли причинить немало хлопотъ. Взять Велижъ было важно еще потому, что въ такомъ случаѣ освобождалось окончательно плаваніе по Двинѣ, вслѣдствіе чего перевозка по рѣкѣ всякаго военнаго транспорта могла совершаться безпрепятственно; кромѣ того, проистекали отъ этого и немаловажныя выгоды для торговли, ибо велижскій уѣздъ изобиловалъ лѣсомъ [1]).

Во главѣ экспедиціи къ Велижу король поставилъ канцлера Замойскаго, вслѣдствіе чего возникли пререканія между Поляками и Литовцами. Послѣдніе усмотрѣли въ назначеніи Замойскаго начальникомъ самостоятельной экспедиціи оскорбленіе для своего гетмана и требовали предоставленія ему начальства надъ экспедиціею. Коронный гетманъ Мелецкій, несмотря на просьбы Баторія, не принялъ участія въ походѣ, а потому Поляки заявляли, что литовскій гетманъ долженъ оставаться при королѣ, какъ замѣститель его по военнымъ дѣламъ. Литовцы на это возражали, что такимъ замѣстителемъ можетъ быть великій маршалъ коронный, канцлеръ или польный гетманъ. На это Поляки отвѣчали, что маршалу принадлежитъ только гражданская юрисдикція при королевской особѣ и только въ случаѣ отсутствія его заступаетъ его мѣсто канцлеръ, должность же польнаго гетмана нельзя сравнивать съ двумя послѣдними, она гораздо ниже ихъ; ввели ее частнымъ образомъ сами гетманы и замѣщется она по ихъ рекомендаціи [2]).

Одержали верхъ въ этомъ спорѣ Поляки, такъ какъ литовское войско не было еще вполнѣ собрано, а у Замойскаго все уже было заготовлено. Какъ ближайшій совѣтникъ Баторія, онъ зналъ его планы еще до выступленія въ походъ, а потому и сдѣлалъ всѣ необходимыя приготовленія къ экспедиціи, которая ему поручалась. Мнѣнія, которыя Замойскій высказывалъ на военныхъ совѣтахъ, присутствуя при осадѣ Данцига или участвуя въ походѣ подъ Полоцкъ, совѣты, которые онъ давалъ по вопросамъ военнаго дѣла, вселили въ Баторія увѣренность въ томъ, что его канцлеръ обладаетъ выдающимися военными талантами, и онъ пожелалъ испытать его въ этомъ отношеніи. Вотъ чѣмъ слѣдуетъ объяснять отправленіе Замойскаго подъ Велижъ. Канцлеръ заготовилъ заблаговременно все необходимое для похода: артиллерію, аммуницію, продовольствіе, палатки, плотниковъ и

---

[1]) Отчетъ Луки Дзялыньскаго, l. c., 277.

[2]) *Гейденштейнъ*, 112.

другихъ ремесленниковъ. Онъ приказалъ все это переправить изъ своего Кнышинскаго староства внизъ по Нѣману въ Ковну, отсюда вверхъ по Виліи въ Михалишки, далѣе сухимъ путемъ въ Поставы и, наконецъ, по Диснѣ и Двинѣ въ Витебскъ. Въ этотъ городъ прибылъ и набранный имъ отрядъ войска, въ которомъ было не мало лицъ сенаторскаго званія, не мало такихъ, которыя занимали выдающіяся должности въ государствѣ или служили при королевскомъ дворѣ и, кромѣ того, большое число знатныхъ юношей. Конница отряда состояла изъ гусаръ и казаковъ, вооруженныхъ, по распоряженію Замойскаго, вмѣсто луковъ карабинами за плечомъ, короткими ружьями, пистолетами за поясомъ, саблями и пиками. Пѣхота была набрана по большей части въ Венгріи. Всѣ воины въ отрядѣ Замойскаго носили одежду, оружіе и убранство чернаго цвѣта въ знакъ траура по женѣ и дочери своего полководца, которыхъ онъ недавно лишился [1]). Въ отрядѣ было 944 пѣхотинца и 1.042 всадника; къ нему король присоединилъ еще около 4.000 человѣкъ пѣхоты и конницы, такъ что численность всего корпуса, которымъ командовалъ Замойскій, простиралась до 6.000 человѣкъ [2]).

Канцлеръ первымъ прибылъ въ Витебскъ, но вскорѣ за нимъ послѣдовалъ и король [3]). Въ Витебскѣ представляли королю свои отряды паны и рыцарство литовское, князья Слуцкіе, тіуны и чины земли Жмудской: отряды эти состояли изъ наемниковъ и добровольцевъ, служившихъ безвозмездно [4]). Явились

---

[1]) *Гейденштейнъ*, 108—109.

[2]) *K. Górski*, op. cit. Bibl. Warsz., 1892, IV, № 4. Стрыйковскій (II, 432) приводитъ цифру въ 8.000 чел. Показанія Реннера (382) о численности отряда Замойскаго неточны (Under dissem Krigsz folk hadde de cantzler 1.000 perde und 2.000 to vote), равно какъ и о численности корпуса, съ которымъ онъ отправился подъ Велижъ (Van Vitebcke heft de koning af geferdiget Iohannem Zamoiski van Zamoszleie, Polnischen oversten cantzler und hoptman to Belsz, Knischin und Zamech mit 3.000 man to rosz und vote, sohe by sich hadde, als vor gerort sampt etlichen Polnisshen und Ungerschen Krigs luiden etc...) Невѣрно показаніе и Гіулана (l. c., I, 332) и Brevis Narratio (3) въ 7.000. Цифры Гурскаго основаны на данныхъ, извлеченныхъ изъ оффиціальныхъ документовъ.

[3]) По *Гіулану* (l. c., I, 331) и Brevis Narratio—25-го (VI Cal. Augustas Vitepscum pervenit), по Реннеру (381)—28-го, по *Стрыйковскому* II, 432—29-го іюля.

[4]) *Стрыйковскій*, II, 432; *Гейденштейнъ*, 115. Какъ велика была армія литовская, не знаемъ. Стрыйковскій II, (433) насчитываетъ въ ней 12700

одновременно и нѣкоторыя польскія войска, наемныя и охочія, которымъ пришлось идти изъ болѣе отдаленныхъ частей

человѣкъ, Реннеръ (383)—15.000. Неизвѣстно намъ и число добровольцевъ. Стрыйковскій называетъ отряды ихъ значительными, Гейденштейнъ (115) говоритъ, что литовскія войска, какъ получавшія жалованье, такъ и добровольческія, представились королю въ такомъ количествѣ и вооруженіи, что никто не могъ догадаться о потеряхъ ихъ въ прошломъ году. Король въ привилегіи, данной Литовцамъ по ихъ желанію съ тою цѣлью, чтобы ихъ добровольная военная служба не была обращена въ повинность, хвалитъ чрезмѣрное усердіе Литвы къ родинѣ и Речи Посполитой, но о размѣрахъ отрядовъ добровольцевъ говоритъ неопредѣленно: Литовцы „съ такъ великимъ почтомъ людей ставилися при насъ Господарю въ войску и съ такою повольностью, хутью и жичливостью, ижъ тежъ во всемъ годными были найдены отъ насъ, чого одно есмо по нихъ потребовали и што цному Рыцерству належало, то все хутливе, мужне оказывали". Королевская привилегія допускаетъ странную неточность, объяснимую развѣ только тѣмъ, что она составлялась въ канцеляріи литовской, которая изъ чувства національнаго антагонизма позволила себѣ сдѣлать подобнаго рода ложное заявленіе. Литовцы—говорится въ привилегіи—обязаны исполнять подобно всѣмъ подданнымъ короля повинности только „порядкомъ на соймѣ уфаленымъ, такъ яко и обыватели коронные прикладалися: которому податку и они досыть учинивши, надто еще только на самое жаданіе нашое, съ такъ великимъ почтомъ..." Изъ этихъ словъ можно было бы вывести заключеніе, что Польша не выставляла отрядовъ добровольцевъ на войну. Однако мы по документамъ знаемъ, что Замойскій содержалъ многихъ солдатъ на свой счетъ; мы знаемъ изъ сочиненія Гейденштейна, что въ отрядѣ Замойскаго были знатные люди, которые, конечно, даромъ служили; а этотъ отрядъ достигалъ 2.000 человѣкъ. Кромѣ того, тотъ же Гейденштейнъ сообщаетъ намъ извѣстіе, что въ Витебскѣ представлялись королю одновременно съ литовскими войсками и польскія, пришедшія тогда въ первый разъ изъ болѣе отдаленныхъ мѣстностей королевства, которыя также были двоякаго рода: наемныя и охочія (стр. 115). Остановиться на всемъ этомъ такъ долго заставило насъ цитированное уже нами сочиненіе И. И. Лаппо. Авторъ вполнѣ вѣритъ словамъ привилегіи и восторгается самопожертвованіемъ Литовцевъ. Онъ говоритъ: „въ то время какъ корона ограничилась лишь уплатою податка на веденіе войны наемнымъ войскомъ, Литва не только внесла его, но добровольно выслала своихъ обывателей въ *посполитомъ рушеньи* „персями" своими защищать отечество (I, 178). Изъ нашихъ замѣчаній, оказывается, что слѣдуетъ относиться критически и къ оффиціальнымъ одкументамъ. Еще два, три замѣчанія. Слова Н. И. Лаппо показываютъ, что онъ смѣшиваетъ „посполитое рушенье" съ войскомъ добровольцевъ. Стефанъ Баторій никогда не созывалъ „посполитаго рушенья", потому что считалъ его непригоднымъ для военныхъ цѣлей. Въ той же привилегіи король называетъ литовское войско „по-

Речи Посполитой, такъ что они могли поспѣть только въ Витебскъ [1]).

Пробывъ два дня въ Витебскѣ, Замойскій двинулся [2]) къ Велижу вдоль рѣки Двины, расположивъ свои войска слѣдующимъ образомъ. Команду надъ авангардомъ онъ поручилъ своему родственнику Лукѣ Дзялыньскому, воину опытному, дѣятельному, осторожному и легко переносившему всякія лишенія походной жизни; въ помощники ему онъ далъ такого же храбраго и предусмотрительнаго офицера—Николая Уровецкаго. Главнымъ корпусомъ отряда канцлеръ самъ командовалъ, избравъ себѣ въ намѣстники Станислава Жолкевскаго, прославившагося военными подвигами въ борьбѣ съ Татарами. Въ аріергардѣ двигался обозъ,

---

течнымъ". Онъ такъ объ этомъ выражается: „гдыжъ скоро часъ войны слушный припалъ напередъ въ Свирѣ, потомъ въ Диснѣ и на иныхъ мѣсцахъ, съ такими почты намъ се оказовали, и при насъ черезъ увесь часъ войнѣ належачій были, же за ихъ таковымъ подпарьтьемъ, *войска досыть великого, потечного*, противо тому непріятелеви, безпечне здоровье нашое, вынеснесмо могли". Цитируемъ привилегію по Acta Stephani regis, N CXXXIV. Въ Речи Посполитой государственная оборона могла быть двоякаго рода: поточная и посполитымъ рушеньемъ. Обязанность участвовать въ посполитомъ рушеньи была обязанностью всей шляхты, но не добровольною службою, подобною той, которую исполняли Литовцы въ войнѣ Баторія съ Іоанномъ Грознымъ и относительно которой они выражали опасеніе, чтобы она не обратилась въ повинность. Второе, менѣе существенное замѣчаніе: привилегія носитъ дату 29 апрѣля 1580 г. (см. И. И. Лаппо, op. cit., стр. 180, прим. 1)—ошибочно, такъ какъ она, очевидно, выдана послѣ того, какъ Литовцы „съ такъ великимъ почтомъ ставплися при насъ господару въ войску и съ такою повольностью хутью и жичливостью, ижъ тежъ во всемъ годными были найдены отъ насъ". Послѣдніе слова указываютъ на смотръ, произведенный литовскимъ войскамъ, что случилось, какъ мы знаемъ, въ самомъ концѣ іюля 1580 года; слѣдовательно, привилегія выдана позже этого момента. Дату 29-го апрѣля 1580 года могла бы носить только та часть ея, въ которой идетъ рѣчь о походѣ 1579 года. Мы не можемъ не признать, въ виду заявленій самого короля, что численность литовскихъ добровольческихъ отрядовъ была гораздо значительнѣе польскихъ, но очевидныхъ фактовъ оспаривать невозможно: польскіе добровольцы, въ количествѣ, превышающемъ 2.000 человѣкъ, были въ арміи Баторія. Объясняя странную забывчивость привилегіи, можно указать еще на слѣд. обстоятельство: литовскіе отряды добровольцевъ явились въ силу рѣшенія литовскаго съѣзда, между тѣмъ какъ польскіе лишь по иниціативѣ частныхъ лицъ.

[1]) *Гейденштейнъ*, стр. 115.

[2]) 29-го іюля, согласно Стрыйковскому, II, 432.

который былъ раздѣленъ Замойскимъ на три части, соотвѣтственно раздѣленію походной колонны; каждой части обоза приказано было слѣдовать за своимъ отрядомъ. Такимъ образомъ гетманъ устранилъ тѣ замедленія, какія происходятъ вслѣдствіе того, что весь обозъ движется вмѣстѣ по одному и тому же пути; для прикрытія обоза назначены были особенные отряды. Артиллерія отправлена была впередъ и прикрывать ее Замойскій приказалъ венгерской конницѣ, которая и двинулась по лѣвому берегу Двины подъ командою Стефана Лазаря [1]).

Такъ канцлеръ достигъ рѣки Каспли, черезъ которую онъ быстро перекинулъ мостъ, чтобъ перевести войско въ Суражъ, крайній пунктъ владѣній Речи Посполитой. Въ этомъ городѣ онъ пробылъ одинъ день, чтобъ дождаться прибытія артиллеріи, которая плыла по Двинѣ, и посовѣтоваться, по какой дорогѣ двигаться дальше, по этой ли сторонѣ Двины, на которой онъ находился, или по другой. Онъ избралъ первый путь, такъ какъ, двигаясь по второму пути, пришлось бы два раза переправляться черезъ Двину, первый разъ у Суража и второй разъ у Велижа, и слѣдовательно строить два раза мосты. Походъ по первой дорогѣ представлялъ тоже громадныя трудности, такъ какъ вся мѣстность, по которой надо было идти, покрыта была дремучими лѣсами, черезъ которыя никто со временъ Витовта не проводилъ войска [2]).

Стоя въ Суражѣ, Замойскій выслалъ впередъ отрядъ пѣхотинцевъ, чтобы они проложили въ лѣсу дорогу, вырубивъ деревья и устроивъ гати черезъ попадавшіяся болота. Когда дорога была готова на протяженіи трехъ миль [3]), авангардъ, по приказанію гетмана, двинулся въ походъ и, пройдя это разстояніе, остановился въ селѣ Верховьѣ въ ожиданіи самого гетмана, который прибылъ на слѣдующій день (1-го августа) около полудня. Осмотрѣвъ дорогу, по которой войску приходилось дальше двигаться и сдѣлавъ распоряженія относительно ея исправленія и постройки мостовъ, онъ издалъ приказъ, запрещавшій солдатамъ подъ страхомъ смертной казни при приближеніи къ крѣпости Велижу стрѣлять изъ ружей, бить въ барабаны, трубить, кри-

---

[1]) *Гейденштейнъ*, 113—114; *Górski*, op. c. t., Bibl. Warsz., 1892, IV, 4.

[2]) *Гейденштейнъ*, 115—116.

[3]) У Гейденштейна (117)—20 миль, конечно, римскихъ, такъ какъ онъ на эти мили ведетъ счетъ разстояніямъ.

чать, вообще производить какой бы то ни было шумъ, въ виду того, что необходимо подойти къ непріятелю какъ можно тише. «На нынѣшнемъ и на слѣдующемъ ночлегѣ,—говорилось въ приказѣ,—у меня не будутъ давать сигнала сѣдлать лошадей и садиться на коня ни барабаннымъ боемъ, ни трубою. Когда выставятъ надъ моимъ шатромъ одну зажженую свѣчу—это знакъ вставать, двѣ—сѣдлать лошадей; если еще не разсвѣтетъ, будутъ выставлены три свѣчи, а если уже разсвѣтетъ, тогда вывѣсятъ на копьѣ красное сукно въ знакъ того, что необходимо садиться на коней. Назначитъ отроковъ смотрѣть за этими сигналами. Возамъ идти въ установленномъ порядкѣ, каждому держаться своего опредѣленнаго мѣста, чтобъ другимъ не было тѣсно; солдатамъ вообще не разбрасываться». Замойскій хотѣлъ напасть на Велижъ внезапно, но этотъ замыселъ не удался, какъ мы увидимъ.

Отрядъ прошелъ въ теченіе дня четыре мили и ночевалъ въ деревнѣ Студяной, которая теперь уже не существуетъ, въ разстояніи не болѣе одной мили отъ Велижа [1]).

Когда уже хорошенько разсвѣло, гетманъ, созвавъ офицеровъ, приказалъ имъ собираться въ путь, но притомъ брать съ собою провіанта только на одну ночь, говоря, что обозъ останется пока въ Студяной и прибудетъ на мѣсто только на слѣдующій день. Сдѣлано это было, очевидно, съ тою цѣлью, чтобы дорога отъ Велижа до Студяной была свободна на тотъ случай, если экспедицію постигнетъ подъ крѣпостью неудача и войску придется поспѣшно назадъ возвращаться [2]).

Послѣ этого гетманъ издалъ военные артикулы касательно дисциплины во время похода и борьбы съ непріятелемъ [3]).

Распоряженія эти характеризуютъ гуманность, насколько она, конечно, можетъ обнаруживаться въ такомъ дѣлѣ, противномъ гуманности, какимъ является война. Грабителямъ и поджигате-

---

[1]) *K. Górski*, op. cit., Bibl. Warsz., 1892, IV, 6. Реннеръ, черпающій свои извѣстія изъ современной нѣмецкой газеты, передаетъ мельчайшіе факты замѣчательно точно: онъ говоритъ, что канцлеръ стоялъ 2-го августа въ разстояніи 1½ мили отъ Велижа (op. cit., 382).

[2]) *K. Górski*, l. c., 1892, IV, 6.

[3]) Артикулы были обнародованы 3-го августа въ Студяной, см. Acta Stephani regis, стр. 205. Поэтому сообщеніе Гейденштейна (113) о томъ, что Замойскій издалъ въ Витебскѣ распоряженія, относившіяся къ соблюденію военной дисциплины и предосторожностей въ походѣ и узаконилъ ихъ письменно, слѣдуетъ признать неточнымъ.

*

лямъ храмовъ грозила смертная казнь; запрещалось убивать дѣтей, престарѣлыхъ людей и духовныхъ лицъ.

Отрядъ готовъ былъ уже двинуться въ походъ, когда казаки привели къ гетману боярина, захваченнаго въ плѣнъ въ то время, когда онъ ѣхалъ изъ Велижа въ свою деревню [1]). Плѣннаго стали пытать [2]). Тогда онъ сказалъ, что въ Велижѣ знаютъ о приходѣ врага, но не ожидаютъ его нападенія сегодня [3]).

Это заявленіе подало Замойскому надежду на осуществленіе его замысла—овладѣть крѣпостью внезапно. Имѣя это въ виду, гетманъ взялъ только часть войска, съ нею приблизился къ крѣпости лѣсомъ и на самомъ краю его остановился [4]), чтобъ посовѣтоваться, какимъ образомъ исполнить предпріятіе. Венгерцы совѣтовали подождать ночи, когда можно будетъ воспользоваться темнотою, чтобы подкрасться подъ замокъ и зажечь его стѣны. Иные были того мнѣнія, что слѣдуетъ сейчасъ же напасть на крѣпость со всѣхъ сторонъ, и утверждали, что успѣхъ обезпеченъ, такъ какъ непріятель не знаетъ объ ихъ приходѣ и потому будетъ застигнутъ врасплохъ. Выслушавъ мнѣнія, Замойскій принялъ такое рѣшеніе. Такъ какъ замокъ со стороны Двины слабѣе всего укрѣпленъ, то необходимо направить на этотъ пунктъ пѣхотинцевъ съ топорами; иныхъ слѣдуетъ послать со стороны города, такъ какъ можно надѣяться, что они легко проникнутъ въ замокъ вмѣстѣ съ городскими жителями, когда послѣдніе начнутъ убѣгать ради спасенія въ крѣпость. Кавалерія должна была гарцовать со стороны противоположной замка, чтобы отвлечь вниманіе и силы непріятеля въ эту именно сторону.

---

[1]) Такъ разсказываетъ Дзялыньскій, а Гейденштейнъ приводитъ даже фамилію боярина—Кудрявый: ѣхалъ онъ съ двумя провожатыми, изъ которыхъ одинъ былъ убитъ казаками, другой успѣлъ спастись. Гейденштейнъ называетъ и казаковъ—Никиту и Бирулу, Дзялыньскій только одного Никиту. Реннеръ (383) совершенно точно сообщаетъ, что поймали москвитянина рано утромъ 3-го августа.

[2]) Гейденштейнъ не упоминаетъ объ этомъ обстоятельствѣ.

[3]) По сообщенію Реннера (383), плѣнный москвитянинъ сообщилъ слѣдующее: oft men sich wol in der Moscow eines fremden kriges besorgede, so hedde men sich doch dessen an dussem orde gar nicht vorsehen und were demnach dat hus nicht gar wol besettet, hedde aver 100 perde und 50 schutten und des gemeinen mans 500 personen und frouwen nicht dar ippe. Число воиновъ, защищавшихъ Велижъ, показано Реннеромъ, какъ увидимъ ниже, неточно.

[4]) Этотъ фактъ отмѣченъ и Реннеромъ (383) точно.

Замокъ Велижъ лежалъ на высокомъ холмѣ и его покатости, спускавшейся къ рѣкѣ Двинѣ. Онъ имѣлъ видъ четырехугольника, сторонами котораго являлись деревянныя укрѣпленія, состоявшія изъ трехъ бревенчатыхъ срубовъ, между которыми насыпана была земля и каменья. Стѣны были обмазаны глиною, а внизу присыпаны дерномъ; на углахъ и посрединѣ стѣнъ возвышались башни, въ которыхъ и между которыми находились бойницы. Съ сѣверо-запада замокъ спускался внизъ къ самой Двинѣ; сѣверо-восточная стѣна находилась надъ глубокимъ оврагомъ, по дну котораго протекала рѣчка Велижа, впадавшая въ Двину и имѣвшая шлюзъ для поднятія уровня воды. Глубокій и обрывистый оврагъ защищалъ крѣпость съ юго-запада, а съ юго-востока устроенъ былъ ровъ, доступъ къ которому загораживался частоколомъ, состоявшимъ изъ круглыхъ бревенъ, кверху заостренныхъ [1]). Въ замкѣ находилось 200 дѣтей боярскихъ, 400 стрѣльцовъ и около 1.000 человѣкъ простого народа; для защиты замка было 14 пушекъ, изъ нихъ 4 большихъ, 80 гаковницъ, много пороху, пуль, ядеръ и большое количество провіанта.

Лишь только нападающіе показались изъ лѣсу, какъ изъ крѣпостной пушки раздался выстрѣлъ. Это былъ знакъ для городскихъ жителей спасаться въ крѣпость, что они, дѣйствительно, и сдѣлали, зажегши предварительно городъ. Такимъ образомъ Замойскому не удалось застигнуть врага врасплохъ и это разстроило его планы. Правда, пѣхота бросилась съ крикомъ къ крѣпостному мосту, а конница помчалась къ крѣпостнымъ стѣнамъ и стала гарцовать передъ ними, желая выманить непріятеля изъ-за укрѣпленій, но все это не привело уже ни къ чему. Русскіе не выходили изъ укрѣпленій и только часто стрѣляли въ непріятеля. Изъ войска Замойскаго отдѣлились 4, 5 пѣхотинцевъ, которые засѣли вблизи крѣпостнаго частокола и стали стрѣлять въ замокъ. Пальба изъ крѣпости прекратилась только вечеромъ, но убитыхъ и раненныхъ въ войскѣ Замойскаго не оказалось, а со стороны Русскихъ погибъ одинъ человѣкъ.

Нападеніе окончилось неудачею; вслѣдствіе этого приходилось брать крѣпость осадою. Осаждающіе расположились слѣдующимъ

---

[1]) Описаніе это составлено по дневнику Дзялыньскаго (Acta Stephani regis, стр. 212—213), см. *K. Górski,* l. c. стр. 7. Гейденштейнъ описалъ замокъ неправильно: по его словамъ, рѣка Двина омывала крѣпость съ юга и востока, а съ сѣвера протекалъ какой-то ручей, впадавшій въ Двину.

образомъ: съ сѣверо-востока, на томъ мѣстѣ, гдѣ находился прежде городъ, Борномисса съ Венграми, съ юго-востока Трембецкій, съ юго-запада Уровецкій; за Двиною устроили окопы казаки, бывшіе подъ начальствомъ Остроменцкаго [1]).

Въ слѣдующій день, 4-го августа, прибылъ обозъ; тогда гетманъ приказалъ солдатамъ заняться устройствомъ лагеря. Въ то же время онъ созвалъ ротмистровъ и напомнилъ имъ, что необходимо соблюдать величайшую осторожность, такъ какъ, по словамъ плѣнныхъ, на выручку крѣпости идетъ 20.000 Русскихъ. Въ крѣпость Замойскій послалъ грамоту съ предложеніемъ добровольно сдаться, обѣщая свободу тѣмъ, которые пожелаютъ уйти къ своему государю, и матеріальное обезпеченіе тѣмъ, которые захотятъ быть подданными короля. На это осажденные заявили только, что должны отослать грамоту къ царю и что они сдѣлаютъ то, что онъ имъ велитъ. Въ этотъ день бомбардировать крѣпости нельзя было, такъ какъ артиллерія еще не прибыла.

На слѣдующій день Замойскій ѣздилъ осматривать крѣпость, чтобъ выбрать, по указанію свѣдущихъ лицъ, которые гетмана сопровождали въ этой поѣздкѣ, мѣсто для постановки артиллеріи, которая прибыла вечеромъ въ тотъ день [2]). Явился также отрядъ королевской пѣхоты въ 1.000 человѣкъ, который тотчасъ же началъ строить шанцы. Замойскій послалъ начальнику Венгровъ Борнемиссѣ 400 талеровъ въ награду тому, кто подожжетъ замокъ, польскимъ солдатамъ обѣщалъ выхлопотать у короля 12 волокъ земли въ видѣ награды за то же дѣло. Такъ прошелъ день 5-го августа.

6-го августа, чуть свѣтъ, осаждающіе начали со всѣхъ сторонъ бомбардировать крѣпость. Осажденные стали давать знаки, что желаютъ вступить въ переговоры. Канонада прекратилась, но вскорѣ опять возобновилась, такъ какъ переговоры не привели ни къ чему.

Осажденные снова завязали переговоры [3]), прося прекратить

---

[1]) Гейденштейнъ (119) помѣщаетъ Уровецкаго за Двиною, что надо признать ошибкою въ виду свидѣтельства, идущаго отъ участника осады—Дзялыньскаго. Также ошибочно и Реннеръ (383) отводитъ мѣсто за Двиною отряду Борнемиссы.

[2]) Дата вѣрно отмѣчена у Реннера (383).

[3]) Замойскій, по словамъ Реннера, посылалъ въ крѣпость завихостскаго Петра Клочевскаго и перемышльскаго старосту Ѳому Дрогоевскаго; по свидѣтельству Дзялыньскаго, эти лица были въ замкѣ по истеченіи двухчасоваго перемирія.

стрѣльбу на два часа, пока они не согласятся между собою относительно того, что́ имъ дѣлать. Замойскій удовлетворилъ ихъ желаніе и послалъ имъ даже часы. Когда прошло урочное время, осажденные отвѣтили, что сегодня они не могутъ придти къ соглашенію и просятъ о перемиріи до слѣдующаго дня [1]). Полагая, что все это дѣлается осажденными съ тою цѣлью, чтобы выиграть время, Замойскій приказалъ возобновить бомбардировку. Въ это время Венгры стали бросать въ крѣпость раскаленныя ядра и успѣли произвести пожаръ, но гарнизонъ, мужественно защищаясь, тушилъ огонь всюду, гдѣ онъ появлялся. Поляки тоже зажгли при помощи раскаленныхъ ядеръ одну башню, но такъ, что она лишь тлѣла. Вечеромъ, уже послѣ заката солнца, солдатамъ Уровецкаго удалось зажечь крѣпостной мостъ. Тогда 50 пѣхотинцевъ бросились съ лучинами поджигать замокъ. Увидѣвъ это, Русскіе прислали къ Замойскому заявленіе, что желаютъ сдаться, лишь бы только замокъ оставленъ былъ въ цѣлости Гетманъ прекратилъ пальбу и послалъ въ крѣпость одного офицера, Завихойскаго, потребовать, для бо́льшей безопасности, чтобы воевода съ именитѣйшими боярами явился къ нему въ станъ. Дѣйствительно, около 3-хъ часовъ ночи, русскіе воеводы прибыли въ польскій лагерь [2]), цѣловали руку Замойскому и просили походатайствовать за нихъ передъ королемъ, чтобы онъ пожаловалъ ихъ своими милостями, что было Замойскимъ обѣщано.

На слѣдующій день Замойскій принялъ замокъ, велѣлъ составить опись всего, что въ немъ было найдено [3]), а жителей Велижа отправить на плотахъ внизъ по Двинѣ. Ихъ высадили на нѣкоторомъ разстояніи на берегъ, окопали валомъ и стерегли до тѣхъ поръ, пока не прибылъ въ Велижъ король. Ему Замойскій послалъ шесть знатнѣйшихъ бояръ въ Суражъ, гдѣ Баторій въ то время находился. Первый самостоятельный шагъ канцлера на военномъ поприщѣ засвидѣтельствовалъ, что онъ способный уче-

---

[1]) Реннеръ прибавляетъ: они заявили, что дали своему государю клятву защищаться въ теченіе 15 дней.

[2]) Реннеръ (384) приводитъ ихъ имена: Paulin Brzack woiwod, Wassilei Igenakow oldeste aver de schutten, Mikita Lopuhin, Wung, Talbuhin, Wassilei Ignatei, Weligaum Uszokow. Они знали, по сообщенію Реннера, Іоргена Фаренсбаха и увѣщевали его отнестись къ нимъ по дружески: пусть онъ припомнитъ, что онъ служилъ недавно ихъ государю противъ Татаръ.

[3]) По Реннеру, было найдено 27 тоннъ пороху.

никъ своего учителя—Баторія: опытъ, вынесенный изъ походовъ, совершенныхъ вмѣстѣ съ королемъ, не пропалъ для Замойскаго даромъ, онъ научился военному искусству. Крѣпость была взята главнымъ образомъ благодаря раскаленнымъ ядромъ, при помощи которыхъ удалось произвести пожаръ и такимъ образомъ принудить гарнизонъ къ капитуляціи. Панику въ крѣпости вызвало отчасти и внезапное появленіе непріятеля, именно съ той стороны, откуда его не ожидали [1]).

Ожидая прибытія Баторія, Замойскій созвалъ къ себѣ ротмистровъ и издалъ распоряженія относительно того порядка, какой долженъ быть соблюдаемъ въ лагерѣ при встрѣчѣ короля, а затѣмъ съ тѣми же ротмистрами выѣхалъ встрѣчать его. Въ привѣтствіи, сказанномъ на латинскомъ языкѣ, Замойскій поздравилъ Баторія съ побѣдою, желалъ ему дальнѣйшихъ успѣховъ, хвалилъ мужество, дѣятельность и расторопность своихъ боевыхъ товарищей и ходатайствовалъ для нихъ о милостяхъ за ихъ службу. Баторій благодарилъ канцлера, а ротмистрамъ обѣщалъ дать со временемъ щедрыя награды. Потомъ онъ осмотрѣлъ кругомъ замокъ и шанцы, въ которыхъ пѣхота стояла такъ, какъ въ то время, когда добывали крѣпость. Когда король въѣхалъ въ лагерь, ротмистры и солдаты стали передъ своими палатками, ударили въ барабаны и затрубили въ трубы.

Король остановился въ палаткѣ Замойскаго, гдѣ ужиналъ и ночевалъ. Вечеромъ явился гонецъ отъ оршанскаго старосты Филона Кмиты съ извѣщеніемъ, что московскіе послы уже ѣдутъ къ королю.

На слѣдующій день (9-го августа) Баторій посѣтилъ замокъ, еще разъ осмотрѣлъ его внимательно и выразилъ радость по поводу того, что укрѣпленія сохранились въ цѣлости и что они такъ же хороши, какъ и укрѣпленія въ Полоцкѣ.

Послѣ этого онъ возвратился назадъ въ Суражъ. Вслѣдъ затѣмъ Замойскій поѣхалъ въ московскій лагерь и объявилъ отъ имени короля, что тѣ изъ плѣнныхъ, которые желаютъ возвратиться къ своему государю, свободны, а тѣ, которые останутся служить королю, будутъ пожалованы имѣніями. Большинство выразило желаніе возвратиться подъ власть своего государя. Замойскій приказалъ сопровождать ихъ отряду казаковъ (въ 150

---

[1]) На эту причину указываетъ Гейденштейнъ (119—120), преувеличивая нѣсколько ея дѣйствіе на настроеніе гарнизона.

человѣкъ) на протяженіи шести миль для охраны отъ солдатъ-побѣдителей. Такъ какъ Москвитяне должны были идти пѣшкомъ, а путь предстоялъ имъ далекій, то они отдавали своихъ дѣтей, которыя не въ состояніи были совершить столь дальняго путешествія, Полякамъ. Оставшіеся на мѣстѣ были отведены въ замокъ. Въ этотъ день побѣдители дѣлили между собою добычу, которая была значительна. «Провіанту, фуража, пороху и военныхъ снарядовъ,—говоритъ историкъ,—было найдено въ этомъ городѣ такъ много, что, не смотря на то, что отсюда было надѣлено все наше войско, еще осталось всего столько, сколько нужно было для гарнизона» [1]).

Между тѣмъ Баторій дѣятельно готовился къ дальнѣйшему походу. Мосты черезъ рѣку Двину возлѣ Суража были уже готовы къ 10-му августа и въ этотъ день началась переправа войскъ, которыми командовалъ лично самъ король, а 11-го августа двинулся въ походъ изъ Велижа и Замойскій.

Іоаннъ же слалъ новую грамоту къ Баторію. Царь уже не требовалъ, чтобы король возвратился назадъ для пріема его пословъ, но только пріостановилъ свое наступательное движеніе. «А самъ не похочешь воротити»,—говорилось въ грамотѣ,—«и ты бъ тутъ дожидался на Украинѣ, и мы тебѣ о томъ вѣдомо учинимъ, какъ намъ съ тобою въ миру быти» [2]).

На это Баторій отвѣтилъ требованіемъ, чтобы Іоаннъ вывелъ свои войска изъ Ливоніи и уступилъ ее ему, Баторію, какъ его законную собственность; тогда можно будетъ начинать переговоры о мирѣ, а о какихъ условіяхъ можетъ идти рѣчь во время этихъ переговоровъ, король намекалъ предъявленіемъ притязаній на Великій Новгородъ и Псковъ, землю смоленскую и сѣверскую,

---

[1]) Гейденштейнъ, 120. Реннеръ говоритъ: up dem huse is in vorrath gefunden 27 tonnen pulver, ider tunne so groth alse eine solttunne, 13 stucke geschutte nicht aver groth, rogge und haver eni temlich antall (384).

Описаніе экспедиціи Замойскаго подъ Велижъ составлено преимущественно на основаніи дневника Дзялыньскаго, см. Acta Stephani regis, 203, № CXXIX.

[2]) Книга Посольская Метр. Лит., II, № 46. То же письмо въ польскомъ переводѣ въ Acta Stephani regis, стр. 216. Гейденштейнъ передаетъ содержаніе грамоты неточно. Особенно просилъ московскій царь, по словамъ Гейденштейна, о томъ, чтобы прежде чѣмъ выслушать пословъ, король отвелъ свое войско внутрь границъ, очевидно польскихъ, прибавимъ отъ себя, но изъ подлинной грамоты явствуетъ, что царь на этомъ требованіи сильно не настаивалъ.

Великія Луки и иные пригороды, построенные въ волостяхъ полоцкихъ и витебскихъ [1]).

Узнавъ о движеніи Баторія къ Великимъ Лукамъ, Іоаннъ поспѣшилъ выслать, спустя три дня послѣ вышеотмѣченной грамоты, новую, въ которой просилъ короля подождать пословъ въ теченіе трехъ, четырехъ дней, такъ какъ послы находятся уже близко къ мѣстопребыванію короля [2]). Но и эта грамота успѣха не имѣла: Баторій продолжалъ сомнѣваться въ искренности заявленій Іоанна [3]) и похода своего не пріостановилъ.

Армія Баторія двигалась двумя отдѣльными отрядами: однимъ командовалъ самъ король, другимъ—Замойскій. Между этими частями не было совершенно сообщеній, да они не были и возможны, такъ какъ войска были отдѣлены другъ отъ друга непроходимыми лѣсами и болотами. Это раздѣленіе силъ врага являлось обстоятельствомъ весьма благопріятнымъ для Іоанна, но онъ не умѣлъ имъ воспользоваться: царь держалъ свои военныя силы далеко отъ мѣста борьбы [4]). Вмѣсто рѣшительныхъ дѣйствій онъ продолжалъ дипломатическую переписку, безполезности которой, въ виду заявленій и образа дѣйствія Баторія, онъ не могъ не замѣчать. Въ новой грамотѣ къ королю онъ такъ оправдывалъ медленность въ движеніи своихъ пословъ: ѣхать имъ спѣшно невозможно, такъ какъ королевскіе люди ограбили посланца, который пріѣхалъ въ Оршу извѣстить, что послы скоро прибудутъ [5]). На это обвиненіе въ грабежѣ Баторій отвѣтилъ тоже обвиненіемъ, но уже обвиненіемъ самого Іоанна въ насиліи, произведенномъ надъ провожатымъ, который сопровождалъ московскаго

---

[1]) Этотъ королевскій отвѣтъ изъ Суража передъ самымъ выступленіемъ въ походъ (Кн. Пос. Метр. Лит., II, № 47, и Acta Steph. regis, стр. 217—219) не отмѣченъ у Гейденштейна.

[2]) Кн. Пос. Метр. Лит., II, № 48. Содержаніе этого письма и день его полученія Баторіемъ отмѣчены у Гейденштейна (121) вѣрно. По дневнику Зборовскаго (Acta Stephani regis, стр. 190) войско Баторія переправилось 11-го августа, такъ что выраженіе Гейденштейна „на слѣдующій день“ (стр. 121) надо понимать, какъ 12-го августа, и Баторій пишетъ, что письмо было прислано въ этотъ день (Кн. Пос. Метр. Лит., II, № 49), а поэтому сообщеніе Зборовскаго (стр. 191), что письмо отъ царя получено было 14-го, надо признать неточнымъ.

[3]) См. отвѣтъ короля отъ 12-го августа въ Кн. Пос. Метр. Лит., II, № 49. Гейденштейнъ этого отвѣта не отмѣчаетъ.

[4]) *K. Górski,* op. cit., Bibl. Warsz., 1892, IV, 9.

[5]) См. грамоту Іоанна отъ 12-го августа въ Кн. Пос. Метр. Лит., II, № 50.

гонца Григорія Нащокина: на границѣ московскіе люди схватили королевскаго провожатаго, отвели его въ Москву и представили царю, который приказалъ плѣнника подвергнуть пыткамъ, желая выѣдать отъ него какія-то извѣстія [1]).

Эта безцѣльная дипломатическая переписка свидѣтельствуетъ, что Іоаннъ совершенно растерялся: на него напалъ страхъ, которому онъ, какъ человѣкъ психически больной, часто подвергался. У насъ есть извѣстіе, что онъ въ это время потерялъ довѣріе къ своимъ подданнымъ. Очевидно, его разстроенное воображеніе охватили тогда, какъ это часто съ нимъ случалось, навязчивыя представленія и томъ, что онъ окруженъ со всѣхъ сторонъ измѣною. Чтобъ разсѣять мучительный страхъ и увѣриться въ преданности своихъ подданныхъ, онъ прибѣгнулъ къ обычному для него средству. Призвавъ къ себѣ митрополита и иное духовенство, онъ публично сталъ каяться въ грѣхахъ, просилъ прощенія и обѣщалъ быть впредь милостивымъ. Всѣ, конечно, заявили, что прощаютъ своему царю и присягаютъ ему оставаться всегда вѣрными [2]).

Но и послѣ этого Іоаннъ не обнаружилъ бо́льшей рѣшительности въ своихъ отношеніяхъ къ Баторію. Царь не переставалъ разсчитывать на успѣхъ своей дипломатіи, причемъ онъ проявилъ, надо сказать, большое искусство. Іоанну были небезызвѣстны проекты союзовъ, составлявшіеся императорами и папами противъ Турокъ. Поэтому онъ рѣшилъ вопреки своей обычной политикѣ примкнуть къ такому союзу, лишь бы только заручиться поддержкою имперіи въ борьбѣ его съ побѣдоноснымъ польскимъ королемъ. Въ Римъ Іоаннъ задумалъ обратиться потому, что папа, какъ царю было извѣстно, являлся главнымъ дѣятелемъ по составленію проектовъ новаго крестоваго похода на мусульманъ.

Еще въ мартѣ 1580 года былъ посланъ въ Вѣну предложить союзъ противъ Турокъ гонецъ Аѳанасій Резановъ [3]), а въ концѣ

---

[1]) См. Баторіево письмо отъ 21-го августа, ib., № 51. Ни этого письма, ни предшествовавшей ему грамоты Іоанна нѣтъ у Гейденштейна.

[2]) Это извѣстіе сообщаетъ Зборовскій въ своемъ дневникѣ со словъ черкасскаго старосты князя Вишневецкаго, предпринимавшаго походъ вглубь московскихъ земель, см. Acta Stephani regis, стр. 194

[3]) Резановъ уѣхалъ изъ Москвы 12-го марта въ Перновъ, а оттуда на кораблѣ въ Данію и черезъ нее отправился въ Вѣну. см. Памятники дипломатическихъ сношеній древней Россіи съ державами иностранными. Спб., 1851, т. I, стр. 765 и слѣд.

августа Истома Шевригинъ. Царь объяснялъ причины войны съ Баторіемъ такимъ образомъ. Въ соглашеніи съ Рудольфовымъ отцомъ Максиміліаномъ онъ старался возвести на польскій престолъ Рудольфова брата Эрнеста. Въ отомщеніе за это Баторій, ставленникъ турецкаго султана, и началъ съ нимъ, Іоанномъ, войну въ союзѣ со своимъ сюзереномъ, турецкимъ султаномъ. Идетъ борьба христіанства съ мусульманствомъ, разливается кровь христіанская и высится мусульманская рука. Въ виду этого Іоаннъ предлагалъ императору утвердить съ нимъ докончаніе и братскую любовь и дѣйствовать вмѣстѣ противъ общихъ враговъ, чтобъ «Стефанъ король такихъ дѣлъ впредь не дѣлалъ и на хрестьянское кроворазлитіе не стоялъ и съ бесерменскими государи не складывался на хрестьянство». Царь надѣялся привлечь къ этому союзу всѣхъ князей Германской имперіи и папу. Поэтому Истома Шевригинъ изъ Вѣны долженъ былъ ѣхать въ Римъ къ папѣ [1]).

А Баторій дѣйствовалъ въ это время оружіемъ. Изъ Суража онъ отправился по теченію рѣки Усвячи къ замку Усвяту. Во время похода соблюдался, по обыкновенію, строгій порядокъ въ расположеніи войскъ. Авангардомъ начальствовалъ полоцкій каштелянъ Волминскій, на котораго была возложена обязанность производитъ рекогносцировку мѣстности. Она повсюду оказывалась пустою, такъ какъ жители, по приказанію Іоанна, были взяты въ ряды войска или отправлены защищать крѣпости. За Волминскимъ слѣдовалъ польный гетманъ литовскій Христофоръ Радзивиллъ съ литовскими наемными отрядами, а за нимъ его отецъ великій гетманъ литовскій Николай Радзивиллъ съ литовскими добровольцами. Литовскія войска шли впереди на разстояніи нѣсколькихъ миль отъ главнаго корпуса, въ которомъ находился самъ король. Авангардъ этого корпуса составлялъ отрядъ, которымъ командовалъ надворный гетманъ Янъ Зборовскій; за нимъ шелъ съ венгерскою конницею Габори Бекешъ. Въ тылу у нихъ на разстояніи нѣсколькихъ верстъ слѣдовала венгерская пѣхота подъ командою Карла Иствана, а за нею уже самъ король со свитою изъ 300 красиво одѣтыхъ и вооруженныхъ стрѣлковъ. Въ аріергардѣ шелъ съ польскою конницею и пѣхотою брацлавскій

---

[1]) См. Памятники дипломатическихъ сношеній, т. I, стр. 785 и слѣд. *Pierling*, Papes et Tsars, Paris, 1890, p. 144—149.

воевода князь Янушъ Збаражскій [1]). Орудія и иныя тяжести тащили вверхъ по теченію рѣки Усвячи, что представляло немалыя трудности, но вмѣстѣ съ тѣмъ являлось единственнымъ способомъ перевозки подобныхъ грузовъ въ мѣстности, покрытой трудно проходимыми лѣсами и болотами. Литовскія войска, шедшія впереди, съ трудомъ прокладывали себѣ среди нихъ дорогу. Въ виду этого король отправилъ отрядъ отборнѣйшей венгерской пѣхоты въ 300 человѣкъ на помощь Литовцамъ и дорога была скоро расчищена [2]). Литовцы, именно полоцкій каштелянъ Волминскій, первые подступили къ замку Усвяту (15-го августа) [3]). Замокъ находился на холмѣ между озерами Узмень и Усвятъ, на берегу рѣки Усвячи, соединявшей озера. Когда гарнизонъ крѣпости узналъ о скоромъ приближеніи врага, тогда жители посада зажгли свои дома и ушли въ крѣпость, подъ защиту ея стѣнъ [4]). Приблизившись къ ней, великій гетманъ литовскій послалъ гарнизону письмо съ Москвитяниномъ, котораго захватили въ плѣнъ казаки, требуя отъ гарнизона добровольной сдачи, потому что крѣпость не будетъ въ состояніи сопротивляться могущественному королевскому войску. Если жители Усвята добровольно сдадутся, будутъ помилованы; если нѣтъ, пощады не будетъ. Москвитяне отвѣтили, что они не могутъ прочесть литовскаго письма, такъ какъ у нихъ нѣтъ никого, кто бы обученъ былъ грамотѣ не только литовской, но и московской. Давъ такой уклончивый отвѣтъ, они открыли пальбу по непріятелю, переправлявшемуся въ это время черезъ рѣку Усвячу. Въ виду этого пришлось начать осаду, которую и повелъ Христоферъ Радзивиллъ (15-го августа). Гарнизонъ продолжалъ отстрѣливаться. Тогда Христоферъ Радзивиллъ послалъ въ крѣпость казацкаго старшину съ увѣщаніемъ

---

[1]) Acta Stephani regis стр. 190. Расположеніе войскъ, хотя и не столь подробно, отмѣчено и у Гейденштейна (122), съ тѣмъ отличіемъ отъ дневника Зборовскаго, что въ Гейденштейново описаніе включенъ и каменецкій каштелянъ Николай Сенявскій, хотя онъ прибылъ къ арміи позже; тогда его отрядъ составилъ аріергардъ войска.

[2]) *Гейденштейнъ*, 122, и *Гіуланъ* (Relacje nuncjuszow apostolskich, I, 333).

[3]) Дневникъ Зборовскаго (l. c., стр. 191), *Гейденштейнъ*, (122); Гіуланъ и Brevis Narratio говорятъ, что Lithuani 18 Calend. Septembri tandem ad arcem Usviatam pervenerunt (l. c., I, 333); Стрыйковскій (II, 432) утверждаетъ, что Усвятъ былъ взятъ 6-го августа.

[4]) *Гіуланъ* (l. c., I, 333).

прекратить стрѣльбу, ибо въ противномъ случаѣ гарнизонъ будетъ безъ пощады истребленъ. Москвитяне отвѣтили, что они не могутъ сдавать замокъ, не испробовавъ своихъ силъ въ борьбѣ, и стрѣльбу продолжали, но причинили осаждающимъ незначительный вредъ: убили одного шляхтича и двухъ лошадей.

Вечеромъ того же дня король прислалъ на помощь Литовцамъ нѣсколько сотенъ Поляковъ и Венгровъ. Они устроили ночью шанцы такъ близко къ крѣпости, что осажденные, открывъ утромъ на слѣдующій день пальбу по этимъ шанцамъ, почти совсѣмъ не могли въ нихъ попадать: они ранили только двухъ Венгровъ. Видя, что усилія ихъ отразить врага безуспѣшны, осажденные сдались въ полдень, выговоривъ себѣ право свободнаго выхода изъ крѣпости съ имуществомъ, которое каждый будетъ въ состоянія на себѣ вынести. Замокъ былъ отданъ врагу въ цѣлости съ 8 орудіями, 50 гаковницами, 143 рушницами и значительнымъ количествомъ ядеръ, пуль и пороху. Послѣ сдачи оказалось, что гарнизонъ крѣпости состоялъ изъ 53 дѣтей боярскихъ (съ 50 слугами), 345 стрѣльцовъ и 624 человѣкъ простого народа. Изъ гарнизона только 66 человѣкъ присягнуло Баторію и отправилось въ Литву, остальные же возвратились на родину, за исключеніемъ, впрочемъ, крестьянъ, которые остались на мѣстѣ; они принесли присягу на подданство королю.

Воеводы Михаилъ Вельяминовъ, Иванъ Кошкаревъ и стрѣлецій голова Иванъ не хотѣли добровольно выходить изъ крѣпости; тогда ихъ вывели силою и, по приказанію Баторія, отправили въ Витебскъ [1]). На слѣдующій день, 17-го августа, король прибылъ въ Усвятъ и принялъ замокъ отъ великаго гетмана литовскаго, который по этому случаю произнесъ длинную рѣчь; Баторій отвѣтилъ на нее коротко, выразивъ благодарность побѣдителямъ. Успѣхъ Литовцевъ вызвалъ нѣкоторое чувство досады и зависти въ Полякахъ [2]).

Осмотрѣвъ замокъ, Баторій рѣшилъ продолжать путь на слѣдующій день. Дальнѣйшій походъ совершался въ такомъ же

---

[1]) См. дневникъ Зборовскаго l. c., 191—193, Осада и взятіе Усвята описаны Гейденштейномъ (123), въ общихъ чертахъ, точно. Имя втораго воеводы въ Acta Stephani regis (193) напечатано невѣрно; мы исправили его по сочиненію Щербатова, V, часть 3-я, стр. 61. Стрѣлецкій голова называется по фамиліи въ дневникѣ „Puczaczny“. Гурскій (op. cit. Bibl. Warsz., 1892, IV, II) передѣлалъ эту фамилію въ „Безчастный“ (?).

[2]) См. замѣчаніе Зборовскаго по поводу рѣчи Радзивилла (l. c., 193).

порядкѣ, какъ и прежде [1]). Пришлось только вытащить изъ рѣки орудія и везти ихъ на колесахъ. Переходъ былъ весьма труденъ: къ прежнимъ затрудненіямъ присоединился еще недостатокъ корма для лошадей, ибо въ лѣсу было мало не только травы, но и вереска [2]). Существовала еще другая дорога, по болѣе плодородной мѣстности, но болѣе длинная, притомъ перерѣзанная рѣками, такъ что пришлось бы, идя по ней, строить много мостовъ. Дорожа временемъ, Баторій предпочелъ ей болѣе короткій путь. Съ особеннымъ трудомъ передвигалась артиллерія, сопровождать которую король приказалъ Николаю Сенявскому [3]).

22-го августа король останавливался на ночлегъ на рѣкѣ Комлѣ, впадающей въ Ловать, 23-го—у озера Долгое, на разстояніи 4 миль отъ прежней остановки. Тутъ къ королю привели отъ Николая Радзивилла четырехъ плѣнныхъ касимовскихъ Татаръ, поїманныхъ казаками князя Острожскаго. Плѣнные принадлежали къ легкому кавалерійскому отряду въ 150 человѣкъ, высланному для развѣдокъ о силахъ врага. Ихъ подвергли допросу, каждаго въ отдѣльности, и они всѣ дали согласныя показанія. Они заявили, что московскій государь запретилъ своимъ воеводамъ вступать въ сраженіе съ королевскими войсками въ открытомъ полѣ, такъ какъ онъ сильно напуганъ извѣстіями о многочисленности Баторіевой арміи: лазутчики донесли ему, что у Баторія 106.000 хорошо вооруженныхъ людей. Царь разрѣшилъ своимъ воинамъ производить только нападенія при удобномъ случаѣ на непріятельскія войска ради захвата въ плѣнъ отдѣльныхъ лицъ, чтобъ получить отъ нихъ свѣдѣнія о состояніи силъ врага. Тогда же прислалъ королю Замойскій начальника вышеупомянутаго татарскаго отряда. Плѣннаго звали Уланъ Износковъ; онъ подтвердилъ показанія своихъ Татаръ.

---

[1]) Стрыйковскій, (II, 433) приводитъ численный составъ отдѣльныхъ отрядовъ.

[2]) Дневникъ Зборовскаго l. c., 193. Гейденштейнъ, (123) говоритъ вообще о недостаткѣ съѣстныхъ припасовъ вслѣдствіе того, что мѣстность была безлюдна; Гіуланъ (l. c., I, 334) замѣчаетъ, что удручалъ тогда солдатъ въ теченіе 4 дней особенно недостатокъ корма для лошадей (nulla res aeque militem atque inopia pabuli per quatriduum afflixit). Приходилось кормить ихъ корою деревьевъ и молодыми вѣтвями. Если попадалось болото, солдаты входили по поясъ (pube tenus) въ воду и рвали тростникъ (juncum et scirpum).

[3]) *Гейденштейнъ*, 124.

24-го августа король оставался на томъ же мѣстѣ цѣлый день, а 25-го, пройдя три мили, прибылъ въ монастырь «Коптя» [1]), находившійся въ двухъ миляхъ отъ Великихъ Лукъ. Здѣсь долженъ былъ соединиться съ главнымъ корпусомъ арміи Замойскій. Въ тотъ же день Баторій, въ сопровожденіи обоихъ литовскихъ гетмановъ, каштеляна Зборовскаго, Габорія Бекеша и Барбелія [2]), ѣздилъ осматривать Великія Луки [3]), причемъ подъѣзжалъ такъ близко къ крѣпости, что можно было легко попасть въ него пулею даже изъ хорошей рушницы. Гетманы останавливали короля, прося его щадить свою дорогую жизнинь, но напрасно; онъ отвѣчалъ только: пустяки, ничто мнѣ не повредитъ. Въ короля и его свиту стрѣляли изъ крѣпости, но убили только лошадь подъ слугою Христофора Радзивилла. 26-го августа Баторій ѣздилъ вторично осматривать Великія Луки, но уже съ другой стороны; онъ переправлялся въ бродъ черезъ рѣку Ловать. При этомъ осмотрѣ король указывалъ мѣста, гдѣ слѣдовало расположиться обозамъ, чтобы начать осаду крѣпости.

Въ тотъ же день прибылъ въ лагерь къ королю и Замойскій со своимъ отрядомъ. Прослѣдимъ, какъ онъ двигался изъ Велижа. Оставивъ въ этой крѣпости двѣ роты пѣхотинцевъ, подъ командою ротмистровъ Свирацкаго и Гойскаго, онъ выступилъ отсюда 11-го августа. Впередъ былъ высланъ Дзялыньскій со своимъ полкомъ для постройки моста черезъ Двину, а остальное войско шло по лѣвому берегу рѣки. Когда мостъ былъ готовъ, войско

---

[1]) Такъ монастырь названъ въ дневникѣ Зборовскаго (l. c., 196). Гіуланъ говоритъ о деревнѣ Капуя (sequenti die qui fuit 8 Calend. Septembris confectis triginta millibus passuum ad pagum *Капуа* perventum est, l. c., I, 334).

[2]) Такъ называетъ его Гурскій, l. c. 11; дневникъ Зборовскаго отмѣчаетъ jakiegoś Barbi Driurdzieya, (l. c., 197).

[3]) Гейденштейнъ, (126—127) говоритъ только объ осмотрѣ, произведенномъ Замойскимъ; Реннеръ (387) замѣчаетъ неточно, что былъ высланъ впередъ съ этою цѣлью Фаренсбахъ. Извѣстіе о томъ, что король первый осмотрѣлъ крѣпость, подтверждается показаніями Дзялыньскаго (l. c., 225) и Гіулана, который отмѣчаетъ только иное разстояніе отъ Великихъ Лукъ (одна миля, а не двѣ): Ubi (въ *Капуа*) rex cibo raptim sumpto, ad contemplandum Velikiluci situm, quod decem millia passuum aberat, equitibus assumptis, quos praesidii causa habere secum circum se consueverat, profectus est. Quo satis perfecto, cum intra globi jactum arcem accessisset, sub occasum solis in castra revertitur (l. c., I, 334). Дзялыньскій, сообщая численность королевской свиты въ 20 человѣкъ, дѣлаетъ невѣрное замѣчаніе, что въ свиту изъ крѣпости не стрѣляли.

переправилось черезъ Двину и пошло дорогою на урочища Черная ость, Наранскій городъ и Боброѣдовъ [1]). Многіе солдаты, недавно поступившіе въ войско, такъ испугались трудностей пути, что совершенно упали духомъ и стали разбѣгаться въ разныя стороны. Строгія наказанія, которымъ Замойскій подвергнулъ двухъ-трехъ дезертировъ, возстановило дисциплину въ войскѣ [2]). По дорогѣ было много мостовъ изъ длинныхъ и очень толстыхъ бревенъ, отъ ветхости пришедшихъ въ такое состояніе, что солдатамъ пришлось не мало потрудиться надъ ихъ починкою [3]). Эта починка задержала движеніе войска на цѣлыя сутки въ Боброѣдовѣ. Воспользовавшись этой остановкой, Дзялыньскій выслалъ въ окрестную мѣстность фуражировъ подъ прикрытіемъ отряда въ 100 человѣкъ конницы. Но Замойскій, по своемъ прибытіи въ Боброѣдовъ, строго-на-строго приказалъ соблюдать установленный порядокъ слѣдованія въ пути: никто безъ разрѣшенія гетмана не долженъ былъ отправляться на фуражировку, никто не долженъ отдѣляться отъ войска; ротмистры обязаны высылать впередъ три воза съ съѣстными припасами на 100 человѣкъ, для приготовленія солдатамъ пищи.

Изъ Боброѣдова отрядъ прибылъ къ рѣчкѣ Полонѣ, гдѣ произошла небольшая стычка съ московскими Татарами. Выбрановскій, командовавшій въ этотъ день (16-го августа) передовымъ сторожевымъ отрядомъ, былъ отправленъ съ 200 гайдуковъ впередъ строить мостъ на Полонѣ. Оставивъ своихъ людей рубить деревья, онъ самъ съ однимъ поручикомъ поѣхалъ дальше осматривать дорогу и удалился отъ своего отряда версты на двѣ. Тогда бросились на нихъ три Татарина, громкимъ крикомъ созывая остальныхъ своихъ товарищей. Опасаясь попасть въ засаду, Выбрановскій поскакалъ назадъ, пустивъ впередъ поручика, который, видя, что у него плохой конь, соскочилъ съ него и бросился бѣжать пѣшкомъ, укрываясь отъ враговъ за деревьями.

---

[1]) Эти пункты указываетъ въ своемъ дневникѣ Дзялыньскій (l. c., 215 и 220), не называя дороги, по которой двигалось войско. Гейденштейнъ (124) говоритъ, что это была военная дорога, ведшая отъ Смоленска къ Великимъ Лукамъ. Что касается урочищъ, отмѣченныхъ Дзялыньскимъ, то Боброѣдово, можетъ быть, современная деревня Добровѣдово, какъ догадывается Гурскій (l. c., 12).

[2]) *Гейденштейнъ*, 124.

[3]) *Гейденштейнъ*, 124. О постройкѣ мостовъ говоритъ и Дзялыньскій (l. c., 220).

Число Татаръ увеличилось и они гнались то за однимъ, то за другимъ до того мѣста, гдѣ находился отрядъ Выбрановскаго. Солдаты начали метать въ Татаръ топорики и копья и одного Татарина убили. Тогда преслѣдовавшіе, захвативъ убитаго, убѣжали быстро назадъ [1]).

Получивъ извѣстіе объ этой схваткѣ, Замойскій прискакалъ тотчасъ же на то мѣсто, гдѣ она происходила и, узнавъ подробности дѣла, распорядился, выслушавъ мнѣнія офицеровъ, чтобы впередъ, на разстояніе 2, 3 верстъ, высылались небольшіе сторожевые отряды и устраивались засады. Съ этого дня Дзялыньскій, командовавшій авангардомъ, опредѣлилъ посылать на развѣдки 30 казаковъ, 100 гусаръ и 100 пѣхотинцевъ.

21-го августа отрядъ Замойскаго, находясь въ деревнѣ, которая носила названіе Сѣверской, повернулъ съ главной дороги влѣво, чтобъ соединиться съ главною арміей еще до прихода послѣдней въ Великія Луки, какъ того желалъ король, приславшій Замойскому письмо [2]). При урочищѣ Лубаи (22-го августа) произошла опять небольшая схватка съ Татарами, при чемъ казакъ Викентій взялъ въ плѣнъ ихъ начальника [3]). Плѣннаго подвергли пыткѣ и онъ сказалъ, что московскій государь запретилъ своимъ войскамъ вступать въ сраженіе съ врагомъ, однако отъ рѣшительнаго боя не отказывается, ждетъ только момента, когда непріятельское войско поубавится.

Въ Лубаяхъ Замойскій узналъ, что литовское войско первое придетъ къ Великимъ Лукамъ. Это извѣстіе причинило ему великую досаду; онъ послалъ къ королю письмо, въ которомъ жаловался на свое несчастье и просилъ, чтобы король разрѣшилъ ему первымъ явиться у крѣпости.

Вмѣстѣ съ тѣмъ канцлеръ сталъ просить Дзялыньскаго идти

---

[1]) Эта схватка описана подробно Дзялыньскимъ (l. c., 221), объ ней упоминаетъ и Гейденштейнъ (125).

[2]) Объ этомъ поворотѣ влѣво со смоленской дороги упоминаетъ и Гейденштейнъ (125).

[3]) У Гейденштейна (125) этотъ начальникъ татарскаго отряда называется Уланецкій; беретъ его въ плѣнъ, по словамъ историка, тоже казакъ Викентій (Винцентій въ переводѣ). Очевидно, это тотъ знатный Татаринъ, котораго Замойскій послалъ королю и котораго Зборовскій (l. c., 196) называетъ Уланомъ Износковымъ, замѣчая, что онъ хорошо защищался, а потому и сильно былъ избитъ; но эти побои, какъ явствуетъ изъ дневника Дзялыньскаго, были слѣдствіемъ пытки, которой его подвергали въ отрядѣ Замойскаго.

со своимъ полкомъ скорымъ маршемъ днемъ и ночью безъ роздыху, чтобы только какъ-нибудь опередить Литовцевъ. Но въ это время пришло отъ короля письмо, успокаивавшее опасенія канцлера и совѣтовавшее ему не спѣшить, такъ какъ у него достаточно еще времени. Вслѣдствіе этого Замойскій отдалъ своему войску приказаніе двигаться обыкновеннымъ шагомъ. Пройдя урочище Рахново и переправившись черезъ рѣчку Санчиту, отрядъ остановился въ полѣ, недалеко отъ лагеря главной арміи [1]), вправо отъ литовскаго войска. Между Литовцами и Поляками началось соревнованіе. Великій гетманъ литовскій выслалъ къ Великимъ Лукамъ лазутчиковъ, но они не дошли до крѣпости, такъ какъ не могли найти броду на рѣкѣ Ловати [2]). Баторій разрѣшилъ споръ между Литовцами и Поляками, согласно своему прежнему обѣщанію, въ пользу послѣднихъ. При этомъ онъ приказалъ Замойскому осмотрѣть крѣпость и ея окрестности [3]).

Развѣдочный отрядъ, взятый съ собою канцлеромъ, двинулся къ Великимъ Лукамъ на разсвѣтѣ 26-го августа въ такомъ порядкѣ: впереди Сверчевскій съ 20 казаками, за нимъ Дымко съ 50 казаками, далѣе Фаренсбахъ съ 30 рейтарами, Розражевскій тоже съ 30 рейтарами, Вейеръ и Костка съ нѣсколькими слугами, Уровецкій съ 40 всадниками, за ними стрѣлки, наконецъ Замойскій и Дзялыньскій. Прикрывали этотъ отрядъ сзади Зебржидовскій съ сотнею всадниковъ; справа шли гайдуки, а слѣва пѣшіе казаки (по 30 человѣкъ). Когда крѣпость показалась уже издали, Замойскій послалъ Уровецкаго, Розражевскаго и Вейера поискать броду на рѣкѣ Ловати. Тѣ не могли его долго найти, вслѣдствіе чего Замойскій, соскучившись въ ожиданіи, отправился за ними по торопецкой дорогѣ [4]), до такой степени топкой, что онъ принужденъ былъ возратиться назадъ; тѣмъ не менѣе ему удалось подъѣхать близко къ крѣпости, которую онъ и осмотрѣлъ съ этой стороны, скрывшись за однимъ холмомъ. Между тѣмъ найденъ

---

[1]) Очевидно, это тотъ пунктъ, который Гейденштейнъ (125) называетъ Ораненскими лугами, опредѣляя разстояніе отъ главной арміи въ полмили (5.000 шаговъ).

[2]) *Гейденштейнъ*, 125.

[3]) Сообщеніе Гейденштейна (126—127) подтверждается Дзялыньскимъ, (l. c., 225).

[4]) У Дзялыньскаго (l. c., 226) Turopskim gościńcem, у Гейденштейна (127) Замойскій доходитъ до дороги, ведущей къ Торопцу и затѣмъ поворачиваетъ по направленію къ крѣпости.

*

былъ бродъ и лица, посланныя искать его, переправились черезъ рѣку Ловать, но тотчасъ же возвратились назадъ, когда увидѣли, что противъ нихъ направляется отрядъ Москвитянъ, высланный изъ крѣпости. Когда Замойскому донесли, что бродъ отысканъ, онъ отправился на другой берегъ рѣки и осмотрѣлъ замокъ и съ этой стороны. Замѣтивъ опять непріятеля, Москвитяне начали потихоньку приближаться къ нему съ намѣреніемъ напасть на него внезапно. Но тутъ бросился на нихъ съ своими рейтарами Фаренсбахъ и сталъ въ нихъ стрѣлять, а Москвитяне пустились бѣжать назадъ въ крѣпость. Послѣ этого Замойскій подъѣзжалъ со своимъ отрядомъ къ самой крѣпости, чтобъ опредѣлить мѣсто, гдѣ слѣдуетъ устраивать шанцы. Изъ крѣпости производились выстрѣлы, но не причинили почти никакого вреда непріятелю: была убита одна лошадь и двое лицъ ранено. Въ тотъ же день подъѣзжалъ къ замку и венгерскій полководецъ Борнемисса со своими Венграми; отъѣхавъ слишкомъ далеко отъ своихъ, онъ наткнулся на отрядъ Русскихъ, которые чуть не захватили его въ плѣнъ: преслѣдуя его, они уже настигали его, хватали уже за плащъ, который и оборвали, но къ счастью для него, подоспѣли ему на помощь его товарищи [1]).

27-го августа вся армія Баторія двинулась къ Великимъ Лукамъ. Первымъ прибылъ утромъ въ этотъ день со своимъ полкомъ Дзялыньскій и расположился на холмѣ съ правой стороны Ловати вблизи крѣпости. Въ полдень пришло литовское войско, вечеромъ явился король и наконецъ со своимъ отрядомъ Замойскій [2]). Послѣ этого король произвелъ смотръ войскамъ и остался видомъ ихъ весьма доволенъ.

Численность Баторіевой арміи подъ Великими Луками опредѣляется такимъ образомъ: Венгровъ и Поляковъ было 17.455, Литовцевъ—12.700, нѣсколько тысячъ добровольцевъ [3]), такъ что вся армія едва ли превышала 35.000 человѣкъ [4]).

[1]) Осмотръ замка описанъ кратко и Гейденштейномъ (127), причемъ онъ сообщаетъ намъ и о нападеніи на Москвитянъ Фаренсбаха, и случай съ Борнемиссою. Зборовскій (l. c., 198) относитъ это послѣднее происшествіе къ 28-му августа.

[2]) Подробности расположенія войскъ въ дневникѣ Зборовскаго и Дзялыньскаго.

[3]) Мы не знаемъ въ точности, сколько ихъ было. Подробныя вычисленія у Гурскаго, (l. c., стр. 14—16).

[4]) Соловьевъ (II, стр. 275), приводитъ неточную цифру въ 50.000 человѣкъ.

Посмотримъ теперь, каковы были силы осажденныхъ. Крѣпость Великія Луки находилась на небольшомъ холмѣ и состояла изъ такихъ же деревянныхъ укрѣпленій, какъ и другія московскія крѣпости. Опытъ прошлаго года убѣдилъ Русскихъ, что противъ огня деревянныя укрѣпленія не мотутъ устоять. Чтобъ защитить ихъ отъ поджога, придумано было такое средство: стѣны были обложены сверху до низу слоемъ земли и дерна такой толщины, что на этомъ слоѣ могли быть поставлены весьма вмѣстительныя корзины съ землею. У крѣпости протекала рѣка Ловать съ юга и запада, дѣлая доступъ къ крѣпости съ этихъ сторонъ весьма затруднительнымъ; кромѣ того, крѣпость была окружена рвомъ, прудами и болотами [1]). Съ востока примыкалъ къ крѣпости многолюдный и богатый торговый городъ [2]), тоже обнесенный стѣною съ башнями, но 25-го августа Москвитяне, узнавъ о приближеніи непріятеля, сожгли его по своему обыкновенію и сами со своимъ имуществомъ ушли въ крѣпость.

Численность гарнизона въ крѣпости простиралась до шести, семи тысячъ человѣкъ [3]). Командовали имъ воеводы князья: Ѳедоръ Ивановичъ Лыковъ и Михайло Ѳедоровичъ Кашинъ,

---

[1]) Описаніе это составлено по Гіулану (l. c., I, 335) и по королевскому эдикту (Edictum de supplicationibus a Serenissimo Poloniae Rege Stephano Vuielicoluco ex Moschovia missum. Die 5 Mensis Septembris A, D. 1580, Ioan. Pistorii Polonicae Historiae Corpus, III, 126—128). У Гейденштейна (126) встрѣчаются неточности. Онъ говоритъ, что крѣпость стояла на небольшомъ холмѣ, окруженномъ со всѣхъ почти сторонъ озеромъ. Баторій отмѣчаетъ „lacuum complexus“, а Гіуланъ выражается такъ: praeter hunc fluvium fossa et stagnis universa arx cingitur. По словамъ Гурскаго (l. c., 17), въ настоящее время нѣтъ здѣсь даже и слѣдовъ озера, почему онъ предполагаетъ, что озеро, упоминаемое Гейденштейномъ, представляло собою простой прудъ, образовавшійся отъ дождевой воды. Какъ бы то ни было, Баторій и Гіуланъ свидѣтельствуютъ, что въ XVI в. вблизи Великъ Лукъ были скопленія воды въ видѣ озеръ.

[2]) Реннеръ (388) утверждаетъ что въ немъ было 40 церквей; Одерборнъ (l. c., II, 246) замѣчаетъ, что при пожарѣ города погибло 30 храмовъ. Зборовскій (l. c., 197) говоритъ, что городъ былъ въ два раза больше Вильны или даже еще больше. Дату 25-го августа приводятъ согласно Зборовскій (197) и Дзялыньскій (225) Гейденштейнъ (127) говоритъ неточно, что городъ былъ преданъ пламени за пять дней до прибытія Баторіевой арміи, потому что король подступилъ къ Великимъ Лукамъ 26-го августа. Неточно выражается и Гіуланъ (l. c., I, 335): quatriduo ante regis adventum.

[3]) *Карамзинъ*, IX (изд. 1852), стр. 312.

Юрій Ивановичъ Аксаковъ, Василій Ивановичъ Бобрищевъ-Пушкинъ, Василій Петровичъ Измайловъ и Иванъ Васильевичъ Отяевъ [1]). Главнымъ воеводою былъ Лыковъ. Не довѣряя ему, равно какъ и другимъ воеводамъ, Іоаннъ прислалъ въ крѣпость Василія Ивановича Воейкова наблюдать за ними [2]).

День 28-го августа прошелъ въ бездѣйствіи, такъ какъ въ лагерѣ Баторія ожидали прибытія московскихъ пословъ, которые дѣйствительно и явились.

Во главѣ посольства находились: князь Иванъ Ивановичъ Сицкій—Ярославскій, стольникъ и намѣстникъ нижегородскій, думный дворянинъ Романъ Михайловичъ Пивовъ, стольникъ элатьмовскій и дьякъ Ѳома Пантелеевичъ Дружина. Послы прибыли къ границѣ Речи Посполитой 14-го августа, на рѣчку Иватку [3]). Сюда на встрѣчу имъ пріѣхалъ посланный отъ оршанскаго старосты Филона Кмиты, котораго Баторій за военные подвиги, совершенные въ 1579 году, пожаловалъ титуломъ смоленскаго воеводы, давая обѣщаніе предоставить ему ту власть и почести, какими пользовались смоленскіе воеводы, съ того момента, какъ только Смоленскъ будетъ опять во владѣніи Речи Посполитой [4]). Въ виду этого понятно, почему лицо, посланное Кмитою, назвало его при встрѣчѣ съ московскими послами смоленскимъ воеводою. Но этотъ титулъ показался имъ оскорбительнымъ: «Филонъ затѣваетъ нелѣпость,—сказали они,—называя себя воеводою смоленскимъ; онъ еще не тотъ Филонъ, который былъ у Александра Македонскаго; Смоленскъ вотчина государя нашего; у государя нашего Филоновъ много по острожнымъ воротамъ» [5]).

Прибывъ въ Суражъ, они заявили, что не желаютъ ѣхать дальше и просили провожатыхъ, которые были присланы отъ имени Баторія встрѣчать ихъ, чтобы они тащили ихъ силою. На это заявленіе отвѣтили имъ смѣхомъ и замѣчаніемъ, что

---

[1]) *Щербатовъ*, V, часть 3-я, стр. 62. Гейденштейнъ (128) называетъ Лыкова Theodorus Obalenscius Licovus.

[2]) *Щербатовъ*, ib., стр. 69. Гейденштейнъ (128) называетъ его Johannes Voejcovus.

[3]) *Бантышъ-Каменскій*, op. cit., стр. 164.

[4]) Акты Зап. Россіи, III, № 115, королевская жалованная грамота отъ 18-го октября 1579 года.

[5]) *Соловьевъ*, op. cit., II, стр. 275.

надъ ними не будетъ совершено никакого насилія, если поѣдутъ дальше, а если хотятъ возвратиться, то никто ихъ не будетъ задерживать. Послы продолжали свое путешествіе, заявляя, что дѣлаютъ это, принуждаемые къ тому насиліемъ [1]). Обстоятельства были таковы, что честь и достоинство ихъ государя требовали, чтобъ они возвратились назадъ, но они этого не сдѣлали, а только постарались успокоить свою гордость формалистическимъ заявленіемъ, что они поступаютъ такъ вопреки своей волѣ, подъ давленіемъ принужденія [2]).

Посольство прибыло въ лагерь Баторія 28-го августа [3]). Король высылалъ ему на встрѣчу брестскаго старосту Мелецкаго, литовскаго стольника Зеновича, секретаря Агриппу и отрядъ войска въ тысячу слишкомъ человѣкъ; но изъ сенаторовъ никто не ѣздилъ [4]). На слѣдующій день [5]) утромъ происходилъ пріемъ посольства. Король посылалъ за нимъ брестскаго старосту съ отрядомъ въ 100 всадниковъ. Главные послы, одѣтые въ роскошныя, усѣянныя жемчугомъ и драгоцѣнными камнями одежды съ такими же дорогими шапками на головѣ, явились въ королевскій шатеръ въ сопровожденіи свиты, численностью въ 500 человѣкъ, Имъ пришлось ѣхать на коняхъ между рядами пѣхоты, которая вся вытянулась въ двѣ шеренги передъ королевскимъ шатромъ [6]). Ставъ передъ королемъ, послы сняли шапки и поклонились, касаясь рукою земли, а потомъ перекрестились. Тогда выступилъ троцкій каштелянъ Христофоръ Радзивиллъ и сказалъ, обращаясь къ королю, что послы желаютъ поцѣловать руку его королев

---

[1]) *Гейденштейнъ*, 129.

[2]) Такъ надо понимать сообщеніе Гейденштейна, выше нами приведенное. Очевидно, послы дѣлали это для виду, на показъ.

[3]) Іоаннъ жаловался Баторію на то, что королевскіе провожатые вели пословъ слишкомъ медленно, оправдывая такимъ образомъ ихъ позднее прибытіе въ королевскій лагерь. См. Метр. Лит., II, № 57.

[4]) Дневникъ Зборовскаго l. c., 198.

[5]) Пріемъ пословъ происходилъ не 31-го августа, какъ сообщаетъ Гейденштейнъ (129), а 29-го, какъ согласно показываютъ Зборовскій (198), Дзялыньскій (228), Реннеръ (388) и Книга Пос. Метр. Лит., II, № 53.

[6]) Королевскіе гайдуки, какъ жаловались потомъ послы, стрѣляли изъ ручницъ такъ, что пыжи падали на нихъ, пословъ. Теперь трудно рѣшить вопросъ, дѣлалось ли это умышленно или произошло случайно, но, можетъ быть, это и была одна изъ тѣхъ непріятностей, дерзостей которыми встрѣчали, по словамъ Соловьева (op. cit., II, столб. 275), пословъ въ предѣлахъ Речи Посполитой отъ самой границы.

скаго величества; это было разрѣшено сдѣлать только главнымъ посламъ, но свита ихъ не была допущена къ исполненію этой церемоніи.

Послѣ этого послы отдали свою вѣрительную грамоту, которую прочелъ литовскій подскарбій Война. Баторій противъ имени московскаго государя не всталъ, шапки не снялъ и о здоровьи государевомъ не спросилъ, какъ это было въ обыкновеніи [1]). Въ свою очередь и Іоаннъ продолжалъ оказывать Баторію свое прежнее къ нему пренебреженіе: онъ не называлъ его еще братомъ, какъ это было принято въ пересылкахъ между государями [2]). Когда отъ имени короля приказано было посламъ править посольство, они заявили, что ихъ государь приказалъ имъ сдѣлать это въ Вильнѣ, а потому пусть король возвратится туда и уведетъ свои войска изъ областей ихъ государя, тогда они и посольство будутъ править. Посламъ было разрѣшено сѣсть. Затѣмъ литовской подканцлеръ заявилъ отъ имени короля, что исполнить желаніеословъ невозможно; поэтому пусть они излагаютъ поскорѣе свое дѣло и не теряютъ понапрасну времени. Послы стояли на своемъ. Тогда король черезъ того же подканцлера сказалъ имъ, что ихъ государь въ послѣднемъ своемъ письмѣ соглашался, чтобы король принялъ егоословъ въ какомъ угодно мѣстѣ. Но послы твердили одно и то же, что посольство они будутъ править только въ Вильнѣ. Послѣ этого король приказалъ сказать имъ такъ: вы пріѣхали ни съ чѣмъ, а потому и уѣдете ни съ чѣмъ, а теперь отправляйтесь въ назначенные вамъ шатры. Пристава отвели ихъ туда, а король, посовѣтававшись съ сенаторами, приказалъ сказать посламъ, чтобъ они готовились на слѣдующій день въ обратный путь; онъ надѣялся подѣйствовать этою угрозою на нихъ, но ошибся въ своемъ разсчетѣ [3]). Послы не отступили отъ своихъ

---

[1]) *Бантышъ-Каменскій*, l. c., стр. 164 и *Соловьевъ*, op. cit., II, ст. 276.

[2]) Въ вѣрительной граматѣ этого титула нѣтъ, Метр. Лит., II, № 53.

[3]) Описаніе пріемаословъ составлено нами со словъ очевидцевъ Зборовскаго (198—199) и Дзялыньскаго (228—229). Гейденштейнъ (129) выражается объ этихъ событіяхъ слишкомъ кратко. Соловьевъ, op. cit., II, ст. 276, сообщаетъ о пріемѣ словъ слѣд. Паны говорили имъ: „ступайте на подворье!“ и виленскій воевода заявлялъ имъ вслѣдъ: „ступайте на подворье! Пришли съ бездѣльемъ, съ бездѣльемъ и пойдете!“ Подробный разсказъ Дзялыньскаго, присутствовавшаго при пріемѣ словъ, разсказъ, который мы старались точно передать, заставляетъ насъ усумниться въ подлинности этихъ выраженій. Прибавимъ къ этому еще одно замѣчаніе: въ лагерѣ не было посольскаго подворья и трудно предполо-

требованій и были задержаны умышленно королемъ до тѣхъ поръ, пока крѣпость не будетъ взята. Событія, очевидцами которыхъ они были, ничѣмъ ихъ не могли порадовать: они принуждены были слѣдить изо дня въ день за пораженіями своихъ соотечественниковъ. Такъ тотчасъ же по своемъ прибытіи къ Баторію они должны были выслушать подобнаго рода печальное извѣстіе. Отрядъ Литовцевъ въ 200 человѣкъ, отправившись на фуражировку, наткнулся на московскій отрядъ въ 2.000 человѣкъ, который остановился, было, отдыхать, такъ что воины и лошадей уже разсѣдлали. Увидя, что врагъ не приготовленъ къ бою, Литовцы ударили на него, обратили въ бѣгство и преслѣдовали на разстояніи цѣлой мили; многіе были убиты (говорили, 300 человѣкъ), нѣкоторые утонули въ рѣкѣ Ловати, а 10 человѣкъ попали въ плѣнъ. Изъ литовскаго отряда погибъ только одинъ и двадцать было ранено. Христофоръ Раздивилъ отдалъ этихъ плѣнныхъ королю еще до пріема пословъ [1]).

Въ тотъ же день Баторій приказалъ Замойскому расположиться на другомъ берегу Ловати, что было имъ и исполнено, но лагерь въ этотъ день, за недостаткомъ времени и въ виду трудности переправы черезъ рѣку, не былъ устроенъ и начали только копать шанцы: Поляки, подъ командою Уровецкаго съ южной стороны, а Венгры, съ Борнемиссою во главѣ—съ западной. Къ отряду Замойскаго присоединился, по приказанію короля, и Карлъ Истванъ, оставивъ при королевскихъ шатрахъ только 300 человѣкъ изъ венгерской пѣхоты [2]). Тогда же прибыла и артиллерія, состоявшая изъ 30 большихъ орудій, подъ прикрытіемъ 1.000 всадниковъ и 2.000 пѣхотинцевъ.

30-го августа Замойскій приказалъ своему отряду устроить

жить, чтобы паны метафорически называли такимъ образомъ приготовленные для пословъ шатры. Отсюда такое заключеніе: если вѣрить разсказу Дзялыньскаго, тогда вся сцена пріема пословъ не представится намъ такою оскорбительною для нихъ, какъ это изображено у Соловьева.

[1]) Гейденштейнъ (129—130) называетъ начальника литовскаго отряда Дробницкимъ и говоритъ, что Литовцы напали на московскій отрядъ во время сна Мы описали эту схватку со словъ Дзялыньскаго (l. c., 228), который сообщаетъ, что Москвитянъ было 2.000, между тѣмъ какъ Зборовскій (l. c., 198) говоритъ объ отрядѣ численностью въ 300 слишкомъ человѣкъ.

[2]) *Дзялыньскій* (l. c., 229) и *Зборовскій* (l. c., 199). То же самое приблизительно сообщаетъ и Гейденштейнъ (130), только Карлъ Истванъ названъ у него Стефаномъ Карломъ.

лагерь, окружить его, по польскому обычаю, телѣгами и окопать валомъ на разстояніи двухъ саженъ отъ телѣгъ. Ширина вала внизу была аршина 3, вверху 2, а глубина рва, проведеннаго снаружи, въ ростъ человѣка. Кромѣ того, солдаты занимались плетеніемъ шанцевыхъ корзинъ. Замѣтивъ, что при шанцахъ остался только небольшой отрядъ непріятелей, осажденные сдѣлали вылазку, напали на этотъ отрядъ и обратили его въ бѣгство, причемъ захватили знамя, взяли въ плѣнъ двухъ гайдуковъ и двухъ ранили. Замойскій, разгнѣванный на знаменоносца за потерю знамени, хотѣлъ его казнить, но благодаря просьбамъ другихъ, пощадилъ и посадилъ его только на цѣпь, а пѣхоту, сторожившую шанцы, устранилъ и поставилъ на ея мѣсто другой отрядъ [1]).

Работы по укрѣпленію лагеря продолжались и ночью. Замѣтивъ, что вблизи замка находится прудъ, въ которомъ вода задерживается гатью, Баторій приказалъ уничтожить послѣднюю, чтобы осушить прудъ и такимъ образомъ устранить преграду для штурма крѣпости [2]). Замойскій поручилъ наблюденіе за исполненіемъ этого дѣла завихостскому каштеляну Петру Клочевскому. Но лишь только онъ явился сюда, какъ былъ убитъ выстрѣломъ изъ крѣпости [3]).

Весь слѣдующій день происходили еще работы по укрѣпленію лагеря. Въ станъ Замойскаго было привезено 18 орудій, которыя и были поставлены на опредѣленныхъ позиціяхъ. На разсвѣтѣ 1-го сентября Поляки и Венгры начали обстрѣливать крѣпость. Замойскій приказалъ оповѣстить солдатамъ, что тому, кто зажжетъ укрѣпленія замка, будетъ дана награда: чужеземцу четыреста талеровъ, Поляку хорошее имѣніе, если онъ шляхтичъ и кромѣ того шляхетское достоинство, если онъ не шляхтичъ [4]).

---

[1]) *Дзялыньскій* (230) и *Зборовскій* (199). Объ этомъ разсказываетъ и Гейденштейнъ (131), выражаясь о побѣдѣ Русскихъ неопредѣленно и неточно: однихъ изъ нихъ убили, другихъ взяли въ плѣнъ.

[2]) Зборовскій (199) приписываетъ иниціативу въ этомъ дѣлѣ королю; Гейденштейнъ выражается неопредѣленно (131).

[3]) Гейденштейнъ разсказываетъ объ этомъ нѣсколько иначе. По его словамъ, Замойскій условился съ нѣкоторыми вельможами, чтобы, въ случаѣ отъѣзда его на другія работы, они поперемѣнно смотрѣли за окопами; жребій палъ тогда на Клочевскаго; онъ отправился къ шанцамъ и былъ убитъ.

[4]) Реннеръ (389) опредѣляетъ поземельное пожалованіе въ 5 гуфъ (5 hove landes).

Король, явившійся въ станъ Замойскаго посмотрѣть на осадныя работы, замѣтилъ, что раскаленныя ядра, бросаемыя съ цѣлью поджечь крѣпостныя стѣны, не могутъ проникнуть черезъ толстый и свѣжій дернъ, а потому посовѣтовалъ направлять выстѣлы на тѣ части укрѣпленій, которыя легче зажечь. Тогда Венгры начали стрѣлять въ бойницы и вскорѣ зажгли ихъ [1]); поощряемые королемъ, они бросились къ крѣпостному валу, чтобъ отдернуть отъ башенъ дернъ и такимъ образомъ открыть доступъ огню, а кромѣ того чтобъ подложить больше горючаго матеріала и усилить пожаръ. За Венграми послѣдовали Поляки. Но осажденные мужественно защищались: на нападающихъ посыпался градъ выстрѣловъ и камней, вслѣдствіе чего многіе (около 200 человѣкъ) были ранены и убиты, а остальные принуждены отступить [2]).

Пожаръ замка напугалъ московскихъ пословъ и они просмли у короля аудіенціи, которая и дана была имъ 2-го сентября. Послы произнесли поочередно весьма длинныя рѣчи, которыя произвели на Поляковъ впечатлѣніе бормотанія, ибо послы говорили очень много о томъ, что совсѣмъ къ дѣлу не шло: они излагали ходъ переговоровъ между Іоанномъ и Стефаномъ Баторіемъ съ начала царствованія короля [3]) и въ концѣ концевъ потребовали, чтобы король возвратилъ имъ назадъ Полоцкъ съ пригородами и не вступался въ ливонскую и курляндскую землю [4]). Подобное требованіе могло-бы, конечно, прервать тотчасъ же переговоры, но послы просили короля разрѣшить имъ переговорить объ условіяхъ мира съ панами радами, на что король далъ свое согласіе. Веденіе переговоровъ поручено было великому гетману литовскому Николаю Радзивиллу, виленскому каштеляну

---

[1]) Эти факты сообщаетъ только Гейденштейнъ (131—132).

[2]) Эти подробности приведены только въ поэмѣ Д. Германна (см. В. Г. Василевскій, op. cit. Журн. Мин. Нар. Просв. 1889, февраль стр. 362), а цыфра убитыхъ и раненыхъ въ дневникѣ Дзялыньскаго (l. c., 231).

[3]) Зборовскій, участвовавшій 2-го сентября въ переговорахъ съ московскими послами, такъ выражается: poseł pierwszy sprawował poselstwo, potem drugi, za tym trzeci, markotał każdy z nich dosyć długo; Bóg zna, że nie masz co pisać (l. c., 200)). Рѣчи ихъ занимаютъ въ Кн. Пос. Метр. Лит., II, 17 большихъ страницъ (стр. 88 –104).

[4]) Это требованіе высказано прямо въ рѣчи князя Сицкаго (Кн. Пос. Метр. Лит., II, стр. 104); о немъ упоминаетъ и король въ своемъ письмѣ къ Іоанну (ib. № 54). Зборовскій, разсказывая о пріемѣ пословъ упустилъ этотъ фактъ изъ виду, вѣроятно, по забывчивости: онъ говоритъ, что послы сразу стали уступать королю Полоцкъ (l. c., 200).

Евстафію Воловичу, князю Стефану Збаражскому, жмудскому старостѣ Яну Кишкѣ, волынскому воеводѣ князю Андрею Вишневецкому, новогрудскому воеводѣ и литовскому ловчему Николаю Радзивиллу, гнѣзненскому каштеляну Яну Зборовскому, люблинскому каштеляну Андрею Фирлеѣ и минскому каштеляну, вмѣстѣ съ тѣмъ и литовскому подскарбію, Яну Глѣбовичу. Указанныя лица вмѣстѣ съ московскими послами удалились въ другой шатеръ. Послы потребовали, чтобы королевское войско отошло отъ крѣпости, но получили отказъ. Потребовали, чтобы съ завтрашняго дня была прекращена канонада, на что послѣдовалъ отвѣтъ, чтобы не теряли времени и поскорѣе излагали бы, съ чѣмъ пріѣхали.

Заявили, что ихъ государь соглашается давать королю титулъ брата и уступили королю Полоцкъ съ пригородами [1]). Имъ было сказано отъ имени Баторія, что они уступаютъ то, что составляетъ издавна собственность великаго княжества литовскаго. Король ее возвратилъ и постарается съ Божьей помощью возвратить все, что было когда-либо отъ его государства отнято. Послы прибавили еще Курляндію и тѣ города въ Ливоніи, которые были во владѣніи герцога Магнуса. На это имъ отвѣтили, что курляндскій герцогъ—свободный государь въ своей странѣ, добровольно подчинившійся польской коронѣ и великому княжеству литовскому, а потому послы пустяки говорятъ. Герцогъ Магнусъ тоже держитъ замки свои на извѣстныхъ условіяхъ въ зависимости отъ Речи Посполитой. Тогда послы спросили, какихъ уступокъ желаетъ король. Поляки заявили, что онъ требуетъ сѣверской земли, Пскова, Новгорода, Смоленска и всей Ливоніи; кромѣ того, требуетъ покрытія всѣхъ военныхъ издержекъ, такъ какъ не онъ началъ войну. Послы на это ничего не отвѣтили, но просили доложить объ этихъ требованіяхъ королю [2]). Къ нему пошли, по ихъ просьбѣ, три литовскихъ сенатора. Они стали уговаривать короля согласиться на предложенія московскаго посольства, такъ какъ они хотѣли прекратить поскорѣе войну, которая можетъ всею своею тяжестью лечь на ихъ страну, Литву. Если будутъ

---

[1]) Заявленіе пословъ о титулѣ извлекаемъ изъ письма Баторія къ Іоанну (Метр. Лит., II, № 54), Зборовскій объ этомъ обстоятельствѣ не говоритъ.

[2]) Мы излагаемъ ходъ переговоровъ по дневнику Зборовскаго. Гейденштейнъ (132) выражается обо всемъ этомъ слишкомъ кратко.

взяты Великія Луки, защищать ихъ придется Литвѣ, а защита будетъ весьма затруднительна, такъ какъ онѣ отдѣлены отъ Литвы громадными лѣсами и окружены по близости непріятельскими крѣпостями. Король не хотѣлъ снимать осады, но когда сенаторы стали указывать на трудность ея, онъ пригласилъ на совѣщаніе Замойскаго, чтобы узнать, въ какомъ положеніи находятся осадныя работы. Сенаторы предложили канцлеру вопросъ о томъ, возможно ли надѣяться на счастливый исходъ осады и заявили, что если надежды нѣтъ, то лучше заключить теперь же миръ на условіяхъ, предлагаемыхъ московскими послами, чѣмъ потомъ, когда придется принимать менѣе почетныя условія. Замойскій отвѣтилъ, что военное счастье весьма измѣнчиво; однако онъ, полагаясь на умъ и счастье короля и на храбрость солдатъ, питаетъ самыя лучшія надежды и думаетъ, что не слѣдуетъ упускать теперь удобнаго случая взять крѣпость, такъ какъ потомъ, когда наступитъ осень и пойдутъ проливные дожди, всякая надежда на взятіе крѣпости можетъ быть потеряна.

Это заявленіе Замойскаго укрѣпило Баторія еще болѣе въ его прежнемъ мнѣніи о томъ, что перемирія не слѣдуетъ заключать [1]). Сенаторы, возвратившись къ посламъ, заявили насмѣшливо, что король уступаетъ имъ Псковъ и Новгородъ. Тѣмъ не менѣе дипломатическая переторжка возобновилась. Послы уступили нѣсколько замковъ въ Ливоніи и въ обмѣнъ за плѣнныхъ, содержимыхъ королемъ, Усвятъ и Озерище [2]). Поляки отвѣтили, что все это уже находится въ рукахъ короля, а потому это—не уступка. Пусть послы выскажутъ наконецъ все, что содержится въ ихъ полномочіяхъ отъ ихъ государя, потому что они не хотятъ уже съ ними попусту бесѣдовать. Послы заявили, что у нихъ нѣтъ больше полномочій, но государь ихъ далъ имъ такой наказъ: если король не согласится принять предложенныхъ условій, они должны послать къ своему государю гонца за новымъ нака-

---

[1]) Объ этомъ совѣщаніи короля съ литовскими сенаторами и Замойскимъ говоритъ одинъ только Гейденштейнъ (133—134); мы относимъ совѣщаніе къ тому моменту, который указанъ у Зборовскаго, при чемъ должны замѣтить, что Зборовскій называетъ неопредѣленно трехъ сенаторовъ, не говоря, были ли это литовскіе или польскіе; Гейденштейнъ же говоритъ о двухъ сенаторахъ.

[2]) Зборовскій говоритъ объ Усвятѣ, Велижѣ и Озерищѣ, но король въ своемъ письмѣ къ Іоанну называетъ только Усвятъ и Озерище (Метр. Лит., II, стр. 106).

зомъ. Въ виду этого они просили разрѣшенія отправить съ гонцомъ письмо къ Іоанну. Баторій согласился на это и самъ выслалъ къ царю своего гонца литовца Григорія Лозовицкаго съ грамотою, въ которой, излагая ходъ переговоровъ и указывая на ихъ безрезультатность, доносилъ Іоанну, что воздержаться отъ войны не можетъ, какъ того просили послы. Пусть Іоаннъ пришлетъ новыя полномочія для нихъ и поскорѣе, такъ чтобы гонецъ засталъ ихъ еще у Великихъ Лукъ [1]).

Между тѣмъ поджогъ крѣпости кончился въ этотъ день для осаждающихъ неудачно: огонь, дойдя до земляной насыпи, отчасти самъ потухъ, отчасти былъ потушенъ Москвитянами, которые отважно спускались со стѣны крѣпости на веревкахъ, чтобы заливать его водою [2]). Въ виду этого, король приказалъ Венгерцамъ устроить подъ крѣпостнымъ валомъ подземный ходъ и положить туда порохъ. Венгерцы энергически стали исполнять королевское приказаніе, неустрашимо подкапываясь подъ валъ, не смотря на то, что враги осыпали ихъ градомъ пуль и камней и обливали варомъ; нѣсколько человѣкъ (12) было убито, много ранено, но на ихъ мѣсто явились новые, присланные Борнемиссою. Увидѣвъ ихъ, осажденные подняли сильный крикъ, думая, что готовится приступъ. Поляки же сочли этотъ крикъ за возваніе къ вылазкѣ, бросились на коней и стали приготовляться къ бою, но понапрасну.

Въ это время Замойскій не переставалъ надѣяться на то, что ему удастся зажечь крѣпость изъ своего лагеря, не устраивая подкопа, хотя многіе и высказывали мнѣніе, что безъ него не обойтись. Канцлеръ полагалъ, что едва ли найдется на болотистой землѣ мѣсто для подкопа. Онъ обратилъ вниманіе на одну башню, которая выступала впередъ на столько, что выстрѣлы, направленные съ другихъ башенъ въ ея сторону, не могли причинять вреда солдатамъ, подступившимъ близко къ этой башнѣ. Имѣя въ виду это обстоятельство, онъ приказалъ провести сюда ровъ. За это дѣло взялся ревностно Лука Сирней съ черными полками,

---

[1]) Метр. Лит., II, № 54. Гейденштейнъ (134) говоритъ, что Баторій назначилъ срокъ для отвѣта, но въ королевской грамотѣ онъ не обозначенъ. Дзялынъскій (l. c., 231) сообщаетъ, что гонцу наказано было возвращаться на двѣнадцатый день.

[2]) *Гейденштейнъ*, 132 и *Д. Германнъ* (l. c., стр. 362).

[3]) *Дзялыньскій*, l. c., 231 и *Зборовскій*, l. c., 202.

но на пути встрѣтилъ препятствіе въ видѣ огромныхъ кольевъ, которые были вбиты Москвитянами въ землю на значительномъ разстояніи передъ валомъ [1]). Пальба, производимая осаждающими, была такъ сильна, что 3-го сентября были сбиты съ вала шанцевыя корзины, за которыми осажденные поставили свои пушки, такъ что они были принуждены и сами спрятаться, и спрятать свои орудія.

Положеніе гарнизоиа становилось все затруднительнѣе и затруднительнѣе. Въ виду этого Замойскій попытался склонить осажденныхъ къ добровольной сдачѣ. По его приказанію, въ крѣпость была пущена стрѣла съ запискою, въ которой гетманъ увѣщевалъ гарнизонъ сдаться, обѣщая ему различныя милости отъ имени короля. На это предложеніе осажденные отвѣтили грубою бранью по адресу Баторія, Замойскаго и иныхъ враговъ и сильною пальбою [2]). Эта упорная защита осажденныхъ заставляла вести дальше осадныя работы. Мало того, сдѣлана была попытка захватить крѣпость штурмомъ. Совершить это дѣло рѣшилась часть польскаго войска, хотя и не получила на то приказанія. Сговорившись между собою, Поляки бросились къ той башнѣ, о которой мы только что говорили и въ то время какъ одни, подставивъ лѣстницы, стали взлѣзать на валъ, другіе старались проникнуть въ крѣпость черезъ ворота, выходившія съ востока къ рѣкѣ Ловати. Русскіе мужественно отразили это нападеніе, при чемъ многіе изъ нападающихъ были тяжело ранены и остались на мѣстѣ происшедшей схватки.

Замойскаго не было тогда въ лагерѣ. Узнавъ о нападеніи, онъ тотчасъ же возвратился назадъ и, замѣтивъ упомянутыхъ раненныхъ, обѣщалъ денежную награду тѣмъ, которые ихъ принесутъ назадъ. Канцлеръ носилъ съ собою извѣстное количество денегъ для раздачи солдатамъ, чтобъ поощрять ихъ усердіе при осадѣ. Желаніе его было исполнено и раненные возвращены въ свой лагерь.

Послѣ этого гетманъ призвалъ къ себѣ одного солдата, далъ ему кирку и указалъ, что онъ долженъ сдѣлать, обѣщая награду за удачное исполненіе порученія; другіе солдаты должны были слѣдовать за своимъ товарищемъ. Замойскій рѣшилъ быстрымъ нападеніемъ устранить отъ башни дернъ и землю. Чтобы отвлечь

---

[1]) *Гейденштейнъ*, 135

[2]) *Дзялыньскій*, l. c., 232.

вниманіе непріятеля отъ этого нападенія, онъ принялъ слѣдующія мѣры. По его приказанію, Выбрановскій съ нѣсколькими солдатами долженъ былъ подойти ближе къ башнѣ, къ заднимъ воротамъ крѣпости, а Вейеръ долженъ былъ непрерывно стрѣлять изъ пушекъ въ томъ случаѣ, если осажденные произведутъ вылазку съ тою цѣлью, чтобы не допустить Поляковъ исполнить планъ, задуманный Замойскимъ.

По данному сигналу, солдатъ, которому канцлеръ далъ кирку, пошелъ по дну рва, направлявшагося къ башнѣ и, дойдя до кольевъ, о которыхъ мы выше говорили, побѣжалъ съ большою скоростью къ валу среди безпрерывныхъ непріятельскихъ выстрѣловъ; затѣмъ, остановившись около него, онъ началъ заступомъ срѣзывать дернъ. Осажденные сдѣлали вылазку, но были принуждены вскорѣ возвратиться назадъ, такъ какъ въ тылу у нихъ появился Выбрановскій со своимъ отрядомъ и такъ какъ изъ-за окоповъ производилась убійственная канонада.

Во время этой схватки Поляки взяли въ плѣнъ одного русскаго храбреца, Сабина Носова, который былъ контуженъ въ лобъ двумя пулями. Когда онъ пришелъ въ себя, его начали разспрашивать о положеніи крѣпости. Тогда онъ нарочно сталъ сообщать такія свѣдѣнія, которыя могли ослабить у врага надежду на возможность взять ее. По его словамъ, она была окружена весьма толстымъ валомъ, башни покрыты плотнымъ слоемъ дерна, а потому безопасны и отъ пушечныхъ выстрѣловъ, и отъ пожара; одинъ только бульверкъ, стоящій впереди, похожъ на очень сильную крѣпость, ибо каждая изъ его стѣнъ состоитъ изъ трехъ рядовъ огромныхъ бревенъ и онъ прикрытъ толстымъ слоемъ дерна; нельзя даже подвести подъ него подкопъ, ибо мѣстность болотиста, да и фундаментъ бульверка составленъ изъ самыхъ крѣпкихъ балокъ и огромныхъ цѣльныхъ камней.

Эти сообщенія укрѣпили Замойскаго еще болѣе въ намѣреніи исполнить задуманный имъ планъ. Такъ наступило 4-ое сентября. На разсвѣтѣ этого дня Венгры положили порохъ въ свой подкопъ, Замойскій же приказалъ провести другой ровъ вдоль рѣки, размѣстилъ въ немъ засаду для защиты отъ непріятельскихъ вылазокъ и, переправивъ орудія на другой берегъ рѣки, поставилъ ихъ противъ заднихъ воротъ. Еще раньше этого онъ приготовилъ съ помощью Станислава Костки большое количество дровъ, которыя покрылъ паклей и облилъ сѣрой и смолой. Этотъ горючій матеріалъ долженъ былъ служить средствомъ для усиленія пожара.

Весьма рано утромъ Замойскій послалъ съ заступомъ солдата къ больверку, а за нимъ другихъ воиновъ, и приказалъ имъ срѣзывать дернъ. Работа пошла успѣшно и въ слоѣ дерна, прикрывавшемъ башню, сдѣлано было значительное отверстіе, которое могло помѣстить, по крайней мѣрѣ, 30 человѣкъ.

Въ то же время Замойскій попытался склонить осажденныхъ къ добровольной сдачѣ. Опять были пущены въ крѣпость стрѣлы съ записками. Поляки кричали, чтобы Москвитяне сдавались или вообще что-нибудь отвѣчали, но они сохраняли молчаніе. Для крѣпости наступалъ рѣшительный моментъ.

Осаждающіе опасались, чтобы Русскіе противъ ихъ подкопа не подвели съ своей стороны контръ-мину, но это опасеніе разсѣялъ перебѣжчикъ изъ крѣпости. Онъ заявилъ, что осажденные замѣтили подкопъ, но не подозрѣваютъ, что въ немъ находится порохъ и приготовили только трубы для заливанія водою огня. Замойскій сдѣлалъ послѣднюю попытку убѣдить осажденныхъ добровольно подчиниться, такъ какъ король желалъ сохранить въ цѣлости крѣпость и пощадить ея гарнизонъ. Съ этою цѣлью приблизили къ крѣпостной стѣнѣ того же перебѣжчика, одѣвъ его въ роскошную одежду, очевидно съ тою цѣлью, чтобы онъ своимъ видомъ свидѣтельствовалъ о щедрости короля и приказали ему сказать осажденнымъ, что для нихъ насталъ послѣдній часъ опомниться и спасти себя; ибо если они будутъ упорствовать въ своемъ безуміи и предпочтутъ испробовать дѣйствіе силы дѣйствію королевской милости, тогда они могутъ подвергнуть себя свирѣпости разъяренныхъ солдатъ. Эти слова осажденные встрѣтили грубою бранью, крича, что они скорѣе дадутъ себя распять на крестѣ, чѣмъ послушаются совѣта измѣнника [1]).

Въ виду этого приходилось продолжать борьбу оружіемъ. Замойскій, желавшій добыть крѣпость при помощи поджога, уступилъ требованію Венгровъ и согласился, чтобы они произвели взрывъ сдѣланнаго ими подкопа [2]). Король самъ наблюдалъ за ходомъ осадныхъ работъ. Въ этотъ день вечеромъ онъ приблизился къ крѣпостной стѣнѣ и сказалъ окружающимъ: «Вотъ увидите, что мои пѣхотинцы скоро зажгутъ эту стѣну». Дѣйствительно, не прошло и четверти часа, какъ вспыхнуло громадное

[1]) Этотъ случай съ перебѣжчикомъ разсказываетъ только одинъ Гіуланъ (l. c., I, 337).

[2]) *Гіуланъ*, l. c., I, 337.

пламя, которое, казалось, ничѣмъ нельзя уже будетъ потушить. Въ королевскомъ лагерѣ солдаты стали готовиться къ приступу, ожидая его съ минуты на минуту. Но Русскіе проявили обычную свою энергію и пожаръ потушили, при чемъ помогъ имъ и дождь, который шелъ въ теченіе половины ночи, такъ что въ королевскомъ лагерѣ потеряли надежду на взятіе крѣпости [1]). Между тѣмъ въ лагерѣ Замойскаго произошли событія, которыя не только ее оживили, но и обратили въ дѣйствительность. Вечеромъ гетманъ сталъ вызывать охотниковъ поджигать стѣны крѣпости. Явилось сорокъ человѣкъ. Взявъ съ собою лучины, смолу и иные горючіе матеріалы, они отправились къ той башнѣ, о которой мы выше говорили и одни изъ нихъ стали откапывать дернъ, а другіе съ факелами въ рукахъ взбираться на башню, чтобъ зажечь ее сверху, не обращая вниманія на выстрѣлы, которыми осыпали ихъ осажденные. Смѣльчакамъ удалось добраться до отверстія въ стѣнѣ, которое давно было приготовлено для стрѣльбы. Осажденные стали колоть черезъ него копьями нападающихъ, но послѣдніе мужественно защищались, хватали даже руками копья, отняли такимъ образомъ пять штукъ и двадцать воловьихъ шкуръ, которыми Русскіе собирались тушить огонь и успѣли сдѣлать свое, т.-е. устроить поджогъ [2]). Однако огонь весьма слабо горѣлъ, такъ что, казалось, попытка зажечь крѣпость и съ этой стороны кончится полною неудачею. Но около полуночи подулъ сильный вѣтеръ [3]), отчего вспыхнуло громадное пламя. Тогда въ лагеряхъ осаждающихъ забили тревогу и солдаты построились въ ряды, чтобъ по данному сигналу идти на приступъ. Король со своимъ и литовскимъ войскомъ сталъ на берегу рѣки. Русскіе бросились тушить пожаръ, но осаждающіе кидали въ огонь смолу и сѣру, такъ что пламя стало принимать все большіе и большіе размѣры. Сгорѣла церковь Спасителя, ближе всего находившаяся къ мѣсту поджога; стали горѣть и другія зданія. Надежды унять огонь не было уже никакой и

---

[1]) Дневникъ Зборовскаго, l. c., 202—203.

[2]) Дневникъ Дзялыньскаго (l. c., 232—233). Объ этомъ эпизодѣ упоминаетъ и Гейденштейнъ (138), но описаніе осады изложено у него весьма туманно и односторонне: онъ говоритъ подробно только о томъ, что происходило въ лагерѣ Замойскаго.

[3]) О дѣйствіи вѣтра говоритъ одинъ Гіуланъ (l. c., I, 337); это дѣйствіе мы относимъ къ полуночи на основаніи словъ Дзялыньскаго (l. c., 233).

осажденные на разсвѣтѣ начали кричать, что желаютъ сдаться. Тогда Замойскій потребовалъ, чтобы они прислали къ нему своихъ воеводъ, но они не исполнили этого требованія и отправили къ Замойскому епископа съ нѣсколькими другими лицами [1]). Замойскій настаивалъ на своемъ. Онъ послалъ въ крѣпость Павла Гіулана и Ивана Христофора Дрогоевскаго потребовать отъ Москвитянъ сдачи на милость побѣдителя, угрожая въ противномъ случаѣ штурмомъ и поголовнымъ избіеніемъ. Побѣжденнымъ ничего не оставалось, какъ подчиниться требованію врага. Къ Замойскому явилось пять воеводъ. Увидѣвъ ихъ, солдаты, которымъ гетманъ приказалъ не отходить отъ своихъ знаменъ [2]), стали громко роптать. Враговъ опять отпускаютъ на волю, они въ третій разъ возьмутся за оружіе на погибель товарищей. Врагъ издѣвается надъ снисходительностью и милосердіемъ короля. Пусть тѣ, кто чувствуетъ горечь отъ перенесенныхъ трудовъ и отъ полученныхъ ранъ и испытываетъ печаль о погибшихъ сотоварищахъ, отомстятъ за ихъ смерть кровью враговъ [3]).

Дикою свирѣпостью дышали эти слова, и надо было небольшой искры, чтобы она разразилась взрывомъ самаго ужаснаго остервененія. Въ лагерь Замойскаго явился король, который, поблагодаривъ канцлера за усердіе, выказанное имъ при осадѣ крѣпости, приказалъ не впускать никого въ нее и потушить

---

[1]) Гейденштейнъ (140) неопредѣленно называетъ высланное лицо primarius sacerdos; Дзялыньскій (234) говоритъ, что выслано было нѣсколько лицъ, но не воеводъ. Гейденштейнъ упоминаетъ тоже неопредѣленно о томъ, что осажденные предлагали какія-то условія, какъ будто дѣла ихъ были еще въ хорошемъ состояніи (tamquam integris rebus, что въ переводѣ не совсѣмъ точно передано: какъ будто дѣла ихъ имѣли блестящій видъ).

[2]) *Дзялыньскій*, 234.

[3]) *Гіуланъ*. Сочиненіе его, помѣщенное въ Relacje nuncj. (I, 331—338), обрывается какъ разъ на передачѣ историкомъ выраженій солдатскаго ропота. Поэтому дальше мы будемъ цитировать Гіулановo сочиненіе по изданію графа Сабо, представляющему собою фотографическій снимокъ съ изданія 1580 г. Вотъ слова Баторіевыхъ солдатъ: Quibus conspectis vociferabantur milites Idcirco dimitti hostes iterum, ut tertio sumptis in regem armis, pluribus commilitonum exitio esse possint Ludibrio ab hostibus lenitatem et clementiam regis haberi. Irent igitur quibus tot laboribus atigatis sua vulnera et sociorum interitus acerbi essent hostiumque sanguine peremptorum commilitonum manibus parentarent. См. также изложеніе Гіуланова сочиненія у В. Г. Васильевскаго (Журн. Мин. Нар. Просв. 1889, январь стр. 162).

*

пожаръ, такъ какъ онъ желалъ спасти крѣпость отъ уничтоженія.

Замойскій сталъ исполнять королевскія приказанія. По его распоряженію, Москвитяне начали выходить изъ крѣпости, при чемъ каждый несъ съ собою образóкъ. Такъ вышло уже около 500 человѣкъ, у которыхъ отняты были лошади и оружіе. Въ это время въ крѣпость направились за порохомъ и пушками 50 гайдуковъ. Увидя ихъ, маркитанты и обозные служители бросились за ними, чтобы поскорѣе захватить добычу, за которою, какъ они думали, идутъ и гайдуки. Ворвавшись, они стали грабить и убивать Москвитянъ. Видъ этотъ привелъ въ ярость солдатъ. Добыча, казалось имъ, уйдетъ изъ ихъ рукъ. Венгры, а за ними и Поляки, двинулись въ крѣпость, ворвались въ нее, какъ ни старались остановить ихъ капитаны, ротмистры и самъ гетманъ, и произвели здѣсь страшную рѣзню, умерщвляя всѣхъ безъ разбора, женщинъ и дѣтей. Въ этомъ остервененіи забыты были совсѣмъ приказанія власти, даже самого короля. Пожара никто не тушилъ, вслѣдствіе чего огонь охватилъ весь замокъ, достигъ погребовъ, въ которыхъ хранился порохъ и произвелъ ужасающій взрывъ. 36 пушекъ, нѣсколько сотъ гаковницъ, нѣсколько тысячъ рушницъ, множество золота, серебра, шубъ и иныхъ драгоцѣнностей сдѣлалось жертвою пламени. Погибло при этомъ до 200 грабителей. Добыча досталась побѣдителямъ незначительная: платье да деньги, которыя они не стыдились отнимать у покойниковъ [1]). Сколько погибло побѣжденныхъ при взятіи Великихъ Лукъ неизвѣстно, но надо предполагать, что нѣсколько тысячъ человѣкъ [2]) и между ними воевода Иванъ Воейковъ. Когда его привели къ Замойскому, канцлеръ сталъ его допрашивать, а потомъ приказалъ отвести въ лагерь. Мо-

---

[1]) Описаніе рѣзни въ Великихъ Лукахъ у Гейденштейна (140) сходно съ описаніемъ у Дзялыньскаго (l. c., 234). Стрыйковскій (II, 435) говоритъ, что жизнь была дарована нѣкоторымъ старикамъ, всѣмъ дѣтямъ и женщинамъ. То же почти утверждаетъ и Гіуланъ: Sic alius ante alium nullo ducum imperio exaudito per ruinam irrumpunt ac magna facta caede arcem diripiunt; habita tamen in illo impetu militari ratio aetatis et sexus, conservatis enim pueris et foeminis in puberes tantum saevitum est.

[2]) По словамъ Стрыйковскаго (II, 435), погибло слишкомъ 7.000 человѣкъ. Для опредѣленія цифры погибшихъ не мѣшаетъ привести сообщеніе Одерборна (I. c., II, 246) о томъ, что число жителей города вмѣстѣ съ гарнизономъ и тѣми, которые укрылись подъ защиту крѣпостныхъ стѣнъ, было слишкомъ 8.000 человѣкъ.

сковскій воевода подумалъ, что его будутъ пытать, а потому увидѣвъ издали Фаренсбаха, своего знакомца съ того времени, когда послѣдній служилъ московскому государю, кинулся умолять его о пощадѣ, что Венгры сочли за желаніе убѣжать, напали на него и умертвили [1]).

Мѣсто, гдѣ находилась крѣпость, представляло весьма печальную картину: всюду валялись громадныя кучи тѣлъ и земля была обагрена кровью даже ни въ чемъ неповинныхъ женщинъ и дѣтей. Обозрѣвая побоище, король едва могъ удержаться отъ слезъ [2]). Онъ приказалъ маркитантамъ похоронить трупы, а солдатамъ засыпать рвы, которые были проведены во время осады крѣпости. Онъ намѣревался выстроить новую, чтобъ упрочить свое владычество въ покоренной странѣ.

Но по своему обыкновенію, дѣло о постройкѣ крѣпости, которое онъ уже самъ рѣшилъ, отдалъ на обсужденіе военнаго совѣта, который былъ созванъ на слѣдующій день послѣ взятія Великихъ Лукъ. Тутъ обсуждались вопросы относительно дальнѣйшаго хода кампаніи и приняты слѣдующія постановленія: возобновить крѣпость и не двигаться съ мѣста до тѣхъ поръ, пока постройка ея не будетъ кончена; королю съ арміей не идти дальше впередъ, а по истеченіи трехъ недѣль возвратиться съ добровольцами назадъ въ Польшу; послать только отрядъ войска на Холмъ, если тамъ имѣется значительная артиллерія, чтобъ захватить ее или сжечь эту крѣпость.

Послѣ этого Баторій осмотрѣлъ мѣстность и пришелъ къ заключенію, что лучше всего возобновить великолуцкій замокъ на прежнемъ мѣстѣ [3]). Общій планъ крѣпости король составилъ самъ, а руководство строительными работами поручилъ архитектору Доминику Рудольфини изъ Камерина, который пріобрѣлъ уже извѣстность, какъ инженеръ, своимъ участіемъ въ укрѣпленіи Канеи на островѣ Кандіи. Ему помогали при возведеніи

---

[1]) *Гейденштейнъ* (141), *Одеборнъ* (l. c., II, 246), *Германнъ* (В. Г. Васильевскій, l. c., ч. CCLXI, стр. 364); у послѣдняго автора смерть Воейкова описана съ поэтическими, вымышленными, конечно, подробностями.

[2]) *Одерборнъ* (l. c., II, 246), *Гіуланъ* (Cognita hostium caede rex indoluit). Рѣзню въ Великихъ Лукахъ едва ли можно называть вѣроломнымъ избіеніемъ покорившихся защитниковъ крѣпости, какъ это дѣлаетъ проф. Васильевскій (l. c., ч. CCLXI, стр. 363), ибо рѣзня эта произошла вопреки всѣмъ усиліямъ короля и его вождей удержать солдатъ отъ нея.

[3]) *Дзялыньскій*, l. c., 235.

великолуцкой крѣпости Николай Карлини и Андрей Бертони. Самыя строительныя работы были раздѣлены между венгерскими, литовскими и польскими солдатами [1]).

Для охраны строительныхъ работъ отъ непріятеля Замойскій избралъ мѣсто на берегу какой-то рѣчки, на разстояніи одной мили отъ Великихъ Лукъ. Но когда онъ хотѣлъ двинуться туда со своимъ отрядомъ, солдаты, принадлежавшіе къ такъ называемой черной пѣхотѣ, пришли къ нему и заявили, что они пойдутъ только тогда, когда имъ будетъ уплачено жалованье. Переговоры съ ними Замойскаго не привели ни къ чему, такъ что онъ счелъ необходимымъ остаться одинъ день на прежнемъ мѣстѣ. На слѣдующій день повторилось то же самое. Три раза, по приказанію гетмана, давали барабаннымъ боемъ сигналъ выступать въ походъ: конница двинулась впередъ, но черная пѣхота не тронулась съ мѣста. За войскомъ Замойскаго пошли только ротмистры со своими отрядами. Прибывъ на мѣсто стоянки, канцлеръ позвалъ ихъ вечеромъ къ себѣ и угрозами сталъ требовать отъ нихъ, чтобы они привели пѣхоту; если они не сдѣлаютъ этого добровольно, то онъ въ такомъ случаѣ пошлетъ за нею гайдуковъ. Слова эти оскорбили ротмистровъ и они уѣхали назадъ къ своимъ солдатамъ, говоря, что на нихъ лежитъ обязанность раздѣлять съ ними и хорошую, и дурную судьбу. Кончилось все это тѣмъ, что пѣхотинцы сами явились къ Замойскому и просили его простить имъ эту глупость [2]).

Неповиновеніе воинской дисциплинѣ въ литовской арміи приняло еще большіе размѣры. Многіе литовскіе добровольцы уѣхали сами, безъ всякаго спроса, а литовскіе паны хотѣли тайкомъ отправить свои отряды назадъ, на родину. Въ виду этого король поставилъ сильную стражу у Суража, которая должна была задерживать всякаго, кто не имѣлъ пропускного свидѣтельства. Мало того, 12-го сентября онъ самъ занялъ со своимъ корпусомъ соотвѣтственную позицію на торопецкой дорогѣ, на нѣкоторомъ разстояніи отъ лагеря Замойскаго. Сдѣлано это было также и съ тою цѣлью, чтобы лучше было наблюдать за непріятелемъ, который сосредоточилъ свои силы у Торопца. Но въ

---

[1]) *K. Górski*, op. cit., Bibl. warsz. 1892, IV, стр. 19.

[2]) Этотъ эпизодъ, свидѣтельствующій о томъ, что случаи неповиновенія солдатъ бывали и подъ строгою командою Замойскаго, разсказываетъ только Дзялыньскій (l. c., 235—237); Гейденштейнъ хранитъ молчаніе.

какомъ мѣстѣ войско его находилось въ данную минуту, въ точности не было извѣстно. 11-го сентября донесли Замойскому, что значительный непріятельскій отрядъ готовится ударить на его лагерь. Гетманъ приказалъ своимъ солдатамъ быть наготовѣ, а между тѣмъ выслалъ на развѣдки отрядъ въ 30 всадниковъ подъ командою Сверчевскаго. Послѣдній донесъ, что на разстояніи нѣсколькихъ миль вокругъ онъ никого не видѣлъ и замѣтилъ только вдали на дорогѣ около 300 человѣкъ [1]).

Казалось, можно было разсчитывать на полную безопасность со стороны непріятеля. Случилось иначе. Князь Янушъ Острожскій выслалъ 80 человѣкъ за фуражемъ. Отрядъ наткнулся на 50 человѣкъ Татаръ. Произошла схватка. Татары дали знать своимъ; тѣ явились на помощь, ударили со всѣхъ сторонъ на фуражировъ, отчасти перебили ихъ, отчасти взяли въ плѣнъ [2]); спаслось только три человѣка, да и то раненныхъ. То же самое произошло и съ отрядомъ Венгровъ въ 40 человѣкъ.

Эта неосторожность солдатъ сильно разгнѣвала короля. Онъ призвалъ къ себѣ ротмистровъ и разбранилъ ихъ за нерадѣніе по службѣ. Онъ собственными глазами видѣлъ, какъ плохо держатъ караулъ солдаты ложась спать на своихъ постахъ, какъ снимаютъ съ себя вооруженіе, какъ распускаютъ лошадей и какъ ослабляютъ лагерь, удаляя изъ него телѣги. Въ виду этого онъ увѣщевалъ офицеровъ наблюдать внимательнѣе за своими подчиненными, сохранять тишину ночью и посылать за отправляющимися на фуражировку прикрытія изъ отрядовъ по 1.000 человѣкъ [3]).

Желая узнать, что это было за московское войско, которое разбило вышеупомянутые отряды фуражировъ, Баторій отправилъ нѣсколько сотъ Поляковъ и Венгровъ, подъ командою Филипповскаго и Барбелія, присоединивъ къ нимъ 500 гайдуковъ и запретивъ посланнымъ вступать въ битву съ непріятелемъ, пока они не получатъ особенныхъ инструкцій [4]). Оставивъ свой отрядъ въ разстояніи четырехъ миль отъ королевскаго лагеря,

---

[1]) *Дзялыньскій*, l. c., 237.

[2]) По Brevis Narratio, до 50 человѣкъ.

[3]) Эти факты, сообщаемые Дзялыньскимъ (l. c., 238—239), объясняютъ намъ хорошо ходъ военныхъ дѣйствій тотчасъ послѣ взятія Великихъ Лукъ. Изложеніе Гейденштейна (142) отрывочно и неясно.

[4]) По Brevis Narratio, у Барбелія было 600 польскихъ и венгерскихъ всадниковъ, съ которыми онъ выступилъ въ походъ 15-го сентября; по

Филипповскій возвратился назадъ (18-го сентября), чтобъ попросить короля дать ему еще солдатъ. Онъ донесъ королю, что наткнулся на сторожевой отрядъ враговъ, прогналъ его, но не могъ захватить никого въ плѣнъ, однако узналъ отъ одного московскаго перебѣжчика, что у непріятеля четыре тысячи человѣкъ [1]).

Получивъ эти свѣдѣнія, король далъ Филипповскому еще 2000 воиновъ, приказавъ ему идти подъ самую крѣпость Торопецъ. Замойскій присоединилъ изъ своего корпуса къ этой экспедеціи нѣсколько отрядовъ въ 250 человѣкъ конницы, подъ начальствомъ Фаренсбаха. Командованіе экспедиціею поручено было брацлавскому воеводѣ Ивану Збаражскому [2]).

Догнавъ Барбелія, [3]) Збаражскій устроилъ походъ экспедиціи слѣдущимъ образомъ. Давъ отдохнуть лошадямъ одинъ день, онъ выслалъ впередъ отрядъ изъ венгерскихъ и польскихъ всадниковъ (24) подъ начальствомъ Альберта Киралія, [4]), приказавъ слѣдовать за нимъ на нѣкоторомъ разстояніи Барбелію, Георгію Сибрику и Гіерониму Филипповскому съ 200 всадниковъ. Самъ Збаражскій двигался въ арріергардѣ [5]).

Гіулану—500 всадниковъ и 100 пѣхотинцевъ (sclopetarios equis vehi solitos) Гейденштейнъ выражается неопредѣленно: нѣсколько польскихъ и венгерскихъ всадниковъ и пищальниковъ. Brevis Narratio и Гейденштейнъ молчатъ о Филипповскомъ, называя начальникомъ отряда только Георгія Барбелія (у Одерборна, II, 247—Georgius Barbus); Гіуланъ говоритъ, что Барбелій посылалъ Гіеронима Филипповскаго къ королю просить о подкрѣпленіяхъ.

[1]) Объ этомъ Brevis Narratio такъ говоритъ: hac ratione omnibus operi coepto (т.-е. постройкѣ великолуцкой крѣпости) intentis allatum est aliquot millia hostium ad arcem Toropeciam, quae Vielikiluco octodecim milliaribus abest, diviso in duas partes exercitu, maiorem ultro duo milliaria, minorem primorum ordinem cis arcem consedisse, hic quattuor millium equitum, alter vero sex millium subsidiarius fuisse, ex captivis cognitum est. Тѣ же цифры сообщаетъ и Гіуланъ.

[2]) Дзялыньскій забылъ упомянуть о назначеніи Збаражскаго начальникомъ экспедиціи, но изъ дальнѣйшаго разсказа автора дневника явствуетъ, что экспедиціею командовалъ брацлавскій воевода. По Гіулану, у Збаражскаго было 1.400 польскихъ и венгерскихъ всадниковъ и 120 венгерскихъ пѣхотинцевъ (послѣднимъ приказано было ѣхать на коняхъ).

[3]) По Brevis Narratio—18-го сентября.

[4]) Къ этому отряду присоединился также знаменитый Самуилъ Зборовскій.

[5]) Объ экспедиціи подъ Торопецъ Brevis Narratio разсказываетъ такъ ясно и точно, что участіе автора этого разсказа въ походѣ едва ли

Передовой отрядъ экспедиціи [1]) наткнулся на непріятельскій караулъ. Завязалась схватка. Москвитяне пустились бѣжать, а Поляки и Венгры ихъ преслѣдовать, но догнать не могли, потому что дорога была узка и болотиста. Преслѣдующимъ удалось только сбросить двухъ враговъ съ коней. Погоня продолжалась до моста, перекинутаго черезъ лѣсной ровъ, у котораго въ засадѣ находились московскіе стрѣльцы. Завидѣвъ врага, они выскочили изъ засады и стали осыпать преслѣдователей выстрѣлами, чтобъ не допустить ихъ переправиться черезъ мостъ [2]). У моста завязалась снова жаркая схватка. На помощь московскимъ стрѣльцамъ прискакало 50 татарскихъ всадниковъ, которые находились невдалекѣ отъ этого мѣста. Видя численное превосходство врага, Киралій послалъ за помощью къ отряду, слѣдовавшему за нимъ, но она не являлась. Тогда онъ скомандовалъ своимъ атаковать мостъ и громко при этомъ кричать, чтобы врагъ подумалъ, что на него двигается многочисленное войско. Хитрость удалась. Русскіе покинули мостъ и, соединившись съ Татарами, удалились къ ближайшему отряду московскаго войска. Киралій прекратилъ погоню, ибо опасался засадъ и численнаго превосходства непріятеля; къ тому же наступила ночь Отрядъ Киралія остановился на ночлегѣ у моста. На слѣдующій день утромъ прибылъ сюда Барбелій, а за нимъ и остальной развѣдочный отрядъ [3]).

Узнавъ отъ одного изъ плѣнниковъ, что московское войско достигаетъ 40.000 человѣкъ, Збаражскій созвалъ ротмистровъ на

можетъ подлежать сомнѣнію, какъ это вѣрно замѣчаетъ В. Г. Васильевскій (Журн. Мин. Нар. Просв. 1889. CCLXI. 156).

[1]) Дзялыньскій (l. c., 258) о Киралiи не упоминаетъ, а называетъ Собоцкаго, начальника аркебузьеровъ.

[2]) Дзялыньскій (258) разсказываетъ этотъ эпизодъ со словъ Филипповскаго иначе: Москвитяне, преслѣдуемые Поляками и Венгерами, добѣжавъ до моста, подсѣкли поспѣшно столбы, на которыхъ онъ держался, но такъ, что врагъ этого не замѣтилъ, и сами укрылись за мостомъ въ засадѣ. Маневръ увѣнчался успѣхомъ. Мостъ рухнулъ подъ преслѣдовавшими ихъ врагами, и послѣдніе должны были прекратить погоню.

[3]) По словамъ Дзялыньскаго, у моста ночевалъ уже самъ Збаражскій. Во время схватки въ этомъ мѣстѣ, по разсказу автора дневника, погибло съ той и съ другой стороны нѣсколько человѣкъ. Brevis Narratio утверждаетъ, что въ отрядѣ Киралія было только нѣсколько ранено и нѣсколько лошадей убито.

совѣтъ, чтобъ рѣшить вопросъ, что дѣлать дальше. Одни совѣтовали возвращаться, другіе—окопаться на мѣстѣ, и тѣмъ временемъ послать къ королю за дальнѣйшими инструкціями и вспомогательными отрядами, третьи наконецъ—идти осторожно впередъ, производя рекогносцировки, чтобы, въ случаѣ громаднаго перевѣса враговъ, во́-время ретироваться. Збаражскій согласился съ послѣднимъ мнѣніемъ. Онъ выслалъ развѣдочные отряды въ три стороны, а самъ сталъ двигаться медленно впередъ [1]). Въ авангардѣ шелъ снова Киралій, но уже съ болѣе многочисленнымъ отрядомъ: къ прежнему его отряду было прибавлено 25 казаковъ и столько же пѣшихъ пищальниковъ. По пути венгерскій предводитель захватилъ въ плѣнъ трехъ Москвитянъ [2]). Отъ плѣнниковъ Збаражскій уналъ, что въ московскомъ войскѣ всего 10.000 человѣкъ и что отъ этого войска отдѣлились 2.000, которыя готовятся напасть на его отрядъ [3]). Дѣйствительно, спустя нѣсколько часовъ, авангардъ экспедиціи столкнулся съ отрядомъ Русскихъ и Татаръ. По совѣту Киралія, рѣшено было атаковать враговъ съ двухъ сторонъ: нѣмецкіе всадники бросились съ праваго фланга, венгерскіе съ лѣваго. Во время схватки убито было нѣсколько человѣкъ.

Замѣтивъ, что приближается уже весь развѣдочный отрядъ непріятеля, Русскіе отступили сначала за болото и устроили здѣсь въ какой-то мельницѣ засаду. Однако когда врагъ приблизился къ нимъ, вступить въ бой съ нимъ они не осмѣлились и бросились бѣжать. Дѣло было уже около Торопца. Узнавъ о приближеніи враговъ, торопецкій гарнизонъ сжегъ по обыкновенію городъ и удалился вмѣстѣ съ мирными жителями въ крѣпость, готовясь отбивать непріятельскіе приступы [4]), но совершенно напрасно, такъ какъ врагъ не имѣлъ намѣренія брать крѣпость. Экспедиціи Збаражскаго дана была лишь задача разузнать силы Русскихъ около Торопца и отогнать ихъ подальше отъ Великихъ Лукъ. Несмотря на то, что изъ крѣпости производились сильные выстрѣлы и приближалась уже ночь, польскій воевода продолжалъ преслѣдовать бѣжавшихъ враговъ и дальше за Торопцемъ, на протяженіи двухъ миль [5]) Во время этой по-

---

[1]) *Дзялыньскій*, l. c., 258.

[2]) Brevis Narratio.

[3]) *Дзялыньскій*, l. c., 258.

[4]) *Гейденштейнъ*, 144.

[5]) По Brevis Narratio—tria milliaria.

гони погибло Москвитянъ и Татаръ 300 человѣкъ, попало въ плѣнъ—24 [1]); въ числѣ плѣнныхъ были два знатныхъ боярина, Дмитрій Черемисиновъ и Григорій Аѳанасьевичъ Нащокинъ, тотъ самый, который ѣздилъ въ посольствѣ къ Баторію и находился въ тайныхъ сношеніяхъ съ Осцикомъ [2]). Исполнивъ свое порученіе, Збаражскій возвратился назадъ въ лагерь къ королю (23-го сентября) [3]).

Послѣ взятія Великихъ Лукъ, не вся еще великолуцкая область находилась въ рукахъ Баторія, такъ какъ держались еще крѣпости Невель, Озерище и Заволочье. Необходимо было завладѣть и этими пунктами. Баторій еще по пути къ Великимъ Лукамъ отправилъ изъ Усвята къ Невелю полоцкаго воеводу Николая Дорогостайскаго. Невельская крѣпость состояла изъ двухъ замковъ, мѣньшаго на сѣверѣ и бо́льшаго на югѣ, соединенныхъ между собою стѣною, и окружена была озеромъ, что затрудняло къ ней доступъ. Гарнизонъ доходилъ до 1.000 человѣкъ, а артиллерія состояла изъ 10 большихъ орудій, 100 малыхъ и слишкомъ 500 пищалей [4]).

Немногочисленный отрядъ Дорогостайскаго, состоявшій изъ неопытныхъ солдатъ, долгое время безуспѣшно осаждалъ крѣпость, которую мужественно защищалъ гарнизонъ, производя стрѣльбу изъ орудій и дѣлая смѣлыя вылазки изъ крѣпости; къ этому надо прибавить еще то, что мѣсто для осады было выбрано неудачно, именно то, съ котораго доступъ къ крѣпости былъ особенно труденъ [5]).

---

[1]) *Дзялыньскій*, 259; по Brevis Narratio, 50 убито, 200 плѣнено; по Гейденштейну (143—144), пало 500 и взято въ плѣнъ 200; по Гіулану, 500 убито, 100 плѣнено.

[2]) Гейденштейнъ даетъ Нащокину невѣрно имя Ивана, но Brevis Narratio—точное имя Григорія. Гіуланъ влагаетъ въ уста плѣненнаго Нащокина слѣд. слова: aspicite, victores, inquit, ludibria fortunae; cui nuper honoris causa splendide obviam processitis, eundem nunc revinctis post tergum manibus captivum ducitis.

[3]) *Дзялыньскій*, l. c., 260.

[4]) Описаніе крѣпости взято изъ Brevis narratio. Ampla est arx divisa in duas partes, interiecto intus pariete, capacitate Lucanae non inferior, ea, quae septentrionem spectat, minor, altera ex adverso maior, in ea milites praesidiarii mille, promiscuae multitudinis agrestis, cum uxoribus et liberis tria millia censebantur, tormenta maiora decem, minora quae ansatae, ab aliis barbatae vocantur, centum reperta, praeter manualia sclopeta, quae quingentorum numerum excesserunt.

[5]) *Гейденштейнъ*, 145.

Взявъ Великія Луки, Баторій послалъ на помощь Дорогостайскому сначала 500 человѣкъ изъ черной пѣхоты Замойскаго [1]), а затѣмъ немного спустя 700 венгерскихъ пѣхотинцевъ съ тремя орудіями, подъ начальствомъ Борнемиссы [2]). Расположившись у крѣпости, Венгры вмѣстѣ съ солдатами Дорогостайскаго стали устраивать траншеи и пододвигаться ближе къ крѣпости. Но осажденные не унывали; напротивъ того, они съ особенною смѣлостью производили вылазки изъ крѣпости, бросая на враговъ громадные желѣзные крюки, привязанные къ веревкамъ, чтобы захватить кого-нибудь издали въ плѣнъ. Борнемисса также сталъ сомнѣваться въ успѣхѣ своего предпріятія и поэтому обратился къ королю съ просьбою о присылкѣ подкрѣпленій. Между тѣмъ онъ продолжалъ вести дальше свои осадныя работы, притомъ такъ искусно, что солдаты его съумѣли приблизиться къ крѣпостнымъ стѣнамъ незамѣтно для врага и поджечъ укрѣпленія. Пораженные внезапностью поджога, осажденные сдались, несмотря на сопротивленіе своихъ воеводъ (29-го сентября) [3]). Они не были и въ состояніи защищаться, такъ какъ у нихъ вышелъ почти весь порохъ [4]). Сдавшимся позволено было унести съ собою имущество, но приказано выдать все оружіе. Такъ какъ они этого условія не исполнили, то Дорогостайскій разрѣшилъ гайдукамъ ограбить побѣжденныхъ до послѣдней сорочки. Затѣмъ по-

---

[1]) *Гейденштейнъ*, 145.

[2]) Цифры эти сообщаетъ Гіуланъ и Brevis Narratio; Гейденштейнъ выражается неопредѣленно: „король отправилъ... Ивана Борнемиссу съ венгерскими полками и нѣсколькими болѣе тяжелыми орудіями“.

[3]) Brevis Narratio. Interim dum Ioannes Bornemissa a Rege nova auxilia expectaret, incredibili opere in ipsam fossam cuniculis penetrare studet, progressu operis in validas contignationes transversis lignis confibulatas, quibus decem pedum latitudine ab ima parte ad summum usque labrum fossae hostes superiecta terra munierant, incidit, improbo tamen labore, securibus, ligonibus aliisque instrumentis fossilibus ad ipsam fossam tanto silentio tantaque dexteritate pervenit, ut id hostes non prius animadverterent, quam nostri milites ad incendendam parietem missi ipsis moenibus ignem subiicerent Quod hostes conspicati, adeo sunt perculsi, ut confestim de servanda arce desperarent ac deditionem vel ipsis praefectis, quos palatinos vocant, invitis inflammatamque arcem extinguere pollicerentur. У Гіулана описаніе такое же, но короче.

[4]) По извѣстію Гейденштейна, подтверждаемому Дзялыньскимъ (l. c., 262), побѣдители нашли въ крѣпости не болѣе половины бочки пороху.

бѣжденные были отпущены на свободу, но большая часть изъ нихъ осталась жить подъ властью побѣдителя [1]).

Послѣ взятія Невеля, Озерище, отстоявшее отъ Невеля въ разстояніи трехъ миль, очутилось въ весьма критическомъ положеніи: оно было отрѣзано совсѣмъ отъ московскихъ владѣній и окружено отовсюду войсками непріятеля

Новыя его укрѣпленія, отличавшіяся прочностью и замѣчательнымъ изяществомъ, могли бы выдержать продолжительную осаду, но гарнизонъ крѣпости, понимая, что помощи ждать ему неоткуда, сдался добровольно виленскому воеводѣ Николаю Радзивиллу, котораго король выслалъ подъ Озерище изъ Невеля 12-го октября, но сдался подъ тѣмъ условіемъ, что гарнизону будетъ разрѣшено уйти свободно въ предѣлы московскаго государства [2]).

Оставалось еще Заволочье—крѣпость, взять которую оказалось дѣломъ не особенно легкимъ. Баторій послалъ сюда Замойскаго. Дойдя до села Александрова, канцлеръ отправилъ впередъ отрядъ, подъ командою Дзялыньскаго, приказавъ послѣднему какъ можно скорѣе явиться къ Заволочью, воспрепятствовать, если посадъ еще не сожженъ, сожженію его, пресѣчь сообщеніе съ Псковомъ, откуда могло прибыть подкрѣпленіе, и не допустить въ крѣпость тѣхъ Русскихъ, которые выпущены были изъ Невеля. Съ этою цѣлью Дзялыньскій долженъ былъ поставить на псковской дорогѣ роты солдатъ ленчицкаго старосты Розражевскаго и Дымка, а самъ занялъ позицію на невельскомъ трактѣ [3]).

---

[1]) Фактъ грабежа сообщаетъ одинъ только Дзялыньскій (262). Осада Невеля описана въ Brevis Narratio точнѣе и опредѣленнѣе, чѣмъ у Гейденштейна (145—146).

[2]) Brevis Narratio. Antequam autem Rex Nevela castra moveret, arx Oseriscia tribus a Nevela milliaribus lacu cincta, novo pariete novisque propugnaculis ligneis ita affabre exaedificata, ut singulae turres varietate structurae mirificam elegantiam de se praeberent, palatino Vilnensi, 12 die octobris a Rege eo misso sponte se dedidit, cum praefectus illius cum praesidiariis in Moscoviam redeundi facultatem impetrasset. У Гейденштейна (149—150) нѣтъ этихъ подробностей. Здѣсь въ переводѣ ошибка: разстояніе Озерища отъ Невеля указано въ 150 миль, между тѣмъ какъ въ подлинникѣ (160) говорится о 15 (quindecim a Nevela millibus passuum), конечно, римскихъ, ибо таковъ счетъ Гейденштейна.

[3]) *Дзялыньскій*, l. c., 263. То же самое сообщаетъ и Гейденштейнъ (150), съ тою только разницею, что, согласно автору дневника, онъ, Дзялыньскій, былъ командиромъ передоваго отряда, между тѣмъ какъ, по Гейденштейну, Розражевскій Дзялыньскому не подчинялся.

Выступивъ въ походъ 2-го октября, онъ по пути узналъ, что посадъ и крѣпостной мостъ сожжены. Поэтому явившись уже на второй день рано утромъ подъ Заволочьемъ, онъ поспѣшилъ исполнить остальныя приказанія гетмана.

Въ этотъ же день вечеромъ пріѣхалъ къ Заволочью самъ Замойскій въ сопровожденіи только нѣсколькихъ всадниковъ, осмотрѣлъ кругомъ крѣпость, выбралъ мѣсто для лагеря и орудій и возвратился назадъ къ своему войску, которое оставилъ позади себя на разстояніи двухъ миль. Заволочье расположено было на островѣ озера Подсошь, въ южной его части, тамъ, гдѣ и въ настоящее время существуютъ еще слѣды валовъ, окружавшихъ крѣпость [1]).

Въ виду этого о взятіи крѣпости штурмомъ нечего было и думать, тѣмъ болѣе, что крѣпостныя стѣны подходили къ самой водѣ; дѣйствіе артиллеріи противъ деревянныхъ стѣнъ оказалось изъ опыта безуспѣшнымъ; оставалось только поджечь укрѣпленія. Затруднительность предпріятія усиливалась еще вслѣдствіе того, что наступило осеннее время, а потому можно было ожидать проливныхъ дождей и холодовъ [2]); кромѣ того, мѣстность кругомъ озера была гористая и болотистая, такъ что устроить лагерь въ одномъ мѣстѣ не было возможности, и Замойскій позволилъ солдатамъ расположиться тамъ, гдѣ каждый отрядъ находилъ для себя удобнѣе, лишь бы только недалеко другъ отъ друга [3]).

Гетманъ рѣшилъ взять крѣпость во чтобы то ни стало, тѣмъ болѣе, что король занятіе этого пункта считалъ дѣломъ весьма важнымъ для будущей кампаніи. Онъ думалъ уже о по-

---

[1]) *K. Górski*, op. cit., Bibl. Warsz. 1892, IV, 22.

[2]) *Гейденштейнъ*, 151.

[3]) *Дзялыньскій*, 264. Гейденштейнъ (151) утверждаетъ, что Замойскій при осмотрѣ крѣпости замѣтилъ островъ на югѣ отъ нея, куда онъ на слѣдующій день послѣ осмотра (слѣд. 5-го октября) перевелъ все войско, такъ какъ считалъ этотъ островъ мѣстомъ весьма удобнымъ для стоянки, и устроилъ здѣсь лагерь, очевидно общій. Но Дзялыньскій ни словомъ не упоминаетъ объ этомъ и замѣчаетъ слѣдующее: въ этотъ день гетманъ приказалъ строить лагерь, но оказалось, что для него не было мѣста, ибо мѣстность была весьма горпстая, такъ что однимъ пришлось бы стоять на горахъ, а другимъ въ долинахъ, гдѣ были страшныя болота; увидѣвъ все это, гетманъ измѣнилъ свое намѣреніе и разрѣшилъ стать каждому тамъ, гдѣ онъ избралъ для себя мѣсто, однако недалеко другъ отъ друга.

ходѣ на Псковъ, къ которому лучше всего было идти долиною рѣки Великой, а Заволочье лежало какъ разъ у самыхъ ея истоковъ [1]).

Прибывъ 5-го октября къ крѣпости, Замойскій послалъ гарнизону ея грамоту съ требованіемъ добровольной сдачи, но получилъ въ отвѣтъ одну только сильную брань. На слѣдующій день онъ призвалъ къ себѣ ротмистровъ и просилъ ихъ помочь ему поусерднѣе плести корзины и возить деревья для постройки моста. Ротмистры дали ему охотно обѣщаніе служить со всѣмъ своимъ усердіемъ. Дѣйствительно, солдаты обнаружили замѣчательную энергію: корзины и мостъ были приготовлены въ теченіе двухъ дней. Между тѣмъ прибыли орудія, для которыхъ тотчасъ же устроены были батареи, и на слѣдующій день (9-го октября) открыта по крѣпости усиленная кононада. Затѣмъ (10-го октября) гетманъ приказалъ наводить мостъ, устроенный Уровецкимъ изъ бревенъ одного зданія, которое уцѣлѣло отъ сожженнаго Русскими посада. Солдаты бросились энергически исполнять это приказаніе среди безпрерывныхъ непріятельскихъ выстрѣловъ, стали гнать мостъ къ тому мѣсту, гдѣ пространство между берегомъ озера и крѣпостью было уже, но мостъ оказался коротким, такъ что пристать къ острову не было возможности, поэтому отъ осуществленія плана приходилось пока отказаться. А между тѣмъ предпріятіе потребовало не мало труда и жертвъ: погибло 80 человѣкъ, и среди нихъ ленчицкій староста Христофоръ Розражевскій, убитый пулею выше праваго глаза въ то время, когда онъ, по приказанію Замойскаго, наблюдалъ за дѣйствіемъ артиллеріи.

Пополудни гетманъ приказалъ удалить плотъ съ того мѣста, гдѣ онъ былъ установленъ, въ болѣе безопасное, гдѣ бы можно было удлинить его. Но когда два гайдука, находившіеся на немъ, стали отталкиваться отъ берега, оборвался канатъ, плотъ понесло, и притомъ весьма быстро, вслѣдствіе сильнаго вѣтра на середину озера. Замѣтивъ это, Русскіе бросились въ лодки и стали плыть, чтобы поймать плотъ. Тогда Замойскій приказалъ бить тревогу, и солдаты его кинулись спасать плотъ: одни сѣли въ лодки и поплыли по озеру, другіе поскакали на коняхъ по берегу туда, куда плотъ уносило теченіемъ. Притомъ съ той и съ другой стороны шла безпрерывная пальба.

---

[1]) *Гейденштейнъ* 146.

Русскіе уже достигали плота, одна ихъ лодка уже приставала къ нему и находившіеся въ ней готовы уже были высадиться на него, но гайдуки, стоявшіе на плоту, потопили лодку. А тутъ стали приближаться къ нему и солдаты Замойскаго; тогда Москвитяне отступили Такимъ образомъ удалось спасти плотъ [1]). Онъ былъ удиненъ затѣмъ еще болѣе въ тотъ же самый день.

На слѣдующее утро, лишь только разсвѣло, плотъ стали опять наводить, причемъ для прикрытія солдатъ, наводившихъ его, отъ непріятельскихъ выстрѣловъ, было придумано слѣдующее средство: по бокамъ плота поставлены были громадные мѣшки, набитые шерстью. За наводку брались солдаты теперь не особенно охотно [2]), такъ какъ были напуганы предшествовавшей неудачею. Поэтому Замойскій поручилъ исполненіе дѣла своему родственнику, Уровецкому, который, помѣстивъ на плоту нѣсколько солдатъ и укрывшись съ ними за мѣшки, совершилъ успѣшно наводку подъ многочисленными выстрѣлами враговъ [3]).

Послѣ этого гетманъ приказалъ идти на приступъ Венграмъ, такъ какъ они, согласно распоряженію короля, должны были по взятіи крѣпости остаться въ ней. Но когда они въ количествѣ человѣкъ около трехсотъ двинулись впередъ, тогда ударилъ на нихъ съ двухъ сторонъ отрядъ изъ крѣпости, и Венгры пустились бѣжать назадъ. Видя это, Замойскій послалъ имъ на помощь Поляковъ Послѣдніе встрѣтились съ Венграми на самомъ мосту, и здѣсь произошла настоящая свалка (такъ какъ Венгры не хотѣли возвращаться въ бой), отчего мостъ прорвался. Для нападавшихъ наступилъ весьма опасный моментъ, такъ какъ изъ крѣпости призводилась весьма частая пальба. Поляки и Венгры понесли значительныя потери: утонуло и убито было 50 венгерскихъ дворянъ и 150 гайдуковъ и много ранено. Москвитяне

---

[1]) *Дзялыньскій*, 265. Тоже самое почти разсказываетъ Гейденштейнъ (152—154), но имѣются и нѣкоторыя отличія въ подробностяхъ: канатъ по его словамъ, не оборвался, а былъ выпущенъ пѣхотинцами, которые тащили плотъ, потому что они были поражены выстрѣлами непріятеля; на плоту находились не два, а три человѣка, они не потопили непріятельскую лодку, а поймавъ нѣсколько непріятельскихъ лодокъ и сбросивъ враговъ съ нихъ, спасались на нихъ къ своимъ; плотъ былъ унесенъ на противоположный берегъ, гдѣ его и захватили посланные Замойскимъ всадники, между тѣмъ какъ, по разсказу Дзялыньскаго, его притащили къ берегу подплывшіе къ нему польскіе солдаты.

[2]) По свидѣтельству Гейденштейна (54).

[3]) *Гейденштейнъ*, 154, и *Дзялыньскій*, 266.

лишились только до 30 человѣкъ. Послѣ этого Замойскій приказалъ оттащить плотъ назадъ [1]).

Неудача эта произвела на осаждающихъ удручающее впечатлѣніе; они стали сомнѣваться въ возможности овладѣть крѣпостью и поэтому начали поговаривать о необходимости отступленія, тѣмъ болѣе, что наступившая ненастная погода причиняла имъ сильныя страданія. Въ виду этого настроенія Замойскій созвалъ въ тотъ же день ротмистровъ, чтобъ посовѣтоваться съ ними, что дѣлать дальше. Нѣкоторые были того мнѣнія, что надо отступать [2]), но большинство заявило, что они готовы сойти съ коней, сами идти на приступъ, готовы скорѣе умереть, чѣмъ подвергнуться такому позору [3]). Однако и они считали положеніе до такой степени затруднительнымъ, что не знали, какъ быть дальше, и посовѣтовали обратиться за инструкціями къ королю. Согласно этому совѣту, Замойскій отправилъ къ Баторію нѣкоего Георгія Сибрика [4]) съ письмомъ, въ которомъ однако не за новыми инструкціями обращался къ королю, а просилъ только, чтобы король не отзывалъ его отъ крѣпости. Канцлеръ писалъ, что неудача произошла отъ чрезмѣрной поспѣшности солдатъ и что разсчитываетъ на успѣхъ, ибо планъ осады выбранъ имъ удачно, и войско, находясь въ странѣ, изобилующей хлѣбомъ, скотомъ, водою и фуражемъ, не можетъ страдать отъ недостатка въ съѣстныхъ припасахъ [5]). Баторій согласился съ мнѣніемъ своего канцлера и прислалъ ему вспомогательный от-

---

[1]) Гейденштейнъ (155) разсказываетъ этотъ эпизодъ нѣсколько иначе По его словамъ, Венгры не только перешли черезъ плотъ, но стали сперва рубить топорами частоколъ, а потомъ, сгорая нетерпѣніемъ поскорѣе взять крѣпость, бросились поджигать бульверки, не прикрывъ себя мѣшками отъ непріятельскихъ выстрѣловъ, не приготовивъ факеловъ и горючихъ матеріаловъ, такъ что за послѣдними пришлось посылать за озеро нѣкоего Георгія Суффа. О помощи, посланной Замойскимъ венгерскому отряду, и о происшедшей на плоту свалкѣ Гейденштейнъ не говоритъ ни слова.

[2]) *Дзялыньскій*, 266. Согласно Гейденштейну (155), за отступленіе высказался только одинъ человѣкъ.

[3]) По Гейденштейну (156), Фарелнсбахъ первый такое мнѣніе высказалъ.

[4]) Это тотъ венгерскій предводитель, которому Баторій приказалъ, по взятіи Заволочья, остаться въ немъ начальникомъ гарнизона, см. Дзялыньскій 266 и K. Górski op. cit., Bibl. Warsz. 1892, IV, 22.

[5]) Содержаніе этого письма передаетъ Гейденштейнъ (156).

рядъ, состоящій изъ 900 польскихъ всадниковъ и около 1.000 венгерскихъ пѣхотинцевъ [1]).

Энергія начальниковъ подбодрила солдатъ, хотя условія, среди которыхъ пришлось имъ вести осаду, ухудшились. Къ холодамъ и дождямъ присоединилась какая-то эпидемическая болѣзнь, проникшая въ Польшу и Литву изъ Западной Европы и проявлявшаяся сначала сильнымъ ознобомъ въ спинѣ, а потомъ головными болями, страшными стѣсненіями въ груди и общею изнурительною лихорадкою [2]).

Несмотря на все это, солдаты принялись съ новымъ рвеніемъ за осадныя работы. Рѣшено было построить два моста [3]) и приготовить много лодокъ, чтобы сдѣлать нападеніе на крѣпость со всѣхъ сторонъ. Въ теченіе четырехъ дней (12, 13, 14, 15-го октября) войско энергически исполняло приготовительныя работы, необходимыя для новаго приступа: свозились деревья для постройки новаго моста и починки стараго и собирались лодки изъ окрестныхъ деревень и даже отдаленныхъ озеръ [3]). Замѣтивъ это, Русскіе поспѣшили удалить свои суда и оставили только одно, такъ какъ за ветхотью считали его уже никуда негоднымъ. Оно принадлежало монахамъ Заволочья и употреблялось ими для вытаскиванія большихъ неводовъ. Такъ какъ судно было весьма обширно (оно могло вмѣстить до 80 человѣкъ), то Замойскій рѣшилъ воспользоваться имъ при нападеніи на крѣпость, починивъ его предварительно и заткнувъ въ немъ щели отчасти воловьими кожами, отчасти мхомъ [5]).

Когда 16-го октября прибыли отъ короля вспомогательныя войска, Замойскій расположилъ ихъ такъ, что теперь осаждающіе находились со всѣхъ сторонъ крѣпости. Артиллерія при этомъ была поставлена такъ, что стрѣльбу можно было производить по крѣпости съ трехъ сторонъ.

Замойскій составилъ слѣдующій планъ приступа. Мосты должны быть поставлены съ одной стороны замка; по одному пойдутъ

---

[1]) Гейденштейнъ, 157. Гіуланъ говоритъ, что вспомогательный отрядъ, высланный къ Заволочью, состоялъ изъ 800 пѣхотинцевъ, подъ командою Стефана Кароли. У Гурскаго (I. с. 23)—978 Венгровъ.

[2]) *Гейденштейнъ*, 156.

[3]) Гейденштейнъ (157) говоритъ только, что Замойскій приказалъ прежній плотъ увеличить вдвое.

[4]) *Дзялыньскій*, 266—267.

[5]) *Гейденштейнъ*, 157.

Поляки, по другому—Венгры; этимъ распоряженіемъ Замойскій желалъ, очевидно, устранить возможность вторичнаго столкновенія между польскими и венгерскими отрядами. Въ то же время съ остальныхъ трехъ сторонъ войско должно было двинуться къ крѣпости на лодкахъ, чтобы отрѣзать осажденнымъ совершенно путь къ отступленію. Тотъ, кто первый подожжетъ крѣпость, получитъ большую награду, именно отъ него, гетмана, имѣніе съ тремя деревнями, а отъ короля пожизненное владѣніе. Этотъ планъ Замойскій сообщилъ ротмистрамъ. А затѣмъ на слѣдующій день (19-го октября) на военномъ совѣтѣ рѣшено было производить передъ приступомъ въ теченіе двухъ дней безпрерывную канонаду, во-первыхъ, съ тою цѣлью, чтобы попробовать, не удастся ли ядрами зажечь крѣпость, а потомъ, чтобы измучить осажденныхъ и такимъ образомъ уменьшить сопротивленіе ихъ при штурмѣ [1]).

Прежде чѣмъ начинать стрѣльбу, Замойскій избралъ пунктъ, куда выстрѣлы слѣдовало направлять по преимуществу. Онъ сѣлъ съ нѣсколькими военными людьми на большое судно и тщательно осмотрѣлъ укрѣпленія, послѣ чего приказалъ стрѣлять въ три больверка, находившіеся противъ крѣпости, чтобы сбить съ нихъ ядрами, по крайней мѣрѣ, глину, расщепать бревна и такимъ образомъ облегчить поджогъ крѣпости [2]).

Наканунѣ приступа канцлеръ послалъ осажденнымъ грамоту, приглашавшую ихъ добровольно подчиниться и обѣщавшую, по обыкновенію, въ такомъ случаѣ тѣмъ, которые пожелаютъ остаться подъ властью польскаго короля, различныя милости, а остальнымъ свободный пропускъ въ отечество [3]). Осажденные грамоты не

---

[1]) *Дзялыньскій*, 267—268.

[2]) *Гейденштейнъ*, 158.

[3]) Гейденштейнъ (159) говоритъ, что грамота была послана за нѣсколько дней до приступа—фактъ, противорѣчащій показанію Дзялыньскаго (268). Содержаніе грамоты у Гейденштейна передано слишкомъ кратко и неточно. См. эту грамоту въ Acta Stephani regis. стр. № CXXX; она же напечатана была уже въ сборникѣ M. Grabowski, A. Przeździecki i Malinowski, Zródła do dziejów polskich, Wilno, 1843, t. I.

По поводу этой грамоты Гейденштейнъ дѣлаетъ странное замѣчаніе: она была написана отъ имени короля, такъ какъ Замойскій не хотѣлъ писать отъ себя, зная, что его собственное имя внушаетъ непріятелю ужасъ, ибо ему, какъ главному распорядителю осады, приписывали жестокости, совершенныя при взятіи Великихъ Лукъ. Грамота отъ имени

хотѣли принимать и только говорили: «Пускай король шлетъ грамоты въ свои города, а не къ намъ, мы никакого короля не знаемъ и не желаемъ его слушать». Въ день, назначенный для приступа (23-го октября), утромъ было совершено молебствіе, причемъ многіе, готовившіеся идти на приступъ, исповѣдались и причастились. Въ это время наводились мосты, причемъ осажденные производили усиленную стрѣльбу, но она мало вредила наводившимъ мостъ: убитъ былъ только одинъ солдатъ и два ранены.

Послѣ молебствія Замойскій сталъ вызывать тѣхъ, которые записались идти на приступъ, затѣмъ произнесъ къ нимъ рѣчь, въ которой благодарилъ ихъ за готовность пожертвовать даже жизнью ради дѣла, превозносилъ ихъ мужество, говоря, что подвигомъ своимъ они пріобрѣтутъ безсмертную славу и обѣщалъ выхлопотать у короля для нихъ различныя милости. Послѣ этого наступилъ моментъ прощанія. Замойскій подавалъ всѣмъ руку и съ плачемъ благославлялъ. Воины тоже плакали, прощаясь другъ съ другомъ. Затѣмъ гетманъ приказалъ имъ идти къ траншеямъ и не начинать приступа до тѣхъ поръ, пока онъ самъ къ нимъ не явится. Венгры и Поляки, согласно этому приказанію, стали у траншей, а Замойскій приготовилъ между тѣмъ матеріалы, необходимые для поджога крѣпости. Когда все было готово, онъ приказалъ воинамъ садиться на лошадей и самъ, сѣвъ на коня, поѣхалъ къ траншеямъ. Увидѣвъ, что враги приближаются уже къ мостамъ, осажденные стали кричать, что желаютъ вести переговоры, но съ условіемъ, что будетъ прекращена пальба. Замойскій прекратилъ ее и послалъ спросить, чего осажденные хотятъ. Они отвѣтили, что желаютъ прочесть королевскую грамоту и послѣ этого скажутъ, сдаются ли они, или нѣтъ. Прочтя ее, они выразили черезъ посредство уполномоченныхъ (шести человѣкъ) готовность сдаться на условіяхъ дарованія имъ жизни и свободы и разрѣшенія унести съ собою оружіе, причемъ требовали подтвержденія этихъ условій клятвою со стороны Замойскаго.

Замойскаго произвела бы несомнѣнно такое же самое дѣйствіе, ибо осажденные понимали вѣдь отлично, что сулить можно одно отъ имени кого угодно, а дѣлать совершенно другое. А Замойскій стоялъ вѣдь подъ Заволочьемъ, слѣдовательно уже своимъ присутствіемъ онъ могъ возбуждать ужасъ и доводить осажденныхъ до отчаяннаго сопротивленія.

Условіе о сохраненіи оружія Замойскій отвергнулъ, но даровать жизнь и свободу клятвенно обѣщался. Тогда гарнизонъ отправилъ къ гетману еще семь уполномоченныхъ заявить, что воеводы не хотятъ сдаваться; поэтому пусть онъ возьметъ ихъ силою. Замойскій послалъ за ними нѣсколько десятковъ человѣкъ, и приказалъ Русскимъ ради ихъ собственной безопасности не выходить изъ крѣпости до завтрашняго дня, а уполномоченныхъ пригласилъ къ себѣ въ шатеръ и устроилъ имъ тутъ угощеніе. Когда привели воеводъ, гетманъ заявилъ имъ, что беретъ ихъ въ плѣнъ, такъ какъ они не хотѣли сдаться добровольно [1]).

Таковъ былъ ходъ военныхъ дѣйствій на главномъ театрѣ войны. Теперь посмотримъ, что происходило на флангахъ Баторіевой арміи. На лѣвомъ флангѣ въ Ливоніи, гдѣ находился Матвѣй Дембинскій съ отрядомъ въ 3.000 человѣкъ, господствовало спокойствіе [2]), а на правомъ шла весьма оживленная борьба. Тутъ дѣйствовали оршанскій староста Филонъ Кмита и казацкій гетманъ Оришовскій: первый предпринималъ походъ къ Смоленску, а второй—къ Стародубу.

Собравъ изъ шляхты, жившей вокругъ Орши, отрядъ въ 700 и отрядъ пѣхоты и казаковъ въ 1.000 человѣкъ, Кмита направился [3]) къ небольшому замку, находившемуся на разстояніи нѣсколькихъ миль отъ Смоленска, надѣясь соединиться здѣсь съ королевскими войсками, но ошибся въ своихъ разсчетахъ. Несмотря на это, онъ двинулся дальше, къ самому Смоленску, изъ кото-

---

[1]) *Дзялыньскій*, 270. У Гейденштейна (158—160) моментъ приступа изображенъ нѣсколько иначе: по его словамъ, воины штурмоваго отряда, находившіеся впереди, уже сошли съ плота на берегъ, когда осажденные стали кричать, что готовы сдаться. Во-вторыхъ, изъ разсказа историка можно заключить, что свобода была дарована и воеводамъ. Гейденштейнъ прибавляетъ, что Замойскій отпустилъ на свободу и нѣсколько знатныхъ женщинъ, которыя были взяты въ плѣнъ при завоеваніи Великихъ Лукъ, такъ какъ онъ опасался, что при столь продолжительномъ походѣ и при такомъ множествѣ солдатъ онѣ могутъ подвергнуться грубымъ оскорбленіямъ; этотъ поступокъ вызвалъ у Москвитянъ сильное удивленіе, ибо, по собственному ихъ сознанію, они не освободили бы такихъ молодыхъ и красивыхъ женщинъ.

[2]) *K. Górski*, op. cit., Bibl. Warsz. 1892, IV, 24. См. ниже стр. 199.

[3]) По Brevis Narratio Кмита выступилъ въ походъ, съ отрядомъ въ 700 человѣкъ, 7-го сентября.

раго, лишь только онъ подступилъ къ городу, ударило на него нѣсколько сотъ стрѣльцовъ, но онъ ихъ разбилъ и принудилъ возвратиться назадъ въ крѣпость. Однако онъ отступилъ отъ Смоленска, опасаясь, очевидно, разгрома своего войска. Дѣйствительно, когда Кмита расположился лагеремъ, на нѣкоторомъ ($1^1/_2$ мили) разстояніи отъ Смоленска, отсюда вышелъ отрядъ въ 400 всадниковъ и 3.000 пѣхотинцевъ съ цѣлью догнать его и нанести ему пораженіе.

Но Кмита первый ударилъ на врага, не обращая вниманія на его численное превосходство. Битва, начавшаяся вечеромъ, затянулась до поздней ночи и кончилась побѣдою Кмиты, причемъ онъ взялъ многихъ враговъ въ плѣнъ, но самъ понесъ потери незначительныя. Однако, въ виду того, что у него много было раненныхъ и воины его сильно утомились, онъ отступилъ немедленно по направленію къ Оршѣ и расположился лагеремъ на ночлегъ на берегу одной рѣчки, въ разстояніи десяти миль отъ Смоленска. Тутъ-то напало на него 25.000 Русскихъ и Татаръ, стараясь окружить его со всѣхъ сторонъ. Онъ пустился бѣжать, а они его преслѣдовали и громили; ему приходилось уже очень плохо, но, къ счастью для него, прибыли ему на выручку шедшія подъ Великія Луки двѣ роты, которыя, узнавъ, что король взялъ уже крѣпость, повернули на востокъ, чтобъ соединиться съ Кмитою, ибо имъ извѣстно было, что онъ предпринимаетъ экспедицію въ непріятельскую страну. Русскіе, замѣтивъ свѣжія силы у противника, прекратили преслѣдованіе. Во время этой погони Кмита потерялъ 700 человѣкъ убитыми, два орудія и 12 гаковницъ, которыя захватили враги. Чтобъ облегчить себѣ бѣгство, оршанскій староста умертвилъ всѣхъ плѣнныхъ [1]).

Мѣсяца два спустя послѣ того (въ ноябрѣ), Оришовскій опустошилъ сильно сѣверскую область, достигъ Стародуба, сжегъ городъ и часть его укрѣпленій; затѣмъ онъ произвелъ нападеніе

---

[1]) Таковъ отчетъ, который Кмита письменно далъ королю, см. Дзялыньскій 256—257. Гейденштейнъ (144) разсказываетъ объ его экспедиціи весьма кратко и приводитъ цифру Москвитянъ, разбившихъ Кмиту, въ 10.000 человѣкъ. Цифра въ 25.000 человѣкъ, вѣроятно, преувеличена Кмитою.

См. также приложеніе № XX. Brevis Naratio сообщаетъ, что Кмита прислалъ Баторію въ подарокъ, между прочимъ, elegantissimi operis ferreum thoracem palatini Mosci Ignatii Bludow interfecti cum malleo ferreo, quo pro clava utebatur, et vexillum.

на Почепово, но былъ отбитъ; тогда онъ вернулся назадъ, забравъ съ собою большую добычу [1]).

Такъ окончилась кампанія 1580 года: Баторій пріобрѣлъ еще одинъ важный стратегическій пунктъ, Великія Луки, что сильно подвигало впередъ осуществленіе военнаго плана, составленнаго королемъ.

VII.

Псковъ.

Въ Великихъ Лукахъ Баторій находился до тѣхъ поръ, пока не была окончена постройка крѣпости въ главныхъ своихъ частяхъ, причемъ онъ самъ дѣятельно наблюдалъ за ходомъ строительныхъ работъ. Снабдивъ крѣпость всѣмъ необходимымъ и оставивъ въ ней гарнизонъ изъ 1.117 человѣкъ конницы и 1.000 пѣхоты подъ начальствомъ оршанскаго старосты Филона Кмиты, Баторій 3-го октября отправился въ Невель [2]). Сюда послѣдовали за нимъ московскіе послы. Но веденіе переговоровъ не давало никакихъ результатовъ. Вскорѣ послѣ взятія Великихъ Лукъ (7-го сентября) король получилъ отъ Іоанна письмо, которое, очевидно, было прислано только съ тою цѣлью, чтобъ извѣстить Баторія объ успѣхѣ царскихъ войскъ въ Ливоніи: они отняли назадъ, какъ доносилъ царь, у Поляковъ городъ Крейцбургъ [3]). Тонъ письма свидѣтельствуетъ о томъ, что у Іоанна явилась нѣкоторая надежда на болѣе успѣшный для него ходъ военныхъ дѣйствій или что извѣстіемъ о побѣдѣ онъ хочетъ произвести впечатлѣніе на противника. Баторій отвѣтилъ на это письмо извѣщеніемъ Іоанна о взятіи Великихъ Лукъ и опроверженіемъ извѣстія о побѣдѣ царскихъ войскъ въ Ливоніи [4]).

Затѣмъ уже въ Невель пришло отъ Іоанна письмо къ Баторію, какъ отвѣтъ на посольство Лозовицкаго. Царь обосновывалъ,

---

[1]) *Гейденштейнъ*, 163. Время этого набѣга можно опредѣлить такъ: согласно Гейденштейну, набѣгъ происходилъ тогда, когда король находился въ Гроднѣ, а это было въ ноябрѣ, какъ можно заключить изъ дневника Дзялыньскаго, говорящаго намъ, что онъ правилъ посольство передъ королемъ 10-го ноября въ Вильнѣ и изъ словъ Гейденштейна, что король находился здѣсь недолго и уѣхалъ отсюда въ Гродну.

[2]) *K. Górski*, op. cit., Bibl. Warsz. 1892, IV, 24.

[3]) *Дзялыньскій*, l. c. 245, и Метр. Лит., II, № 55.

[4]) Метр. Лит., II, № 65, 56.

по обыкновенію, свои притязанія на Ливонію, на наслѣдственномъ правѣ, ведущемъ свое начало отъ Ярослава, который завоевалъ ливонскую страну и построилъ въ ней городъ Юрьевъ. Однако отъ нѣкоторыхъ городовъ въ Ливоніи онъ теперь, послѣ взятія Великихъ Лукъ, уже отказывался: онъ уступалъ Баторію Кокенгаузенъ, Ашераденъ, Леневардъ, Крейцбургъ, кромѣ того, Усвятъ и Озерище, соглашался на то, чтобы оба они, т.-е. онъ, Іоаннъ, и Баторій, носили титулы ливонскихъ владѣтелей, но требовалъ за эти уступки возвращенія Великихъ Лукъ, Велижа и отступленія королевскихъ войскъ отъ Невеля [1]). Наконецъ, Іоаннъ давалъ своему посольству полномочіе сдѣлать еще бо́льшія уступки, если на тѣ, которыя онъ сдѣлалъ, послѣдуетъ согласіе [2]).

Предложенія Іоанна, конечно, не были приняты, вслѣдствіе чего московское посольство, исполняя порученіе царя, выразило желаніе вступить въ новые переговоры. Московскіе послы три раза совѣщались съ сенаторами Баторія. Сначала они уступили небольшіе замки Биржи (Биржанъ), Лаудонъ (Лявданъ) и Руинъ, потомъ прибавили еще два (Сечвей и Маенгавзъ) и, наконецъ, когда, въ виду ничтожности уступокъ, имъ заявили, что они могутъ возвращаться къ своему государю, отдали королю Румборкъ, Каркусъ [3]) и, въ концѣ концовъ, Трикатъ.

Больше уступать они не могли, такъ какъ они не имѣли на то полномочій, вслѣдствіе чего переговоры были прерваны, однако

---

[1]) Метр. Лит., II,, № 57 и приложеніе. Гейденштейнъ (148—149), передаетъ содержаніе царскаго письма довольно точно. Онъ приводитъ невѣрно какого-то князя Святослава Мстиславовича, котораго называли до принятія крещенія Юргомъ и отъ котораго Іоаннъ производилъ будто бы свои права на Ливонію и — что важнѣе — историкъ опредѣляетъ неточно уступки, дѣлаемыя Іоанномъ Баторію. По словамъ Гейденштейна, Іоаннъ писалъ, что готовъ раздѣлить съ королемъ право на Ливоніи и владѣть ею вмѣстѣ съ нимъ, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ царь соглашался только на то, чтобы Баторій носилъ титулъ князя Ливонскаго „А Лиѳлянтскимъ бы намъ обема писатися безъимянно, какъ нынеча ты пишешься“—вотъ подлинныя выраженія Іоаннова письма. Первую ошибку, сдѣланную Гейденштейномъ, отмѣтилъ уже редакторъ перевода его „Записокъ“ на русскій языкъ.

[2]) *Геденштейнъ*, 149, и Метр. Лит., II, № 59. Лозовицкій и гонецъ московскихъ пословъ Никифоръ Сущовъ возвратились отъ Іоанна 16-го октября.

[3]) Метр. Лит., II, № 59. Гейденштейнъ (149) дѣлаетъ незначительную ошибку: онъ говоритъ объ уступкѣ посламъ 6 городовъ, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ ихъ было 7 (семь).

посламъ разрѣшено было, согласно ихъ просьбѣ, слѣдовать за королемъ до тѣхъ поръ, пока они не получатъ новыхъ инструкцій отъ своего государя. Затягивать переговоры казалось Іоанну выгоднымъ, такъ какъ ему тяжело было отказаться отъ Ливоніи и такъ какъ онъ не переставалъ надѣяться на лучшій для него оборотъ дѣлъ вслѣдствіе задуманной имъ дипломатической комбинаціи.

Баторій также умышленно затягивалъ переговоры изъ предусмотрительности. На войну нужны были средства, а эти средства давалъ и размѣръ ихъ опредѣлялъ сеймъ, такъ что осуществленіе въ томъ или иномъ видѣ военныхъ плановъ короля обусловлено было отношеніемъ, въ какое встанутъ къ этимъ планамъ чины государства. Вотъ почему окончательный отвѣтъ московскимъ посламъ отложенъ былъ до новаго сейма [1]), хотя Баторій мира заключать не хотѣлъ и думалъ о продолженіи войны, уже возвращаясь изъ кампаніи 1580 года.

По мнѣнію короля, перемиріе было выгодно только врагу, ибо давало ему возможность оправиться отъ пораженій и укрѣпить свои силы настолько, что борьба съ нимъ могла сдѣлаться впослѣдствіи гораздо труднѣе. На заключеніе вѣчнаго мира также нельзя было соглашаться, пока въ непріятельскихъ рукахъ будутъ оставаться лучшія ливонскія гавани, ири помощи которыхъ врагъ можетъ получать изъ-заграницы все, что необходимо для усиленія его могущества. Такимъ образомъ, остается только вести войну и Баторій призывалъ своихъ подданныхъ къ пожертвованіямъ на веденіе ея [2]).

Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ и самъ подумалъ о приготовленіи средствъ для этой цѣли. Прибывъ изъ Невеля черезъ Вильну въ Гродну [3]), онъ обратился къ герцогу прусскому, Георгію-Фридриху, и куфюрстамъ саксонскому и бранденбургскому съ просьбою ссудить ему денегъ. Кромѣ того, онъ окончилъ переговоры съ Ригою объ условіяхъ подчиненія города его власти. Рига обязалась, между прочимъ, платить въ казну короля двѣ трети пошлинъ съ заморскихъ товаровъ [4]).

---

[1]) *Гейденштейнъ*, 159.

[2]) См. приложеніе № XX.

[3]) Въ Вильну король прибылъ 3-го ноября. (См. приложеніе № XX и Brevis Narratio).

[4]) *Гейденштейнъ*, 163—164.

Замойскій ревностно помогалъ королю въ исполненіи его плановъ. Возвращаясь изъ Заволочья, канцлеръ тщательно старался изучить теченія рѣкъ и направленіе и состояніе дорогъ, по которымъ долженъ былъ происходить походъ будущаго года [1]).

Еще бо̀льшія услуги онъ оказалъ королю на сеймѣ, который былъ созванъ на 22-е января 1581 года въ Варшаву [2]). Устами канцлера Баторій выяснилъ причины, вслѣдствіе которыхъ необходимо продолжать войну. Врагъ соглашается уступить королю только нѣкоторые замки въ Ливоніи и оставляетъ за собою важныя ливонскія гавани, но до этого допустить никоимъ образомъ нельзя. Надо врагу нанести такой ударъ, чтобъ у него не только «не выросли снова перья, но и плечъ больше не было», надо его отодвинуть подальше отъ моря, изъ-за котораго онъ можетъ получать военные снаряды и ремесленниковъ и которое дастъ ему возможность вступать въ различнаго рода дипломатическія комбинаціи, направленныя противъ Речи Посполитой. Это важное значеніе борьбы король ставилъ на видъ сейму, чтобъ склонить его къ одобренію значительныхъ налоговъ. Онъ указывалъ еще и на то обстоятельство, что въ будущемъ году придется совершить болѣе отдаленный походъ, что придется идти на 50 миль далѣе, нежели въ нынѣшнемъ. Сенатъ и посольская изба сразу выразили свое согласіе на продолженіе войны. Нѣкоторая задержка произошла только при разрѣшеніи вопроса о размѣрѣ налоговъ, необходимыхъ на веденіе ея.

Сенатъ почти единогласно пришелъ къ заключенію, что необходимо установить налоги еще на три года въ размѣрѣ, практиковавшемся въ теченіе послѣднихъ трехъ лѣтъ. Но земскіе послы, послѣ совѣщаній, длившихся нѣсколько дней, заявили, что они могутъ согласиться только на установленіе обыкновеннаго годичнаго налога, такъ какъ они связаны своими посольскими инструкціями. Это заявленіе сильно не понравилось королю и Замойскому.

Послѣдній съ негодованіемъ замѣтилъ, что послы требуютъ отъ короля невозможнаго. Издержекъ на первый походъ нельзя было покрыть даже двойнымъ налогомъ, и король не жалѣлъ своихъ собственныхъ средствъ на покрытіе расходовъ по веденію войны,

---

[1]) *Гейденштейнъ*, 161.

[2]) См. приложеніе № XX; дневникъ сейма въ Acta Steph. regis, стр. 285 и слѣд.

такъ что теперь казна его совершенно пуста. Какъ-же быть? Предстоитъ кампанія еще болѣе дорогая. Послы не хотятъ одобрять необходимыхъ для этого налоговъ. Что же? Они, очевидно, хотятъ, чтобы король позволилъ кожу съ себя сдирать. Онъ бы и это готовъ былъ сдѣлать, если бы можно было придумать такую алхимію, которая давала бы возможность изъ кожи деньги чеканить [1]).

Въ посольской избѣ произошло раздвоеніе: большинство пословъ готово было одобрить двойной налогъ, и только послы трехъ воеводствъ стояли на своемъ, оправдывая свое поведеніе полномочіями, которыя они получили отъ сеймиковъ [2]).

Вслѣдствіе этого приходилось продолжать совѣщанія съ посольской избою. Мнѣнія сенаторовъ были различны. Одни совѣтовали установить пока обыкновенный годичный налогъ, другіе— въ тѣхъ воеводствахъ, послы которыхъ выразили согласіе на двойной налогъ, взимать двойной, а въ остальныхъ простой, иные говорили, что необходимо созвать сеймики и на нихъ рѣшить этотъ вопросъ. Славолюбивый король старался подѣйствовать на честолюбіе націи. Онъ съ благодарностью принимаетъ и обыкновенный налогъ, но тогда придется вести позорную войну, войну, которая сведется къ разбойническимъ набѣгамъ, къ уводу въ плѣнъ жителей и т. п., но осаждать и брать крѣпости уже нельзя будетъ. А между тѣмъ онъ, если бы онъ только нашелъ поддержку, подумалъ бы о покореніи не только Московіи, но и всего сѣвера [3]). Слова эти подѣйствовали на посольскую избу. Совѣщанія о налогѣ кончились тѣмъ, что послы согласились на двойной размѣръ, сдѣлавъ только такую незначительную оговорку: если можно будетъ королю заключить въ текущемъ году миръ съ врагомъ, они выражаютъ желаніе, чтобы на веденіе ея пошла только половина суммы, одобренной сеймомъ, а другая осталась въ госу-

---

[1]) Podobno,—сказалъ Замойскій,—aby skórę z siebie łupić dał. Uczyniłby i to, gdyby się alchimia taka wynaleźć mogła, co by z niej pieniądze kuto“ см. Acta Stephani regis, стр. 301.

[2]) Этими воеводствами были, какъ можно заключить изъ рѣчи короннаго маршала: краковское, сандомирское и люблинское.

[3]) „Deus est mihi testis,—говорилъ Баторій,—quod si in necessitatibus Rei publicae deesse nollent, non solum de Moschovia, sed de toto septentrione subigendo cogitarem“. Слова эти не совсѣмъ ясны. Что разумѣлъ король подъ сѣверомъ, можно только догадываться. Онъ, вѣроятно, намекалъ такимъ образомъ на шведскія владѣнія въ Ливоніи, на Эстонію, а можетъ быть, Финляндію и Швецію.

дарственной казнѣ. Такимъ образомъ чины государства довольно охотно поддержали военные планы Баторія [1]).

Правда, сеймъ заявлялъ королю, что онъ одобряетъ двойной налогъ уже въ послѣдній разъ, но, очевидно, только съ тою цѣлью, чтобы показать королю, какъ затруднительно въ финансовомъ отношеніи положеніе государства, и склонить его къ скорѣйшему окончанію войны [2]).

Поддержанный сеймомъ, Баторій могъ съ еще большею рѣшительностью настаивать на требованіяхъ, которыя онъ предъявлялъ врагу. Московскіе послы прибыли, какъ намъ извѣстно, за королемъ въ Варшаву, гдѣ они ждали новыхъ полномочій отъ своего государя. Іоаннъ далъ эти полномочія, но они были таковы, что миръ не могъ состояться. Питая надежду на дипломатическое вмѣшательство императора и папы, съ которыми онъ велъ въ это время переговоры, московскій государь прислалъ съ гонцомъ Ренчукомъ Климентьевымъ къ королю письмо, въ которомъ онъ выражалъ только желаніе продолжать переговоры, но о новыхъ условіяхъ, на которыхъ онъ соглашался ихъ вести, въ письмѣ ни слова не говорилось [3]). Эти новыя условія гонецъ

---

[1]) Объ этомъ ясно свидѣтельствуетъ дневникъ сейма 1581 года. Поэтому никоимъ образомъ нельзя согласиться съ мнѣніемъ тѣхъ историковъ, каковы Павинскій и Гурскій, которые, преклоняясь слишкомъ предъ геніемъ Баторія, осуждаютъ поведеніе сеймовъ, осмѣливавшихся критиковать дѣятельность короля и не сразу соглашавшихся удовлетворять его желанія. Гурскій въ своемъ увлеченіи подвигами Баторія и нерасположеніи къ сеймамъ доходитъ до того, что называетъ польскій сеймъ самымъ вѣрнымъ союзникомъ враговъ Речи Посполитой (Bibl. Warsz. 1892, IV, 26). Такіе изслѣдователи забываютъ, что подобнымъ образомъ, какъ польскій сеймъ, дѣйствовали и обязаны были дѣйствовать всѣ представительныя собранія въ государствѣ.

Что касается Гейденштейна (165—166), то ходъ преній на сеймѣ изложенъ у него неясно. Онъ говоритъ, что государственные чины представляли королю какіе-то письменно изложенные пункты, выражая желаніе, чтобы эти пункты получили силу законовъ, и именно въ томъ видѣ, въ какомъ ихъ предлагали, но въ чемъ состояли эти законопроекты, историкъ не объясняетъ; дневникъ же сейма объ этомъ обстоятельствѣ ни словомъ не упоминаетъ.

[2]) Слова Пржіемскаго, маршалка посольской избы. См. дневникъ сейма въ Acta Steph. regis, стр. 355.

[3]) Это письмо Іоанна напечатано въ Метр. Лит., II, № 60, у Кояловича, Дневникъ послѣдняго похода Стефана Баторія на Россію, стр. 179—181, и въ Acta Stephani regis, стр. 286—288.

долженъ былъ, вѣроятно, сообщить, по приказанію царя, непосредственно посламъ, но онъ не могъ этого сдѣлать, такъ какъ его не допускали сообщаться съ ними, держа его подъ бдительною стражею. Гонецъ прибылъ въ Варшаву послѣ возвращенія къ Іоанну посольства, которое ѣздило отъ него къ императору. Эти переговоры царя съ императоромъ казались Баторію весьма подозрительны. До короля доходили слухи, что Іоаннъ призналъ надъ Ливоніею сюзеренное верховенство императора и получилъ за значительную денежную сумму разрѣшеніе набирать солдатъ въ Германіи. Все это возбуждало подозрительность короля и онъ не позволялъ Іоаннову гонцу сноситься съ московскимъ посольствомъ [1]).

Однако въ самомъ письмѣ царя заключалось полномочіе продолжать переговоры, очевидно, на условіяхъ незначительныхъ уступокъ въ Ливоніи. Послы и стали дѣйствовать въ такомъ духѣ. Получивъ на торжественной аудіенціи у короля согласіе на возобновленіе переговоровъ, они заявили сначала на совѣщаніи съ сенаторами, которыхъ король назначилъ для этой цѣли [2]), что желаютъ узнать, на какихъ условіяхъ король готовъ заключить миръ, но получили уклончивый отвѣтъ. Тогда они сказали, что могутъ съ своей стороны представить только тѣ условія, которыя они предлагали въ Невелѣ. Вслѣдствіе этого возникли долгія и безплодныя пренія. Сенаторы напомнили посламъ, что невельскія условія уже весьма рѣшительно были отвергнуты королемъ. Какъ же онъ можетъ принять ихъ теперь, когда онъ произвелъ уже значительныя издержки на продолженіе борьбы, виновникомъ которой является московскій государь? Послы стояли на своемъ; они хотѣли узнать предварительно, что съ своей стороны можетъ и желаетъ предложить король. Въ виду этого виленскій каштелянъ Воловичъ заявилъ, что уступка всей Ливоніи представляетъ собою необходимое условіе, которое легко устранитъ иныя препятствія, мѣшающія заключенію мира. На это послы возразили, что объ уступкѣ Ливоніи они и подумать не смѣютъ

---

[1]) *Тургеневъ*, I, № CCVIII и CCIX.

[2]) Въ составъ совѣщательной коммиссіи вошли слѣд. сенаторы: виленскій каштелянъ Евстафій Воловичъ, воеводы сѣрадзскій Альбрехтъ Ласкій, ленчицкій Иванъ Сѣряковскій, подольскій Николай Мелецкій, люблинскій Иванъ Тарло, белзскій Андрей Тенчинскій, равскій Анзельмъ Гостомскій, коронный маршалъ Андрей Опалинскій и коронный канцлеръ Янъ Замойскій.

и могутъ предложить королю еще одинъ только замокъ Вольмаръ. Эта уступка показалась сенаторамъ смѣшною. Московскій государь отнялъ у Речи Посполитой какъ бы однимъ ударомъ обширныя области, а теперь послы его какъ бы въ насмѣшку уступаютъ по одному замку. Кончилось тѣмъ, что король пригрозилъ посольству отправкою назадъ, если оно будетъ дальше поступать подобнымъ образомъ. Но угроза не произвела желаннаго впечатлѣнія; поэтому переговоры были прерваны и послы отвезены за Вислу, въ мѣстечко Брудно, туда, гдѣ было ихъ мѣстопребываніе [1]).

Король прервалъ переговоры, но приводить свою угрозу въ исполненіе считалъ еще пока дѣломъ преждевременнымъ, такъ какъ онъ не былъ увѣренъ, поддержитъ ли его сеймъ на столько, что можно будетъ энергически продолжать войну: вопросъ о налогахъ пока еще только обсуждался, но не былъ разрѣшенъ окончательно.

Вслѣдствіе этого посольству дана была особая аудіенція (13-го февраля) и устроено новое совѣщаніе объ условіяхъ мира, но и оно не привело ни къ какому результату. Къ прежнимъ уступкамъ послы прибавили еще крѣпости Рѣжицу, Люценъ и Маріенгаузенъ [2]), наконецъ, согласились отдать королю всѣ тѣ крѣпости, которыми Іоаннъ завладѣлъ въ Ливоніи со времени вступленія Баторія на польскій престолъ, однако подъ условіемъ возвращенія царю тѣхъ пунктовъ, которые Баторій въ прошломъ году завоевалъ. Переговоры снова были прерваны, и Баторій могъ ихъ уже прервать окончательно, такъ какъ онъ добился отъ сейма одобренія такого налога, какого онъ желалъ. Сначала былъ отпущенъ (16-го февраля) московскій гонецъ Репчукъ Климентьевъ, черезъ котораго Баторій переслалъ Іоанну письмо съ заявленіемъ, что мириться съ нимъ онъ не можетъ, ибо въ Ливоніи остаются еще царскіе люди [3]).

Затѣмъ послѣдовалъ отпускъ пословъ. Они просили разрѣшить имъ еще разъ посовѣщаться съ сенаторами и, получивъ это

---

[1]) Acta Stephani regis, стр. 298—299.

[2]) Acta Stephani regis, 320. У Кояловича, op. cit., стр. 5, напечатано невѣрно Łukę вмѣсто Lucen. Метр. Лит., II, стр. 126, говоритъ только объ уступкѣ двухъ замковъ, Рѣжицы и Люцена, причемъ наименованіе перваго напечатано неправильно Розытелъ (очевидно, нѣмецкое Rositten)

[3]) Метр. Лит., II, № 61, и въ польскомъ переводѣ у Кояловича, стр. 183, № 4.

разрѣшеніе, заявили, что готовы уступить—вопреки своимъ полномочіямъ—небольшіе замки Салисъ и Перкель. Въ заключеніе они сдѣлали попытку заключить перемиріе на полгода на условіяхъ uti possidetis [1]). Но, конечно, эти предложенія были отвергнуты. Мало того, при самомъ отпускѣ пословъ Баторій далъ имъ понять, что теперь одна Ливонія его не удовлетворитъ, что придется московскому государю свести съ нимъ еще иные счеты, ибо онъ считаетъ сѣверскую область, Смоленскъ, Псковъ и Великій Новгородъ своею собственностью [2]). Это заявленіе не было со стороны Баторія простою, только дипломатическою угрозою, высказанною съ тою цѣлью, чтобы сдѣлать противника уступчивѣе; въ случаѣ успѣха на театрѣ войны, оно могло бы обратиться въ требованіе sine qua non заключенія мира [3]).

Такимъ образомъ продолженіе войны было неизбѣжно. Въ дѣйствительности же военныя дѣйствія и не прекращались. Еще зимою 1580 года начальникъ великолуцкаго гарнизона Филонъ Кмита устроилъ экспедицію подъ крѣпость Холмъ въ отместку за нападеніе, которое произвели холмскіе казаки на великолуцкую область. Съ этою цѣлью онъ выслалъ отрядъ въ 1.000 слишкомъ человѣкъ подъ начальствомъ Вацлава Жабки. Высланные напали на Холмъ въ самый день Рождества Христова, зажгли городъ и совершили въ немъ и въ его окрестностяхъ сильное опустошеніе. Холмскій воевода Петръ Ивановичъ Барятинскій вступилъ, было, съ командирами экспедиціи въ переговоры, прося ихъ не совершать опустошеній и людей не губить, ибо государь его съ ихъ государемъ хочетъ миръ соблюдать и новое посольство собирается къ нему отправить; кромѣ того, указывалъ имъ на то,

---

[1]) Разсказъ объ отпускѣ пословъ пропущенъ въ Acta Stephani regis, но имѣется у Кояловича, стр. 7.

[2]) *Кояловичъ*, 187—188, № 5.

[3]) У Гейденштейна (166—167) ходъ переговоровъ о мирѣ въ Варшавѣ изложенъ слишкомъ кратко, однако весьма мѣтко указана сущность уступокъ, сдѣланныхъ московскими послами Баторію: уступая ему крѣпость и города въ Ливоніи, они сохраняли за своимъ государемъ такіе важные въ военномъ и торговомъ отношеніи пункты, какъ Фелинъ, Дерптъ, Маріенбургъ, Перновъ и Нарву. Кромѣ того, историкъ отмѣчаетъ слѣд. интересное обстоятельство: онъ говоритъ, что при переговорахъ съ московскими послами присутствовало нѣсколько уполномоченныхъ отъ земскихъ пословъ для того, чтобы они могли разсказать подробнѣе своимъ товарищамъ объ увертках Москвитянъ.

что царь приказалъ крѣпко-на-крѣпко войны съ польскимъ королемъ не начинать, на что получилъ въ отвѣтъ списокъ тѣхъ казаковъ, которые произвели вышеуказанное нападеніе на окрестности Великихъ Лукъ [1]). Затѣмъ крѣпость была подожжена и принуждена сдаться вмѣстѣ со старшимъ воеводою Петромъ Ивановичемъ Барятинскимъ, меньшимъ воеводою Панакомъ [2]), стрѣлецкимъ головою Михаиломъ Зыбинымъ, сотнею дѣтей боярскихъ и 600 стрѣльцовъ [3]).

Въ Холмѣ отрядъ раздѣлился на двѣ части: одна направилась къ Новгороду, другая—къ Руссѣ, предаваясь грабежу, захватывая въ плѣнъ жителей и убивая ихъ въ случаѣ сопротивленія; первая дошла до города Дубно (въ 12-ти миляхъ отъ Новгорода), вторая приблизилась къ Руссѣ на разстояніе въ 10 миль [4]).

Въ это же время Георгій Сибрикъ, начальникъ гарнизона, стоявшаго въ Заволочьи, завладѣлъ крѣпостью Воронечемъ, которая находилась при впаденіи рѣки Усовки въ рѣку Великую. Жители Воронеча, принесли было, уже присягу на подданство Баторію. Тогда одинъ московскій отрядъ рѣшилъ наказать ихъ за это и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не допустить, чтобы врагъ завладѣлъ крѣпостью. Но Сибрикъ, предупрежденный объ этомъ изъ Воро-

---

[1]) См. разсказъ объ этой экспедиціи въ письмѣ самого Кмиты къ королю (*Кояловичъ*, op. cit., стр. 181, № 2). Гейденштейнъ (170) называетъ начальниками экспедиціи Мартина Курца и Гавріила Голубка. Письмо упоминаетъ о Мартинѣ Курцѣ и Голубѣ; перваго, по словамъ письма, захватили въ плѣнъ холмскіе казаки, а второй командовалъ одной изъ ротъ. Такимъ образомъ у Гейденштейна въ данномъ мѣстѣ небольшая ошибка.

[2]) Онъ названъ Menzik Pankratowicz Panak.

[3]) См. List od panów rotmistrzów i rycerstwa króla IMci, w ziemię nieprzyjacielską posłanego, do pana Philona wojewody smoleńskiego *Кояловичъ*, op. cit., стр. 184, № 3.

[4]) *Кояловичъ*, op. cit., стр. 182. О холмской экспедиціи говоритъ также папскій нунцій Кадигари въ письмѣ отъ 2-го февраля 1581 года. Li soldati Polacchi del praesidio di Velchiluki hanno fatto un' altra grossa scorreria et presa et arsa una terra grossa con fare molta preda et sono ritornati vincitori et con alcuni prigioni nobili li quali esaminati affermano che il Moscovita si prepara di mandare un' altro solennissimo ambasciatore suo parente al re nostro per offerire pace. Li soldati, che fanno le scorrerie, mettonno a foco et fiamma cento miglia di paese dentro di Moscovia et non trovano niuno che li resista (римскіе портф. 11CVI, стр. 35 въ библ. Крак. Акад. Наукъ).

неча, двинулся на Москвитянъ, разбилъ ихъ и поставилъ въ Воронечѣ свой гарнизонъ [1]).

Въ то же самое время войско, расположенное въ Ливоніи, взяло замокъ Смильтенъ и опустошило сильно окрестности Дерпта [2]), а венгерскій гарнизонъ Невля произвелъ набѣгъ на сосѣднія московскія земли, разграбилъ ихъ и захватилъ въ плѣнъ двухъ воеводъ [3]).

Нѣсколько позже (въ мартѣ 1581 г.) Кмита, побуждаемый успѣхомъ нападенія на Холмъ, задумалъ взять городъ Руссу, которая славилась своими богатыми соляными варницами и обширною торговлею.

При нападеніи на городъ онъ не встрѣтилъ сопротивленія со стороны его жителей, такъ что легко имъ завладѣлъ, пробылъ въ немъ три недѣли и, разрушивъ его до основанія, возвратился назадъ съ громадною добычею [4]).

Экспедиціи эти сопровождались такимъ значительнымъ успѣхомъ потому, что жители московскихъ областей, напуганные побѣдами Баторія, не только не сопротивлялись нападавшимъ, но добровольно имъ подчинялись, а иногда брались даже за оружіе противъ своихъ собственныхъ соотечественниковъ. Успѣхъ этихъ экспедицій ограничился не одною добычею; они расширили границы Речи Посполитой на нѣсколько десятковъ миль далѣе [5]).

Между тѣмъ Іоаннъ не принималъ никакихъ дѣйствительныхъ мѣръ для защиты своихъ владѣній отъ врага; онъ даже вывелъ войска изъ пограничныхъ областей, заперся въ Александровской Слободѣ и съ прежнимъ упрямствомъ продолжалъ разсчитывать на успѣхъ своихъ обычныхъ дипломатическихъ переговоровъ, хотя положеніе государства было весьма печально: государственные чины, созванные имъ въ концѣ 1580 года съ тою цѣлью, чтобы рѣшить вопросъ, продолжать ли войну, или заключить миръ, заявили, что воевать съ врагомъ нѣтъ у государства ни силъ,

---

[1]) *Гейденштейнъ*, 171.

[2]) *K. Górski*, op. cit., Bibl. Warsz. 1892, IV, 229.

[3]) *Тургеневъ*, I, № CCIX.

[4]) См. Dziennik wyprawy Stefana Batorego pod Psków, Kraków, 1894, стр. 1, то же у Кояловича, op. cit., стр. 10—11.

[5]) Такъ говорилъ объ этомъ самъ Баторій нунцію Калигари: mi disse di poi SMta che li suoi soldati hanno prolongati li suoi confini verso Moscovia più di 60 leghe et che quelli Moscoviti che sonno fatti suoi sudditti li servano una fede mirabile et fanno una guerra... agli altri Moscoviti vasalli del Gran Duca (рим. портф., 11CVI, стр. 159).

ни средствъ и просили царя мириться съ Баторіемъ [1]). Несмотря на это, Іоаннъ продолжалъ придерживаться своей обычной политики проволочекъ и козней противъ врага. Онъ разсчитывалъ въ этомъ году, какъ и раньше, на то, что сеймъ не дастъ надлежащей поддержки Баторію, а потому король не въ состояніи будетъ вести энергическую борьбу. Царь, кажется, надѣялся и на то, что ему удастся сорвать сеймъ [2]). Съ этою цѣлью онъ содержалъ въ Литвѣ агентовъ, которыхъ выдалъ королю бояринъ Давидъ Бѣльскій, бѣжавшій отъ царя къ Баторію [3]).

Въ переговорахъ же своихъ съ королемъ о мирѣ царь придерживался своей прежней тактики. Новое посольство [4]), во главѣ котораго стояли дворянинъ и намѣстникъ муромскій Евстафій Михайловичъ Пушкинъ, дворянинъ и намѣстникъ шацкой Ѳедоръ Андреевичъ Писемскій и дьякъ Иванъ Андреевъ, прибывъ къ Баторію въ Вильну (24-го мая), повело переговоры обычнымъ порядкомъ: оно уступило королю сначала города Румборкъ и Вольмаръ, потомъ еще два, три замка и наконецъ, заявило, что царь отдаетъ всю Ливонію, за исключеніемъ Нейгаузена (Новгородка), Нейшлоста (Серенска), Неймюлена (Адежа), Ругодева или Нарева и желаетъ, чтобы король возвратилъ ему назадъ Великія Луки, Холмъ, Велижъ и Заволочье взамѣнъ за Полоцкъ, Озерище и Усвятъ [5]). На это Баторій отвѣтилъ предъявленіемъ слѣдующихъ условій. Ливонія должна быть уступлена вся безъ всякаго исключенія со всѣми замками и со всею артиллеріею, какая только въ нихъ находится. Король со-

---

[1]) *Кояловичъ*, op. cit., стр. 183.

[2]) Объ этомъ говорится въ королевской пропозиціи сейму: Dimenzy (!?) sekretarz Moskiewskiego powiada, że kniaź ma nadzieję, że ten sejm rozerwie... Acta Stephani regis, стр. 290.

[3]) Dziennik wyprawy Stefana Batorego pod Psków, стр. 2 и *Кояловичъ*, op. cit., стр. 11—12. По словамъ нунція Калигари, пребываніе въ Литвѣ агентовъ Іоанна выдалъ Баторію московскій бѣглецъ Давидъ Бѣльскій, см. *Тургеневъ*, I, 311. Гейденштейнъ (174) даетъ Бѣльскому неправильно имя Богдана. По разсказу Петровскаго, подвергнутые пыткѣ, Іоанновы агенты сознались, что хотѣли по отъѣздѣ короля на войну сжечь Вильну, а потомъ посягнуть на жизнь самаго Баторія.

[4]) Объ отправкѣ его Іоаннъ извѣстилъ Баторія письмомъ, которое доставилъ королю въ Гродну гонецъ Григорій Кабардѣевъ (Метр. Лит., II, № 62, и *Кояловичъ*, op. cit., стр. 200). На это извѣщеніе Баторій отвѣтилъ требованіемъ, чтобы послы явились къ нему въ теченіе шести недѣль (Кояловичъ, стр. 202, № 15).

[5]) Метр. Лит., II, № 66, стр. 136.

глашается возвратить царю Великія Луки, Холмъ и Заволочье, но Себежъ, стоящій на полоцкой землѣ, долженъ быть или отданъ королю, или разрушенъ, за что въ свою очередь король обязуется сжечь крѣпость Дриссу, находящуюся напротивъ Себежа. За военныя издержки Іоаннъ обязанъ уплатить 400.000 золотыхъ, согласиться не на перемиріе, а на вѣчный миръ, и включить въ условія мирнаго договора шведскаго и датскаго королей. Въ заключеніе Баторій выражалъ желаніе имѣть свиданіе съ Іоанномъ въ какомъ-нибудь пограничномъ пунктѣ, чтобы договориться окончательно объ условіяхъ мира [1]).

Условія, предлагаемыя той и другой стороною, были таковы, что соглашеніе легко могло бы послѣдовать, если бы только не заключалось въ нихъ одно обстоятельство, которое являлось для него главнымъ камнемъ преткновенія: ни Іоаннъ, ни Баторій не хотѣли отказаться отъ владѣнія Нарвою. Король понималъ, что она представляла собою пунктъ, дававшій врагу возможность сноситься съ Западной Европою, получать оттуда все то, что могло еще болѣе усилить его могущество, пунктъ, изъ котораго врагъ безъ большого труда могъ завладѣть опять Ливоніею. Не считая по этимъ причинамъ возможнымъ для себя уступать Нарву, Баторій и рѣшилъ продолжать борьбу [2]).

А Іоаннъ въ это время сталъ возлагать надежды не только на успѣшность своихъ дипломатическихъ комбинацій въ виду того, что папа соглашался быть посредникомъ въ распрѣ его съ Баторіемъ, но сталъ надѣяться и на болѣе счастливый для него оборотъ дѣлъ на театрѣ войны. Послы и агенты его, находившіеся въ Литвѣ, донесли ему изъ Польши, что король не подготовленъ еще къ борьбѣ, что у него собрано еще мало войска, что вниманіе его могутъ отвлечь дѣла въ Трансильваніи, возник-

---

[1]) *Кояловичъ*, op. cit., стр. 250, № 49, *Piotrowski*, стр. 2 (*Кояловичъ* 11), письмо Іоанна къ Баторію въ Метр. Лит., II, № 68. Гейденштейнъ (173) разсказываетъ объ этихъ переговорахъ нѣсколько иначе: по его словамъ, московскіе послы оставляли за своимъ государемъ въ Ливоніи, кромѣ четырехъ указанныхъ нами въ текстѣ пунктовъ еще Дерптъ, и Баторій соглашался возвратить свои завоеванія, кромѣ Велижа, но все это невѣрно, ибо противорѣчитъ первоначальнымъ документамъ (см. слова самого Іоанна въ Метр. Лит., II, стр. 154, и слова Баторія, ib., стр. 186). Содержаніе условій, которыя предъявлялъ Баторій, напечатано у Тургенева, I, № CCV, но съ ошибочною датою (1580 годъ вмѣсто 1581 г.) и съ погрѣшностями въ собственныхъ именахъ.

[2]) См. письмо Баторія у Кояловича, стр. 283—284, № 56.

*

шія вслѣдствіе смерти трансильванскаго воеводы, Баторіева брата и т. п. [1]).

Все это такъ пріободрило Іоанна, что онъ сдѣлалъ попытку открыть наступательныя дѣйствія противъ врага. По его приказанію, отрядъ войска, достигавшій 45.000 человѣкъ [2]), долженъ былъ произвести нападеніе на оршанскую область и завладѣть Оршею [3]). Отрядъ этотъ, переправившись черезъ Днѣпръ (25-го іюня), сильно опустошилъ окрестности Дубровна, Орши, Шклова, сжегъ предмѣстья Могилева и, сдѣлавъ неудачную попытку поджечь крѣпость этого города, возвратился назадъ за Днѣпръ, направляясь къ Радомлю и Мстиславлю и производя по пути также опустошенія [4]). Другой московскій отрядъ въ 2.000 человѣкъ устроилъ засаду въ лѣсу по близости Велижа, чтобы напасть на литовскія области, когда Баторій двинется въ походъ, но былъ разбитъ отрядомъ польскихъ всадниковъ (въ 300 человѣкъ) подъ началь-

---

[1]) *Гейденштейнъ*, 176. Историкъ приводитъ цѣлый разсказъ о томъ, какъ послы старались подкупить предводителя казаковъ Винцентія чтобы онъ доставилъ отъ нихъ царю письмо съ извѣстіями о затруднительномъ положеніи короля. Винцентій не только не соблазнился предложеніями пословъ, но и донесъ обо всемъ властямъ въ Вильнѣ. Слѣдовательно, черезъ Винцентія извѣстія о затрудненіяхъ Баторія не могли дойти до Іоанна, однако мы можемъ утверждать, что они дошли другимъ путемъ, ибо намъ извѣстно, что царь держалъ въ Литвѣ агентовъ, которые должны были сообщать ему обо всемъ, что здѣсь происходило, см. *Кояловичъ*. стр. 248.

[2]) По однимъ извѣстіямъ (см. *Кояловичъ*, 252, № 51), по другимъ (Dziennik wyprawy pod Psków, стр. 17)—до 30.000.

[3]) *Тургеневъ*, I, № CCXVIII.

[4]) *Кояловичъ*, 251—254, №№ 50 и 51. По слухамъ, которые въ преувеличенномъ видѣ распространяли Литовцы, Москвитяне сожгли тогда 2.000 деревень (*Piotrowski* 11, 17). Нападеніе было произведено вопреки перемирію, которое московскіе послы заключили до 4-го іюля (ib., 17). Незнаніемъ этого обстоятельства отговориться въ Москвѣ едва ли могли, ибо гонцы, везшіе извѣстіе объ этомъ условіи въ Москву, выѣхали изъ Вильны 5-го іюня (Метр. Лит., II, 139, № 66), царь отпустилъ польскаго гонца 29-го іюня (этою датою помѣчено Іоанново письмо, ib., 157, № 68), а нападеніе началось 25-го іюня. Объ этомъ нападеніи Гейденштейнъ (178) выражается слишкомъ кратко и неточно: по его словамъ, нѣсколько королевскихъ эскадроновъ, послѣ нѣсколькихъ счастливыхъ стычекъ, заставило враговъ удалиться въ ихъ собственные предѣлы. Московскіе плѣнники, взятые подъ Могилевомъ, объясняли нарушеніе перемирія тѣмъ, что распространился слухъ о смерти Баторія, см. *P. Pierling*, Bathory et Possevino. Documents inédits sur les rapports du Saint-Siège avec les Slaves. Paris 1887 стр. 105 № XXIX.

ствомъ Домбровскаго, а потому принужденъ возвратиться назадъ [1]). Королевскія войска, находившіяся въ восточныхъ областяхъ государства, отстояли могилевскій замокъ, но по своей малочисленности не были въ состояніи остановить движеніе непріятеля [2]). Оно сильно обезпокоило Баторія, такъ какъ у него войска не были еще собраны. Сборы на войну по обыкновенію тянулись весьма медленно [3]). Баторій, прибывшій въ Вильну [4]) для того, чтобы сдѣлать необходимыя приготовленія, хотѣлъ двинуться въ походъ еще въ маѣ, но долженъ былъ отложить выступленіе до 20-го іюня, ибо солдаты собирались весьма неохотно, требуя уплаты выслуженнаго жалованья [5]). А у короля не было денегъ, между тѣмъ сумма долга одному войску простиралась до 300.000 золотыхъ. Налоги уплачивались въ казну, какъ обыкновенно, очень медленно. Поэтому Баторій принужденъ былъ, какъ и въ прежніе годы, дѣлать займы. Маркграфъ анспахскій одолжилъ ему 50.000 золотыхъ и подарилъ 30.000; бранденбургскій курфюрстъ далъ въ ссуду тоже 50.000 [6]).

Баторій преодолѣлъ очень скоро всѣ затрудненія, мѣшавшія ему выступить въ походъ. Къ концу іюня въ Вильну собралось къ нему значительное число воиновъ, больше всего Венгровъ (свыше 10.000 человѣкъ). Поляковъ и Литовцевъ было еще мало [7]), но и они постепенно, хотя и медленно, являлись къ королю, когда онъ уже былъ въ походѣ.

Изъ Вильны Баторій выѣхалъ, какъ и предполагалъ, 20-го іюня и прибылъ 1-го іюля въ Дисну [8]). Тутъ онъ получилъ сильно встревожившее его извѣстіе о нападеніи Москвитянъ на оршанскую область. Медленность, съ какою собирались воины, приводила его въ сильное негодованіе. Когда одинъ поручикъ явился

---

[1]) *Тургеневъ*, I, № CCXVIII. Пётровскій (стр. 18) говоритъ, что этотъ отрядъ хотѣлъ завладѣть Велижемъ.

[2]) *Кояловичъ*, 251, № 50.

[3]) *Piotrowski*, 14.

[4]) По Одерборну (II, 248)—въ концѣ апрѣля (3 calend. Maii).

[5]) *Piotrowski*, 5, *Кояловичъ*, 246, № 48. Съ этими показаніями находится въ противорѣчіи свидѣтельство Гейденштейна (172), по словамъ котораго „общая готовность была столь велика, что многіе шли на войну и поспѣвали къ сроку, даже не получивъ впередъ никакихъ денегъ на снаряженіе“.

[6]) *Piotrowski*, 5.

[7]) *Кояловичъ*, 223, № 34.

[8]) *Piotrowski*, стр. 8.

просить уплаты жалованія, король послалъ спросить его, прибылъ ли онъ со своею ротою. Тотъ отвѣтилъ, что онъ оставилъ роту на бивуакѣ. Баторій въ гнѣвѣ разбранилъ офицера, приказалъ ему приводить свой отрядъ поскорѣе и прибавилъ: «Такихъ воиновъ посылать только на висѣлицу!» (Certe digni sunt patibulo tales milites») [1]).

Чтобъ обезопасить восточныя области отъ новыхъ нападеній врага, король выслалъ тотчасъ же троцкаго каштеляна Христофора Радзивилла и приказалъ ротмистрамъ, находившимся въ пограничныхъ пунктахъ, соединиться съ нимъ, вслѣдствіе чего составился довольно значительный отрядъ въ 3.000 человѣкъ [2]).

Вмѣстѣ съ тѣмъ принимались мѣры, чтобы ускорить прибытіе военныхъ отрядовъ, и дѣятельно производились приготовленія къ дальнѣйшему походу. 8-го іюля отправлены, подъ прикрытіемъ отряда въ 500 человѣкъ, по рѣкѣ Дриссѣ къ Заволочью артиллерія, аммуниція и иныя военныя принадлежности [3]). Но цѣль кампаніи хранилась въ тайнѣ. Кромѣ Баторія и Замойскаго, никто въ точности не зналъ, куда походъ направится, и только догадывались, что цѣлью его будетъ Псковъ [4]).

Выславъ впередъ канцлера, король двинулся изъ Дисны 15-го іюля по направленію къ Полоцку. По пути присоединялись къ его арміи новыя войска: маршалы литовскій, великій и надворный, представили ему тогда свои отряды, первый 120 гусаръ, а второй 60 всадниковъ; кромѣ того, ротмистръ Сирней привелъ отрядъ пѣхотинцевъ въ 120 человѣкъ [5]).

Лишь только Баторій прибылъ въ Полоцкъ, явился къ нему гонецъ Христоферъ Дзержекъ, котораго онъ отправлялъ къ Іоанну съ предложеніемъ своихъ условій въ отвѣтъ на условія, предлагаемыя послѣднимъ посольствомъ царя. Іоаннъ прислалъ Баторію черезъ гонца столь длинное письмо, что король сдѣлалъ ироническое замѣчаніе: вѣроятно царь описываетъ событія, начиная съ самого Адама. Дѣйствительно, письмо было весьма длинно, но— что еще важнѣе—исполнено всякаго рода обвиненій и по тону для короля оскорбительно. Царь припоминалъ событія со вступ-

---

[1]) *Кояловичъ*, 247.
[2]) *Piotrowski*, стр. 16 и 17.
[3]) Ib., стр. 15.
[4]) *Кояловичъ*, стр. 279.
[5]) *Piotrowski*, 21.

ленія Баторія на престолъ. Королевскіе послы, Станиславъ Крыскій съ товарищами, дѣйствовали во время переговоровъ своевольно, ибо написали перемирную грамоту такую, какую хотѣли, и крестъ на ней цѣловали. Іоаннъ отправилъ послѣ того своихъ пословъ въ Польшу для скрѣпленія договора. Одинъ изъ нихъ Карповъ умеръ во время пути. Упоминая объ этомъ, царь выражалъ подозрѣніе, что смерть посла была насильственная [1]). Остальныхъ пословъ король принялъ высокомѣрно: противъ имени его, Іоанна, не всталъ и объ имени его не спросилъ; поэтому послы и посольства не правили. Затѣмъ Баторій прислалъ къ нему гонца Петра Гарабурду съ «бездѣльною грамотою», чтобы перемирный договоръ былъ измѣненъ и такимъ образомъ нарушено крестное цѣлованье. «Зовучися господаремъ христіанскимъ,—говоритъ Іоаннъ— не по христіанскому обычаю захотѣлъ еси дѣлати, поругаючися нашему крестному цѣлованію, что мы къ тобѣ на грамотѣ крестъ цѣловали и черезъ присягу пословъ своихъ, которую они учинили за твою душу и черезъ все то, да изнова дѣлати и того нигдѣ не ведется». Нарушеніе присяги не допускается и въ бусурманскихъ государствахъ; не допускали ничего подобнаго и предшественники Баторія. Іоаннъ увѣщевалъ его черезъ своего гонца Андрея Михалкова не дѣлать этого, увѣщевалъ докончить мирный договоръ. Но Баторій не послушалъ царя, подвигся на бо́льшую еще ярость и, сломавъ присягу пословъ своихъ, выбилъ царскихъ пословъ изъ своей земли, какъ злодѣевъ, не давъ имъ своихъ очей видѣть. Послѣ того вскорѣ, прославъ гонца своего Лопатинскаго съ грамотою, въ которой про царствованіе Іоанна были написаны многія неправыя слова, король пришелъ подъ Полоцкъ, отчину Іоанна, съ его измѣнниками Курбскимъ, Тетеринымъ, Заболотскимъ и иными, и взялъ крѣпость измѣною. Мало того, городъ Соколъ былъ сожженъ новымъ умышленіемъ, причемъ надъ мертвыми произведено было поруганіе, какое неизвѣстно и невѣрнымъ. «Люди твои»,—говоритъ Іоаннъ—«собацкимъ обычаемъ дѣлали, выбирая воеводъ и дѣтей боярскихъ лучшихъ мертвыхъ, да у нихъ брюха взрѣзывали, да сало и желчь выймали, какъ бы волховнымъ обычаемъ. Пишешься и зовешься господаремъ христіанскимъ, а дѣла при тобѣ дѣлаются неприличныя христіанскому обычаю». Послѣдующихъ пословъ Іоанна принималъ Баторій чрезмѣрно гордо, съ такими укоризнами, какихъ царю не приходи-

[1]) „И нашого большого посла Михайла Далматовича Карпова не стало, невѣдомо, какими обычаи“.

лось слышать ни отъ турецкаго, ни отъ иныхъ бесерменскихъ государей. Мало того, приказавъ посламъ явиться къ Великимъ Лукамъ, король сталъ добывать крѣпость и въ то же время требовалъ, чтобы послы посольство правили. «И тутъ которому посольству быть!—восклицаетъ Іоаннъ.—Такая великая неповинная кровь христіанская разливается, а посломъ посольство дѣлати»!.. Такой непобожности ни въ бесерменскихъ господарствахъ не слыхано, чтобы рать билася а послы посольствовали... И волочилъ еси нашихъ пословъ за собою осень всю, да и зиму всю держалъ еси ихъ у себя, и отпустили еси ихъ ни съ чѣмъ, а тымъ всимъ насъ укоряя и поругаяся намъ».

Далѣе Іоаннъ смѣется надъ послѣдними условіями, предложенными Баторіемъ, защищая историческими аргументами права свои на Ливонію. Онъ—государь наслѣдственный, а Баторій пришлецъ только. И онъ осмѣливается не только отнимать у него наслѣдственныя владѣнія, но по бусурманскому, татарскому обычаю требуетъ еще выхода. «А за что намъ тобѣ выходъ давати,—спрашиваетъ Іоаннъ. Насъ же ты воевалъ, да такое плѣненье учинилъ, да на насъ же правь убытокъ. Кто тебѣ заставливалъ воевать? Мы тобѣ о томъ не били челомъ, чтобъ ты пожаловалъ воевалъ. Правь собѣ на томъ, кто тебе заставливалъ воевать, а намъ тобѣ не за что платити. Еще пригоже тобѣ намъ тые убытки заплатити, что ты напрасно землю нашу приходя воевалъ, да и людей всѣхъ даромъ отдать». Ненасытность и гордыня Баторія безмѣрны: онъ хочетъ все вдругъ поглотить а хвалится, какъ Амаликъ и Сенахиримъ или при Хозроѣ воевода Сарваръ. По своему обыкновенію, Іоаннъ щеголяетъ знаніемъ исторіи и текстовъ св. Писанія и приводитъ такіе, изъ которыхъ слѣдуетъ, что царь ждетъ для Баторія гибели, а для себя спасенія. Коли ужъ такъ—дѣлаетъ Іоаннъ заключеніе,—что все кровопролитье, а миру нѣтъ, то пусть король отпуститъ назадъ его пословъ, а Богъ дѣло ихъ разсудитъ [1]).

Ясно было, что Іоаннъ мириться не желаетъ; тѣмъ не менѣе переговоры о мирѣ не прекращались. На слѣдующій день послѣ прибытія Держка [2]) явился въ Полоцкъ и московскій гонецъ, при-

[1]) Гейденштейнъ (180—182) передаетъ содержаніе грамоты довольно точно, но пропускаетъ самыя яркія мѣста, особенно оскорбительныя для Баторія.

[2]) Отчетъ Дзержка о пребываніи въ Москвѣ см. *P. Pierling*, Bathory et Possevino, стр. 107 № XXX.

везшій отъ московскихъ бояръ письмо къ литовскимъ сенаторамъ [1]), въ которомъ бояре обвиняли Баторія въ нарушеніи присяги, сваливали вину за кровопролитье на короля и просили сенаторовъ посодѣйствовать установленію мира.

Король, несмотря на оскорбленія, которыя нанесъ ему Іоаннъ своимъ письмомъ, допустилъ московскихъ пословъ къ совѣщанію съ особою коммиссіею изъ сенаторовъ объ условіяхъ мирнаго договора, хотя исходъ совѣщанія легко можно было предвидѣть и поэтому оно совершенно было излишне. Дѣйствительно, отъ прежнихъ своихъ предложеній посольство отказалось. Оно уступало Баторію только тѣ пункты, которые онъ завоевалъ, четыре замка въ Ливоніи и города въ Курляндіи, т.-е. то, что Іоанномъ не было завоевано [2]). Понятно, переговоры были прерваны, но не совсѣмъ.

На слѣдующій день (19-го іюля) былъ у пословъ папскій нунцій Антоній Поссевинъ, котораго они приняли съ большими почестями: они вышли ему навстрѣчу изъ своего шатра на далекое разстояніе и при всякомъ упоминаніи имени папы привставали со своихъ мѣстъ. Однако всѣ убѣжденія Поссевина заключить миръ не увѣнчались успѣхомъ [3]). Послы стояли на своемъ, не отступая ни на іоту отъ своихъ послѣднихъ предложеній. Когда Поссевинъ, возвратившись къ королю, доложилъ ему о результатѣ своего собесѣдованія съ послами, имъ снова была дана аудіенція Баторіемъ, но уже прощальная. Отъ имени короля виленскій воевода объявилъ имъ слѣдующее. Хотя король, принимая во вниманіе пренебреженіе къ своей особѣ отъ ихъ князя, который присылаетъ столь измѣнчивыя предложенія, чтобы протянуть только время, имѣлъ бы основаніе искать возмездія на ихъ особахъ, ибо они по своимъ поступкамъ не послы, а шпіоны, однако, будучи христіанскимъ государемъ, дѣлать этого не желаетъ; онъ предпочитаетъ по отношенію къ нимъ милосердіе жестокости. Въ Вильнѣ они уступили уже было всю Ливонію; споръ ограничивался только нѣсколькими ничтожными городишками, изъ-за которыхъ они посылали гонца къ своему государю, подавая надежду, что и эти города будутъ ихъ государемъ уступлены.

---

[1]) Метр. Лит., II, № 72.

[2]) Метр. Лит., II, стр. 176, *Piotrowski*, стр. 26, и посланіе Баторія къ сенаторамъ изъ-подъ Полоцка отъ 20-го іюля (Relacje nuncjuszów apostolskich., I, 339).

[3]) *Pierling*, Un nonce du pape en Moscovie. Paris 1884 стр. 182—185.

А въ это время ихъ государь послалъ своихъ людей опустошать королевскія области, въ которыхъ они не мало вреда произвели и не мало людей невинныхъ умертвили, чего король московскимъ людямъ не дѣлалъ; тѣхъ, которыхъ онъ бралъ, онъ не убивалъ, а принималъ на свою службу, если они того хотѣли; тѣхъ же, которые не желали, онъ безъ всякой обиды отпускалъ въ свою землю. Хотя тѣ, которые вторгнулись, не много нарадовались, такъ какъ получали достойное возмездіе, лишь только встрѣчались съ королевскими людьми, но пусть и это будетъ имъ на радость. Король, взявъ себѣ на помощь справедливаго и всемогущаго Бога, постарается возмездіе получить не на ихъ ничтожныхъ особахъ и убогихъ людяхъ, но на комъ-то побольше. Дѣло идетъ уже не объ одной ливонской землѣ, но о всѣхъ владѣніяхъ ихъ князя. Теперь пусть они бьютъ челомъ королю и идутъ себѣ свободно въ свою землю.

Ударивши челомъ, послы отошли, не сказавъ ни слова [1]). При иныхъ условіяхъ Баторій поступилъ бы съ послами, послѣ оскорбительнаго письма, которое онъ получилъ отъ Іоанна, иначе: онъ отправилъ бы ихъ назадъ, не допуская болѣе къ совѣщаніямъ о мирѣ. Но въ ту минуту ему пришлось считаться съ разнаго рода обстоятельствами. Въ распрю его съ царемъ вмѣшался папа, прислалъ къ нему посредника, и онъ, какъ добрый католикъ, не могъ оставить безъ всякаго вниманія того, чего желалъ отъ него глава католической церкви. Во-вторыхъ, среди ближайшихъ людей, окружавшихъ его, замѣчалось колебаніе по вопросу о войнѣ. Были такіе, которые высказывались за необходимость заключать миръ на тѣхъ условіяхъ, которыя въ послѣдній разъ предлагалъ Іоаннъ. Если идти въ предѣлы московскаго государства,—говорили они,—придется тамъ зимовать, но для царя—это дѣло пустое, а у Речи Посполитой нѣтъ денегъ. Какъ же быть при такомъ положеніи съ солдатами [2])? Наконецъ, самымъ важнымъ обстоятельствомъ для Баторія представлялось то, что армія не была еще готова къ бою. Но опытъ предшествующихъ лѣтъ показалъ

---

[1]) *Piotrowski*, 28—30. Нѣсколько иной отвѣтъ короля помѣщенъ въ Метр. Лит., II, 176: тутъ нѣтъ ни слова о посредничествѣ Поссевина; заключительныя слова переданы неясно („а вжо не только о землю Иелянскую пойде, але все“). Гейденштейнъ (182—183) сообщаетъ только вкратцѣ сущность отвѣта, даннаго королемъ посольству, но хода переговоровъ не излагаетъ. *Pierling*, Un nonce du pape en Moscovie стр. 189—190.

[2]) *Piotrowski*, 27.

королю, что сборы на войну совершаются медленно, и поэтому онъ нарочно затягивалъ переговоры до тѣхъ поръ, пока вся армія не соберется. А за оскорбленія, нанесенныя ему Іоанномъ въ письмѣ, онъ отвѣтилъ тоже письменными оскорбленіями. По порученію Баторія, отвѣтъ Іоанну составилъ Замойскій [1]).

По оскорбительности выраженій отвѣтъ этотъ оставилъ далеко за собою письмо Іоанна. Король припоминалъ, подобно царю, ходъ событій со вступленія своего на престолъ, опровергалъ тѣ обвиненія, которыя царь возводилъ на него, и, въ свою очередь, обвинялъ его въ клятвопреступленіи, ненасытности и высокомѣріи, прибавляя къ этому еще сильныя выраженія объ развратѣ и жестокости царя. Іоанну достаются такія прозванія, какъ «ядовитый клеветникъ чужой совѣсти и плохой стражъ своей собственной», «палачъ людей, а не государь» «Каинъ», «Фараонъ», «Фаларисъ», «Иродъ» «Неронъ»; жизнь его, обычаи и дѣла называются гнусными и языческими; приводятся такія изреченія, какъ метать бисеръ передъ свиньями и т. п. [2]).

Въ заключеніе издѣваясь надъ трусливостью Іоанна, Баторій вызывалъ его на поединокъ. «Возьми оружіе,—говоритъ король,—сядь на коня, сойдись со мною въ избранный, урочный часъ, покажи, каковъ ты мужъ и насколько ты довѣряешь правотѣ своей; разсудимъ нашъ споръ мечемъ, чтобы меньше кровь христіанская проливалась».

Мало того, вмѣстѣ съ письмомъ Баторій послалъ Іоанну сочиненія, изображавшія московскіе нравы въ непривлекательномъ видѣ и жестокость царя самыми яркими красками [3]).

---

[1]) Письмо написано было по-латыни Гизіусомъ, но онъ собственно придалъ только форму тому содержанію, которое сообщилъ ему Замойскій. Пётровскій (стр. 36) говоритъ объ этомъ такъ: p. kanclerz kilka dni teraz w drodze, że nic więcej, jedno odpowiada na list Moskiewskiemu. O Jezus! toć go jeździ: każde zdanie, każdy artykuł na opak wywraca. Będzie miał kniaź co wspominać.

[2]) Латинскій текстъ у Тургенева, I, CCXXV, а западно-русскій, или, скорѣе, какая то смѣсь западно-русскихъ и польскихъ словъ въ Метр. Лит., II, № 74. Гейденштейнъ (186—189) передаетъ содержаніе Баторіева письма, но въ очень мягкой формѣ.

[3]) *Piotrowski,* 44. Это были сочиненія Герберштейна, Гваньини и нѣсколько главъ изъ произведенія какого то Кранція или Крауція. Я просматривалъ произведеніе Альберта Крантца „Vandalia seu de Vandalorum origine etc libri XIV“ въ изданіи 1519 и 1575 г., но нашелъ только нѣсколько строкъ объ опустошеніи Ливоніи Русскими при Іоаннѣ III, ихъ

Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ спѣшилъ доказать правоту своего дѣла силою оружія. Надежды его на счастливый исходъ борьбы все болѣе и болѣе оживлялись, такъ какъ армія, хотя и медленно, однако увеличивалась. Въ Полоцкѣ представлялись въ прекрасномъ видѣ отряды слуцкой княгини, бѣлгородскихъ Татаръ, Бонера, накельскаго каштеляна и познанскаго подкоморія.

21-го іюля Баторій изъ Полоцка двинулся въ Заволочье скорымъ маршемъ, проѣзжая въ день по восьми миль. Ѣхать пришлось, какъ и прежде, черезъ обширныя лѣса, но теперь безъ всякихъ затрудненій, ибо дороги была исправлены, черезъ рѣки перекинуты мосты, а въ болотистыхъ мѣстахъ устроены гати [1]). Жизнь Баторія во время пути отличалась поразительной простотою. Свита его состояла изъ нѣсколькихъ лицъ, обознаго и подскарбія На ночлегъ разбивали ему небольшой шатеръ, въ которомъ не было ни скамьи, ни стола. А когда приходилось подавать королю пищу, устраивались наскоро импровизованные столъ и скамейка изъ кольевъ, которыя вбивались въ землю, и досокъ, которыя клались на колья. Ковра не было и въ поминѣ. Вмѣсто матраца клали королю на ночь или тогда, когда онъ хотѣлъ отдохнуть, березовые листья и хворостъ [2]). Такъ онъ доѣхалъ до Заволочья, безпокоясь только о томъ, что солдаты слишкомъ медленно собираются. Особенное нерадѣніе выказывали въ этомъ отношеніи Литовцы, полагаясь на то, что путь имъ недалекъ, или отговариваясь тѣмъ, что не было денегъ на снаряженіе [3]). Но 28-го

жестокостяхъ и о томъ, что московскому государю опасно довѣрять, а потому и не берусь утверждать, какъ это дѣлаетъ издатель „Дневника похода Стефана Баторія подъ Псковъ“, А. Чучинскій (Dziennik wyprawy. etc., стр. 222), что Кранцій, упоминаемый Пётровскимъ, есть именно Альбертъ Крантцъ. У Кояловича фамилія автора нѣсколькихъ главъ напечатана въ формѣ Craucii. Пирлингъ (Papes et tsars 220) говоритъ о какомъ-то Краузе (Krause). Историкъ имѣетъ, вѣроятно, въ виду извѣстнаго авантюриста Элерта Краузе, который вмѣстѣ съ своимъ товарищемъ Таубе написалъ брошюру о жестокостяхъ Іоанна. Однако предполагать, какъ это дѣлаетъ А. И. Браудо въ своей статьѣ „Посланіе Таубе и Крузе къ герцогу Кетлеру“ (Журн. Мин. Нар. Просв. Октябрь 1890, стр. 391), что Іоанну послано было это именно произведеніе Краузе, трудно, такъ какъ Пётровскій говоритъ о нѣсколькихъ главахъ, очевидно, большаго сочиненія.

[1]) *Piotrowski*, 38.

[2]) *Piotrowski*, 35.

[3]) Ib., 38. Авторъ дневника относится не особенно доброжелательно къ Литовцамъ, но въ данномъ случаѣ нельзя заподозрить его въ томъ, что изъ пристрастія онъ сообщаетъ ложные факты.

іюля жмудскій староста Янъ Кишка представилъ королю отрядъ въ 300 всадниковъ, хорошо одѣтыхъ и вооруженныхъ.

Въ Заволочьи Баторій устроилъ военный совѣтъ, чтобы опредѣлить окончательно цѣль похода. Предстояло собственно рѣшить только альтернативу, направляться ли къ Новгороду или къ Пскову. Завладѣть тѣмъ или другимъ пунктомъ значило принудить врага къ принятію условій мира такихъ, какія именно были желательны для Баторія. Идти къ Новгороду было невыгодно или даже опасно по слѣдующимъ соображеніямъ. Путь къ нему лежалъ дальше, чѣмъ къ Пскову, а потому съ большимъ войскомъ и тяжелою артиллеріею достичь его было гораздо труднѣе, и, во-вторыхъ, отступленіе отъ него, въ случаѣ неудачной осады, весьма опасно, ибо въ тылу арміи не было по близости ни одной крѣпости [1]).

Итакъ, рѣшено было идти къ Пскову. Невдалекѣ отъ него, на разстояніи не больше 16 миль (non amplius miliaribus sedecim), находилась крѣпость Воронечь, принадлежавшая уже Баторію; поэтому сообщеніе съ Псковомъ было гораздо легче, такъ какъ, къ тому же, по близости находились удобные пути. Со взятіемъ Пскова отрѣзывался врагу доступъ къ большей части Ливоніи и, кромѣ того, можно было внушить ему сильный страхъ и причинить большой вредъ, потому что городъ славился своимъ богатствомъ и многолюдствомъ [2]). Если бы осада Пскова затянулась, рѣшено было зимовать, а продовольствіе добывать набѣгами на непріятельскія области [3]). Поднятъ былъ также вопросъ о крѣпостяхъ, лежавшихъ по близости къ Пскову, изъ которыхъ самыми важными являлись Себежъ, Опочка и Островъ.

---

[1]) Эти соображенія приводитъ самъ Баторій въ письмахъ къ Мартину Кромеру и къ подканцлеру отъ 14-го августа (Relacje nuncjuszów apost., I, 340—343, и Тургеневъ, I, № CCXXVI). То же сообщаетъ и Гейденштейнъ (183), замѣчая что король и немногіе съ нимъ готовы были идти къ Новгороду, ибо, по слухамъ, здѣшнее дворянство волновалось по какимъ-то причинамъ противъ царя. Историкъ приводитъ намъ и единственное мнѣніе Вейера, указывавшаго на необходимость идти къ Дерпту, на томъ основаніи, что бо́льшая часть тамошняго гарнизона выведена для защиты Пскова, вслѣдствіе чего крѣпость легко будетъ завоевать и такимъ образомъ открыть себѣ доступъ ко всей остальной Ливоніи (184).

[2]) *Тургеневъ*, I, № CCXVIII, Relacje nuncjuszów, I, 341, *Кояловичъ*, стр. 329.

[3]) *Piotrowski*, стр. 41.

Первая отдѣлена была отъ пути, по которому долженъ былъ совершаться походъ, обширными, непроходимыми лѣсами, вслѣдствіе чего опасность съ этой стороны представлялась ничтожною и, напротивъ того, трудъ, который пришлось бы потратить на взятіе этой крѣпости, громаднымъ, поэтому рѣшено было не трогать ея. Такое же рѣшеніе принято было и относительно Опочки по слѣдующимъ причинамъ: во-первыхъ, ее было легко обойти; во-вторыхъ, представлялись немалыя затрудненія для перевозки артиллеріи по рѣкѣ Великой вслѣдствіе ея мелководія въ тѣхъ мѣстахъ и, наконецъ, являлась возможность наблюдать за Опочкою изъ крѣпостей Заволочья и Воронеча [1]). Наблюденіе это сдѣлалось особенно легкимъ, когда Русскіе покинули замокъ Красногородокъ, взявъ изъ него съ собою артиллерію, и сожгли замокъ Велію. Первый тотчасъ заняли Баторіевы казаки и укрѣпили его [2]).

Такимъ образомъ оставался одинъ только Островъ, которымъ необходимо было завладѣть для собственной безопасности. Исполненіе этого предпріятія было поручено, какъ мы узнаемъ ниже, Замойскому.

Въ Заволочьи Баторій оставался до 3-го августа. Здѣсь представился ему отрядъ литовскихъ Татаръ въ 600 человѣкъ подъ начальствомъ Гарабурды. Сюда же пріѣзжалъ къ нему изъ Витебска отъ троцкаго каштеляна ротмистръ Зебржидовскій съ извѣстіемъ о томъ, что московскій отрядъ, совершившій нападеніе на оршанскую область, уже возвратился въ Дорогобужъ и что на восточной границѣ спокойно. Вслѣдствіе этого троцкій каштелянъ просилъ короля позволить ему соединиться съ главною арміею. Просьба эта не понравилась королю, такъ какъ съ уходомъ отряда, которымъ командовалъ Радзивиллъ, восточная граница лишалась защиты. Однако, по ходатайству литовскихъ сенаторовъ, которые получили отъ каштеляна письма по этому дѣлу, желаніе его было удовлетворено. Король приказалъ Радзивиллу взять съ собою отряды Филона Кмиты и Гарабурды, вторгнуться въ московскія области по направленію къ Дорогобужу, а оттуда на Бѣлую и Торопецъ двинуться къ

[1]) Соображенія относительно Себежа и Опочки сообщаетъ Гейденштейнъ (184—185).

[2]) Relacje nunc., I, 341 и *Гейденштейнъ*, 185.

[3]) Relacje nuncj., I, 341.

[4]) *Piotrowski*, 42.

Холму, и остановиться здѣсь, чтобы охранять отряды фуражировъ отъ непріятеля, когда главная армія станетъ подъ Псковомъ [1]).

Прибывъ изъ Заволочья въ Воронечь, Баторій издалъ правила о военной дисциплинѣ, которыя были затѣмъ прочтены всѣмъ ротмистрамъ. Обсудивъ, съ королевскаго разрѣшенія, этотъ военный уставъ, они одобрили его, за исключеніемъ только статьи, запрещавшей воинамъ уѣзжать изъ лагеря домой по своей собственной надобности. Ротмистры обѣщали остаться и на зиму въ непріятельской землѣ, если будетъ надо, но просили отмѣнить указанную статью. Кромѣ того, они выразили желаніе узнать наконецъ, кто будетъ великимъ гетманомъ и въ заключеніе просили еще разъ, чтобы имъ уплачивалось слѣдуемое жалованье. На это отъ короля они получили такой отвѣтъ: король соглашается удовлетворить ихъ первую просьбу; что касается назначенія гетмана, то по этому дѣлу онъ предварительно посовѣтуется съ сенаторами, а что касается уплаты жалованія, очъ приложитъ всѣ старанія, чтобы оно исправно выдавалось воинамъ [2]).

Послѣ этого Баторій призвалъ къ себѣ Замойскаго и предложилъ ему должность великаго гетмана короннаго. Замойскій началъ, было, отказываться отъ такого высокаго сана, ссылаясь на важность обязанностей, соединенныхъ съ этою должностью, и на свою неподготовленность къ исполненію ея и просилъ, чтобы король передалъ ее кому-нибудъ другому. Но Баторій не хотѣлъ и слушать объ отказѣ. Тогда Замойскій принялъ ее, говоря, что онъ долженъ повиноваться Богу и королю, къ чему онъ бы ни былъ призванъ, къ славѣ или къ новымъ опасностямъ [3]).

На слѣдующій день (11-го августа) произошло объявленіе Замойскаго великимъ гетманомъ короннымъ. Король сообщилъ свое желаніе сенаторамъ; тѣ одобрили его. Тогда надворный маршалъ Андрей Зборовскій объявилъ объ этомъ всѣмъ ротмистрамъ. Замойскій произнесъ благодарственную рѣчь, въ которой опять указалъ на тяжесть возложенныхъ на него обязанностей. «Я скорѣе готовъ былъ бы идти на штурмъ, сказалъ онъ,—

---

[1]) Relacje nuncj., I, 341; *Piotrowski*, 38, 41—42; K. *Górski*, op. cit., Bibl. Warsz, 1892, IV, 231. У Гейденштейна (185) нѣтъ ни слова о просьбѣ троцкаго каштеляна присоединиться къ главной арміи; историкъ отмѣчаетъ только въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ приказъ, полученный Радзивилломъ отъ короля относительно нападенія на непріятельскія земли.

[2]) *Piotrowski*, 45—46.

[3]) *Гейденштейнъ*, 189—190.

чѣмъ исполнять подобную должность» [1]). Назначеніе это вызвало нѣкоторое недоумѣніе, ибо маршалъ не упомянулъ, провозглашая Замойскаго гетманомъ, о томъ, на какой срокъ онъ назначается, временно, на предстоящую только кампанію, или пожизненно. Но всѣ догадывались, что это назначеніе—пожизненно. Выборъ короля оказался, какъ увидимъ, весьма удачнымъ, и всѣ это понимали. Въ первый уже день своего гетманства Замойскій въ обращеніи своемъ къ ротмистрамъ замѣтилъ, что онъ будетъ поддерживать неукоснительно строгую дисциплину въ арміи, хотя бы это подчасъ и для него самого было весьма больно [2]).

Вслѣдъ затѣмъ Баторій произвелъ смотръ собравшимся войскамъ. Новый гетманъ самъ устанавливалъ полки и роты, объѣзжая ихъ въ одѣяніи со знаками достоинства канцлера и гетмана: въ красной шляпѣ, украшенной перомъ, съ печатью на шеѣ и со знаменемъ на копьѣ. Войско оказалось довольно многочисленнымъ, хорошо было вооружено и, не смотря на утомительный походъ, имѣло бодрый видъ [3]). Особенно выдавался своимъ блестящимъ видомъ отрядъ Замойскаго, солдаты котораго носили въ этомъ году уже не траурныя, какъ прежде, а голубыя одежды [4]). Литовцы привели съ собою, какъ и прежде, тоже прекрасные отряды [5]).

Въ тотъ же день, послѣ смотра, армія выступила въ походъ двумя колоннами. Справа двинулись Литовцы, къ отряду которыхъ король присоединилъ еще свою гвардію подъ командою Нищицкаго. Раздѣленіе на двѣ колонны произведено было вслѣд-

---

[1]) *Piotrowski*, 47; *Гейденштейнъ*, 190.

[2]) *Piotrowski*, 47.

[3]) *Piotrowski*, 48.

[4]) *Гейденштейнъ*, 191. Пётровскій объ этомъ ни слова не говоритъ, но зато онъ разсказываетъ намъ (28), какъ Замойскій постарался блеснуть своею свитою при пріемѣ московскихъ пословъ. Слуги были одѣты тогда въ голубыя атласныя одежды и свита была столь блестящею, что раздавался шепотъ: настоящій великій гетманъ! а Пётровскій прибавляетъ отъ себя: ожидаемъ еще бо́льшаго, когда онъ (т.-е. Замойскій) будетъ показывать своихъ воиновъ на смотру

[5]) Гейденштейнъ (191) такъ объ этомъ говоритъ: Литовцы также нисколько не остались позади противъ прошлогодняго своего усердія и превосходнаго снаряженія. По словамъ же Пётровскаго (48), отряды литовскихъ пановъ были не такъ многочисленны и не имѣли такого блестящаго вида, какъ прежде. Но показанію этого автора нельзя довѣрять въ данномъ случаѣ, такъ какъ его дневникъ проникнутъ чувствомъ извѣстнаго недоброжелательства по отношенію къ Литовцамъ.

ствіе того, что пришло извѣстіе, будто отрядъ Татаръ въ 7.000 человѣкъ находится въ сторонѣ отъ того тракта, по которому двигалась Баторіева армія. Литовцы должны были прогнать этого непріятеля. Извѣстіе оказалось вѣрнымъ. Но Татары, узнавъ, что противъ нихъ выступило многочисленное войско, отступили къ Пскову.

Авангардомъ главнаго корпуса, состоявшимъ изъ четырехъ ротъ конницы и двухъ ротъ пѣхоты, командовалъ радомскій каштелянъ Станиславъ Тарновскій. Ему приказано было идти подъ Островъ и попытаться завладѣть этою крѣпостью. За Тарновскимъ слѣдовалъ брацлавскій воевода Збаражскій со своимъ отрядомъ и частью Венгровъ. Онъ имѣлъ порученіе опередить Тарновскаго, идти подъ Псковъ и, соединившись здѣсь съ Литовцами, не пропускать подкрѣпленій въ городъ [1]).

Спустя два дня (15-го августа), выступилъ въ походъ Замойскій; за нимъ на слѣдующій день двинулся король, за которымъ въ аріергардѣ слѣдовалъ Фаренсбахъ со своими Нѣмцами.

Армія отъ Воронеча шла по странѣ населенной, изобиловавшей съѣстными припасами, такъ что лишеній не приходилось испытывать. Но крестьяне съ приближеніемъ врага убѣгали изъ своихъ деревень; оставались только весьма немногіе.

По пути Баторіевой арміи лежала, какъ намъ извѣстно, крѣпость Островъ. Она находилась на островѣ, образовавшемся вслѣдствіе развѣтвленія рѣки Великой, построена была изъ камня, имѣла толстыя стѣны, на которыхъ по угламъ возвышались четыре башни и на видъ казалась неприступною [2]). Когда жители Острова узнали, что врагъ уже близокъ, они сожгли, по обыкновенію, городъ, при чемъ погибли двѣ церкви и три мельницы и сами ушли въ крѣпость, гдѣ былъ еще весьма красивый храмъ [3]).

Подъ крѣпостью стоялъ уже четыре дня радомскій каштелянъ, но попытки взять ее, какъ это ему было поручено, пока не сдѣлалъ. Со своимъ полкомъ онъ занялъ псковскую дорогу, а Уровецкій, командиръ двухъ пѣшихъ ротъ, входившихъ въ составъ его отряда, переправился черезъ рѣку Великую и подвелъ шанцы ближе къ крѣпостнымъ стѣнамъ.

---

[1]) *Piotrowski*, 48—49; *K. Górski*, op. cit., Bibl. Warsz., 1892, IV, 232.

[2]) *Piotrowski*, 54. Гейденштейнъ (192) говоритъ, что крѣпость имѣла много башенъ. а по словамъ патера Латерны (Тургеневъ. I, № CCXXVIII), было три каменныхъ башни и двѣ деревянныхъ, только что начатыхъ еще постройкою.

[3]) *Тургеневъ*, I, № CCXXVIII.

17-го августа прибылъ къ Острову Замойскій, осмотрѣлъ, не сходя съ лошади, крѣпость и, выбравъ мѣсто для лагеря, вернулся назадъ къ королю. Такъ какъ на видъ замокъ казался неприступнымъ, то осмотрѣть его пожелалъ самъ Баторій, пріѣхавъ съ этою цѣлью къ Острову вмѣстѣ съ Замойскимъ еще вечеромъ въ тотъ же день, долго осматривалъ крѣпость и только поздно ночью возвратился назадъ въ свой лагерь.

На слѣдующій день Замойскій двинулся къ Острову, а Баторій остался на мѣстѣ. Явившись къ крѣпости, гетманъ послалъ гарнизону грозную грамоту съ требованіемъ сдачи. Осажденные отвѣтили на это требованіе мужественнымъ отказомъ. «Почему вы себѣ не построили своихъ собственныхъ замковъ?—кричали они.— Зачѣмъ приходите занимать наши? Но тутъ вамъ не Заволочье и не Невель» [2]).

Затѣмъ они стали стрѣлять по непріятельскимъ шанцамъ и отряду Замойскаго, старавшемуся занять позицію какъ можно ближе къ замку. Во время этой перестрѣлки отрядъ Уровецкаго потерялъ сорокъ человѣкъ убитыми. Расположившись лагеремъ, Поляки и Венгры въ ночь съ 18-го на 19-ое августа устроили шанцы, поставили орудія и рано утромъ, на разсвѣтѣ, стали обстрѣливать крѣпость [3]). Венгры дѣйствовали противъ восточнаго угла крѣпости, Поляки — противъ западнаго. Въ теченіе двухъ дней тѣмъ и другимъ удалось сдѣлать проломъ въ обстрѣливаемыхъ ими башняхъ, такъ что можно было идти на приступъ и Венгры готовы были броситься уже въ крѣпость, но отъ нападенія удержалъ ихъ Замойскій: онъ предвидѣлъ, что осажденные сдадутся безъ приступа, а потому желалъ сберечь силы своей арміи [4]).

---

[1]) *Piotrowski,* 54. Гейденштейнъ (192) сообщаетъ, что король прибылъ къ Острову черезъ два дня послѣ Замойскаго, имѣя, очевидно, въ виду прибытіе короля съ войскомъ, что въ дѣйствительности такъ и было см. *Piotrowski*, 55.

[2]) Тургеневъ, I, № CCXXVIII. Выраженіе: non sunt hi Zavoloscenses aut Hervelenses, надо, очевидно, исправить такъ: non sunt hic Zavoloscenses aut Nevelenses.

[3]) *Piotrowski,* 55. По словамъ Гейденштейна (192), окопы были сдѣланы въ два дня и между ними поставлены пушки.

[4]) *Гейденштейнъ*, 192—193. Пётровскій (56) сообщаетъ только, что сдѣланы были два отверстія—одно Поляками, другое Венграми. Разсказъ Гейденштейна подробнѣе. Онъ говоритъ, что отверстіе, сдѣланное Венграми, было слишкомъ высоко, вслѣдствіе чего и входъ въ крѣпость

Разсчеты Замойскаго оправдались. Осажденные понадѣялись сначала на свои каменныя стѣны; они знали, что Баторію удавалось до сихъ поръ зажигать только деревянные замки, но полагали, что въ каменныхъ они безопасны. Однако, надежды ихъ оказались тщетными: въ стѣнахъ сдѣланы были проломы. Это привело осажденныхъ въ такое унынiе, что они сдались на милость побѣдителя (вечеромъ 21-го августа). Имъ позволено было уйти изъ крѣпости со всѣмъ своимъ имуществомъ. Тѣ, которые пожелаютъ отправиться къ своему государю, получили обѣщаніе свободнаго пропуска подъ прикрытіемъ военныхъ отрядовъ на протяженіи нѣсколькихъ миль; тѣмъ, которые останутся въ своихъ деревняхъ, обѣщано королевское покровительство. Въ крѣпости оказалось 100 человѣкъ боярскихъ дѣтей, 200 стрѣльцовъ, жителей вообще 1.500 человѣкъ, 5 пушекъ, много гаковницъ и рушницъ, а пороху столько, что побѣдители возвратили себѣ съ излишкомъ тотъ, который они издержали при обстрѣливаніи крѣпости. Такъ какъ наступила уже ночь, то побѣдители оцѣпили крѣпость стражею, чтобы никто оттуда не ушелъ [1])

На слѣдующій день Русскимъ приказано было уходить изъ крѣпости. Когда они оттуда вышли, солдаты бросились на нихъ и ограбили до послѣдней сорочки, такъ что на несчастныхъ побѣжденныхъ жалко было смотрѣть [2]).

представлялся слишкомъ крутымъ; напротивъ того, Поляки, у которыхъ артиллеріею управлялъ Вейеръ, разрушили башню у самого фундамента, для того, чтобы легче было войти въ крѣпость и чтобы не дать возможности непріятелю взорвать башню посредствомъ подкопа на воздухъ, когда они займутъ верхнюю часть башни, чтобы выстрѣлами прогонять непріятеля изъ внутренней части крѣпости.

[1]) *Piotrowski*, 56—57. У Гейденштейна (193) небольшая неточность онъ говоритъ, что сдавшихся стали отводить ночью изъ лагеря на отдѣльное мѣсто.

[2]) Гейденштейнъ обходитъ фактъ грабежа молчаніемъ и разсказываетъ о выходѣ побѣжденныхъ изъ крѣпости весьма странно. Онъ говоритъ (193), что когда ихъ стали отводить, то деревенскій народъ, напуганный воспоминаніемъ о велико-луцкой рѣзнѣ, тотчасъ громкимъ голосомъ сталъ добровольно присягать королю. Такъ какъ крикъ этотъ повторялся нѣсколько разъ, то Замойскій, полагая, что они подвергаются насилію, побѣжалъ туда; они стали говорить ему, что присягнули королю и впредь будутъ соблюдать ему вѣрность, а подняли такой громкій крикъ съ тою цѣлью, чтобы онъ былъ услышанъ самими Москвитянами. При чтеніи этого разсказа сама собою напрашивается догадка, что побѣжденные начали кричать, когда ихъ стали грабить; своимъ

Въ Островѣ Баторій оставилъ венгерскій гарнизонъ, что вызвало неудовольствіе среди Поляковъ, ибо они приписывали себѣ главную заслугу при взятіи крѣпости, а потому считали отдачу ея Венграмъ несправедливымъ поступкомъ со стороны короля. По этому поводу накельскій каштелянъ сталъ угрожать даже, что подниметъ объ этомъ вопросъ на сеймикахъ [1]).

Послѣ взятія Острова Баторіева армія двинулась въ тотъ же день дальше къ Пскову; ей пришлось идти теперь по странѣ бѣдной, покрытой кустарниками и весьма мало населенной.

Между тѣмъ, авангардъ арміи, которымъ командовалъ брацлавскій воевода [2]), стоялъ уже подъ городомъ Псковомъ; онъ прибылъ сюда 20-го августа [3]). Переправившись черезъ рѣку Череху, Венгры, входившіе въ составъ авангарда, раздѣлились на три отряда. Одинъ изъ нихъ отправился прямо ко Пскову, а два остальныхъ скрылись въ засадѣ. Первый отрядъ, встрѣтившись съ непріятельскимъ объѣздомъ, сталъ отступать. Тогда объѣздъ пустился преслѣдовать его, но осторожно, ибо боялся засады. Опасенія его оказались основательны. Онъ наткнулся на одну изъ засадъ, устроенныхъ врагами. Однако, Псковитяне не испугались ея, такъ какъ они увидѣли, что численностью превосходятъ врага. Вслѣдствіе этого они стали преслѣдовать его съ еще большимъ рвеніемъ, но встрѣтились со второю засадою, которая остановила преслѣдующихъ и заставила обратиться въ бѣгство подъ защиту крѣпостныхъ стѣнъ [4]).

Во время этого боя захвачены были въ плѣнъ два сына боярскихъ [5]). Ихъ отправили къ королю. Подвергнутые допросу,

---

крикомъ они хотѣли заявить, что обѣщаніе, данное имъ королемъ, побѣдители нарушили. Замойскій, вѣроятно, старался остановить грабежъ, но ничего не могъ сдѣлать. Одерборнъ (II, 248), утверждаетъ неосновательно, что король удержалъ своихъ солдатъ отъ грабежа, прибавляя реторически, что король заявилъ будто бы слѣдующее: онъ ведетъ войну не съ несчастными гражданами, а съ царемъ, съ гибелью котораго всякая вражда и война могутъ быть окончены; для него будетъ не меньшею славою сохраненіе Московіи, чѣмъ ея разрушеніе (nec minori sibi gloriae fore, si ab se Moscovia servata sit, quam si capta everteretur).

[1]) Фамилію воеводы приводитъ Гейденштейнъ, но объ отпускѣ его на волю говоритъ и Пётровскій (57).

[2]) *Piotrowski*, 57—58.

[3]) *Тургеневъ*, I, № CCXXVIII.

[4]) Такъ разсказываетъ объ этомъ Гейденштейнъ (194).

[5]) *Piotrowski*, 58. У Гейденштейна (194)—три, по словамъ патера Латерны (Тургеневъ, I, № CCXXVIII)—четыре.

они дали такія показанія относительно состоянія Пскова. Въ крѣпости находится 2.500 стрѣльцевъ, 1.000 всадниковъ, 500 донскихъ казаковъ и гарнизономъ командуютъ Шуйскіе, дядя съ племянникомъ [1]).

24-го августа прибыли подъ Псковъ передовые отряды главнаго корпуса Баторіевой арміи и начали уже разбивать палатки на берегахъ рѣки Черехи, какъ прискакалъ къ Замойскому радомскій каштелянъ Станиславъ Тарновскій и заявилъ, что брацлавскій воевода находится въ опасности, ибо Псковитяне сдѣлали вылазку изъ города и тѣснятъ воеводу. Збаражскій проситъ прислать ему подкрѣпленія. Замойскій, слушавшій въ это время обѣдню, бросился изъ походной часовни искать коня, но не могъ его долго найти, потому что свита его не была еще на своей позиціи. Онъ послалъ за ротами, которыя были еще въ пути и приказалъ какъ можно скорѣе идти на помощь воеводѣ. Воины бросились переправляться черезъ рѣку. Череху, прн чемъ утомили сильно лошадей и понапрасну Оказалось, что Збаражскій пустился на хитрость, чтобъ выманить псковскій гарнизонъ изъза стѣнъ города и нанести ему чувствительный ударъ. Съ этою цѣлью онъ спряталъ часть своего отряда въ кустарникахъ, находившихся на нѣкоторомъ (3 версты) разстояніи отъ города, а съ другою частью направился на крѣпость. Тогда отсюда бросились на него Татары; они стали отступать къ кустарникамъ. Нападавшимъ грозила большая опасность изъ устроенной воеводою засады. Но Венгры не выдержали: они кинулись преждевременно на Татаръ. Съ крѣпостныхъ стѣнъ открыли пальбу по непріятелю. Татары отступили подъ защиту выстрѣловъ съ крѣпостныхъ стѣнъ и стратегема воеводы потерпѣла неудачу. Поляки сильно роптали за нее на Венгровъ [2]).

25-го августа Замойскій переправился со своимъ отрядомъ на другой берегъ Черехи. Переправу пришлось совершить въ бродъ, такъ какъ мостовъ не было и Псковитяне могли причинить не малый вредъ врагу при этой переправѣ; однако, благопріятными

---

[1]) *Piotrowski*, 58. Патеръ Латерна (Тургеневъ, I, № CCXXVIII) приводитъ иную цыфру: ex his (т.-е. взятыхъ въ плѣнъ) unus ad regem ductus nunciabat 7.000 sagittariorum esse Plescoviae, 2.000 ad excursionem paratorum. Гейденштейнъ (194) о показаніяхъ плѣнныхъ выражается неопредѣленно.

[2]) *Piotrowski*, 59.

для себя обстоятельствами они не воспользовались и позволили непріятельскому войску совершить спокойно переправу.

Послѣ этого Замойскій посвятилъ весь день на осмотръ города, при чемъ онъ подъѣзжалъ къ нему весьма близко, не обращая вниманія на опасность, которая ему угрожала отъ непріятельскихъ выстрѣловъ: въ него нѣсколько разъ стрѣляли изъ пушекъ [1]). Мало того, непріятель могъ захватить его даже въ плѣнъ. Когда польскій гетманъ подъѣхалъ къ городскимъ воротамъ, противъ него выслали изъ города отрядъ всадниковъ. Твердость спасла Замойскаго: онъ остался на своемъ мѣстѣ. Видя это, Псковитяне заподозрили, не кроется ли тутъ какая нибудь засада, остановились въ недоумѣніи, а между тѣмъ на выручку польскаго гетмана поспѣшили его солдаты и враги принуждены были удалиться въ крѣпость [2]).

На слѣдующій день послѣ Замойскаго переправился черезъ Череху и Баторій, приказавъ предварительно отыскать получше броды и установивъ особенныхъ надзирателей за тѣмъ, чтобы переправа совершилась въ надлежащемъ порядкѣ. Съ той стороны Черехи остался только Фаренсбахъ со своимъ нѣмецкимъ отрядомъ. Баторій задумалъ, было, расположиться лагеремъ надъ рѣчкой Псковкой, такъ какъ мѣстность, находившаяся здѣсь, ему понравилась; онъ послалъ уже туда одинъ полкъ. Но изъ города началась такая пальба, что отъ намѣренія устроить въ этомъ мѣстѣ лагерь пришлось отказаться.

Замойскій и въ этотъ день производилъ тщательный осмотръ окрестностей Пскова, чтобы выбрать подходящія мѣста для лагеря и укрѣпленій [3]).

Городъ Псковъ дѣлился рѣкою Великою, текущею съ юга на сѣверъ, и Псковою, впадающею здѣсь въ р. Великую въ направ-

---

[1]) *Piotrowski*, 60.

[2]) Этотъ случай разсказываетъ только Гейденштейнъ (194).

[3]) *Piotrowski*, 62.

Повѣсть преславна сказаема о пришествіи Пресвятыя Владычицы и т. д., Псковъ, 1878, стр. 3 24 относитъ осмотръ города къ 26 му августа и разсказъ объ осмотрѣ ведетъ иначе: вслѣдствіе пальбы изъ крѣпости враги не были въ состояніи осмотрѣть укрѣпленія, объѣзжая ихъ полями, а потому Баторій велѣлъ своимъ воинамъ ѣхать лѣсомъ. Но выстрѣлы Псковитянъ и сюда долетали и многіе враги были убиты. Такъ какъ осмотръ укрѣпленій нельзя было производить изъ лѣсу, то надо признать, что авторъ Повѣсти, но крайней мѣрѣ, перепуталъ разсказываемые факты, если не выдумалъ ихъ.

леніи съ востока на западъ, на три части: Завеличье, находившееся на лѣвомъ, западномъ берегу р. Великой, Запсковье, лежавшее на правомъ, сѣверномъ берегу Псковы, и собственно городъ, расположенный между р. Великою и Псковою. Завеличье представляло собою самое древнее, вѣроятно, поселеніе; оно никогда не было обнесено крѣпостными стѣнами [1]). Онѣ шли только вокругъ Запсковья и собственно города; кромѣ того, внутри послѣдняго были также стѣны, которыми онъ дѣлился на четыре части: дѣтинецъ, Домантову крѣпость, средній и окольный городъ. Укрѣпленія Пскова возникали въ слѣдующемъ порядкѣ. Прежде всего былъ построенъ дѣтинецъ при самомъ впаденіи р. Псковы въ Великую; онъ имѣлъ видъ трехугольника. Затѣмъ были проведены вдоль этихъ рѣкъ стѣны, которыя князь Довмонтъ соединилъ въ 1266 г. поперечною каменною стѣною. Такъ образовалась къ югу отъ дѣтинца особое укрѣпленіе, называвшееся Домантовою крѣпостью. Затѣмъ когда населеніе возросло, къ югу отъ этой крѣпости были сооружены снова вдоль р. Великой и Псковы двѣ стѣны, которыя посадникъ Борисъ соединилъ въ 1309 г. между собою новою поперечною стѣною изъ камня. Такимъ образомъ возникъ городъ, который сталъ называться потомъ среднимъ. Къ нему примкнулъ наконецъ окольный городъ [2]). Въ XVI в. городскія стѣны были уже всѣ каменныя и представляли собою весьма внушительныя сооруженія, толщиною въ двѣ или $2^1/_2$ и высотою въ три сажени. Кромѣ того, на нихъ высились еще высокія (до 10 саженъ) и толстыя (12 саж. въ діаметрѣ) круглыя башни, число которыхъ простиралось до 37. Для нашего разсказа особенно интересны двѣ изъ нихъ, Покровская и Свинусская, находившіяся на наружной стѣнѣ окольнаго города, первая у самой р. Великой, вторая на нѣкоторомъ разстояніи отъ первой къ востоку. Башни состояли изъ нѣсколькихъ (5,6) ярусовъ и были покрыты деревянными крышами, которыя были также и надъ амбразурами въ стѣнахъ. Наружная стѣна вокругъ всего города простиралась въ длину на $9^1/_2$ верстъ [3]).

---

[1]) *И. И. Василевъ*, Археологическій указатель города Пскова и его окрестностей (съ рисунками и планами), С.-Петербургъ, 1898, стр. 7.

[2]) *И. И. Василевъ*, Древнія укрѣпленія г. Пскова, 1868, стр. 9.

[3]) *K. Górski*, op. cit., Bibl. Warsz., 1892, IV, 234. Гейденштейнъ (198—199), описаніе псковскихъ укрѣпленій не изобилуетъ тѣми подробностями, которыя приведены нами въ текстѣ, но даетъ довольно точное изображеніе ихъ.

Численность гарнизона въ крѣпости достигала 50.000 человѣкъ пѣхоты и 7.000 конницы [1]). Сверхъ того, на помощь городу легко могли явиться войска изъ В. Новгорода, Ржева и другихъ городовъ, ибо армія Іоанна была весьма многочисленна: она достигала 300.000 человѣкъ [2]). Къ этому надо прибавить еще и то обстоятельство, что Псковъ былъ снабженъ въ изобиліи порохомъ, снарядами и продовольствіемъ для войска [3]).

Между тѣмъ вся армія Баторія доходила только до 30.000 человѣкъ, слѣдовательно была по численности меньше псковскаго гарнизона. Поэтому о взятіи Пскова штурмомъ нечего было и думать, тѣмъ болѣе, что пришлось бы брать четыре стѣны одну за другою, а то и болѣе, такъ какъ послѣ разрушенія одной, осажденные могли построить за нею другую [4]). Въ виду этого, оставался одинъ исходъ—приступить къ осадѣ крѣпости. Но веденіе осады представляло тоже весьма значительныя затрудненія. Чтобы успѣшно осаждать городъ, надо было имѣть гораздо больше пѣхоты [5]) и гораздо больше пороху. Баторій приготовилъ недостаточные запасы его, какъ это выяснилось изъ хода осады Пскова [6]). Вслѣдствіе этого, осада должна была затянуться на долгое время; можно было предвидѣть, что придется стоять подъ крѣпостью и зимою, отчего веденіе кампаніи становилось еще затруднительнѣе. Солдаты служили собственно даромъ, только въ надеждѣ на полученіе жалованія, что, конечно, не могло распо-

---

[1]) Эти цыфры приводитъ Гейденштейнъ (200—201), Карамзинъ, IX, 326 насчитываетъ только 30.000. Авторъ „Исторіи Княжества Псковскаго", (Спб., 1831, стр. 201) говоритъ, что въ Псковѣ было сначала только 15.000 воиновъ, но что потомъ это число могло возрасти до цыфры, отмѣченной Гейденштейномъ, ибо псковскіе воеводы, узнавъ о движеніи Баторія на Псковъ, призвали въ городъ жителей изъ окрестныхъ волостей.

[2]) *Карамзинъ*, IX, примѣч. 569.

[3]) *Piotrowski*, 60.

[4]) *K. Górski*, op. cit., Bibl. Warsz., 1892, IV, 236. Въ виду точныхъ вычисленій Гурскаго цыфра Баторіева войска въ 100.000 человѣкъ, приводимая Повѣстью (стр. 18) и принимаемая Соловьевымъ (II столб. 281) за достовѣрную, должна быть отвергнута.

[5]) Гейденштейнъ (202) говоритъ: втрое больше.

[6]) Гейденштейнъ (202) обвиняетъ подскарбіевъ въ томъ, что было заготовлено мало пороху. По словамъ историка, запасъ въ Сузѣ сгорѣлъ отъ неосторожнаго обращенія съ огнемъ тѣхъ, которые охраняли порохъ а взамѣнъ его, вслѣдствіе предвзятой мысли о мирѣ, подскарбіи приготовили недостаточное количество.

лагать ихъ къ усердному исполненію обязанностей и они легко могли разойтись по домамъ [1]). Положеніе было до такой степени затруднительно, что Баторій подумывалъ объ измѣненіи плана кампаніи, именно о походѣ подъ Новгородъ, но опасеніе встрѣтить подъ этимъ городомъ новыя затрудненія удержало короля подъ Псковомъ [2]).

Баторій намѣревался сначала расположить лагерь на рѣкѣ Псковкѣ. Съ этою цѣлью онъ отправилъ уже туда часть своего обоза и полкъ гнѣзненскаго каштеляна, но пальба, открытая непріятелемъ, принудила оставить пока это намѣреніе [3]), а затѣмъ Баторій и совсѣмъ отъ него отказался. Слишкомъ открытая мѣстность, не дававшая возможности ни устраивать засады, ни придвинуть лагерь близко къ крѣпости и опасеніе, что непріятель можетъ легко окружить со всѣхъ сторонъ отряды солдатъ, производящіе осадныя работы, побудили короля принять такое рѣшеніе, хотя Замойскій и указывалъ на выгодныя стороны позиціи съ этой стороны города. Канцлеръ думалъ, что здѣсь можно будетъ поставить эскадроны всадниковъ въ извилинахъ рѣки Псковки, что растянувъ, какъ можно шире лагерь, весьма легко будетъ отрѣзать осажденнымъ доставку подкрѣпленій и подвозъ провіанта и что тутъ хорошо устраивать траншеи и подкопы, ибо почва отличается рыхлостью, между тѣмъ какъ съ другихъ сторонъ города она камениста [4]). Но Баторій былъ иного мнѣнія. Мѣстность къ востоку отъ города, за рѣчкой Промежицею, въ разстояніи четырехъ верстъ отъ стѣнъ Пскова, показалась ему позиціею гораздо болѣе удобною для лагеря. Это мѣсто, у монастыря св. Пантелеймона, и теперь называется «Становищемъ» [5]).

Пока король и гетманъ осматривали окрестности, войско оставалось за рѣкой Черехою. 27-го августа прибыли новые отряды

---

[1]) *K. Górski*, op. cit., Bibl. Warsz., 1892, IV, 237.

[2]) *Гейденштейнъ*, 202.

[3]) *Piotrowski*, 62. Повѣсть (24) объ этомъ такъ разсказываетъ. Король приказалъ расположить свой лагерь у Николая Чудотворца на Любятовѣ по московской дорогѣ; поставлены были уже многіе шатры, когда, по приказанію псковскихъ воеводъ, открыта была ночью стрѣльба (днемъ велѣно было отъ нея воздерживаться), такъ что на утро шатры исчезли и многіе знатные паны были убиты.

[4]) *Гейденштейнъ*, 203.

[5]) *K. Górski*, op. cit., Bibl. Warsz., 1892, IV, 237. Исторія Княж. Псков. стр. 205.

солдатъ: герцогъ Курляндскій прислалъ 150 всадниковъ, Фаренсбахъ привелъ 1.600 пѣхотинцевъ и 150 всадниковъ. Король послалъ въ городъ письмо съ увѣщаніемъ сдаться добровольно. Осажденные приняли письмо и заявили, что дадутъ отвѣтъ черезъ пять дней. Это заявленіе осаждающіе сочли за хорошее предзнаменованіе, но ошиблись, въ чемъ они убѣдились уже на слѣдующій день. Когда (28-го августа) Венгры отправились на указанное королемъ мѣсто, изъ крѣпости сдѣлано было на нихъ нападеніе. Тогда бросились на нападающихъ рейтары, находившіеся подъ командою Собоцкаго, нѣсколько человѣкъ убили и ранили, и четырехъ стрѣльцовъ поймали въ плѣнъ. Послѣдніе при допросѣ сказали, что Шуйскіе постановили защищаться до послѣдней крайности и что въ городѣ всего вдоволь [1]).

Въ этотъ день армія Баторіева расположилась лагеремъ. Сначала прошли всѣ роты и эскадроны Литовцевъ и стали на правомъ флангѣ, за ними Поляки заняли середину и окружили свой лагерь тремя рядами телѣгъ, наконецъ Венгры расположились на лѣвомъ крылѣ, у самой рѣки Великой. Фаренсбахъ прикрывалъ дефилирующія войска со стороны крѣпости, и затѣмъ расположился между Литовцами и Поляками [2]).

Псковитяне не сдѣлали днемъ ни одного выстрѣла во враговъ, но за то ночью произвели ожесточенную стрѣльбу по непріятельскому стану, однако причинили ему ничтожный вредъ: убиты были одинъ Нѣмецъ изъ Фаренсбахова отряда и королевскій возница.

Днемъ 29-го августа между осажденными и осаждающими произошли небольшія стычки. Нѣкоторые воины изъ Баторіевой арміи, чтобы выказать свою удаль, подступали слишкомъ близко къ крѣпости и подвергали себя такимъ образомъ немалой опасности; и дѣйствительно, одни изъ нихъ поплатились жизнью, а другіе захвачены были въ плѣнъ непріятелемъ. Псковитяне стрѣляли изъ своихъ пушекъ громадными ядрами, иногда вѣсомъ болѣе 50-ти фунтовъ. Это обстоятельство возбуждало въ королѣ сильную тревогу, ибо у него являлось опасеніе за то, что обыкновенныя осадныя прикрытія, устраиваемыя для защиты отъ непріятельскихъ выстрѣловъ, не устоятъ противъ ударовъ подобныхъ ядеръ.

---

[1]) *Piotrowski,* op. cit., 64. У Гейденштейна (205) говорится только, что Венгерцы преслѣдовали врага и отбросили его въ городъ.

[2]) *Piotrowski*, 65 и *Гейденштейнъ*, 205.

Замойскій считалъ вышеназванныя стычки безполезною тратою силъ, а потому запретилъ производить ихъ. Вступать въ подобнаго рода сраженія съ врагомъ—говорилъ онъ—это все равно, что желать опрокинуть стѣну копьемъ или пробить ее головою; лѣзть на непріятельскую пулю не доказываетъ отнюдь мужества. Кто хочетъ сослужить службу Речи Посполитой и королю, пусть подождетъ штурма и внесетъ свое имя въ списокъ тѣхъ, которые будутъ въ немъ участвовать. Не слѣдуетъ также посылать подъ крѣпостныя стѣны фуражировъ; за продовольствіемъ будутъ отправляться въ окрестности города нѣкоторыя роты по очереди. Всѣ должны подчиняться военному уставу, который напечатанъ для всеобщаго свѣдѣнія, а офицеры обязаны смотрѣть за тѣмъ, чтобы солдаты въ точности установленныя правила исполняли. Замѣстителемъ своимъ Замойскій назначилъ брацлавскаго воеводу, потому что онъ самъ не могъ поспѣвать всюду, гдѣ присутствіе начальника было необходимо. Кромѣ того, чтобы разрѣшать споры, которые могутъ возникать между воинами, въ особенности между представителями различныхъ національностей, канцлеръ учредилъ особые суды для каждой народности съ правомъ аппеляціи къ гетманамъ и къ королю [1]).

Послѣ этого Замойскій приказалъ свозить хворостъ и плесть корзины, чѣмъ армія занята была въ теченіе трехъ дней. Потомъ, въ ночь съ 1-го на 2-ое сентября солдаты начали проводить траншеи: Венгерцы вдоль рѣки Великой противъ Покровской башни, Поляки по близости отъ нихъ противъ Свинусской [2]). Они успѣли въ одну ночь приблизиться къ самымъ стѣнамъ крѣпости, причемъ работу свою производили такъ тихо и осторожно, что враги замѣтили происходящее только въ полночь. Тогда они открыли учащенную стрѣльбу, которую не прекращали до самаго утра; утромъ же они попытались сдѣлать вылазку, но неудачно. Потери осаждающихъ при этой перестрѣлкѣ оказались ничтожны: четыре убитыхъ и нѣсколько раненыхъ [3]).

---

[1]) *Piotrowski*, 67--68.

[2]) Дата проведенія траншей заимствована нами у Пётровскаго (70), а расположеніе ихъ у Гейденштейна (205). Показаніе послѣдняго подтверждается Повѣстью (27).

[3]) *Piotrowski*, 70—71. Гейденештейнъ (206) упоминаетъ объ одномъ только убитомъ—Петрѣ Кенди, который, „прибѣжавъ на шумъ Мосвитянъ, выкликавшихъ ночью по своему обыкновенію свои караулы, погибъ отъ выстрѣла изъ пушки“.

Работа надъ устройствомъ траншей продолжалась четыре дня (2, 3, 4, 5 сентября) [1]), причемъ пришлось употребить на это немало труда, такъ какъ почва въ нѣкоторыхъ мѣстахъ была камениста [2]). Солдаты работали съ замѣчательнымъ усердіемъ, преодолѣвая всѣ затрудненія и не смущаясь опасностью, угрожавшею имъ со стороны непріятеля, который, желая уничтожить возводимыя укрѣпленія, то производилъ выстрѣлы изъ орудій ядрами вѣсомъ подчасъ въ 70 фунтовъ, то скатывалъ громадные камни, то бросалъ раскаленныя ядра въ непріятельскія траншеи. При этомъ Псковитяне, осыпая по обыкновенію враговъ бранью, говорили: «Гдѣ тутъ вамъ побѣдить насъ! Вы увидите, что мы васъ зароемъ въ тѣхъ ямахъ, которыя вы подъ нами копаете, какъ собакъ».

Отъ непріятельскихъ выстрѣловъ солдаты, устраивавшіе траншеи, прикрывались турами. Видя, что выстрѣлы со стѣнъ и башенъ мало причиняютъ вреда осаждающимъ, Псковитяне сдѣлали отверстія въ стѣнахъ, поставили здѣсь пушки и отсюда стали производить стрѣльбу, но она и теперь была безуспѣшна: ядра или не долетали до укрѣпленій, или перелетали черезъ непріятельскія траншеи. Больше всего страдали Баторіевы солдаты отъ раскаленныхъ ядеръ, бросаемыхъ изъ крѣпости, однако, своихъ осадныхъ работъ не прекращали. Работали только Венгерцы и Поляки, а Нѣмцы уклонялись отъ работъ, заявляя, что они возьмутся за нихъ, когда имъ будетъ уплачено жалованье. Уклоненіе это и отказъ вызывались нуждою, которая доходила у Нѣмцевъ до того, что они не стыдились даже побираться; отъ голоданія стала развиваться среди нихъ большая смертность.

Замойскій проявлялъ во время осадныхъ работъ свою обычную энергію, распорядительность и неустрашимость, что должно было, конечно, подбодрять солдатъ [3]).

Такъ проведено было пять траншей вдоль и семь—поперекъ, причемъ траншеи были такъ соединены, что солдаты легко могли

---

[1]) *Piotrowski*, 70—71. Повѣсть (27) говоритъ, что траншеи были окончены въ три дня.

[2]) О трудности осадныхъ работъ вслѣдствіе того, что почва была камениста, говоритъ также Гейденштейнъ (206), но онъ не сообщаетъ намъ при этомъ никакихъ подробностей, которыя разсказу Пётровскаго придаютъ такую живость и образность.

[3]) *Piotrowski*, 70—77.

сообщаться между собою и подавать другъ другу помощь [1]). Въ ночь съ 5-го на 6-ое сентября осаждающіе начали ставить въ траншеяхъ орудія, а 7-го открыли по городу пальбу [2]). Польскія и венгерскія баттареи имѣли по 8 пушекъ, но стрѣльба производилась только съ трехъ батарей, одной польской и двухъ венгерскихъ; кромѣ того, Венгры стрѣляли съ батареи, устроенной за рѣкою Великою. Поляки, подъ комавдою Уровецкаго, направляли выстрѣлы въ стѣну возлѣ Свинусской башни, Венгры, подъ командою Борнемиссы и Иствана, возлѣ Покровской. Канонада велась непрерывно и ожесточенно, стѣны лопались и разсыпались и отъ сыпавшагося щебня дымъ стоялъ столбомъ. Осажденные стрѣляли тоже энергично, но были принуждены удалить орудія съ тѣхъ башенъ, которыя обстрѣливались осаждающими.

Венгры сдѣлали брешь въ стѣнѣ раньше Поляковъ, ибо послѣдніе должны были потратить больше времени на проведеніе траншей вслѣдствіе того, что пришлось устраивать ихъ на гораздо большемъ разстояніи, защищать фланги отъ непріятельскихъ выстрѣловъ и производить канонаду въ крѣпость съ тою цѣлью, чтобы согнать съ многочисленныхъ башенъ ихъ защитниковъ. Венгры готовы были тотчасъ же броситься на приступъ въ сдѣланный ими проломъ, а Баторій готовъ былъ дать на это свое согласіе. Но Замойскій былъ того мнѣнія, что гораздо безопаснѣе будетъ подождать до тѣхъ поръ, пока Поляки сдѣлаютъ со своихъ батерей тоже проломъ въ стѣнѣ и что пока это не воспослѣдуетъ, надо разузнать, расширивъ выстрѣлами еще болѣе сдѣланную брешь, удобно ли черезъ нее войти въ городъ. Мнѣніе канцлера было принято, хотя нѣкоторымъ отсрочка штурма казалось вредною въ виду того, что недостаточный запасъ пороха скоро могъ совсѣмъ выйти [4]). Такъ Поляки сдѣлали тоже проломъ въ стѣнѣ. Между тѣмъ Венгры все рвались на приступъ. Чтобъ подѣйствовать на короля, привели къ нему какого-то гайдука [5]), который заявилъ, что ему удалось подкрасться къ бреши, сдѣланной Венграми, что онъ осмотрѣлъ ее со всѣхъ сторонъ и думаетъ, что взобраться въ нее по грудамъ мусора, наваливша-

---

[1]) Повѣсть 27; *K. Górski,* op. cit., Bibl. Warsz., 1892, IV, 238.

[2]) Повѣсть о началѣ и основаніи Псковскаго Печерскаго монастыря (13) вѣрно отмѣчаетъ начало обстрѣливанія врагами города.

[3]) *Piotrowski,* 78.

[4]) Такъ разсказываетъ Гейденштейнъ 206—207.

[5]) Гейденштейнъ (207) называетъ его венгерскимъ десятникомъ.

гося у нея вслѣдствіе выстрѣловъ, будетъ весьма легко. Замойскій, Фаренсбахъ и Вейеръ не особенно вѣрили словамъ гайдука и совѣтовали королю послать сперва къ проломамъ для осмотра нѣсколько десятковъ надежныхъ солдатъ, а потомъ уже рѣшать вопросъ, идти ли на приступъ или нѣтъ. Король послѣдовалъ этому совѣту [1]).

Когда въ лагерѣ стало извѣстно, что готовится приступъ, тотчасъ же явились охотники, усердіе которыхъ королю весьма понравилось. Они одѣвали на латы бѣлыя сорочки, вывѣшивали передъ своими палатками знамена, чтобы дать знать о себѣ другимъ и такимъ образомъ привлечь побольше участниковъ. Каждый изъ нихъ въ бѣлой сорочкѣ, съ обнаженнымъ мечемъ ходилъ къ своимъ товарищамъ, прощался съ ними и писалъ завѣщаніе. Такъ осаждающіе готовились къ приступу [2]).

А осажденные въ это время усердно молились и дѣлали приготовленія къ отраженію непріятельскаго нападенія. Духовенство, находившееся въ городѣ, обнесло вокругъ стѣнъ чудотворную икону Успенія Богородицы, осѣнило крестомъ и окропило святой водою тѣ мѣста въ стѣнахъ, гдѣ сдѣланы были проломы [3]). Воеводы же у деревянной стѣны, устроенной внутри каменной, поставили орудія и расположили стрѣльцовъ противъ самыхъ проломовъ. У Свинусскихъ воротъ энергично распоряжались князья Андрей Ивановичъ Хворостининъ и Иванъ Петровичъ Шуйскій; они созвали военный совѣтъ, на которомъ порѣшили биться съ врагами до послѣдней возможности [4]).

Между тѣмъ Замойскій составилъ слѣдующій планъ нападенія. Онъ раздѣлилъ войско, которое должно было принять участіе въ штурмѣ, на три отряда: развѣдочный, собственно штурмовой и резервный. Одна часть развѣдочнаго отряда (20 человѣкъ Поляковъ) получила приказаніе разузнать, какъ можно пройти въ городъ, а другая часть (50 Нѣмцевъ) — подкрасться къ самому пролому, осмотрѣть его и, если возможно черезъ него взо-

---

[1]) *Piotrowski*, 79. Гейденштейнъ (207) говоритъ о посылкѣ 50 Нѣмцевъ и относитъ ее ко времени до приведенія къ Баторію гайдука.

[2]) *Piotrowski*, 79.

[3]) Повѣсть о началѣ Печерскаго монастыря (14) и Повѣсть о пришествіи Пресв. Богородицы (31). Торжественное молебствіе совершено было также еще раньше, именно 6-го сентября, см. послѣднюю Повѣсть (28).

[4]) Повѣсть о пришествіи Пресв. Богородицы, 31.

браться въ городъ, подать крикомъ сигналъ, чтобы по этому сигналу штурмовыя колонны могли начать приступъ. Эти послѣднія разставлены были въ опредѣленныхъ мѣстахъ и опредѣленномъ порядкѣ: впереди всѣхъ Пеніонжекъ и Оржеховскій со своими копейщиками, за ними Уровецкій съ пищальниками, далѣе Станиславъ Стадницкій съ эскадрономъ всадниковъ, Выбрановскій и Сирней со своими ротами и отдѣльно отъ нихъ Юрій Мнишекъ съ конницею. Солдаты, находившіеся въ резервѣ, должны были оставаться у батарей и ожидать здѣсь распоряженій гетмана [1]).

Около полудня въ лагерѣ Баторія раздался барабанный бой. По этому сигналу вся кавалерія выѣхала изъ лагеря и окружила городъ, а штурмовыя колонны заняли свои позиціи. Король остановился надъ рѣкой Великою, у венгерскихъ траншей, въ довольно безопасномъ мѣстѣ. Вскорѣ послѣ того произведенъ былъ залпъ изъ орудій и ружей, чтобы согнать со стѣнъ стрѣльцовъ. Поляки развѣдочнаго отряда отправились исполнять данное имъ порученіе, возвратились назадъ и донесли, что хотя городъ окруженъ рвомъ, но пройти въ городъ можно, такъ какъ черезъ ровъ перекинутъ мостъ [2]).

Узнавъ это, Венгры не выдержали. Они бросились сразу на приступъ, за ними Нѣмцы, а за послѣдними Поляки. У рва, гдѣ солдаты столпились, произошло замѣшательство, вслѣдствіе чего многимъ показалось, что брешь слишкомъ мала и что черезъ нее войти въ городъ невозможно. Несмотря на это, Венгры первые заняли ту башню, которую они обстрѣливали и вывѣсили на ней четыре знамени [3]). Вслѣдъ затѣмъ Поляки, во главѣ съ Пеніонжкомъ и Стадницкимъ, ворвались во вторую брешь и захватили Свинусскую башню. Этотъ быстрый натискъ навелъ сначала на Псковитянъ страхъ и они пустились, было, бѣжать отъ враговъ, но вскорѣ опомнились, возвратились назадъ и принялись отражать непріятельское нападеніе, возбужденные на этотъ подвигъ угрозами и слезными просьбами своего вождя Ивана Шуйскаго

---

[1]) *Кояловичъ*, 351, № 73. *Гейденштейнъ*, 208—209 и *K. Gorski*, op. cit., Bibl. Warsz., 1892, IV, 239.

[2]) Такъ разсказываетъ Гейденштейнъ (208), а по словамъ Пётровскаго (79), приступъ начался сейчасъ-же послѣ того, какъ развѣдочный отрядъ отправился исполнять данное ему порученіе.

[3]) *Piotrowski*, 80. Изъ разсказа Гейденштейна (209—210) слѣдуетъ, что первыми ворвались въ городъ Поляки.

и видомъ мощей, иконъ и хоругвей, которыя вынесъ имъ на встрѣчу игуменъ Тихонъ, совершившій богослуженіе въ соборной церкви Св. Троицы [1]).

Тогда на осаждающихъ посыпался градъ пуль, камней и полѣньевъ. Тѣ изъ нападающихъ, которые взобрались на башни, увидѣли передъ собой множество враговъ и поняли, что завладѣть городомъ нѣтъ никакой возможности. Они очутились въ критическомъ положеніи. Псковитяне начали стрѣлять съ другихъ башенъ въ Свинусскую и сбили съ нея крышу, но безъ всякаго вреда для Поляковъ, которые возлѣ нея находились, а затѣмъ стали подкладывать порохъ подъ обѣ башни и зажгли ихъ, чтобы окончательно погубить враговъ [2]). Подъ Свинусской башней пламя сильно разгорѣлось и Поляки должны были отступить [3]), Венгры же продержались до самаго вечера. Потери нападающихъ были значительны: однихъ Поляковъ было убито, по крайней мѣрѣ, 500 человѣкъ, кромѣ того пало много Нѣмцевъ и Венгровъ, и очень многіе получили раны отъ каменьевъ, кольевъ и топоровъ [4]).

«Изъ описанія штурма видно, что онъ былъ дѣломъ случая

---

[1]) *Гейденштейнъ*, 210; Повѣсть о пришествіи Пресв. Богородицы 31; Исторія Княж. Псков. 211—214.

[2]) *Piotrowski*, 80. Гейденштейнъ (210) говоритъ, что Москвитяне пытались подложить порохъ только подъ башню, занятую Поляками; Повѣсть о пришествіи Богородицы (39) подтверждаетъ разсказъ Пётровскаго.

[3]) Повѣсть (36) говоритъ объ этомъ слѣдующее: „еще къ тому Государевы бояре и воеводы повелѣша подъ свиную башню поднести много зелія и повелѣша зажещи е. Тогда же высокогорделивые королевскіе приближенные у короля выпрошались на предъ во Псковъ внити и короля срѣсти; и государевыхъ бояръ и воеводъ связанныхъ и привести предъ короля. Онъ же рече: къ первой похвалѣ о связанныхъ русскихъ людей бояръ и воеводъ, божіимъ промысломъ первѣе за псковскую каменную стѣну свиные башни вкупѣ смѣсившеся своими тѣлеси, другую яко подъ Псковомъ башню соградима“...

Изъ этихъ непонятныхъ выраженій Карамзинъ (IX, 334) вывелъ заключеніе, что свинская (т.-е. свинусская) башня была взорвана на воздухъ и... „ровъ наполнился трупами Нѣмцевъ, Венгровъ, Ляховъ“. По словамъ же очевидца Пётровскаго, произошло только слѣд.: jęło się gwałtownie gorzeć w tej, gdzie Polacy byli, tak iż już necessario przed ogniem ustępować musieli nazad“ (80).

[4]) Гейденштейнъ (211) выражается очень осторожно: „въ этотъ день погибло изъ польской знати болѣе 40 человѣкъ, у Венгровъ не меньшее число“; Пётровскій же такъ говоритъ: „legło naszych przy tym szturmie, nie wiem, jako wiele, bo o tem mowić nie każą, ja ich kładę wszystkich

и не могъ никоимъ образомъ увѣнчаться успѣхомъ, ибо хотя новый ровъ и новая стѣна и составляли преграды, которыхъ нельзя было преодолѣть, однако, надо было приготовиться, чтобы завладѣть ими, надо было заготовить фашины и лѣстницы и выдать соотвѣтственныя распоряженія, а все это не было сдѣлано» [2]). Можно предполагать, что Баторій рѣшился сдѣлать этотъ рискованный шагъ только вслѣдствіе того, что положеніе его арміи было затруднительно, такъ какъ она не была снабжена достаточнымъ количествомъ пороха, и потому не могъ разсчитывать на скорое взятіе города.

Потери осажденныхъ были еще болѣе: 863 убитыхъ и 1.626 раненыхъ [3]). Псковитяне легко могли бы укрываться отъ непріятельскихъ выстрѣловъ за валомъ, вслѣдствіе чего потери были бы меньше. Поэтому можно думать, что увлекаемые пыломъ сраженія и радостью вслѣдствіе побѣды надъ врагомъ, они бросались въ бой слишкомъ опрометчиво, а потому и жертвъ принесли больше, чѣмъ слѣдовало [4]).

Неудача штурма [5]) привела осаждающихъ въ уныніе, которое еще болѣе усилилось оттого, что послѣ штурма почувствовался сильный недостатокъ пороха, вслѣдствіе чего пришлось прекра-

---

na 500, rannych kamieńmi, siekierami, kijmi potłuczonych barzo wiele". Русскіе источники увеличиваютъ число погибшихъ воиновъ Баторія до 5—7 тысячъ человѣкъ, см. Исторію Княж. Псков., стр. 216.

[1]) Карамзинъ (IX, 335) говоритъ объ этомъ такъ: „Непріятелей легло около пяти тысячъ, болѣе осьмидесяти сановниковъ, и въ числѣ ихъ Бекези (т.-е. Бекешъ), полководецъ Венгерскій, отмѣнно уважаемый, любимый Стефаномъ, который съ досады (не ясно, вслѣдствіе ли смерти этого любимца или вообще вслѣдствіе неудачи) заключился въ шатрѣ и не хотѣлъ видѣть воеводъ своихъ, обѣщавшихъ ужинать съ нимъ въ замкѣ Псковскомъ". Все это говорится на основаніи словъ Повѣсти (41—42). Но этому риторическому произведенію можно довѣрять только съ большою осторожностью. Вѣдь по этой Повѣсти оказывается, что въ Баторіевомъ лагерѣ въ арміи, командуемой Замойскимъ, были паньи, которыя оплакивали своихъ мужей(!!).

[2]) *K. Górski,* l. c., 240.

[3]) *Карамзинъ*, IX, 335.

[4]) *K. Górski,* l. c., 240.

[5]) Самъ Баторій объяснялъ неудачу штурма крутымъ и высокимъ спускомъ. Описаніе приступа, сдѣланное королемъ (*Тургеневъ*, I. 357, № CCXXX, Supplementum ad Historica Russiae monumenta 8—9 № VIII, Кояловичъ 345 № 70), заимствовалъ дословно авторъ весьма рѣдкой брошюры „De Plescorae obsidione et pacificatione secuta illiusque condi tiones", хранящейся въ Публ. Библ.

тить обстрѣливаніе города [1]). На слѣдующій день созванъ былъ военный совѣтъ для того, чтобы обсудить дальнѣйшій планъ дѣйствій. Замойскій предложилъ Баторію нѣсколько десятковъ центнеровъ пороху и 300 пуль; кромѣ того, рѣшено послать за порохомъ въ Ригу и къ герцогу Курляндскому [2]). Неудача 8-го сентября убѣдила и Венгровъ, что взять Псковъ приступомъ нѣтъ никакой возможности, а потому постановлено было принудить городъ къ сдачѣ осадою, т. е. придерживаться того плана, который намѣчался уже въ самомъ началѣ кампаніи и который несомнѣнно имѣлся въ виду самимъ Баторіемъ. Замойскій раздѣлялъ взгляды короля. Кромѣ того, онъ совѣтовалъ отпустить домой волонтеровъ, ибо они не могутъ, по его мнѣнію, выносить продолжительной службы и все равно уѣдутъ изъ арміи, когда начнутъ испытывать лишенія, происходящія отъ продолжительной осады и суровой зимы; между тѣмъ съ отпускомъ ихъ уменьшится численность арміи, вслѣдствіе чего ее легче будетъ продовольствовать. Однако, Баторій съ этимъ мнѣніемъ Замойскаго не былъ согласенъ: онъ опасался, что уменьшеніе арміи усилитъ надежду осажденныхъ на освобожденіе и сдѣлаетъ врага менѣе сговорчивымъ относительно условій мира, вслѣдствіе чего онъ не захочетъ уступить всей Ливоніи [3]). Предположенія Баторія оказывались справедливыми. Псковитяне сильно обрадовались тому, что успѣли отразить приступъ. На слѣдующій день послѣ него они повѣсили на городской стѣнѣ плѣннаго Венгерца и такъ кричали по адресу осаждающихъ: «А, что? Видите, какъ виситъ вашъ Венгерецъ? Такъ и всѣхъ васъ повѣсимъ». Грозили даже, что повѣсятъ самого короля, приговаривая: «что это за король у васъ? не имѣетъ ни зелья, ни денегъ; приходите только къ намъ, у насъ и зелья и денегъ и всего много» [4]). И какъ бы въ доказательство этого, они производили днемъ и ночью стрѣльбу въ непріятельскій лагерь, не нанося ему особеннаго вреда, ибо портили только осадныя корзины.

---

[1]) *Piotrowski*, 83. Карамзинъ же, основываясь на показаніи Повѣсти (42), говоритъ, что король на другой день велѣлъ дѣлать подкопы, стрѣлять день и ночь въ крѣпость, готовиться къ новымъ приступамъ.

[2]) Гейденштейнъ (211—212); Пётровскій (83) упоминаетъ только Ригу.

[3]) Эти факты сообщаетъ только одинъ Гейденштейнъ (212—213).

[4]) *Piotrowski*, 85. Онъ замѣчаетъ слѣдующее: i na kogo inszego grozili dalej, ale ja pisać nie smiem, откуда легко, конечно, заключить, что угроза Псковитянъ относилась къ королю.

Удачное отраженіе штурма придало новую бодрость осажденнымъ. Они начали дѣятельно работать надъ укрѣпленіемъ своего города. Такъ противъ проломовъ въ городской стѣнѣ поставлена была новая деревянная стѣна съ многими башнями, проведены новые рвы и въ нихъ поставленъ дубовый острогъ, заготовлены матеріалы для огражденія непріятельскихъ приступовъ, между прочимъ, сѣянная известь, чтобы засыпать глаза врагамъ [1]). Сдѣлана была также попытка увеличить число защитниковъ города принятіемъ тѣхъ подкрѣпленій, которыя были высланы изъ Москвы. Но объ этомъ узнали осаждающіе.

Когда Замойскій получилъ извѣстіе (15-го сентября) [2]), что съ другой стороны города движутся на судахъ по рѣкѣ Великой московскіе отряды съ намѣреніемъ проникнуть въ Псковъ, гетманъ поставилъ тамъ стражу, лично осмотрѣвъ мѣстность. Не смотря на это, два московскихъ судна проскользнули въ городъ. Тогда Замойскій, по приказанію короля, поставилъ у береговъ рѣки двѣ барки и помѣстилъ въ одной изъ нихъ отрядъ нѣмецкихъ пѣхотинцевъ въ 100 человѣкъ, а въ другой въ 60 [3]); кромѣ того, на берегу расположенъ былъ караулъ изъ польскихъ солдатъ, а рѣка загораждена бревнами и цѣпями [4]).

Въ ночь съ 16-го на 17-ое сентября московскій отрядъ пытался на 17 судахъ пробраться въ городъ, но наткнулся на загражденіе въ рѣкѣ и былъ разбитъ стражею. Многіе Москвитяне успѣли высадиться на противоположномъ берегу рѣки, но были встрѣчены здѣсь венгерскимъ караульнымъ отрядомъ, который обратилъ ихъ въ бѣгство и сталъ преслѣдовать. Въ погоню за бѣжавшими посланы были и польскіе всадники. Въ этой схваткѣ нѣкоторые изъ побѣжденныхъ были убиты, другіе утонули; 150 человѣкъ боярскаго рода попали въ плѣнъ, въ томъ

---

[1]) Повѣсть, 43; Исторія Княж. Псков. 216—217.

[2]) *Piotrowski*, 90.

[3]) *Piotrowski*, 91, *Кояловичъ*, 352—353.

[4]) *Кояловичъ*, 353. Гейденштейнъ разсказываетъ объ этомъ такъ. Замойскій приказалъ соединить нѣсколько лодокъ между собою цѣпями, пропущенными черезъ крючья, вбитые въ лодки, и поставить одинъ рядъ лодокъ у берега рѣки поближе къ городу, другой дальше, выше по теченію; послѣ прохода непріятельскихъ судовъ мимо перваго ряда лодки обоихъ рядовъ должны были вытянуться поперекъ рѣки и такимъ образомъ преградить непріятельскимъ судамъ и отступленіе, и движеніе впередъ.

числѣ и одинъ воевода, другой погибъ въ сраженіи [1]); захвачены были и всѣ суда, за исключеніемъ одного, которому удалось ускользнуть изъ непріятельскихъ рукъ.

На слѣдующій день король съ Замойскимъ осмотрѣлъ мѣстность, гдѣ произошла схватка, и приказалъ устроить новое загражденіе на рѣкѣ. Оно было необходимо въ виду того, что на островахъ Псковскаго озера укрывалось нѣсколько тысячъ Москвитянъ, которые могли доставлять продовольствіе осажденнымъ [2]).

Послѣ штурма въ лагерѣ Баторія наступило время затишья: крѣпости нельзя было обстрѣливать за недостаткомъ пороха [3]). Осаждающіе занялись устройствомъ подкоповъ въ трехъ мѣстахъ, производя два подкопа безъ особенныхъ предосторожностей отъ врага, чтобы отвлечь его вниманіе отъ третьяго подкопа, о существованіи котораго и въ Баторіевомъ лагерѣ немногіе знали. Узнавъ отъ перебѣжчика изъ непріятельской арміи [4]), гдѣ устраиваются первые два подкопа, Псковитяне повели имъ на встрѣчу свои собственные, ниже непріятельскихъ, и взорвали послѣдніе на воздухъ [6]). Но и работа въ тайномъ подкопѣ потерпѣла полную неудачу, ибо рабочіе наткнулись на скалу, которую невозможно было пробить, такъ что дальнѣйшее веденіе подкопа пришлось прекратить [7]).

---

[1]) *Кояловичъ*, 353. Этотъ источникъ называетъ воеводъ: Якова Безобразова и Ивана Офукомеева (Offucomeiow). Согласно Пётровскому (91) число плѣнныхъ 150, по Гейденштейну (214)—200.

[2]) *Piotrowski*, 92.

[3]) Карамзинъ (IX, 335—337) описываетъ осаду такъ, какъ будто бы армія Баторія производила безпрестанную канонаду; это невѣрно.

[4]) *Piotrowski*, 93.

[5]) Повѣсть, 46.

[6]) *Piotrowski*, 96, 98. Разрушены подкопы въ ночь съ 23-го на 24-е и 26-е сентября.

[7]) *Piotrowski*, 98. Исторію подкоповъ Гейденштейнъ (213) разсказываетъ иначе. По его словамъ, два подкопа, начатые съ польскихъ шанцевъ, не могли быть доведены до конца, ибо встрѣтили твердую и толстую скалу; третій же подкопъ, устроенный Венгерцами, былъ оконченъ, но непріятели догадались о существованіи его потому, что приступъ долго не возобновлялся, повели на встрѣчу ему собственный и при помощи пороха разрушили непріятельскій подкопъ. Карамзинъ (IX, 337) повторяетъ за Повѣстью (45) извѣстіе о девяти подкопахъ, о которыхъ Псковитяне узнали отъ плѣнныхъ враговъ Говоря объ этомъ, авторъ Повѣсти прибавляетъ, что „ни одинъ отъ тѣхъ литовскихъ языковъ не

Осаждающіе должны были ограничиться одною простою осадою, стеречь, чтобы не проходили подкрѣпленія въ городъ, и отражать вылазки изъ него. Такъ какъ можно было предвидѣть, что осада будетъ тянуться долго, король и именитѣйшіе люди построили себѣ дома для защиты отъ холода [1]). Положеніе Баторіевой арміи становилось затруднительно: прошелъ какой-нибудь мѣсяцъ отъ начала осады, а королевскія войска начали уже испытывать недостатокъ въ сѣнѣ, овсѣ, вообще въ продовольствіи, такъ что приходилось за всѣмъ этимъ посылать далеко, на разстояніе десяти миль отъ лагеря [2]). Солдаты начинали поговаривать, что они служить будутъ только до срока, обозначеннаго уговоромъ. Вина за неудачи сваливалась на Замойскаго; строгость его вызывала неудовольствіе и ненависть. Говорили, что онъ не умѣетъ командовать. «Надо было довольствоваться однимъ перомъ,—заявляли недовольные,—а гетманское достоинство оставить въ покоѣ».

А тутъ къ довершенію бѣды Замойскій какъ разъ заболѣлъ въ это время, не выходилъ почти совсѣмъ изъ шатра въ продолженіе двухъ недѣль, вслѣдствіе чего не могъ отдавать никакихъ распоряженій [3]). Дисциплина въ войскѣ начала ослабѣвать: ротмистры позволяли себѣ устраивать собранія, на которыхъ поговаривали, что слѣдуетъ мимо гетмана обращаться прямо къ самому королю. Выздоровѣвшій гетманъ во-время положилъ конецъ этому нарушенію воинской дисциплины [4]).

Осажденные не воспользовались затруднительнымъ положеніемъ врага, чтобы нанести ему чувствительный ударъ. Они дѣйствовали нерѣшительно, боязливо, ограничиваясь стрѣльбою по непріятельскому лагерю или непродолжительными вылазками, которыя особеннаго вреда осаждающимъ не причиняли [5]), между тѣмъ какъ можно было поставить врага въ весьма тяжелое по-

---

вѣдаютъ, къ коему мѣсту подкопы повели". Свѣдѣнія, сообщенныя Псковитянамъ плѣнниками, были, очевидно, выдуманы умышленно или переданы на основаніи слуховъ. Гонецъ Захаръ Болтинъ сообщилъ Іоанну о существованіи 6 подкоповъ, см. *Ѳ. И. Успенскій*, Переговоры о мирѣ между Москвой и Польшей. Одесса. 1887, стр. 46.

[1]) *Piotrowski*, 91.

[2]) Ib. 97.

[3]) *Piotrowski*, 93—107.

[4]) Ib. 114.

[5]) *K. Gòrski*, l. c., 242.

ложеніе, сдѣлавъ нападеніе съ двухъ сторонъ, изъ города и съ острововъ Псковскаго озера, гдѣ находились цѣлыя деревни [1]).

Въ это время Іоаннъ послалъ Пскову новое подкрѣпленіе подъ предводительствомъ Никиты Хвостова, съ приказаніемъ проникнуть въ городъ во что бы то ни стало. Отрядъ, состоявшій изъ 700 стрѣльцевъ, направлялся изъ Новгорода [2]).

Осаждающіе узнали объ этомъ заблаговременно изъ писемъ Хвостова, перехваченныхъ при пересылкѣ во Псковъ [3]). Тогда Замойскій поставилъ съ той стороны города, откуда могъ явиться Хвостовъ, сильную стражу изъ литовскихъ волонтеровъ, которые сами изъявили желаніе занять здѣсь сторожевые посты [4]). Московскій воевода намѣревался проникнуть въ Псковъ со стороны озера Пельба. Поэтому онъ нѣкоторое время держался на одномъ изъ острововъ, находившихся на этомъ озерѣ, затѣмъ двинулся на лодкахъ впередъ и 2-го октября высадилъ свое войско на берегъ. Литовская стража замѣтила эту высадку и стала бдительно слѣдить за врагомъ. Замѣтивъ это, Хвостовъ поспѣшилъ укрыться въ сосѣдній лѣсъ, чѣмъ обманулъ до нѣкоторой степени враговъ. Бдительность ихъ ослабѣла, вслѣдствіе чего передовой московскій отрядъ, числомъ до 100 человѣкъ, подъ начальствомъ Даніила Исленьева [5]), могъ пробраться въ суровую темную ночь въ городъ. Между тѣмъ самъ Хвостовъ сильно отсталъ отъ своего авангарда, потому что какъ человѣкъ тучный, могъ подвигаться пѣшкомъ слишкомъ медленно. Выйдя на разсвѣтѣ изъ лѣса, онъ спрятался въ траву, чтобъ враги не замѣтили его, и имѣлъ намѣреніе при наступленіи ночи проникнуть во Псковъ. Но вечеромъ 3-го октября онъ былъ захваченъ въ плѣнъ отрядомъ волынскаго воеводы Андрея Вишневецкаго. Тогда московскіе стрѣльцы разбѣжались и спаслись отъ враговъ но 15 человѣкъ попали въ плѣнъ [6]).

---

[1]) *Piotrowski*, 102—103.

[2]) Ib. 105; у Гейденштейна (215) 7.000 человѣкъ и Хвостовъ названъ Николаемъ.

[3]) *Piotrowski*, 105.

[4]) *Гейденштейнъ*, 215.

[5]) Пётровскій (106) называетъ его только Даніиломъ.

[6]) Разсказъ объ экспедиціи Хвостова составленъ нами на основаніи Гейденштейна (215—216) и Пётровскаго (105—106, и 108). Гейденштейнъ говоритъ, что бо́льшая часть воиновъ Хвостова была взята въ плѣнъ, вслѣдствіе чего можно было бы подумать, что число плѣнныхъ было

Такую-же попытку проникнуть въ городъ со стороны озера сдѣлалъ ночью 6-го октября и московскій воевода Ѳедоръ Мясоѣдовъ. Когда воины его, высадившись на берегъ, начали, было, уже подкрадываться къ городскимъ стѣнамъ, раздался сигнальный звукъ трубы на одномъ изъ караульныхъ постовъ, литовская стража вмѣстѣ съ польскою, находившеюся подъ начальствомъ Бѣлявскаго, бросилась на Москвитянъ, многихъ убила и 150 человѣкъ взяла въ плѣнъ; остальные, человѣкъ около 500, вмѣстѣ съ Мясоѣдовымъ спаслись бѣгствомъ [1]).

Между тѣмъ положеніе осаждающей арміи становилось все хуже и хуже. Весь сентябрь стояла прекрасная погода, но съ 1-го октября начались морозы, отъ которыхъ сильно страдали солдаты, не имѣвшіе теплой одежды. Не хватало также и дровъ, изъ-за которыхъ между солдатами происходили иногда положительныя драки. Мало того, въ лагерѣ стали происходить грабежи и воровство; особенно безчинствовали Венгерцы [2]). Дисциплина въ войскѣ могла исчезнуть окончательно. Надо было положить конецъ этому злу. Съ этою цѣлью Замойскій призвалъ къ себѣ ротмистровъ (9-го октября) и указалъ имъ на рядъ нарушеній воинской дисциплины. Офицеры устраиваютъ сходки безъ его вѣдома и выражаютъ неудовольствіе на его власть, заявляя, что они со своими жалобами будутъ обращаться прямо къ королю. Но онъ гетманъ, а потому онъ долженъ обо всемъ знать, все обсудить и доложить объ этомъ, если сочтетъ нужнымъ, королю. Пусть каждый заявитъ о своихъ нуждахъ сейчасъ или на слѣдующій день, а онъ выслушаетъ ихъ и удовлетворитъ, если это возможно.

весьма значительно, такъ какъ историкъ утверждаетъ, что численность отряда достигала 300 человѣкъ (согласно Пётровскому 500); между тѣмъ, по словамъ очевидца, захвачено было въ плѣнъ только 15 стрѣльцовъ, спрятавшихся въ тростникахъ на берегу озера, см. *Piotrowski*, 108.

[1]) *Piotrowski*, 110. Гейденштейнъ (216) сообщаетъ другія числа, именно 150 убитыхъ и 60 плѣнныхъ и рѣшительно утверждаетъ, что остальные Москвитяне, числомъ около 300, вмѣстѣ съ Мясоѣдовымъ проникли въ городъ. Между тѣмъ Пётровскій говоритъ, что Мясоѣдовъ неизвѣстно куда дѣлся, и выражаетъ только опасеніе, чтобы онъ „какъ нибудь не попалъ въ городъ“, что при темнотѣ ночи было вполнѣ возможно, а затѣмъ (131) сообщаетъ слѣдующіе факты: 16-го октября перехвачены были солдатами Баторія письма Псковитянъ и, между прочимъ, къ Мясоѣдову съ предложеніемъ попытаться снова проникнуть въ городъ. Слѣдовательно, сообщеніе Гейденштейна невѣрно.

[2]) *Piotrowski*, 112—113.

Ротмистры просили отложить разсмотрѣніе ихъ жалобъ до слѣдующаго дня. Они жаловались на то, что у солдатъ нѣтъ тулуповъ и сапогъ, вслѣдствіе чего солдаты коченѣютъ отъ холода и не въ состояніи владѣть оружіемъ. Лошади изнурены отъ голода; кромѣ того, хватаютъ ихъ на фуражировкахъ Москвитяне, крадутъ Венгерцы и Литовцы. Старые солдаты домогались исполненія королемъ обѣщанія относительно раздачи имъ открывшихся вакансій на различныя должности въ награду за шестилѣтнюю службу. Жалобщики указывали еще и на то, что караулы содержатся безпорядочно, что не бываетъ ихъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ по 4—5 дней [1]).

Замойскій далъ обѣщаніе нѣкоторыя жалобы офицеровъ удовлетворить, о другихъ же жалобахъ сдѣлать докладъ королю. «Прежде всего необходима намъ—сказалъ гетманъ въ заключеніе,—стойкость при добываніи этого города». Король не желаетъ доводить воиновъ до безысходнаго положенія; чего нельзя будетъ сдѣлать, онъ оставитъ, ибо понимаетъ, что желать потерять войско и голодомъ уморить можетъ только глупецъ. Когда необходимо будетъ, король не преминетъ обратиться за совѣтомъ не только къ сенаторамъ, но и къ офицерамъ, чтобы рѣшить вопросъ, какъ вести дѣло дальше. Теперь онъ того мнѣнія, что къ арміи надо присоединить войско троцкаго каштеляна, который пододвигается уже къ Порхову; онъ-то и поможетъ исполнять караульную службу. Что касается уплаты жалованья, Замойскій обѣщалъ доложить объ этомъ королю и помочь въ этомъ дѣлѣ каждому. «Двери моей квартиры,—окончилъ свою рѣчь гетманъ,—всегда для каждаго открыты, хотя бы онъ и ночью ко мнѣ постучался». Слова Замойскаго подѣйствовали на офицеровъ: они пріободрились и выразили готовность дать свой совѣтъ относительно того, какъ дальше вести осаду [2]).

Тогда Баторій устроилъ нѣсколько совѣщаній съ сенаторами и съ ротмистрами, но изъ этихъ совѣщаній ничего не выходило. Мнѣнія высказывались самыя разнообразныя. Одни совѣтовали сдѣлать новый проломъ въ стѣнѣ и попробовать счастья при помощи новаго штурма. Другіе вооружались противъ этого мнѣнія, на томъ основаніи, что неудача повлечетъ за собою еще бо́льшія потери и покроетъ армію позоромъ. Иные, особенно Литовцы,

---

[1]) *Piotrowski*, 114, 116.

[2]) *Piotrowski*, 118.

настаивали на томъ, что необходимо отступить, ибо солдаты не перенесутъ морозовъ и недостатка въ продовольствіи [1]).

Положеніе Баторіевой арміи осталось тяжелымъ и послѣ того, какъ привезли порохъ изъ Риги, ибо количество его было незначительно, такъ что энергическія дѣйствія противъ осажденной крѣпости были невозможны. А войско между тѣмъ, страдавшее отъ холодовъ и недостатка продовольствія, уменьшалось вслѣдствіе смертности, усилившейся въ его рядахъ [2]).

Положеніе чуть-чуть улучшилось, когда прибылъ изъ своей экспедиціи подъ Псковъ Христофоръ Радзивиллъ.

Баторій послалъ троцкаго каштеляна еще въ началѣ (10-го) іюля изъ Дисны къ Днѣпру для отраженія непріятеля, опустошавшаго могилевскую и шкловскую области [3]). Но Москвитяне ушли вскорѣ въ свои предѣлы и Радзивиллу нечего было дѣлать въ тѣхъ мѣстахъ. Тогда онъ сталъ просить короля, чтобъ тотъ ему разрѣшилъ преслѣдовать отступающихъ враговъ [4]). Баторію не хотѣлось оставлять приднѣпровскую границу беззащитною, а потому онъ весьма неохотно согласился удовлетворить просьбу Радзивилла [5]). По инструкціи, данной королемъ, послѣдній долженъ былъ идти къ Дорогобужу, отсюда повернуть къ крѣпости, Бѣлой, остановиться на нѣкоторое время между нею и Торопцемъ, затѣмъ засѣсть у Холма до тѣхъ поръ, пока главная армія не подступитъ къ Пскову, и такимъ образомъ, развлекать силы врага [6]).

Радзивиллъ выступилъ въ походъ изъ Витебска 5-го августа [7]) по направленію къ Дорогобужу, но, узнавъ по пути, что окрестности Великихъ Лукъ, Усвята и Велижа опустошаются московскими войсками, повернулъ къ Велижу. Походъ былъ весьма затруднителенъ: приходилось прокладывать дорогу черезъ лѣса по

---

[1]) *Piotrowski*, 134—135.

[2]) *Piotrowski*, 136.

[3]) *Piotrowski*, 16, 17.

[4]) *Piotrowski*, 38. Съ такою просьбою пріѣхалъ отъ Радзивилла ротмитръ Зебржидовскій 27-го іюля.

[5]) *Piotrowski*, 41—42.

[6]) Письмо Баторія въ Relacje nuncjuszów apostolskich I, 341 и у Кояловича 329, № 59.

[7]) См. Hodoeporicon Illustrissimi Principis ac Domini Domini Christophori Radivilonis conscriptum a *Francisco Gradovio*. Vilnae 1582 и стихотвореніе Кохановскаго „Iezda do Moskwy“ (*Jana Kochanowskiego* Dzieła Wszystkie Warszava t. II, 317). Послѣднее произведеніе представляетъ собою подробный и точный отчетъ объ экспедиціи Радзивилла.

весьма топкимъ мѣстамъ, такъ что лошади не разъ проваливались въ трясины и съ трудомъ изъ нихъ выбирались [1]). На встрѣчу Радзивиллу выступилъ изъ Великихъ Лукъ Филонъ Кмита съ 2.000 всадниковъ [2]) и 600 татаръ, бывшихъ подъ начальствомъ Гарабурды [3]). Оба вождя встрѣтились у Покровскаго монастыря, на берегахъ рѣки Немези, въ разстояніи 10 верстъ отъ Торопца [4]).

Тутъ литовскіе фуражиры захватили въ плѣнъ двухъ московскихъ развѣдчиковъ, которые сообщили литовскимъ военачальникамъ, что въ трехъ миляхъ отъ нихъ находятся русскія войска. Тогда Радзивиллъ выслалъ противъ враговъ отрядъ въ 700 легко вооруженныхъ всадниковъ, подъ начальствомъ Богдана Огинскаго [5]).

Авангардъ этого отряда встрѣтилъ на своемъ пути четыре караульныхъ поста Москвитянъ; съ трехъ постовъ онъ весьма легко согналъ непріятелей, но на четвертомъ принужденъ былъ выдержать небольшое сраженіе; московскіе караульные отряды бѣжали къ своему войску, которое дало такой сильный отпоръ нападавшимъ врагамъ, что они были бы разбиты на-голову, если бы на помощь не явился начальникъ одного польскаго эскадрона Спытка Іордана. Русскіе не выдержали новаго натиска и обратились въ бѣгство, а враги ихъ преслѣдовали. Во время этого сраженія пало 100 Москвитянъ [6]).

---

[1]) Кохановскій, (l. c., II, 318) такъ отмѣчаетъ маршрутъ Радзивилла въ этомъ мѣстѣ: мимо озера Лукое, черезъ которое протекаетъ Двина, и Туросно, на Старину и Дрогачево. Въ окрестностяхъ озера Радзивиллъ выжегъ деревни.

Idąc dalej Turosno twoje konie piły
Ale zaś na Starynie drogi złej użyły,
Topiąc się na niedźwiedzim niebezpiecznym błocie,
Rzadko tam w której było bez chromego w rocie.

О трудности перехода говоритъ и Градовскій, op. cit.

[2]) *Гейденштейнъ*, 219.

[3]) *Piotrowski*, 42.

[4]) Кохановскій и Градовскій называютъ монастырь Покровскимъ. Гейденштейнъ (219) опредѣляетъ мѣсто встрѣчи такъ: на разстояніи около 8 миль (римскихъ) за Торопцемъ, у рѣки Немези, подлѣ какого-то монастыря. У Кохановскаго рѣка названа „Mioza“.

[5]) *Гейденштейнъ*, 219—220.

[6]) Письмо Хр. Радзивилла у Тургенева, I, № CCXXIX. Гейденштейнъ (220) говоритъ, что авангардъ Радзивиллова отряда былъ за-

Отъ плѣнниковъ Радзивиллъ и Кмита узнали, что значительныя вооруженныя силы непріятелей собраны подъ Ржевомъ [1]). Тогда литовскіе предводители рѣшили повернуть къ этому городу, чтобъ попытать здѣсь военнаго счастья. Они раздѣлили свой семитысячный отрядъ на три части: на лѣвомъ флангѣ шли пѣшіе казаки, на правомъ литовскіе Татары подъ начальствомъ Гарабурды, а середину занимали Радзивиллъ и Кмита съ литовскими и польскими ротами. Чтобы облегчить движеніе экспедиціи, взяты были только небольшія орудія, а телѣги оставлены. Экспедиція двигалась съ остановками: одинъ день она шла впередъ, а другой отдыхала, при чемъ казаки и Татары безпощадно опустошали окрестныя мѣста [2]). Такъ экспедиція подошла близко ко Ржеву [3]), нигдѣ не встрѣчая сопротивленія и тревожимая только незначительными засадными отрядами врага. Затѣмъ Радзивиллъ повернулъ въ сторону, на Зубцовскій ямъ, высылая впередъ отряды, которые пододвигались къ московскому войску у Ржева на разстояніи двухъ миль. Остановившись подъ Зубцовомъ, у Волги, въ разстояніи пяти миль отъ непріятельскаго войска, литовскій предводитель сталъ поджидать враговъ, но они не являлись [4]).

влеченъ врагами къ какимъ-то мостамъ, около которыхъ непріятели расположили въ засадахъ пищальниковъ, и потерялъ нѣсколько своихъ, но ему на помощь подоспѣли другіе; тогда они, по совѣту Гавріила Голубка, сошли съ коней, оттѣснили Москвитянъ отъ моста, обратили ихъ въ бѣгство и во время погони взяли въ плѣнъ нѣсколько человѣкъ. Іорданъ не упомянутъ историкомъ и число убитыхъ не приведено. Согласно поэмѣ Градовскаго, дѣло было у рѣки Шоломы 21-го августа, московскій воевода Барятинскій въ сраженіи погибъ, а другой Ноздреватый бѣжалъ. Кохановскій (l. c., 319) насчитываетъ потери Москвитянъ въ 3.000 человѣкъ.

[1]) По словамъ Карамзина IX, 326, здѣсь было собрано тысячъ пятнадцать.

[2]) Kronika Marcina Bielskiego, изд. К. І. Туровскаго, 1856, т. III стр. 1492—1493.

[3]) По Гейденштейну (220), на разстояніе 30 миль, т.-е. 6 миль польскихъ. Въ поэмѣ Градовскаго сдѣлано замѣчаніе, что окрестности Ржева (Resowia) были подвергнуты опустошенію 25-го августа. Согласно Кохановскому (l. c., 319—320) маршрутъ Радзивилла былъ такой: р. Узнора, Сорочинское поле, рѣчки старый Тудъ и Лучесна (впадаютъ въ Волгу).

[4]) *Гейденштейнъ*, 220 и *Тургеневъ*, I, № CCXXIX. Радзивиллъ шелъ берегомъ Лучесны, черезъ Борисовъ, Урдому (деревня въ Ржевскомъ уѣздѣ на берегу рѣчки того же названія) къ монастырю Пречистой на Волгѣ; солдаты Радзивилла сожгли въ это время Ржевъ. Градовскій описываетъ весьма подробно и яркими при томъ красками осаду и

Тогда онъ отправилъ татарскій отрядъ, подъ начальствомъ Алимбека, за Волгу, по направленію къ Старицѣ, гдѣ въ то время находился самъ Іоаннъ. Татары произвели страшное опустошеніе огнемъ и мечемъ въ окрестностяхъ Старицы и притомъ пододвигались къ городу такъ близко, что царь видѣлъ своими собственными глазами изъ оконъ дворца зарево пожаровъ отъ пылавшихъ вокругъ селеній [1]). Нападеніе это сильно напугало Іоанна: онъ услалъ ночью изъ Старицы свою жену и сыновей и хотѣлъ самъ бѣжать [2]). Войско, находившееся при немъ, было весьма незначительно: онъ отправилъ 3.000 человѣкъ на помощь Ржеву [3]), не предполагая очевидно, чтобы враги осмѣлились напасть на самую Старицу, вслѣдствіе чего у него осталось только

взятіе города Урдоміи. Проф. В. Г. Васильевскій, разсмотрѣвъ отрывокъ поэмы Градовскаго, изображающій все это, пришелъ къ тому заключенію, что усердный поэтъ, желая увеличить славу своего патрона Радзивилла, прибѣгнулъ, повидимому, за недостаткомъ дѣйствительныхъ фактовъ къ выдумкѣ. (Польская и нѣмецкая печать о войнѣ Баторія съ Іоанномъ IV въ Журн. Мин. Нар. Просв. февраль 1889 г., стр. 377). Съ этимъ мнѣніемъ нельзя согласиться. Что панегиристъ преувеличилъ сильно подвиги своего героя, это совершенно естественно, но онъ не могъ передавать небылицъ. Поэма—въ этомъ нельзя сомнѣваться—была поднесена Радзивиллу и, вѣроятно, прочтена имъ; экземпляръ поэмы сохраняется до сихъ поръ въ Несвижской библіотекѣ; воспѣтый герой могъ бы принять выдумки въ родѣ патетическаго разсказа о взятіи крѣпости Урдоміи за оскорбленіе для себя и панегиристъ не достигъ бы своей цѣли. Что подъ Урдомой должна была произойти, по крайней мѣрѣ, схватка, убѣждаетъ насъ Кохановскій, говорящій, что Радзивиллъ шелъ черезъ Урдому и что тогда привели къ нему много дѣтей боярскихъ, захваченныхъ въ плѣнъ при сожженіи Ржева, т.-е. вѣрнѣе во время опустошенія окрестностей этого города, ибо городъ, какъ извѣстно изъ письма самого Радзивилла, уцѣлѣлъ, да и трудно было его сжечь, такъ какъ въ немъ находилось многочисленное московское войско.

[1]) *Тургеневъ*, I, № CCXXIX и *Гейденттейнъ*, 220. Градовскій говоритъ, что въ это время было сожжено Ексово (jexovum), мѣсто, знаменитое богатствомъ жителей и хорошею обработкою полей, а Кохановскій (l. c., 321) сообщаетъ, что былъ сожженъ тогда Ельцовъ (W ten czas Jelców budowny do czysta spalono, dworów i wsi kilkaset w popiół obrócono). Вѣроятно, jexovum і jelców—одно и то же и соотвѣтствуетъ современному городу Ельцамъ на Волгѣ, къ сѣверу отъ Ржева.

[2]) О намѣреніи Іоанна бѣжать изъ Старицы говоритъ Гейденштейнъ (220) со словъ Поссевина, объ отправленіи жены и сыновей говоритъ Бѣльскій (op. cit., III, 1494), Градовскій и Кохановскій (l. c., 321).

[3]) *Тургеневъ*, I, № CCXXIX.

700 человѣкъ [1]). Съ такими силами начинать борьбу съ врагомъ было трудно. Іоаннъ выслалъ предварительно развѣдчиковъ, чтобы узнать, какъ велики силы непріятеля. Развѣдчики узнали, что врагъ держится на-сторожѣ и расположился въ укрѣпленномъ мѣстѣ; во время рекогносцировки они захватили нѣсколько Татаръ и непріятельскихъ фуражировъ [2]). Свѣдѣнія, доставленныя Іоанну развѣдчиками, были таковы, что онъ не рѣшился отражать нападенія враговъ, такъ какъ онъ былъ напуганъ къ тому же бѣгствомъ своего постельника Даніила Мурзы, который могъ сообщить врагамъ свѣдѣнія о затруднительномъ положеніи царя. Но Мурза представилъ силы Іоанна въ такомъ видѣ [3]) Радзивиллу, что послѣдній, боясь превосходства этихъ силъ, отвергнулъ дерзкій планъ, составленный Филономъ Кмитою.

Послѣдній предлагалъ воспользоваться замѣшательствомъ царя, напасть на него и захватить его въ плѣнъ [4]). Но Радзивиллъ не

---

[1]) *Гейденштейнъ*, (220) со словъ Поссевина.

[2]) По Гейденштейну (221), развѣдчики дошли до Окомечья, мѣста, гдѣ, какъ и въ Зубцовѣ, выдавались подорожныя. Карамзинъ (IX, прим. 591) говоритъ, что Литовцы у Окомечья потерпѣли неудачу, но въ источникахъ, которыми мы пользовались, нѣтъ ни слова объ этомъ, кромѣ извѣстія, что московскіе развѣдчики захватили въ плѣнъ нѣсколько Татаръ (вѣроятно, грабителей) и нѣсколько непріятельскихъ фуражировъ.

[3]) Гейденштейнъ (221) называетъ Мурзу стольникомъ, Градовскій и Кохановскій постельникомъ, Бѣльскій, III, 1493)—sługa pokojowy i łożniczy. Въ разсказѣ о томъ, что сообщилъ Радзивиллу Мурза, Гейденштейнъ и Бѣльскій расходятся между собою. Смыслъ Гейденштейнова сообщенія тотъ, что перебѣжчикъ говорилъ о численномъ превосходствѣ Іоаннова войска. Изъ того, что, по словамъ Бѣльскаго, передалъ Мурза Радзивиллу, послѣдній долженъ былъ заключить, что царь находится въ сильномъ замѣшательствѣ.

[4]) Итальянецъ Симонъ Дженга (Genga), находившійся подъ Псковомъ, такъ писалъ объ этомъ къ своему другу Велизарію Винта, секретарю великаго герцога Тосканскаго: „еслибы троцкій каштелянъ былъ также смѣлъ, какъ смоленскій воевода (такой титулъ носилъ, какъ извѣстно, Филонъ Кмита), еслибы они переправились черезъ рѣку, внезапно напали на него (т.-е. Іоанна) и воспользовались страшнымъ замѣшательствомъ, въ какомъ онъ находился, потерявъ положительно голову, онъ попалъ бы въ ихъ руки“. См. Wiadomość o Filonie Kmicie Czarnobylskim въ Zrzódła do dziejów polskich wydawane przez M. Malinowskiego i Al. Przeździeckiego. Wilno, 1844, t. II, 337. Гейденштейнъ (221) говоритъ объ этомъ въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ: „и вотъ когда нашимъ представлялась возможность совершить достопамятный подвигъ, еслибы они подошли къ Старицѣ, они вернулись назадъ...“

послѣдовалъ совѣту Кмиты. Онъ повернулъ къ Холму, какъ этого требовала инструкція, данная экспедиціи Баторіемъ. По пути экспедиція сожгла деревни Оковцы и Селижарово [1]), обратила въ бѣгство московскій отрядъ, шедшій изъ Торопца, и разбила наголову другой у какой то Павловой горы [2]). У истоковъ Волги и Двины Радзивиллъ отдыхалъ нѣсколько дней, чтобъ произвести возможно лучше рекогносцировку мѣстности [3]). Послѣ этого онъ отправился къ Дубну [4]), гдѣ нанесъ пораженіе торопецкимъ стрѣльцамъ [5]). Опустошивъ окрестности Торопца [6]), онъ двинулся къ

---

[1]) По словамъ Кохановскаго (l. c., 321) въ Оковцахъ (деревня въ 25 верстахъ отъ Селижарова) сожжена была церковь Богородицы (Пречистой, Градовскій тоже сообщаетъ о сожженіи старой Пречистой), въ Селижаровѣ предано огню 30 церквей (то же и у Градовскаго). Селижарово было опустошено 28-го августа, согласно поэмѣ Градовскаго.

[2]) Кохановскій (l. c., 321). По Градовскому, Литовцы были 29-го августа около Торопца, откуда вышелъ имъ на встрѣчу непріятельскій отрядъ въ 1.000 бояръ (у Кохановскаго 300 всадниковъ), изъ которыхъ 300 были убиты.

[3]) Маршрутъ Радзивилла былъ таковъ; Зукопа, рѣчка впадающая въ озеро Пена (Осташковскій уѣздъ, Тверской губ.), деревня Рожнова (тамъ же) и истоки Волги и Двины. Градовскій говоритъ, что Радзивиллъ достигъ 4-го сентября большаго озера, гдѣ берутъ свое начало Волга и Двина.

[4]) Въ Торопецкомъ уѣздѣ, на Двинѣ.

[5]) Кохановскій сообщаетъ такія подробности:

. . . . . i Kozacy śmieli
Z Toropieckimi strzelcy na tenże dzień mieli
Potrzebę nie beze krwie; ciż plac otrzymali
I z tej liczby niemało więźniów nawiązali
Szmaiła też przypomnę, który Tatarzyna
Tamże przywiódł do ciebie...

Въ поэмѣ Градовскаго говорится, что пораженіе было нанесено 9-го сентября, при чемъ убито 200 стрѣльцовъ. Около Дубна, по словамъ Кохановскаго и Градовскаго, находилась церковь, построенная Витовтомъ у источника, называемаго Витовтовымъ.

[6]) A sameś ku Toropcu poszedł z ludem swoim
Wieczór w Zaborzu konie w Szczybutym napoim,
Drugiego dnia w Libraciech; stąd jedno dwie mili
Do Toropca, gdzie twoi ludzie popalili
Zboża wkoło wszelakie i tak czyniąc szkody
Wielkie, niezmierne, przyszły do Sieieżej wody.

Kochanowski, l. c., 323. Въ прекрасномъ географическомъ комментаріи къ поэмѣ, составленномъ А. Павинскимъ, нахожденіе пунктовъ, упоминаемыхъ поэтомъ, не указано.

Холму [1]), а отсюда по берегу Ловати къ Старой Руссѣ. Подъ этотъ городъ Радзивиллъ отправилъ отрядъ въ 400 всадниковъ, которые разбили московское войско (численностью въ 1.500 человѣкъ), находившееся подъ начальствомъ князя Оболенскаго, и самого воеводу захватили въ плѣнъ [2]). Изъ-подъ Старой Руссы литовскій вождь повернулъ къ Порхову [3]) и отсюда прибылъ подъ Псковъ, гдѣ его торжественно встрѣтили Литовцы, съ его отцемъ, виленскимъ воеводою, во главѣ [4]).

Экспедиція Радзивилла была простымъ набѣгомъ, который на ходъ цѣлой кампаніи 1581 года оказалъ ничтожное вліяніе.

Съ прибытіемъ троцкаго каштеляна положеніе Баторіевой арміи улучшилось въ томъ только смыслѣ, что тяжесть сторожевой службы сдѣлалась нѣсколько легче, ибо повинность эту исполняли теперь и прибывшіе воины. Но вообще Баторіева армія находилась въ пренепріятномъ положеніи. Что было дѣлать? По этому поводу происходили частыя совѣщанія. Замойскій убѣждалъ переждать, выбрать изъ двухъ золъ меньшее, претерпѣть лучше холодъ и голодъ, чѣмъ отступить съ позоромъ. Литовцы настаи-

---

[1]) Potym do Kunaszówki, więc gdzie między dwoma
Swiętej Przeczystej Cerkiew świeci sie rzekoma
Kumeią a Sieieżą. Stądeś pod Chełm ciągnął
I tameś swe woienne namioty rozciągnął.

[2]) *Kochanowski*, l. c., 323. То же самое почти говоритъ и Пётровскій (108): przyszła nowina od Pana trockiego, że się już pod zamek Porchow przybliża od Toropca prosto; na tej drodze miał potrzebę z 1.500 Moskwy, z którymi ludźmi był hetman, kniaź Oboleński, który pojman i jego ludzie zbici i rozgromieni, że na błota i stawy wielkie pouciekali, jako ich obyczaj. Гейденштейнъ (221—222) разсказываетъ объ этихъ событіяхъ такъ. При Опочкѣ былъ поставленъ отрядъ казаковъ съ тою цѣлью, чтобы прервать сношенія Новгорода съ Псковомъ. Улучивъ минуту, когда часть казаковъ отправилась на грабежъ, московскіе Татары напали на остальныхъ, но были отражены, когда возвратились назадъ и отправившіеся за добычею. Тогда Москвитяне устроили два караульныхъ поста противъ Баторіевыхъ казаковъ: при Руссѣ и при Мичагѣ. Отрядъ на первомъ посту былъ разбитъ Радзивилломъ и тогда именно попалъ въ плѣнъ князь Оболенскій съ нѣсколькими боярами. Численность московскаго войска не показана Гейденштейномъ.

[3]) Маршрутъ: село Сотовъ, Чернышево, Рамишево. Орѣхово, Ускія (то мѣсто, которое въ поэмѣ Градовскаго названо Uscica civitas), Дуково, Ильмень, Михайлово, Заклинье, Карашевичи (Karaszewice), Порховъ.

[4]) Кохановскій, l. c., II, 325 и Пётровскій, op. cit., t. 140. Встрѣча происходила 22-го октября.

вали на своемъ желаніи возвратиться домой; они назначили даже срокъ въ 18 дней, по истеченіи которыхъ собирались удалиться изъ лагеря. По мнѣнію Замойскаго, подобное рѣшеніе представлялось безразсуднымъ, ибо оно могло ободрить врага. А между тѣмъ есть надежда, что осажденные черезъ мѣсяцъ, черезъ два начнутъ страдать отъ голода; тогда имъ придется удалить чернь изъ города, останутся только воины, а ихъ въ Псковѣ немного и дѣло осады пойдетъ легче. Морозовъ нечего такъ ужъ сильно опасаться. Теперь по замерзшимъ болотамъ, рѣкамъ и озерамъ фуражиры могутъ туда отправляться за продовольствіемъ, куда раньше они не были въ состояніи достигнуть; поэтому съѣстные припасы и одежда будутъ, тѣмъ болѣе, что король послалъ въ Ригу и Вильну требованіе къ купцамъ, чтобы они привезли сукно и тулупы.

Баторій говорилъ въ такомъ же духѣ. Онъ засѣлъ здѣсь подъ Псковомъ не для того, чтобы погубить свою армію, отъ сохраненія которой зависитъ его собственная честь и достоинство; уничтожить войско, значитъ вонзить ножъ въ свое собственное сердце. Необходимо переждать... Стоитъ занять намъ новгородскую дорогу,—говорилъ король,—и осажденный городъ очутится въ критическомъ положеніи, ибо онъ изъ Новгорода получаетъ продовольствіе и подкрѣпленія. Стоитъ взять намъ Порховъ и Печерскій монастырь, и войско наше будетъ имѣть всего въ изобиліи, ибо за Порховомъ, около Старой Руссы, многолюдныя и богатыя селенія.

Несмотря на эти доводы, Литовцы твердили одно и то же, что они не въ состояніи долго оставаться и прибавляли, что чѣмъ дальше, тѣмъ положеніе королевской арміи будетъ хуже, а условія для непріятеля будутъ становиться лучше, ибо съ наступленіемъ зимы онъ будетъ получать новыя вооруженныя силы, которыя лѣтомъ съ трудомъ могли являться. Литовскіе сенаторы совѣтовали отложить веденіе войны на будущее лѣто, когда лучше всего воевать съ Москвитянами. Поляки заявляли, что они готовы оставаться до тѣхъ поръ, пока только будетъ существовать возможность. Король просилъ не опредѣлять срока для снятія осады, а устроить новое совѣщаніе, когда явится надобность [1]). При помощи убѣжденія и примѣра королю и его гетману удавалось поддерживать мужество въ войскѣ. Замойскій не разъ лично бывалъ

[1]) *Piotrowski*, 141—148

у самыхъ траншей, въ сферѣ непріятельскаго огня, подвергая свою жизнь опасности [1]). Кромѣ того, Баторій и Замойскій прибѣгнули къ одному еще средству, чтобы поддерживать бодрое настроеніе въ арміи. Пущенъ былъ слухъ о томъ, что будетъ устроенъ новый приступъ, а для большей убѣдительности стали дѣлать соотвѣтственныя приготовленія. 27-го октября возведена была за рѣкой Великой на два орудія батарея, съ которой начали громить городскія стѣны. Уже на слѣдующій день было сдѣлано отверстіе, но слишкомъ узкое; кромѣ того, оказалось, что у непріятеля за каменной стѣною находилась еще деревянная, шириною въ сажень, отчего задача устроить проломъ дѣлалась еще труднѣе. Тѣмъ не менѣе Венгры работали надъ устройствомъ пролома весьма энергично. Осажденные, по обыкновенію, доблестно отражали врага, осыпая его пулями, каменьями и обливая кипяткомъ. Превосходство было на сторонѣ осажденныхъ: на одинъ выстрѣлъ непріятельскій, они отвѣчали десятью. У осаждающихъ мало было и пороху, и пуль, вслѣдствіе чего приходилось стрѣлять изрѣдка [2]).

3-го ноября удалось венгерскому вождю Борнемиссѣ разрушить часть стѣны при помощи залпа изъ орудій. Венгры бросились въ проломъ, начали стрѣлять въ непріятелей, многихъ убили, но этою перестрѣлкою дѣло и ограничилось, ибо нападающіе встрѣтили передъ собою сильныя преграды, хотя и взяли частоколъ и туры. Замѣтивъ между турами много мѣшковъ съ солью, Баторіевы солдаты хватали ее и тащили къ себѣ въ лагерь, ибо она была рѣдкою приправою для ихъ пищи [3]).

---

[1]) См. напр., *Piotrowski*, 159.

[2]) *Piotrowski*, 162, 164—165, 167, 169. О причинѣ, вслѣдствіе которой сдѣлана была попытка пробить новую брешь въ городской стѣнѣ, Гейденштейнъ (229) выражается такъ: „такъ какъ раньше этого былъ привезенъ порохъ отъ герцога Курляндскаго и гражданъ Риги, то было рѣшено до отъѣзда короля попробовать еще разъ приступъ". Итакъ, сообщеніе историка таково, что можно подумать, будто намѣреніе Баторія въ данномъ случаѣ было искренне, но Пётровскій (168) говоритъ намъ иное: zda mi się, żeśmy głos o tym szturmie puścili dla tego, abyśmy jedno żołnierze zabawili, żebyśmy ich nadzieją i oczekiwaniem zadierżyli... Это личное мнѣніе автора дневника надо признать правильнымъ въ виду обстоятельствъ, среди которыхъ начатъ былъ приступъ. О томъ, что количество привезеннаго пороха недостаточно для того, чтобы можно было сдѣлать проломъ, знали, конечно, и Баторій и Замойскій, и тѣмъ не менѣе къ устройству пролома они приступили.

[3]) *Piotrowski*, 171.

На слѣдующій день король приказалъ объявить арміи, что такъ какъ добыть крѣпость трудно, то онъ рѣшилъ оставить солдатъ на зимнихъ квартирахъ въ непріятельской странѣ. Самъ же онъ поѣдетъ въ Польшу, чтобы привезти оттуда и денегъ и подкрѣпленій.

Это объявленіе вызвало сильное волненіе въ лагерѣ. Одни обѣщали остаться, если будутъ имѣть хорошія зимнія квартиры; иные заявляли, что должны возвращаться домой, такъ какъ лошади пали, прислуга разбѣжалась и дальнѣйшее пребываніе повлечетъ за собою для нихъ большія потери. Были и такіе, которые кричали, что не двинутся съ мѣста, пока имъ не будетъ уплачено жалованье. Замойскій пригласилъ къ себѣ почти всѣхъ ротмистровъ на пиръ, чтобы успокоить какъ-нибудь волненіе, возникшее въ арміи при извѣстіи объ отъѣздѣ короля. Но и это средство не подѣйствовало сначала. Солдаты оказывали явное неповиновеніе и пренебреженіе своимъ начальникамъ. Уплата жалованья прекратила бы волненіе, но денегъ не было. Изъ Варшавы привезли незначительную сумму въ 60.000 злотыхъ, которой едва хватило на жалованье Венграмъ и Нѣмцамъ. Позвали ротмистровъ къ королю, который старался убѣдить ихъ въ необходимости зимовать подъ Псковомъ. Что денегъ нѣтъ,—говорилъ онъ—въ этомъ виноваты сборщики податей, которые нерадиво исполняютъ свои обязанности. Но лучше претерпѣть, нежели подвергнуть себя большой опасности отступленіемъ отъ Пскова. Псковъ—ворота въ Ливонскую землю, а поэтому, если принудить къ сдачѣ этотъ городъ, вся эта земля достанется въ наши руки безъ пролитія крови. На зимнихъ квартирахъ всего будетъ въ изобиліи, ибо выбраны онѣ въ многолюдныхъ и богатыхъ селеніяхъ. Онъ остался-бы при войскѣ, если бы не отзывали его въ Польшу весьма важныя дѣла, которыя не могутъ быть рѣшены въ его отсутствіи. Убѣжденія Замойскаго и Баторія подѣйствовали на армію. Волненіе постепенно улеглось и армія согласилась зимовать подъ Псковомъ. Успокоенію волненія содѣйствовало также извѣстіе, что скоро начнутся переговоры о мирѣ, слѣдовательно, являлась надежда на скорое окончаніе военныхъ дѣйствій. Войско рѣшило даже въ виду этого остаться на мѣстѣ, не уходить изъ лагеря на зимнія квартиры [1]).

Такимъ образомъ, миновалъ кризисъ, который могъ бы ока-

---

[1]) *Piotrowski*, 171—178.

заться гибельнымъ для Баторія, если бы армія ушла изъ подъ Пскова, но теперь участь Ливоніи была рѣшена: она должна была остаться въ рукахъ побѣдоноснаго короля [1]).

Желая облегчить доставку арміи продовольствія, Баторій задумалъ взять Печерскій монастырь, являвшійся сильною помѣхою этому. Монастырь представлялъ собою значительную крѣпость, съ каменною стѣною и башнями. Онъ находился въ 56-ти верстахъ отъ Пскова, вблизи тракта, который велъ изъ этого города въ Ригу [2]).

Въ монастырѣ стоялъ гарнизонъ изъ 200 стрѣльцовъ; кромѣ того, было немалое количество простого люда [3]). Монастырь доставлялъ не мало хлопотъ Баторіевой арміи. Русскіе производили изъ него нападенія на королевскихъ фуражировъ, отнимали обозы и грабили купцовъ, везшихъ товары [4]).

28-го октября король выслалъ къ монастырю нѣмецкихъ и польскихъ всадниковъ, подъ начальствомъ Фаренсбаха, на рекогносцировку мѣстности. Если монастырь взять легко, Фаренсбахъ долженъ былъ обратиться къ королю за пѣхотою и артиллеріею [5]). Начало этого предпріятія было удачно. Фаренсбахъ разбилъ подъ монастыремъ московскихъ стрѣльцовъ, положивъ на мѣстѣ до 80 человѣкъ и взявъ нѣсколько въ плѣнъ [6]). Король послалъ ему на помощь нѣмецкую пѣхоту и три орудія. Началась канонада, отъ которой часть монастырской стѣны обрушилась. Осаждающіе пошли на приступъ, но безуспѣшно. Осажденные, священники, иноки и простые люди, взявъ икону Богородицы, стали у пролома и мужественно отбили нападеніе [7]). Вмѣстѣ съ другими сталъ взбираться на стѣну и племянникъ Кур-

---

[1]) *K. Górski*, op. cit., Bibl. Warsz., 1892, IV, 251.

[2]) *K. Górski*, l. c., IV, 251—252. Гейденштейнъ (230) говоритъ о 30-ти римскихъ миляхъ, т.-е. 6 польскихъ.

[3]) *Piotrowski*, 166.

[4]) *Piotrowski* 163, *Гейденштейнъ*, 230.

Повѣсть о началѣ и основаніи Псковскаго Печерскаго монастыря (2-ое изд. Псков., 1849, стр. 19—20) разсказываетъ, что однажды монастырскіе люди разбили непріятельскій отрядъ при рѣчкѣ Пачковкѣ, плѣнили до 300 человѣкъ и отняли захваченные врагами два церковные колокола.

[5]) *Piotrowski* 163, *Гейденштейнъ*, 231.

[6]) *Piotrowski* 165; Гейденштейнъ (231) цыфръ не приводитъ.

[7]) Повѣсть (стр. 21) относитъ приступъ къ 5-му ноября. Разсказъ Повѣсти ясенъ и точенъ.

*

ляндскаго герцога, Вильгельмъ Кетлеръ, лѣстница обломилась, онъ упалъ за монастырскую стѣну и, такимъ образомъ, очутился въ плѣну у непріятеля [1]). Баторій послалъ Фаренсбаху новое подкрѣпленіе, подъ командою Борнемиссы [2]). Обстрѣливаніе монастыря производилось теперь уже изъ семи пушекъ, и спустя два дня сдѣланъ былъ новый проломъ въ стѣнѣ. Осаждающіе бросились снова на приступъ, но опять были мужественно отбиты. Очевидно, силы осаждающихъ были не на столько велики, чтобы они могли сломить доблестное сопротивленіе осажденныхъ, воодушевляемыхъ къ тому же религіознымъ чувствомъ, вѣрою въ чудесное покровительство вышнихъ силъ [3]).

Такимъ образомъ Баторію не удалось сдѣлать свободною доставку арміи продовольствія и оно по прежнему доставлялось съ большими затрудненіями.

Между тѣмъ положеніе войска подъ Псковомъ ухудшилось еще болѣе, когда изъ лагеря уѣхалъ король (1-го декабря); вмѣстѣ съ нимъ и за нимъ отправились многіе отряды, такъ что численность войска значительно уменьшилась. 4-го декабря произведенъ былъ смотръ оставшимся воинамъ: въ конницѣ насчитано 7.000 человѣкъ и она представлялась въ довольно хорошемъ видѣ; только среди прислуги было много больныхъ. Пѣхота находилась въ гораздо худшемъ состояніи; къ тому же, значительная часть ея разбрелась [4]).

Опасаясь, чтобы Псковитяне не воспользовались отъѣздомъ короля и уменьшеніемъ арміи и не произвели сильнаго нападенія

---

[1]) *Piotrowski* 178, *Гейденштейнъ* 231—232, Повѣсть 21. Послѣдняя говоритъ, что Фаренсбахъ (Кранкекъ) былъ раненъ изъ орудія. См. также письмо Поссевича къ кардиналу комскому, Supplementum ad Historica Russiae monumenta 54—55, № XX.

[2]) По Гейденштейну (232), нѣмецкихъ солдатъ, 500 пѣшихъ Венгровъ и нѣсколько большихъ орудій; по Пётровскому (179), „dział więcej i Węgrów kilkanaście set“.

[3]) Повѣсть (21—25) приписываетъ побѣдоносное отраженіе врага чуду. Если принять во вниманіе, что осада Пскова шла неудачно главнымъ образомъ потому, что у Баторія не хватало пороху, надо придти къ выводу, что и отрядъ, осаждавшій Печерскій монастырь, располагалъ незначительнымъ количествомъ его, а потому производить энергическую канонаду не былъ въ состояніи. Второй приступъ отбитъ былъ 14-го ноября. Разсужденія Гейденштейна (232) о причинахъ неудачи второго приступа страдаютъ риторичностью и существа дѣла не объясняютъ.

[4]) *Piotrowski* 194; *K. Górski*, l. c., IV, 253.

врасплохъ на оставшееся войско, Замойскій принялъ необходимыя мѣры предосторожности: онъ усилилъ караулы. Но опасеніе оказалось излишнимъ. Осажденные производили свои обыкновенныя вылазки, которыя только безпокоили противника, но не могли причинить ему значительнаго вреда [1]). Надо предположить, что и положеніе осажденныхъ было весьма незавидное. О состояніи Пскова получались въ лагерѣ осаждающихъ противорѣчивыя извѣстія. То говорилось, что въ городѣ господствуетъ нужда и свирѣпствуетъ сильная смертность [2]), то заявлялось, что городъ имѣетъ всего въ изобиліи. Послѣднимъ извѣстіямъ осаждающіе не вѣрили, думая, что осажденные нарочно распускаютъ такіе слухи, чтобъ производить смущеніе въ лагерѣ осаждающихъ [3]).

На основаніи получаемыхъ извѣстій Замойскій разсчиталъ, что Псковъ вслѣдствіе недостатка въ продовольствіи и въ подкрѣпленіяхъ будетъ въ состояніи продержаться едва до мая мѣсяца. Положеніе арміи Замойскаго было такъ печально, что гетманъ думалъ удалить часть солдатъ изъ-подъ Пскова и содержать ихъ грабежомъ въ окрестныхъ областяхъ. При этомъ онъ предполагалъ, что ему удастся или завладѣть Печерскимъ монастыремъ, городами Порховомъ и Гдовомъ, или занять дороги, идущія изъ послѣднихъ городовъ и Пскова къ Новгороду. Въ томъ и другомъ случаѣ Псковъ долженъ былъ очутиться въ осадномъ кольцѣ [4]). Но приводить этотъ планъ въ исполненіе Замойскому не пришлось: какъ ни страдали солдаты отъ голода и холода, гетману удалось удержать ихъ на мѣстѣ. Онъ старался развлекать ихъ различнаго рода военными предпріятіями, которыя, вмѣстѣ съ тѣмъ, давали понять и врагу, что разсчитывать на безпечность противника онъ не можетъ. На дорогѣ, которая вела изъ Пскова въ Печерскій монастырь, Русскіе хватали въ плѣнъ многихъ солдатъ изъ лагеря Замойскаго, особенно фуражировъ, которые своевольно бродили по окрестностямъ, приближаясь иногда и къ городскимъ стѣнамъ. Замойскій рѣшилъ устроить въ одномъ мѣстѣ вблизи города засаду на враговъ, для чего мѣст-

---

[1]) *Piotrowski*, 193.

[2]) *Piotrowski*, 197.

[3]) *Piotrowski* 190—191, письмо Замойскаго къ королю (Кояловичъ, 402—403). Въ виду этихъ сообщеній нельзя считать истиннымъ сообщеніе Гейденштейна (235) о томъ, будто Замойскій „точно зналъ, сколько въ городѣ силъ, военныхъ снарядовъ, хлѣба и запасовъ“.

[4]) *Гейденштейнъ*, 235—236.

ность, покрытая холмами и прорѣзанная долинами, оказывалась весьма подходящею. Однажды утромъ, еще до разсвѣта, онъ укрылъ въ одной долинѣ роту Станислава Жолкевскаго и 30 своихъ солдатъ, а въ другой—венгерскихъ всадниковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ приказалъ проѣхать мимо города на телѣгѣ двумъ своимъ служителямъ, остановиться и сдѣлать видъ, будто они поправляютъ телѣгу, чтобы этимъ маневромъ выманить непріятелей изъ города. Однако, хитрость не удалась, ибо Псковитяне по случаю торжественнаго праздника св. Николая вылазки въ этотъ день не произвели (6-го декабря). Но на слѣдующій день стратегема гетмана увѣнчалась успѣхомъ. Отрядъ Псковитянъ бросился на одного офицера, ѣхавшаго на другой берегъ рѣки Великой; тотъ помчался на конѣ спасаться отъ враговъ и привелъ ихъ въ засаду. Изъ нея выскочили Венгры и Поляки и разбили нападавшихъ на-голову: 20 человѣкъ убили, многихъ ранили и девять человѣкъ взяли въ плѣнъ [1]).

За это пораженіе кн. Шуйскій задумалъ отомстить врагамъ такимъ же способомъ, т. е. и онъ постарался завлечь ихъ въ засаду. Съ этой цѣлью онъ перевелъ нѣкоторыя орудія на противоположную стѣну города и спустилъ ихъ низко, затѣмъ скрылъ въ засадѣ отрядъ пѣхотинцевъ въ 1.000 человѣкъ и многихъ всадниковъ и сталъ производить небольшія вылазки, чтобы выманить враговъ на бой, увлечь ихъ притворнымъ бѣгствомъ своихъ воиновъ и, такимъ образомъ, заманить ихъ въ засаду. Двѣ роты солдатъ Замойскаго стояли на караульныхъ постахъ. Узнавъ о вылазкахъ Псковитянъ, Замойскій поставилъ на стражѣ еще третью роту и послѣ того, предостерегши солдатъ о томъ, что существуетъ засада, ударилъ на враговъ, которые были бы совершенно уничтожены, если бы не находились близко отъ городской стѣны, за которую они спаслись, за исключеніемъ одного, убитаго во время схватки [2]).

---

[1]) Описываемъ эту схватку на основаніи дневника Пётровскаго (195—196) и писемъ Замойскаго къ королю (*Кояловичъ*, op. cit., 377—380. У Гейденштейна (237—238) существуютъ неточности: Псковитяне производятъ вылазку, чтобъ захватить телѣги съ добычею, убито 30 человѣкъ и взято въ плѣнъ 12.

[2]) См. письмо Замойскаго къ королю (*Кояловичъ*, стр. 406). Гейденштейнъ (238) говоритъ, что Замойскій употребилъ при этомъ слѣдующую хитрость: онъ приказалъ одному своему всаднику приблизиться къ мѣсту, гдѣ была устроена Псковитянами засада; тогда послѣдніе, думая,

Такими небольшими стычками ограничивались военныя дѣйствія подъ Псковомъ, а въ его окрестностяхъ легкіе отряды Замойскаго производили опустошенія и при помощи грабежа доставляли своей арміи продовольствіе. Узнавъ по слухамъ о томъ, что въ Новгородѣ собираются московскія войска, чтобы идти на выручку Пскову, Замойскій выслалъ подъ Новгородъ на рекогносцировку нѣсколько эскадроновъ, подъ командою Іордана Спытка. Силы въ Новгородѣ оказались незначительны: пять полковъ, притомъ весьма плохо вооруженныхъ. Но и эти войска могли бы причинить не мало вреда арміи Замойскаго, если бы только дѣйствовали смѣлѣе. Гетманъ хотѣлъ занять важнѣйшія дороги въ окрестностяхъ Пскова, чтобы прервать сообщеніе съ нимъ другихъ городовъ, но не могъ этого сдѣлать, такъ какъ солдаты плохо слушались его распоряженій и указанныхъ пунктовъ не занимали, а собирались тамъ, гдѣ было больше продовольствія, между прочимъ, къ югу отъ Старой Руссы [1]).

Неудачна была также для Замойскаго и осада Печерскаго монастыря. Замойскій попытался было склонить монаховъ и гарнизонъ путемъ обѣщанія различныхъ милостей, но безуспѣшно. Осада монастыря затянулась до конца войны [2]).

Но въ общемъ даровитый и энергичный гетманъ преодолѣвалъ самымъ замѣчательнымъ образомъ встрѣчавшіяся затрудненія, а росли они съ каждымъ днемъ все больше и больше. Съ 20-го декабря начались столь сильные морозы, что караульные падали замертво съ лошадей [3]). Въ лагерѣ стали свирѣпствовать простудныя болѣзни и смертность усилилась [4]). Для облегченія

что цѣлый отрядъ враговъ попалъ уже въ засаду, выстрѣлили изъ своихъ ружей, но выстрѣлили въ пустое пространство, а затѣмъ, не имѣя больше пороху и пуль, бросились въ городъ, чтобы спастись отъ вражескаго нападенія.

[1]) См. отчетъ самого Іордана о рекогносцировкѣ въ письмѣ къ Замойскому (*Коялович*, стр. 472—475). Гейденштейнъ (241) сообщаетъ, что въ окрестностяхъ Пскова самыя удобныя дороги были заняты отрядами Замойскаго, но это извѣстіе, какъ мы видимъ, невѣрно.

[2]) Повѣсть о началѣ и основаніи стр. 25—30. Грамота Замойскаго къ монахамъ напечатана также у кн. Щербатова, op. cit., (изд. 1789), т. V, ч. IV, стр. 239—241. Замойскій прислалъ монастырю икону, изображавшую Благовѣщеніе, полученную имъ, по его словамъ, изъ Іерусалима.

[3]) *Piotrowski*, 264.

[4]) По словамъ Гейденштейна (242), почти третья часть въ лагерѣ страдала отъ лихорадки, вызываемой ознобами, но умирало отъ нея не-

участи солдатъ, Замойскій принялъ слѣдующія мѣры: онъ уменьшилъ число караульныхъ постовъ и сталъ смѣнять ихъ чаще, четыре раза въ сутки, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ усилилъ надзоръ за службою караульныхъ отрядовъ, чтобы отъ ихъ безпечности, которая могла произойти изъ желанія избѣгнуть холода, не пострадала безопасность лагеря [1]).

Узнавъ объ уменьшеніи числа и численнаго состава сторожевыхъ постовъ, Шуйскій задумалъ произвести нападеніе на непріятельскій лагерь, питая надежду завладѣть имъ. Не располагая достаточнымъ количествомъ конницы, онъ приказалъ Псковитянамъ, у кого только были лошади, доставить ихъ въ его распоряженіе, и такимъ образомъ составилъ отрядъ въ нѣсколько сотъ всадниковъ [2]). Получивъ отъ развѣдчиковъ извѣстіе, что непріятельскіе караулы на той сторонѣ рѣки Великой незначительны, онъ выслалъ туда 200 всадниковъ съ приказаніемъ напасть на сторожевые отряды у Печорской дороги; въ то же время часть пѣхоты была переправлена по льду въ иномъ направленіи и должна была ударить на врага съ другой стороны. Шуйскій разсчитывалъ, что непріятельскіе караулы, стоявшіе у самаго лагеря, бросятся черезъ рѣку на помощь своимъ, оставятъ беззащитнымъ лагерь и тогда можно будетъ легко завладѣть имъ. Предусмотрительность Замойскаго не позволила Шуйскому осуществить этотъ планъ. Гетманъ отдалъ солдатамъ приказаніе не вступать въ бой съ врагомъ, а отступать передъ нимъ и держаться, насколько это возможно, въ лагерѣ. Онъ надѣялся, такимъ образомъ, внушить врагу увѣренность, что можно смѣло производить вылазки и подальше отъ города. Разсчитывая на удачу своего плана, Шуйскій выслалъ изъ города пѣхоту подъ начальствомъ воеводъ Михаила Косѣцкаго, Григорія Мясоѣдова и Константина Поливанова, одну часть на венгерскія, другую часть на польскія укрѣпленія, и расположилъ конницу въ опредѣленныхъ мѣстахъ для прикрытія пѣхоты. Сначала произошло такъ, какъ думалъ Шуйскій.

Сторожевой отрядъ, стоявшій на берегу рѣки Великой, бро-

много. Иное говоритъ Пётровскій (208): по его сообщенію, большая часть войска вымерла и третья часть лежала больная (это въ концѣ уже кампаніи, 17-го января).

[1]) *Гейденштейнъ*, 244—245.

[2]) По Гейденштейну (246)—700.

сился, со своимъ начальникомъ Лаврентіемъ Скарбкомъ, черезъ нее, лишь только замѣтилъ, что враги стараются окружить караульный отрядъ, находившійся на противоположномъ берегу рѣки, подъ командою Оринскаго (числомъ въ 30 всадниковъ); на помощь этому отряду поспѣшилъ также Иванъ Кретковскій съ эскадрономъ Станислава Пржіемскаго, а затѣмъ и другіе отряды, соотвѣтственно распоряженіямъ, сдѣланнымъ заблаговременно Замойскимъ. Послѣднее обстоятельство испортило совершенно планъ Шуйскаго. Скарбекъ и Кретковскій окружили непріятельскую пѣхоту съ тылу, а въ это время другіе польскіе и венгерскіе отряды напали на врага спереди и обратили его въ бѣгство. Убито было во время сраженія до 300 человѣкъ, много ранено и слишкомъ 30 взято въ плѣнъ [1]).

Потери Замойскаго были незначительны: нѣсколько человѣкъ убитыхъ и раненыхъ [2]).

Зная, что послѣ сраженія Псковитяне готовы будутъ ночью выйти изъ города, чтобы подобрать и похоронить тѣла своихъ убитыхъ, Замойскій приказалъ слѣдить за этимъ Уровецкому, Пильховскому и Гостынскому [3]). Однако, ночь прошла спокойно и только на слѣдующее утро сдѣлана была Псковитянами попытка унести мертвыхъ. Увидѣвъ сторожевые эскадроны Мартина Леснёвольскаго, Псковитяне поспѣшно возвратились назадъ въ крѣпость. Затѣмъ они обратились къ Замойскому съ просьбою разрѣшить имъ совершить погребеніе убитыхъ, на что тотъ согласился [4]). По этому поводу между противниками начались переговоры. На мѣсто свиданія съ посланными отъ Пскова явились

[1]) Заимствуемъ описаніе этого дѣла изъ письма, написаннаго Замойскимъ королю въ тотъ же день, когда битва происходила, т.-е. 4-го января 1582 г. (*Кояловичъ*, стр. 512, № 191). Гейденштейнъ (246—247) описываетъ битву почти точно такъ же; онъ сообщаетъ только нѣсколько иныя цыфры: Шуйскій высылаетъ къ рѣкѣ Великой 200 всадниковъ. Оринскій командуетъ отрядомъ приблизительно въ 40 человѣкъ, взято въ плѣнъ 60 Псковитянъ.

[2]) Замойскій и Гейденштейнъ приводятъ одни и тѣ же имена убитыхъ: Гродзецкаго—Грудзенскаго, Пёнтковскаго—Пентковскаго, Оринскаго, Кобора; у Гейденштейна указанъ еще Венгерецъ Баррабъ Балогъ. Объ Оринскомъ Замойскій замѣчаетъ, что онъ едва ли выживетъ.

[3]) *Кояловичъ*, l. c., стр. 514. Гейденштейнъ отмѣчаетъ только Уровецкаго.

[4]) По словамъ Гейденштейна (249), Замойскій самъ предложилъ имъ похоронить убитыхъ.

изъ польскаго лагеря Станиславъ Жолкевскій, Телятовскій (или Телятецкій) и Мельхіоръ Завиша.

Псковитяне вздумали, было, воспользоваться этимъ моментомъ, чтобъ умертвить представителей Замойскаго. Съ этою цѣлью произведенъ былъ въ нихъ залпъ изъ пищалей и орудій, но пуля попала только въ Завишу, однако, не ранила его.

Посланные Поляки ускакали, конечно, назадъ въ свой лагерь и такимъ образомъ коварство Псковитянъ постигла неудача [1]). Однако, это вѣроломство раздражило сильно противника [2]). За коварство Поляки рѣшили отплатить коварствомъ. Одинъ офицеръ артиллеристъ, Иванъ Остромецкій, предложилъ Замойскому послать въ Псковъ въ видѣ подарка Шуйскому своего рода адскую машину [3]). Остромецкій заявлялъ, что при помощи этой машины можно будетъ жестоко отомстить врагамъ за ихъ вѣроломство. Замойскій отдалъ предложеніе Остромецкаго на обсужденіе ротмистровъ, которые убѣждали гетмана не препятствовать Остромецкому приводить его замыселъ въ исполненіе. Удачное осуществленіе замысла уменьшитъ число перебѣжчиковъ въ непріятельскій лагерь и отобьетъ у враговъ охоту къ новымъ кознямъ, что особенно будетъ полезно въ нынѣшнихъ весьма затруднительныхъ обстоятельствахъ. На войнѣ позволительны всякіе способы борьбы съ врагомъ, тѣмъ болѣе, что врагъ нарушаетъ самъ данное слово. Замойскій отпустилъ Остромецкаго, не выражая ясно своего мнѣнія, не запрещая и не разрѣшая ему осуществлять свой замыселъ [4]).

Тогда Остромецкій сблизился съ однимъ московскимъ плѣнникомъ, увѣривъ его въ томъ, что онъ нѣкто Іоаннъ Миллеръ [5]), находившійся когда-то на службѣ вмѣстѣ съ Фаренсбахомъ у московскаго государя. Онъ помнитъ хорошо милости къ себѣ по-

---

[1]) Разсказываемъ со словъ Замойскаго (*Кояловичъ*, l. c., стр. 516—517) и Пётровскаго (ib. 689). Таковъ же почти разсказъ и Гейденштейна (248—250), съ значительною только дозою фразеологіи.

[2]) Exclamarunt deinde isti iuvenes (бывшіе на свиданіи): caveret perfidus Szuiscius! ejus perfidiam quocunque ulturos—такъ пишетъ Пётровскій (*Кояловичъ*, 689).

[3]) Описаніе прибора у Гейденштейна (250).

[4]) Такъ говоритъ Замойскій: ita Ostromecium dimisi, ut nec prohiberem, nec nimis etiam mandarem. Гейденштейнъ (251) говоритъ, что Замойскій позволилъ отомстить такимъ образомъ врагамъ за ихъ вѣроломство, что и соотвѣтствуетъ дѣйствительно существу дѣла.

[5]) У Гейденштейна—Моллеръ.

слѣдняго и хочетъ теперь опять перейти къ нему на службу, совершивъ дѣло, которое освободитъ Псковъ отъ осады. Для этого необходимо отнести этотъ ящикъ Шуйскому и открыть его въ присутствіи князя. Плѣнникъ повѣрилъ словамъ Остромецкаго и исполнилъ все такъ, какъ послѣдній ему приказалъ. Ящикъ былъ вскрытъ псковскими военачальниками, при чемъ, конечно, произошелъ взрывъ, отъ котораго погибло нѣсколько человѣкъ.

Распространился слухъ, что убитъ и Шуйскій, но на слѣдующій день въ лагерѣ Замойскаго появилось письмо князя, обвинявшее гетмана въ томъ, что онъ желалъ предательски умертвить его. Замойскій вызвалъ за это Шуйскаго на поединокъ, назначивъ мѣсто для него между своимъ лагеремъ и крѣпостью, и приказалъ въ виду города пронести на копьѣ свою гетманскую шапку съ перьями. Увидѣвъ ее съ башни у рѣки Великой, Псковитяне быстро скрылись въ городъ [1]).

Такъ продержался Замойскій до окончанія войны шесть ужасныхъ недѣль: отъ сильныхъ морозовъ, недостатка въ одеждѣ и продовольствіи, развились въ лагерѣ болѣзни, отъ которыхъ чуть ли небольшая часть арміи страдала [2]). а польскій гетманъ все сидѣлъ подъ Псковомъ... Если доблестная защита кн. Шуйскимъ и его воинами Пскова умѣрила требовательность Баторія и ускорила заключеніе мира, то съ другой стороны столь же удивительная стойкость польскаго гетмана и его войска способствовала тому что главная цѣль войны была достигнута Баторіемъ: Ливонія отнята у Іоанна.

VII.

Запольскій ямъ.

Переговоры въ Запольскомъ ямѣ велись при посредничествѣ Рима, вслѣдствіе чего борьба изъ-за Ливоніи въ царствованіе Стефана Баторія пріобрѣла еще болѣе важное историческое значеніе: она сдѣлалась однимъ изъ весьма интересныхъ эпизодовъ

---

[1]) Разсказываемъ этотъ случай на основаніи письма Замойскаго къ королю отъ 11-го января 1582 г. (*Кояловичъ*, op. cit., стр. 576—577). Разсказъ Гейденштейна (250—252) согласенъ съ разсказомъ Замойскаго; отличіе существуетъ слѣд.: по словамъ Гейденштейна, Шуйскій вызвалъ Замойскаго на поединокъ, но когда послѣдній явился на условленное мѣсто, не засталъ Шуйскаго. См. также письмо Пётровскаго (*Кояловичъ*, 690).

[2]) *Кояловичъ*, 577—578.

въ исторіи стремленій папства къ господству надъ міромъ. Желая играть, подобно средневѣковымъ папамъ, роль руководителей христіанства, папы XVI вѣка пытались устроить обширный крестовый походъ противъ Турокъ, чтобъ изгнать ихъ изъ Европы и такимъ образомъ доставить кресту торжество надъ полумѣсяцемъ. Къ антитурецкой лигѣ Римъ надѣялся привлечь также и московскихъ государей, при чемъ онъ старался вмѣстѣ съ тѣмъ склонить ихъ къ уніи съ католическою церковью. Григорій XIII, занимавшій папскій престолъ въ разсматриваемую нами эпоху, продолжалъ политику своихъ предшественниковъ. Уже въ 1576 году папа вступилъ въ сношенія съ московскимъ посольствомъ, отправленнымъ къ императору Максимиліану II, и намѣревался выслать въ Москву для осуществленія выше означенной цѣли миссію, но папскія намѣренія вслѣдствіе сопротивленія императора потерпѣли неудачу [1]). Однако они сдѣлались, такимъ образомъ, извѣстны московскому государю [2]). Тогда у Іоанна возникла надежда на то, что посредничество папы можетъ прекратить тяжелую для московскаго государства войну со Стефаномъ Баторіемъ.

Положеніе Іоанна въ 1580 году было весьма затруднительно. Польскій король занималъ все больше и больше московскихъ земель, Шведы стали снова утверждаться въ Эстоніи, Данія готова была присоединиться къ врагамъ московскаго государя, въ казанской и астраханской областяхъ могло вспыхнуть всякую минуту возстаніе [3]). При такихъ обстоятельствахъ Іоанну пришла мысль обратиться за помощью противъ Речи Посполитой къ императору и папѣ; царь предлагалъ имъ союзъ противъ Турокъ подъ тѣмъ условіемъ, что они постараются склонить къ миру польскаго короля и убѣдить его въ необходимости борьбы общими силами съ бусурманами, непримиримыми врагами христіанства [4]).

---

[1]) *Pierling*, Papes et Tsars (1547—1597). Paris 1890, p. 108—122.

[2]) Памятники дипломатическихъ сношеній древней Россіи съ державами иностранными т. X, ст. 7.

[3]) *Pierling*, La Russie et le Saint-Siège, Paris, 1897, t. II, 2—3; *Hildebrand*, op. cit., 8—9.

[4]) Цѣль посольства Шевригина къ папѣ извѣстна Гейденштейну (174): по его словамъ, „царь обѣщалъ свою помощь христіанству противъ Турокъ, жаловался на обиды, наносимыя ему королемъ и даже, говорятъ, тайно просилъ, чтобы папа склонилъ его къ миру; во всякомъ случаѣ самыми своими жалобами онъ довольно ясно обнаружилъ свое желаніе, чтобы папа взялъ на себя посредничество“.

Ѳ. И. Успенскій (Сношенія Рима съ Москвой въ Журн. Мин. Нар.

Въ концѣ 1580 года отправленъ былъ съ этою цѣлью въ Прагу (гдѣ жилъ императоръ Рудольфъ II) и Римъ гонецъ Леонтій Истома Шевригинъ. Миссія его увѣнчалась успѣхомъ только у папы. Хотя Іоаннъ въ письмѣ къ папѣ ни словомъ не затрогивалъ вопроса о церковной уніи, однако, Григорій XIII счелъ прибытіе московскаго гонца въ Римъ за обстоятельство весьма подходящее для того, чтобы поднять именно этотъ вопросъ, питая, очевидно, надежду на возможность осуществленія уніи, и рѣшилъ выслать съ этою цѣлью въ Москву особеннаго уполномоченнаго [1]). Выборъ папы палъ на іезуита Антонія Поссевина, оказавшаго уже католической церкви нѣкоторыя услуги въ Швеціи, куда онъ ѣздилъ съ тою цѣлью, чтобы возвратить короля и цѣлую страну на лоно католицизма [2]). Такая же задача была дана и теперь Поссевину. Въ секретной инструкціи, которую онъ получилъ, чисто-политическіе вопросы поставлены были на второмъ планѣ. Правда, ему поручалось склонять Стефана Баторія къ миру, такъ какъ отъ прекращенія войны между христіанскими государями зависѣлъ успѣхъ образованія лиги противъ Турокъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ предполагалось, что война можетъ окончиться еще до прибытія Поссевина на мѣсто назначенія, а потому какъ главная цѣль миссіи указывалось заключеніе церковной уніи. Поссевинъ долженъ былъ убѣдить Іоанна Грознаго въ истинности ученія католической церкви и въ неизбѣжности религіознаго объединенія всѣхъ народовъ на землѣ подъ главенствомъ папы [3]).

Папскій уполномоченный выѣхалъ изъ Рима вмѣстѣ съ московскимъ гонцемъ, но затѣмъ они разстались. Шевригинъ направился въ Москву черезъ Любекъ, желая такимъ образомъ избѣжать переѣзда черезъ области Рѣчи Посполитой, гдѣ его, по

Просв. августъ 1885 стр. 291) думаетъ, что на посольство Шевригина въ Римъ нельзя смотрѣть, какъ „на униженное стучанье въ дверь римскаго епископа съ просьбой о помощи“. Но съ этимъ мнѣніемъ нельзя согласиться, такъ какъ само московское правительство свидѣтельствуетъ, что оно въ Римѣ обращалось именно за помощью, „по нуждѣ“. см. *Н. Лихачевъ*, Дѣло о пріѣздѣ въ Москву Антонія Поссевина. Спб., 1903, стр. 10.

[1]) *Тургеневъ*, I, № CCLI, стр. 389.

[2]) *F. Koneczny*, Jan III, Waza i misja Possewina. Kraków, 1901; *K. Hildebrand*, Iohan III och Europas katolska makter, 287—289.

[3]) См. тайную инструкцію, данную Поссевину, у Тургенева, I, № CCXII, 299—305 и въ *Seb. Ciampi* Bibliografia critica. Firenze 1834, I. 241—245.

случаю войны, могли легко задержать, Поссевинъ же поѣхалъ въ Польшу, чтобы исполнить порученія, данныя ему папою къ Стефану Баторію [1]).

Польскій король съ неудовольствіемъ слѣдилъ за переговорами Іоанна съ папою, такъ какъ онъ полагалъ, что царь желаетъ возстановить противъ него главу католической церкви, чтобъ повредить интересамъ государства, которымъ онъ управлялъ [2]). Эта подозрительность короля ставила римскую курію въ затруднительное положеніе. Баторій легко могъ отвергнуть ея посредничество и тогда, конечно, всѣ замыслы Рима обратились бы въ ничто. Въ виду этого приходилось вести переговоры съ королемъ о пропускѣ Поссевина въ Москву черезъ польскія земли. Римъ началъ двойную дипломатическую игру. Царю папа обѣщалъ склонять Баторія къ миру [3]), а короля поощрялъ къ дальнѣйшимъ военнымъ дѣйствіямъ и завоеваніямъ [4]). Игра увѣнчалась успѣхомъ: Баторій согласился пропустить Поссевина черезъ свое государство, хотя вскорѣ затѣмъ раскаялся въ томъ, что далъ на это свое согласіе, полагая, что въ миссіи Поссевина кроется противъ него злой замыселъ его враговъ [5]).

Вслѣдствіе этого положеніе папскаго легата въ Польшѣ становилось весьма затруднительнымъ, но іезуиту удалось легко успокоить подозрительность Баторія, горячо преданнаго интересамъ католической церкви; мало того, увлечь короля изображеніемъ той роли, которую суждено ему сыграть въ міровой исторіи. Завоевавъ Ливонію, Баторій утвердитъ въ ней католичество, а заключивъ миръ съ Іоанномъ, онъ совершитъ еще болѣе великое дѣло, ибо подготовитъ почву для сближенія восточной церкви съ западной и такимъ образомъ будетъ содѣйствовать торжеству католической церкви на землѣ. Баторію выпадаетъ роль Карла Великаго. Когда начнутся переговоры о мирѣ, папа будетъ сочувствовать, конечно,

---

[1]) *Гейденштейнъ* 174; *Pierling*, La Russie et le Saint-Siège, II, 45.

[2]) *Тургеневъ*, I, 298, № CCX.

[3]) Въ письмѣ къ Іоанну папа выражается очень осторожно о своей готовности быть посредникомъ между царемъ и королемъ. (Памятники дипломатическихъ сношеній, X, 80—85, Relacje nuncjuszów apostolskich, I, 344—345), но эта осторожность необходима была для того, чтобы не раздражать Поляковъ, которые допускали переговоры между Москвою и Римомъ только церковнаго характера, см. *Pierling*, op. cit., II, 21.

[4]) *Pierling*, op. cit., II, 51.

[5]) *Pierling*, op. cit., II, 53.

католическому королю Польши болѣе, чѣмъ иновѣрному государю, пользующемуся, къ тому же, весьма дурною славою во всей Европѣ; если Баторій приметъ при этомъ посредничество папы и и будетъ обращать вниманіе на его указанія, онъ тѣмъ самымъ увеличитъ обаяніе апостольскаго престола [1]).

Поссевинъ прибылъ къ Баторію въ то время, когда у него находилось московское посольство, съ Пушкинымъ и Писемскимъ во главѣ. Намъ извѣстенъ уже ходъ переговоровъ этого посольства съ королемъ: Іоаннъ, уступавшій сначала Речи Посполитой всю Ливонію, за исключеніемъ четырехъ пунктовъ, отказался потомъ отъ этого условія. Мы знаемъ также, что въ переговорахъ принималъ участіе и папскій легатъ, но безуспѣшно [2]). Переговоры были прерваны, война возобновилась и Баторій отправился осаждать Псковъ.

Между тѣмъ Поссевинъ поѣхалъ въ Старицу, гдѣ тогда пребывалъ Іоаннъ. Результатъ переговоровъ папскаго посла съ царемъ былъ только тотъ, что царь съ радостью принялъ предложеніе послѣдняго быть посредникомъ между нимъ и Баторіемъ [3]). Тогда Поссевинъ уѣхалъ подъ Псковъ въ лагерь короля, куда онъ прибылъ 5-го октября, привѣтствуемый съ величайшею радостью арміею осаждающихъ, которая вслѣдствіе затруднительнаго положенія жаждала мира [4]).

Легатъ вступилъ тотчасъ же въ тайныя собесѣдованія съ Баторіемъ и его alter ego Замойскимъ. Положеніе дѣлъ было таково, что оба руководителя Речи Посполитой понимали необходимость заключенія мира въ возможно скорѣйшемъ времени. Однако Баторій продолжалъ настаивать на своемъ обычномъ требованіи уступки всей Ливоніи, но соглашался уже отправить для веденія переговоровъ о мирѣ и своихъ пословъ, если Іоаннъ пришлетъ своихъ. Поссевинъ постарался убѣдить царя въ необходимости принять эти условія, изображая положеніе его весьма мрачными красками.

Царю приходится воевать съ двумя врагами, польскимъ и шведскимъ королемъ. Шведы взяли Нарву, Иванъ-Городъ, Вейс-

---

[1]) *Pierling*, op. cit., II, 57—59.

[2]) См. выше стр. 217.

[3]) *Pierling*, II, 94.

[4]) *W. Zakrzewski*, Stosunki Stolicy Apostolskiej z Iwanem Groźnym, carem i w. ks. moskiewskim. Kraków, 1872, стр. 145; *Pierling*, op. cit., II, 97.

сенштейнъ (Бѣлый Камень, Labidem Albam) и другія крѣпости; мало того, они вторгнутся во внутреннія области московскаго государства, если Іоаннъ не поспѣшитъ заключить миръ съ Баторіемъ. Псковъ находится въ величайшей опасности. Подкрѣпленія, которыя посылаются городу, не достигаютъ своего назначенія. Между тѣмъ псковскіе воины умираютъ въ большомъ количествѣ и отъ королевскаго оружія, и отъ болѣзней, и отъ душевнаго удрученія. А тутъ король Стефанъ не только рѣшилъ зимовать подъ Псковомъ, но собирается предпринимать лѣтомъ будущаго года походъ во внутреннія области Іоаннова царства. Разсчитывать на неудачный исходъ осады Пскова нечего, ибо вскорѣ будетъ привезено, по приказанію короля, большое количество пороху и много ядеръ изъ города Риги. Уступить Ливонію необходимо и эта уступка не будетъ особенно тяжела для царя, такъ какъ при содѣйствіи папы можно будетъ выговорить у Баторія свободный пропускъ купцовъ изъ другихъ христіанскихъ государствъ черезъ Польшу и Ливонію [1]), чего царь такъ энергично добивался.

Письмо это произвело впечатлѣніе на Іоанна. Хотя извѣстіямъ, которыя сообщалъ Поссевинъ о силахъ Баторія, царь и не вѣрилъ особенно, продолжая еще питать надежду на то, что польскій король будетъ принужденъ отступить отъ Пскова [2]), тѣмъ не менѣе онъ понялъ, что разсчитывать на болѣе удачный оборотъ дѣлъ нечего и что надо спѣшить мириться поскорѣе съ однимъ противникомъ, польскимъ королемъ, чтобы затѣмъ расправиться съ другимъ врагомъ, Швеціею. Немедленно по полученіи вышеуказаннаго письма Іоаннъ «съ царевичемъ княземъ Иваномъ и съ бояры приговорилъ, смотря по нынѣшнему времени, что литовскій король со многими землями и свѣйской король стоятъ съ одного, съ литовскимъ бы королемъ помиритися на томъ: ливонскіе бы городы, которые за государемъ, королю поступитися, а Луки Великія, и Невль, и Заволочье, и Холмъ, и

---

[1]) См. письмо Поссевина къ Іоанну отъ 9-го октября въ Памятники диплом. сношѳ. X, 248—257. У Старчевскаго, II, 343—345 и въ Relacje nuncj. I, 349—353 оно помѣчено неопредѣленною датою „ex mense Octobri“. См. также *Н. Лихачевъ*, op. cit., XXIX, № 38. Гейденштейнъ, (223—224) передаетъ содержаніе письма неточно.

[2]) Іоаннъ посылалъ подъ Псковъ разузнавать, стоитъ ли король подъ городомъ и „какъ стоитъ и что его промыселъ“, см. *Н. Лихачевъ*. op. cit., XXXVI, № 46, XLVIII, № 57, 58.

псковскіе пригороды, что король поималъ, тѣхъ бы король поступился государю, и пословъ бы своихъ на съѣздъ съ литовскими послы государю послати, и папинъ бы посолъ Антоней тутожъ на съѣздѣ былъ, а помиряся бъ съ литовскимъ съ Стефаномъ королемъ стати на свѣйскаго и свѣйскаго бы не замиривати» [1]).

Такимъ образомъ Іоаннъ соглашался начинать переговоры о мирѣ, назначалъ мѣстомъ, куда должны съѣхаться послы съ той и другой стороны, Запольскій Ямъ, но требовалъ, чтобы Баторій отступилъ со своею арміею отъ Пскова: въ этомъ требованіи сказывались, какъ мы знаемъ уже, и затаенная надежда царя на то, что возможно еще улучшеніе положенія, и желаніе скрасить нѣсколько для своего горделиваго сознанія печальную дѣйствительность [2]).

Спѣшно было вслѣдствіе плохаго состоянія арміи мириться и Баторію. Не дождавшись возвращенія перваго своего посланца Андрея Полонскаго, Поссевинъ, съ согласія короля, отправилъ къ царю съ письмомъ втораго, убѣждая Іоанна опять въ томъ, что возможно скорое заключеніе мира является для него неизбѣжною необходимостью [3]). Но новыя убѣжденія были излишни: Іоаннъ уже послѣ полученія перваго письма спѣшилъ выразить свою готовность мириться [4]).

Несмотря на горячее желаніе мира съ той и другой стороны, переговоры начались только въ половинѣ декабря. Проволочка эта объясняется условіями тогдашнихъ способовъ сообщенія: пересылки между Псковомъ и Москвою потребовали значительнаго времени [5]). Наконецъ послы Баторія и Іоанна съѣхались въ ука-

---

[1]) Памятники диплом. сношѳ. X, 257. Бояре принимали Поссевинова посланца Андрея Полонскаго 21-го октября, а рѣшеніе заключать миръ состоялось 22-го, см. *Н. Лихачевъ*, XXXIII.

[2]) Гейденштейнъ (224) говоритъ объ этихъ событіяхъ только слѣд.: получивъ это (т.-е. Поссевиново) письмо, московскій царь немедленно отпустилъ гонца вмѣстѣ со своимъ курьеромъ и письмомъ къ Поссевину. Историкъ забылъ упомянуть, что было письмо и къ королю (Метр. Лит., II, 209, № 76; *Бояловичъ*, 373, № 86).

[3]) Письмо это отъ 22-го октября, см. *Н. Лихачевъ*, XXXIV.

[4]) Письмо Іоанна, отправленное къ Поссевину съ гонцемъ Захаріемъ Болтинымъ, носитъ дату 23-го октября, *Н. Лихачевъ*, XXXIV.

[5]) Задержка произошла, можетъ быть, и оттого, что Іоаннъ надѣялся нѣкоторое время на отступленіе Баторія отъ Пскова.

занное мѣсто, Запольскій Ямъ, небольшую деревню между Заволочьемъ и Порховомъ. Выборъ этого пункта сдѣланъ былъ Іоанномъ и обусловленъ требованіемъ Баторія: король соглашался отправить своихъ пословъ только подъ тѣмъ условіемъ, если переговоры будутъ происходить недалеко отъ Пскова и вблизи границы его государства [1]).

Во главѣ московскаго посольства стояли намѣстникъ кашинскій князь Дмитрій Петровичъ Елецкій, намѣстникъ козельскій Романъ Васильевичъ Олферьевъ, дьякъ Никита Басенокъ Верещагинъ [2]) и подъячій Захарій Связевъ. Они получили наказъ, педантически опредѣлявшій, по московскому обыкновенію, ихъ образъ дѣйствій и предвидѣвшій, а вмѣстѣ съ тѣмъ и предрѣшавшій ничтожнѣйшія недоразумѣнія, какія могли возникнуть при переговорахъ. Однако, полномочія пословъ были весьма обширны и Іоаннъ обнаруживалъ большую уступчивость. На мало или несущественныя обстоятельства послы не должны были обращать вниманія. Хотя бы оказалось, что свита Баторіева посольства превышаетъ численностью московскую, что Баторіевы послы избрали другой пунктъ вблизи отъ Пскова для съѣзда, а не Ямъ Запольскій, что Антоній Поссевинъ, посредникъ между королемъ и царемъ, не желаетъ или не можетъ присутствовать, Іоаннъ наказывалъ своимъ посламъ всетаки вести переговоры далѣе. Уступчивость Іоанна доходила даже до того, что онъ соглашался не писать себя въ перемирной грамотѣ царемъ, если того будетъ требовать король, прибавляя, впрочемъ, слѣдующія знаменательныя слова: «котораго изъ вѣчнаго государя какъ его не напиши, а ево Государя во всѣхъ земляхъ вѣдаютъ, како и онъ Государь». Іоаннъ не хотѣлъ только давать въ своей перемирной грамотѣ Баторію титула «Ливонскаго» (Вифлянскаго), въ чемъ сказалась затаенная мысль царя о томъ, что онъ продолжаетъ лелѣять надежду на завоеваніе Ливоніи, когда обстоятельства будутъ для него благопріятнѣе. Іоаннъ соглашался уступить своему противнику эту страну, даже на основаніи условій такъ называемаго вѣчнаго мира, но называлъ эту уступку «конечной неволей» и приказывалъ посламъ испробовать всѣ средства, чтобы отстоять хотя бы пядь земли въ этой столь дорогой для

---

[1]) Письмо Поссевина къ Іоанну (Relacje nuncj. apost., I, 352).

[2]) У Гейденштейна (239) неправильно Николай Бассорекъ (Nicolaus Bassorekus).

него области. Онъ не терялъ надежды пріобрѣсти гавани на берегу Балтійскаго моря въ войнѣ со Швеціею, а поэтому запрещалъ своимъ посламъ включать шведскаго короля въ мирный договоръ съ Баторіемъ [1]).

Представителями польскаго короля были: брацлавскій воевода князь Николай Збаражскій, литовскій маршалъ надворный Альбертъ Радзивиллъ и королевскій секретарь Михаилъ Гарабурда. Имъ даны были ограниченныя полномочія: въ тѣхъ случаяхъ, которые не были опредѣлены инструкціею, они должны были за указаніями обращаться къ Замойскому, которому король поручилъ общее руководительство переговорами. Въ Баторіевомъ лагерѣ боролись два теченія: Литовцы, какъ мы знаемъ, готовы были оставить осаду Пскова; они желали заключить поскорѣе миръ и потому склонны были дѣлать значительныя уступки врагу. Напротивъ того, Замойскій настаивалъ на томъ, что необходимо продолжать осаду, чтобы принудить врага къ миру на условіяхъ, какія будутъ ему предложены. Баторій раздѣлялъ мнѣніе своего канцлера; вотъ почему онъ и предоставилъ ему власть руководить переговорами, сообщивъ ему свои воззрѣнія на условія мира, т. е. сдѣлавъ указанія на то, что можно и чего нельзя уступить врагу [2]).

Антоній Поссевинъ, представитель римской куріи, являлся посредникомъ безпристрастнымъ [3]), ибо не былъ заинтересованъ въ томъ, что составляло предметъ спора между Москвою и Речью

---

[1]) См. *Ѳ. И. Успенскій.* Наказъ царя Ивана Васильевича Грознаго князю Елецкому съ товарищами. Одесса, 1885.

[2]) Гейденштейнъ (233—234, *Starczewski*, II, 162) пишетъ, что король посовѣтовавшись наединѣ съ Замойскимъ, предоставилъ ему заключить миръ по своему усмотрѣнію, т.-е. очевидно такъ, какъ объ этомъ на совѣтѣ было положено. Замойскій имѣлъ своего рода инструкцію отъ короля, какъ самъ онъ объ этомъ пишетъ къ королю (cum et clarum mandatum de iis Maiestas Vestra mihi crediderit), см. *Коялович*ъ, op. cit., стр. 445. Пирлингъ (II, 127—128) утверждаетъ, что послѣднее слово при веденіи переговоровъ принадлежало королю и что вслѣдствіе этого переговоры затягивались, ибо приходилось сноситься съ королемъ, который находился въ это время въ Литвѣ. Все это изображеніе отношеній между королевскими послами, Замойскимъ и Баторіемъ—невѣрно. Замойскій извѣщалъ только короля о ходѣ переговоровъ, но инструкцій для себя, и притомъ неограниченныхъ (des pleins pouvoirs illimités), не домогался, ибо этими неограниченными инструкціями онъ располагалъ.

[3]) Вопреки взглядамъ Карамзина (IX, 347) и Соловьева (II, ст. 286), утверждавшихъ, что Поссевинъ склонялся на сторону Баторія, новѣйшіе

*

Посполитой, непосредственно такъ, какъ были заинтересованы Іоанновы и Баторіевы послы. Онъ думалъ, конечно, болѣе всего о поддержкѣ интересовъ, которые онъ представлялъ, т. е. старался осуществить тѣ цѣли, которыя преслѣдовала римская курія. Для него важнѣе всего было заключеніе мира, а на какихъ условіяхъ онъ состоится, это имѣло для него значеніе по стольку, по скольку ускоряло примиреніе враждующихъ сторонъ. Онъ сочувствовалъ сильно Баторію, какъ католическому королю, притомъ такому, на котораго Римъ смотрѣлъ, какъ на лучшаго поборника своихъ задачъ и стремленій, но съ другой стороны папскій легатъ хотѣлъ угодить и православному царю, ибо онъ питалъ надежду на то, что ему удастся обратить его на путь истинной католической вѣры, а тогда сильно подвинется впередъ дѣло торжества ея на землѣ. Роль Поссевина, уже какъ посредника, была затруднительна: онъ легко могъ навлечь на себя недовольство одной изъ сторонъ, когда отстаивалъ интересы другой стороны, хотя бы эти интересы, по его мнѣнію, и были вполнѣ законны.

Преслѣдованіе же цѣлей постороннихъ, чуждыхъ предмету спора, дѣлало роль папскаго посла еще затруднительнѣе, ибо лишало его характера, какой долженъ быть присущъ настоящему посреднику, думающему только о примиреніи интересовъ враждующихъ сторонъ и относящемуся къ этимъ интересамъ совершенно объективно. Поссевинъ не удовлетворялъ ни ту, ни другую сторону. Желая поскорѣе достичь своей цѣли, онъ совѣтовалъ Полякамъ прекратить осаду Пскова [1]), толкуя имъ, что затягивая ее, они раздражатъ сильно Іоанна, вслѣдствіе чего примиреніе будетъ еще труднѣе, и возбудилъ въ нихъ совершенно основательное подозрѣніе, что онъ интересуется болѣе обращеніемъ царя въ католичество, чѣмъ ихъ дѣломъ [2]). Тактика, которой

изслѣдователи считаютъ папскаго легата посредникомъ безпристрастнымъ, см. *Ѳ. И. Успенскій*, сношенія Рима съ Москвою (Журн. Мин. Нар. Просв. августъ 1885, стр. 307), *Н. Лихачевъ*, op. cit., 39.

[1]) Баторій обѣщалъ, было, даже Поссевину увести войска изъ подъ Пскова, но потомъ взялъ это обѣщаніе назадъ, см. *P. Pierling*, Un arbitrage pontifical 228 (Ac quia nos Paternitas vestra—такъ пишетъ къ Поссевину Баторій—ursit, ut exercitum hinc amoveremus, quod et nos facturos aliquot post dies Paternitati vestrae promisimus, sciat Paternitas vestra nos propter eas causas, quas ei retulimus nullo modo hinc castra moturos...).

[2]) *Piotrowski*, 138.

езуитъ придерживался, подозрительность эту все болѣе и болѣе усиливала.

Передъ Поляками онъ хвалилъ Іоанна, заявляя, что въ немъ нѣтъ совсѣмъ той жестокости, о которой толкуютъ люди, и удивлялся тому порядку, который господствуетъ у него въ войскѣ, ставя такимъ образомъ въ упрекъ Баторіевымъ воинамъ неурядицы, происходившія въ ихъ лагерѣ [1]). Баторію онъ указывалъ на его неудачи, убѣждая его покориться волѣ Господней и поспѣшить заключить почетный миръ, пока это еще возможно [2]). Въ письмахъ къ Іоанну папскій легатъ рисовалъ положеніе царя самыми мрачными красками. На театрѣ войны храмы разрушены или обращены въ конюшни, святые образа преданы пламени или поруганію; всюду валяются человѣческіе трупы, господствуетъ грабежъ и насиліе; опустошенныя поля заглохли и покрываются уже лѣсомъ [3]). Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ вопреки истинѣ изображалъ силы Баторія въ превосходномъ состояніи, стараясь такимъ образомъ запугать Іоанна. Царь едва ли вѣрилъ іезуиту, потому что отъ своихъ гонцевъ онъ получалъ объ этихъ силахъ совершенно иныя извѣстія [4]).

Подобнаго рода тактика лишила Поссевина совершенно довѣрія съ той и другой стороны. Поляки подозрѣвали, что австрійскій дворъ прислалъ его къ Баторію съ цѣлью вывѣдать положеніе дѣлъ въ Рѣчи Посполитой и причинить вредъ ея интересамъ. Замойскій прямо возненавидѣлъ легата, называя его человѣкомъ превратнѣйшимъ въ мірѣ и давая ему иные нелестные эпитеты [5]).

Не вѣрили Поссевину и Русскіе. Послы Іоанна обвиняли его въ пристрастіи. «А стоитъ, государь, Антоней,—такъ писали они царю,—съ королевы стороны, говоритъ съ литовскими послы на съѣздѣ въ одни рѣчи» [6]).

Все это сообщило роли Поссевина особенный характеръ. Онъ явился не третейскимъ судьею, на рѣшеніе котораго отдаютъ предметъ спора и приговору котораго охотно подчиняются, а лишь примирителемъ тѣхъ столкновеній, которыя возникали въ теченіе переговоровъ.

---

[1]) *Piotrowski*, 186.
[2]) *Pierling*, II, 112.
[3]) Relacje nuncj. op. cit., I, 359.
[4]) См. донесеніе Болтина *Ѳ. И. Успенскій*. Переговоры 44—47.
[5]) *Piotrowski*, 198, 201; *Pierling*, II, 129.
[6]) *Ѳ. И. Успенскій*, Переговоры о мирѣ 67.

Послѣдніе открылись 13-го декабря, но Поссевинъ встрѣтился съ московскими послами раньше и началъ сейчасъ же говорить съ ними объ условіяхъ мира.

Заявленіе Поссевина о томъ, что Баторій требуетъ всей Ливоніи, вызвало со стороны пословъ замѣчаніе о чрезмѣрности этихъ требованій. Они утверждали, что Ливонія съ сотворенія міра принадлежала московскимъ государямъ и что уступка всей страны невозможна. Баторій долженъ удовольствоваться только частью ея, ибо ему не добиться того, чего онъ требуетъ. Въ Псковѣ запасовъ на пятнадцать лѣтъ и ему не взять этой крѣпости. Войско у короля наемное, служитъ изъ-за денегъ, а казна его истощается. Пусть по этому беретъ то, что ему предлагаютъ, потому что потомъ можетъ не получить и той доли Ливоніи, которая ему теперь уступается. Поссевинъ старался разубѣдить Русскихъ въ томъ, что ихъ утвержденія основательны, но безуспѣшно. Вслѣдствіе этого у него зародилось сомнѣніе относительно возможности примиренія сторонъ, если Баторій будетъ настаивать на уступкѣ всей Ливоніи. Такъ какъ король заявлялъ, что это— условіе, которое поставилъ ему сеймъ, давая ему средства на веденіе войны, то Поссевинъ попробовалъ предложить Баторію отдать этотъ вопросъ на разрѣшеніе сейма [1]). Это предложеніе возмутило Замойскаго: ему показалось, что Поссевинъ собирается отстаивать интересы московскаго царя, лишь бы только склонить его къ уніи съ католической церковью. «Хотятъ укротить волка, а стригутъ между тѣмъ овцу», замѣтилъ по этому поводу польскій канцлеръ. Онъ увѣщевалъ своихъ пословъ не отступать ни на іоту отъ данной имъ инструкціи и требовать безусловно всей Ливоніи. Іоаннъ, по его мнѣнію, принужденъ будетъ уступить ее, потому что находится въ критическомъ положеніи: Шведы взяли уже Нарву, добываютъ Вейсенштейнъ, тѣснятъ осадою Перновъ, Псковъ при малѣйшей выдержкѣ со стороны Поляковъ и Литовцевъ скоро перейдетъ въ ихъ руки. Вслѣдствіе всего этого теперь самый удобный моментъ добиваться пріобрѣтенія того, изъза чего была начата война [2]).

---

[1]) Такъ дѣло представляетъ самъ Поссевинъ въ письмахъ своихъ къ Баторію, см. Relacje nuncj apostol., I, 361—363, 365—368. Объ этихъ совѣщаніяхъ говорятъ и московскіе послы въ своей отпискѣ къ Іоанну (см. *Н. Лихачевъ*, op. cit., LXXXIII, № 119), но съ содержаніемъ ея я незнакомъ.

[2]) *Кояловичъ*, 394. То же самое повторяетъ и Пётровскій въ своемъ дневникѣ (стр. 201).

Въ такомъ настроеніи приступали враждующія стороны къ переговорамъ о мирѣ: та и другая сторона разсчитывала на стѣсненныя обстоятельства противоположной и надѣялась при помощи ихъ добиться своего. Исходъ, слѣдовательно, переговоровъ зависѣлъ отъ выдержки противниковъ, отъ того, кто кого въ этомъ отношеніи пересилитъ. Поэтому можно было предвидѣть, что переговоры будутъ тянуться долго. Дѣйствительно, все такъ и случилось.

Мѣстность, куда съѣхались послы для совѣщаній, была до такой степени опустошена огнемъ и мечемъ, что нельзя было найти даже кола, чтобы привязать лошадей [1]).

Послы собирались на засѣданія въ жалкой хижинѣ самаго примитивнаго устройства: дымъ изъ печи выходилъ черезъ двери и окна, и сажа падала на платье находившихся въ ней. Съѣстныхъ припасовъ негдѣ было достать и приходилось довольствоваться тѣми, которые были привезены. Московскіе послы запаслись всѣмъ въ изобиліи, но посольство Баторія страдало отъ недостатка въ пищи. Къ тому же Русскіе и поселились не въ Ямѣ Запольскомъ, а поудобнѣе, вблизи его, въ Киверовой Горѣ [2]).

Столкновеніе между сторонами произошло уже въ первомъ засѣданіи по поводу посольскихъ полномочій. Московскіе послы имѣли обыкновенную вѣрительную грамоту, свидѣтельствовавшую только о томъ, что они посланы на съѣздъ для заключенія мира и что имѣютъ право говорить и вершить дѣла отъ имени царя [3]).

---

[1]) Письмо Поссевина къ Баторіевымъ посламъ, Relacje nuncj apost. I, 363.

[2]) Приводимъ отрывокъ изъ рѣдкой брошюры (объ этой брошюрѣ см. статью Васильевскаго Журн. Мин. Нар. Просв. февраль, 1889, стр. 381). „De Plescovia obsidione et pacificatione secuta illiusque conditiones". Lapolsciae (Zapolsciae) regio ad quatuordecim fere milliaria in longitudine et latitudine ultra Plescoviam extenditur; ea cum a milite Polono populationibus et incendiis devastata esset, legatos Moschus ad eum fortassis locum venire voluit, ut quam ipsi peperissent, miseriam experirentur et si nihil commeatus adduxissent, alimentorum inopia misere divexarentur. Extruxerat hic vilem Possevinus casam, in qua contra crebras coeli intractabilis iras cum ministris quinque latitare posset. Huc igitur vocatis ad sese legatis ex materia scutulata et serico altare condidit... Ср. сочин. Одерборна (*Starczewski*, II, 257).

Pierling, II, 132.

[3]) Въ латинскомъ переводѣ грамоты такъ это мѣсто передано: et quaecunque illi incipient de rebus nostris dicere cum tuis legatis in conventu, eae res nostrae sunt (*Starczewski*, II, 48, Rel. nuncj., I, 388). То же

Эта неопредѣленность полномочій вызвала опасеніе у Баторіевыхъ пословъ, что они будутъ вести переговоры безцѣльно: когда дѣло дойдетъ до рѣшительнаго момента, московскіе послы сошлются на недостаточность своихъ полномочій, обратятся за новой инструкціею къ своему государю, тотъ поставитъ новыя условія, вслѣдствіе чего придется прекратить переговоры; однимъ словомъ, произойдетъ то, что случилось при переговорахъ въ Вильнѣ [1]).

Вслѣдствіе этого Баторіевы послы, сославшись на свою вѣрительную грамоту, дававшую имъ опредѣленныя и рѣшительныя полномочія [2]), потребовали, чтобы и московскіе послы представили имъ подобную же грамоту. Полагая, что они скрываютъ ее, Поссевинъ припомнилъ имъ содержаніе письма, въ которомъ Іоаннъ объявлялъ ему, что отправляетъ пословъ съ совершенными полномочіями. Но князь Елецкій съ товарищами утверждалъ, что они подобной грамоты не имѣютъ, и представили такую, какую издревле московскіе государи давали обыкновенно своимъ посламъ. Споръ обострился еще вслѣдствіе протеста московскихъ пословъ противъ присутствія въ засѣданіи Христофора Варшевицкаго, котораго королевская грамота не называла въ числѣ пословъ [3]). Такъ прошелъ въ преніяхъ цѣлый день. Баторіевы послы прервали засѣданіе и уѣхали къ себѣ домой, заявивъ, что болѣе не хотятъ пріѣзжать на засѣданія, ибо совѣщанія будутъ лишены твердаго основанія [4]). Это была, конечно, только угроза. На слѣдующій день они снова явились. Споръ былъ улаженъ слѣдующимъ образомъ. Каждый изъ московскихъ пословъ, подъ присягою, заявилъ Поссевину, что такія вѣрительныя грамоты въ родѣ той, какую они теперь имѣютъ, всегда выдавались и выдаются московскими государями.

Тогда совѣщанія возобновились послѣ обычнаго въ такихъ

говорятъ Баторіевы послы (*Коялович*ъ, 410) и Поссевинъ (Rel. nuncj., I. 368) Іоаннъ прислалъ потомъ своимъ посламъ другую вѣрительную грамоту, дававшую имъ „полную науку“, см. Метр. Лит., II, 212, № 80, *Н. Лихачевъ*, op. cit., XCVI, № 136.

[1]) Метр. Лит., II, 214.

[2]) Acta in conventu legatorum Stephani Regis Poloniae et Ioannis Basilii, Magni Moscoviae Ducis (*Starczewski*, II, 48—49).

[3]) *Ѳ. И. Успенскій*, Переговоры о мирѣ 52. Варшевицкій назначенъ былъ Баторіемъ присутствовать на съѣздѣ въ качествѣ уполномоченнаго по дѣламъ Швеціи см. *Pierling*, II, 113.

[4]) *Коялович*ъ, 411.

случаяхъ протеста со стороны Баторіевыхъ пословъ противъ нарушенія порядка, установленнаго при переговорахъ; кромѣ того, не было обмѣна вѣрительныхъ грамотъ и московскіе послы допустили tacito consensu присутствіе въ засѣданіяхъ Варшевицкаго.

Поссевинъ предоставилъ право перваго голоса Баторіевымъ посламъ, какъ представителямъ стороны побѣдившей, предлагая имъ представить условія, на которыхъ они могутъ заключать миръ. Тогда князь Збаражскій заявилъ, что уступка всей Ливоніи sine qua non веденія даже переговоровъ, что въ противоположномъ случаѣ они, королевскіе послы, отказываются отъ дальнѣйшихъ совѣщаній. Русскіе, конечно, горячо противъ этого требованія протестовали. Слѣдуя инструкціи, данной царемъ, они остановились на первой ступени уступокъ противнику: къ уступкѣ той части Ливоніи, о которой Іоаннъ сообщилъ Баторію черезъ Поссевина, когда папскій легатъ былъ въ Старицѣ, они прибавили теперь только одинъ городъ—*Говью* [1]). По этому поводу произошли сильныя пренія. Та и другая сторона понимала, что противникъ имѣетъ полномочіе сдѣлать бо́льшія уступки, и старалась вывѣдать, въ чемъ онѣ, именно, состоятъ: Баторіевы послы направляли всѣ усилія къ тому, чтобы узнать, могутъ ли Русскіе, по своей инструкціи, уступить всю Ливонію или нѣтъ. Чтобы вызвать ихъ на откровенность, они, по совѣту Поссевина, первые начали дѣлать уступки. Итакъ они заявили сначала, что король соглашается вывести свои войска изъ московскихъ областей, потомъ стали уменьшать сумму за издержки на веденіе войны и, наконецъ, уступили четыре крѣпости: Островъ, Красногородъ, Велій и Воронечъ [2]). Маневръ увѣнчался до нѣкоторой степени успѣхомъ.

Московскіе послы дали понять, что имѣютъ право сдѣлать еще большія уступки въ Ливоніи, впрочемъ, подъ тѣмъ условіемъ, если король согласится возвратить ихъ государю Великія Луки, Невель, Заволочье, Велижъ, Холмъ и всѣ псковскіе пригороды. Это заявленіе вызвало негодованіе среди Баторіевыхъ пословъ. Они стали говорить, что пріѣхали не торговаться Ливонскою землею, а заключить въ три дня договоръ и грозили опять отъѣздомъ [3]), но опять уѣхали только къ себѣ домой, обѣщавъ Поссевину прибыть на слѣдующій день.

---

[1]) *Starczewski*, II, 50; *Ѳ. И. Успенскій*, Переговоры о мирѣ 55.

[2]) *Коялович*ъ, 412; *Ѳ. И. Успенскій*, 56.

[3]) *Ѳ. И. Успенскій*, Переговоры 57.

Между тѣмъ Поссевинъ остался одинъ съ московскими послами и старался вывѣдать окончательныя условія, на которыхъ Іоаннъ можетъ согласиться заключить миръ. Совѣщаніе было весьма продолжительно.

Русскіе являлись къ легату и на слѣдующій день утромъ и, наконецъ, послѣ долгихъ колебаній признались, что ихъ государь, въ крайнемъ случаѣ, готовъ уступить и Ливонію, если только ему будутъ возвращены Великія Луки и другія крѣпости, взятыя Баторіемъ въ прошломъ году. Признавшись въ этомъ, они тотчасъ же спохватились и, сожалѣя очевидно объ этомъ, стали просить Поссевина повести переговоры такъ, чтобы за ихъ государемъ осталось нѣсколько (4, 6) крѣпостей въ Ливоніи для оправданія титула Ливонскаго владѣтеля; они утверждали, что только при этихъ условіяхъ миръ можетъ состояться.

Чтобы довести поскорѣе дѣло до конца, Поссевинъ началъ хлопотать объ уступкѣ Іоанну хотя бы только, незначительной доли Ливоніи. Такъ какъ Баторіевы послы, согласно своей инструкціи, уступки этой сдѣлать не могли, папскій посолъ обратился за согласіемъ по этому пункту къ Замойскому [1]).

Въ то время, какъ Поссевинъ ждалъ отвѣта отъ польскаго канцлера, совѣщанія между Баторіевыми и московскими послами шли своимъ чередомъ. При этомъ возникъ сильный споръ по поводу Швеціи. Уже во второмъ засѣданіи Баторіевы послы предъявили требованіе, чтобы въ мирный договоръ былъ включенъ также шведскій король. Между послѣднимъ и польскимъ королемъ существовали тогда, вслѣдствіе успѣховъ шведскаго оружія въ Ливоніи, весьма натянутыя отношенія [2]), но Баторій, по совѣту Поссевина, сталъ выдавать себя за союзника шведскаго короля, чтобы казаться въ глазахъ московскаго царя еще болѣе опаснымъ противникомъ. Кромѣ того, Баторій интересовался примиреніемъ Швеціи съ Москвою еще и потому, что желалъ хоть на короткое время задержать успѣшныя дѣйствія Шведовъ въ Ливоніи [3]). У Поссевина былъ другой разсчетъ: онъ полагалъ, что

---

[1]) Relacje nuncj. , I, 370—371.

[2]) *P. Pierling* (*Lerpigny*), Un arbitrage pontifical au XVI Siècle entre la Pologne et la Russie 177—178; *K. Hildebrand*, Antonio Possevinos fredsmedling mellan Ryssland och Polen, l. c., 19.

[3]) Гейденштейнъ (239) отмѣчаетъ слишкомъ маловажную причину, вслѣдствіе которой Баторій желалъ распространить свой мирный договоръ съ московскимъ царемъ и на шведскаго короля: хотя несправедли-

московскій государь выберетъ его посредникомъ при веденіи переговоровъ о мирѣ со Швеціею; онъ, Поссевинъ, устроитъ этотъ новый миръ, вслѣдствіе чего авторитетъ Рима еще болѣе усилится [1]). Однако, въ своемъ разсчетѣ папскій легатъ ошибся. Іоаннъ не желалъ вовсе мириться съ шведскимъ королемъ; напротивъ того, онъ собирался вести съ нимъ особенно энергично войну, помирившись съ Баторіемъ. Поэтому царь и запретилъ строго своимъ посламъ, какъ объ этомъ мы говорили выше, включать въ условія минраго договора Швецію. Послы поступили согласно своей инструкціи. Они рѣшительно отвергнули это требованіе Баторіевыхъ пословъ, приводя совершенно основательныя тому доказательства: они посланы договариваться о мирѣ съ польскимъ королемъ, а если шведскому королю желательно мириться съ ихъ государемъ, то онъ долженъ послать къ нему своихъ пословъ [2]).

Баторіевы послы умышленно раздували вопросъ о Швеціи, чтобы затянуть переговоры и выиграть такимъ образомъ во времени, которое нужно было имъ для сношеній съ Замойскимъ. Къ послѣднему они должны были обращаться въ тѣхъ случаяхъ, когда полномочія ихъ, опредѣленныя инструкціею, оказывались недостаточными [3]).

Послѣ устраненія вопроса о Швеціи оставалось теперь самое трудное дѣло—рѣшить вопросъ о Ливоніи.

Мы говорили выше, что Поссевинъ хлопоталъ передъ Замойскимъ объ уступкѣ хотя бы и незначительной части ея Іоанну,

---

вый захватъ крѣпостей (понятно, Шведами) сильно измѣнилъ мысли короля, но вслѣдствіе просьбъ королевы Анны, которая изъ любви къ сестрѣ своей, шведской королевѣ, и вслѣдствіе постоянныхъ ея писемъ, обнявъ колѣна короля, умоляла его не заключать мира безъ Шведовъ, король обѣщалъ ей постараться о томъ, чтобы былъ включенъ и шведскій король въ мирные переговоры. Баторій предлагалъ Швеціи заключить перемиріе съ Москвою на одинъ годъ, см. *K. Hildebrand*, Antonio Possevinos fredsmedling, l. c., 21.

[1]) *Pierling*, II, 135—136.

[2]) Требованіе относительно Швеціи было отвергнуто не во второмъ засѣданіи, какъ это представлено въ „Розмовахъ пословъ его королевской милости съ послами московскими“ (Метр. Лит., II, 213, № 81), а въ третьемъ, см. *Ѳ. И. Успенскій*, переговоры 58. Сообщеніе Гейденштейна (239) о томъ, что переговоры о мирѣ начались съ предложенія включить шведскаго короля въ договоръ невѣрно: прежде всего поднятъ былъ вопросъ о Ливоніи.

[3]) *Коялович*ъ, 432.

выражая свое мнѣніе объ этой уступкѣ весьма осторожно, такъ какъ онъ зналъ, что Баторій и Замойскій вооружались противъ этой уступки самымъ рѣшительнымъ образомъ [1]). Между тѣмъ, сверхъ ожиданія, оказалось, что канцлеръ готовъ пойти на эту уступку. Онъ былъ напуганъ успѣхами Шведовъ въ войнѣ съ Москвою; они захватили города, которые Речь Посполитая считала своими.

Вслѣдствіе этого ему показалось необходимостью поскорѣе заключить миръ съ московскимъ государствомъ, чтобы затѣмъ лучше можно было готовиться къ войнѣ со Швеціею и, съ оружіемъ въ рукахъ, отстаивать противъ нея свои ливонскія владѣнія [2])

Напуганъ былъ польскій гетманъ и извѣстіями о томъ, что въ Новгородѣ собираются московскія войска съ намѣреніемъ идти на помощь Пскову [3]).

Всѣ эти обсоятельства побудили Замойскаго отправить въ Запольскій ямъ своего родственника Жолкевскаго съ предложеніемъ уступки Іоанну ливонскихъ крѣпостей: Нейшлосса, Серенска, Лаиса и Нейгауза (Новгородка Ливонскаго), если за Речью Посполитою останутся Великія Луки, Заволочье, Невель, Себежъ и Велижъ и если миръ будетъ тотчасъ же заключенъ самими московскими послами, т. е., если они не будутъ обращаться по этому поводу за инструкціею къ своему государю [4]).

---

[1]) Это утвержденіе мы основываемъ на выраженіяхъ Поссевинова письма къ Замойскому. Легатъ пишетъ, что посылаетъ ему списокъ ливонскихъ городовъ, требуемыхъ московскими послами и затѣмъ продолжаетъ весьма знаменательно: ad quae omnia celerrimo ac plenissimo responso opus est, si cito in meliora hiberna exercitum suum cum gloria deduci velit (Relacje nuncj., I, 371).

[2]) Письмо Замойскаго къ Жолкевскому (*Кояловичъ*, 425—426); *Piotrowski*, 203. Пирлингъ (II, 128) объясняетъ этотъ шагъ Замойскаго минутною слабостью, которую вызвали перипетіи псковской осады. Tous les Polonais s'accordaient tacitement pour revendiquer la Livonie, si ce n'est que les incidents du siége de Pskov rendaient parfois moins tenaces les témoins oculaires de ces navrantes péripéties. Dans le flux et reflux des combinaisons sans cesse renaissantes, Zamojski lui-même consentit une fois à livrer aux Russes trois forteresses livoniennes, sauf à désavouer aussitôt cette faiblesse et la faire passer pour une fausse manoeuvre.

[3]) *Кояловичъ*, 423—425.

[4]) Въ „Conditiae pierwsze posłane przez pana Żołkiewskiege“ (*Кояловичъ* 428), Нейшлосъ (Novocastrum) не названъ, но о немъ говоритъ Замойскій въ письмѣ къ Жолкевскому (*Кояловичъ* 425). Гейденштейнъ не упоминаетъ Лаиса, Себежа и Велижа.

Это предложеніе сильно смутило Поссевина, тѣмъ болѣе, что онъ одновременно получилъ отъ Замойскаго письмо, въ которомъ канцлеръ требовалъ безусловно уступки всей Ливоніи [1]).— Жолкевскій сдѣлалъ свои сообщенія Поссевину устно, вслѣдствіе чего у послѣдняго явилось опасеніе, что Замойскій легко можетъ отъ своихъ словъ отказаться. Во-вторыхъ, Поссевину было извѣстно, что уступки въ Ливоніи могутъ быть сдѣланы только съ согласія сейма. Поэтому-то онъ и предлагалъ отложить рѣшеніе этого дѣла до тѣхъ поръ, пока не соберется сеймъ, на который московскій государь пришлетъ своихъ пословъ, ибо папскій дипломатъ надѣялся, что ему удастся склонить Іоанна къ этому во время вторичнаго посѣщенія московскаго царя. Дѣйствовать же такъ, какъ предлагалъ Замойскій черезъ Жолкевскаго, показалось дипломату-іезуиту и легкомысленно, и опасно. Канцлеръ разсчитывалъ на свое вліяніе на сеймъ: онъ надѣялся на то, что ему удастся склонить сеймъ къ принятію тѣхъ уступокъ, которыя были сдѣланы въ Ливоніи. Но Поссевинъ опасался, что онѣ будутъ отвергнуты сеймомъ. Въ такомъ случаѣ онъ, посредникъ, навлечетъ на себя гнѣвъ московскаго царя, уронитъ авторитетъ папы, скомпрометируетъ весь свой орденъ и повредитъ тому дѣлу, разрѣшеніе котораго составляло главную цѣль его помысловъ и дѣятельности, помѣшаетъ распространенію католичества въ московскомъ государствѣ [2]).

Подозрительная осторожность іезуита оказалась вполнѣ умѣстною и цѣлесообразною. Послы Баторія высказались рѣшительно противъ предложенія Замойскаго, ибо инструкція, которую они получили отъ короля, запрещала имъ дѣлать какія бы то ни было уступки въ Ливоніи; кромѣ того, они были того мнѣнія, что подобнаго рода уступчивость можетъ усилить требовательность противника и вести переговоры будетъ еще труднѣе [3]). Наконецъ, и самъ Замойскій вскорѣ оставилъ это предложеніе, заявляя въ свое оправданіе, что онъ согласился на ничтожныя уступки въ Ливоніи, чтобы сдѣлать удовольствіе Поссевину, но заранѣе пред-

---

[1]) Это письмо носитъ дату 13-го декабря, а письмо, врученное Поссевину Жолкевскимъ, 17-го декабря. Одновременное полученіе обоихъ писемъ произошло, очевидно, вслѣдствіе простой случайности, но это обстоятельство могло внушить дипломату-іезуиту мысль, что кроется тутъ какой-нибудь злой умыселъ.

[2]) *Starczewski*, II, 52—54. Ср. *Pierling*, II, 137.

[3]) *Коялович*ъ, 429.

видѣлъ, что такого рода условія будутъ отвергнуты [1]). Несмотря на это, предложеніе канцлера обсуждалось на съѣздѣ и вызвало сильныя пренія.—Выславъ Жолкевскаго въ Запольскій ямъ, Замойскій тотчасъ же спохватился, что поступилъ неосмотрительно: устныя заявленія посланнаго могли повлечь за собою недоразумѣнія. Чтобы устранить ихъ, гетманъ выслалъ немедленно свои предложенія на бумагѣ [2]).

При обсужденіи предложенія объ уступкахъ въ Ливоніи московскіе послы замѣтили, что Серенскъ находится въ рукахъ Шведовъ, и поэтому стали домогаться, чтобы имъ была уступлена Керепеть (Киремпе) [3]). Не получивъ на это, конечно, согласія, они заявили, что удовольствуются однимъ Новгородкомъ Ливонскимъ взамѣнъ за Велижъ, если, понятно, другія крѣпости, которыхъ они требуютъ, будутъ также возвращены ихъ государю [4]).

Но вопросъ объ уступкахъ въ Ливоніи пришлось оставить, такъ какъ Замойскій отъ перваго своего предложенія отказывался и присылалъ новыя условія: за всю Ливонію онъ согласился сначала возвратить Іоанну только Великія Луки, потомъ прибавилъ еще Невель и Заволочье, но въ томъ и другомъ случаѣ поставилъ условіемъ передачу Баторію крѣпости Себежа или ея разрушеніе [5]). Московскіе послы требовали возвращенія, кромѣ указанныхъ крѣпостей, еще и Велижа и соглашались сжечь Себежъ, если будетъ сожжена королемъ Дрисса [6]). Эти условія они упорно отстаивали. Поссевинъ старался склонить ихъ къ уступкѣ Велижа, говоря, что если они боятся за эту уступку гнѣва своего царя, онъ готовъ отдать за нихъ свою голову. Но они заявили, что если бы каждый изъ нихъ имѣлъ десять головъ, царь приказалъ бы снять всѣ эти головы за такое попустительство [7]).

Какъ видимъ, пренія между послами сосредоточивались почти исключительно на вопросѣ о возвращеніи Іоанну крѣпостей, которыя Баторій взялъ у царя въ 1580 году; что касается Полоцка,

---

[1]) *Кояловичъ*, 439.

[2]) Посланцемъ былъ Пётровскій, братъ автора извѣстнаго намъ дневника. (*Piotrowski*, 203).

[3]) *Starczewski*, II, 55.

[4]) *Starczewski*, II, 56.

[5]) *Кояловичъ*, 428; *Starczewski*, II, 55—56.

[6]) *Кояловичъ*, 452 (письмо Поссевина къ Замойскому отъ 24-го декабря).

[7]) *Starczewski*, 56.

то о немъ и рѣчи не было: Іоаннъ отдавалъ его Баторію tacito consensu. Во время преній каждая сторона отстаивала свои требованія упорно. Раздраженіе между послами все болѣе и болѣе усиливалось. Русскіе жаловались на свое положеніе, говоря, что съ ними обращаются, какъ съ плѣнными, отнимаютъ у нихъ вещи, хватаютъ ихъ людей; мало того, пытаютъ и даже убиваютъ. Гонецъ, везшій отъ царя письма къ нимъ и къ Поссевину, былъ отведенъ въ польскій лагерь, гдѣ его товарищей убили, а проводника подвергли пыткѣ, прикладывая къ его бокамъ зажженные факелы [1]).—Баторіевымъ посламъ надоѣдали продолжительныя пренія, которыя казались имъ иногда совершенно безполезными, и они грозили не разъ уѣхать со съѣзда. Радзивиллъ собирался уже въ путь и остался только по просьбѣ Замойскаго [2]).

Споры о территоріальныхъ уступкахъ были сведены наконецъ къ вопросу о Велижѣ и Себежѣ. Замойскій предоставилъ разрѣшить этотъ вопросъ Литовцамъ, такъ какъ уступка крѣпости Велижа задѣвала литовскіе интересы, давая понять, что лучше ее уступить, чѣмъ вести дальше войну [3]). Однако Литовцы отдать эту крѣпость Іоанну не пожелали. Тогда споръ достигъ кульминаціонной точки. Баторіевы послы заявили, что оставаться долѣе не могутъ, ибо переговоры затянулись слишкомъ долго. По винѣ Поссевина, подававшаго надежду на то, что миръ скоро состоится, королевское войско было задержано подъ Псковомъ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ. Теперь ихъ отзываютъ назадъ въ лагерь. Не ихъ вина, что мирный договоръ не можетъ быть заключенъ, и засвидѣтельствуетъ это передъ Речью Посполитой на будущемъ

---

[1]) *Starczewski*, II, 54. Очевидно, рѣчь здѣсь идетъ объ Іоанновомъ гонцѣ Юріи Пузиковѣ. Ѣхалъ онъ по пути къ Порхову и повстрѣчался съ отрядомъ солдатъ Замойскаго, подъ предводительствомъ ротмистра Гродзецкаго. Поведеніе гонца, заявившаго, что ѣдетъ къ папскому послу, и ѣдущаго не тою дорогою, какою слѣдовало ѣхать, показалось польскому ротмистру подозрительнымъ, тѣмъ болѣе, что одинъ изъ слугъ Пузикова убѣжалъ въ лѣсъ. Тогда Гродзецкій арестовалъ московскаго гонца и отвезъ его къ Замойскому. Послѣдній приказалъ подвергнуть Пузикова допросу и затѣмъ отправить его въ Запольскій ямъ. Съ московскимъ гонцемъ было 11 человѣкъ; четверо изъ нихъ убѣжало, поэтому возможно, что остальные были убиты при нападеніи солдатъ Гродзецкаго на свиту московскаго гонца. См. *Piotrowski* 199—200, *Кояловичъ*, 392—394, *Н. Лихачевъ*, op. cit., XCII—XCIII, №№ 130, 131.

[2]) *Кояловичъ*, 434, 442.

Кояловичъ, 439.

сеймѣ папскій посолъ, котораго они объ этомъ настоятельно просятъ. Сказавъ это, они распрощались съ московскими послами. Казалось, произойдетъ разрывъ, что сильно взволновало Русскихъ. Они приходили два раза ночью на совѣщаніе къ Поссевину и умоляли его со слезами посовѣтовать имъ, какъ имъ быть съ Велижемъ, повторяя, что уступка его будетъ стоитъ имъ жизни. Велижъ лежалъ на верховьяхъ Западной Двины и владѣніе имъ открывало доступъ въ долину этой рѣки, доступъ къ Полоцку. Вотъ почему Іоаннъ такъ горячо желалъ сохранить эту крѣпость въ своихъ рукахъ. Поссевинъ обѣщалъ московскимъ посламъ разрѣшить этотъ споръ такимъ образомъ: онъ добьется отъ Баторіевыхъ пословъ согласія на то, чтобы эта крѣпость была разрушена.

Тогда переговоры возобновились и ведены были опять съ прежнимъ жаромъ и упорствомъ съ той и другой стороны. Баторіевы послы потребовали для себя Себежа, но Москвитяне сильно противъ этого возражали; они заявили, что уступятъ цѣликомъ Велижъ королю, если ихъ государю будетъ возвращенъ Себежъ [1]). Такъ это дѣло было наконецъ и улажено [2]).

Но споръ изъ-за территоріальныхъ владѣній не кончился этимъ; напротивъ того, онъ еще разъ сильно разгорѣлся. Баторіевы послы предъявили требованіе, чтобы уступлены были ихъ королю тѣ ливонскіе замки, которые въ войнѣ съ Русскими заняли Шведы. На это со стороны московскихъ пословъ послѣдовалъ отвѣтъ, что у нихъ нѣтъ наказа даже говорить объ этомъ, а и подавно они не имѣютъ права принимать по этому поводу какое-нибудь рѣшеніе [3]). При этомъ они приводили совершенно основа-

---

[1]) *Starczewski*, II, 56—58.

[2]) Разсказъ Гейденштейна о совѣщаніяхъ пословъ слишкомъ кратокъ и поверхностенъ. Характеръ переговоровъ не обозначенъ и важнѣйшія перипетіи не отмѣчены. Жаркій споръ о Велижѣ и Себежѣ историкъ обходитъ совершенно молчаніемъ. По его словамъ (253), Москвитяне подъ конецъ, уступая остальные города и почти всѣ крѣпости, сильно спорили изъ-за Дерпта и ливонскаго Новгородка, потому что, какъ говорили они, въ провинціи этой была введена ихъ вѣра, въ ней поставленъ ими епископъ, и она посвящена была Печерской Божіей Матери. Дерптъ былъ дѣйствительно предметомъ спора, но не такого сильнаго, какъ объ этомъ говоритъ Гейденштейнъ. Но московскіе послы, отстаивая Новгородокъ ливонскій и Дерптъ, приводили въ самомъ дѣлѣ тѣ мотивы, которые отмѣчаетъ историкъ, см. *Кояловичъ* 466.

[3]) *Кояловичъ* 481, № 169.

тельный мотивъ, что ихъ государь не можетъ уступать того, чѣмъ онъ не владѣетъ [1]).

Сопротивленіе Русскихъ по этому пункту сильно раздражало Замойскаго. Онъ сталъ подозрѣвать существованіе тутъ интриги Поссевина. Канцлеру казалось, что папскій посолъ собирается при помощи упомянутыхъ замковъ помирить Швецію съ Москвою во вредъ Речи Посполитой [2]). Поэтому онъ увѣщевалъ своихъ пословъ энергически отстаивать это требованіе. Однако они не могли послѣдовать совѣту своего руководителя. Споръ затягивался слишкомъ долго, а между тѣмъ онъ не представлялъ существенной важности, ибо касался призрачнаго права на владѣніе тѣмъ, что находилось въ рукахъ третьяго претендента, какимъ являлась въ данномъ случаѣ Швеція. Приходилось поступить такъ, какъ указывала посламъ инструкція самого Баторія, т.-е. опротестовать только притязанія московскаго государя на владѣніе этими замками [3]), на что согласился и Замойскій [4]). Теперь надобно было опредѣлить границу владѣній той и другой стороны, что представлялось дѣломъ нелегкимъ, ибо не было съ точностью извѣстно, какіе замки въ Ливоніи находятся еще въ рукахъ Русскихъ и какіе захватили уже Шведы. Замойскій и Баторіевы послы старались рѣшить вопросъ о разграниченіи самымъ опредѣленнымъ образомъ. Они опасались, чтобы Русскіе не утаили какого-нибудь замка подъ тѣмъ благовиднымъ предлогомъ, что они полагали, будто этотъ замокъ взятъ уже Шведами [5]). Кромѣ того, опасеніе Замойскаго и Баторіевыхъ пословъ возбуждалъ также еще и будущій сеймъ, передъ которымъ они должны будутъ дать отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Война рѣшена была сеймомъ только потому, что онъ желалъ отнять у московскаго государства Ливонію, и животрепещущій вопросъ о Ливоніи могъ вызвать поэтому цѣлую бурю на сеймѣ [6]). Вслѣдствіе всего этого пренія о демаркаціонной линіи отняли у договаривающихся сторонъ не мало времени, а самое дѣло потребовало не мало труда, пока найдено было наконецъ соглашеніе [7]).

---

[1]) *Кояловичъ*, 504.

[2]) *Кояловичъ* 470, № 163, 485.

[3]) *Кояловичъ*. 495.

[4]) *Кояловичъ* 499, № 181.

[5]) Опасеніе это оказалось основательнымъ: московскіе послы утаили два замка, говоря, что ими владѣютъ уже Шведы, *Кояловичъ* 547, № 206.

[6]) *Кояловичъ*, 506—509.

[7]) Гейденштейнъ (254) отмѣчаетъ споръ изъ-за крѣпостей, занятыхъ Шведами, но не сообщаетъ намъ, каковъ былъ его исходъ.

Московскіе послы представили списокъ ливонскихъ городовъ и замковъ, уступаемыхъ Речи Посполитой, и эти города и замки, каждый въ отдѣльности, были внесены въ договорныя грамоты. Что же касается крѣпостей, занятыхъ Шведами, рѣшено было въ договоръ ихъ не включать, какъ того требовали московскіе послы, но вмѣстѣ съ тѣмъ принять отъ Баторіевыхъ пословъ заявленіе, что Речь Посполитая не отказывается отъ владѣнія ими и что споръ изъ-за нихъ съ московскимъ государствомъ не повлечетъ за собою нарушенія заключаемаго договора [1]).

Такъ, наконецъ (только 6-го января), послѣ долгихъ споровъ разрѣшенъ былъ вопросъ о территоріальныхъ уступкахъ. Оставалось еще опредѣлить, въ какомъ видѣ и какимъ образомъ отдавать уступаемые города и крѣпости, что вызвало также немало пререканій. Завоевавъ какую-нибудь крѣпость въ Ливоніи, Іоаннъ приказывалъ строить здѣсь церковь. Кромѣ того, нѣкоторымъ церквамъ царь пожаловалъ значительныя поземельныя угодья [2]).

Такимъ образомъ, въ Ливоніи было немало православныхъ святынь и судьба ихъ сильно интересовала московскихъ пословъ. Опасаясь, чтобы съ переходомъ страны во власть католиковъ, православныя святыни не подверглись какому-нибудь поруганію, они стали домогаться отдачи имъ всѣхъ священныхъ предметовъ и свободнаго пропуска изъ Ливоніи въ предѣлы московскаго государства для всѣхъ православныхъ священнослужителей. Нѣкоторые изъ Баторіевыхъ пословъ возражали противъ этого. Но Поссевинъ, желавшій, по выраженію католическаго историка, очистить поскорѣе страну отъ схизмы [3]), убѣдилъ своихъ единовѣрцевъ въ томъ, что требованія Русскихъ основательны [4]).

Что касается крѣпостной артиллеріи и вообще имущества, находившагося въ крѣпостяхъ, то постановлено было, чтобы каждая сторона отдавала другой все это въ такомъ количествѣ и видѣ, въ какомъ оно досталось побѣдителю при взятіи какого-

---

[1]) *Кояловичъ* 547 № 206, см. Protestatio regiorum legatorum ab Antonio Possevino admissa (*Satrczewski*, II, 96); въ Метр. Лит., II, 242 № 84 она носитъ невѣрное названіе (Protestatio Antonii Possevini) и имѣетъ невѣрную дату 14-го января вмѣсто 15-го.

[2]) Напр., Печерскій монастырь получилъ почти всю волость, тянувшую къ Ливонскому Новгородку см. *Кояловичъ*, 471.

[3]) *Pierling*, II, 148.

[4]) *Starczewski*, II, 60.

нибудь замка [1]). При этомъ очищеніе каждой крѣпости должно было быть произведено въ теченіе недѣли на подводахъ, даваемыхъ противной стороною [2]), и на очистку всѣхъ крѣпостей положено восемь недѣль [3]).

Размѣнъ плѣнныхъ вызвалъ также много разговоровъ. Побѣдители взяли большое количество враговъ въ плѣнъ; напротивъ того, у Русскихъ было плѣнниковъ немного. Исполняя инструкцію Замойскаго, Баторіевы послы потребовали уступки крѣпостей Себежа и Опочки за освобожденіе Москвитянъ, находившихся въ плѣну [4]), но встрѣтили сильное сопротивленіе со стороны пословъ Іоанна, которые противъ этого приводили тотъ аргументъ, что торговать кровью христіанскою не слѣдуетъ. Рѣшеніе этого спорнаго пункта отложено было до ратификаціи мирнаго договора, такъ какъ Поссевинъ отказался отъ посредничества по этому дѣлу, боясь навлечь на себя нареканія, если какая-нибудь сторона удержитъ у себя плѣнныхъ, которыхъ она обязалась отпустить [5]).

Оставалось еще устранить различнаго рода препятствія уже чисто формальнаго характера, но и тутъ пришлось потратить немало труда и времени. На совѣщаніи у Поссевина ночью на новый 1582 годъ московскіе послы заявили, что ихъ государь носитъ титулы царя казанскаго и астраханскаго и эти титулы должны быть даны ему въ документѣ мирнаго трактата, потому что они для него имѣютъ гораздо большее значеніе, нежели всѣ крѣпости, которыя онъ уступитъ Баторію. Папскій легатъ возражалъ противъ этого; онъ сталъ развивать передъ Русскими извѣстную средвѣковую теорію объ императорской власти. Существуетъ только одинъ христіанскій императоръ, власть котораго подтверждается главою католической церкви—папою. Когда византійскіе императоры стали отъ нея отдѣляться, тогда папы перенесли титулъ императора на государей Запада. Папа можетъ дать этотъ ти-

---

[1]) *Кояловичъ*, 548. Исключены отсюда Великія Луки и Холмъ, такъ какъ артиллерія была уничтожена въ этихъ крѣпостяхъ, по заявленію Баторіевыхъ пословъ, пожаромъ.

[2]) *Кояловичъ*, 549—550. У Поссевина 8 дней, *Starczewski*, II, 62.

[3]) *Starczewski*, II, 62.

[4]) Такова была инструкція, которую далъ своимъ посламъ Замойскій (*Кояловичъ*, 486). Гейденштейнъ (254) говоритъ, что послы короля требовали за плѣнныхъ Заволочье, Невель и въ крайнемъ случаѣ Себежъ.

[5]) *Starczewski*, II, 62.

тулъ и московскому государю, но для этого необходимо вступить съ нимъ въ переговоры. Москвитяне понимаютъ неправильно значеніе титула «царь»: это не цезарь, а титулъ, заимствованный отъ Татаръ. Московскіе послы привели въ опроверженіе этихъ взглядовъ историческіе доводы, страдавшіе сильнымъ анахронизмомъ. Они заявили, что римскіе императоры Аркадій и Гонорій прислали изъ Рима императорскую корону русскому князю Владиміру, а папа подтвердилъ это пожалованіе черезъ какого-то епископа Кипріана. Замѣчаніе Поссевина, что Аркадій и Гонорій жили лѣтъ на 500 раньше Владиміра, нисколько не смутилоословъ Іоанна: они отвѣтили, что то были другіе императоры Аркадій и Гонорій, которые жили одновременно съ княземъ Владиміромъ [1]). Поссевинъ потратилъ понапрасну много краснорѣчія, чтобы разубѣдить московскихъ книжниковъ въ правильности ихъ убѣжденій: они остались при своемъ. Кромѣ того, они добивались, повинуясь приказаніямъ своего государя, еще и другихъ титуловъ для него, а именно титуловъ «смоленскаго и ливонскаго» [2]).

И потому, когда дѣло дошло до чтенія перемирныхъ грамотъ, они заявили сильный протестъ противъ того, что въ королевской записи ихъ царю не были даны требуемые титулы. По ихъ словамъ, король Сигизмундъ Августъ признавалъ за ихъ государемъ титулъ царя: онъ даже присылалъ особенное посольство, чтобы поздравить Іоанна со взятіемъ Казанскаго царства [3]). Секретарь Баторіева посольства, Гарабурда, знатокъ дипломатическихъ сношеній Речи Посполитой съ Москвою, доказывалъ противное: онъ утверждалъ, что московскаго государя называли только великимъ княземъ постоянно и при Сигизмундѣ Августѣ, и при Генрихѣ и при Стефанѣ Баторіи [4]). Баторіевы послы, слѣдуя инструкціи

---

[1]) *Starczewski*, II, 59. Очевидно, московскіе книжники смѣшали Аркадія и Гонорія съ императорами Василіемъ II и Константиномъ VIII, а подтвержденіе папою императорскаго титула, присланнаго Владиміру, прямо выдумали.

[2]) *Ѳ. И. Успенскій*, Переговоры о мирѣ 64.

[3]) *Ѳ. И. Успенскій*, Переговоры о мирѣ 66.

[4]) Письмо Баторіевыхъословъ къ Замойскому, (*Кояловичъ*, 554). По словамъ Поссевина (*Starczewski*, II, 63), показаніе котораго принимаетъ Пирлингъ (II, 144), Гарабурда показывалъ даже прежнія грамоты въ доказательство правдивости своихъ словъ (Michael autem Haraburda antiquas ac signis munitas foederum litteras ostendit, in quibus nihil eorum nominum erat adscriptum). Но самъ Гарабурда говоритъ только слѣд.: послы московскіе пущалися на мене, Гарабурду, поведаючи, ижъ

своего короля, заявили, что готовы дать Іоанну титулъ царя, но только въ томъ случаѣ, если онъ отдастъ ихъ королю Смоленскъ, Великія Луки, Опочку и Себежъ. Однако, Русскіе и слушать объ этомъ не хотѣли [1]). Они особенно энергично отстаивали титулъ своего государя «царь Казанскій и царь Астраханскій», угрожая своимъ противникамъ прекращеніемъ переговоровъ, если не будетъ разрѣшено послать за грамотами, доказывающими правдивость ихъ словъ относительно того, что Сигизмундъ Августъ давалъ Іоанну титулы царя Казанскаго и царя Астраханскаго. Баторіевы послы не были одинаковаго мнѣнія по этому вопросу. Радзивиллъ, считая споръ этотъ пустымъ, полагалъ, что московскимъ посламъ можно дать по этому пункту удовлетвореніе, лишь бы не доводить дѣла до разрыва и сохранить существенное—Ливонію, но товарищи его не соглашались съ нимъ, такъ что пришлось обратиться за инструкціею къ Замойскому, чтобъ разрѣшить этотъ споръ [2]).—Притязанія эти Іоанна показались польскому канцлеру пустымъ тщеславіемъ и онъ согласился дать требуемые титулы московскому государю, однако полагалъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что необходимо опротестовать сдѣланную уступку [3]).

Но совѣтъ Замойскаго оказался излишнимъ, такъ какъ споръ окончился раньше, чѣмъ пришло письмо канцлера въ Запольскій ямъ. Московскіе послы, помня наказъ своего государя, отказались отъ своихъ требованій [4]) и въ королевской договорной грамотѣ Іоаннъ былъ названъ по прежнему только великимъ княземъ [5])

Вслѣдъ за устраненіемъ этого формальнаго препятствія представилось новое, которое немало горечи причинило соперничествующимъ сторонамъ и особенно папскому легату. Оказывалось, что

я свѣдомъ, же господара ихъ царомъ писывано; я не по однократъ повѣдилъ, ижъ отъ короля его милости Жикгимонта Августа, и отъ короля Гендрыка и отъ теперешнего пана нашого короля его милости князя великого царомъ никгди не писовываломъ (Метр. Лит., II, 228) Слова Гарабурды подтверждаются письмами Баторіевыхъ пословъ (*Коялович*, 554, 556—557).

[1]) *Коялович*, 555.

[2]) *Коялович*, 556—557.

[3]) Ib. 559.

[4]) *Ѳ. И. Успенскій*, Переговоры о мирѣ 68.

[5]) Поссевинъ (*Starczewski*, II, 63, sessio XVII) приписываетъ себѣ заслугу въ дѣлѣ улаженія этого спора, между тѣмъ какъ, по словамъ князя Збаражскаго, болѣе всего надъ этимъ потрудился Гарабурда (*Коялович*, 562).

къ титуламъ былъ чувствителенъ не только московскій царь, но и рабъ рабовъ Божіихъ, какъ называлъ себя папа. Представитель его на Запольскомъ съѣздѣ, Поссевинъ, желалъ играть главную роль, роль устроителя мира между Москвою и Речью Посполитой, роль вершителя судебъ народовъ и государствъ. Договорныя грамоты должны были засвидѣтельствовать это передъ всѣмъ міромъ и потомствомъ и гласить въ теченіе вѣковъ о силѣ и величіи главы католической церкви и его уполномоченнаго. Баторіевы послы, какъ католики [1]), готовы были удовлетворить это совершенно законное желаніе Поссевина и хотѣли написать въ перемирной грамотѣ, что договоръ былъ заключенъ въ присутствіи папскаго посла [2]). Но московскіе послы, ссылаясь на то, что въ наказѣ у нихъ нѣтъ объ этомъ ни слова, отказались принять формулу, предложенную послами Баторія. Хотя Іоаннъ и прибѣгнулъ къ посредничеству папы, однако онъ желалъ, очевидно, избѣгать всего, что могло бы свидѣтельствовать о подчиненіи его авторитету главы католичества. Царь не оказывалъ почестей, какія приличествовали папѣ—съ католической, конечно, точки зрѣнія, какъ намѣстнику Христову на землѣ. По выраженію Поссевина, Іоаннъ писалъ «папу, что просто папа», величалъ его представителя не посломъ, а только посланникомъ [3]). Московскіе послы дѣйствовали, понятно, согласно предписаніямъ своего государя и поведеніе ихъ до такой степени стало раздражать Поссевина, что онъ явно началъ склоняться на сторону Баторія, забывая о безпристрастіи, обязательномъ для посредника [4]). Споръ окончился

[1]) За исключеніемъ православнаго Гарабурды, но и онъ, какъ мы узнаемъ, скрѣпитъ мирный договоръ присягою по католическому обряду.

[2]) Пирлингъ (II, 145), слѣдуя разсказу самого Поссевина (*Starczewski*, II, 64), изображаетъ роль его въ этомъ вопросѣ невѣрно. По словамъ историка, споръ затѣянъ былъ Баторіевыми послами, а Поссевинъ явился лишь скромнымъ примирителемъ. Въ дѣйствительности же болѣе всего шумѣлъ и раздражался папскій легатъ, такъ что князь Збаражскій могъ сдѣлать даже замѣчаніе по этому поводу, что Богъ обратилъ его (т.-е. Поссевина) противъ Москвитянъ (*Кояловичъ*, 563).

[3]) *Ѳ. И. Успенскій*, Переговоры о мирѣ 67—71.

[4]) Объ этомъ свидѣтельствуютъ и московскіе послы (*Ѳ. И. Успенскій*, Переговоры о мирѣ 67) и одинъ изъ Баторіевыхъ пословъ, князь Збаражскій (*Кояловичъ*, 563). Замойскій по этому случаю пишетъ слѣд.: jam mniмał, że po skończeniu przymierza mieli Moskwa uwierzyć w Possowina i obraz jego postawić podle Mikuły albo Preczysty w Pieczarach, a ono i w przymiernym liście pisać go nie chcą; lepsza stara przyjaźń, jako żywo pewniejsza (*Кояловичъ*, 565).

согласно желанію Поссевина: въ актѣ перемирнаго договора посредничество папскаго посла было отмѣчено, слѣдовательно условія мира было освящены авторитетомъ римскаго первосвященника [1]).

Могло казаться теперь, что всякія препирательства уже болѣе невозможны. Случилось, однако, иначе. Московскіе послы прилагали всѣ свои усилія къ тому, чтобы сохранить за своимъ государемъ хотя бы только призрачныя, формальныя права на Ливонію. Они изъявили сначала желаніе вписать въ текстъ договора выраженіе о томъ, что Іоаннъ уступаетъ Баторію вмѣстѣ съ другими ливонскими замками Ригу и Курляндію, т.-е. такія владѣнія, которыя никогда Іоанну не принадлежали.—Это заявленіе вызвало цѣлую бурю негодованія. Баторіевы послы удалились съ совѣщанія, говоря, по своему обыкновенію, что они уже болѣе не пріѣдутъ. Поссевинъ же потерялъ окончательно терпѣніе и въ раздраженіи на московскихъ пословъ дошелъ до поступковъ, не приличествовавшихъ его сану. Крича, что они явились не посольствовать, а воровать, онъ вырвалъ изъ рукъ одного изъ пословъ, Олферьева, черновикъ договорной записи, швырнулъ ее за двери, схватилъ самого посла за воротникъ шубы и пуговицы оборвалъ.—

---

[1]) Споръ о включеніи имени Поссевина въ актъ перемирнаго договора былъ поднятъ въ засѣданіи 9-го января, какъ упоминаетъ объ этомъ кн. Збаражскій въ письмѣ къ Замойскому отъ того же числа (*Коялович*, 563). Между тѣмъ Поссевинъ говоритъ, что спорили объ этомъ на сессіяхъ 10 и 11 января (*Starczewski*, II, 64). Во всѣхъ изданіяхъ Поссевинова дневника переговоровъ (начиная съ изд. 1586 г.), за исключеніемъ одного, ходъ совѣщаній 9-го января излагается одинаково. Но въ этомъ одномъ изданіи (Supplementum ad Historica Russiae monumenta, С.-Петербургъ, 1848, стр. 97—98) имѣются существенныя отличія. Согласно этому изданію, въ засѣданіи 9-го января Баторіевы послы потребовали, чтобы мирный договоръ былъ подписанъ Поссевиномъ, чему Русскіе воспротивились. Поссевинъ самъ не пожелалъ дать своей подписи, чтобы не навлечь на себя и—что еще важнѣе, на самого папу, котораго онъ былъ представителемъ—неудовольствія императора и другихъ государей, которые предъявляли притязанія на Ливонію. Это разсужденіе Поссевина кажется страннымъ: онъ не желалъ своею подписью скомпрометировать, по выраженію историка (*Pierling*, La Russie et le Saint-Siège, II, 148), права третьихъ лицъ на Ливонію и однако настоялъ на томъ, чтобы имя его было включено въ договоръ, что, конечно, являлось выраженіемъ санкціи, даваемой Римомъ правамъ Баторія на Ливонію и, слѣдовательно, компрометировало права третьихъ лицъ на нее. Отмѣтимъ кстати, что текстъ, напечатанный въ Supplementum таковъ же, какъ и въ дерптской рукописи, см. Livoniae Commentarius Gregorio XIII P. M. ab Antonio Possevino, S. J., scriptus Rigae, 1852 p. XI.

«Подите вонъ изъ избы,—кричалъ онъ,—мнѣ съ вами уже не о чемъ больше говорить». «И мы, холопи твои,—пишутъ послы Іоанну,—Антонью говорили: и то ты, Антоней, чинишь не гораздо, государево великое дѣло мечешь, а насъ безчестишь, а намъ за государево дѣло какъ не стоять? Да говоря, государь, мы пошли отъ него изъ избы и пришли мы, холопи твои, къ себѣ въ избу, и тотчасъ пришелъ къ намъ литвинъ ротмистровъ Миколаевъ человѣкъ Жебридовскаго и говорилъ намъ: велите деи своимъ людямъ накладываться, а утре вамъ ѣхати къ собѣ и приставы деи утро къ вамъ будутъ» [1]). Въ виду этого, памятуя царскій наказъ, послы подчинились тому, что они считали «конечной неволею», и отступились отъ своего требованія, однако не совсѣмъ, какъ мы сейчасъ увидимъ.

Они попытались еще разъ при помощи новой уловки отстоять формальную сторону притязаній своего царя на Ливонію. Переговоры близились уже къ концу. Согласіе, казалось, устанавливается между сторонами по всѣмъ пунктамъ. Срокъ перемирія былъ опредѣленъ въ десять лѣтъ, начиная съ Крещенія Христова 1582 года. Рѣшено было, что Баторій первый отправитъ къ Іоанну своихъ пословъ для ратификаціи договора (на Троицынъ день), а потомъ Іоаннъ своихъ (на Успеньевъ день). Оставалось написать договорные грамоты, что также было сдѣлано. Назначенъ уже былъ день для присяги, которою обѣ стороны должны были скрѣпить условія, на какихъ онѣ договорились между собою. Баторіевы послы радовались, что приходитъ конецъ ихъ трудамъ, и радовались тѣмъ болѣе, что Замойскій, ихъ руководитель, торопилъ ихъ кончать поскорѣе дѣло, указывая на невыносимое положеніе арміи подъ Псковомъ и на новую

---

[1]) *Ѳ. И. Успенскій*, Переговоры о мирѣ 73. Пирлингъ (II, 146) сомнѣвается въ правдивости этой сцены. По словамъ историка, въ интересахъ пословъ было представить себя жертвами необходимости, чтобы избѣжать гнѣва грознаго царя. Возможно, прибавляетъ историкъ, что Поссевинъ считалъ необходимымъ прибѣгнуть къ рѣшительному дѣйствію, симулировать гнѣвъ и такимъ образомъ сломить сопротивленіе. Но замѣчанія эти, по нашему мнѣнію, неосновательны. Припомнимъ жалобу московскихъ пословъ на дурное съ ними обращеніе и мы повѣримъ разсказу ихъ объ этой сценѣ. Далѣе, Поссевинъ не прикидывался разгнѣваннымъ, какъ хочетъ Пирлингъ, а дѣйствительно сильно сердился на Москвитянъ, какъ свидѣтельствуетъ объ этомъ кн. Збаражскій (Otoż się już tam gniewa na nich barzo, *Коялович*, 563 или стр. 568: Possowina też—praesente nie chcą pisać, o co się Possowin gniewa na nich).

опасность, которая, какъ казалось ему, приближается къ Речи Посполитой. Въ лагерь польскаго гетмана явился съ письмомъ къ королю Баторію шведскій посолъ, Итальянецъ Лаврентій Каньоло, и сталъ просить о свободномъ пропускѣ къ Поссевину, но получилъ отказъ. Замойскому почуялись въ этомъ козни Швеціи противъ его государства: онъ сталъ опасаться, чтобы шведскій король не началъ переговоровъ съ московскимъ царемъ во вредъ интересамъ Речи Посполитой [1]).

И вотъ какъ разъ въ тотъ моментъ, когда Поссевинъ и Баторіевы послы были вполнѣ увѣрены въ томъ, что уже всѣ недоразумѣнія устранены и что остается только скрѣпить договоръ присягою, Русскіе предъявили слѣдующее требованіе: въ перемирной грамотѣ должно быть написано, что Іоаннъ уступаетъ Баторію свою *вотчину* Ливонію. Этимъ выраженіемъ московскіе послы надѣялись спасти права Іоанна на владѣніе Ливоніею. Произошелъ сильный споръ, продолжавшійся два дня. Збаражскій и Гарабурда не знали, что имъ дѣлать, и поэтому обратились за инструкціею къ Замойскому [2]). Усмотрѣвъ въ этомъ пустое препирательство изъ за словъ, канцлеръ соглашался удовлетворить требованіе московскихъ пословъ, лишь бы только миръ поскорѣе былъ заключенъ, ибо всякая проволочка можетъ быть опасна для Речи Посполитой [3]). Инструкція канцлера оказалась уже ненужною: споръ окончился раньше, чѣмъ пришло его письмо, и окончился, благодаря содѣйствію Поссевина, въ пользу Баторіевыхъ пословъ.

Наконецъ 15-го января, послѣ неимовѣрныхъ усилій, употребленныхъ тою и другою стороною съ цѣлью отстоять даже формальныя права своихъ государствъ, состоялся обычный обмѣнъ договорныхъ грамотъ и принесена была присяга, при чемъ Русскіе исполнили строго церемоніалъ, установленный для этого Іоанномъ: они цѣловали крестъ, который далъ имъ, согласно приказанію царя, новгородскій владыка. Баторіевы послы принесли присягу по католическому обряду, при чемъ къ нимъ присоединился и Гарабурда, хотя онъ былъ православный, что доставило

---

[1]) *Кояловичъ*, 569 № 221, 582 № 228. Гейденштейнъ (257) говоритъ о посольствѣ Каньоли, но причины, вслѣдствіе которыхъ Замойскій отказалъ ему въ свободномъ пропускѣ къ Поссевину, обходитъ молчаніемъ.

[2]) *Кояловичъ*, 583 № 229.

[3]) *Кояловичъ*, 584 № 230.

немалое удовольствіе Поссевину, возымѣвшему надежду на то, что Гарабурда перейдетъ на лоно католической церкви [1]).

Извѣстіе о заключеніи мира произвело сильную радость въ лагерѣ Замойскаго подъ Псковомъ и среди жителей Пскова. Баторіевы воины со слезами на глазахъ благодарили Бога за то, что они освободились наконецъ отъ холода, голода и болѣзней, лишеній и страданій, которые довели ихъ до ужаснаго состоянія [2]). Псковитяне, изстрадавшіеся отъ долговременной осады, особенно сильно обрадовались извѣстію о мирѣ. Когда въ Псковъ явился (18-го января) съ этою вѣстью отъ московскихъ пословъ гонецъ Александръ Васильевичъ Хрущовъ, жители бросились цѣловать ноги вѣстника, называя его архангеломъ мира. Вражда къ непріятелямъ была забыта. Псковитяне со своихъ городскихъ стѣнъ радостно привѣтствовали всадниковъ Замойскаго, ѣздившихъ вокругъ крѣпости и называли ихъ своими братьями. Знатнѣйшіе псковскіе граждане явились къ Замойскому, чтобъ выразить гетману свою радость и благодарность по случаю заключенія мира [3]). Баторій и Замойскій, главные виновники и вожди войны, довольны были исходомъ ея, потому что цѣль, ради которой она предпринималась, была достигнута, довольны были и потому, что ихъ противники въ Польшѣ, вооружавшіеся противъ дальнѣйшаго веденія войны [4]), должны были замолкнуть въ виду блестящаго успѣха, увѣнчавшаго военные планы короля и его канцлера [5]). Радъ былъ миру и Іоаннъ, ибо ему удалось отстоять тѣ условія, какія онъ «по конечной неволѣ» готовъ былъ принять [6]). Рады были и Іоанновы послы, ибо исполнили въ точности данный имъ наказъ и такимъ образомъ избѣжали царскаго гнѣва. Наконецъ

---

[1]) *Ѳ. И. Успенскій*, Наказъ царя Ив. В. Грознаго кн. Елецкому 17 и письмо Поссевина къ Баторію, *Starczewski*, II, 77.

[2]) Письмо Поссевина къ Замойскому отъ 21-го января у Кояловича (619) содержитъ выраженіе „cum lacrimis“ (рѣчь идетъ о благодарственномъ молебствіи въ лагерѣ Замойскаго), въ другихъ изданіяхъ этого выраженія нѣтъ (см. *Starczewski*, II, 77, Relacje nuncj. apost., I, 437).

[3]) Письма Замойскаго къ Баторію и плоцкому епископу, *Кояловичъ*, 613, 617. То же разсказываетъ и Гейденштейнъ (257—258), забывая только отмѣтить фамилію московскаго гонца, явившагося во Псковъ.

[4]) *Кояловичъ*, 609—611.

[5]) *Кояловичъ*, 615.

[6]) Миръ состоялся на условіяхъ, указанныхъ въ спискѣ съ договорной записи, даннымъ кн. Елецкому съ товарищами на образецъ см. *Ѳ. И. Успенскій*, Переговоры о мирѣ 1—6.

чувство удовлетворенія испытывалъ также и посредникъ, папскій посолъ, Поссевинъ: и ему удалось, какъ, по крайней ему самому казалось, осуществить ту цѣль, которую онъ себѣ намѣтилъ. Враждующія стороны подчинились авторитету главы католическойцеркви, о чемъ свидѣтельствовали договорныя грамоты, слѣдовательно достигнутъ важный успѣхъ въ дѣлѣ торжества католической вѣры на землѣ, дѣлѣ, служить которому былъ призванъ Поссевинъ вмѣстѣ съ своимъ орденомъ [1]).

Такимъ образомъ перемиріе состоялось. Теперь оставалось исполнять или исполнить его условія. По договору Баторіева армія должна была немедленно удалиться изъ подъ Пскова. Но условіе это не было исполнено Замойскимъ. Онъ опасался, чтобы Русскіе умышленно не затягивали сдачи ливонскихъ замковъ, къ чему представлялся весьма удобный предлогъ. Польско-литовскія власти не были въ состояніи дать для этого Русскимъ достаточное количество подводъ, какъ это полагалось по уговору. Видя, что Замойскій не собирается уходить отъ Пскова, московскіе послы выразили свое неудовольствіе передъ Поссевиномъ, а затѣмъ черезъ князя Збаражскаго прислали Замойскому письмо, въ которомъ потребовали, чтобы онъ ушелъ отъ города. Сами же Псковитяне прислали сказать гетману, что если онъ не удалится въ теченіе двухъ дней [2]), то они будутъ считать мирный договоръ уничтоженнымъ. На это Замойскій съ улыбкою отвѣтилъ, что слѣдуетъ избѣгать разлитія крови—и только. А затѣмъ на слѣдующій день онъ потребовалъ отъ Псковитянъ, чтобы они дали ему посланца

---

[1]) *Pierling*, II, 153; см. также письмо Поссевина къ кардиналу Комскому въ книгѣ того же автора, Un arbitrage pontifical, стр. 234 № XII. Папскій посолъ пишетъ тутъ, между прочимъ, слѣд. Dalli XIII dunque del passato insino a 15 del presente da venti volte nell' albergo mio convenuti gli Ambasciatori di amendue i detti Principi trattarono secondo l'ordine de medesimi Principi il negocio della pace. In che apparve mirabile la sapienza di Dio che i catolici et i scismatici sempre si riferivano nelle cose perplesse hor al giuditio hor all arbitrio mio per rispetto della Santa Sede Apostolica. Изъ дневника самого Поссевина оказывается, что къ третейскому суду папскаго посла Баторіевы послы обращались только по вопросу о Велижѣ и Себежѣ (см. засѣданіе 28-го и 29-го декабря) и что только вопросъ о Велижѣ рѣшенъ былъ согласно приговору Поссевина. Поэтому въ вышеприведенныхъ словахъ Поссевинова письма нельзя не видѣть весьма сильнаго преувеличенія своей роли.

[2]) У Гейденштейна (260)—три дня, въ письмѣ Замойскаго къ королю (*Коялович*ъ 694)—два.

для пересылки письма Поссевину. Тогда Псковитяне отказались отъ своего ультиматума, такъ какъ у нихъ зародилось подозрѣніе, что Замойскій намѣревается писать Поссевину, будто они отказались исполнять условія мира. Теперь они просили Замойскаго только о томъ, чтобы онъ удалился въ тотъ день, который онъ самъ назначилъ. Гетманъ отвѣтилъ, что онъ удалится, но все таки останется у границъ Ливоніи до тѣхъ поръ, пока ливонскіе замки не будутъ сданы Русскими [1]).

Между тѣмъ Поляки передали Русскимъ крѣпость Островъ, что случилось вопреки намѣренію Замойскаго [2]); однако онъ передачу одобрилъ, такъ какъ надѣялся, что она разсѣетъ подозрѣніе Русскихъ относительно ихъ противниковъ: Русскіе тоже опасались, чтобы въ передачѣ крѣпостей, возвращаемыхъ по договору, не произошла слишкомъ большая проволочка. Замойскій думалъ, что убѣдившись на примѣрѣ Острова въ противномъ, они скорѣе очистятъ Ливонію. Вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы не давать больше повода къ нареканіямъ на то, что онъ нарушаетъ мирный договоръ, гетманъ поспѣшилъ исполнить свое обѣщаніе относительно удаленія изъ подъ Пскова. 6-го февраля онъ снялъ лагерь и удалился отъ города, при чемъ постарался блеснуть передъ своими бывшими врагами прекраснымъ видомъ своего войска и сумѣлъ ихъ дѣйствительно привести въ изумленіе [3]). Это было сдѣлано, конечно, не безъ умысла. Замойскій хотѣлъ дать понять Псковитянамъ, что сила его войска еще весьма значительна и что при такомъ условіи нарушать миръ для нихъ опасно.

Польскій гетманъ двинулся къ Новгородку Ливонскому. Московскій воевода не хотѣлъ сдавать крѣпости военному отряду, который былъ высланъ Замойскимъ впередъ подъ начальствомъ

---

[1]) Письмо Замойскаго къ Баторію (*Кояловичъ*, 694). Сообщеніе Гейденштейна (260) объ этихъ фактахъ неточно. По словамъ историка, на требованіе Псковитянъ удалиться въ трехдневный срокъ Замойскій отвѣтилъ, что по его мнѣнію они говорятъ, по заключеніи мира, не то, что думаютъ, такъ какъ онъ знаетъ, что миръ имъ не непріятенъ и конечно пріятнѣе имъ, чѣмъ тому классу людей, который живетъ жалованьемъ; онъ уведетъ войско, когда это будетъ удобно (*Starczewski*, II, 171). Это мѣсто передано въ русскомъ переводѣ (260) ошибочно.

[2]) Гейденштейнъ (260) говоритъ, что самъ Замойскій приказалъ передать Русскимъ Островъ съ тою цѣлью, чтобы узнать ихъ намѣренія и вмѣстѣ съ тѣмъ выказать имъ свое довѣріе. Сообщеніе это находится въ противорѣчіи со словами самого Замойскаго (*Кояловичъ*, 694).

[3]) *Piotrowski*, 209; *Гейденштейнъ*, 261.

Уровецкаго. Тогда Замойскій самъ съ небольшою свитою явился въ городъ и потребовалъ отъ воеводы, чтобы крѣпость была немедленно передана. Но послѣдній сталъ отнѣкиваться, говоря, что у него нѣтъ подводъ въ достаточномъ количествѣ. Тогда Замойскій далъ ему лошадей, которыя везли артиллерію и воевода принужденъ былъ удалиться изъ города [1]).

Изъ Новгородка Замойскій направился небольшими переходами къ Дерпту, куда онъ между тѣмъ отправилъ коммисаромъ Розена принимать отъ Русскихъ городъ. Но Розенъ ничего не могъ сдѣлать, такъ какъ не хватило подводъ [2]) Проволочки въ эвакуаціи Ливоніи вызывали въ Замойскомъ сильную досаду. Виноваты были въ этомъ, по его мнѣнію, послы, заключавшіе съ царемъ Іоанномъ перемиріе: они дали обѣщаніе отвести войско отъ Пскова, прежде чѣмъ будутъ сданы ливонскіе замки, не назначили опредѣленнаго срока для эвакуаціи Ливоніи и приняли обязательство доставить Русскимъ подводы. Отъ всего этого и происходятъ проволочки. Тратя попусту время на споры о титулахъ и обращаясь за указаніями, какъ рѣшить ихъ, къ нему, Замойскому, послы въ то же время самовольно рѣшили дѣло большой важности. Онъ не зналъ, что ему дѣлать: если онъ останется въ Ливоніи съ войскомъ, чтобъ понуждать Русскихъ къ скорѣйшей передачѣ замковъ, страна отъ постоя солдатъ еще больше постра-

---

[1]) *Piotrowski*, 210; *Кояловичъ*, 700.

Гейденштейнъ (262) говоритъ, что Замойскій проникъ въ Новгородъ Ливонскій при помощи хитрости. Онъ приблизился къ крѣпости съ отрядомъ человѣкъ въ 60; привратникъ спросилъ, кто идетъ; ему отвѣтили: сотникъ; тогда онъ впустилъ отрядъ въ городъ. Явившійся сюда воевода Петръ Волынскій, узнавъ брацлавскаго воеводу, съ которымъ онъ познакомился, присутствуя при переговорахъ въ Запольскомъ ямѣ, сталъ упрекать коменданта крѣпости въ оплошности, въ томъ, что онъ вмѣсто сотника впустилъ воеводу, при чемъ Волынскій и не подозрѣвалъ, что въ городѣ находится уже самъ Замойскій. Узнавъ объ этомъ отъ брацлавскаго воеводы, онъ пришелъ въ сильное смущеніе и на требованіе Замойскаго сдать крѣпость сталъ отговариваться недостаткомъ подводъ. Изъ этого длиннаго разсказа Гейденштейна нельзя понять, зачѣмъ Замойскій прибѣгалъ къ подобной хитрости. Вѣдь одно появленіе арміи гетмана подъ городомъ подѣйствовало бы несомнѣнно внушительно на воеводу крѣпости и въ уловкахъ не было надобности. Если дѣло происходило такъ, какъ разсказываетъ Гейденштейнъ, то надо предположить, что желаніе явиться въ городъ невзначай было простымъ капризомъ со стороны Замойскаго.

[2]) *Piotrowski*, 210.

дастъ; если онъ уведетъ войско, Русскіе будутъ имѣть возможность затягивать очистку страны. Главная бѣда заключалась въ недостаткѣ подводъ и Замойскій просилъ короля, чтобы онъ позаботился поскорѣе ихъ доставить и самъ дѣлалъ распоряженія объ ихъ доставкѣ [1]).

Такъ какъ воеводы Дерпта не хотѣли передавать крѣпости Розену, то польскій гетманъ отправилъ къ нему на помощь князя Збаражскаго съ отрядомъ въ нѣсколько сотъ солдатъ, а затѣмъ и самъ прибылъ въ окрестности города [2]).

На требованіе Замойскаго очистить немедленно городъ уполномоченный Іоанна Головинъ отвѣтилъ, что для этого не приготовлено еще достаточно лошадей и повозокъ и просилъ объ отсрочкѣ въ три дня. Тогда Замойскій снабдилъ русскихъ воеводъ подводами и Дерптъ былъ переданъ ему 24-го февраля. Русскіе оставили городъ съ большимъ сожалѣніемъ, такъ какъ съ нимъ были связаны для нихъ весьма дорогія воспоминанія: женщины, по словамъ историка [3]), сбѣгаясь на могилы мужей и дѣтей, отцовъ и родственниковъ, испускали страшныя рыданія, покидая родное пепелище [4]).

Постепенно Поляки заняли всѣ города и замки Ливоніи, при чемъ они должны были прибѣгать къ разнаго рода хитростямъ, чтобы удалить поскорѣе Русскихъ и затѣмъ уже они сами передали Русскимъ крѣпости, какія полагались по договору [5]).

Ратификація условій перемирія произошла въ томъ же 1582 году. Сначала (въ іюнѣ) явились въ Москву послы отъ Баторія и Іоаннъ скрѣпилъ клятвою заключенное перемиріе, обязавшись

---

[1]) *Коялович*ъ, 709—710.

[2]) *Piotrowski*, 210.

[3]) *Гейденштейнъ*, 264.

[4]) По словамъ очевидца (*Piotrowski*, 210—211), господство Іоанна тяжело отозвалось на благосостояніи цвѣтущаго передъ тѣмъ Дерпта: взявъ городъ, Іоаннъ приказалъ разрушить гробницы дерптскихъ католическихъ епископовъ; многіе каменные дома лежали въ развалинахъ; одна изъ католическихъ церквей обращена была въ амбаръ для овса. По разсказу Гейденштейна (265), Русскіе, уходя изъ города, пытались поджечь его, но неудачно, ибо огонь былъ потушенъ во́-время солдатами Замойскаго. Историкъ разсказываетъ также и о попыткѣ взорвать на воздухъ при помощи пороховыхъ минъ замокъ, въ которомъ Замойскій остановился: это было сдѣлано, очевидно, въ отмщеніе за адскую машину, посланную князю Шуйскому.

[5]) *Гейденштейнъ*, 266.

при этомъ не воевать въ Эстоніи и въ продолженіе десяти лѣтъ [1]), а потомъ (въ октябрѣ) прибыли въ Варшаву московскіе послы и взяли также съ короля торжественное обязательство исполнять условія договора [2]).

Такъ окончилась война, составляющая весьма важный фазисъ въ политической эволюціи Восточной Европы. Ростъ московскаго государства въ направленіи къ Западу былъ на нѣкоторое время пріостановленъ. Силы Москвы войною и правленіемъ Іоанна были надломлены, ея соціально-политическая организація расшатана. Напротивъ того, Речь Посполитая, благодаря талантамъ Баторія и Замойскаго, усилила свое могущество на столько, что честолюбивый король ея началъ строить грандіозные планы, направленные къ покоренію московскаго государства [3]). Казалось, политическое и культурное господство въ Восточной Европѣ будетъ принадлежать Польшѣ и дальнѣйшее развитіе восточно-европейскихъ народовъ будетъ совершаться подъ ея руководствомъ. Въ этомъ то и заключается всемірно-историческое значеніе ливонской войны, исторію которой мы разсмотрѣли въ своемъ изслѣдованіи.

---

[1]) *Соловьевъ*, II, 288.

[2]) Метр. Лит., II, 263 № 98. Дѣло происходило на сеймѣ; принесеніе королемъ присяги на исполненіе договора описано Гейденштейномъ (303).

[3]) *W. Zakrzewski*, Stefan Batory Kraków, 1887, 119 и слѣд.; *Pierling*, II, 249 и слѣд.

I.

Копія письма Іоанна къ польскимъ вельможамъ.

(Изъ Несвижскаго архива князей Радзивилловъ, Teka I, 62a. Пропущены царскіе титулы и имена польскихъ сенаторовъ).

. . . . . присылали есте къ намъ посполито вы Рада Коруны Польское гоньца Андрея Тарановского, а Великого Княжства Литовского, Панове Рада, гоньца Ѳедора Зенькова Воропая съ грамотою, а въ грамотѣ своей къ намъ писали есте, что по вольности службъ вашихъ на (?) великимъ Государемъ въ хрестіанствѣ (?), што перво сего Рада Великого Княжества Литовского черезъ урядника присяглого до рады писара Великого Княжства Литовскаго пана Михаила Гарабурду прислали къ намъ о кривдахъ земянъ земли Лифлянтское повѣту Трейданьского отъ нашихъ воинскихъ людей съ попаленія селъ и въ забранію немало маетностей обиды великія сталися и о томъ всказаніе нашо Великого Государя, которое наши листъ до Васъ Радъ Польскихъ и Литовскихъ учинити рачили черезъ посланьца вашего Ѳедора Воропая, ознаймуючи вамъ волю и склоняючи умыслъ ку доброму и успокоенію въ хрестіанствѣ. Ино панъ Гарабурда, ѣдучи отъ насъ въ дорозѣ въ хоробу великую впалъ и для тое своее хоробы не только ижъ самъ до васъ пріѣхати, але и того всказанія словного, которое отъ насъ черезъ него до васъ было всказано водлѣ потребы выписати не могъ и листъ нашъ, писанный до васъ, принесъ, въ которомъ мы на тое посланіе ваше казали до Васъ Радъ Великого Княжества Литовского отписати, ознаймуючи, што сталося въ земли Лифлянтской въ сторонѣ государствъ корунныхъ, о томъ вѣдома у насъ нѣтъ, обѣцавши укривжоныхъ шкодъ обыскъ росказати учинити, а покой пограничнымъ (?) во всѣхъ государствахъ корунныхъ въ Польщѣ и у Великомъ Княжствѣ Литовскомъ и въ земли Лифлянтской заховати до врочного дня и свята святого Петра и Павла и да-

лѣй послѣ року, покамѣстъ черезъ послы доброе дѣло станется. Ино непосланія пословъ до сего часу первѣй сего листомъ вашимъ къ намъ причина есть, же се то стало затымъ, што вы зъѣхатися не могли на одно мѣстце для казни Божее отъ повѣтрія морового на многихъ мѣстцахъ въ корунныхъ государствахъ и у Великомъ Княжствѣ Литовскомъ и вы же въ тыхъ часѣхъ по Велицедни свята недавно минулого зъѣхавшисе посполу Рады и вси станы Польскіе и Литовскіе подъ Варшаву, а вычитавши листы наши, съ похвалою дякуете за то, иже мы рачимъ таковые дѣла на добро и пожитекъ хрестіанству передъ собѣ брати и чимъ бы доброе дѣло статися могло, для чего вы посылаете посланьцовъ своихъ Андрея Тарановского да Ѳедора Зенькова Воропая, упевняючи паньства вашего и покой перемирьемъ утвержоный. Писали есте до всихъ воеводъ, старостъ и державецъ украинныхъ такъ съ Польски яко и съ Великого Княжства Литовского и съ земли Лифлянтское, абы моцне и непорушеніе покой захованъ и держанъ по перемирныхъ листѣхъ не токмо до врочного дня, але поколѣ послы на обѣ стороны сходятъ. Якожъ и то намъ Великимъ Государемъ ку вѣдомости даете, ижъ зъ воли и презрѣнія Божего обрали и меновали есте государемъ на тые Великіе Государства Андриха Андыкгавеньское, Борбоньское и Альвернерское зъ роду Великихъ и зъ давныхъ Государей Францускаго Королевства и ото печалованіемъ вашимъ усиловати хочете и жебы зъ нами Великимъ Государемъ ку покою и доброму пожитью хрестіанскому склонны были и послове великіе до насъ до Великого Государа съ зуполною моцью на постановеніе доброго дѣла и успокоеніе въ хрестіанствѣ отправите, которые послы у насъ будутъ надалѣй ку святу Светого Мартина римского свята. А иже часъ перемирія близко выходитъ и намъ бы листъ опасный на послы государа вашего великіе Польскіе и Литовскіе черезъ тыхъ посланьцовъ вашихъ къ вамъ послати, за которымъ бы имъ и послѣ часу перемирного вольно и безпечно до насъ прійти и опять назадъ до паньствъ корунныхъ со всими людьми и маетностями своими добровольно отойти могли. А намъ бы великимъ Государемъ тыхъ посланьцовъ вашихъ ласкове принявши до васъ безъ мешканія розказати отправити. А въ иншихъ во всякихъ рѣчахъ ширшое мовеніе отъ Государа Вашого черезъ пословъ великихъ намъ ознаймено будетъ. И мы тые рѣчи ваши выслухали и вразумѣли гораздо. Ино прежъ сего братъ нашъ блаженное памяти Жикгимонтъ-Августъ король при-

сылалъ до насъ посланника своего до рады присяглого писара своего державцу свислоцкаго пана Михаила Гарабурду, просечи у насъ миру и доброе зъмолвы и мы къ нему выслали дворянина своего ближнее думы Григорья Лукіяновича Скуратова да дьяковъ Андрея и Василія Щелкановыхъ, и на томъ договорили, што было намъ брату своему поступитися Полоцка и полоцкихъ пригородковъ и курскіе земли за Двиною, а брату было нашому намъ поступитися нашое отчизны Лифлянтское земли по рѣку Двину и было намъ обѣма съ братомъ своимъ одностайне противъ бесурманъ за хрестіанство за одинъ и на томъ есьмо пожаловавши съ великою своею ласкою Михаила Гарабурду къ брату своему Жикгимонту-Августу королю отпустили. А приказали есьмо къ брату своему съ Михайломъ о послѣхъ, штобъ братъ нашъ пословъ къ намъ не посылалъ безъ обсылки, што многіе дѣла наши насъ зашли. И какъ наши дѣла поминовалися и мы послали къ брату своему гоньца своего Ивана Бибикова и братъ нашъ не вѣдаю какимъ обычаемъ гоньца нашего задержалъ съ три мѣсяцы, къ намъ не отпустилъ и прислалъ его къ намъ къ билину (?) дню а съ нимъ отписалъ коротко, што къ намъ братъ насъ присылаетъ своихъ пословъ мѣсяца октебра 1 дня съ Покрова светое Богородицы, а про то дѣло о чемъ Михаила Гарабурду къ намъ присылалъ какъ бы на сторону откладывая у волокиту. *А пословъ своихъ на дальніе роки откладывая у волокиту* (?), а какъ гонецъ нашъ Иванъ Бибиковъ къ намъ пріѣхалъ и намъ тотъ часъ въ борзѣ учинилосе увѣдоми, што Божья воля стала ся, брата нашого Жикгимонта-Августа короля въ животѣ не стало и послѣ того въ сентебри мѣсяцы прислали къ намъ Рады коруны Польское и Великого Княжства Литовского ты, Францышокъ Красиньскій бискупъ краковскій, подканцлеры коруны Польское, Валеріанъ бискупъ виленскій, Миколай Юрьевичъ Радзивилъ воевода виленьскій, канцлеръ Великого Княжества Литовского, староста лидскій и мозырьскій, державца борисовскій, Стефанъ Андреевичъ Збаражскій воевода троцкій, Остафей Богдановичъ Воловичъ кашталянъ троцкій, подканцлерый Великого Княжства Литовского, староста берестейскій и кобринскій, Янъ Еронимовичъ Ходкевичъ староста жомойстскій, маршалокъ земскій Великого Княжства Литовского, староста ковенскій, державца плотельскій и тельшовскій, Ѳедора Зенькова Воропая съ грамотою, а въ грамотѣ своей къ намъ писали, извѣщаючи о Государи своемъ о преставленіи и жалуючи о томъ, а насъ яко Государя

хрестіанского просечи на то, штобъ мы на кровь хрестіанскую не стояли, ани прагнули и по всѣмъ бы пограничнымъ мѣстомъ росказати велѣли до перемирного року светого Петра и Павла войны невсчинати и задоровъ никакихъ чинити не велѣли, а на ваши бы послы дати свою опасную грамоту въ доброй змовѣ. И мы какъ естъ господари хрестіанскіе жалуючи о хрестіанствѣ и не радуючисе о незгодахъ хрестіанскихъ, о брата своего смерти поскорбили, занеже тѣмъ преставленіемъ брата нашего многія дѣла къ добру хрестіанскому порушилися и для покою хрестіанского склонность и прихильность учинили есьмо хрестіанству, опустивши свою Государскую честь и прибытокъ въ такую вашу незгоду для хрестіанского обычая не склонилисе есьмо мечемъ и воинскимъ обычаемъ на вашу землю и вашего гоньца Ѳедора Зенькова Воропая приняли есьмо, какъ пріймаютъ отъ брати своее гоньцовъ и, выслухавши милостиве, къ паномъ Радомъ отпустили есьмо и на послы свою опасную грамоту послали есьмо и чаяли есьмо отъ пановъ Радъ Коруны Польское и отъ Великого Княжства Литовского наскоро пословъ. Ино къ намъ во всю зиму послы не бывали, а преже того послали есьмо къ брату своему гоньца своего Василія Васильевича сына Малыгина, штобъ доброе дѣло ранѣе дѣялосе, а тые вжо намъ вѣсти носилися, што брата нашого не стало и мы для покою хрестіанского наказъ Василью дали и велѣли есьмо своему гоньцу и къ паномъ Радомъ ити и грамоту свою къ нимъ особную послали и опасную грамоту къ нимъ послали своимъ гоньцомъ. И паны Рады Великого Княжества Литовского о томъ ничого не сдѣлали, а послѣ того многіе паны и писари Великого Княжства Литовскаго писали къ намъ многіе грамоты баламутные, а просечи того, штобы мы отпустили сына своего царевича Ѳедора на государство, а иные просили рати съ сыномъ нашимъ, а собѣ отъ того просили упоминковъ, соболей и лисицъ, чого ни въ которыхъ государствахъ не ведется, што государю ѣхати безъ договору и мы какъ есть Государи хрестіанскіе на тую баламутню ни на что не смотрѣли есьмо, а искали и хотѣли всего лутчого къ прибытку всего хрестіанства. И послѣ того прислали къ намъ Великого Княжства Литовского Валеріанъ бискупъ виленскій, Миколай Пацъ бискупъ кіевскій, Миколай Юрьевичъ Радзивилъ, княже на Дубинкахъ и Биржахъ, воевода виленскій, канцлеръ Вел. Княж. Лит., староста лидскій и мозырскій, державца борысовскій, Шчефанъ(sic) Андреевичъ Збаражскій воевода троцкій, Остафей Воловичъ панъ

троцкій, подканцлеры В-го Княжства Литовского, староста берестейски и кобрыньскій, Янъ Еронимовичъ Ходкевича кграбя на Шкловѣ и на Мыши, староста жомойтскій, маршалокъ земскій В-го Кн. Лит., староста ковеньскій, державца плотельскій и тельшовскій, Станиславъ Миколаевичъ Пацъ воевода витебскій, державца суражскій, Юрій Василевичъ Тишкевичъ логойскій воевода берестейскій, державца волковыскій, Миколай Яновичъ Тальвойшъ кашталянъ земли Жомойское, Юрій Миколаевичъ Зеновичъ державца лепельскій, Григорей Воловичъ, кашталянъ новгородскій, староста слонимскій, Павелъ Пацъ кашталянъ витебскій, Миколай Нарушевичъ подскарби земскій В. Кн. Лит., державца марковскій, ушпольскій, пенянскій и мядельскій, Миколай Крыштофъ Радзивилъ княже на Олыцѣ и Несвижу, маршалокъ дворный Великого Кн. Лит., Янъ Станиславовичъ Кишка крайчи В. Кн. Лит. и иные Панове Рада писаря до рады присяглого Михаила Гарабурду, просечи насъ на государство, штобъ мы волю свою и хотѣніе изъявили, какъ намъ быти на Корунѣ Польской и на Великомъ Княжствѣ Литовскомъ. Ино мы какъ естъ Государи Хрестіанскіе всю свою волю и хотѣніе изъявили и приказали зъ Михаиломъ Гарабурдою о всемъ переговоря сами изъ своихъ Царскихъ устъ какъ своими прирожоными людьми, какъ намъ быти на Корунѣ Польской и на Великомъ Княжствѣ Литовскомъ Государемъ и вашихъ правъ и поведеней ничимъ ненарушили. А посломъ было быти у насъ на тройцынъ день и мы конечне на Петрово заговейна (?). И нынѣ вы прислали къ намъ коруны Польское и Великого Княжства Литовскаго Панове Рада гоньцовъ своихъ Андрея Тарановского да Ѳедора Зенькова съ грамотою и што въ грамотѣ своей къ намъ писали есте и мы тому вельми удивляемся, што какое дѣло великое вы панове Рада чеснѣйши и старши опустивши, а о малыхъ и пограничныхъ дѣлѣхъ почали писати, што въ Трейданьскомъ городку нашое отчины Лифлянтское земли вашимъ людемъ отъ нашихъ людей обиды учинилиси, также и припоминаючи, што съ Михаиломъ Гарабурдою о томъ всказано, а то было можно и пограничнымъ державцомъ росправити, мы тогды-жъ писали о томъ бояромъ и воеводомъ и всимъ пограничнымъ державцомъ, а велѣли во всихъ пограничныхъ мѣстѣхъ зыскиваючи въ обидныхъ дѣлѣхъ оправы чинити. И также и потому удивляемся, просивши насъ на государство, да такъ скоро съ нами и необослався, што обираете собѣ государа на государство. Объявляете намъ, што есте обрали собѣ на государ-

ство князя Андрыха Андыкгавеньского, Борбоньского и Альвенерского зъ роду великихъ и зъ давныхъ государей французского королевства и опасное есте грамоты на государа своего пословъ просили и покамѣстъ король Ендрихъ, пришедъ на ваше государство, съ нами не обошлется и намъ на королевы послы безыменно, не обослався съ вашимъ Государемъ, опасное грамоты давати не пригоже. А гоньца есьмо вашого Андрея Тарановскаго велѣли роспросити околничему своему и намѣстнику Межигородскому (sic) Василію Ивановичу Умного(sic) Колычову да ближнее думы дворянину своему князю Борису Давыдовичу Тулукову стародубскому, намѣстнику старорускому, да дьякомъ своимъ Андрею да Василію Щелкановымъ, которымъ обычаемъ такъ учинилося, што присылали къ намъ и просили насъ на государство, а вы нынѣ прислали съ тымъ, што есте обрали собѣ на государство князя Ендрыха. И гонецъ вашъ Андрей Тарановскій околичному (sic) нашому Василію Ивановичу Умного (sic) Колычову съ товарищи объявилъ, што у васъ обычай ведется, какъ нестанетъ которого Господара, ино посылаютъ въ то государство изъ многихъ государствъ пословъ и гоньцовъ о государствѣ, а у насъ потому же вычаели пословъ или гоньцовъ. А хотѣли есте нашого государства, а ждали недѣль съ шесть, ино потому продлилося, што во всихъ государствахъ ведется, въ которомъ государствѣ государство обновится и съ того государства посылаютъ по всимъ государствамъ. А се и потому не послали есьмо посла или посланника, што коруны Польское ты Францышокъ Красиньскій бискупъ краковскій, а изъ Великаго Княжства Литовского панове Рада Миколай Пацъ бискупъ кіевскій, Миколай Юрьевичъ Радзивилъ княже на Дубинкахъ и Биржахъ, воевода виленьскій, канцлеръ В-го К. Лит. старосталидскій, мозырскій, державца борисовскій, Щефанъ (sic) Андреевичъ Збаражскій воевода троцкій, Остафей Воловичъ панъ троцкій, подканцлеры В-го К-а Лит. староста берестейскій и кобринскій, Янъ Еронимовичъ Ходкевича кграбя на Шкловѣ и на Мыши староста жомойтскій, маршалокъ земскій В. Кн. Лит., староста ковеньскій, державца плотельскій и тельшовскій, присылали къ намъ гоньца своего Ѳедора Воропая и на послы свою опасную грамоту съ Ѳедоромъ Воропаемъ послали есьмо, да и потому, што Михаилъ Гарабурда къ намъ пріѣзжалъ о томъ же дѣлѣ и мы чаяли потому ужо большое дѣло свершится и вы бы о томъ насъ для того неподивили, што отъ насъ пословъ не было къ вамъ за тыми причинами, што чаяли вжо дѣлу совершенія, а такое воло-

киты не чаяли есьмо. Да тотъ же гонецъ Андрей сказывалъ, што у васъ улажено до светого Мартина Королевичу Андрыху быти у васъ, а только къ тому сроку онъ не поспѣетъ, ино вамъ искати иного государа собѣ, а безъ государа вамъ быти нельзя долгое время. И вы бы похотѣли нашого государства, а мы какъ естъ государи хрестіанскіе того хотимъ, штобъ ку збавленію и высвобоженію отъ безсурменъ всего хрестіанства къ покою и къ прибытку и посылаемъ къ вамъ ближнего своего дворянина и намѣстника Иванегородскаго Михаила Васильевича Колычова да дьяка Петра Ерша Михайлова, а съ ними накажемъ вамъ росказати, на чомъ Михайло Гарабурда къ намъ пріѣзжалъ и што мы съ Михайломъ приказали, какъ намъ быти на Корунѣ Польской и на Великомъ Княжствѣ Литовскомъ, што наша воля. А нынѣ посылаемъ къ вамъ гоньца своего вскорѣ послѣ вашихъ гоньцовъ и свою опасную грамоту на ваши послы Коруны Польское и Великого Княжства Литовского послали есьмо. А какъ будетъ у васъ нашъ гонецъ и выбы на наши посланники съ нашимъ гоньцомъ прислали свою опасную грамоту одностайне Коруны Польское и Великого Княжства Литовского, штобы нашимъ посланникомъ пріѣхати и отъѣхати добровольне безъ всякого задержанія со всими ихъ маетностями, а будетъ у васъ и вашъ бы Государъ тогды нашихъ посланниковъ потому-жъ отпустити велѣть не задержалъ. А мы нынѣ для покою хрестіанского уложили держати перемиріе отъ успеньева дня пречистое Богородицы п. в., а до тыхъ мѣстъ и за срокъ, покамѣстъ послы и посланники межи насъ доброе дѣло постановятъ, и по всѣмъ граничнымъ мѣстомъ бояромъ, воеводамъ и головамъ заказали есьмо войною входити не велѣли, и зацѣпокъ и задоровъ чинити не велѣли до того сроку и за срокъ, покамѣстъ межи нами послы и посланники сходятъ и межи насъ зсылки будутъ и доброе дѣло постановятъ на покой всего хрестіанства и вы-бъ потому-жъ заказали и закрѣпили по всимъ пограничнымъ мѣстомъ до того сроку и за срокъ задоровъ и зацѣпокъ чинити не велѣли, до коихъ мѣстъ доброе дѣло постановятъ. А будетъ и король у васъ будетъ и королю съ нами обослатися, а войны и рати не обослався межи себѣ намъ до того сроку и за срокъ не вчинати и задоровъ не чинити на обѣ сторонѣ, а своего гоньца къ вамъ посылаемъ вборзѣ и опасную свою грамоту на ваши послы съ нимъ посылаемъ и вы бы съѣхався посполито Панове Рада Коруны Польское и Великого Княжства Литовского къ намъ нашого гоньца не задериваючи

отпустили и къ намъ о всемъ отписали, а на наши посланники съ нашимъ гоньцомъ листъ опасный прислали на скоро, штобъ нашимъ посланникомъ пріѣхати и отъѣхати добровольно, штобъ въ томъ мѣшканія не было, а наши посланники ждутъ опасное грамоты съ нашимъ гоньцомъ въ Полоцку. А вашого есьмо гоньца Андрея Тарановского съ сею своею грамотою къ вамъ воскорѣ не задерживаючи отпустили —Писанъ Государства нашого отчины Великаго Новагорода лѣта отъ созданія міру 7,081. Іюля 15 дня Индикта 1. Государства нашого 39, а Царствъ нашихъ Россійскаго 26, Казанского 21, Астраханского 18.

Копія письма Іоанна къ литовскимъ вельможамъ.

Начало такое же, какъ и въ первомъ письмѣ, а потому пропущено. (Изъ Несвижскаго архива князей Радзивилловъ. Teka I, 62b).

. . . . . и мы тое грамоты выслухавши, подивилисе есьмо таковому неуставичному дѣлу, што вы панове честѣйшіе и старшіе такъ учинили, приведши къ таковому великому дѣлу совершенію и вывѣдавши у насъ всякое таемное дѣло наше. А мы по вѣрѣ вашое присылки по хрестіанскому обычаю безъ всякого лукавства, што есте всѣ большіе люди, старшіе присылали ближнее думы до рады присяглого писара Михаила Гарабурды и мы потому съ нимъ и говорили милосно, безъ лукавства по своему хрестіанскому обычаю, какъ съ своимъ съ вѣрнымъ прирожонымъ и волю свою и хотѣніе объявили, какъ намъ быти на государствѣ на корунѣ Польской и на Великомъ Княжствѣ Литовскомъ, и вывѣдавши нашу тайную мысль, наши дѣла тайныя нашимъ недружьемъ во всю землю извѣщаете, а хрестіанского дѣла и покою хрестіанскому не дѣлаете И мы тому удивляемся, которымъ обычаемъ королевича французского полюбили собѣ на государства мимо нашего государства, какъ бы на розлитіе крови всего хрестіанства, занеже французскій по турсково солтана присылцѣ будетъ, съ нимъ во дружье и въ послушаніе къ французскому будучи у васъ на государствѣ по турсково солтана велѣнію быти съ нами и съ цесаремъ въ недружье и то всему Хрестіанству будетъ по многому кровопролитію и вы-бъ, панове, попаметовавши на свое хрестіанство и наводцы на зло хрестіанское не были и того доброго дѣла, што къ покою и къ пожитку всего Хрестіанства, не опустили и о то постаралисе, штобы тое доброе дѣло къ покою и пожитку всего Хрестіанства свершилося. А какъ у васъ нашому государству

быти и мы тому подлинно письмо дали Михаилу Гарабурдѣ и што будетъ вамъ въ томъ письмѣ супротивно, ино на то послы да розговорятъ. А мы нынѣ на то на все шлемъ къ вамъ, къ обѣма Радамъ коруны Польское и Великого Княжства Литовского посланниковъ своихъ ближнего своего дворянина Михаила Васильевича Колычова, намѣстника Ивангородскаго, да дьяка Петра Ерша Михайлова о томъ, о всемъ вамъ изъявити и вы бы, панове, сослався съ паны Радами короны Польское прислали къ намъ на посланники наши опасную грамоту пріѣхати нашимъ посланникомъ и отъѣхати къ паномъ Радамъ короны Польское и Великого Княжства Литовского добровольно со всими ихъ маетностями безъ всякого задержанія, добровольне. А што есте писали къ намъ о перемирномъ часѣ, о границахъ и мы какъ есть государи хрестіанскіе для покою хрестіанского уложили есьмо перемиріе держати отъ успеньева дня пречистое Богородицы на годъ лѣта 7,081 отъ (sic) успеніева дня пречистое Богородицы на годъ лѣта 7,082, а за тотъ срокъ, покамѣсто межи насъ послы доброе дѣло постановятъ и по всѣмъ пограничнымъ мѣстомъ бояромъ, воеводамъ и головамъ и заказали есьмо войною за рубежъ по всимъ пограничнымъ мѣстомъ не ходити, задору и зацѣпокъ не чинити, а вы-бъ потомужъ пограничнымъ мѣстомъ велѣли заказати и закрѣпити, штобъ обидъ и задоровъ по всѣмъ пограничнымъ мѣстомъ чинити не велѣли до того сроку и за срокъ, покамѣсто межи насъ послы доброе дѣло постановятъ. А што есьте писали къ намъ опасное грамоты на послы великіе и мы посылаемъ къ вамъ гоньца своего Семейку Григорьева, сына Бутикова и съ нимъ къ вамъ грамоту опасную на великіе послы коруны Польское и Великого Княжства Литовского послали и вы-бъ съѣхався, гдѣ пригожо, короны Польское и Великого Княжства Литовского панове Рада ранѣе, штобъ тому доброму дѣлу волокиты не было и гоньца нашого Семейку Бутикова къ намъ отпустили незадержавъ. И на наши посланники посполиты пановъ Радъ коруны Польское и Великого Княжства Литовскаго свою опасную грамоту съ нашимъ гоньцомъ Семейкою къ намъ прислали, а вашего есьмо гоньца Ѳедора Зенькова отпустили къ вамъ не задержавъ безъ всякого задержанія и грамоту свою съ нимъ послали. Писанъ государства нашего отчины Великаго Новагорода лѣта отъ созданія миру 7,081 (1573) іюля 15. Индикта 1. Государства нашого 39, а Царствъ нашихъ Россійского 26, Казанского 21, Астраханского 18.

II.

Въ Книгѣ польскихъ посольствъ (№ 2, стр. 300—304, московскій арх. мин. иностр. дѣлъ) такъ описывается пребываніе Воропая въ Москвѣ.

Лѣта 7080 г. пріѣзжалъ къ царю и великому князю Ивану Васильевичу всея Русіи короны польское и великого княжества Литовскаго отъ пановъ рады отъ Франциска Красинскаго, бискупа краковскаго, да отъ Велирцыіана, бискупа виленскаго, да отъ воеводы виленскаго отъ Миколая Юріевича Радивила, отъ Стефана Збаражскаго, воеводы троцскаго, отъ Остафѣя Волова каштеляна троцкаго, отъ Яна Еронимова старосты жомойтскаго, гонецъ Федоръ Зенковъ съ грамотами. А Государь въ тѣ поры былъ въ столицѣ, а въ грамотахъ паны рады писали о томъ, што Государь ихъ Жигимонта короля не стало и Государь бы на незгоду ихъ не стоялъ и ко всѣмъ бы панствамъ и землямъ государя ихъ держалъ миръ по своей перемирной грамотѣ а войны не подносилъ и рати не всчиналъ и въ землю въ ифлянскую вступатися и воевать не велѣлъ до перемирного сроку и листъ свой опасный на большіе послы ихъ до нихъ черезъ посланца ихъ послати рачилъ и до коихъ мѣстъ послы будутъ и до тѣхъ бы мѣстъ съ обѣ стороны миръ и покой держати. А правилъ гонецъ отъ пановъ радъ Государю челобитье, да привезъ къ Онтонію митрополиту, да ко князю Юрію Такмакову грамоту, а писали Юрія бояриномъ и намѣстникомъ и воеводою московскимъ и Государь царь и великій князь литовскаго гонца отпустилъ, а послалъ съ нимъ къ панамъ радамъ грамоту. А въ грамотѣ писано, што Государь о смерти Жигимонта короля веліе жалоствуетъ, да о томъ, што бесерманская рука высится а хрестіанская рука ущипокъ примаетъ а государи крестіянскіе изводятся и оскудѣваютъ, а бесерманскіе государи размножаются; а государь жалѣючи незгоды хрестіянскіе и видечи ихъ склонностъ для покою христіанскаго хочетъ додержати мирное постановенье по перемирнымъ грамотамъ до тѣхъ мѣстъ, какъ послы ихъ у Государя будутъ и договоръ учинятъ и намѣстникамъ и воеводамъ по городамъ заказать велѣлъ, штобъ ни въ чемъ не задирали и ратей и войны не вчинали и городовъ и земель не засѣдали и новыхъ городовъ не ставили и о всемъ бы были покойно по перемирнымъ грамотамъ, доколѣ послы ихъ у государя будутъ;

а онибъ потомужъ во всѣхъ городѣхъ воеводамъ и намѣстникомъ и державцомъ и справцомъ заказали. А што писали къ лифляндской земли, штобъ въ нее не вступатися и воевати не велѣти и о томъ прежде того присылалъ къ Государю Государь ихъ Жигимонтъ король Михайла Галабурда (sic!), просячи о Государевѣ отчинѣ, о полоцкіе и о всемъ повѣтѣ полоцкомъ, а Государю поступаючи лифлянскіе земли и Государь на томъ велѣлъ приговорить, што тому дѣлу такъ межъ Государей ихъ быть; а нынѣ и съ ними по тому же хочетъ и потому не возможно статися, што Государь своей отчины Лифлянской земли не очищати; а вѣдь многіе городы лифлянскіе за свѣйскими и отъ свѣйскаго безъ престани многіе грубости Государю и того Государю терпѣть не возможно, а литовскіе вѣдь люди тамъ живутъ. Притомъ же и онибъ паны рады похотѣли покою крестьянству такимъ невеликимъ дѣломъ Государя потѣшили на приговоръ Государя своего утвердили какъ прежде того Государь ихъ тое государство вотчины хотѣлъ Государю поступитеся, а лифлянскую землю покою крестьянскаго и избавы отъ бесерманъ не нарушивалъ и пословъ бы своихъ прислалъ не мѣшкаючи да и опасную грамоту на послы ихъ Государь съ гонцомъ ихъ послалъ а титло въ обѣихъ грамотахъ писано по прежнему съ полоцкимъ и смоленскимъ и лифлянскимъ; да прибавлено въ титлѣ передъ прежнимъ самодержавецъ. А послѣ того былъ посланникъ на государевѣ дворѣ у бояръ у князя Ивана Ѳедоровича у Мстилавскаго, да у Михаила у Яковлевича Морозова, да у Никиты Романовича Юрьева и бояре посланнику говорили, што митрополитъ Антоней правитъ на Москвѣ свой святительской престолъ, а князь Юрей въ отъѣздѣ а пишутъ князя Юрія паны рады бояриномъ и намѣстникомъ и воеводою московскимъ не гораздо и князь Юрій у Государя не боринъ и не намѣстникъ воевода. Да послали къ панамъ радамъ грамоту о томъ же, што и въ государевѣ грамотѣ писано, да приказали съ нимъ къ панамъ радамъ поклонъ. А былъ гонецъ у государя трижды, а на пріѣздѣ ѣлъ у Государя, а столъ былъ у Государя въ столовой избѣ, а сидѣлъ гонецъ на окольничемъ мѣстѣ, а подача ему была послѣ большихъ дворянъ. А послѣ стола ѣздилъ его подчивать на подворье съ меды Михайло Темиревъ; а стола дождался гонецъ на пріѣзжемъ дворѣ; а являлъ посланника дьякъ Василій Щелкаловъ, а дары являлъ печатникъ Романъ Ольферьевъ, а пріѣзжая гонецъ къ Государю ссадился въ городовыхъ воротѣхъ, а напередъ себе

Государь велѣлъ распрашивать его дьяку Василію Щелкалову, для чего гонецъ ѣздилъ и отъ кого, а послѣ того какъ гонецъ былъ у Государя разспрашивалъ его о королевѣ смерти и о всякихъ дѣлъ Малюта Скуратовъ, дьяки Василій Щелкаловъ, Афанасій Демьяновъ а приставъ у него былъ въ дорогѣ и на Москвѣ Михайло Темиревъ.

А какъ Государь посланника отпустилъ и посланникъ билъ челомъ, штобъ ему позволилъ послать напередъ человѣка и Государь его пожаловалъ человѣка велѣлъ отпустити и кормъ дати. А людей было съ посланникомъ сорокъ человѣкъ да шестьдесятъ лошадей.

III.

Письмо Тарановскаго.

Tak jako była wola i rozkazanie wszytkiego Senatu Korony Polskiej także i wielkiego księstwa litewskiego, żebym do wielkiego kniazia moskiewskiego jachał, starając się o to, abym go mógł zadzierzeć, a przymierze wziąć do jakiegokolwiek czasu pewnego, abyśmy w pokoju od nich byli aż do przyjachania króla przyszłego Pana naszego. A mianowicie to miał rozkazanie żebych czas przymierza do świętego Marcina postanowił, a nie mogło li być, tedy do św. Michała. A tak za łaską Bożą i za przyczynieniem jego świętem, tedym tego okrutnego Hospodara ukrócił i powieścią swą uśmierzył tak, że za bożą pomocą wziąłem przymierze na cały rok, od Panny Maryjej Zielnej aż do drugiej Panny Maryjej Zielnej in Anno 74. A wszakoż musiałem się z nim chytrymi powieściami obchodzić; jako ono mówią, czegom nie mógł lwią skórą oprawić, tedym musiał lisią nadstawić, widząc też naszą ukrainną szlachtę tak życzliwą temu Hospodarowi Moskiewskiemu, żeby go woleli mieć za Pana niżli królewicza francuskiego ci, którzy blisko jego granic mieszkają. Także i zamki pograniczne tak są barzo źle opatrzone, że ludzi pieszych zgoła nie mają. Dział mało i konnych ludzi barzo mało. A tak mając ja nieboszczyka Króla Pana naszego zmarłego przed oczyma, który był zwykł mawiać: nieprzyjaciela oszukać nie tylko jest rzecz słuszna, uczciwa, ale pożyteczna Rzeczy Pospolitej. A tak W. M. racz wiedzieć mój Mciwy Pan, że skorośmy zagranicę zajechali 19 Junii, tedy nas z uczciwością przejęto i wyjechał przeciw nam Piotr Weriga, wojewoda wieliski, który nas aż do Hospodara prowadził i ten się od nas wszystkiego

wywiadował, z czem byśmy jachali, ale się od nas nic wywiedzieć nie mógł inszego jeno to, że jedziem dla dobra R. P. i dla pokoju i dla tego, co było sławnego i pożytecznego Hospodaru JM. Także i od sług naszych, abowiem myśmy sługom naszym dobrą informacyą byli dali, gdzieby ich o co pytano, co za respons mieli dawać. A na drodze jadąc, tedym tego wojewodę czcił i wenerował, jakom nawięcej mógł, tak że zawsze był ze mnie kontent i tom mu też zawzdy przekładał jako nasze krainy są życzliwe Hospodaru Jego Mości, jako ziemia Ruska, Podlaska, Wołyńska, Mazowiecka i większa część księstwa Litew. A tak ja będąc obywatelem ruskich krain, życzyłbych sobie tego, żebych się czym Hospodarowi JM. przysłużyć mógł. Ten wojewoda usłyszawszy to odemnie, zaraz o tem Hospodarowi JM. dał znać. Abowiem że jeszcze tej nadzieje byli żebyśmy dla tego do niego jachali, żeby się na Państwo Polskie gotował. A gdy już od Hospodara do nas wieść przyszła od tego wojewody i też że Hospodar wyrozumiał z listu tego wojewody, że się od nas nic pewnego wywiedzieć nie mógł, tedy zaraz drugiemu przystawowi Dworzaninowi swemu Fiedoru Elczaninu przeciwko nam wyjechać kazał. Tedy nam od Hospodara wielką łaskę obiecował i powiadał jako wdzięczen tego jest, że do niego jedziemy.

A tak też variis Conditionibus od nas się z wielką pilnością wywiadował, z czem abyśmy do Hospodara jachali. Także i miody rozmaitymi nas częstował, żeby popianu mógł od nas wyrozumieć, ale się też nic więcej nie dowiedział jako i pierwszy, jedno verba formalia byli zalecanki jako wielką chęć mam przeciwko Hospodarowi JM. A tak i ten o tem do Hospodara znać dał, że się od nas więcej wywiedzieć nie mógł, jedno jako i ten pierwszy; jedno tośmy jemu przedsię powiedzieli, że nam prędko trzeba u Hospodara być, bo jedziemy z rzeczami pilnymi i bardzo potrzebnymi Hospodaru JMości. A tak ten przystaw z tem, co od nas słyszał, do Hospodara nie mieszkając posłał. A tak Hospodar wyrozumiał z listu tego dworzanina swego a przystawa naszego, że też nic się nie dowiedział ten przystaw, jako i pierwszy. Tedy zasię kilka dni trzeciego dworzanina Andrzeja Klessnina, który dosyć świetno złotogłowno przeciwko nam wyjachał i koni tureckich kilka na powodzie miał prawie dobrze ubranych. Także miodów rozmaitych z sobą przywiózł dobrych i mocnych od Hospodara dla tego, żeby nas upoili, iż jeśliby się czego po trzeźwu nie dowiedział, tedy po pianu. Ale im ich praktyki nie szli. Także się wiele wywiedział jako i drudzy, jeno się tego wywiedział odemnie, że posłowie wielcy pójdą

za nami, będzie li to wola Hospodarska dla dobrego i sławnego Hospodara JM. A jam się mu tak zalecał in secreto strzegąc się rękoma Collegi swego Posłańca Panów Litewskich i opowiedziałem to, że jestem tak życzliwym Hospodaru JM. za tę chęć, którą nam w swej ziemi pokazować raczy, że ja wielkie rzeczy i tajemne sam Hospodarowi JM. powiem i czego w liście nie dołożono, tedy się odemnie wszystkiego Hospodar wywie. A tak ten dworzanin z tym zaraz do Hospodara wskok posłał. Potem zaś rychło od Hospodara Respons, abyśmy spieszniej do Hospodara jachali do Wielkiego Nowogrodu. Tam nas z uczciwością przyjęto i tam poselstwa nas słuchał i list od nas przyjął wdzięcznie i potem sam na zdrowie Panów Koronnych także i Wielkiego Ks. Lit. pytał także i od nas się wywiadował, jeśliśmy się na wszystkiem mieli dobrze w drodze. Tamże oddaliśmy mu upominki, a potym nas sam ustnie na obiad prosił. Ale jako skoro list przeczytał, a z listu wyrozumiał, że już inszego Pana obrano, tedy jakoby mu psy obiad zjedli— już mu dobra myśl była upadła. A wszakoż przy stole siedząc nic tego nie pokazował, jakoby tego żałować miał, i owszem mnie potrawy swe przez Krajczego swego posyłał ręką swą podając, także i chleb i picie. A gdyśmy od stołu wstali, do siebie mnie zawołał i czaszę miodu wielką srebrną z rąk swych dał i wypić kazał. Potem do Gospody nas z uczciwością odprowadzić kazał i tegoż dnia kilka dworzan do mej Gospody przysłał i kilkanaście rozmaitego miodu i mnie i sługi swoje hojnie częstować kazał. Potym zaś nazajutrz do mnie przysłał mego przystawa opowiadając mi, abych drugiego dnia u niego był i tak jako w drodze powiedział wszystko, powiedzieć coby Hospodar potrzebował i dla tego cię do siebie weźmie, żeby się od ciebie wszystkiego dowiedział. Com ja zaś do niego wskazał że ja wszystko co będę wiedział i tajemnie Hospodarowi JM. opowiem. A tak 12 Juli w niedzielę po św. mszy do siebie mnie wezwał i tam zasię odemnie wszystkiego wywiadował, dla czego jego za Pana nie obrano, dla czego Królewicza Francuskiego obrali, za jakimi condiciami, i dla czego Cesarskiego syna nie obrano i jeśli Haraburda na tej Elekcyi był i od niego co sprawował i dla czego jego listy przejmowano, co do niego Panowie Lit. pisali i dla czego syna jego za Pana nie obrano i dla czego Połoswie wielcy idą. Ja tam przyjachawszy do jego dworu niedaleko jego izby, mnie tam wprowadzono i tam mnie o to pytano com wyżej namienił przez cztyrech Panów swych naprzedniejszych Naymie (sic), Wasil Jwanowicz, Hunmaj (sic), kniaź Borysław

Dawidowicz Tolupow, Andrzej i Wasil Jakowlewicze Szolkalowie, rodzeni bracia pieczętarze Hospodarscy, wielki i mały; tedy przez te Pany radne tenem Respons dał mu. Dla tego JM. Panowie Hospodara za Pana nie obrali, iż JM. Posłów swych do Panów Koronnych i W. Ks. Lit. nie posłał i wszyscyśmy to z żałością wielką używali i prawieśmy za karę Bożą nad sobą rozumieli. Iż Pan Bóg Hospodarowi serce nie zmiękczył, że się nie starał o naszę koronę Polską i W. Ks. Lit. i zupełnie sześć niedziel w Warszawieśmy leżeli polem, aniżli poczęli Pana obierać, nie dla czego inszego, jedno oczekiwając na posły Hospodarskie. Abowiem była ta sława, że poseł wielki jego do nas idzie, a tak że się tak długo doczekać nie mogli.

Tedy Panowie Koronni i W. Ks. Lit. także i rycerstwo wszystko wyprawili dwu komorników na podwodzie, którzy jachali jeden ku Witebsku, drugi ku Połocku, do naszych ukrainnych Wojewod i starost, dowiadując się o pośle Moskiewskim, jeśli do nas idzie albo nie, a gdy oni dali sprawę, że o nich ani słyszeć, ani wiedzieć, żeby posłowie Hospodarscy jachać mieli, jako oni komornicy zaś nazad do nas się wrócili i wszystko rycerstwo o tym się dowiedziało, że posła nie posyła Hospodar, tedy dopiero poczęli Pana obierać i choćby byli chcieli dłużej czekać na posły Hospodarskie, tedy żywności dostać nie mogli za pieniądze. Abowiem było wojsko barzo wielkie przez sto tysięcy osób samych, tak że wkoło dziesięć mil wojsko leżało, tak że ani siana, ani trawy, ani słomy, ani owsa koniom dostać nie mogli po wsiach. A tak my w tym nic nie winni, jedno sam Hospodar, bo sam jakoby prawie tego państwa nie chciał. Boby się był jego poseł namniejszy ukazał, tedy by był Panem został Hospodar JM. A tak dla tej przyczynyśmy obrali Królewicza Francuskiego, że nam prawa i wolności nasze poprzysiągł i to też że każdego przy swej religiej zostawił i to żeby przeciwko każdemu sąsiadowi swemu bez przyczyny walki podnieść nie miał. I tą Conditią obrali, że jeśli na Św. Marcin nie przyjedzie morzem, tak jako się obligował, tedy wolno już nam będzie inszego Pana obrać. Boby nam tak długo mieszkać przez Pana źle. Iżeśmy cesarskiego syna za Pana nie obrali, tedy ta przyczyna, iż jest Pan młody, wieku swego nie ma tylko ośm lat. A tak nam nie potrzeba dziecięcia Pana, jedno takiego Pana potrzebujem, który by umiał nami, wszystką naszą Rz. Posp. mądrze rządzić i sprawować. A teżeśmy pewną wiadomość mieli, że jest obran na Królestwo Czeskie, bo tego się obawiając przeszłej przygody, któ-

rąśmy mieli niedawnego wieku naszego, żeśmy mieli króla węgierskiego Władzisławia Królem Polskim, który więcej w Węgrzech mieszkał niźli w Polsce, a takośmy sprawiedliwości nie mieli przez ten czas, jako on królował, wielkie roztyrki w ziemi byli. Kto dłuższy, ten lepszy, dla tego że sprawiedliwości nie było, a tak dla tej przyczynyśmy go za Pana nie obrali. Iżeśmy Syna Hospodarskiego Chwiedora za Pana nie obrali, tedy iżeśmy wiedzieli o tem, że Pan w leciech młody i niedorosły, tedy nie wiemy jeśli żeby bez jakiego szczęścia był wieka swego jako Hospodar JGM., ani też pisma naszego nie umie, ani też tych lat niema coby nami rządzić mógł, ale kiedy się Panowie polscy dowiedzieli o tem, że Panowie litewscy posłali, prosząc o syna Jego Chwiedora, tedy zaraz wyprawili na Ukrainę, aby te listy byli przejęte dla tego, że oni nie chcieli na ten czas mieć tak Pana młodego, bo woleli byli Hospodara Jego M. samego dla tego, iż wiemy, jakim szczęściem Bóg Hospodara JM. obdarzyć raczył i jakie mu zwycięstwo nad pogany dawa i nad wszystkimi nieprzyjaciółmi swymi. A tak według naszej przepowiedzi lepsze chwała Bogu niźli dali Bóg i dla tego oczekiwali na Posła Hospodarskiego, tak jako też inszy Panowie wszyscy chrześcijańscy przysłali Posły swe na tę Ellectią i tam już byli mieli z posłem Hospodarskim stanowić, że Hospodar JM. miał przyjachać z synem swym Chwiedorem do nas i sam panować miał tak długo, jako wola Boża i jego wola była. A synowi Jego już byli naznaczyli kilka Panów, którzy go mieli uczyć języka Polskiego, Niemieckiego, Włoskiego i Łacińskiego, także i praw i wolności i obyczajów naszych. A tak, gdyby już był w leciech doskonały, tedy jeśliby była wola Boża, a Hospodarska królewstwo jemu spuścić, tedybyśmy go radzi byli za Pana mieli. Co się tycze około Pana Haraburdy, tedy na Ellekcyi nie był albo coby od Hospodara sprawował, tedy nie sprawował i chorobę sobie jakąś zadał, jeno pisanie albo list swój do Panów tak Korony Polskiej jako i Wielk. Ks. Litew. przysłał to, co JM. Hospodar przezeń do Panów koronnych wskazał, aleśmy my temu pismu jego nie wierzyli i tak ludzie wszyscy rozumieli, że on to pismo był sobie zmyślił. Abowiem w tym liście było mianowicie pisano, jakoby Hospodar miał mówić do Haraburdy, że syn mój nie dziewka, ja posagu żadnego po nim nie dam. Wy chcieli żebych Wam Połock, Smoleńsk i Liflandzką ziemię puścił co to można być nie może, ale jeśli zachcecie syna mego Chwiedora mieć za Pana, tedy Kijów do mego Carstwa, do mego tytułu abyście mi puścili. A druga jeśli wam

Chaczewicz (sic) Chwiedor panować będzie, aby wam nie było wolno Pana inszego obierać i innych rzeczy wiele pan Haraburda opowiadał, które byli przeciwko wolnościam i prawam naszym i też było wiele rzeczy, czym byli obrażeni Panowie Korony Polskiej i W. Ks. Lit., których ja na pamięci teraz nie mam. A wszakoż Panowie on spisek wzięli i z pilnością go schować kazali, który czasu swego kiedy posłowie tu będą, tedy z sobą to do Hospodara przyniosą, tedy snadnie to Hospodar JM. będzie raczył wyrozumieć, co sam Hospodar JM. wskazał, a co też Haraburda przyczynił. Co się też dotycze, z czymby Posłowie do Hospodara jachać mieli, dla których posłów mychmy po list glejtowny przyjachali, co będę wiedział, Hospodarowi JM. opowiem. Naprzód że są ludzie wielcy na to naznaczeni, jako JM. Pan wojewoda Sądomirski z Korony Polskiej, a z W. Ks. Lit. wojewoda Trocki i dwoja namowa i odprawa jest z tymi Pany, którzy to jachać mają. Insze poselstwo będzie jeśli Królewicz Francuski do nas na św. Marcin nie przejedzie, a insze poselstwo sprawować będą, jeśliby rychło Pan Bóg nam raczył Króla naznaczonego do ziemi naszej przyprowadzić, że przed św. Marcinem u nas będzie. Pierwsze Poselstwo jest, jeśliby Król na czas naznaczony nie był u nas, tedy my, widząc nieprzezpieczne przejazdy Pana naszego, naznaczonego do ziemi naszej, jako dla morza, tak też i prze dalekość i nieprzespieczny przejazd przez ziemię Niemiecką i insze po stronie (sic) Królewstwa. Tedyśmy sobie tę Condicią z posły Króla francuskiego zostawili, jeśliby przed zimą nie był, żeby nam było wolno za Pana wziąć kogo inszego. A tak ci posłowie, wziąwszy ten scrypt, który Haraburda podał, ukażą Hospodarowi JM. co jest przeciwko prawom i wolnościam naszym. A tak to oni wyrozumiawszy odemnie i naterminowawszy sobie, wszystkie Artykuły to wszystko do Hospodara donieśli. A mnie tam w tej izbie czekać kazali aż się nazad od Hospodara do mnie wrócili. Potym w godzinie do mnie przyszli, dziękując mi od Hospodara za tę chęć, żem to wszystko oznajmił, czego mu wiedzieć było potrzeba. A tak powiedzieli, ze się już Hospodar nic nie kruci, to jest nie gniewa i już gniew swój chował, jeno się puścił, słysząc te przyczyny słuszne i przestojne, dla czego jego za Pana nie obrali i widząc to że się Lachowie z nim prawdziwie obchodzą a Litwa wszystko Bałamuctwem.

Po tem mi poczęli powiadać przyczynę, dla czego posła swego nie posłali, powiadając, że się Haraburda ubezpieczył w tym, że rzeczy Hospodarskie sprawować miał tak, jako mu Hospodar był

zlecił i potym mieli mi powiadać, którym sposobem Hospodar Królem chciał być i co przez Haraburdę wskazał i potym się mię jęli radzić jeśliby temu jeszcze mógł zabieżeć, żeby po Króla francuskiego nie jeździli, chociaż (chcąc?) on to wszystko dzierżeć coby jeno Posłowie Króla francuskiego postanowili i carstwo swoje na wieczne czasy z Koroną Polską zuniować, tak jako się W. Ks. Lit. z Koroną Polską zuniowało. A co się tycze około przymierza, iż są przyczyny słuszne i przystojne, a na dalszy czas już na pół roku pozwala. Potymem i na to odpowiedział, że już posłów naszych, którzy po Króla jadą, zahamować trudno, abowiem już wyjachali do tego czasu. Alebych to radził Hospodarowi JMci, żeby teraz posłał za mną posła swego, obmowę czyniąc przed Pany Koronnymi co przez Haraburdę był wskazał. A może to być, że posłów naszych przez niemiecką ziemię nie przepuszczą. A tak by już było łacniej Panom naszym z posłem Hospodarskim pracować, gdyż teraz będą wszyscy przy mej relacyjej, co oni potym Hospodarowi odnieśli i to, co odemnie słyszeli, to mu opowiedzieli. I zaś potym do mnie przyszli, dziękując mi od Hospodara za poradę i opowiadając mi, że Hospodar bliźnią Dumę swoją, to jest radę przednią, chce posłać do Panów Polskich i Lit. niejakiego Michała Wasilewicza Koliczowa, a drugiego Piotra Jorz (sic) Michaiła Diaka, który list Glejtowny przez nie sam umyślnie do Panów Polskich przyszle. A teraz do Panów Litewskich gońca swego poszle Siemiona Botykowa dla listu Glejtowego na te jego posły, którzy do Polski iść mają. A przed się teraz przez mię list osobny do Panów Polskich posłał, w którym wszystko wypisał, coby przez Haraburdę wskazał, osobny też list posłańcowi litew. do Panów Lit. A ostatek posłowi swemu zleci i wszystkie plenipotencie da, gdzié by już Król nie przyjachał, aby już Panowie Polacy stanowili z tym posłem, którymby sposobem Hospodar JM. im panować miał. Byłoby co więcej do WM. Swego Mciwego Pana pisać, ale to sobie zostawuję do szczęśliwego ujrzenia z WM. mym Mściwym Panem. Tylko WM. oznajmię, że Paulus Magnus, poseł cesarza JM. przyjachał do Moskiewskiego, in Mense Julio, który audientią miał 17 Julii tamże u Hospodara na czci był, który z tym przyjachał, opowiadając, ze Polacy obrali za Pana Królewicza Francuskiego, Pana młodego, we 23 lat, mężnego i walecznego, który ma Galer, okrętów i naw wszelakich 300. I też że ma kilka tysięcy Gaskonów na nich mężnych. A tak, żeby się miał na pieczy, żeby Polacy jakiego fortelu nad nim nie używali i opowiadając mu też to, że się zawżdy z nim porozumiewał i nic

nie wątpił u Jego serdecznej a dobrej przyjaźni i opowiadając to, że trudno przyjachać ma Królewicz francuski Pan nasz przez Duńską ziemię. I też zapewne od nich wskazał, że go Gdańszczanie w port wpuścić nie mają i rozkazał do niego przez tego posła, żeby posła swego Moskiewski do Cesarza posłał, z którymby rzeczy potrzebne tak Cesarzowi jako i Kniaziu Moskiewskiemu stanowić mógł. Też Moskiewski posyła wskok posła swego do Króla Duńskiego morzem z wielkim upominkiem, żeby Króla Pana naszego przez Sund albo przez ziemię swą nie przepuścił i obiecując Liflancką ziemię wszystkę Magnusowi oddać i co by jeszcze kto dzierżał dostawać. A gdzieby Magnusa i potomstwa jego nie stawało, tedy Królowi ją Duńskiemu samemu ofiarując i potomkom jego. A ci posłowie tak od Kniazia Moskiewskiego jako i od Cesarza do Kniazia Moskiewskiego i ten, co do Króla Duńskiego iść ma, tedy wszyscy morzem idą na Lubik. To też WMci oznajmuję, że wojsko swoje ruszył wszystko i chłopstwo swoje wygnał do Sierputowa (sic) i Kolonina (sic) nad rzeką Olka (sic) przeciwko Tatarom, który Tatarzyn w polu leży mocą wielką a fortelu swego czekając. Na ten zaś nic inszego WM. Swemu MP. pisać nie mam, jeno się w Miłościwą łaskę WM. SMP. zalecam. To też WM. oznajmuję, że Panowie Lit. otworzyli list ten, którym ja przywiózł od Hspodara Mosk. do JM. P. Koronnych, którego listu jest na pięć arkuszy, a wszystek jego sens jest ten, z czym to Haraburdę posyłał i com ja z nim mówił i to, że to pośle posła swego dla tego, jeśli Królewicz Francuski nie przyjedzie, żeby go za Pana obrano, podając Conditią przez tego posła; ten list czytali 10 Augusti i to w liście pisze, że na rok pozwala i na kilka niedziel po roku dla tego, aby posłowie zaś mieli ku posyłaniu z obu stron po wyjściu przymierza i tego dokłada, że walki z Królem Panem naszym wszczynać nie chce, ażby pierwszy do niego posły posłał.

Dat. in Wilno 11 Augusti 1573.

W. M. mego M. Pana uniżony sługa

ANDRZEJ TARANOWSKI.

(Вѣнскій Госуд. Арх. Polonica, копія).

IV.

Stephanus Dei gratia Rex Poloniae etc.

Spectabilis et Magnifice Domine.

Venerat huc ad nos nobilis Lucas Kos, cuius fidei locus ille Wandzel dictus commissus est, ad quem muniendum nos pecuniam ad quadraginta peditum, quinquaginta vero equitum milites conducendos numerari jussimus. Verum cum idem deesse illic dicat tormenta, pixides et id genus alia defensioni necessaria, tum etiam homines illos, qui vel res necessarias conducant, vel munitionem quoque collapsam restaurent, Sinceritatem tuam hortamur, curet atque omnino provideat, ut necessitatibus istius loci in omnibus sine mora subveniatur coloniqne aut ab arce illa Lemzelensi, aut unde Sinceritati tuae commodius videbitur, ad Wandzel adjun gantur, qui in eorundem militum tutela existentes, suis eos laboribus adiuvent resque necessarias in munitionem illam conducant. Cum his Sinceritatem tuam bene valere cupimus.

Datae Bigdostiae, die 22 januarii, anno Domini MDLXXVII, regni vero nostri anno primo.

V.

Stephanus Dei gratia Rex Poloniae etc.

Spectabilis et Magnifice Domine. Scimus in Livonia nonnullas esse arces, quae a possessoribus malae fidei nullo justo jure detinentur, a Germanis istis praesertim, qui eas debitis ac usuris quibusdam occuparunt et aggravarunt, ex eisque insuper hostibus nostris favent, atque ita nostras etiam arces angustis jam finibus retinent inclusas, unde saepius nostri non tantum belli, verum et quovis tempore de sua reliqua salute pertimescere coguntur. De quo sumus non minimum solliciti, hoc nimirum tempore, cum nihil tam periculosum videatur, quam animorum dissensio, aut verius perfidia ipsa, quae jam vulgare quoddam apud istos dicitur esse vitium. Quamobrem recte et pro officio suo fecerit Sinceritas tua, si, ubi in Livoniam venerit, eas rationes et eos modos perquirat, quibus suspectae fidei praefecti ex illis arcibus amoveantur et in eorum locum eiusmodi snbstituantur homines, quales res et tempora ipsa postulant. Ad quam etiam rem occurrit et incidit occasio

benefaciendi affini Sinceritatis tuae, Generoso Samueli Zborowski, qui ut declinet aemulorum suorum invidiam caeteraque discrimina, id a nobis postulavit, ut eum possessione alicuius arcis illic occuparemus. Quod nos non minus quietis et utilitatis ipsius, quam publici boni causa praestare parati sumus; Sinceritatem igitur tuam benigne hortamur, ut aliquem illi locum, ad quem adeundi illi sit potestas, eligat et assignat. In quo quod confidimus eum egregie facturum explicare ipse studium suum, declarare industriam navareque suam virtutem ac operam et nobis et Reipublicae possit. Rem nobis Sinceritas tua gratissimam et favorem, quo in suos esse debet, valde convenientem factura. Bene valere Sinceritatem tuam cupimus.

Datae Bidgostiae die III. (3) februarii, anno Domini 1577, regni vero nostri anno primo.

VI.

Stephanus Dei gratia Rex Poloniae etc. Magnifice, sincere nobis dilecte. Exposuit nobis castellanus Trocensis, se ex literis Sinceritatis vestrae nuper ad se datis (quas nobis hic quoque exhibuit) cognovisse, Sinceritati vestrae videri e re esse Reipublicae, ut in Livoniam commissarii quamprimum mittantur, atque nos judicamus quidem operae pretium esse, ut ipsa illo se Sinceritas vestra conferat. Speramus enim per neminem effici facilius, quam per Sinceritatem vestram posse, ut controversiis modo adhibito Livonienses ad pacis studium consensumque perducantur. Quamobrem cum Sinceritas vestra scribat se ab antecessoribus nostris praefecturam equitum peditumque quinquaginta, quoties tempus resque postulabat, pro dignitate muneris administratorii tuenda habuisse, nos, quod eam Sinceritatis vestrae profectionem fructuosam fore confidimus, mandamus thesaurario nostro Magni Ducatus Lithuaniae, ut pro ducentis equitibus ac pro centum peditibus stipendium Sinc. Vestrae det. Incumbat autem Sinceritas vestra in eam curam, ut non solum Status Livoniae, sed et civitas Rigensis in verba nostra jurent. Scribitur a duce Alexandro Polubinski magnum extruere propugnaculum ad oram maritimam et ad fluvium Gaviam instituisse, quo sane cum timendum sit, ne iis, quae ultra Gaviam sunt, arcibus et civitatibus multum incommodi multumque molestiae afferatur, maxime quod facile itinera transitumque eo Rigam nostris impeditum iri feratur atque dux Polubinski se publicis nostrarum

praefecturarum colonorum operis aedificari fortalitium ibi posse existimet: et Sinceritas vestra ex nostra Reiquepublicae dignitate ipsa deliberet et statuat, atque singulis se rebus, quae offensam Reipublicae detrimentumque adhibent, in tempore opponat et obiciat. Cumque Magnus non adeo bene comitatus pervagari quandoque in Livonia dicatur, duci Alexandro permittat, omnibus modis curet, ut hic Magnus vel capiatur vel se constitutis, quae ex usu sint conditionibus, ad nostram cum iis, quas possidet, arcibus, fidem, maxime quod Moschus decessisse dicitur, conferat. Commissarios ablegaturi etiam sumus, sunt enim in Livonia usui futuri, nostrasqne alteras ob id ad castellanum Samogitiensem ea de re literas ad Sinceritatem vestram transmittimus, alteras ad castellanum Plocensem dare jubebimus, ut parati sint, ac quamprimum Sinceritatis vestrae allata ad nos sententia super ea re fuerit, iter hoc in Livoniam conficiant sine mora; omnia enim ea arbitrio judicioque Sinceritati vestrae commissa esse volumus confidimusque Sinceritatem vestram iis operam daturam, quae et securitatem illi provinciae et Reipublicae splendorem afferant. Gedanenses benignitate lenitateque nostra abutentes, in temeritate sua inconsideratissima persistere ab eo, quod cum hisce habebit, exemplo Sinceritas vestra cognoscet; qua adducti ad oppugnandam civitatem profecturos nos certo, Dei ope et auxlio implorato, constituimus communicatis primum cum senatoribus regni quibuscum poterimus consiliis iisque ut Vladislaviam conveniant, diem quindecimam martii dedimus et assignavimus, atque ei Sinceritas vestra cum interesse consilio nequeat, suam nobis mentem ea de re diligentissime explicet, cum item afferatur Magnum Moschorum ducem mortem obiisse, ad quem mittendos internuncios nostros constituimus quidem et assignavimus. Sed isti rumores si incerti sint, quæ de Livonia fœdera et sanctiones interponendæ sint, id nobis Sinceritas vestra perscribat necessse est, maxime quod nostris superioribus diebus ad Moschum datis literis, omnium nos licet provinciarum nostrarum mentionem fecissemus, ille rem omnem tamen de Livonia suppressit, atque si mortuus etiam, uti fama est, certo sit quomodo nos gerere in demortui posteritatem conveniat, consilio nobis Sinceritatis vestræ ceterorumque senatorum opus est, quod Sinceritas vestra nobis det iterum atque iterum Sinceritatem vestram hortamur cupimusque bene valere. Datum Bidgostiæ die 13 februarii, anno Domini (1577) MDLXXVII.

VII.

Stephanus Dei Gratia Rex Poloniæ etc.

Magnifice, sincere nobis dilecte.

Dederat ad nos Sinceritas his diebus literas de adventu suo in Livoniam, quem magno sumptu indigere dicit, unde vero sumptum maiorem eo, quem antea thesaurario nostro Magni Ducatus Lithuaniæ dandum commiseramus, in tanta ærarii inopia accepturi simus, non videmus. Igitur cum Sinceritas tua eo non proficiscatur, ipsa volumus nobis consilium det, quem tandem eo ablegaturi cuique hoc negotium commissuri simus, talem vero nobis ab ea commendari volumus, qui omnibus his, quæ isthuc agenda sunt, ex animi sententia respondeat, et omnia ita perficiat, ut auctoritas nostra, commodum Reipublicæ et tempora ista postulare videntur. Cum his Sinceritatem tuam valere feliciter optamus.

Datæ Varsaviæ die XXIX. Aprilis anno 1577.

VIII.

Письмо къ Ходкевичу.

Mamy tę wiadomość i wskazanie od Arcyx. Magnusa, iż z pewnych przyczyn, gdyby było dozwolenie K. J. M. i Wmć Pana listowne, tedy się tu do państw K. J. M. chce sub certis conditionibus podać i te zamki, ktore on ma, jako Hermes, Helm, Iberpol, Karkus, Heken, Ungier i Lemzel, chce wprzód K. J. Mci W. P. M. postąpić, jedno o tym dla jakiego podejrzenia póki by o tym od K. J. M. i W. P. M. pewna wiadomość była pismu swemu zwierzyć się nie chce, krom przez pewne osoby słownie. Co iż jest rzecz niemała prędko w tym prędkiej nauki przyjęty et quibus conditionibus także te zamki, gdy dojdą, jako i skąd mają być ludźmi i prowiantami opatrzone, tak, iżby najazdom, jeśli by się jakie od Moskwy działy, mogły odpierać, zwłaszcza iż i teraz jest Moskwy zgromadzonej o kilka tysięcy, ale jeszcze pewnie nie wiemy, co chcą czynić. A iżeśmy sam teraz niepotężny ku nieprzyjacielowi, tedy się staramy, jakobyśmy na kilka niedziel do dalszej nauki od K. J. Mci i W. P. M. stilstand z Magnusem, który też o tem pisze, zastanowili, ledwoby w tym potrzeba bardzo prędkiej dniem i nocą nauki od W. P. M. o czem też piszemy do K. J. M. Jeśli się zda, racz to W. P. M. rozkazać oddać do K. J. M.

Około tak szkaradnego i nikczemnego wzięcia Lemzela z inszego pisania W. P. M. wyrozumieć raczył. Z listu też tu zawartego snadnie wyrozumieć W. P. M. będzie raczył, jako się ci niektórzy, co sam przyjeżdżają, wiernie ku Wmci Panu sam zachowują i jako K. J. M. i zwierzchność swą poniżają, a insze wywyższają ku wielkiej turbaciej tej ziemie. Posyłamy też ku W. P. M. list od Xięcia Magnusa, z którego intencią jego z strony wzięcia Lemzela W. P. M. wyrozumieć raczy. Najdują się też tu takie środki za staraniem Pana Młodawskiego, iż zamek Hadzel, który jest jako na spicy ku obronie inszej ukrainy Moskiewskiej, żeby go teraz, póki śnieg nie spadnie, Pan Młodawski z piechotą snadnie dostać albo nawet spalić mógł; jedno w tym potrzeba także prędkiej nauki, ale gdy się to zaczęło, tedy by też i mocy większej potrzeba. Przytym sami siebie i służby swe powolne w Mciwą łaskę W. P. M. pilnie zalecamy. Dan z Dzierbina dnia 24 octobris A°. 1576. WMci P. M. we wszem słudzy powolni.

(Публ. библ., польск. FIV. 181).

Kasper Młodawski.
Adam Podwiński.

Письмо къ Ходкевичу.

Jaśnie wielmożny Panie Panie nam Mciwy

Jakośmy przedtym dali znać WMci o tych takich zdradliwych praktykach, ktore się sam dzieją w Inflanciech, tak i teraz W. P. M. oznajmujemy, iż już teraz tak jakośmy i w tę godzinę wedle daty listu tego pewną wiadomość wzięli i że to już do skutku przychodzi, iż za wzięciem Limzelu tedy teraz w ten przeszły czwartek już bardzo wiele i znacznej szlachty do Herczyk (sic!) Magnusa a co dzień to się już więcej do tego gotuje i więcej tych takich lekkomyślnych praktyk przybywa i tak się bardzo Magnistowie (sic!) zmocnili, że nam trudno i z zamków dla zdrad wychylać a po chwili snać i listu do W. P. M. trudno będzie przesłać, a temu się bez mocy, gdyż już tak wiele jest spraktykowanych, zabieżeć od nas nie może a tak my według przystojności naszej o tym, co pewnie wiemy,W. P. M. dajem znać i pod wiarą a przysięgą naszą, którąmeśmy są J. K. M. i W. P. M. naszemu Mciwemu Panu obowiązani, opowiadamy, jeśli J. K. M. i W. P. M. temu prędko a bardzo prędko pomocą a ludźmi zabieżeć nie raczy sam do Jnflant, tedy Jnflanty a zgoła wszystkie przepaść muszą, co gdyby się (czego Boże uchowaj) stać miało, tedy by to ku wielkiej otusze nieprzyjaciołom J. K. M.

i W. P. M. stać się musiało, zwłaszcza na tym początku panowania J. K. M. także za administratorstwa WPM żeby ta tak zacna prowincia tak nikczemnie odpaść miała. Czemu by się mogło małem, gdyby prędko, zabieżeć, póki ten lud, który już teraz w tym tygodniu z Moskwy do Pskowa idzie, tu nie przyciągnie. Bo jedno dla tych praktyk, gdyż już i niektórzy z rad inflandzkich czynią i teraz sam u Magnusa w Karkusie a to wszystko względem Magnusa chcą kończyć a że nad rzekomo pokój tusząc czynią i mamy tę wiadomość, że i to co rzekomo Magnus chciał się do J. K. M. przeciąć, jakośmy do W. P. M. wprzód pisali, tedy to tylko dla ubezpieczenia nas czyniono i czynią za nawodem tychże samych spraktykowanych, aby przedsięwzięcie swe tym snadniej a prędzej skończyć mogli, jakoż i teraz przy pisaniu tego listu przyniesiona jest ta pewna wiadomość, ze już niektóre a przednie zamki... tedy się podają teraz Magnusowi. My wedle największej możności swej ze wszech stron temu zabiegamy i obietnicami od J KM i od W. P. M. to gdzie możem hamujemy i jeszcze dokąd i jako będziem mogli, tego nie przestaniemy czynić i temu zabiegać. Ale iż zto (sic!) żadnej nie mamy a bardzo się to rospaliło, tedy temu trudno dostatecznie zabieżeć mamy, nie będzieli bardzo prędkiego ratunku od J. K. M. i od W. P. M. naszego Mciwego Pana sam do tej ziemie. Acz się już sam dobrze było postanowiło w ziemi i już byli wszyscy kontenci panowaniu J. K. M. nad sobą, jakoż i posła swego dla tego do J. K. M. posłali, ale sam przejeżdżają Birynk i z inszymi, któregośmy i list pierwej ku W. P. M. posłali, powiadają i twierdzą *tu panować cesarza* (sic), który też ma społeczność z Moskiewskim a o zwerzchności i o ratunku J. K. M. i W. P. M. mało albo prawie nic dzierżąc i za tym do tych turbacji tu przyszło, bo już wszyscy o obronie od J. K. M. i od W. P. M. prawie zwątpili niż o Młciwem ratunku i pomocy J. K. M. i W. P. M., którą my ludziom alegujemy niewątpiemy, iż nas W. P. M. powolnych sług swych i tych co za naszą perswazją tego czekają, Młciwem ratunkiem opatrzyć raczysz. Przytym sami siebie i służby swe na wszem powolne w Mciwą łaskę W. P. M. pilnie zalecamy. Dan dnia 5 Novembr. Anno Dni 1576. W. Mc P. naszego M. Pana

we wszem powolni słudzy
Adam Podwiński.
Kasper Młodawski.

(Публ. библ., польск. FIV. 182).

Изъ письма къ Ходкевичу.

A wszakże to WMci oznajumję, że z tych niezmiernych strachow a trwóg ludzkich niczego gwałtownego od nieprzyjaciela niemasz. A acz tu są prawie wszyscy, ale ja temu nie wierzę, bo to bezpiecznie wiem, że na granicy ludu niemasz, do Rewla poszli, jeno praktyk zdradliwych traktatów tajemnych, finantii (sic!) nad wiarę dziwnych tych pełno, które ludzi tutecznych serc lekkich łatwie unoszą a do tego Lemzel a teraz Treiden przyczynę dali. Magnus swoimi szelmami ma tu wielkie partes i przybywa mu ich, gdyż tu nie tylko nie czują do ratunku tej ziemie, ale i ta trocha się rozjeżdżają i rozchodzą, twierdzą że przywodu tych, co tu jeszcze mieszkają praktykantów. To u Kniazia Wielkiego Magnus zjednał, aby ten lud od Rewla tu obrócon był, o tym teraz tu największy słuch i strach między ludźmi... Dan na Rumborku d. 22 Stycznia Anno 1577.

Adam Podwiński.

(Публ. библ. FIV. 181).

Изъ письма къ Ходкевичу.

...A ty godziny, gdym ten list do Wmci pisał, przyszli do mnie dwa knechci z Ruina i pisanie przyniesli, iż Kniaź Wielki koniecznie Magnusa pojąć rozkazał, jakoż z Karkusa chciał do Iberpola jechać, ale mu w drodze Moskwa zastąpiła i mało nie pojmali, by go było nie przestrzeżono i tam snać z tych dzierżaw jego bliżej Perkela Moskwa wszystkie chłopy mu odjęli i do Perkela i indzie robić przymusili. On się tu około po Hermesie, Hełmie włóczy, a widzę, że tej rzeczy będzie wnet koniec, Panie Boże daj, byle z dobrym...

Dan na Rumborku dnia 14 maja Roku 1577.

Adam Podwiński.

(Публ. библ., польск. FIV. 181).

IX.

Stephanus Dei gratia Rex Poloniæ etc. Magnifice, sincere nobis dilecte.

Quemadmodum multoties antea, ita et nunc Livoniam provinciam maximo periculo esse expositam, ex literis et nuncio Sinceritatis vestræ ad nos misso intelleximus. Etsi autem eum immanem

hostem Moschum propter inducias per internuncios nostros ad tempus sesquianni determinatum pacta servaturum confidebamus, tamen is more et astu suo solito agit, videns absentibus nobis in istis oris, occasionem rei gerendæ non incommodam existere, quos eius conatus Dominus Deus invertere dignetur. Cum autem rebellium Gedanensium obstinatione distineamur, dum non licet sine indignitate nostra regia et gravi Reipublicæ detrimento, ex cuius consensu hoc bellum a nobis susceptum est, ab instituto nostro discedere, ideo ne omni praesidio haec provincia nostra Livonia a nobis destituta esse putetur, cuius nos conservaudæ, ut reliquorum dominiorum, maximam rationem habemus, quando nulla alia nobis remedia nunc suppetunt, ad illustrem senatum et reliquos status Magni Ducatus Lithuaniæ, cum antea ad particulares, ita nunc ad maiorem conventum Volcoviescensem congregatos scripsimus, ut vel expeditione communi, uti Torunii in comitiis nomine illorum assensum est, Livoniæ provinciæ nostræ periclitanti, Tartarorum item et Dantiscanorum insolentiæ succurrant, vel exemplo regnicolarum, cuius Reipublicæ medietas sunt, et ex æquo cuncta onera ferre tenentur, contributionem sanciant, ex qua miles conduci possit. Qua de re prolixe omnibus ordinibus Volcoviscum nunc congregatis, ubi et Sinceritatem vestram adfuturam omnino speramus, mentem nostram aperuimus ibique et Sinceritas vestra, pro suo erga nos studio et amore in Rempublicam, ea in medium conferet et auctoritate sua, qua pollet, efficiet, quod quam maxime ex usu prægnantis necessitatis est futurum. De expeditione etiam Sinceritatis vestræ, uti inter nos et Sinceritatem vestram antea convenit, ad Generosum Laurentium Woyna, thesaurarium terrestrem, scripsimus, unde nostram voluntatem, prout ratio nunc temporis fert, cognoscere Sinceritas vestra velit, quam diu ac feliciter a Domino Deo valere optamus. Datæ ex castris nostris ad Gedanum die 29 junii anno Domini 1577.

X.

Quod Sinceritas vestra per literas suas apud nos queritur sparsos esse de Sinceritate vestra eiusmodi rumores, quasi ipsa in præteritis Regni comitiis Torunensibus nobis persuaderet literas Divi Sigismundi Augusti, antecessoris nostri, quibus bona Sawlensia Magnifico Radzivilo, curiæ nostræ, Magni Ducatus Lithuaniæ mareschalco contulit, in subscriptione manus falsificatas et vitiatas esse, et ad nos castellanum Podlachiæ adduxisse, qui eam sub-

scriptionem a se confictam profiteretur, tum præterea quasi nos Magni Ducatus imperio potiri plene non possemus, nisi oppressa et deleta Illustri familia Radzivillorum, proindeque privilegia huic familiæ, ab antecessore nostro data, a nobis esse cassanda, Sinceritatem vero tuam, invitis etiam reliquis omnibus Lithuanis, effecturam, ut teloneum nobis in Lithuania pendatur. Primum quidem eiusmodi rumorum vanitatem miramur et quovis risu dignam esse existimamus. Deinde libenter id illi verissimum damus testimonium, nos ea a Sinceritate vestra nunquam audivisse neque fuisse ex nostra et ipsius dignitate, cum nobiscum de iis conferet. Id teloneum vero quod attinet, meminisse Sinceritatem vestram existimamus, illud ex consilio senatorum Magni Ducatus Lithuaniæ, qui apud nos Kniszini erant, constitutum esse. Quamobrem contemnendi sunt ii, qui vani et præsertim falsi sparguntur rumores, quibus hac corrupta ætate vix quisquam etiam innocentissimus carere potest. Bene valere Sinceritatem vestram cupimus. Datum in castris ad Glovam die XXIIII mensis Augusti, anno Domini MDLXXVII, Regni vero nostri anno secundo.

XI.

Stephano Regi Joan. Chodkiewicz.

Serenissime Rex et Domine Domine clementissime. Præmissa servitiorum meorum humillima commendatione Bazilius Sokolinski, præfectus cohortis peditum, qui in stationem Duneburgensem destinatus erat, postquam arx ab hoste capta esset, recta ad me tanquam suum campiductorem iter instituerat, ut suorum factorum, quomodo se in arce gesserit, redderet rationem, existimans me adhuc penes S. Majestatem Vestram Regiam in castris esse omnemque spem collocarat, me præsente S. Majestati Vestræ Regiæ justas se allaturum rationes, quibus et fidelis subditi, et militis honesti (quamvis in tam infelici casu) functum esse officio edoceret. Quem ego cum omni ea actione ad Majestatem Regiam humillime transmitto, fretus ea spe M. Regiam Vestram pro innata sua prudentia et militaris artis scientia, omnia et singula ita accepturam esse, quæ et dignitati Majestatis Vestræ et arti militari innatæque prudentiæ erunt consona iudicioque suo regali altius singula perspecturum esse, quæ ad dignitatem suam regiam, artis militaris conservationem, æquitatis pium usum spectare et merito pertinere videbuntur. Quod reliquum est, Deus Opt. Max. Sacram ac

Serenissam Regiam M. Vestram sanam et incolumem quam diutissime conservare dignetur, ex intimo animo opto. Datum Bungarda die 2 Septembris anno Domini 1577.

XII.

Illustris ac magnifice, sincere nobis dilecte. Accepimus hisce diebus literas ab illustribus et magnificis senatoribus nostris in Rakiszki congregatis, atque iam in procinctu adversus hostem Moschum Dunam obviam euntibus, arcem Kokenhausen esse proditione hosti traditam. Quodsi ita sine ulla vi manifesta arces ultro deficient, facile hostis de universa triumphabit Livonia, maius autem in dies hoc modo ob vicinitatem Lithuaniæ imminere periculum videmus. Etsi autem ex senatus consulto constitutum est a nobis oratores nostros ad principem Moschorum conficiendarum induciarum causa mittendos esse, qui iam in procinctu sunt, tamen iam post occupatas tot arces firmissimas in Livonia non videmus, qua ratione non sine extremo discrimine M. D. Lithuaniæ ea pax ab hoste ambigenda sit. Nam principio castra ea, quæ nunc occupavit, alioquin satis et natura loci et ædificiis munita, si tempus illi fortificandi concedatur, ut est hostis in construendis munitionibus solers, multo labore et sumptu vix expugnabiles efficeret. Deinde etiamsi pactæ forent induciæ, tamen his expiratis exercitum in tot arcibus dispositum numerosum atque expeditum habens, intra aliquot dierum spatium occasione se offerente, ipsam Lithuaniæ metropolim Vilnam invaderet, et antequam subveniri posset, extrema clade eam affecturus esset. Si etiam ex parte Magni Ducatus Lithuaniæ pax constitueretur, Livonia exclusa, quam id bona conscientia gereret, socios et membra Reipublicæ a defensione communi excludere ac perpetuo servitutis iugo mancipare immanitatique truculenti hostis obicere: haud dubie ubi primum ita se expositos et derelictos agnosceret, eos non lauros, sed de opportuno aliquo remedio cogitaturos esse manifestum est, cum et hac præsenti legatione ad nos missa Deum et hominum fidem implorent violatique iurisiurandi noxam Regno et Magno Ducatui imputent. Quodsi Lithuaniæ partibus in fœdus receptis, de sola Livonia nobis cum eo hoste res gerenda supererit, certe in oppugnandis illis arcibus tam numerosis et natura atque arte munitis, magnas impensas, longam moram, multo ære et sanguine, parvo vero lucro Reipublicæ victoriam parandam ostendunt: nostro

vero iudicio oleum et operam perderemus, cum ipsi de particulis istis, nobis vero de re tota totisque viribus res gerenda sit, ubi plurima incommoda itineris, difficultas commeatus, et alia nos remorarentur, et omnem rei bene gerendæ occasionem nobis eriperent, extenuatis viribus, aut hosti praeda, aut amissae provinciae perpetua servitus cum maximo dedecore restare viderentur, cum alia ex parte magnae commoditates, et summa rei bene gerendae facultas ex finibus Lithuaniae Polockum, aut Smolenscum versus, nobis non vanam spem praebeant. Ibi enim et socia arma Tartarorum, et commeatus, et munitionum lignearum, ac earum paucarum nobis superanda congeries. Quare consultius fore censemus, si adhuc destinatus is levis nuncius, qui moram nunciorum nostrorum magnorum in hanc eius cxcursionem referat, et aliquot mensium inducias impetret, mittatur, quo tandem maiores nuncii venire possint et debeant. *Quodsi vero maioribus legatis iam ire necessarium esse iudicabunt, nos quidem non rcluctamur, sed aut futurorum comitiorum deliberationem... priusquam in iis decretum fuerit, an adversus eum hostem comparatis firmis viribus certandum nobis sit, necne, integrum esse minime putamus.* Si enim pax ex parte Magni Ducatus Lithuaniae transigeretur, statim omnis constituendae defensionis mutuae regni et Magni Ducatus Lithuaniæ ratio impediretur, neque pace constituta ordines regni ad mutuae defensionis tractationem adduci possent, et haec momentanea securitas extremum (quod Deus avertat) casum istis dominiis nostris facile adferre posset. Verum cum in re nota melius consilium depromitur, et quanto ipsi periculo viciniores istis, tanto haec deliberatio vobis magis necessaria est et cognita esse debet. Nos quidem si nuncius levior praemittendus erit, literas, cum quibus mittendus est, confici curavimus, quas ad Sinceritatem vestram transmittimus totumque id in arbitrium Sinceritatum vestrarum ponimus, atque antea ad oratores nostros scripsimus, ut ex auctoritate et arbitrio Sinceritatum vestrarum, in obeunda ista legatione omnia faciant. Satis erit praemonuisse et exposuisse nos sententiam in eo negotio nostram, quanto zelo tam Reipublicae salutis, quam dignitatis nostrae existimationisque vestrae clarissimae conservandae studuerimus, Sinceritati vestrae, et reliquis constitisse, quam diu optatis successibus frui ex animo cupimus. Datae ex castris nostris ad Gedanum, die 10 septembris, anno Domini 1577.

XIII.

Spectabilis et magnifice, sincere nobis dilecte. Intelleximus Sinc. Vestram de dandis iis stipendiis, quae illi ad mille ducentos equites in conventu Volcovisciensi assignata fuerant, dubitare idque eam ob causam, quod in diversas sententias animos nobilium trahi videat, scribitque Sinc. Vestra se malle, ut quomodo id fiat, ab aliis, quam ab ea intelligamus. Cuperemus sane, ut ex Sinc. Vestra planius eam rem cognosceremus: nam quae istae sint diversae sententiae, vel quorsum tendant, et a quibus proficiscantur, aut quomodo iis occurendum sit, nisi a Sinc. Vestris, qui primatum in patria nostra obtinetis, mature intellexerimus, non facile, quamvis vellemus, iis malis mederi poterimus. Scribat itaque Sinc. Vestra pro officio et more suo aperte et libere, ut ad rem bene declaratam responsum quoque simile habeat. Quod vero ea stipendia attinet, quae Sinc. Vestra ad ducentos equites, centum vero pedites a nobis habet, etsi jam pridem postulantibus id Sinc. Vestris omnes proventus nostros ex earum sententia et arbitrio thesaurario nostro dispensandos commiserimus, nec dubitamus eum jam omnia rite absoluturum; tamen acceptis Sinc. Vestrae literis, cum id ei non supervacaneum videatur a nobis petere literas denuo nostras, ad eum in eodem negotio prioribus mandatis nostris non dissimiles dari jussimus, simulque eum nunc quoque admonuimus, ut arces istas duas Bauskum et Selburgum, quas Sinc. Vestra diligentius esse muniendas suadet, habita intelligentia cum duce Curlandiae, quam optime potest, omnibus rebus muniat et instruat. Sinc. Vestrarum erit prudentiae Magni Ducatus istius Lituaniae pericula considerare de rationeque tuendorum finium, donec majora auxilia decernentur, bene consulere et, quod omnium maximum est, mutuam concordiam alere: difficillima enim sunt foris bella, ubi intus fuerint dissidia. Speramus igitur Sinc. Vestras et concordes et diligentes in omnibus futuras, cum nemo sit, qui velit pristinam beneque partam gloriam postrema denigrare negligentia. De capitaneatu Vinnicensi Sinc. Vestram et voluntati nostrae et aequitati morem gerere gratum habemus, sed absentibus tunc a nobis tam ipso Strusio, quam etiam castellano Gedanensi, ubi rationes eorum intellexerimus, per alium tabellarium Sinc. Vestrae responsum dabimus. Quam bene valere cupimus. Datae Mariemburgi, die X. mensis octobris, anno Domini MDLXXVII, regni vero nostri anno secundo.

XIV.

Studium et voluntatem Sinc. Tuae in defendenda Livonia atque adeo ipsa Lithuania gratam habemus, illud vero etiam laudamus, quod Sinc. Tua ea, quae potuit, arcibus ultra Dunam praesidia misit. Hortati sumus diligenter et ceteros senatores Magni Ducatus Lithuaniae, omnem adhibeant curam, ut arces istae quam primum et quam optime muniantur, tum etiam si opus fuerit, Curlandiam ipsosque Lithuaniae fines defendere sint parati. In quo, etiamsi fortasse non opus sit, Sinc. quoque Vestram non hortari non possumus, vel una cum ceteris senatoribus omnem moveant lapidem, quo confinia illa tuta sint, saltem hactenus, donec de vindicanda clade Livoniae tantaque Reipublicae jactura certa in conventu futuro ineatur ratio certiorque aliquis, quam hactenus fuit, defensionis constituatur modus; valde enim credimus, ut si Sinceritates Vestrae in tractandis istorum regnorum explicandisque negotiis idem atque unum omnes respiciant, magna dignitatis et commodorum incrementa publice atque privatim rebus vestris accessura. Quod si ne nunc quidem tot tantisque vicinis malis movebuntur diligentiusque rem agant, verendum, ne ii ipsi, dum cunctabundi incedent, ad id necessitate compellantur, quod postea factum recedere in maximum universae Christianae Reipublicae damnum atque dedecus facile possit. Eam ob rem diligentius ad omnes senatores non semel scripsimus multisque precibus contendimus ab his, ut arcibus istis, hoc praesertim tempore, dum ad conventum venient, bene provideant; quodsi in tempore, uti confidimus, fecerint, ipsis imprimis erit utile, quorum res agitur et quibus maxime inhiat hostis; deinde dabitur melior postea occasio veteris etiam hostis in vos injurias ulciscendi. Deinde quod Sinc. Vestra nobis de Mosci exercitu scribit, magna cum voluptate legimus, quem cum post tot eius apparatus, in ipsoque exordio et initio belli contra nos moti, ita viribus exhaustum esse audiamus, spem concipimus, eum deinceps multo minori potentia rem posse agere: nec dubitamus subditos quoque iniusta imperia domini sui vix ferre, dummodo Deus et Respublica nos aliquo digno exercitu adiuverit, credimus eum validis integrisque oppositis viribus ad vos postea aggrediendos non amplius reversurum. Quod vero Sinc. Vestra orat et obtestatur, ut si non Livoniae, Lithuaniae saltem consilio et auxilio adesse velimus, probamus in eo quoque Sinc.

Vestrae erga patriam studium atque amorem. Nos profecto cupimus ex animo omnes partes dominiorum nostrorum salvas et integras esse, et pro vestra dignitate tuenda regnoque defendendo omnes nostras opes, sanguinem etiam nostrum, si expediat, sumus libenter profusuri. Sed eiusmodi auxilia non tam a nostris viribus, quam magis ab universa Republica expectanda sunt. De his vero omnibus, quae defensionem spectant, nil nisi ex conventu generali commode statui posse, ipsa Sinc. Vestra bene novit. Ad conventum autem agendum, cum ordo legibus Regni praescriptus observandus sit, non putamus nos prius perventuros, quam circa dies festos Natalis Christi; vix enim adhuc ad eas literas, quas ad cognoscendas senatorum sententias de loco et tempore misimus, responsa redierunt. Deinde alteris literis consiliarii et reliqui ordines ad conventus particulares vocandi sunt. Tum tandem conventuros multaque locuturos speramus; sed iis peragendis rebusque tractandis tempus aliquod nobis, etiam maxime nolentibus, extrahi necesse erit. Interim vero ne quid ab hoste majoris incommodi Respublica accipiat, maximopere Sinc. Vestris cavendum esset. Ceterum quod Sinc. Vestra a nobis perquirit, ut quid ei faciendum sit, scire possit, an scilicet ad conventum generalem veniendum, an vero perturbatis his rebus Livoniae succurrendum sit, nos ita existimamus, si hos mille ducentos equites in conventu Volcovisciensi assignatos habuerit, facturam pro officio suo, quandoquidem ipsa primariam administrationem rerum Livonicarum sustinet, ut illis adsit et praesit; sin minus, nec ullas vires idoneas habeat, quibus hosti ire obviam possit, non videmus, cur illic inaniter tempus terat, imo ad nos veniat communique consilio, dum auxilio non poterit, Rempublicam iuvet. Unum hoc Sinc. Vestra sciat, si ad priora maxima atque plurima in Rempublicam officia hoc adiunxerit, ut ei hoc multo difficillimo tempore opem atque auxilium, quibus viribus melius atque celerius potest ferat, et ipsam Sinc. Vestram obstrictam maxime et devinctam iri, et Sinc. Vestram ex eo fructus uberrimos atque pulcherrimos esse capturam hominumque laudem et nomen sempiternum. Quam bene valere cupimus.

Datae Mariemburgi XVI mensis Octobris, anno Domini M. D. LXXVII.

XV.

Magnifici, sincere nobis dilecti.

Quae nobis Dominationes Vestrae proxime de periculis Lithuaniae scribunt imminentibus, intelleximus. Consulunt autem nobis D. Vestrae ea, quae solet fide et petunt, ut ad Magnum hunc nostrum Ducatum Lithuaniae quanto citius veniamns et prius, quam hostis consilium dominia nostra invadendi firmaverit potentiamque et immanitatem suam denuo exercere inceperit. Scribunt praeterea Sinceritates Vestrae aerarium Magni Ducatus Lithuaniae tot tantisque oneribus non sufficere, nec universam belli molem sustinere posse. Deinde innatum nationis suae in dominos amorem suamque fidem, studium et operam nobis offerunt. Imprimis itaque agimus gratias Sinc. Vestris, quod eam propensionem voluntatis et fidei suae erga nos et universam Rempublicam testantur. Praeterea haec Sinc. Vestrarnm consilia gratissima habemus, tum quia ad salutem regnorum nostrornm pertineant, tum vero quia iis nihil utilius, aut rebus nostris magis accommodatum esse ipsi quoque videmus complectimurque ea et sequemur libenter. Sed quod Sinc. Vestrae nos ea causa onus belli in thesaurum M. D. Lithuaniae transtulisse putant, ut non etiam omnes, quae penes nos sunt, facultates nostras libenter in Lithuaniae defensionem conferamus, id volumus, ut Sinc. Vestrae non ita existiment; nam si vitam quoque ipsam, qua nihil est unquam charius, eo conferre ponereque, si ita res tulerit, pro vobis propositum habeamus, multo minus sane dubitandum alicui erit, opes aut aliquas facultates nos unquam esse recusaturos. Sed ob eam rem hoc a nobis, id ipsum etiam suadentibus, Sinc. Vestris factum eisdemque negotium datum fuit, ut ad nostrum saltem adventum, nempe omnes nostri quoque illius thesauri proventus ad retinendos potius et remorandos hostiles conatus hactenus convertantur, donec communi totius Reipublicae consensu, maiori aliqua vi et potentia iis malis obviam iri possit. Et ne mora in mittendis ad nos literis trahantur, ideo nihil opus esse saepius ea de re ad nos referre, cum omnia arbitrio et consilio Sinc. Vestrarum permiserimus (scripseramus etiam quod ipsi, quamvis maxime velimus, isthuc hactenus nos conferre non potuerimus) id Sinc. Vestras ipsas per se considerare reputamus; res enim per se patent, tantas eiusque modi difficultates istius regni fuisse, ut nisi pacatis iis provinciis, sine dedecore et magno totius

Rei publicae detrimento hinc discedere nobis non fuerit tutum. Finem igitur istius belli inviti expectabamus nec videbamus; verum cum Dei beneficio iam tandem pertaesi suorum malorum Dantiscani ultro pacem petunt eamque bonis conditionibus ita exoptant, ut propediem iam negotium hoc totum transactum iri non dubitemus. Etsi mora ista tam Lithuaniae, quam etiam ipsius Livoniae causa molestissima nobis fuerit, tamen cum ob multas gravissimasque causas et pericula, quae inde quoque oriri ac Reipublicae imminere videbantur, suscepta fuerit, ferenda certe tolerandaque a nobis, ut res et tempora postulabant, fuit. Jam vero iis ad finem suum deductis, quamprimum conventum generalem, cuius quoque tempus instat, Deo iuvante, agemus, qui non aliam magis ob causam est a nobis indictus, quam ut ea, quae prudenter monent Sinc. Vestrae omni studio et cura effici, nec solum aliqua auxilia, sed certa perpetuaque defensio tam Lithuaniae, quam afflictae quoque Livoniae decerni possit, in quo Rempublicam sibi ipsi non defuturam certo speramus. Ceterum si hostis iterum quoque moliri aliquid voluerit, nos certe, etiamsi conventus in aliud tempus reiciendus foret, omnem operam navabimus, ut eius insolentiae obviam eamus nostraque Deo duce defendamus. Quod si conventus is agi absolvique poterit, tum sane sine omni mora adventum nostrum in Lithuaniam maturabimus et ea, quae ad commoda incrementumque ac salutem illius ducatus pertinere videbuntur, una cum Sinc. Vestris Deo dante diligenter curabimus. Nunc vero non parvam militum equitum et peditum manum, quae nobiscum ad Gedanum fuit, et supplementum, quod ex Ungaria, Germania et Polonia ducebatur, omnemque apparatum bellicum per terras Prussiae et Lithuaniae pro defensione expediemus, immo expedimus iam et praemittimus. Tormenta iam bellica, ut Sinc. Vestrae suadent, ex arce nostra Tikociniensi tradi Vilnamque duci iussimus: imo hic quoque Mariemburgi officinam fusoriam, tormentoriam instituimus, quae iam propediem parabitur, unde sufficiens machinarum bellicarum copia haberi poterit. Ita omnia haec, quibus maxime rebus ad pacandum tuendumque regnum et propulsandum ac propellendum hostem sit opus, a nobis semper curari Sinc. Vestrae sciant. Speramus autem, imo Deo adiuvante confidimus nec Sinc. Vestras, nec quem alium, officum studiumque nostrum a nobis, quod quidem in nobis sit, iure desideraturos esse, nec dubitamus, quod Sinc. Vestrae insistent huic, qua nunc quidem pergunt, viae addentque sibi ipsis quasi stimu-

lum ad ea, quae faciunt, etiam ulterius et constantius usque quaque persequenda, nec de servanda tuendaque patria cogitandi, aut eam, uti temporum ratio postulat, iuvandi curam intermittent, cum vel servati huius ducatus gloria, vel, quod Deus prohibeat, perditi nota in eos, ut primarios et praecipuos viros, sit procul dubio redundatura. Sinc. Vestras valere optamus feliciter. Datum Marienburgii die XXIV mensis novembris, anno Domini 1577, regni nostri anno secundo.

XVI.

Magnifice, sincere nobis dilecte.

Uti excusationes Sinceritatis Vestrae, quas hactenus ob adversam suam, uti scribit, valetudinem non libenter audiremus, ita quod Sinceritatis Vestrae et ceterorum consiliariorum hortatu, et sui ipsius officii respectu, ad defendendendam sibi commissam Livoniam militem conduxerit, non modo bonam in partem accipimus, verum etiam id factum Sinceritati tuae ita probamus, ut hoc demum constantiae esse existimemus, quod Sinceritas tua, et veteri suo erga Rempublicam studio, et nuper Volcovisco communi omnium consensu ac mutuis consiliis laudatae defensioni insistens, nulla in re officio munerique sibi commisso deesset, si per adversam valetudinem charam habeamus. Hortamur curet valetudinem suam, quam quidem cum recuperaverit, reiectis omnibus impedimentis, si ita necesse fuerit, in Livoniam eat neque occasiones rei bene gerendae negligi patiatur, aut si tam urgens necessitas ibi non fuerit, huc ad comitia communicandorum consiliorum causa veniat. Quod vero Sinceritas Vestra parvum sibi numerum militum in Volcovisco assignatum esse scribat, cum nos cum ex animo aliquo modo augeri cuperemus, eousque istius rei responsum distuleramus, ut re deliberata communicataque cum ceteris senatoribus, ratio augendi militis inveniri constituique possit. Sed cum eam communem esse omnium ordinum deliberationem videremus, ad conventum praesentem differre coacti sumus, illa vero, quae in Volcovisco constituta fuerunt, miramur, cur Sinceritati Vestrae non dentur, et quod nostri est officii, uti quidem antea quoque fecimus, illius contributionis dispensatores literis nostris hortamur, ut ea, quae constituta sunt, faciant sine ulla tergiversatione aut mora. Quid vero nobis ultra in hoc negotio faciendum sit, cum illam constitutionem Volcoviescensem postulatu Sinceritatum Vestrarum in omnibus inviolatam servare consenserimus, non videmus

neque illa ipsa pecunia, quae ex bonis nostris ad nos spectabat, in usum aliquem nostrum, sed ad hanc eandem finium defensionem, uti voluimus, quod quidem Sinceritatem quoque Vestram non latere scimus. Ceterum quod Sinceritas Vestra ad nos scribit esse aliquos, qui contra eius dignitatem aliquid moliantur, dolemus vehementer eas dissensiones et differentias malevolorum, ut putamus, hominum figmentis crescere et augeri, nunc praesertim cum ista Respublica M. Ducatus Lithuaniae sit in tantis fluctibus et discriminibus constituta, cui si mutua esset Sinceritatum Vestrarum concordia, multo melius in omnibus consuli et provideri possit: verum enim est illud, quod concordia res parvae crescunt, discordia vero maximae dilabuntur. Caperemus certe nocumentum hoc Reipublicae aliqua removere ratione, et Sinceritatum Vestrarum animos mutuo inter se conciliare, dummodo Sinceritas Vestra in eo modum et rationem, qua id commodius a nobis praestari velit, ipsa declaraverit. Nam quod nos ipsi Sinceritatis Vestrae secuti consilium, collato magnifico palatino Vilnensi imperii bellici munere, aliquid rursus vel contra ipsius officium, vel contra iura ipsa et antiquas consuetudines statuamus, id quam nobis conveniat et quantum inde difficultatum accedere possit, ipsa Sinceritas Vestra facile considerare potest. Cum his Sinceritatem Vestram bene valere cupimus. Datae Varsaviae XIII mensis Januarii, anno Domini MDLXXVIII, Regni vero nostri anno secundo.

XVII.

Magnifice, sincere nobis dilecte. Venit huc ad nos generosus Albertus Stabrowski, notarius campestris Livoniae, literasque fidei habendae a Magnificentia Vestra obtulit illisque oblatis, quo in statu essent res Livoniae, ac omnia negotia, et necessitates illius, et qualis ad praesens defensio illi ex sententia Magnificentiae Vestrae fieri debeat, nobis retulit ac significavit, quae omnia abunde ex eo cognovimus, et apprime (?) nobis necessaria visa sunt. Cum vero in comitiis praesentibus de eo iam potissimum consultari coeptum sit, ut rationes demum certae ineantur, per quas Respublica ex omnibus partibus ab externo hoste tuta ac tranquilla sit imprimisque Livoniae defensio constituatur, itaque quae in comitiis ex consilio ordinum ad opem ferendam illi provinciae defensionemque eiusdem decreta et sancita fuerint, de eo Magnificentia Vestra quamprimum certior fiet. Eam autem deliberationem prope-

diem conclusam iri confidimus dabimusque sedulam operam, ut illi provinciae mature succurri atque optime prospectum esse possit. Cum his Magnificentiam vestram bene ac feliciter quam diutissime valere cupimus.

Datum Varsoviae die 10 mensis Februarii, anno Domini M. D. LXXVIII.

XVIII.

Illustris, magnifice, sincere nobis dilecte. Intelleximus ex literis Magnificentiae Vestrae, propter Reipublicae plurima negotia Vestram Magnificentiam, si per valetudinem licuisset, huc ad nos venire voluisse, ac quemadmodum Vestram Magnificentiam ea infirmiore uti moleste ferimus, ita ut quamprimum convalescat a Domino Deo optamus. Quoniam vero una cum literis palatinos Moschi, ducem Rostroviensem et Ivanum Kwasnim, ac etiam illos, qui sub Ascarato intercepti fuerant, captivos accepimus, agnoscimus profecto, tum quod sit Vestrae Magnificentiae in praestandis nobis ac Reipublicae officiis studium, tum quis in repetenda nostro imperio deinceps Vendensi arce subicienda labor ac diligentia, quae virtute eorum, qui regimini Vestrae Magnificentiae subsunt, iterum ex hostili manu est extorta, quo quidem nomine eidem summas gratias habemus ac eam operam gratitudine nostra semper prosequi volumus; insuper et optamus, ut Vestra Magnificentia nihil ex ea cura et diligentia aliquid sibi remittendum censeat, verum una cum Magnifico capitaneo Grodnensi, quem in locum suum suffectum illuc expediendum voluit, in eam rem incumbat, ut nihil desit, quod ad tuendam administrandamque eam Livonensem provinciam pertinuerit. Non dubitamus vero nos certum modum inituros, quo et ista provincia ab hoste defendi, et certa spes illius securitatis concipi poterit. Cum his Vestram Magnificentiam diutissime valere cupimus.

Datum Varsoviae 25 Februarii, anno salutis 1578.

XIX.

Illutris ac magnifice, sincere nobis dilecte. Intelleximus ex liberis Magnificentiae Vestrae arcem Vendam ab hoste Moscho, temeraria quadam cupiditate depopulandae illius provinciae incenso, obsidione cinctam esse, et quae deinceps pericula inde subsecutura sunt. Etsi multotiens a Vestra Magnificentia admoneremur, et nos ipsi praevideamus, temere quoniam sperabamus aliquam

nos illius defendendae provinciae in istis comitiis rationem inituros, hactenus nos id non potuisse assequi, etsi tempus diversis extraheretur consultationibus, moleste ferimus. Antequam vero aliquid investigetur, optaremus, ut Vestra Magnificentia in eam rem totis viribus incumbendum sibi statuat, ne et hostis insolentius intumescere, et pessimi propositi sui compos fieri possit. Dabit itaque Vestra Magnificentia omnem operam, ut, quotquot sint milites, coniunctis viribus arci illi Vendensi opem et auxilium ferant, prout etiam ad Magnificum pocillatorem Magni Ducatus Lithuaniae scripsimus, ut numerum omnem militum, quemcumque secum habeat, ad subsidia arci subministranda, una cum his militibus, qui nondum sub Illustri et Magnifico palatino Vilnensi sua emeruerunt stipendia, cum vicario suo in Livoniam quamprimum mittat. Speramus quoque Magnificum capitaneum Grodnensem illuc iam appulisse, quem ibi nunc non inopportune posse versari, si in unum cum copiis Magnifici pocillatoris coierit, certo persuasum habemus: quibus quidem omnibus in Livonia copiis et vicario Magnifici pocillatoris, in absentia Magnificentiae Vestrae, Magnificum capitaneum Grodnensem praeficimus. Non difidimus autem Vestram Magnificentiam pro sua animi magnitudine et in nos ac Rempublicam prompta voluntate ac studio officium suum ea in re minime desiderari passuram. Quam etiam diutissime bene ac feliciter valere cupimus. Datum Varsaviae, die 9 martii, anno Domini M. D. LXXVIII.

(№№ IV—VII, IX—XIX письма Баторія къ Ходкевичу, изъ библ. музея кн. Чарторыйскихъ въ Краковѣ).

XX.

Stephani Poloniae Regis literae, quibus res a se in bello Moschico post captum Vielico Lukum gestas et Consilia rerum deinceps gerendarum explicat et Comitia Warsuiensia indicit.

Item De Legatione Turcici et Tartarici Imp. mense Novembri Vilnae audita. Et alia lectu non iniucunda. Anno 1581.

Stephanus, Dei gratia, Rex Poloniae, Magnus Dux Lithuaniae, Russiae, Prussiae, Mazoviae, Samogithiae et Princeps Transylvaniae,

Magnifice, sincere nobis dilecte. Quae antehac expeditione ista gesta sunt, sinceritatem vestram ex literis superioribus nostris accepisse non dubitamus. Postea Lucensi munitione ad aliquam firmitatem perducta et iam exacta rerum gerendarum tempestate, extremis Septembris diebus, nos in Lithuaniam ex hostico referre

constituimus. Cum vero diutius duceretur arcis Nevelae obsidio, rei maturandae causa eo magnificum Iohannem Samoyscium regni nostri cancellarium cum copiis suis subsidio praemisimus. Quod a nobis profecto commodum accidit, ut postridie nunciaretur arcem Neuelam conflato ab milite Ungarico incendio perterritisque eo discrimine praesidiariis nostram in potestatem pervenisse, quo nos liberiori animo in reditum nostrum incubuimus. Tenuit nos tamen inprimis ea solicitudo, quod ut Toropecia ab uno, sic Zavolocia ab altero latere Wielikoluco immineret, quam recepto maiori praesidio nobis ex iis locis profectis et Luco ipsi periculo esse et nostros, dum aut Lukum cum commeatu se conferunt, aut inde ad arces nostras vicinas commeant, infestos habere posse advertebamus. Quamvis autem et loci naturam, quae arcem circumfuso undique praealto latoque lacu, in insula brevi tantum et arduo relicto ab ripa ad muros intervallo, extantem bene munitam effecerat, et autumnalium tempestatum iniuriam plurimum nobis adversari, et ancipitem oppugnationem efficere posse intelligebamus, tamen perspecta militum nostrorum perseverantia atque alacritate consulendum vel cum discrimine potius utilitati publicæ rerumque partarum securitati, quam difficultati cedendum esse iudicavimus, cum potissimum occupatam Zavolociam magnas nobis fluminum aliarumque rerum opportunitatis aperturam esse perspiceremus. Quapropter revocato ex cursu Nevelam regni nostri cancelario cum cum iustis copiis ex inita iam via Zavolociam deflectere iussimus. Nos paucis diebus post Lucensi munitione cura nostra instaurata praesidioque nostro imposito via Nevelensi, quod ea prae caeteris itineribus, quibus ingressi Moschoviam fueramus, expeditior visa esset, Lithuaniam versus nos retulimus. Ac dum ad Nevelam castra habemus, Iezuriszciam arcem in vicino sitam ac captis a nobis arcibus undique circumventam tentandam esse putavimus. Cumque illustrem Nicolaum Radzivilium palatinum Vilnensem, Magni Ducatus Lithuaniæ generalem capitaneum, eo misissemus, praesidiarii incolumitatem ac reditum ad suos pacti arcem nobis tradiderunt. Zavolocia etiam posteaquam non sine dimicatione et fuso utrinque sanguine diligentius in magna loci ac temporis iniquitate egregia militum nostrorum animositate et perseverantia oppugnata esset, praesidium deiectum arxque nostræ potestatis facta est. Quibus locis omnibus iusto militum numero a nobis imposito et excursionibus primum versus Perochuum, tum Opaciam factis, cum nusqnam ullæ hostium

copiae se nostris offerrent, descriptis exercitui hibernis in Lithuaniam nos retulimus, quo paucis post diebus exercitus ille, qui Zavolociam oppugnaverat, nos secutus est. Haec postremo hac exepeditione a nobis gestra sunt, sub quod ipsum tempus dum ad Nevelam subsistimus, et nuncius noster, quem Moschoviticorum oratorum rogatu ad Magnum Moschoviae Ducem Luco miseramus, et Moschus, qui cum eo ab oratoribus profectus fuerat, ad nos revertuntur, ipsique oratores ex mandatis, quae a principe suo acceperant, nobis exponunt. Magnum suum Ducem nobis in Livoniam Kokonhausio et Ascherado et Creisburgo et aliis paucis quibusdam et desertis arcibus ita decedere, ut nos vicissim Lukum, Wielicium, Nevelam quasque alias hoc anno caperemus (oppugnabatur enim tunc temporis Zavolocia) restituamus. His ille conditionibus pacem a nobis exposcit. Nos vero cum omnia deliberatione complectimur, tria se nobis ostendunt, ut plura in hanc causam venire non posse videantur: nimirum, ut aut certi temporis inducias cum hoste suscipiamus, aut perpetuae pacis foedera feriamus, aut si conditiones aequiores ac nobis reique publicae honestiores quaerimus, bello diutius contendamus. Induciae illae hosti semper opportunissimae sunt, qui maxime belli detrimentis fractus respirandi ac vires ad renovandum postea bellum instaurandi spatium requirit, paratiori minus semper commodae sunt, finem certe belli, quem maturrimum invenire expedit, remorantur. Etsi vero satis nostras belli diutius gerendi difficultates perspicimus, tamen quoties cum iis hostis nostri angustias et detrimenta conferimus ac vastitudinem hostilium ditionum, quam, non tantum eius ipsius copias, facere necesse est, verum etiam, quae nostris expeditionibus atque excursionibus nostrorum militum allata est, reputamus, provincias arcesque ademptas, profligatas concisasque copias, aut captos aut interfectos belli duces, amissam tormentorum et reliqui bellici apparatus ingentem copiam consideramus, nos quidem laborare, illum vero longe gravius premi et a continuandi belli viribus plurimum destitui intelligimus, qua de causa utiliores hosti, quam nobis, induciae futurae essent, quibus ille sui confirmandi et arces suas solertius muniendi altaque circumspiciendi, quae adhuc sibi desiisse perspexit, spatium nactus, difficiliorem nobis in posterum belli gestionem efficeret ac interea etiam dum induciarum conciliandarum causa nuncii ultro citroque mitterentur, miles nihilominus summo cum sumptu alendus esset. Perpetuae vero pacis quae istis conditionibus aut utilis aut honesta nobis Reique

publicae conventio esse possit, plane non perspicimus, in qua plus ad victum, quam victorem rediturum, melior victi, quam victoris conditio futura esset. Quid enim rationis aut aequitatis habet nos ex erepta Livonia Kokenhausium, cum paucis infirmis ac vacuis arcibus iisque mediterraneis, recipere? At hostem et reliqua longe plura portuosa ac firmiora Livoniae loca, in qua iuris communitatem Regnum cum Magno Ducatu Lithuaniae obtinet, retinere et sua pariter, quae a nobis difficillimis expeditionibus, maximis belli sumptibus, sanguine militum nostrorum quaesita sunt, omnia recuperare? At quem hostem? qui si in Livonia sedem, si munitiones, si portus ullos retineat, nunquam non opibus suis, quae domi amisit, belli instrumenta, opifices, exercitus etiam ipsos foris parare et recipere possit, cumque libido et perfidia pacis rumpendae incesserit, aliquo Reipub. casu aut impeditione iterum ferro ac flamma grassetur. Bello autem diutius continuando quae impedimenta obsistant, videmus et contribuendi gravitatem intelligimus, qua et ipsum Poloniae Regnum et eo magis Lithuania affligitur, quae et paria contribuendi onera perfert, et viritim militat, et incommoda e copiis militaribus, dum aut ultro citroque commeant, aut stativa habent, non mediocria accipit. Quae etsi gravia sunt, faciendum videtur, quod veteri in proverbio est, ut minima de malis curandumque ut parvi potius temporis onera nunc etiam subeantur, quae perpetua ac certa deinde tranquillitas utilitasque comitetur, quam ut brevi intermissione incommodorum facta, mox eadem rursus incurrenda ac impeditae forte aliis rebus locisque reipub. cum hoste isto de salute dimicandum sit. Neque vero diuturna amplius ista incommoda, haec opis conferendae gravitas futura videtur, hoste tot cladibus ac detrimentis debilitato, cuius nos rationes atque hac in re consilia non fugiunt. Scimus qua se in tantis incommodis magna pusillaminitate, ista imbecillitate virium, opinione et spe sustentet atque ab aequioribus conditionibus pacis adhuc abducat, destituros nos ab incepto confidit. Ac quamvis falso persuasum, tamen a transfugis et exploratoribus habet superiorem Reipub. contributionem ita sitam esse, ut nisi illa bellum expediretur, ad aliam ordines descensuri non essent, quod quidem ex ipsius Magni Ducis secretario Dementino, qui nostra in potestate est, intelligimus, a quo etiam posteaquam adhibita tergiversanti tormenta essent, illud affirmatum, Castellani duo Vilnensis et Gnesnensis ad nos retulere: si tertio in Moschoviam arma transferamus, Magnum Ducem non universa tantum Livonia, verum

etiam aliis locis nobis cessurum esse. Haec igitur deliberationum genera cum iam antea praevidissemus, et ad talium difficultatum explicationem ordinum omnium consideratione opus esse sciremus, mature ex XXII die Septemb. pro more maiorum ad regni nostri maiores consiliarios literas nostras dedimus, quibus eorum sententias de comitiis habendis eorumque tum loco, tum die exquisivimus ac cognitis tam eorum, qui iam responderunt, quam qui nobis ex Regni et Magni Ducatus Lithuaniae consiliariis adsunt, super ea re sententiis, hoc tempore generalem omnium Reipub. ordinum conventum ad vigesimam secundam Ianuarii diem indicimus, qui Varschoviae habeatnr. Quae quidem ad comitia legatos hostis perduci curabimus, ut publice intelligatur, ad quas pacis conditiones descendant et ex eo quid in Remp. sit, quid ad Regni Magnique Ducatus Lithuaniae utilitatem, famam, decus maxime expediat, constitui possit. In quo quidem constituendo ante omnia celeritate opus est. Nequicquam enim belli diuturni administratio decerneretur, si id tardius fieret. Nam cum expeditionum nostrarum in Moschoviam tanta sit longinquitas, quanto aut hoc aut superiore tempore christianum principem bellum gessisse neminem arbitramur, ut taceamus itinera aut densissimis silvis, aut alia locorum iniquitate impeditissima, fieri necesse est, si qua mora accedat, quod hoc anno evenit, ut copiae nonnullae ex remotioribus ditionibus nostris nobis iam in hostico rem gerentibus ad Usviatum aliae, aliae ad ipsam demum arcem Lucum, ad exercitum pervenerint, equis partim enectis, partim macie affectissimis, quibus belli munia recte obiri non possunt, quod quidem ipsum anno futuro magis accideret, quo iam bellum penitius et longius in hostiles ditiones transferendum esset. Accedit et illud, quod cum praesidia copiaeque nostrae, quae in captis hostilibus ditionibus ac finitimis locis relinquimus, cum aliis incommodis, tum potissimum ista morborum lue, quae totum prope terrarum orbem pervagata est, non mediocriter infestentur eoque hostis etsi eodem incommodo sui non possunt non teneri, e vicino tamen facilius copiis contractis in nostros excurrere posset, nobis quamprimum in Lithuaniam ea de causa iterum properandum esset. Neque enim si de graviore aliqua hostis molitione quocunque in loco aut tempore nobis nunciaretur, praetermittere pro nostro officio atque studio in milites nostros possemus, quin missis rebus omnibus nulla cum mora subsidio laborantibus excurreremus. Quocirca ut ne consultationibus nostris necessarium rebus gerendis tempus eximatur, aut

aliqua necessitate deliberationes summae de Repub. abrumpantur, constitutum nobis est ceterarum omnium rerum consultationes in aliud commodius tempus differre ac istis comitiis de hac tantum una causa referri ac tractari, quae ad belli pacisque rationes cum hoste Moscho pertinebit. Neque vero ideo facimus, quod nobis his comitiis minis laborandum arbitremur, quae ad domi stabiliendam Remp. legesque spectent, quam quae foris belli causa requirantur, sed cum temporis angustia plurium Reipub. negotiorum deliberationes excludat, affecta, cum uno tempore omnia peragi non possent, ceteris antehabenda iudicemus. Ac ceterarum quidem rerum causa simul ac nos hunc belli cursum peregerimus, non gravatim, si ita consiliariis nostris visum fuerit, comitia peculiaria indicemus efficiemusque, ut constet nobis omnes Reip. partes singulari curae fuisse. Ad belli vero consilia id etiam plurimum pertinere cognovimus, ut opera detur, quo subsidia, quae publico ordinum scitu decernantur, ab omnibus aequaliter et mature praestentur. Qua in re hoc anno et eorum, qui conferre debuerant, et qui collata administrant, summa tarditas admissa est. Nam et ab ordinibus terrarum nostrarum Prussiae ea, quae nobis se contributuros promiserant, pluribus et tardioribus pensionibus divisa fuere et quidem nec ipsis pensionum temporibus soluta, et ad nos perlata, summa nostra cum molestia, cum nos promissis earum terrarum freti, rationes nostras bellicas ad ea tanquam explorata accommodassemus, frustrati vero in non mediocrem actionum nostrarum bellicarum perturbationem inciderimus ac nisi militum nostrorum perseverantia et angustiarum prompta perpessio istorum moram superasset, gravior perfecto rerum perturbatio ex eo consequi potuisset, quae ne deinceps consequatur, etiam atque etiam providendum est. Hac igitur de causa comitia habere constituimus, et pro more etiam conventum terris nostris Prussiae generalem Mariaeburgi ad quintum diem mensis Januarii indicimus, ad quem nuncium nostrum missuri sumus, particularem vero in palatinatu Mariaeburgensi Stumae ad vigesimam nonam Decemb. diem, qui generalem praecedet. Qua de re Sinc. Vestram hortamur, ut ad generalia Regni comitia accedat ac primum quidem conventibus Prussiae tam particulari, quam generali intersit, in quibus pro senatorio suo officio operam diligentem navet, quo omnium voluntates ad recta utiliaque consilia praesentesque Reip. necessitates adiungantur et quos nuncios comitiorum causa designari oportet, ii quam optimi viri studiosissimi Reipub., cives prudentissimi

moderatissimique homines deligantur liberaque potestate cum ceteris decernendi de propositis rebus afficiantur nec quid sit, quod res, quae ad summam negotii Reipub. pertinebunt et imprimis commodae videbuntur, retardare possit. Haec S. Vestram scire voluimus, quam bene valere optamus. Datum Grodnae 5 mensis Decemb. Anno Domini 1580, Regni vero nostri anno quinto.

De Legatis Turcicis et Tartaricis Vilnae a Stephano Poloniae rege auditis.

Die XIII Novembris Vilnæ fui, ea potissimum de causa, ut quae de Armeniis oratio tua splendidissima habet, recte expiscarer. Eadem die legatos Turcicos et Tartaricos in palatio regis vidi. Summam legationis, quatenus ex interprete intelligere potui, tuae excellentiae breviter significabo. Turcicus primum gratulabatur principi Stephano victoriam ab hoste reportatam, postea dicebat Imperatorem suum a Bascha Budensi intellexisse Romanorum Caesarem Noribergae cum electoribus deliberare, quomodo per occasionem Turcis bellum inferre possit. Cupere igitur Turcam, ut Poloniae rex eiusmodi consilia impediat. Tertio militem exauctoratum (Cosacos vocant et Dravos) cohibendum esse affirmabat, ita quidem, ne quid Moldaviae et Vualachiae Palatini detrimenti accipiant. Tandem epistolam sui Imperatoris regi in manum tradebat et summa cum festinatione retrogressus quid responsi acciperet, expectabat. Huic breviter respondens Lithuaniae cancellarius Vallia scius, dicebat regem Poloniae Turcarum Caesari per literas ad singula postulata responsurum. Vestem scutulatam et duodecim comites habebat legatus. Omnes fere putant explorandi gratia huc missum fuisse barbarum.

Post hunc Scythicus admittebatur, qui dicebat suum Principem (Czar illi appellant) a Moscho ad bellum contra Polonos sollicitari. Si vero regi propositum sit tertia vice cum Moschis bello decertare, malle Tartaros Polonorum quam Moschorum castra sequi. Cum haec dixisset, humerum suum sinistrum dextrae scapulae regis subiiciebat. Signum videlicet hoc est servitutis et obsequii. Postea ocreas, arcus, sagittas et pharetram deauratam donabat Regi, item duos gradarios equos mirae pulchritudinis. Veste Tartarus bombycina indutus erat. Hunc ad comitia Vuarsoviensia Rex venire iussit. Moschorum internuncius, licet obnixe hoc cuperet, auditus tamen non est, sed ad eandem conventionem reiectus. Sed peregrina hactenus. Armenii tantum ad XII. Vilnae habitant. Ii neque sacerdotem neque fanum hoc tempore habent, sed partim

Rossorum, partim Jesuitarum templa frequentant. Ego ex senibus quatuor, qui una erant in domo per interpretem exacte quaesivi, an quid in Symbolo, quod Graecis et Latinis ecclesiis desit, adiiciant. Recitarunt vero eadem verba mihi et easdem syllabas, quas in fine orationis tuae descripsisti. Vbi nos dicimus: credo resurrectionem mortuorum, addunt illi duas voces: omnium mortuorum hominum.

De exitu comitiorum Vuarsoviensium et de Rossorum Tartarorumque ritu et religionibus paulo post ad tuam excellentiam perscribam. Rex noster ferias Natalitias Grodni celebrabit. Hoc quidem tempore venationibus in territorio Grodnensi strenue indulget, eodem exercitio occupatur Georgius Marchio Brand. Ducis Alberti defuncti filiolum etc. Vale. Caunae XV. Kal. Jan. Anno XXC.

De ingressu Regis in urbem Vilnam.

Rex Poloniae, cum iam victor ovans spoliisque animosus opimis, III. Novemb. Vilnam ingrederetur, laetissimis congratulationibus per compita et plateas acceptus est. Jesuitae quidam arcum triumphalem ex elegantissimo serico erexerant in delubro D. Johannis, carmine heroico res gestas regis per totam horam decantantes. Depicta etiam hic erat Victoria habitu virili et decoro, ense minans hastaque et ahenae luce corusca galeamque deauratam in capite gestans. Prope hanc D. Vitoldus et Vladislaus pulcerrimis coloribus depicti stabant; praeterea pueri aliquot habitu Moschico ornati et tanquam captivi producti magnanimi Regis Stephani suppliciter tristes inclamant clementiam. Poterat et te gravem et excellentem virum eiusmodi exercitium delectare.

Ex literis, 18 Octobris Regiomonte Borussiae datis.

Regem Poloni nacti sunt virtute, sapientia, eruditione, magnitudine animi et artibus belli praestantem, iustitiae amantem, caedibus, libidinibus et aliis flagitiis infensissimum. Is cum hostem petiturus Vilnam veniret, proditorem ex Lithuanicis magnatibus quendam deprehensum, iudicio Lithuanicorum et Polonicorum Senatorum damnatum, capitis poena affecit. Vilna egressus in hostem, mirabilem Dei praesentiam et tutelam expertus est. Nam cum in Lithuanici cuiusdam principis villa pernoctaturus esset, et is Regi exitium pulvere bombardico struxisset eumque una cum aedibus perdere cogitasset, fraudem nidor pulveris detexit et Regem praesenti periculo liberavit, et proditori meritas poenas attulit. Caetera quae consequuta sunt, malo te ex Regis, quam meis cognoscere.

Unum addo de clade quorundam Polonorum. Cum victoriam

Regis praefectus Orsensis audisset, collecta suorum manu ad 2500 Schmolenciam usque excurrit. Hostes arbitrantes integrum regium esset exercitum, non ausi sunt contra prodire. Interim Poloni missa a Moschorum Principe auxilia adoriuntur, fundunt et praeda magna potiti Orsam repetunt. Verum Moschi ex captivo cognita nostrorum paucitate insequuntur, et nihil tale timentes opprimunt, ita ut de toto exercitu vix 500 cum ducibus fuga Orsam elapsi sint.

Перепечатано съ весьма рѣдкаго изданія, хранящагося въ библ. Главнаго Штаба, съ пропускомъ письма Баторія (Stephani Poloniae Regis Literae ad ordines Regni Polonici etc.) къ чинамъ польскаго государства отъ 7-го сентября 1580 г. (послѣднее напечатано въ Ioan. Pistorii Polonicae Historiae Corpus III. 126—128 подъ заг.л. «Edictum de supplicationibus a Serenissimo Poloniae Rege Stephano Vuielicoluco ex Moschovia missum. Die 5 Mensis Septembris Anno Domini 1580»).

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Стран.		*Напечатано:*	*Надо:*
12	примѣч. [1])	Ausriàcae	Austriacae
13	строка 5 св.	отравили	отправили
—	примѣч. [3])	de dziejów	do dziejów
17	строка 14 св.	Воронопай	Воропай
24	примѣч. [1])	Бикентій	Викентій
29	строка 12 сн.	Бостановъ	Бастановъ
39	примѣч. [3])	Hegdensztejn	Hejdensztejn
40	строка 9 св.	на Волынь и Подолію	на Волынь и Подолію [1])
69	строка 14 св.	могъ не быть доволенъ	не могъ быть доволенъ
73	примѣч. [4])	Pgwiński	Pawiński
77	строка 5 св.	обычныя поминки	обычные поминки
—	строка 16 св.	получаемыя поминки	получаемые поминки
81	примѣч. [1])	стр. 425	стр. 424—425
88	строка 1 св.	дипломатическій	дипломатическіе
103	строка 2 сн.	раздѣйствіи	бездѣйствіи
110	строка 4 сн.	сдатся	сдаться
111	строка 12 св.	боросились	бросились
121	строка 21 св.	прислать	прислать пословъ
134	примѣч. [3])	совершавшаго	совершившаго
139	строка 15 св.	измѣстить	извѣстить
144	въ примѣч. [1])	къ стр. 143 слѣдуетъ пропустить слово никогда (3-я строка снизу).	
161	примѣч. [1])	Доброѣдово	Боброѣдово
167	примѣч. [3])	Іоаннѣ	Іоаннъ
168	строка 5 св.	именя	имени
—	строка 15 св.	литовской	литовскій
—	строка 4 сн.	посовѣтававшись	посовѣтовавшись
169	строка 15 св.	Раздивилъ	Радзивиллъ
172	строка 5 св.	Фирлеѣ	Фирлею
179	примѣч. [3])	atigatis	fatigatis
185	примѣч. [2])	Венгерами	Венграми
199	въ заглавіи	VII	VI
200	примѣч. [1])	приложеніе	приложеніе № XX
215	строка 9 св.	объ имени	о здоровьи
228	надо исправить примѣчанія такъ: первое устранить, второе обозначить первымъ и т. п.		
—	строка 11 св.	брацлавскій воевода [2])	брацлавскій воевода
229	строка 11 сн.	они стали	воевода сталъ
231	примѣч. [3])	Гейденштейнъ	Гейденштейново
241	надо исправить нумерацію примѣчаній такъ: примѣч. 1 причислить къ предшествующему, 2-ое обозначить первымъ и т. п.		
241	примѣч. [5]) т. е. [4])	Plescorae	Plescoviae
250	строка 3 сн.	Спытка Іордана	Спытко Іорданъ